

ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ – 2021

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
АРКТИКИ: ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ
В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ
И ФИЛОСОФИИ

Арктический и антарктический научно-исследовательский институт

Музейно-выставочный центр технического и технологического освоения Арктики
(Арктический музейно-выставочный центр)

Филиал Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге –
«Ледокол "Красин"»

Arctic and Antarctic Research Institute

Museum and Exhibition Center for Technical and Technological Development of the Arctic
(Arctic Museum and Exhibition Center)

Krassin Icebreaker Museum – the Branch of the World Ocean Museum in Saint Petersburg

Arctic and Antarctic Research Institute

Museum and Exhibition Center for Technical and Technological Development of the Arctic
(Arctic Museum and Exhibition Center)

Krassin Icebreaker Museum – the Branch of the World Ocean Museum in Saint Petersburg

THE NINTH RESEARCH
AND PRACTICAL CONFERENCE
«**POLAR READINGS –
2021**»

**ART EXPLORATION OF THE ARCTIC:
POLAR REGIONS IN CULTURE,
ART AND PHILOSOPHY**

The materials of the Ninth International Research
and Practical Conference, Saint Petersburg,
18–21 May 2021

SUPPORTED BY SOVCOMFLOT

SCF
Sovcomflot

Moscow, 2022

Арктический и антарктический научно-исследовательский институт
Музейно-выставочный центр технического и технологического освоения Арктики
(Арктический музейно-выставочный центр)
Филиал Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол “Красин”»

ДЕВЯТАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ –
2021»

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
АРКТИКИ: ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ
В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ
И ФИЛОСОФИИ

Материалы Девятой международной научно-практической
конференции, Санкт-Петербург,
18–21 мая 2021 г.

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПАО «СОВКОМФЛОТ»

Москва, 2022

Managing Editor:

P. Filin, Ph. D. in Ethnology and Anthropology

Special Editor:

M. Emelina, Ph. D. in History

Editorial Committee:

P. Boyarsky, Doctor of Sciences, Ph. D. in Physics and Mathematics

V. Boyarsky, Ph. D. in Physics and Mathematics

A. Golovnev, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sciences

V. Shumkin, Ph. D. in Archaeology

F. Romanenko, Ph. D. in Geography

M. Emelina, Ph. D. in History

M. Savinov, Ph. D. in History

P. Filin, Ph. D. in Ethnology and Anthropology

Library of Sovcomflot

Polar Readings – 2021. Art exploration of the Arctic: Polar regions in culture, art and philosophy : The materials of the Ninth International Research and Practical Conference (Saint Petersburg, 18–21 May 2021). Moscow : Paulsen Publishers, 2022. p. , ill.

ISBN 978-5-98797-332-5

This issue contains the materials of the “Polar Readings – 2021” conducted jointly by the Arctic Museum and Exhibition Center and the “Arctic and Antarctic Research Institute” – the State Research Center of the Russian Federation, with participation of the *Krassin* Icebreaker Museum – the branch of the World Ocean Museum in Saint Petersburg. “Polar Readings – 2021” was devoted to the issues of artistic and philosophical understanding of the Arctic and Antarctic, identifying and forming the meanings that characterize and shape our understanding of the Polar regions.

ISBN 978-5-98797-332-5

© The team of authors, 2022
© Arctic Museum and Exhibition Centre, 2022
© Museum of the World Ocean, 2022
© “Paulsen”, layout, 2022

УДК 910.4(98)

ББК 71.41(2)

Ответственный редактор:

Филин П.А., к. и. н.

Редактор выпуска:

Емелина М.А., к. и. н.

Редакционная коллегия:

Боярский П.В., д. и. н., к. физ.-мат. н.

Боярский В.И., к. физ.-мат. н.

Головнёв А.В., член-корреспондент РАН, д. и. н.

Шумкин В.Я., к. и. н.

Романенко Ф.А., к. г. н.

Емелина М.А., к. и. н.

Савинов М.А., к. и. н.

Филин П.А., к. и. н.

Библиотека «Совкомфлота»

Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). Москва : Паулсен, 2022. – с., ил. .

ISBN 978-5-98797-332-5

В сборнике представлены материалы конференции «Полярные чтения – 2021», проведённой совместно Арктическим музейно-выставочным центром и ГНЦ РФ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт» при участии Филиала Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол “Красин”». Конференция была посвящена вопросам художественного и философского осмысления Арктики и Антарктики, выявлению и образованию смыслов, которые характеризуют и оформляют наше представление о полярных регионах.

ISBN 978-5-98797-332-5

© Коллектив авторов, 2022
© Арктический музейно-выставочный центр, 2022
© Музей Мирового океана, 2022
© «Паулсен», макет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Резолюция Девятой научно-практической конференции с международным участием «Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии». Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г. 14

ОБРАЗ АРКТИКИ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА

Шумкин В.Я.

Монументальное наскальное творчество древнего населения
Российского Заполярья 19

Гусев С.В.

Художественные образы Арктики (по материалам раскопок преэскимосских,
древне- и неозскимосских памятников археологии) 41

Едовин А.Г.

Новоземельский лабиринт в кругу подобных памятников
Европейского Севера. Атрибуция и интерпретация. 48

Ежова Н.М.

Гиперборея на Кольском полуострове. Монетизация мифов: хорошо или плохо? . . . 57

ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ: ДИНАМИКА ОБРАЗОВ И СМЫСЛОВ

Битюцкая А.А.

Арктическая символика в русской философии Серебряного века 73

Вртанесян Г.С.

Арктические особенности двух мифологических евразийских сюжетов 78

Звягин С.А.

Маринистика как художественное освоение Арктики 92

Емелина М.А.

Экспедиция ледокола «Красин» 1928 г. в советской пропаганде
конца 1920-х – начала 1930-х гг. 97

Ерёмина-Соленикова Е.В.

Образы Арктики и Антарктики в шотландских контрдансах 124

Прямыцын В.Н., Бей Е.В.

Празднование 50-летнего юбилея создания Северного флота –
яркое событие в культурной жизни Советской Арктики 134

Тимофеева А.Е.

Пространство моря на Русском Севере. 145

CONTENTS

The resolution of the Ninth Research and Practical Conference with the international participation “Polar Readings – 2021. Art exploration of the Arctic: Polar regions in culture, art and philosophy”. Saint Petersburg, 18–21 May 2021. 14

THE IMAGE OF THE ARCTIC IN THE CULTURE OF THE PEOPLES OF THE NORTH

V. Shumkin

Monumental rock art (creativity) of the ancient population the Russian Arctic 19

S. Gusev

Artistic images of the Arctic (based on the materials of excavations of pre-Eskimo, ancient and neo-Eskimo archaeological sites) 41

A. Edovin

Novozemelsky labyrinth in the circle of similar monuments of the European North. Attribution and interpretation. 48

N. Yezhova

Hyperborea on the Kola Peninsula. Monetization of myths: good or bad? 57

POLAR REGIONS: DYNAMICS OF IMAGES AND MEANINGS

A. Bityutskaya

Arctic Symbolism in the Russian Philosophy of the Silver Age 73

G. Vrtanesyan

Arctic features of two mythological Eurasian plots. 78

S. Zvyagin

Marine painting as an artistic mastering of the Arctic. 92

M. Emelina

The expedition of the icebreaker *Krassin* in 1928 in the Soviet propaganda of the late 1920s–early 1930s. 97

E. Eremina-Solenikova

Arctic and Antarctic images in Scotch Country Dances. 124

V. Pryamitsyn, E. Bey

The celebration of 50-year anniversary of creation of the Northern Fleet – a bright event in cultural life of the Soviet Arctic. 134

A. Timofeeva

The sea space in the Russian North. 145

ОБРАЗ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ В ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ПОЛЯРНИКОВ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Барзенин А.В., Широнова А.П.

Ледовый капитан Иван Ануфриев о плавании в арктических морях
(по материалам из фондов Северного морского музея) 151

Бровина А.А., Егорова С.Л.

Арктика в дневниках микробиолога Б.Л. Исаченко –
участника ледовых походов 1930, 1933 гг. 162

Емелина М.А.

«До чего он мало начитан касательно полярных путешествий»:
В.Ю. Визе и советский культ Г.Я. Седова. 173

Ильин Г.С.

Исследование Хибинского горного массива в дневниках участников
экспедиций под руководством академика А.Е. Ферсмана 189

Макарова Е.И.

Хибины – сказочная страна моего детства. Хибинская эпопея 1930-х гг.
в воспоминаниях Е.Б. Халезовой 199

Парыгина Д.В.

Образ Арктики и Антарктики в дневниках и воспоминаниях полярных
исследователей (по материалам фонда Президентской библиотеки) 213

Третьякова С.Н.

Новоземельская экспедиция 1909 г. по запискам фотографа А.А. Быкова 227

Шпак Г.В.

Нарративные стратегии первопроходцев северных морей. От Р. Торна
до М.В. Ломоносова 243

Шубница Е.И.

Образ «Арктического Урала» – Северного Припечорья – в материалах
научных экспедиций XIX в. 254

Заметки корреспондента газеты «Калининградская правда»

В.Т. Гузеева из 3-й Советской антарктической экспедиции
1957–1958 гг. / Публикация А.С. Гузеева 271

АРКТИКА И АНТАРКТИКА В ПУТЕВОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бойко С.С.

Остров Вайгач 1930-х гг. в повести Ольги Рожнёвой «Память сердца» 285

Дунаева С.А.

Отражение истории последней экспедиции В. Русанова, его идей
в романе В. Каверина «Два капитана» 294

THE IMAGE OF THE ARCTIC AND ANTARCTIC IN THE DIARIES AND MEMOIRS OF POLAR EXPLORERS, EXPLORERS, AND TRAVELERS

A. Barzenin, A. Shironova

Ice Captain Ivan Anoufriev about sailing in the Arctic seas (based on the materials from archives of the Northern Maritime Museum) 151

A. Brovina, S. Egorova

The Arctic in the diaries of the microbiologist B.L. Isachenko – participant of ice campaigns in 1930, 1933 162

M. Emelina

“How little he has read about Polar travel”: V.Yu. Wiese and the Soviet Cult of G.Ya. Sedov. 173

G. Ilyin

Exploration of the Khibiny Mountains in the diaries of expedition participants led by Academician A.E. Fersman 189

E. Makarova

Khibiny – a fabulous country of my childhood. The Khibiny Epic of the 1930s in the memoirs of E.B. Khalezova. 199

D. Parygina

The Image of the Arctic and Antarctic in the Diaries and Memoirs of Polar Explorers (based on the materials of the Presidential Library Foundation) 213

S. Tretyakova

Novaya Zemlya Expedition (1909) by Photographer A.A. Bykov’s Notes 227

G. Shpak

Narrative strategies of the Northern Seas pioneers.
From R. Thorn to M.V. Lomonosov 243

E. Shubnitsina

Image of the “Arctic Urals” – the Northern Pripechorye – in the materials of scientific expeditions of the XIX century 254

Newspaper paragraphs from the 3rd Soviet Antarctic Expedition 1957–1958 by *Kaliningradskaya Pravda’s* correspondent V.T. Guzeev / Publication by A. Guzeev 271

ARCTIC AND ANTARCTIC IN TRAVEL AND FICTION

S. Boyko

Vaigach Island of the 1930s in the novel of Olga Rozhneva «The Memory of the Heart» . . . 285

S. Dunaeva

Reflection of the history of the last expedition of V. Rusanov, his ideas in the novel “Two Captains” by V.A. Kaverin. 294

Егорова Е.Н. «Полярный исследователь» И.А. Бродского: о человеческом в человеке	309
Косоурова Н.Р. «Лицо Арктики»: Новая Земля, Земля Франца-Иосифа и Северная Земля в прозе И.С. Соколова-Микитова.	316
Костренкова А.В., Негматов А.С. Сенсорная география Арктики по мотивам романа В.А. Каверина «Два капитана». Из опыта использования в работе с детьми, имеющими статус ОВЗ, сенсорной книги	324
Плахтиенко О.П. Образы снега и льда в современном скандинавском романе	335
Романенко Ф.А. Советские писатели в Арктике	348
Упоров И.В. Умирающая Воркута в живительных стихах воркутинцев разных поколений	364
Фесенко Э.Я. Арктика в русской прозе XX в.	378
Филин П.А. Образ Арктики в советской фантастике	385
АРКТИКА И АНТАРКТИКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	
Аксёнова С.В. Искусство А.А. Борисова глазами современников и следующих поколений	405
Головнин П.А. Исследователь Арктики – художник Александр Борисов.	420
Орлова О.В. Образ Арктики в творчестве художников Республики Коми	442
Репневский А.В. Илья Константинович Ты́ко Вь́лка: исследователь Арктики, самобытный художник и «Президент Новой Земли» (1886–1960)	457
Свешникова Э.В. Образы тундры и коренного населения Русской Арктики в фотографическом наследии живописца Д.К. Свешникова на материалах личного архива художника	469
ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ: АРХИТЕКТУРА И ДИЗАЙН	
Колпаков Ф.Н. К образу города Воркуты в исторической урбанистике	477

E. Egorova	
«Polar Explorer» Joseph Brodsky: about human in a person	309
N. Kosourova	
“The face of Arctic”: Novaya Zemlya, Franz Josef Land and Severnaya Zemlya in Ivan Sokolov-Mikitov’s works	316
A. Kostrenkova, A. Negmatov	
Sensory geography of the Arctic based on the novel by V.A. Kaverin “Two Captains”. From the experience of using a sensory book in work with children with disabilities	324
O. Plahtienko	
Images of Snow and Ice in Contemporary Scandinavian Novel.	335
F. Romanenko	
Soviet writers in the Arctic.	348
I. Uporov	
Dying Vorkuta in life-giving verses Vorkuta residents of different generations	364
E. Fesenko	
The Arctic in the Russian Prose of the XXth century	378
P. Filin	
The image of the Arctic in Soviet fiction	385
ARCTIC AND ANTARCTIC IN THE VISUAL ARTS	
S. Aksenova	
The art of A.A. Borisov through the eyes of contemporaries and the next generations	405
P. Golovnin	
Arctic explorer – an artist Alexander Borisov	420
O. Orlova	
The image of the Arctic in the Visual arts of the Komi Republic.	442
A. Repnevsky	
Ilya Konstantinovich Tyko Vylka: Arctic explorer, original artist and “President of Novaya Zemlya” (1886–1960)	457
E. Sveshnikova	
Images of the tundra and the indigenous population of the Russian Arctic in the photographic artistic legacy of the painter D.K. Sveshnikov basing on the artist's personal archive	469
POLAR REGIONS: ARCHITECTURE AND DESIGN	
F. Kolpakov	
To the image of the city of Vorkuta in historical urbanism	477

Неклесса Р.А.

«Полярник» имени О.Ю. Шмидта – титульный дом Главного управления
Северного морского пути. Большой сталинский стиль и покорение Севера.
Архивные открытия 485

Ржевская Е.А.

Создание современной среды обитания – первостепенный фактор освоения
Арктики и её богатств (проектные предложения академика В.Н. Ржевского) 496

Савинова В.А.

Архитектура Арктики: эстетика и факторы формирования 505

ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ КИНЕМАТОГРАФА**Кокоулин В.Г.**

Сибирь и Арктика в массовом сознании в советское время
и в постсоветской России 515

Оробинская Д.С.

Создание художественных фильмов об Арктике
как проявление культурной дипломатии холодной войны 523

Прокофьева В.Ю.

Полярный хронотоп в кино: смыслы, жанры, возможности 535

МУЗЕЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРКТИКИ И АНТАРКТИКИ**Горбачёва В.В.**

Косторезное искусство коренных арктических народов Сибири
в коллекционном собрании Российского этнографического музея. 545

Чуракова О.В.

«Произведения полярных стран» – экспонаты коллекций
Михаила Константиновича Сидорова, предназначенные для демонстрации
на художественно-промышленных выставках 1860–70-х гг. 560

Шарова Е.В.

Создание искусства как партиципативная практика:
из опыта Арктического института искусств 569

R. Neklessa

Schmidt Polar House for the Chief Directorate of the Northern Sea Route.
The Stalin's Imperial style and polar exploration. Archival research 485

E. Rzhevskaya

The creation of a modern habitat is a primary factor in the development
of the Arctic and its riches (project proposals of Academician V.N. Rzhevsky) 496

V. Savinova

Arctic Architecture: Aesthetics and Formation Factors 505

POLAR REGIONS IN THE MIRROR OF CINEMA**V. Kokoulin**

Siberia and Arctic in the mass consciousness in Soviet times
and in post-Soviet Russia 515

D. Orobinskaya

Feature arctic films making as a demonstration of Cold War Cultural Diplomacy 523

V. Prokofieva

Polar chronotope in cinema: meanings, genres, possibilities 535

MUSEUM DIMENSION OF THE ARCTIC AND ANTARCTIC**V. Corbacheva**

Bone-cutting art of the indigenous arctic peoples of Siberia in the collection
of the Russian Ethnographic Museum 545

O. Churakova

"Products of the Polar Countries" – exhibits from the collections of Mikhail
Konstantinovich Sidorov, intended for demonstration at art and industrial exhibitions
of the 1860s–1870s. 560

E. Sharova

Creating art as a participatory practice: from the experience
of the Arctic Institute of Arts 569

Резолюция Девятой научно-практической конференции с международным участием «Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии».

Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.

В ходе Девятой научно-практической конференции с международным участием «Полярные чтения – 2021» были рассмотрены различные аспекты художественного, литературного и философского осмысления полярных регионов Земли.

Организаторами Конференции выступили Музейно-выставочный центр технического и технологического освоения Арктики (Арктический музейно-выставочный центр) и ГНЦ РФ «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт». Конференция состоялась при поддержке Фонда президентских грантов, Комитета Санкт-Петербурга по делам Арктики, ПАО «Совкомфлот», ЗАО «СММ», Музея художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова, Филиала Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге – «Ледокол “Красин”», Российского государственного музея Арктики и Антарктики, Ассоциации «Морское наследие».

Конференция проходила в двух форматах – как очно, так и онлайн. «Полярные чтения – 2021» объединили профессиональных исследователей и деятелей культуры – историков, этнологов, археологов, социологов, культурологов, искусствоведов, музыковедов, журналистов, художников. Конференция имела комплексный междисциплинарный научный характер.

В «Полярных чтениях – 2021» приняли участие специалисты из России, США, Великобритании, Эстонии. Если говорить о российских участниках, то были представлены не только города Северо-Западного федерального округа – Апатиты, Архангельск, Мурманск, Петрозаводск, Псков, Санкт-Петербург, Северодвинск, Сыктывкар,

Воркута, но также Тверь, Москва и Московская область (пос. Большие Вязёмы), Воронеж, Краснодар, Екатеринбург, Нефтеюганск, Сургут, Томск, Норильск, Красноярск, Якутск, Владивосток. За три дня было заслушано 110 научных докладов и сообщений, проведены научные дискуссии. Благодаря трансляции в YouTube и отображению информации в социальных сетях «Полярные чтения – 2021» стали доступны широкой аудитории – как российской, так и международной.

В результате обсуждения вопросов, поставленных на Конференции, её участники отмечают следующее:

- Полярные регионы традиционно представляются как кладовая ресурсов, под которыми прежде всего понимаются природные, материальные ресурсы. Однако и Арктика, и Антарктика имеют огромное значение для человечества как источники эстетической, художественной и философской (когнитивной) рефлексии.

- Мы являемся свидетелями нового витка технологического освоения полярных регионов. Участники конференции считают, что это освоение не будет гармоничным без сопоставимого по масштабу философского и художественного осмысления в когнитивном пространстве.

- В условиях геополитики XXI в. полярные регионы становятся ареной соперничества и конкуренции. Для сохранения мира крайне важен поиск общих ценностей и культурно-философских концепций, которые объединяют страны и народы в Арктике и Антарктике.

- В отличие от Арктики, имеющей длительную историю философского осмысления, культурная история Антарктики сравнительно невелика. Между тем именно Антарктика в современном мире даёт уникальный и бесценный опыт мирного глобального международного сотрудничества, что, к сожалению, крайне слабо отрефлексировано в художественном и философском дискурсе.

Учитывая актуальность и значимость культурно-художественного освоения и философского осмысления полярных областей Земли, участники Конференции считают необходимым:

Рекомендовать правительствам стран – участников Договора об Антарктике разработать в рамках Договора и на систематической основе проводить в жизнь программу по культуре с целью художественной и философской рефлексии деятельности человечества в южной полярной области.

Правительству Российской Федерации в рамках председательства России в Арктическом совете рекомендовать создать рабочую группу по культурно-историческому и археологическому наследию

Заполярья, а также реализовать комплекс мероприятий, направленных на художественное осмысление Арктики.

Приветствовать проведение международных арт-фестивалей, выставок, кинофестивалей и других культурных инициатив, направленных на художественное и философское осмысление полярных регионов и поиск объединяющих народы смыслов и концептов; обратить внимание грантодателей, правительств и корпораций на необходимость поддержки данных направлений.

Предложить организациям, осуществляющим экспедиционную и хозяйственную деятельность в полярных регионах, возродить традицию участия деятелей культуры (художников, писателей, композиторов) в арктических и антарктических экспедициях с подготовкой и представлением результатов в форме выставок, концертов, издания литературных произведений и др.

Рекомендовать научным и образовательным учреждениям, связанным с исследованиями полярных регионов, обратить особое внимание на возможности, которые предоставляет арт-сайнс как метод осмысления и представления научных итогов средствами искусства. Следует учитывать, что арт-сайнс имеет большой популяризационный и образовательный потенциал, способный наглядно представить молодёжи специфику полярных регионов.

Учитывая незначительное число современных художественных фильмов, посвящённых Арктике и Антарктике, Министерству культуры Российской Федерации и кинокомпаниям обратить особое внимание на полярную тематику, поддержать выход новых художественных и документальных фильмов и сериалов.

Обратить внимание исследователей и грантодателей на важность выявления, изучения и публикации памятников художественного и литературного освоения полярных регионов – дневников, стенгазет, живописи и графики, литературных произведений, а также журналистских материалов, изданных малыми тиражами и не известных современной аудитории, и, что важно, публикаций на иностранных языках (не вышедших на русском языке), имеющих значение для осмысления событий в Арктике на различных этапах её освоения.

Рекомендовать Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики разработать и принять руководящий документ по формированию колористического облика населённых пунктов Арктической зоны Российской Федерации с учётом свето- и цветодинамических характеристик среды Заполярья.

Рекомендовать органам охраны объектов культурного наследия г. Москвы и Министерству культуры Российской Федерации в 2021 г. – год празднования 130-летнего юбилея О.Ю. Шмидта – присвоить титульному дому Главного управления Северного морского пути – «Полярник» им. О.Ю. Шмидта (Москва, ул. Садовая-Кудринская, 14-16) статус объекта культурного наследия и восстановить историческое название «Полярник» им. О.Ю. Шмидта; установить мемориальные доски о живших здесь героях-полярниках.

Просить Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив кинофотодокументов и Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга содействовать в создании интернет-ресурса, на котором будут представлены соответствующие материалы, связанные с историей освоения полярных регионов Земли.

Рекомендовать Министерству культуры Российской Федерации во взаимодействии с Российской академией наук разработать информационный портал «Археология России» с научным и популярным контентом об объектах археологического наследия, расположенных в том числе в Арктической зоне Российской Федерации (раздел «Археология Арктики»).

Одобрив работу Оргкомитета конференции и высказывая благодарность организациям, оказавшим ему поддержку, участники Конференции считают целесообразным издание трудов Девятой международной научно-практической конференции «Полярные чтения – 2021» в виде сборника «Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии».

Резолюция принята 21 мая 2021 г.

Образ Арктики в культуре
народов Севера

The image of the Arctic
in the culture of the peoples
of the North

ШУМКИН В.Я.

Монументальное наскальное творчество древнего населения Российского Заполярья¹

V. SHUMKIN

Monumental rock art (creativity) of the ancient population the Russian Arctic

Сведения об авторе:

Шумкин Владимир Яковлевич, старший научный сотрудник, руководитель неолитической группы Отдела палеолита Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН, начальник Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)
shumkinv@yandex.ru

Author:

Vladimir Yakovlevich Shumkin Head of the Neolithic group, senior researcher Paleolithic Department of the IIMK RAS, Head of the Kola Archaeological Expedition of the IIMC RAS, Candidate of Historical Sciences, (Saint Petersburg)
shumkinv@yandex.ru

Аннотация

Лапландия – историко-географическая часть Фенноскандии (заполярные районы Норвегии, Швеции, Финляндия, Мурманская область России, включая Кольский полуостров), обширный регион, который с момента появления здесь первых людей в раннем мезолите (10 тыс. лет до н. э.) и до недавнего времени демонстрировал несомненное культурно-историческое единство. Одним из ярких проявлений этого является древнее наскальное творчество, памятники которого расположены на территории севера современных территорий Норвегии, Швеции, Финляндии и Мурманской области России. В Северной Европе зафиксировано всего шесть очень крупных (более 1000 изображений) ансамблей древнего

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

наскального творчества: Алта и Винген (Норвегия), Немфоршен (Швеция), Бесов Нос, Бесовы Следки (Карелия, Россия) и Канозеро (Кольский полуостров, Россия). Причём только два из них находятся за полярным кругом: Канозеро в России и Алта в Норвегии. Реликвии монументального творчества – увлекательные, сложные и многогранные объекты исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ. Для успешной работы над этой темой необходимы в первую очередь тщательное, точное документирование изображений, определение точного возраста, сравнительные характеристики (стиль, техника выбивки/рисования, композиция, ландшафтная среда, микро-рельеф) различных мест древнего наскального творчества. В связи с развитием новых технических и естественных методов в последнее время на этом «поле» достигнуты значительные успехи. Наиболее приближена к нашим задачам объявленная Программа создания базы данных по наскальному искусству Швеции.

Важнейшей и актуальной задачей цивилизованного общества являются пропаганда сохранения древних наскальных «ансамблей» для будущих поколений и разработка методов их защиты от природных и варварских угроз. Осознание ценности и значимости для истории становления, развития человеческого творческого потенциала является мерилом достойного существования такого вида, как *Homo sapiens sapiens*.

Abstract

Lapland is a historical and geographical part of Fennoscandia (the polar regions of Norway, Sweden, and Finland, Murmansk region of Russia, including the Kola Peninsula), a vast region that, since the appearance of the first people here in the Early Mesolithic (10 thousand years BC) and until recently, has demonstrated an undoubted cultural and historical unity. One of the most striking manifestations of this is the ancient rock art, the monuments of which are located on the territory of modern Finmarken (Norway) and the Murmansk region (Russia). In northern Europe, only 6 very large (more than 1000 images) ensembles of ancient rock art have been recorded: Alta and Vingen (Norway), Nemforshen (Sweden), Besov Nos and Besov Sledki (Karelia, Russia) and Kanozero (Kola Peninsula, Russia). Moreover, only two of them are located beyond the Arctic Circle: Kanozero in Russia and Alta in Norway. The relics of monumental art are fascinating, complex, and multi-faceted objects of study. Their use as a source in historical and cultural developments, the history of art, the evolution of intelligence and cognitive psychology, religion and mythology requires thorough archaeological analysis. For successful work on this topic, it is necessary first of all to carefully, accurately document the images, determine the exact age, and compare the characteristics (style, embossing/drawing technique, composition, landscape environment, microrelief) of various sites of ancient rock art. In connection with the development of new technical and natural

methods in this “field” recently achieved significant progress. The announced Program is the closest to our tasks creation of a database on rock art in Sweden.

The most important and urgent task of a civilized society is the preservation of ancient rock “ensembles” for future generations and the promotion of their preservation, value and significance for the history of the formation, development and decent existence of such a species as *Homo sapiens sapiens*.

Ключевые слова:

Фенноскандия, Кольский полуостров, Русская Лапландия, петроглифы, писаницы, Альта, Немфоршен, Винген, Поной, Пяйва, Майка, Канозеро, ландшафт, значение, сохранность.

Keywords:

Fennoscandia, Kola Peninsula, Russian Lapland, petroglyphs, pisanitsy, Alta, Nemfor-sen, Vingen, Ponoï, Pyaiva, Maika, Kanozero, landscape, significance, preservation.

В последние годы значительно возрос интерес к прошлому – как к местной истории, так и к эволюции человечества в целом, что свидетельствует о зрелости цивилизации. В этом контексте важным является исследование генезиса духовной культуры. В конечном счёте не царство материальных объектов, окружающих человека, как бы важно это ни было, формирует личность, а сознание, его мировоззрение, способность интерпретировать мир в пределах своего видения и понимания. Многие люди знают о великолепных пещерных фресках охотников на мамонтов ледникового периода, о прекрасном, наивно-удивительном искусстве Древней Греции, торжественной готической архитектуре, шедеврах эпохи Возрождения и витиеватых творениях барокко, но они часто имеют очень слабое представление о наскальном творчестве эпохи каменного века и бронзы наших северных регионов. Среди многих причин этого – ограничения, присущие данному типу археологических памятников, и трудности его восприятия и понимания. Сказались и старые, традиционные представления о ранних этапах древней истории крайнего севера Европы, согласно которым культуры этого региона считались скорее неполноценной, пассивной и периферийной репликой (или продолжением) более «продвинутых» южных (ближневосточных, балканских, центральноевропейских) сообществ, у которых были, и то со значительным запозданием, скопированы некоторые «прогрессивные» черты, включая производящую экономику. Правда, под давлением новых археологических открытий в Арктической зоне эти устоявшиеся представления подверглись серьёзной переоценке. В немалой степени такому повороту

Рис. 1. Карта расположения мезолитических (10–6 тыс. лет назад) памятников Русской Лапландии

событий способствовало и более глубокое изучение на современном научном уровне древнего наскального творчества.

Только на первый взгляд любая из превосходных пещерных фресок Альтамыры или Ласко (Франция) легко поддаётся интерпретации: богатство её красок, выразительность и натурализм, как правило, «маскируют» от современного человека концептуальную схему, для которой она была создана и которая до сих пор остаётся в значительной степени неразгаданной. Более того, на фоне разрекламированных и по достоинству почитаемых достижений древних цивилизаций творческие поиски отдалённых регионов могут показаться бледными и недостойными внимания. Однако более вероятно, что наука и мир искусства ещё не оценили по достоинству значение древнего монументального творчества Севера, относящегося к длительному периоду исторического развития и отражающего духовные искания сотен поколений наших предков. Невнимание к изучению наскальных изображений Севера оставляет пробел, разрыв, препятствующий пониманию последующего развития творческих сил человека.

Лапландия – историко-географическая часть Фенноскандии (заполярные районы Норвегии, Швеции, Финляндии, Мурманская область России, включая Кольский полуостров), обширный регион, который

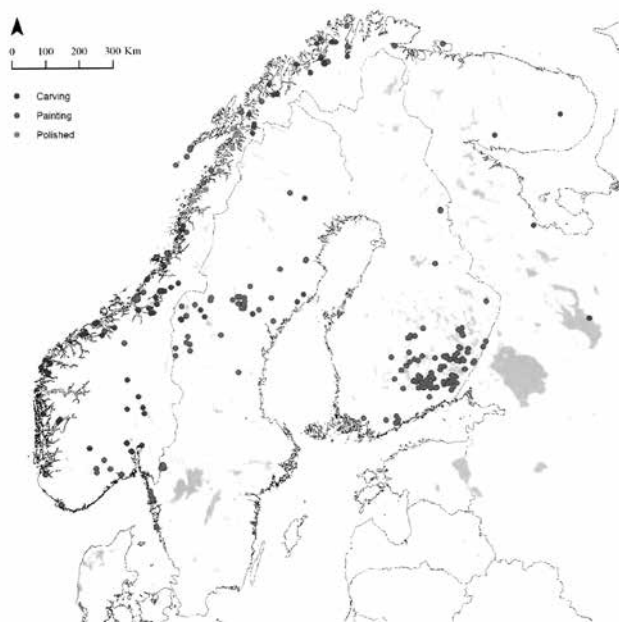

Рис. 2. Распространение объектов монументального творчества в мезолите, неолите, бронзовом веке (10–2 тыс. лет назад) Фенноскандии (обозначены точками петроглифы, прошлифованные изображения, нарисованные фигуры (писаницы))

с момента появления (рис. 1) здесь первых людей в раннем мезолите (10 тыс. лет до н. э.) и до недавнего времени демонстрировал несомненное культурно-историческое единство¹. В отличие от южных и западных районов² Фенноскандии, где древние наскальные изображения известны уже начиная с XVIII в., в Русской Лапландии такие объекты найдены сравнительно недавно (рис. 2).

Только в июле 1973 г. в центральной части региона, на р. Поной, В.Я. Шумкиным были обнаружены первые древние петроглифы. Открытие этого археологического памятника включило Мурманскую область России в зону монументального творчества охотников Северной Фенноскандии³.

¹ Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–33; Он же. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 34–59.

² Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia Archaeologica. 1990. V. VII. P. 53–67; Шумкин В.Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 34–43; Gjerde J.M. Rock art and Landscapes. Tromsø, 2010. 100 p.

³ Шумкин В.Я. Отчёт о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г.: Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40; Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia Archaeologica. 1990. V. VII. P. 53–67.

В 1985–1986 гг. им же на полуострове Рыбачий (северо-запад Мурманской области), в месте слияния рек Пяйва и Майка, были обнаружены два местонахождения рисованных наскальных изображений (писаницы). В 1997 г. в южной части Кольского полуострова, на оз. Канозеро, Юрием Ивановым был найден ещё один очень крупный петроглифический ансамбль. Поскольку знаменитые карельские петроглифы Онежского озера и Белого моря (Бесов Нос, Бесовы Следки) и чукотский Пегтымель находятся южнее полярного круга, петроглифические ансамбли Кольского полуострова являются пока единственными сохранившимися до наших дней памятниками древнего монументального творчества Российского Евразийского Заполярья. А писаницы полуострова Рыбачий вообще уникальные и единственные объекты такого типа для всего региона Российской Заполярной Евразии.

Петроглифы Чальмн-Варрэ (Čalmn-Varrè – саам.) на р. Поной «Первенец», обнаруженный в Русской Лапландии в 1973 г., – объект наскального творчества «петроглифы Чальмн-Варрэ» расположен на месте бывшей деревни Ивановки, основанной в 1917 г. коми-ижемцами, пришедшими из Большеземельской тундры на Кольский полуостров в конце XIX в.

В начале июля 1973 г. Понойский отряд Кольской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (ныне – Институт истории материальной культуры – ИИМК РАН) из пяти сотрудников (начальник отряда – старший лаборант ЛОИА В.Я. Шумкин и волонтеры, сотрудники разных учреждений Ленинграда: М. Мевш, С. Кустанович, А. Канаун и М. Зак) на трёх байдарках проводил археологическую разведку по р. Поной от деревни Краснощелье до места впадения реки в Белое море (село Поной), осуществляемую на договорных началах в связи с проектируемой ГЭС на месте слияния трёх рек Кольского полуострова¹.

Поздним вечером при хорошем освещении от полярного незаходящего солнца причалили к низкому берегу (рис. 3), где располагалась уже выселенная по требованию администрации и проектировщиков ГЭС деревня Ивановка, и через несколько минут обнаружили первые древние выбивки на большом плоском камне (рис. 4) у самой воды (несколько

¹ Строительство этой проектируемой ГЭС с последующим затоплением обширных территорий Понойской низменности удалось остановить под давлением военных (в основном моряков и пограничников), признавших предприятие варварским, экологически вредным и экономически неоправданным. Такому развитию событий в немалой степени способствовала и наша разведка, в результате которой на берегах Поной было открыто, помимо петроглифов, ещё и 12 стоянок древнего человека, правда, все на значительном удалении от Ивановки.

Рис. 3. Движение на байдарках по р. Поной во время разведки Понойского отряда КАЭ ЛОИА АН СССР перед моментом открытия наскальных изображений Чальмн-Варрэ в бывшей деревне Ивановке в начале июля 1973 г. Фотография В.Я. Шумкина

Рис. 4. Камень № 1 в группе петроглифов Чальмн-Варрэ

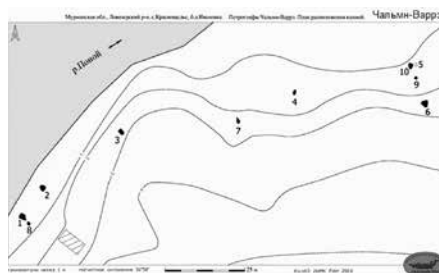

Рис. 5. Схема расположения камней с петроглифами на правом берегу р. Поной, в районе бывшей деревни Ивановки. 2014 г., съёмка Е. Колпакова

позже, когда обнаружили изображения ещё на пяти камнях, этот, первый, по праву получил название «камень № 1»). Позднее, уже в сёлах Краснощелье и Ловозеро, бывшие жители Ивановки рассказывали, что на этом камне они, из-за его удобного положения и плоской поверхности, неоднократно чистили рыбу и стирали бельё, но не замечали выбитых фигур.

Сейчас известно около 300 фигур. Петроглифы расположены на 10 отдельных камнях вдоль берега реки (рис. 5). Почти все оригинальные композиции выбиты на камне № 5, который в настоящее время выставлен

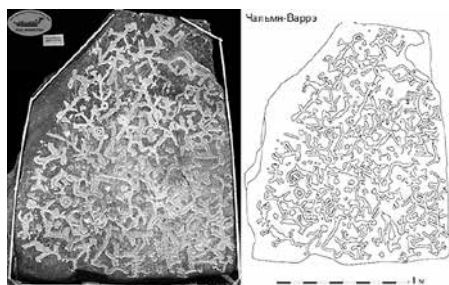

Рис. 6. Фотография и прорисовка изображений на камне № 5 (ныне в экспозиции Музея истории, культуры и быта кольских саамов в с. Ловозеро Мурманской области)

в Музее истории, культуры и быта кольских саамов в с. Ловозеро Мурманской области (рис. 6). Большую часть фигур составляют профильные фигуры животных (зооморфы), которые, вероятнее всего, обозначают представителей семейства оленьих (лоси и олени). Их дополняют не очень многочисленные (около 20) человеческие изображения анфас (антропоморфы).

По техническим и стилистическим особенностям намечаются две поразному ситуационно расположенные группы изображений. Первая, рядом с кромкой воды, представлена фигурами на трёх камнях у самого берега реки, а весной даже долго находящимся под водой, характеризуется более натуралистическим и простым отражением образа зверя, выполненного сплошной чёткой линейной выбивкой. Это фигуры оленей, имеющие преимущественно одну пару ног, с телом, показанным в профиль. Присутствуют также две человеческие фигуры анфас (рис. 4). Одна, явно мужская, имеет трёхрогий головной убор, по три пальца на каждой руке, вторая – с фаллосом или «подвязанным» хвостом. Наблюдается примитивная композиционная связка отдельных антропоморфных и звериных фигур посредством соединения их сплошной выбитой линией. Ближайшие аналогии этим изображениям можно найти среди петроглифов Канозера, Альты и Карелии. На основании археологических и геологических данных их предварительно можно датировать завершающей стадией неолита – концом III тыс. до н. э.

Образы на остальных, расположенных выше и дальше от берега, камнях (рис. 5) более проработаны и одновременно менее чётки. Наблюдаются преобладающая «четвероноготь» зверей, разнообразие и детализированные приемы изображения людей (рис. 6). Схематизация здесь сочетается с хорошо выраженной индивидуальностью многих фигур. Композиционная связь осуществляется посредством тематического

расположения образов. В отличие от изображений на камне № 1, расположенных свободно, без наложения и даже соприкосновения фигур, в этой группе перекрывание (палимпсесты) обычно, и даже есть неоднократное, хотя рядом находятся камни с прекрасной, пригодной для изобразительной деятельности поверхностью. Видимо, для этих авторов было важно не только нанести свои образы, но и выбить их именно на тех камнях, где они уже присутствовали. Изображения, расположенные ниже, избежали такой участи, находясь к этому времени, вероятно, полностью под водой. Можно предположить, что это не было новое население, поскольку заметна преемственность в тематике и стилистике изображений двух локаций, а авторы палимпсестов, нанося их поверх уже существующих, придерживались тех же канонов и образов. Некоторые из фигур, вероятно, несут значительную смысловую нагрузку и являются культурно-мифологическими героями первобытного пантеона.

В целом поздняя группа более оригинальна, может относиться к эпохе бронзы (II тыс. до н. э.). Важно также отметить некоторые параллели Понойских изображений с петроглифами охотничьей традиции: Канозеро, Альты, Немфоршена – и писаницами Финляндии. Не исключено на позднем этапе ещё и определённое влияние (чашечные углубления, например) традиции земледельческого населения соседних территорий. Более подробное рассмотрение методики фиксации, исчерпывающее описание всех фигур, техники выбивки, типологии изображений и композиций представлены в нашей недавно вышедшей коллективной монографии одновременно на русском и английском языках¹.

Мало того, что за 50 лет повседневного обитания людей в этой деревне никто не заметил довольно глубоких выбивок. Даже сотрудники разных экспедиций, среди членов которых наверняка были люди, знакомые с уже широко растиражированными петроглифами Онежского озера (Карелия), не обратили на них внимания. Например, известный исследователь саамов, прекрасный этнограф В.В. Чарнолуцкий, дважды в 1930-е гг. побывавший в Ивановке, неоднократно проходивший мимо камней с рисунками, не смог их распознать, хотя по его дневникам ясно, что он был хорошо знаком с новейшими скандинавскими и карельскими петроглифическими открытиями. Нужно отметить, что для аборигенов-саами это место всегда было ритуальным: здесь разрешалось лишь хоронить своих покойников (кстати, коми-ижемцы продолжили эту похоронную традицию) да приезжать на покосы, но они никогда здесь не жили до появления

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. *Calmn-Varre Petroglyphs*. СПб., 2018. 160 с.

пришельцев¹. С обитателями деревни вполне понятно: эта земля ещё не стала для них родной, и важнее было аккуратно пройти по деревянным мосткам, формирующим местные улицы, проложенные среди валунов, разбросанных по территории, чем вглядываться в какие-то камни. А вот отсутствие творческого интереса (даже импульса) у образованных членов естественно-научных, а тем более гуманитарных экспедиций мне объяснить труднее.

И всё-таки эти рассуждения не могут изменить того факта, что между современными жителями Ивановки (коми-ижемцами) прослеживается явный разрыв традиции мировоззренческого порядка. Очень вероятно, что забвение аборигенного населения произошло не так давно. На одном из камней в центре деревни были выгравированы явно металлическим орудием небольшие изображения двух человек, оленя и собаки (рис. 7).

С одной стороны, они по стилистике напоминают саамские рисунки, а с другой – поза, профильность зверей и изображение человека в анфас явно навеяны расположенным поблизости древним наскальным творчеством. Возраст этих изображений вряд ли больше нескольких сотен лет. Но важно другое: ещё сравнительно недавно здесь появлялись люди, для которых мир понойских петроглифов был понятен, близок по духу и, в конце концов, просто узнаваем. И это могли быть только саамы².

Писаницы полуострова Рыбачий («Галерея» и «Пещера»)

Два объекта с наскальными рисунками, обнаруженные Кольской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1985 и 1986 гг. на северо-западной окраине русской Лапландии, на полуострове Рыбачий, который представляет собой тундровое пространство с многочисленными скальными выступами, являются первыми и пока единственными писаницами на заполярном пространстве Российской Евразии. Они были названы нами «Галерея» и «Пещера». Первый из них расположен на правом берегу р. Пяйва (рис. 8), примерно в 1,5 км от устья, на скальном останце древнего морского берега, бывшего некогда островом.

Изображения (около 30) сохранились на блоках, расположенных под углом к основной породе, прикрытых сверху каменными навесами (рис. 9). Они состоят из сложных геометрических форм и фигур оленей (рис. 10–11), выполненных в линейной технике красной охрой, нанесены пальцами руки, обращены строго на восход солнца и, соответственно, море.

¹ Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. № 2. P. 3–20.

² Там же.

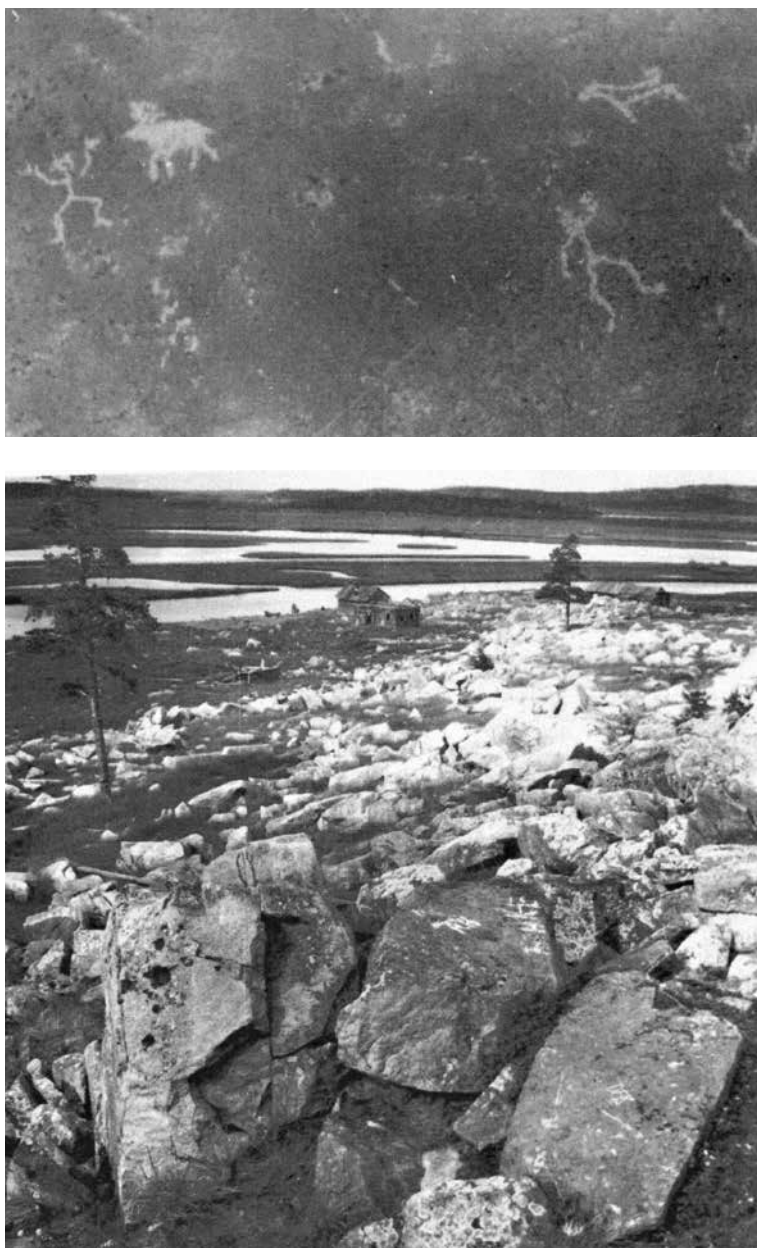

Рис. 7. «Саамские» гравированные изображения на отдельном камне в центре бывшей деревни Ивановки (верх). Место расположения камня с выявленными недавними изображениями (низ). 1973 г. Фотографии В.Я. Шумкина

Рис. 8. Вид на скальный уступ на правом берегу р. Пяйва с писаницами «Галереи»

Рис. 9. Вид на ряд выступающих под углом блоков с геометрическими рисунками «Галереи». Фотография И. Георгиевского

Рис. 10. Прорисовки основных мотивов изображений «Галереи»

Рис. 11. Рисунок одного из оленей писаницы «Галерея». 3/4 натуральной величины

Единообразие формы, стиля и техники даёт основание считать, что все рисованные фигуры имеют одинаковый возраст и, вероятно, одного или нескольких исполнителей в сравнительно короткий промежуток времени. Наша предварительная датировка, основанная на геологических и археологических основаниях, помещает их в VII–VI тыс. до н. э. (поздний мезолит). Напротив «Галереи», на другом берегу реки, нами были найдены развешенные стоянки мезолитического времени, на одной из которых среди подъёмных мезолитических артефактов обнаружен обломок каменной плитки с небольшим охристым пятном, явно происходящей из скального останца с рисунками. Свидетельства присутствия следов иных древних обитателей в окрестностях, близких к писаницам, нам пока выявить не удалось. Ближайшей аналогией этого хронологического слоя нашей «Галереи» (территориально, ситуационно, тематически и фигуративно) является недавно найденное на скалах бухты Indre Sandvik (Porsanger fjord Баренцева моря, провинция Финнмарк, Северная Норвегия) крупное собрание писаниц Ruksesbakti.

Рис. 12. Общий вид на останец скалы с пещерным углублением на левом берегу р. Майка, в котором находится писаница «Пещера»

Рис. 13. Съёмка внутри (с подсветкой) дальней тёмной части «Пещеры» с видом на плоскость с рисунками

Гравированные фигуры «Галереи» тоже имеют геометрические формы. Отмечено наложение гравированных линий поверх окрашенных мест, и они расположены выше рисованных фигур, иначе ориентированы и были сделаны с помощью металлических инструментов. Стилистическое сходство гравировок и рисованных мотивов очевидно, но авторы более поздних изображений, по-видимому, копировали образы, ошибались и, вероятно, не полностью понимали их оригинальное символическое содержание. Присутствие и повторение более ранних рисунков, правда, другими способами было более важным для создателей гравировок, чем ориентация поверхностей, их расположение или пригодность поверхности скалы. Нижняя возрастная граница этих изображений вряд ли может быть древнее I тыс. до н. э.

В 1986 г. во время нашей работы над этими писаницами на левом берегу р. Майка, недалеко от места слияния её с р. Пяйва, в 2 км к северо-западу от «Галереи» (рис. 12), мною было обнаружено небольшое скальное углубление, образовавшееся под горизонтальным скальным козырьком.

При его осмотре были выявлены новые наскальные рисунки в отдалённой, тёмной части пещерки, на плоской вертикальной панели, расположенной в небольшой нише над большой каменной плитой с плоской верхней поверхностью (рис. 13). Это место получило название «Пещера».

Фигуры (их всего три) нарисованы красной охрой, но в технике, совершенно отличной от той, что использовалась в рисунках «Галереи». Эти фигуры явно образуют композицию (рис. 14). Два вертикальных антропоморфных рисунка, очевидно, изображают мужскую и женскую фигуры с круглыми головами, прямым торсом, высокими плечами и невыделенными сомкнутыми ногами. Центральная, нижняя горизонтальная фигура напоминает морское животное или фантастическое чудовище с широко раскрытой пастью, деталью необычной для наскального

Рис. 14. Фотография нарисованной изобразительной композиции «Пещеры»

творчества Фенноскандии, но часто встречающейся в мобильных и монументальных творениях обитателей эпохи бронзы Сибири. Предварительная датировка по стилистике, аналогиям и изобразительному решению – II–I тыс. до н. э.

Петроглифы Канозера

Канозеро (практически озёрное расширение р. Умба) находится в южной части Кольского полуострова, к северу от Кандалакшского залива Белого моря и пос. Умба. Первые несколько выбивок были открыты на острове Каменный сотрудником музея пос. Ревда Юрием Ивановым во время туристического сплава по р. Умба летом 1997 г. На следующий год при инспекционной поездке с целью подтверждения древности части выбивок (здесь были и существуют до сих пор вандалиские «автографы» многочисленных водных туристов из многих городов СССР) В.Я. Шумкиным была установлена несомненная ценность этого археологического объекта и дополнительно выявлены сотни новых изображений на трёх островах (Каменный, Еловый и Горелый) и одной прибрежной материковой скале (скала Одинокая). К настоящему времени в результате 22-летней работы на памятнике Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН было зафиксировано около 1400 изображений в 18 группах, расстояние между самыми крайними из них составляет 5 км (рис. 15–20)¹.

Среди значительного репертуара Канозерских петроглифов (рис. 19–20) самую большую часть фигур составляют лодки, часто с «экипажем» (до

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.

Рис. 15. Общий вид на некоторые выделенные природной окраской (сухой лесной мусор) изображения юго-западного участка группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

Рис. 16. Прорисовка изображений юго-западного участка группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

12 человек), участвующим в охоте на китообразных с помощью гарпуна. Впрочем, гарпун, судя по изображениям, использовался, наряду с копьем, и при охоте на сухопутных животных, иногда даже с лодки (рис. 17). Есть, и весьма подробное, изображение и самого гарпуна с линем. У многих лодок изображён длинный форштевень, увенчанный лосиной головой. Лишь одна композиция посвящена сухопутной охоте – это зимняя охота

Рис. 17. Композиция «Охота с лодки на медведя» на юго-западном участке группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

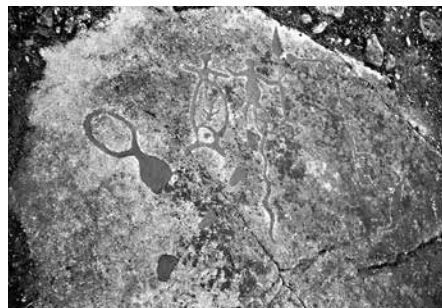

Рис. 18. Композиция «Любовный треугольник» в группе Каменный 2 монументального ансамбля Канозера

Рис. 19. Диаграмма, показывающая распределение типов фигур всего наскального комплекса монументального ансамбля Канозера

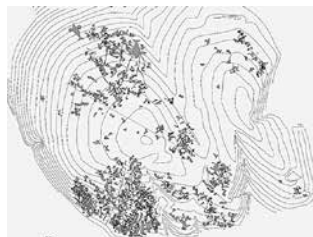

Рис. 20. Прорисовка и расположение всех фигур группы Каменный 7, над которой возведён купол

на лыжах с копьём на медведя. Зато она самая яркая и детально проработанная: изображены следы медведя, лыжня охотника, следы его палок, копьё, даже показан ландшафт, в котором происходило преследование зверя, – прямо кинематографическая «раскадровка». Много профильных изображений в силуэтном стиле семейства оленьих, антропоморфов, китообразных, звериных и человеческих следов, абстрактных фигур, нередко чашевидные углубления, немного птиц и рыб. Есть уникальная фигура журавля и не так часто встречающиеся в других петроглифических комплексах изображения бобров. Почти каждая группа имеет некоторые индивидуальные черты, даже находясь в пределах одного острова (Каменный – 7 групп, Еловый – 6, Горелый – 4, скала Одинокая – 1), одновременно сохраняя определённую смысловую и фигуративную целостность ансамбля. По археологическим находкам и на основании аналогий с другими подобными памятниками мы предварительно датируем этот огромный петроглифический ансамбль в пределах IV–II тыс. до. н. э. При желании более

подробное рассмотрение методики фиксации, исчерпывающее описание всех фигур, техники выбивки, типологии изображений и композиций можно найти в нашей коллективной монографии 2012 года, изданной одновременно на русском и английском языках¹.

Несмотря на несомненные стилистические различия и индивидуальные особенности отдельных памятников Лапландии, объясняемые автохтонным развитием авторов святилищ, в остальном эти комплексы характеризуются фундаментальным сходством, проявляющимся прежде всего на уровне отразившейся в них мифологии, самих изображаемых объектов. Так, большая часть петроглифов Фенноскандии расположена вблизи водоёмов (озёр, рек, моря), общими являются резкое доминирование изображённых в профиль представителей семейства оленей среди других звериных «персонажей», техника исполнения выбивок, их фигуративный ряд. Везде присутствуют лодки².

Реликвии монументального творчества – это увлекательные, сложные и многогранные объекты исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ.

Особенно важной проблемой, связанной с превращением петроглифов в археологические свидетельства и исходный исторический материал, является их точная датировка. Подводя некоторые итоги работы, проделанной в этой области, можно выделить следующие критерии, лежащие в основе предлагаемых методов датирования: а) высота, б) стратиграфия, в) топография, г) типология изображений и композиций, д) палимпсесты, е) стиль и манера исполнения, ж) техника нанесения, з) широкие параллели с другими подобными археологическими памятниками, и) мотивы, пропорции и повторяемость изображения, к) состояние поверхности панелей, л) выбор конкретных пород, текстур и плоскостей, м) идентификация чистых комплексов и ядра исходного состава, н) структурные и формализованные подходы, о) стилистический многомерный анализ. Без сомнения, важная информация может быть получена и в результате обследования всех археологических памятников в зоне объектов наскального творчества. Особый статус наскальных изображений и их отнесение

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.

² Kolpakov E.M., Murashkin A.I. & Shumkin V.Ya. The Rock Carvings of Kanozero // *Fennoscandia Archaeologica* XXV. 2008. P. 86–96. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2012. № 1 (49). С. 76–81; Шумкин В.Я., Колпаков Е.М. Новый центр наскального творчества Северной Европы: антропоморфные композиции Канозера // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова*. М., 2009. С. 294–302.

к святилищам, близость к местам инициаций, жертвоприношений и к сакральным памятникам, по-видимому, не вызывают сомнений.

Вместе с тем, как показывает археологическая практика, все петроглифы и писаницы Лапландии располагаются не только в необычных, чем-то выделяющихся местах, часто на островах, но и на некотором удалении от поселений их творцов. Здесь дело даже не в расстоянии, оно может быть не очень значительным. Главное, чтобы между местом обычной жизни и сакральным (священным) центром было некое препятствие. Это может быть вода, болото, перевал и т. д. То же требование заметно в пещерах, где рисунки обычно расположены далеко от входа и часто в самой глубокой, тёмной части. Если рядом или прямо на месте изображений проживали какие-то коллективы, можно уверенно считать, что они не имели отношения к нанесению рисунков и их почитанию. Данная традиция закономерно идёт с палеолита и доживает до наших дней. Ведь мы тоже не строим жилища на тех местах, которые для нас священны, будь то памятник, мемориал, кладбище, а также с какими-либо крупными историческими событиями дерево, камень и т. д., мы огораживаем их, отделяем уважительным пространством. Совершенно иначе ведут себя представители населения, не связанные традицией с местной историей, иногда преднамеренно, чаще по неведению. Весьма показательно в этом отношении отсутствие поселений в непосредственной близости с писаницами Пяйвы и Майки (только на другом берегу реки), петроглифами Канозера (на островах при отсутствии там поселенческих комплексов) и Чальмн-Варрэ (окружённое болотами и нежилое место до прихода коми-ижемцев). Можно напомнить, что непосредственно на месте петроглифов Бесовы Следки в Карелии древние люди поселились только после того, как оно было затоплено, а потом полностью перекрыто слоем песка. И это было уже другое население, не связанное с традицией данного сакрального места.

Наскальные изображения Поноя и рисунки полуострова Рыбачий, вероятно, использовались для каких-то сакральных «церемоний» только ближайшими общинами, в то время как такой величественный ансамбль, как Канозеро, выглядит священным центром обитателей огромной территории¹. Каждое местонахождение древнего наскального творчества, независимо от размера, уникально, потому что это лишь малая часть следов мировоззрения и художественного мира наших предков, которые сохранились до наших дней. Историки, археологи, антропологи, социологи, искусствоведы активно исследуют эти

¹ Shumkin V.Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi, 2000. P. 202–241.

замечательные памятники, пытаюсь «проникнуть» в сложнейшую духовную культуру древних людей.

Хронологические рамки Кольского наскального монументального творчества (петроглифы и писаницы) охватывают интервал в 4–5 тыс. лет: с VI тыс. до начала I тыс. до н. э. в абсолютных датах, что соответствует финалу мезолита, неолиту и эпохе раннего металла в принятой в настоящее время археологической периодизации.

Нехватка данных делает необходимыми применение всех существующих методов, средств и критериев и добавление новых. Разумеется, не каждый из них применим к конкретному петроглифическому комплексу. Растущий интерес к изучению петроглифов вселяет уверенность, что в ближайшем будущем возможности в этой области будут существенно расширены за счёт использования компьютерной техники и благодаря достижениям в области естественных наук. В последнее время на этом «поле» достигнуты значительные успехи. Наиболее приближена к нашим задачам объявленная Программа создания базы данных по наскальному творчеству Швеции (Scandinavian Society for Prehistoric Art, Танум)¹. В ней предполагается провести все возможные естественно-научные анализы наскальных изображений, использовать новейшие методы фиксации (3D, съёмка в разных диапазонах, анализ с помощью специального программного обеспечения), новые способы датирования, сбор ранее накопленных данных и документации. Всё это будет интегрировано и представлено в открытом доступе. Подобное, но значительно проще для начала делается в норвежской Альте² и шведском Немфоршене³. Аналогичный проект осуществляется во Франции для огромного петроглифического комплекса Mont Vego. Нельзя сказать, что в России вообще ничего не делается в этой области. Пока мы только незначительно отстаём от скандинавских коллег, а наши монографии⁴ признаются ими на сегодняшний день образцовыми. Важно отметить, что Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН с 2014 г. совместно с археологами из Норвегии и Финляндии возобновила исследования на всех памятниках наскального творчества Мурманской области с целью их документирования на современном научном уровне и поиска новых изображений.

¹ Swedish Rock Art Research Archive's (SHFA) image database [Электронный ресурс] URL: <http://www.shfa.se/?lang=en-GB> (дата обращения: 12.07.2021).

² Kart over Alta cave [Электронный ресурс] URL: <http://altarockkart.no/map/mapEng.html> (дата обращения: 12.07.2021).

³ Rock carvings at Nämforsen [Электронный ресурс] URL: <http://rockart.humlab.umu.se> (дата обращения: 12.07.2021).

⁴ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.; Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб., 2018. 160 с.

Рис. 21. Купол (показаны вид внутри (слева) и общий вид со стороны озера над всей группой (более 600 изображений)) группы Каменный 7 монументального ансамбля Канозера

В 2008 г. областной и местной администрациями (пос. Умба Терского района Мурманской обл.) учреждён Музей наскального искусства «Петроглифы Канозера» с выставочным залом, повествующим о древних изображениях, а егеря (смотрители) организации осуществляют сопровождение туристов на Канозере. Непосредственно музею поручена и охрана островов с петроглифами. В 2015 г. на о. Каменный над самым крупным скоплением изображений (группа Каменный 7) закончено возведение (рис. 21) защитного сооружения (прозрачного купола диаметром 20 м).

Проект осуществлён благодаря участию тогда президента (потом председателя Правительства России) Д.А. Медведева. Установлены видеокамеры. Маршрут оборудован информационными щитами и местами для стоянок, туалетом на острове Каменный, так как основными посетителями являются группы туристов, проходящих водный маршрут по р. Умба (несколько тысяч за сезон). Сотрудники Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН осуществляли постоянную консультативную, научно-техническую поддержку установки этого уникального защитного сооружения. Подобная конструкция является новаторским и единственным сооружением такого типа над объектом культурного наследия (ОКН) во всей Евразийской Арктике. Электронная информация доступна на веб-сайте музея¹ и на веб-сайте Кольской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН². Опубликованы нами и монографические исследования петроглифов Канозера

¹ Петроглифы Канозера [Электронный ресурс] URL: <http://kanozero.su> (дата обращения: 13.07.2021).

² КАЭ ИИМК РАН [Электронный ресурс] URL: <http://kae.rekvizit.ru> (дата обращения: 13.07.2021).

(2012) и Чальмн-Варрэ (2016)¹. Готовится монография и по писаницам полуострова Рыбачий («Галерея» на р. Пяйва и «Пещера» на р. Майка).

Однако при уже наметившемся постепенном отставании нашего петроглифоведения в насыщенности новыми естественно-научными методами и методиками, по сравнению с практикой скандинавских коллег, в ближайшие годы может образоваться гигантский разрыв в достижениях в этой области археологии отечественных и зарубежных специалистов. Для предотвращения назревающей ситуации необходима специальная многолетняя российская программа по документированию и исследованиям монументального наскального творчества Севера России. Для её выполнения нужно сформировать междисциплинарный коллектив из технических и естественно-научных специалистов под общим руководством археолога и организовать отдельное финансирование такой программы. В перспективе, после достижения положительных результатов на памятниках европейской части России, эта же команда может взяться и за налаживание аналогичных исследований на более многочисленных объектах наскального искусства Сибири и Дальнего Востока под руководством сибирских специалистов, имеющих опыт изучения подобных памятников.

И последний сюжет, на который крайне необходимо обратить внимание: сбережение наскальных полотен. Если вдуматься, то ведь от многообразного монументального наскального творчества прошлых поколений до нас дошли единичные экземпляры. Опустошительные войны, смены населения, природные катаклизмы, нетерпимость и невежество людей сыграли губительную роль. В прошлом наскальные изображения больше страдали от природы и времени. Можно считать чудом, что они уцелели. Особенно подвержены разрушению писаницы. Сохранились они лишь в «благополучных» местах. И вот эти, пощаждённые губительным Хроносом осколки творчества наших предков нередко уничтожаются современным человеком. Страдают они от строительных работ, искусственного поднятия уровня воды, на рисунках разводят костры, выбивают свои инициалы. Можно привести десятки примеров актов вандализма. Не приносят должного результата ни усиление наказания, ни принятие постановлений. Думаю, что эти меры не решат проблему. Путь здесь один – повышение культурного уровня населения через популяризацию, объяснение значения памятников, их художественно-культурной ценности, проведение регулярных экскурсий, создание музеев. Дело, конечно, трудное, но вполне осуществимое. Примеры такого подхода уже имеются в Скандинавии и Италии. Организация центров с музеями,

¹ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.; Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб., 2018. 160 с.

туристическими комплексами: Альта (памятник под эгидой ЮНЕСКО) и Немфоршен в Норвегии, Винген в Швеции – пользуется огромной популярностью, снимает многие проблемы, приносит ощутимый доход, позволяющий вкладывать средства в изучение, популяризацию и защиту объектов историко-культурного наследия.

У нас же всё это пока в стадии «решений». Более того, открытые почти 50 лет назад (1973) понойские петроглифы (Чальмн-Варрэ) до сих пор не получили никакой охраны соответствующих государственных органов и находятся под постоянной угрозой варварского уничтожения или расхищения, как это уже однажды случилось с изъятием из комплекса камня № 5 и перевозкой его в Музей истории, культуры и быта кольских саамов в селе Ловозеро Мурманской области (рис. 6), что нарушило природную и историко-культурную целостность этого петроглифического ансамбля.

А вот помощь специалистов, любителей, общественности, администрации в таком деле крайне необходима. Это нужно осуществить как можно скорее. Будущие поколения не простят нам, если мы не сможем сберечь бесценные творения предков, волей судеб пока ещё сохранившиеся на просторах нашей страны.

ГУСЕВ С.В.

Художественные образы Арктики
(по материалам раскопок преэскимосских,
древне- и неоэскимосских памятников
археологии)

S. GUSEV

Artistic images of the Arctic (based on the
materials of excavations of pre-Eskimo, ancient
and neo-Eskimo archaeological sites)

Сведения об авторе:

Гусев Сергей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Наследия (Москва)
agus_2004@mail.ru

Author:

Sergey Valentinovich Gusev, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Heritage (Moscow)
agus_2004@mail.ru

Аннотация

Научные археологические раскопки в арктической и субарктической зоне Чукотского полуострова позволили выявить художественные предметы из органики и камня на побережье Берингова и Чукотского морей. Берингийская археологическая экспедиция (руководитель – Гусев С.В.) исследует древнеэскимосские и неоэскимосские памятники (культуры древнеберингоморская, бирнирк, пунук, туле I и II тыс. н. э.) и преэскимосскую (древнекитобойную) культуру XV–XIII вв. до н. э.

Раскопки поселения Уненен (Чукотский АО, Провиденский район, с. Нунлигран) раскрывают яркую культуру морских охотников-зверобоев II тыс. до н. э., древнекитобойную культуру Чукотки, Аляски и Гренландии. Предметы из раскопок свидетельствуют о богатом духовном мире его обитателей – носителей преэскимосской, древне- и неоэскимосской культурной традиции. Центральным художественным образом для жителей Арктики был полярный медведь. Медведь в широком смысле этого слова являлся символом природы Арктики. Для круга эскимосов Арктики важную роль играли поворотный наконечник гарпуна и его образ.

Поселение Уненен было выявлено в 1997 г. на окраине с. Нунлигран. Широкомасштабные раскопки начались в 2007 г. при участии Университета Фэрбенкс (США) и МАЭ РАН (Кунсткамера им. Петра Великого, Санкт-Петербург). В том же году была найдена древнейшая картина на клыке моржа.

Abstract

Scientific archaeological excavations in the Arctic and subarctic zone of the Chukchi Peninsula have revealed artistic objects made of organic matter and stone in the permafrost layers of the middle of the II millennium BC, from the first centuries AD to the II millennium AD on the coast of the Bering and Chukchi Seas.

S.V. Gusev, the head of the Beringian Archaeological expedition, explores the Dreneeskimos and neo-Eskimo monuments (ancient Beringomorskaya, birnirk, Punuk, Tule cultures of the I and II millennium AD) and the Pre-Eskimo (ancient whaling) culture of the XV–XIII centuries BC.

The excavations of the settlement of Unenen (Chukotka AO, Providensky district, Nunligran village) reveal a bright culture of sea hunters of the II millennium BC, the oldwhaling culture of Chukotka, Alaska and Greenland. The objects from the excavations testify to the rich spiritual world of its inhabitants-carriers of the pre-Eskimo, ancient and neo-Eskimo cultural traditions. The central artistic image for the inhabitants of the Arctic was the polar bear. The bear in the broad sense of the word was a symbol of the nature of the Arctic. For the circle of the Eskimos of the Arctic, the turning tip of the gapun and its image played an important role.

The settlement of Unenen was discovered in 1997 on the outskirts of the village of Nunligran. Large-scale excavations began in 2007 with the participation of Fairbanks University (USA) and the MAE (Peter the Great Kunstkamera) (St. Petersburg). In the same year, the oldest painting on a walrus tusk was revealed.

Ключевые слова:

древнекитобойная культура, древне- и неоэскимосские культуры, Чукотка, Аляска, морские зверобои, изображения медведей, поворотные наконечники гарпуна.

Keywords:

oldwhaling culture, ancient and non-Eskimo cultures, Chukotka, Alaska, a picture on the tusk of a walrus, a polar bear, images of a bear, toogling a harpoon.

Рис. 1. Процесс раскопок культурного слоя поселения Уненен

Наиболее сенсационной находкой явилась картина из клыка моржа, выявленная в 2007 г. при исследовании культурного слоя (рис. 1) поселения Уненен (XV–XIII вв. до н. э.)¹. Изображения нанесены на двух сторонах предварительно подтёсанного клыка моржа (51 см в длину) (рис. 2). В центральной части с обеих сторон изображено сооружение на трёх столбах с перекрытием. На одной стороне мы видим изображение символа Арктики – белого медведя с реалистичным профилем, с вытянутой шеей, олицетворяющего зиму (рис. 2, сторона Б). С другой стороны – бурый медведь с короткой шеей, олицетворяющий лето (рис. 2, сторона А). На обеих сторонах показаны сцены охоты с беспалубных лодок – умиаков, с командами из 5–6 человек. Есть изображение каяка с гребцом. На клыке также представлены другие изображения: китообразные, ластоногое морское животное – тюлень. Это одно из ранних отображений охоты на морских млекопитающих. Есть также фигура россомахи, обычно тяготеющей к приморской тундре в зоне промысла морского зверя. Присутствуют жанровые сценки из жизни поселения, фигурки собаки, морской птицы. По центру с двух сторон процарапана чёткая линия, отделяющая поле рисунков нижней части от поля (для «заклинаний»?) из чёрточек и точек в верхней части.

¹ Гусев С.В., Одесс Д.П., Хилл Э.Д., Фанк К.Л., Меитл С.Дж., Мольс Н.В., Герасимов Д.В. Раскопки поселения Ун'ен'ен на Восточной Чукотке // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 440–441; Гусев С.В. и др. Вводный раздел. История исследований, открытий и освоения Арктики. Древняя Арктика. Инициальный этап освоения человеком // Национальный атлас Арктики. М., 2017. С. 96–97; Они же. Культурное, духовное и природное наследие. Чукотский автономный округ // Национальный атлас Арктики. М., 2017. С. 374–375.

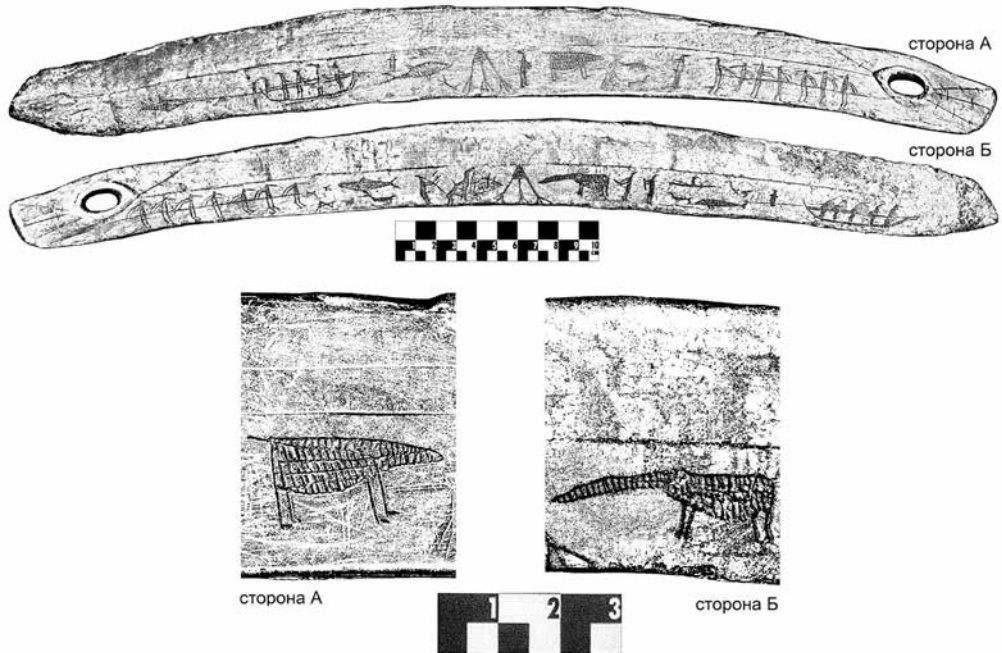

Рис. 2. Изображения на клыке моржа. Сторона А – бурый медведь; сторона Б – белый медведь

Символом природы Арктики считаются медведи (рис. 3) – белый, или полярный, и бурый. Белый медведь является одним из главных героев мифов, легенд и сказок. Этот необыкновенный зверь часто встречается в фольклорных преданиях чукчей, эскимосов, североамериканских индейцев, эвенов, нанайцев и других народов Севера. В них очень часто рассказывается о родственных отношениях между человеком и белым медведем, превращении друг в друга, рождении общего потомства.

В мифах эскимосов белый медведь – «нанук» – воплощение грозных сил природы, в противоборстве с которыми происходит взросление мужчины-охотника. В сказке приморских жителей Чукотки рассказывается о брачном союзе охотника и белой медведицы.

С белым медведем связано много эскимосских легенд, в которых «нанук» пользуется заслуженным уважением. Не исключено, что и виртуозное умение охотиться на тюленя, подкарауливая его у лунки, и искусство строить снежные хижины – иглу, сохраняющие тепло, эскимосы заимствовали у этого полярного хищника.

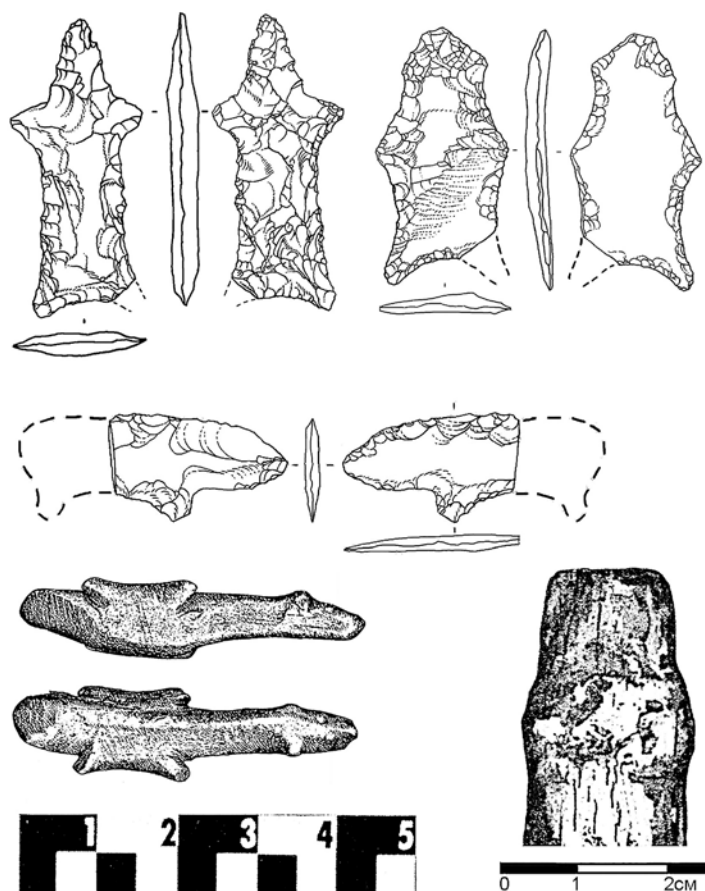

Рис. 3. Изображения медведя, поселение Уненен: верх – изображения медведя (камень); низ, слева – плывущий белый медведь (дерево); низ, справа – голова медведя (навершие лезвия мотыги)

Другие находки из преэскимосских слоёв представлены сакральными предметами – это серия фигурок каланов с геометрическим орнаментом и пазом для слива ритуальной крови морского зверя (рис. 4).

Для морских зверобоев Арктики характерны поворотные наконечники гарпуна из клыка моржа и рога оленя, которые появляются у преэскимосов в середине II тыс. до н. э. (рис. 5) и продолжают использоваться древне- и неоэскимосами с первых веков нашей эры до II тыс. н. э. Нередко поворотные наконечники гарпуна украшали изысканным орнаментом (возможно, тамгами хозяина).

Рис. 4. Подвеска с головой калана

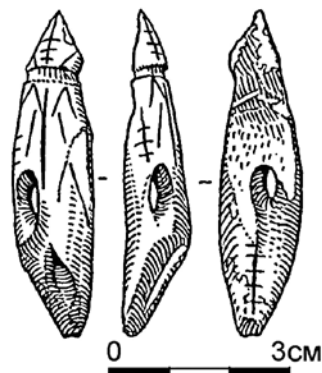

Рис. 5. Поворотный наконечник гарпуна, древнекитобойная культура (independence II)

Полярная сова также была художественным символом Арктики (рис. 6).

Художественные образы морских зверобоев Арктики неразрывно связаны с промысловой деятельностью и духовным миром этих отважных покорителей арктических морских просторов.

Такое скопление ритуальных предметов на небольшой площади, вероятно, свидетельствует о функционировании на этом участке поселения ритуального мужского дома «каджим»¹.

Раскопки поселения Уненен на площади более 100 м² велись ежегодно с 2007-го по 2014 г. Датировки по С14 определяют возраст 2900–3200 лет назад, что при переводе в календарные даты даёт возраст поселения древних китобоев в диапазоне XV–XIII вв. до н. э. (24 даты по дереву и древесному углю). Поселение прекратило существование в результате землетрясения.

Представлены здесь также поворотные наконечники гарпунов пре-эскимосских культур предорсет, саккак и индепенденс, изготовленные

¹ Гусев С.В., Загорулько А.В. Мужской дом – каджим в сакральной и хозяйственной традиции морских зверобоев Арктики и Субарктики (древнекитобойная культура, древне- и неоэскимосские культуры) в середине II тыс. до н. э. – II тыс. н. э. // I Международная конференция «Археология Арктики». Тезисы докладов. Екатеринбург, 2017. С. 88–90.

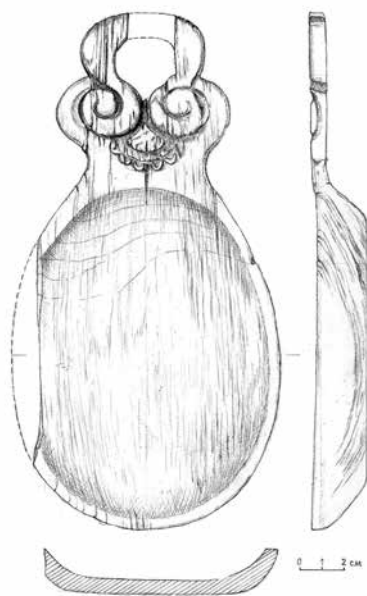

Рис. 6. Ковш с головой полярной совы

из рога оленя и клыка моржа. Необходимо отметить находки поворотных наконечников гарпуна типа гренландской культуры индепенденс (известного ранее за пределами Гренландии только по раскопкам на Аляске и о. Врангеля на стоянке Чёртов овраг)¹. Поворотные наконечники «индепенденс» существенно отличаются: у кончика вместо пропила оформлялось снятие примерно половины массива по ширине с пришлифовкой. Далее сюда накладывались концевые копьеца с рыбковидным основанием, которое было необходимо для крепления посредством обвязки по всему периметру, с канавкой по костяному телу гарпуна. Учитывая массовый характер находок «наконечников» с рыбковидным хвостом у основания на мысе Коцебу и на поселении Уненен, можно говорить о наконечниках гарпунов типа «индепенденс» как о превалирующем типе в древнекитобойной культуре.

Анализ материалов показывает культурное и геохронологическое единство поселения Уненен, Old Whaling мыса Крузенштерн, стоянки Чёртов овраг на о. Врангеля, прелахтинских памятников к югу от Анадыря, погребальных комплексов Усть-Белой в 100 км от устья р. Анадырь, которые позволяют прослеживать определённые связи с далёкой Гренландией.

¹ Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979. 354 с.; Giddings J.L., Anderson D. Beach Ridge Archeology of Cape Krusenstern: Eskimo and Pre-Eskimo Settlements Around Kotzebue Sound, Alaska. Washington, D.C. 1986., 386 p.

ЕДОВИН А.Г.

Новоземельский лабиринт в кругу подобных памятников Европейского Севера. Атрибуция и интерпретация

A. EDOVIN

Novozemelsky labyrinth in the circle of similar
monuments of the European North. Attribution
and interpretation

Сведения об авторе:

Едовин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, учёный секретарь
ГБУК Архангельской области «Архангельский краеведческий музей» (Архангельск)
alexej.edovin@yandex.ru

Author:

Alexey Gennadievich Edovin, Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary of
the State Budget Institution of Culture of the Arkhangelsk Region "Arkhangelsk Museum
of Local Lore" (Arkhangelsk)
alexej.edovin@yandex.ru

Аннотация

В статье даётся описание каменного лабиринта, найденного М.Н. Ивановым в экспедиции под руководством В.Н. Калякина в 1997 г. на полуострове Медный архипелага Новая Земля.

С помощью современных методик реконструируется его первоначальный внешний вид, свидетельствующий о принадлежности к раннему типу так называемых критских лабиринтов. На основе данной реконструкции высказываются предположения о взаимосвязи этого, значительно удалённого на восток, памятника с объектами такого же типа, как на Белом и Баренцевом морях. Делаются выводы об ареале традиции возведения каменных лабиринтов и о возможной датировке исследуемого объекта.

Abstract

The article describes the stone labyrinth discovered by M.N. Ivanov in an expedition led by V.N. Kalyakin in 1997 on the Medny peninsula of the Novaya Zemlya archipelago.

With the help of modern techniques its original appearance is being reconstructed, that testifies its affiliation with the early type of the so-called Cretan labyrinths. Suppositions are being made about the connection of this monument located so far to the East with the objects of the same type in the White and Barents Seas. Conclusions are being made about the traditional area of constructing stone labyrinths and the possible timing of the object under study.

Ключевые слова:

Новая Земля, каменный лабиринт, критский классический тип, ареал.

Keywords:

Novaya Zemlya, stone labyrinth, Cretan classical type, area.

В ряде предыдущих работ автор попытался обосновать ключевой аспект, необходимый для решения вопросов о датировке, принадлежности и функциональном назначении каменных лабиринтов Европейского Севера¹. Речь идёт о типе каменного сложения, который и позволяет ответить на обозначенные вопросы. Были выделены два основных типа лабиринтов – критский и шартрский. Критский тип лабиринта является более древним и известен со II тыс. до н. э. В его основу положена крестообразная фигура с вписанными в квадранты прямыми углами. Выкладка predetermined последовательным соединением окончаний этой фигуры на равных расстояниях. В результате внутри выкладки невозможно заблудиться – она имеет только один вход, который является также и выходом, и центральный тупик, уткнувшись в который путешественник по лабиринту вынужден повернуть в обратную сторону².

Критский лабиринт имеет три разновидности. Примерно треть всех лабиринтов относится именно к классической разновидности, когда фигура выложена округло и представляет собой овал с дорожками внутри. Второй разновидностью являются так называемые «вундеркрайзы» – в классическом лабиринте разбирается центральное перекрестие и делается второй вход, в результате чего путешественник, войдя в один вход, пропутешествовав по всем дорожкам, выходит во второй. «Вундеркрайзы» составляют более половины всех известных каменных выкладок.

¹ Едовин А.Г. О трактовке прямоугольной выкладки на Б. Заяцком острове Соловецкого архипелага // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2009. С. 513–515. Он же. Типология каменных лабиринтов Беломорья // Архангельская старина. 2011. № 1–2. С. 6–13.

² Керн Г. Лабиринты мира. СПб., 2007. С. 11, рис. 6.

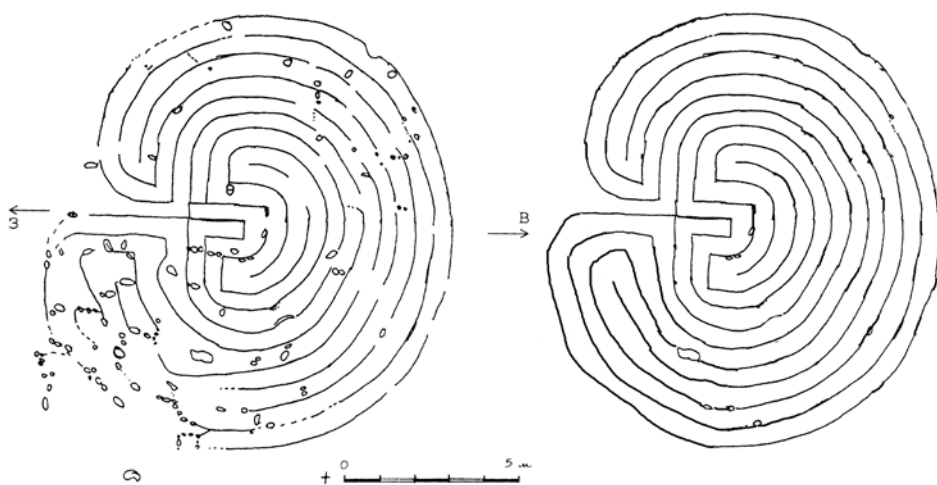

Рис. 1. Рисунок лабиринта на о. Медный и реконструкция его первоначального вида. По материалам МАКЭ под руководством П.В. Боярского

Третьей разновидностью является так называемый римский лабиринт, который по конструкции сходен с классическим, но выполнен не округлыми линиями, а прямыми, в результате чего получается прямоугольная фигура. Эта редкая разновидность, известная в римских мозаиках рубежа эр, в России встречена в единственном числе только на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага.

Шартрский тип лабиринта известен с эпохи Средневековья, большая часть его аналогов – в виде мозаики на полах церквей, по одному из них, в Шартрском соборе Франции, он и получил своё название. На Севере нам известно два таких лабиринта, из которых сохранилась только выкладка на р. Поной. Ранее похожий лабиринт располагался на Большом Соловецком острове. Отличием его является концентрически-круговая система, лабиринт разделён на четыре квадранта, поочередно преодолеваемых путешественником, вход и выход также только один. Замечено, что лабиринты разных видов могут соседствовать, а лабиринты одинаковых конструкций встречаются на территориях, отделённых сотнями километров.

Как правило, за время существования лабиринты испытывают как природное, так и антропогенное воздействие, поэтому зачастую предстают перед исследователем в разрушенном или перестроенном виде. В связи с этим определение изначальной конструкции является для учёного задачей научной реконструкции. В своё время половина Соловецких

и большая часть Кольских лабиринтов были графически реконструированы автором, благодаря чему удалось определить их тип¹.

В настоящей работе мы попробуем применить ту же методику для каменного лабиринта (рис. 1), найденного Морской арктической комплексной экспедицией под руководством П.В. Боярского на полуострове Медный архипелага Новая Земля². Географические координаты лабиринта – 71,11 с. ш. и 53,43 в. д., он расположен в северной части побережья залива Малый губы Пропащая, в 20 м от моря на галечнике. Обнаружен 8 августа 1997 г. Е.Ю. Замесовым, М.Н. Ивановым и В.Н. Калякиным.

Размеры лабиринта 12,6 м по оси С-Ю и 11,6 м по оси В-З. Выложен некрупными сланцевыми глыбами, весом 10–15 кг, юго-западная часть повреждена.

Судя по всему, это не единственный лабиринт на Новой Земле, в частности, в 50 м к северу от упомянутого лабиринта были видны следы ещё двух плохо сохранившихся кладок, а по сообщениям рыбаков, в районе Нехватовых островов ими была найдена похожая площадка с выкладкой в форме лабиринта.

Уже беглого взгляда на рисунок в публикации достаточно, чтобы предположить его первоначальную конструкцию: это классический критский лабиринт с 11 дорожками, центральная часть которого была видоизменена, а юго-западная – разрушена, благодаря чему выкладка превратилась в путаницу.

Классические критские лабиринты – достаточно частое явление в Северной Европе (рис. 2). Так, на Соловецких островах насчитывается как минимум пять выкладок подобного типа (рис. 3). Почти нетронутыми сохранились лабиринты на полуострове Колгуй о. Анзер³, где насчитывается 11 дорожек, мысах Переч-Наволоки и Белужий Большого Соловецкого острова⁴ с 15 и 13 дорожками соответственно.

Три лабиринта Большого Заяцкого острова стало возможным причислить к типу критских классических только после реконструкции. Например, лабиринт № 6 по номенклатуре А.А. Куратова⁵, зафиксированный А.А. Евневичем, первоначально можно было принять за «вундеркрайз»,

¹ Едовин А.Г. Опыт реконструкции каменных лабиринтов Севера. К вопросу о первоначальном облике некоторых памятников материальной культуры Кольского полуострова // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее. Мурманск, 2016. С. 100–103.

² Новая Земля. Острова и архипелаги Российской Арктики. М., 2019. С. 103, рис. 66.

³ Куратов А.А. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 13–21, рис. 2.

⁴ Там же. Рис. 1:4.

⁵ Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы (Опыт классификации) // Советская археология. 1970. № 1. С. 41, рис. 4:5.

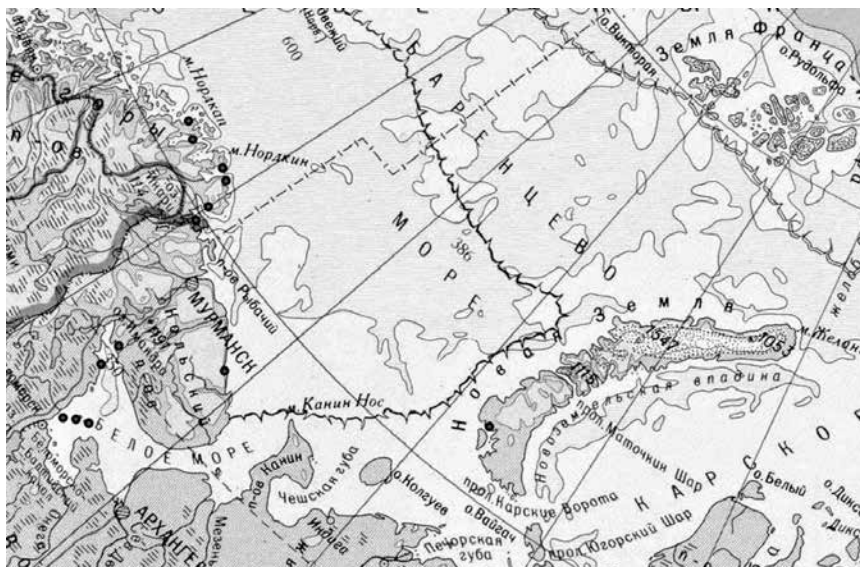

Рис. 2. Карта Баренцева моря с указанием лабиринтов классического критского типа

который при неправильной перекладке был превращён в путаницу. Однако нехитрая комбинация с несколькими камнями в центре и достройка недостающих дорожек легко превращают его в ту выкладку, каковой она первоначально и являлась, – классический критский лабиринт. В данном случае он изначально имел 11 дорожек.

Ещё сложнее обстоит дело с так называемой Заяцкой «розеткой», которая представляла собой выкладку с концентрическими кругами по периферии и крестовой фигурой в центре – типичную путаницу. Однако и здесь достаточно легко было реконструировать классический вариант лабиринта, достроив четыре внешние дорожки¹. Не исключено, что классическим был и лабиринт № 4 по номенклатуре А.А. Куратова, от которого сохранилась только центральная часть.

В Западном Беломорье нам известны два классических лабиринта – один на о. Олешин, имеющий 11 дорожек и расположенный на довольно высокой покатой террасе². В противоположность ему, выкладка на Красной Луде, также имеющая 11 дорожек, расположена на низком берегу³.

¹ Куратов А.А. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 13–21, рис. 1:9.

² Манюхин И.С. Каменные лабиринты Карелии // Кижский вестник. 2002. № 7. С. 226–235, рис. 1.

³ Там же. Рис. 2.

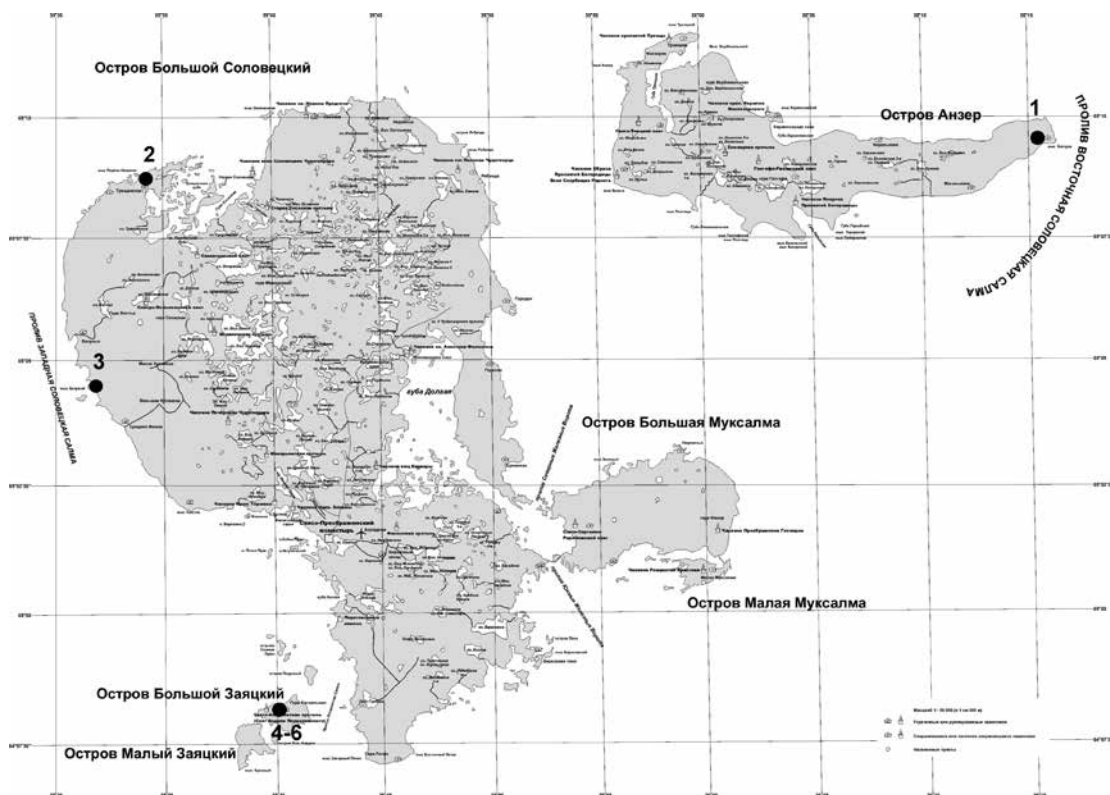

Рис. 3. Карта Соловецких островов с указанием лабиринтов классического критского типа

На Кольском полуострове как минимум два лабиринта также относятся к типу классических критских – один полностью сохранился близ Умбы на Терском берегу и хорошо известен в научной литературе (рис. 4, 5), второй реконструирован нами по остаткам центральной части около бывшей деревни Варзина, уже на побережье Баренцева моря. Он один из самых крупных из подобных выкладок и имеет 15 дорожек¹.

Далее на запад нам известно несколько лабиринтов классического типа на крайнем севере Норвегии. Самый известный – реконструированный нами лабиринт в Мортеннесе, в центре конструкции которого

¹ Едовин А.Г. Опыт реконструкции каменных лабиринтов Севера. К вопросу о первоначальном облике некоторых памятников материальной культуры Кольского полуострова // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее. Мурманск, 2016. С. 100–103, рис. 1.

Рис. 4. Вид на лабиринт в окрестностях Умбы. 2008 г. Фотография автора

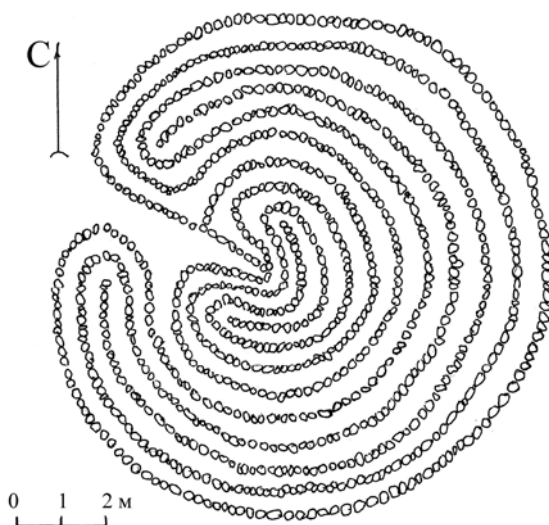

Рис. 5. Схема лабиринта в окрестностях Умбы

установлен менгир¹. Всего в Финнмарке найдено восемь лабиринтов, большая часть которых имеет классическую форму, – Холменгро, Ойше и пр. Тот факт, что лабиринты найдены только на севере Норвегии, а в центральной её части не обнаружены, заслуживает внимания, так как позволяет очертить ареал распространения лабиринтов классического типа на северо-западе. Известный лабиринт классической формы на островах Силли в Британии относится к позднему времени (XVIII в.)².

Итак, на побережье Баренцева и Белого морей классические лабиринты рассредоточены от Новой Земли до Финнмарка, подчас на очень значительном расстоянии друг от друга. Теперь обратимся к региону, где их зафиксировано в несколько десятков раз больше, а именно к Балтийскому морю. К сожалению, полной каталогизации их не проводилось, поэтому мы перечислим все выкладки, в том числе и «вундеркрайзы», которые здесь иногда называются лабиринтами «балтийского типа»³.

В Южной Норвегии два лабиринта известны на юго-западном побережье около Эрсты, ещё девять зафиксированы в Ослофьорде на юго-востоке. Продолжением последней группы являются около 50 лабиринтов в Юго-Западной Швеции – у Богуслена и Готенбурга. В Южной Швеции – в Блекинге и Сконе известно более десятка выкладок, девять из которых группируются около Фридловстада. Два десятка лабиринтов имеется на юго-восточном побережье Швеции – в Смоланде и Эстерготланде. На острове Готланд, в «колыбели викингов», сосредоточено более 35 каменных лабиринтов, подавляющее большинство которых относится к классическому типу.

В центральном районе Швеции, включающем Стокгольм и Уппсалу, зафиксировано не менее 45 каменных выкладок. Наибольшая концентрация лабиринтов наблюдается в Ботническом заливе (почти половина от всех известных и более половины от балтийских) – здесь найдено около 200 сложений на шведской территории и более 50 на территории Финляндии. Как и везде, подавляющее большинство относится к классическому типу.

Наконец, в Восточной Балтике около 35 лабиринтов сосредоточено в районе Аландских островов, 20 – в окрестностях Турку, 30 – в районе Хельсинки на прибрежных островах, несколько лабиринтов известно на российской территории Карельского перешейка, и единичные выкладки в Эстонии⁴. Таким образом, ареал каменных лабиринтов

¹ Mortensnes. A journey through 1000 years of cultural history. Varanger sami museum, 2016. P. 16.

² Савард Д. Лабиринты. М., 2005. С. 141.

³ Керн Г. Лабиринты мира. СПб., 2007. С. 214–215.

⁴ Савард Д. Лабиринты. М., 2005. С. 138–151.

классического типа очерчивается весьма определённо – Северная Балтика и баренцевоморское побережье.

Теперь попытаемся определить хронологию распространения лабиринтов классического типа в пределах этого ареала. По данным лихенометрии, шведские лабиринты сейчас датируются XIII–XVII вв., а некоторые были сооружены и позднее. Большая часть выкладок относится к периоду 1500–1650 гг., но есть и экземпляры более древние¹. Исходя из этих датировок, можно предположить, что первоначальное проникновение традиции выкладки лабиринтов классического типа в Белое море произошло в эпоху активных военных и торговых контактов с мурманами, каянскими немцами и шведами в XV–XVI вв. Неслучайно они зафиксированы в Западном Беломорье – на пути из Двинской земли через систему рек и озёр к северному побережью Ботнического залива.

Появившись в Белом море, каменные лабиринты стали образцом для творчества поморов в более позднее время на широких просторах моря Баренцева. Отсюда их появление на Кольском полуострове, в Финнмарке и на Новой Земле. Таким образом, мы можем предполагать датировку Новоземельского лабиринта в пределах конца XVI–XVII столетия – времени, когда с помощью европейских торговцев активно осваивался европейский сектор Арктики.

¹ Савард Д. Лабиринты. М., 2005. С. 142.

ЕЖОВА Н.М.

Гиперборея на Кольском полуострове. Монетизация мифов: хорошо или плохо?

N. YEZHOVA

Hyperborea on the Kola Peninsula. Monetization of myths: good or bad?

Сведения об авторе:

Ежова Наталья Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель Мурманского колледжа искусств (Мурманск)
naegova@yandex.ru

Author:

Natalia Mikhailovna Yezhova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Teacher of the Murmansk College of Arts (Murmansk)
naegova@yandex.ru

Аннотация

В последние несколько лет в Мурманской области идёт активное развитие проекта «Ковдор – столица Гипербореи». Долгие годы поиск Гипербореи был уделом одиночек и сообществ, на которые государственные органы и официальные лица по большей части смотрели «искоса» и которые не воспринимали всерьёз. Однако с момента появления этого проекта на его поддержку бросили свои силы не только общественники и международная компания «ЕвроХим», но и администрация Ковдорского района и даже правительство Мурманской области. Собственно, компания «ЕвроХим» и является «родительницей» этого проекта. К примеру, уже в начале 2021 г. на создание комфортной городской среды в стиле «Гиперборея» направляется 62 млн руб. из областного бюджета и компании «ЕвроХим».

В статье кратко рассматривается история зарождения и развития мифа о Гиперборее на Кольском полуострове. Показано, как влияет на активизацию самостоятельных исследователей тот факт, что социально-культурный проект «Ковдор – столица Гипербореи» стал «лучшим проектом развития и продвижения территорий» по итогам XXII Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» (2019). Рассказано, какие возможности развития района и возрождения города Ковдора открывает внедрение проекта

«Столица Гипербореи» по мнению главы района. Приводится мнение критиков проекта, которые видят, как искажаются естественно-научные представления о природных объектах Кольского края в угоду мистическому восприятию.

Мы попытаемся найти ответ на вопрос, каков допустимый уровень признания «правдивости» того или иного мифа, привлекающего туристов и влияющего на развитие территории.

Abstract

In the last years, the Murmansk Region has been actively developing the project “Kovdor – the capital of Hyperborea”. For many years, the search for Hyperborea was the lot of individuals and communities, which state bodies and official organizations, for the most part, looked “askance” and did not take seriously. However, since the appearance of this project, not only social activists, but also the international company “EuroChem” and the administration of the Kovdorsky district, and even the Government of the Murmansk region, have thrown their forces to support it. Actually, the company “EuroChem” is “the parent” of this project. For example, at the beginning of 2021, 62 million rubles from the regional budget and the “EuroChem” company are allocated to create a comfortable urban environment in the style of “Hyperborea”.

The article briefly examines the history of the origin and development of the myth of Hyperborea on the Kola Peninsula. It is shown how the fact that the socio-cultural project “Kovdor – the capital of Hyperborea” became the “Best project for the development and promotion of territories” results of the XXII National Award in the field of public Relations development “Silver Archer” (2019) affects the activation of amateur researchers. The article describes what opportunities for the development of the district and the revival of the city of Kovdor gives the implementation of the project “The Capital of Hyperborea”, according to the head of the district. The article presents the opinion of critics of the project, who see how the natural-scientific ideas about the natural objects of the Kola Region are distorted in favor of mystical perception.

We will try to find an answer to the question of what is the acceptable level of recognition of the “truthfulness” of a particular myth that attracts tourists and affects the development of the territory.

Ключевые слова:

Гиперборея, миф, Ковдор, Мурманская область, туризм, Кольский полуостров.

Keywords:

Hyperborea, myth, Kovdor, Murmansk region, tourism, Kola Peninsula.

Начнём с определения, что же такое Гиперборея. Поскольку строго научного определения нет в силу отсутствия самого объекта, достаточно привести краткую цитату из научной энциклопедии «Мифы народов мира»: «Гиперборéя (др.-греч. Ὑπερβoreaία – «за Бореем», «за северным ветром») – легендарная северная страна в древнегреческой мифологии и наследующей её традиции, место обитания народа гипербореев»¹. В исторической науке миф о гипербореях считается частным случаем характерных для самых разных культур утопических представлений об окраинных народах, лишённым конкретной исторической подосновы; в отличие от знаменитой Трои, у Гипербореи нет чётко определённого местоположения, «исследователи» размещают её от Гренландии до Таймыра.

Веру в наличие Гипербореи на Кольском полуострове начали развивать с начала 20-х гг. прошлого века. Благодаря изучению архивных материалов Дмитрием Анатольевичем Ермолаевым, заместителем начальника отдела научного использования и публикации архивных документов Государственного архива Мурманской области, восстановлена документально подтверждённая история возникновения мифа о мифе. И прародителем этого мифа стал Александр Васильевич Барченко (1881, Елец – 25.04.1938, Москва), литератор и оккультист, много поскитавшийся по революционной России. На Мурмане он появился в конце 1920 г. и возглавил «Морской, высшего типа институт краеведения», числясь при этом в политотделе Морских сил Мурманского района. Он и сам-то высшее образование получил только в 1919 г., но на Севере крайне не хватало образованных людей, способных заниматься ликвидацией безграмотности среди моряков и даже обеспечением начального и среднего образования. В учебных планах были курсы «Разведка полезных ископаемых», «Эксплуатация северных почв» и другие краеведческие дисциплины, причём в числе лекторов фигурировали такие знатоки Севера, как Н.М. Книпович и Г.А. Надсон. В 1921 г. институт прекратил своё существование, но А.В. Барченко не покинул Север, как, казалось, намеревался ранее.

Кольский полуостров уже тогда считался краем богатств, но всё ещё было неизвестно, где они находятся. Экспедиции, направляемые из центра, никак не сотрудничали с местными властями. Поэтому, используя имеющиеся научные силы, местные власти сумели организовать учёный совет. А.В. Барченко возглавил его, а также научно-показательную опытную станцию, где в штате из 10 человек были его жена, друзья и ученики. Он честно трудился на посту, изучая пищевые возможности океанских водорослей, пропагандируя устройство огородов на Севере. Житейские неурядицы, которые порой мешали его работе, да и просто спокойной

¹ Гиперборея // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 304.

жизни, свидетельствуют о том, что он появился на Кольском Севере вовсе не с подачи органов ОГПУ. Эта мысль часто встречается в литературе, позиционирующей Барченко как агента, направленного государством на поиски Гипербореи¹. В июне 1922 г. заведующий земельным отделом Дм. Мошников и А.В. Барченко, его подчинённый, вышли на руководство края с предложением «разрешить земотделу послать экспедицию от научно-мелиоративной базы для обследования края», так как учёт площадей, годных к работе, отсутствует, что мешает полноценной работе отдела, причём представили «подробный план работ предполагаемой экспедиции»². И экспедиция состоялась. Длительная, в несколько месяцев, и в отчётах этой экспедиции не было ни слова о Гиперборее.

Первые, как выяснил Дм. Ермолаев, упоминания об обнаружении «Гипербореи» вблизи Ловозерского погоста появились в рассказах А.В. Барченко в петроградской прессе³. Специалисты трезво оценили малую объективность этих рассказов и ложность впечатлений от фотографий. Писатели-фантасты же увидели в этом материал для своих сочинений (Л. Гумилевский, «Четыре вечера на мёртвом корабле», С.А. Семёнов, «Кровь земли» и др.)⁴.

Следующим, кто занялся идеей кольской Гипербореи, был В.Н. Дёмин, доктор философских наук, который с 1997 г. искал и «находил» (как теперь его последователи) следы Гипербореи. Здесь не будет уделяться внимание его изысканиям, существует интернет-портал «Всё о Гиперборее», где изложены их результаты⁵. Но отметим, что главным образом его рассуждения базируются на странной форме скал и прочих каменных образований.

На этом остановимся подробнее, ибо как геометрия Евклида базируется на пяти постулатах, так и идеи о существовании Гипербореи опираются на мысль о том, что такое может быть сотворено только руками человеческими. И как геометрию Евклида разрушили математики, изменившие пятый постулат (о единственности прямой, параллельной данной), так и, доказав природность всех этих «храмовых» сооружений, можно разрушить стройное здание легенды о Гиперборее.

¹ Ермолаев Д. Мурман фантастический. 6.2. Родоначальник кольской Гипербореи // Мурманский вестник. 2017. 2 февраля. № 19 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mvestnik.ru/our-home/pid201702028/> (дата обращения: 28.06.2021).

² Там же.

³ Красная газета. 1923. 19 февраля.

⁴ Ермолаев Д. Мурман фантастический. 6 // Мурманский вестник. 2017. 9 февраля. № 23 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mvestnik.ru/our-home/murman-fantasticheskij/> (дата обращения: 28.06.2021).

⁵ Всё о Гиперборее [Электронный ресурс] URL: <http://www.yperboreaia.org> (дата обращения: 28.06.2021).

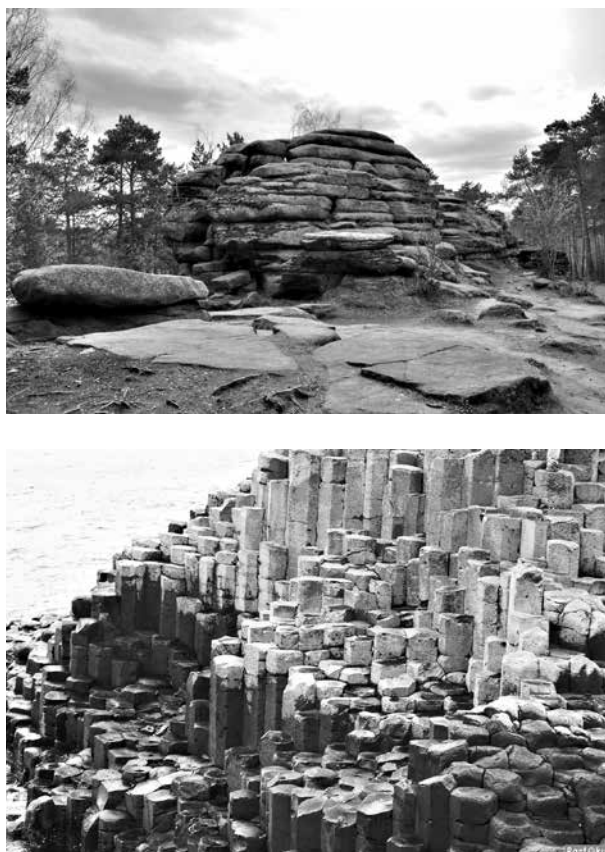

Рис. 1. Шарташские каменные палатки (вверху), Тропа гигантов в Ирландии (внизу)¹

Для начала обратимся к двум ярким примерам «мастерства» природы – знаменитой Тропе гигантов в Северной Ирландии, вокруг которой создано огромное количество легенд и мифов (рис. 1, вверху)², и Шарташским каменным палаткам, гранитным скалам-останцам в Екатеринбурге (рис. 1, внизу)³. Так что не стоит лишать природу права на нерукотворные чудеса.

¹ Здесь и далее – все фотографии из открытых интернет-источников.

² Дорога гигантов в Северной Ирландии // AwesomeWorld.ru [Электронный ресурс] URL: <https://awesomeworld.ru/udivitelnye-mesta/doroga-gigantov-v-severnoj-irlandii.html> (дата обращения: 28.06.2021).

³ Располов П. Шарташские каменные палатки // Ураловед [Электронный ресурс] URL: <https://uraloved.ru/ekaterinburg/shartashskie-kamennie-palatki> (дата обращения: 28.06.2021).

Эта статья посвящена не столько развенчанию мифов, сколько рассказу о грамотном их использовании для роста туристической привлекательности региона. Поэтому мы не будем приводить опровержения из многих источников, обратимся к одному, но авторитетному. Его название говорит само за себя: «Инженерно-геологические и инженерные исследования при строительстве объектов переработки и долговременного хранения радиоактивных отходов ВМФ». Исследования подобного назначения предполагают тщательное и глубокое изучение территории. Приведём несколько цитат о причинах появления столь интересных форм каменных объектов.

«На Кольском полуострове обнаружены следы древних землетрясений. В рельефе они сохранились в виде различных нарушений кристаллических пород и четвертичных отложений. Среди изученных палеосейсмодеформаций региона выделяются несколько отличающихся друг от друга типов: сеймотектонические – разломы различной кинематики (сбросовые уступы, сдвиги, грабены, расщелины и т. д.); деформации встряхивания – блоковые смещения (преимущественно по вертикали) крупных объёмов горных пород, столбы оседания, ниши в сочетании с выбитыми из них блоками; сейсмогравитационные – обвалы, оползни, осыпи... <...> Нарушения в кристаллических породах здесь представлены в основном уступами (или серией уступов), приуроченными к зонам новейших разломов, протягивающихся на расстояние более 10 км... <...> К бортам уступов приурочены пустые ниши и выдвинутые из них или выбитые блоки пород. Эти блоки совпадают по конфигурации с нишами и отодвинуты от последних на 0,5–2,5 м. Днища ниш горизонтальны... <...> Обработанную ледником поверхность уступов нарушают свежие трещины. У основания уступов нередко наблюдаются столбы отседания, отчленившиеся от основного тела массива. Высота таких столбов достигает 10–15 м, а мощность варьирует от 1,5 до 4,5 м. Разрушение породы в исследуемых случаях происходит не как отчленение мелких обломков, что характерно для процессов морозного выветривания, а путём отделения целого крупного блока. Подобные столбы отседания образуются и в результате современных землетрясений. Оценка параметров деформаций (протяжённость сейсмогенерирующей зоны, длина отдельного разрыва), а также характер обнаруженных форм указывают на высокую интенсивность древних землетрясений. Ориентировочно их максимальная магнитуда составляла 7,1, а интенсивность превышала 7 баллов (по шкале MSK-64)»¹.

¹ Подготовлено по материалам: Конухин В.П., Абрамов Н.Н., Книвель Н.Я., Смирнов Ю.Г., Орлов А.О., Мелихова Г.С., Савченко С.Н., Кабеев Е.В. САИДА-ГУБА. Инженерно-геологические и инженерные исследования при строительстве объектов переработки и долговременного хранения радиоактивных отходов ВМФ. Апатиты, 2014. 269 с.

И комментарий, непосредственно связанный с реакцией специалистов на проект «Ковдор – столица Гипербореи». «Дело в том, что Кольский полуостров более 100 тысяч лет был закрыт ледником, – объясняет сотрудник Мурманского областного краеведческого музея Георгий Дзенисов. – Понятно, что никакие гипербореи жить на нём не могли... Кроме этого, в своём движении ледник уничтожил всё на своём пути. То есть каких-либо памятников древней цивилизации просто не могло остаться. Это если предположить, что такая цивилизация существовала в доледниковый период. Таяние ледника началось не с юга на север, а наоборот, – продолжает Георгий Андреевич. – Всё дело в Гольфстриме, который прорывается на север Европы, и лёд начинает уходить сначала с полуостровов Средний и Рыбачий. И вот за ледником идут люди. Впервые они приходят на Кольский полуостров с запада, из Северной Норвегии, примерно 10 тысяч лет назад. Что это были за люди? В литературе они получили название морских собирателей. Они двигались вдоль литорали (участка берега, который затопливается морской водой во время прилива и осушается во время отлива) и питались тем, что выбрасывало море, – рыбой, умершими морскими животными, водорослями и тому подобным»¹.

Мы кратко обрисовали историю создания и развития мифа о кольской Гиперборее, которая, обращаем ваше внимание, была «размещена» в Ловозерских тундрах. Прекрасно развитое, стройное учение, поддерживаемое массой энтузиастов, впрочем, имеющее ложный фундамент.

Совсем в другой стороне Кольского полуострова, вдали от федеральных трасс и основных туристических потоков находится моногород Ковдор. Его история началась с открытия в ходе разведочных работ Ковдорского железорудного месторождения в 1933 г. 1 июня 1953 г. был заложен новый населённый пункт на Кольском полуострове, интенсивно росший до 1980-х гг. Добыча успешно продолжается до настоящего времени. Ковдор (рис. 2) – яркий пример спутника горно-обогатительного комбината (ГОК), выпускающего железный и апатитовый концентраты на внутренний и внешний рынок. Как многие подобные города, он попал в список городов со сложной экономической ситуацией (2014)². Причин этому много, и не им посвящена статья.

В современном положении Ковдора кое-что изменилось к лучшему: он стал открытым для посещения, и теперь единственное препятствие для того, чтобы попасть в город, – это дороги. Удалённое положение от центра Кольского полуострова и федеральных трасс компенсируется

¹ Круглый стол // Вечерний Мурманск. 2019. 14 апреля.

² Бабенко М.В. Ковдор – столица Гипербореи [Электронный ресурс] URL: <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-na-temu-kovdor-stolica-giperborei-3914416.html> (дата обращения: 28.06.2021).

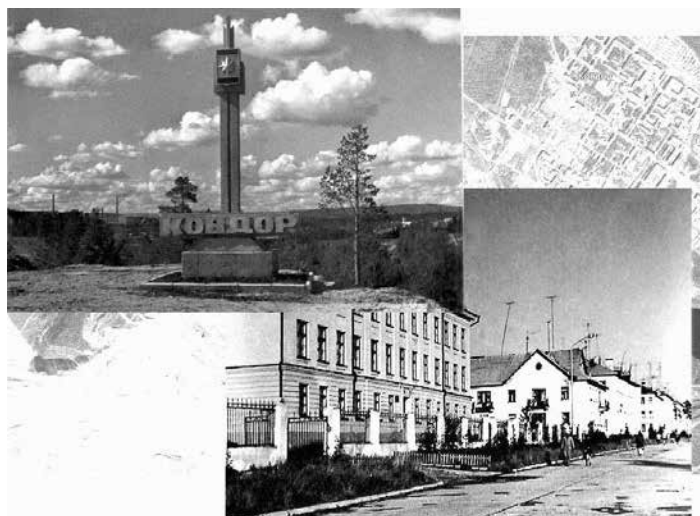

Рис. 2. Фотографии Ковдора

близостью к Финляндии (менее 20 км до границы), пограничный переход с которой ещё необходимо создать. Но для развития Ковдору необходимо изменить принципы своей привлекательности. Если в годы советской власти и расцвета работы ГОКа это были высокие зарплаты и дополнительные социальные льготы, привлекавшие «приглашённых» специалистов, то теперь – не только нетронутая природа, но и то, что заставит туристов терпеть холод, сырость, комаров. А это – интерес, получение нового опыта.

И очень кстати появился проект «Ковдор – столица Гипербореи». В некоторых источниках можно прочесть, что, оказывается, А.В. Барченко был снаряжён особым отделом ОГПУ для поиска Гипербореи, а энтузиасты нынешнего века нашли артефакты, «подтверждающие» её существование. Но вот прямая речь главы района С. Сомова: «Гиперборейскую столицу придумали месяцев девять назад – на одной из регулярных встреч с руководством компании “ЕвроХим”, что владеет ГОКом»¹. «Перенос» Гипербореи из Ловозерских гундр не составил труда: там камни и тут камни. Кроме того, нашлись и местные исследователи, которые отыскиали «подтверждение» этому предположению. «Нынешняя история самопровозглашённой столицы Гипербореи началась более 20 лет назад – в 1997 г., когда

¹ Васильев Ю. Столицу Гипербореи строят в России // Взгляд (деловая газета). 2019. 18 марта [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/kovdor.hyperborea?w=wall-145015048_620 (дата обращения: 18.06.2021).

егерь Вячеслав Тернов обнаружил близ города Ковдора, что в Мурманской области, 30-метровую каменную конструкцию»¹.

Результат этой задумки оказался поразительным. Одним из разработчиков Проекта был директор департамента общественных связей и коммуникаций «ЕвроХим», автор бестселлера «Амальгама» Владимир Торин, обладающий большим личным опытом пресс-секретаря крупнейших российских промышленных компаний и органов законодательной власти. «Социально-культурный проект “Ковдор – столица Гипербореи” компании “ЕвроХим” признан “лучшим проектом развития и продвижения территорий” (партнёр номинации АО “Концерн Росэнергоатом”)), – это прозвучало на вручении XXII Национальной премии в области развития общественных связей «Серебряный Лучник» 21 февраля 2019 г.

Раньше маленький городок Ковдор в Мурманской области ассоциировался только с добычей руды, им вообще не интересовались внешние аудитории. Теперь город постепенно становится узнаваемым местом, связанным с памятниками Гипербореи и культурной активностью – визитами известных историков, журналистов, художников, музыкантов, писателей-фантастов, проведением Гиперборейского Нового года, созданием парка «Гиперборея», развитием туризма. Всего за один год был создан новый бренд, изменивший отношение людей, сформировавший новую идентичность. Компания «ЕвроХим» видит свою роль в проекте «в организации проектных команд, экспертной поддержке, привлечении корпоративного и медиаресурса, софинансировании стратегических инициатив»².

С точки зрения главы региона, данный проект, завоевавший всероссийское признание, можно использовать как аргумент, чтобы развивать Ковдорский район. Но для успеха этой идеи необходимы ещё и другие условия. Первое – создание территории опережающего социально-экономического развития. Соответствующий договор уже подписан. Второе – возведение нового пропускного пункта на границе Финляндии и Ковдорского района. И только третье – максимальное внедрение и развитие туристического бренда «Ковдор – столица Гипербореи»³.

С августа 2018 г. (именно тогда, на этнофестивале «Гиперборея» в рамках дня рождения «ЕвроХима», и родилась идея) минуло всего лишь 3 года, значительная часть этого времени пришлось на карантин.

¹ Васильев Ю. Столицу Гипербореи строят в России // Взгляд (деловая газета). 2019. 18 марта [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/kovdor.hyperborea?w=wall-145015048_620 (дата обращения: 18.06.2021).

² Ковдорская Гиперборея – лучший российский проект // СеверПост. 2019. 26 февраля [Электронный ресурс] URL: <https://severpost.ru/read/76200/> (дата обращения: 18.06.2021).

³ Там же.

А на «раскручивание» туристического продукта необходимо 5–6 лет¹. Но проект не заглох. Можно проследить по публикациям в «Вечернем Мурманске», какая мощная пиар-кампания была организована разработчиками проекта: слёт фантастов в Ковдоре, создание и вручение фантастам паспортов жителей Гипербореи, приглашение журналиста «Комсомольской правды» Николая Варсегова и главного редактора радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Венедиктова².

На встрече со студентами Мурманского государственного технического университета А. Венедиктов откровенно заявил, что «в Мурманск прибыл создавать миф о ковдорской Гиперборее», поскольку он имеет представление, как такие мифы «расшариваются» в социальных сетях³. С аналогичной целью побывали у нас В. Дымарский (главный редактор журнала «Дилетант») и кандидат исторических наук В. Рыжков. Во время круглого стола в Мурманском арктическом государственном университете студентов, говорящих об отсутствии у проекта доказательной базы, умудрённые жизнью взрослые убеждали, что красивый исторический миф имеет право на существование, если «даст счастье жителям Ковдора». И, конечно же, проводилась очевидная аналогия с «резиденциями Деда Мороза», хотя всё же глава района упомянул о новых «гиперборейских» артефактах⁴.

Не менее бурную деятельность сразу после появления проекта развили волонтеры и общественники. Буквально сразу начали находиться «уникальные, не исследованные ранее» артефакты, которыми уже «заинтересовались учёные», счёт пошёл на десятки⁵. Более того, к лету 2020 г. были обнаружены «сооружения», очень схожие с пирамидами Ловозерья, причём, по иронии судьбы, «пирамиды расположены в направлении будущей дороги Ковдор – Савукоски, возможность строительства которой сейчас прорабатывается на всех уровнях региональной и федеральной власти. Это открывает новые возможности для потенциальных туристов» (рис. 3, слева)⁶.

¹ Ковдор – столицу Гипербореи начинают строить в России // Крамола. 2019. 18 марта [Электронный ресурс] URL: <https://www.kramola.info/vesti/rusy/kovdor-stolica-giperborei-nachinayut-stroit-v-rossii> (дата обращения: 18.06.2021).

² «Ковдор – столица Гипербореи» – новый туристический продукт // Мурманский вестник. 2018. 4 декабря [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/mvestnik/kovdor--stolica-giperborei--novyi-turisticheskii-produkt-5c069f3f7ba67100a966c2e9> (дата обращения: 18.06.2021).

³ Миф от Венедиктова // Вечерний Мурманск. 2018. 19 сентября.

⁴ Там же.

⁵ Ковдорская Гиперборея – лучший российский проект // СеверПост. 2019. 26 февраля [Электронный ресурс] URL: <https://severpost.ru/read/76200/> (дата обращения: 18.06.2021).

⁶ Голыш В. Древние пирамиды найдены в Ковдоре // Аргументы и факты. Мурманск. 2020. 10 июня [Электронный ресурс] URL: https://murmansk.aif.ru/society/history/drevnie_piramidy_naydeny_v_kovdore (дата обращения: 18.06.2021).

Рис. 3. Слева: А. Венедиктов, слёт фантастов, «пирамидки». Справа: главная страница группы «Ковдор – столица Гипербореи» в соцсети «ВКонтакте»

В социальной сети «ВКонтакте» создана официальная группа «Ковдор – столица Гипербореи»¹. К сожалению, не видно создателей группы, но сказано, что «этот проект делают сами жители Ковдора, туристы, инструкторы, блогеры, исследователи Русского Севера и любители неразгаданных тайн» (рис. 3, справа). Здесь видна работа не только администрации, но и самих жителей. Они ищут и находят «артефакты», выстраивают маршруты вокруг Ковдора самого различного назначения. Удивительно, насколько разнонаправленные статьи собрались «под одной крышей» этой группы: «В сердце Гипербореи» (отчёт о туристической поездке Северпоста в Ковдор), «В Ковдорском районе планируют создать экотропы», «Гиперборея: ничего кроме света», «Гиперборея егеря Тропова», «Археологи РАН продолжают изучение уникальных памятников Ковдорского района» (речь идёт об очагах саамов – реальном историческом памятнике) и тут же – «Известные историки едут в Ковдор на поиски Гипербореи» (об их цели создать и «раскрутить» миф здесь не говорится), «Мифическая Гиперборея: великая цивилизация Севера» (где создатели группы признают, что рождению этих идей способствовали авторы фэнтези-романов). Что интересно, здесь же археологи признают: «Ковдорский район – белое пятно на археологической карте Кольского полуострова». Только благодаря повышению уровня воды в озёрах в 2020 г. и подмыванию берегов удалось обнаружить следы заселения территории Ковдорского района уже в позднем каменном веке.

¹ Ковдор – столица Гипербореи // ВКонтакте [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/kovdor.hyperborea> (дата обращения: 18.06.2021).

Соседство текстов позволяет увидеть и сравнить, насколько острожны в своих высказываниях профессиональные археологи и как смело, «широким росчерком пера» исследователями различного уровня «самодеятельности» разнообразные природные образования причисляются к «артефактам Гипербореи». Более того, в некоторых статьях искажают историческую правду, что, например, касается А.В. Барченко и его «поисков Гипербореи».

Однако не всех туристов зовут на «места силы». Есть и серьёзный, познавательный туризм: «на Кольском полуострове усилиями многих энтузиастов-учёных (хороший пример – компания «Норд-Стоун» в Кировске) набирает обороты геологический и минералогический туризм»¹.

Разработчики проекта «не теряют головы». Об этом говорит информация, опубликованная на портале «Всё о Гиперборее»: руководитель гиперборейской исследовательской экспедиции Международного клуба учёных В.В. Кузнецов связался с кураторами проекта «Ковдор – столица Гипербореи», чтобы прояснить для гиперборейской общественности их намерения, а также для того, чтобы предложить этим энтузиастам научное содействие в реализации их проекта. Результаты контакта с ними таковы. Авторы проекта «Ковдор – столица Гипербореи» не планируют специальные научные гиперборейские экспедиции в рамках реализации своего проекта; во внешней научной помощи они не нуждаются, поскольку имеют своих экспертов, которым всецело доверяют; они нуждаются только лишь в раскрутке их проекта в СМИ. Такие вот дела!² И далее: в планах у «руководства Ковдора – строительство гостиниц, создание специального места для кемпинга, базы отдыха на Чалмозере»; «руководство города также ведёт переговоры с Российской академией наук по поводу возобновления раскопок в Ковдорском районе»; «ранее там уже была найдена скандинавская брошь, датируемая XI веком»³ – то есть в перспективе работа археологов может дать возможность открыть памятник, подобный знаменитым «Костёнкам», памятнику-заповеднику палеолита под Воронежем.

Более того, буквально недавно Управлением культуры Ковдорского района в группе в соцсети «ВКонтакте» объявлен конкурс на *лучшую иллюстрацию и миф собственного сочинения* (курсив авт.) «Карта артефактов

¹ Ляпунов К. «Ковдор – столица Гипербореи» // Мурманский вестник. 2018. 3 сентября [Электронный ресурс] URL: <https://www.mvestnik.ru/our-home/kovdor-stolica-giperborei/> (дата обращения: 28.06.2021).

² Всё о Гиперборее [Электронный ресурс] URL: <http://www.yperboreia.org> (дата обращения: 29.06.2021).

³ Ковдорская Гиперборея – лучший российский проект // СеверПост. 2019. 26 февраля [Электронный ресурс] URL: <https://severpost.ru/read/76200/> (дата обращения: 29.06.2021).

Рис. 4. Положение о конкурсе «Карта артефактов столицы Гипербореи», фотография объекта

столицы Гипербореи» (апрель 2021 г.). Цель этого мероприятия – повышение узнаваемости проекта «Ковдор – столица Гипербореи», расширение линейки сувенирной продукции путём иллюстрирования артефактов и их мифологизации (рис. 4). И в Ковдоре уже должна начаться реализация проекта по созданию комфортной городской среды, на благоустройство идут не только деньги из областного бюджета, но и 62 млн руб. от компании «ЕвроХим». В частности, задумано оформление городского парка архитектурными сооружениями в стиле проекта «Ковдор – столица Гипербореи». Хочется верить, что этот парк будет восприниматься как сказочный городок «Сказка» в Мурманске (рис. 5 вверху), а не как познавательный Геологический парк в Апатитах (рис. 5 внизу), в котором можно познакомиться с настоящим богатством Кольского полуострова – минералами.

Прежде чем подводить итоги и делать выводы, приведём ещё одну цитату: «...традиционные пути развития туризма (на Кольском полуострове) не принесли того экономического эффекта, на который рассчитывали. И когда рациональные способы завлечения людей к нам в Заполярье были, казалось, исчерпаны, на помощь пришла сказка. Людям, оказывается, гораздо интереснее посмотреть на следы цивилизации, существующей в их воображении. Удивительно, но главной точкой притяжения для таких туристов – поклонников Гипербореи – стал тот же самый уникальный ландшафт»¹.

Предложенный проект «Ковдор – столица Гипербореи» явно позволяет идти к намеченной цели – развитию города, повышению его

¹ Круглый стол // Вечерний Мурманск. 2019. 14 апреля.

Рис. 5. Вверху: парк «Сказка» в Мурманске. Внизу: Геологический парк в Апатитах

туристической привлекательности. При этом он ни в коем случае не признал «исторической правды» Гипербореи, Гиперборея – миф, и ничего в этом вопросе не изменилось. Но проект дал возможность говорить и фантазировать «вслух», интерпретировать интересные природные находки в стиле фэнтези, привлёк множество людей к поискам таких «интересностей». А это, в свою очередь, дало материал для участия города в различных конкурсах российского масштаба (в сфере развития и продвижения территории), для привлечения средств с целью своего развития.

Подводя итоги

Естественно, ещё рано делать окончательные выводы. Но кое-что уже можно сказать. В качестве толчка для развития той или иной территории можно придумать новую идею, которую необходимо прорабатывать

во всех направлениях, или взять уже что-то готовое. Готовую развитую идею, которая имеет определённый круг поклонников, о которой знают в обществе, которая «привязывается» к специфике местности и к которой, в свою очередь, можно «привязать» различные «артефакты». Именно так и поступили в Ковдоре.

На сегодняшний день видно, что Гиперборея остаётся на том же уровне правдивости, что и Дед Мороз (после открытия его резиденции), по крайней мере, для разработчиков проекта и руководителей различных кампаний в его рамках.

В использовании уже готовых историй, которые привлекают внимание к краю, показывают его достопримечательности и позволяют направить первый, немного «детский», интерес любопытствующих туристов в познавательное русло, нет ничего плохого. Главное, чтобы не терялся лёгкий флёр иронии в рассказах о «следах Гипербореи» в наших краях. О чём мы говорим и на сайте GOARCTIC¹, посвящённом всем сторонам освоения арктического пространства.

¹ Ежова Н.М. Монетизация мифологии: хорошо это или плохо? // GOARCTIC. 2021. 26 апреля [Электронный ресурс] URL: <https://goarctic.ru/society/monetizatsiya-mifologii-khorosho-eto-ili-plokho-/> (дата обращения: 30.06.2021).

Полярные регионы:
динамика образов и смыслов

Polar regions: dynamics of
images and meanings

БИТЮЦКАЯ А.А.

Арктическая символика в русской философии Серебряного века

A. BITYUTSKAYA

Arctic Symbolism in the Russian Philosophy of the Silver Age

Сведения об авторе:

Битюцкая Алла Альбертовна, преподаватель факультета философии и психологии Воронежского государственного университета (Воронеж)
alla-bituzk@mail.ru

Author:

Alla Albertovna Bityutskaya, Lecturer at the Faculty of Philosophy and Psychology of Voronezh State University (Voronezh)
alla-bituzk@mail.ru

Аннотация

В статье обоснована философия Севера, повлиявшая на развитие русской философии XX в. В ходе исследования выявляется следующее. Во-первых, категория Севера откроет новый вектор для русской философии, возведя Арктику и северные широты в поле гиперборейского мифа. Во-вторых, рассмотрены воззрения мыслителей Серебряного века на Гиперборею. Созданный образ Гипербореи трансформирует представления о русской идее, которая рассматривалась исключительно в поле философии. Подобные воззрения станут открытием поиска потерянной Атлантиды.

Abstract

This article substantiates the philosophy of the North, which influenced the development of Russian philosophy of the XX century. The study reveals the following. First, the category of the North will open a new vector for Russian philosophy, elevating the Arctic and the northern latitudes into the field of Hyperborean myth. Secondly, the views of the thinkers of the Silver Age about Hyperborea are considered. The created image of Hyperborea transforms the ideas of the Russian idea, which was considered exclusively in the field of philosophy. Such views will be the discovery of the search for the lost Atlantis.

Ключевые слова:

Гиперборея, Серебряный век, Арктика, философия Севера.

Keywords:

Hyperborea, the Silver Age, the Arctic, the philosophy of the North.

Первое упоминание об Арктике и философии Севера происходит в середине XIX в. Иррационалисты в философии жизни открывают северное и южное направление. Первым демаркацию делает Фридрих Ницше. Он делит мир на север – Германия и славянские государства – и юг – средиземноморская культура, преимущественно территория Франции.

На севере преобладают ригоризм, фатализм и строгость. На юге довлеют чувственные стихии. Для северных широт подходит варварская религия, потому что море и приключения способствуют преодолению трудностей. Северяне – декаденты, они саботируют открытые деяния томных южан, им нужно покорять глетчеры.

Фридрих Ницше думал, что на Дальнем Севере (в Арктике) живут крайне одарённые и наивысшие люди: «Мы гиперборей – мы достаточно хорошо знаем, как далеко в стороне мы живём от других... По ту сторону Севера, льда, смерти – наша жизнь, наше счастье. Мы открыли счастье, мы знаем путь, мы нашли выход из целых тысячелетий лабиринта... Лучше жить среди льдов, чем под тёплыми веяниями современных добродетелей. Мы были достаточно смелы, мы не щадили ни себя, ни других, но мы долго не знали, куда нам направлять нашу смелость. Мы были мрачны, нас называли фаталистами. Нашим фатумом было: полнота, напряжение, накопление сил. Мы жаждали молний и действий, мы оставались вдали от счастья немощных, от “смирения”. Грозовые тучи вокруг, мрак внутри нас: мы не имели пути, формула нашего счастья: одно “да”, одно “нет”, одна прямая линия, одна цель. Что хорошо? Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? Всё, что происходит из слабости. Что есть счастье? Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия. Не удовлетворённость, но стремление к власти, не мир вообще, но война, не добродетель, но полнота способностей (добродетель в стиле Ренессанс, *virtu*, добродетель, свободная от моралина). Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно ещё помочь в этом»¹.

¹ Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2018. Т. 5. С. 266–267.

Север стремится к могуществу, к обладанию творческой эрой. На просторах Севера гиперборейцы находят своё духовное спасение и обновление: безмолвность крайних широт помогает служению и вырабатывает аскетизм. Аскетизм – визитная карточка гиперборейцев, символ творческого выживания и преображения. Поэтому спасение человечества в конце XIX – начале XX в. будет возложено на бесстрашных жителей Крайнего Севера.

Идея Фридриха Ницше найдёт благодатную почву на русской земле. Отечественные мыслители будут заняты творческим преображением и поиском Атлантиды. Многие представители Серебряного века считали, что пропавшая Атлантида находится в северных морях, в арктических широтах. Яркой иллюстрацией может служить картина Леона Бакста «Античный ужас», как символ поиска пропавшей реальности.

Многие философы перекладывают легенду о Гиперборее на славянскую почву. Например, Е.П. Блаватская будет использовать исключительность славянских народов как сопричастность к духовному универсуму. Более цветописно умственное освоение Арктики произойдёт у писателей и поэтов Серебряного века.

Первым, кто заговорил об уникальности Арктики и Крайнего Севера, стал Валерий Брюсов:

В равнине скудной сумрачной Скифии,
Где реки стынут в льдистом обличии,
Поэт земли Гиперборейской
Станет моим подражать напевам¹.

Он первым из символистов начинает поиск новой северной земли, веря, что случится возрождение.

Второй представитель Серебряного века – Дмитрий Сергеевич Мережковский, который верил в исключительность гиперборейской легенды. Гиперборейская легенда в идее Мережковского такова: крайний Русский Север, где живут фантастические люди – преимущественно язычники. Он верил, что выход из культурного и религиозного кризиса Серебряного века возможен с помощью языческих верований. Помимо упоминания гиперборейской легенды в статьях, ярче всего проиллюстрирована эта идея в трилогии «Христос и Антихрист». Например, во второй части трилогии «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи»: «Художник, надеясь получить более точные сведения от самого Карачарова, обратился

¹ Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. М., 1973. Т. 2. С. 77.

к нему через переводчика и стал расспрашивать о далёкой стране, которая возбуждала любопытство Леонардо, как всё безмерное и загадочное, – о её бесконечных равнинах, лютых морозах, могучих реках и лесах, о приливе в Гиперборейском океане и Гирканийском море, о северном сиянии»¹. Даже в эмиграции у писателя будет сохраняться идея о волшебном Севере.

Третий представитель – Вячеслав Иванов. Он изначально продвигает идею дионисийского возрождения на русской почве. Для отечественного Ренессанса требовался самобытный фактор. Арктика и Крайний Север очень подходили. Поэтому мыслитель начинает спекулятивно населять северные широты грядущей творческой мессией. Иванов ищет место, где будет проживать обновлённая славянская нация, базирующаяся на творческой соборности: «Философ презентует идею о четырёх типах искусства: всенародное, демотическое, интимное, келейное. Каждый тип по-своему проявляется в жизни творца»². Для реализации типов требовалось познать тайну загадочной северной страны:

...Кто познал явлений красоту,
Тот познал мечту гиперборея:
Тишину и полноту
В сердце сладостно лелея,
Он зовёт лазурь и пустоту³.

Вячеслав Иванов считал, что высшая задача отечественной интеллигенции – это познание мечты гиперборея. Он верил, что Север откроет для России новую вселенную смыслов. Неслучайно в начале XX в. стали модными путешествия на Русский Север. Интеллигенция пыталась найти незнатных персоналий на волшебной земле.

Таким образом, символика Арктики в философии Серебряного века самобытна. Бросается в глаза переложение гиперборейского мифа: поиск волшебной северной страны. Но в отечественном мироощущении прекрасная страна отождествлялась с Атлантидой. Поэтому Серебряный век начинает поиски Северной Атлантиды.

Современный исследователь С.А. Симонова отмечает: «...весь ход развития человеческой культуры свидетельствует о том, что стремление

¹ Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: Трилогия. М., 1990. Т. 2. С. 253.

² Битюцкая А.А. Соборный театр Серебряного века // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 4. С. 51.

³ Иванов В.И. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачёва. М., 1994. С. 135.

к абсолюту, к универсальному неслиянно-нераздельному единству есть двигатель духовного развития человечества, несмотря на этнические, экономические, социальные и другие различия. Без этого перманентного восхождения языческие, монотеистические, технократические культуры не нашли бы идеологического фундамента для своего развития»¹. Поэтому можно сделать вывод, что русские мыслители Серебряного века стремились найти новый абсолют в бескрайних просторах Крайнего Севера. Этот поиск актуален и сейчас, потому что Гиперборея не была найдена ещё 100 лет назад.

¹ Симонова С.А. К вопросу о смыслах «актуального» искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 29.

ВРТАНЕСЯН Г.С.

Арктические особенности двух мифологических евразийских сюжетов

G. VRTANESYAN

Arctic features of two mythological Eurasian plots

Сведения об авторе

Вртанесян Гарегин Суренович, кандидат технических наук, научный консультант Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
veges2011@yandex.ru

Author:

Garegin Surenovich Vrtanesyan, candidate of Technical Sciences, research consultant Centre for the study of religions, Russian state university for the humanities (Moscow)
veges2011@yandex.ru

Аннотация

В работе рассмотрены особенности образов трикстера и героя, занимающих важное место в нарративе народов Северной Евразии. Трикстерский цикл описывает борьбу за выживание малого, подвижного существа с большим, старым и неповоротливым людоедом (великан, чёрт и др.). Другой описывает подвиги героя – позднего сына бездетной пары. Эти два мотива представлены в виде героического эпоса и трикстерского цикла. Последний в Северной Евразии выявлен и изучен подробно лишь для Чукотки и Камчатки (цикл Ворона). В североевразийских текстах очень сложно выделить в чистом виде образы трикстеров и героев. Персона людоеда, одна из ипостасей «мирового зла», являясь третьим углом этого «треугольника», по сути, дополняет эту пару, мотивируя действия героев и трикстеров. Рассматриваются особенности арктических версий обоих циклов.

Abstract

The article considers the features of the images of the trickster and the hero, which occupy an important place in the narrative of the peoples of Northern Eurasia. The trickster cycle describes the struggle for survival of a small, mobile creature with a large, old and unwieldy “ogre” (giant, devil, etc.). Another describes the exploits of the hero, the late son of a childless couple. These two motifs are presented in the form

of a heroic epic and a trickster cycle. The latter in Northern Eurasia has been identified and studied in detail only for Chukotka and Kamchatka (the Raven Cycle). In the North-Eurasian texts, it is very difficult to distinguish the images of tricksters and heroes in their pure form. The person of the ogre, one of the hypostases of the “world evil”, being the third corner of this “triangle”, in fact complements this pair, motivating the actions of heroes and tricksters. The features of the Arctic versions of both cycles are considered.

Ключевые слова:

трикстер, последний герой, людоед, календарный миф.

Keywords:

trickster, the last hero, “ogre”, calendar myth.

Введение

Говоря об «арктических особенностях», автор подразумевает версии текстов народов Циркумполярного региона, в первую очередь североазиатские (Сибирь, Чукотка, Камчатка) и в меньшей степени североамериканские (Аляска, Северная Канада). В нарративе народов Евразии особое место занимают два «бродячих» образа, формирующих трикстерский и героический циклы. «Трикстерский» описывает борьбу за выживание малого, подвижного, юркого и изобретательного зоо- (антропо-) морфного существа (трикстер) с большим, неуклюжим, неповоротливым и старым существом (людоед, великан, «чёрт», медведь, менкв и др.). При этом людоед соотносился чаще с тьмой, зимой, холодом и смертью и нередко был также обладателем большого запаса еды. Последнее лежит в основе эпизодов с похищением зимней еды (юкола, жир и др.) у людоеда или «лесной бабушки» (ороки, северные ханты, манси, эвенки и др.)¹. Интерес к этим мотивам оправдан, по мнению автора, тем, что они являются стержневой частью календарного мифа (КМ). КМ – «совокупность мифологизированных представлений о циклическом ходе времени в природе, соотнесенных с особенностями климата в период формирования или преобразования этих представлений»². В это семантическое поле входят и календарные символы, астральные, растительные, зоо- и орнитоморфные и пр. Учтём, что обычно в календарной лексике упоминаются

¹ Вртанесян Г.С. Эпические герои и трикстеры в аспекте календарного мифа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2019. № 1 (13). С. 5–23.

² Вртанесян Г.С. Календарно-числовая символика в археологических культурах Бактрии и Маргианы поздней бронзы // На пути открытия цивилизации. Сб. ст. СПб., 2010. С. 413.

в первую очередь символы и образы, которые имеют прямую пищевую ценность или отмечают наступление периодов миграции промысловых животных, рыб или птиц, облегчающих их добычу¹. Поэтому ожидаема привязка особенностей сюжетов к наиболее важным календарным фенологическим событиям – точкам перелома погоды на лето и на зиму, обычно совпадающим или близким к точкам солнечной эклиптики – солнцестояниям и равноденствиям.

В текстах героического цикла описываются жизнь и деяния богатыря – героя, позднего, нежданного и чаще всего единственного сына старой бездетной пары, родившегося в отсутствие или без вельможи отца. Необычность его появления подчёркивается такими деталями, как: рождение из колена, подмышки, бугорка на спине, темени или большого пальца матери (полная подборка литературы в аналитическом каталоге, мотив F2²). То есть это всегда часть тела, которая имеет выпуклость (колено, темя, бугорок) или вогнутость (впадина, подмышка). Выделяются общие черты образа героя, это изоляция младенца в детстве, убийство или калечение им сверстников (или родственников), быстрый рост (день = год), попытка его устранения (убийства) силами Зла и др. В некоторых традициях герою в детстве калечат ноги. Происхождение героя связано одновременно со стихиями огня и воды. Важная черта этого образа – способность «управления» погодой в зрелом возрасте. Южные версии мифа соотносят этот образ с сыном Бога Грозы, который, являясь в классическом виде «основным мифом» индоевропейцев, претерпевает на севере Евразии существенную трансформацию. При этом некоторые циркумполярные версии сохраняют основные особенности героического цикла – конфликт нежданного сына с отцом, его бездетность и в меньшей степени уход в конце земной жизни из Среднего мира (в лес, на небо и др.³).

При всём своеобразии, в северных версиях сохраняется основной алгоритм: зачатие и рождение героя бездетной матерью в отсутствие отца и невозможность его существования в социуме, с уходом в конце земной жизни к настоящему отцу. Так поступает герой, родившийся от сполоха

¹ Вртанесян Г.С. Ильин день в календарных мифах народов Урала и Западной Сибири // Вестник угроведения. 2019. № 3. С. 535–536.

² Берёзкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 16.06.2021).

³ Вртанесян Г.С. Эпические герои и трикстеры в аспекте календарного мифа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2019. № 1 (13). С. 7; Он же. Сибирские реминесценции «основного мифа» индоевропейцев // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: Сб. ст. Якутск, 2020. С. 296–297.

северного сияния у бездетной жены охотника, который погибает на охоте. С горя его мать удавилась, а сын ушёл на небо, к настоящему отцу (инупиаты, азиатские эскимосы Берингова пролива)¹. Сын медведицы и охотника не уживается с людьми и уходит в тундру².

Трикстер (по сибирским и дальневосточным текстам) – вёрткое, подвижное существо малых размеров, сирота или приёмный. Трикстер: 1) склонен к оборотничеству, принимая обличья лисы, медведя, оленя, колонка, горноста, синицы и др.; 2) уйдя на охоту или рыбную ловлю и нарушив волю старших (бабушка, тётя, мать), заходит в «запретные» места (нижняя часть водоёма – символ иного мира), попадает в ловушку (прилипание к пню, «куче», кочке и др.) людоеда или «лесной бабушки»; 3) попав в его мешок (лукошко, брюхо), высвобождается и убивает его хитростью или ловкостью (игра в прятки), вырезая в его теле выход к свету, выводит из тьмы себя и ранее проглоченных людей, скот и т. д., обманом убивает и скармливает людоеду его детей; 4) большая часть сюжетов, связанных с похищением трикстером еды (жир, юкола, рыба, добыча) у старухи, старика или людоеда, приурочена к зиме; 5) культурный герой даёт новые знания и навыки³.

Сравним образы трикстеров и героев. Есть ряд схожих черт: калечение/убийство сверстников, конфликт со взрослыми (непослушание), одиночество и др., но образы трикстера и последнего героя имеют ряд характерных различий. Из-за проклятия отца последний герой бездетен и бессмертен, а трикстер без устали размножается. Герой может управлять погодой, трикстер нет. Даже убивая людоеда, трикстер даёт начало новой жизни (комары, мошка). Трикстер – малое, подвижное, вёрткое существо. Герой имеет богатырскую статью, быстро растёт в детстве и неуклюж, и к концу жизни его не выдерживает земля. Герой «отмечен» аномалиями (отсутствие пупка, родинка на спине, пятка и др., необычное рождение (из бока, бедра и т. д.)), принадлежит к известному роду, а трикстер безроден. Подвижности трикстера противопоставлена скованность героя («кольчуга»), появляющаяся у него с взрослением. Трикстер – создатель, а герой (во многих сюжетах) – неумеха, разрушитель. В целом, если оценивать семантику образов с экологических позиций, трикстер соотносится с малолюдьем, с расширением жизни, герой – с перенаселённостью локуса обитания. Неотъемлемая часть обоих сюжетов – вселенское (зима, тьма) или локальное (голод, холод) Зло в разных обличьях

¹ Keithahn E.L. *Alaskan Igloo Tales*. Seattle, 1958. P. 52–61.

² Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 434–447.

³ Вртанесян Г.С. Эпические герои и трикстеры в аспекте календарного мифа // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*: Сер. «Эпосведение». 2019. № 1 (13). С. 9–10.

(людоед, чёрт, менкв, сказочный старик и др.), борьба с которым придаёт смысл действиям как трикстеров, так и героев¹.

Описание особенностей всех арктических версий этих сюжетов выходит за рамки работы, поэтому ограничимся наиболее характерными. К ним можно отнести сюжеты, связанные с добычей пищи (наиболее распространённые в трикстерском цикле), причём по обе стороны Пасифики. Их выбор диктуется следующим. Главным герой трикстерского цикла палеоазиатов, жителей Аляски и Северной Канады – Ворон. Цикл Ворона (палеоазиаты, тлинкиты, хайда, атапаски и др.) подробно описан. В нём есть описания героических деяний Ворона (сватовство с Солнцем и Луной, добывание света и т. д.). Но основа существенной части трикстерских текстов – это добыча еды. При их внешнем, формальном различии, именно на это направлены используемые Вороном уловки и хитрости (вечно голодный Ворон чукчей и северных атапасков, прожорливый Иель тлинкитов). Сюжеты, основная цель которых – добыча пищи, находят свои параллели в трикстерских сюжетах с участием одинокого сироты или лисы (или зооморфного вёрткого существа (птичка)). Эту параллель проводил ещё Е.М. Мелетинский, сравнивая Ворона палеоазиатов с мансийским Эква пырисем или нганасанским Дяйку². Основная территория их бытования – Сибирь (энцы, нганасаны, северные селькупы, обские угры, юкагиры, эвенки, ороки и др.), и при всём своём внешнем разнообразии они соотносятся в первую очередь с похищением зимней еды, необходимой для размножения («расширения» жизни) трикстера, у её обладателя – людоеда (старика, старухи).

Второй мотив, также входящий в трикстерский цикл, особенный – в его основе лежат счёт и учёт календарного времени. Речь о приключениях бурундука, в которых полностью отсутствует мотив похищения еды при абсолютной доминанте мотива отсчёта календарного времени. Основной ареал бытования мотива «бурундук» как маркера календарного времени – Западная Сибирь (кроме ненцев), он полностью отсутствует у палеоазиатов (коряки, чукчи, ительмены) и юкагиров и появляется лишь в Северной Америке³.

Для героического цикла – это деяния героя в образе сына медведя и приключения героя-неумехи. Особенности последнего образа показательно выявляются в текстах народов, имеющих отношение

¹ Врганесян Г.С. Эпические герои и трикстеры в аспекте календарного мифа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2019. № 1 (13). С. 11.

² Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. С. 30, 111–112, 132–134, 184–186.

³ Берёзкин Ю.Е. Полосатый бурундук: фольклорный мотив в Старом и Новом Свете // Бестиарий П. Зооморфизмы Азии: движение во времени. Сб. ст. СПб., 2012. С. 6–11.

к транспортному оленеводству (так называемый северный илимпийский вариант ороchonского типа), в нём уход за оленями лежал на мужчинах¹. И наконец, последнее – это особенности используемых в текстах чисел и числовых комплексов, которые, как представляется, имеют связь и с особенностями архаичных счётных процедур, и со спецификой отсчёта календарного времени.

Трикстерский цикл

При всём внешнем разнообразии образа (см. мотивы L42, L42B, M44, M85 и др.²), в основу трикстерского цикла у народов Сибири (ненцы, обские угры, селькупы, юкагиры, эскимосы и др.) положены приключения зоо- / антропоморфного трикстера, попадающего в ловушку полуслепого, наивного «людоеда / чёрт / великан / сказочный старик» при попытке добычи еды. На Чукотке, Камчатке в Северной Америке (Аляска, Северная Канада) это описание приключений Ворона, часть которых можно отнести к героическому циклу (создание окружающего мира, похищение света и огня и т. д.). Содержание основной части текстов с участием Ворона-трикстера – добыча еды³, что сопоставимо с поведением сибирских зооморфных трикстеров (лиса, маленькая птичка и др.), успешно обманывающих и убивающих полуслепого и доверчивого людоеда, забирающих у него еду и/или имущество.

Одним из общих образов трикстерского цикла в Северной Евразии и Северной Америке является бурундук, занимающий важное место в календарном мифе, лексике и фольклорных текстах народов от Урала до Охотского моря и Северной Америки (сэлиши, чинук, якима, алгонкины и др.)⁴. Бурундук из-за царапин, нанесённых медведем/пумой/совой (в Северной Америке), становится символом перехода через равенство света и тьмы (равноденствие) и «маркером» естественного хода природных событий. Он спасается от преследующей его людоедки на дереве, что вполне соотносится с поведением западносибирских трикстеров. Выбор бурундука вполне отвечает реалиям. Неустойчивая погода, вследствие частой перемены направления ветра и резкого повышения инсоляции в феврале – апреле, ведёт к быстрой смене замерзания и оттаивания поверхности снега. При этом выход бурундука из спячки совпадает со временем, когда ледяная корка перестаёт выдерживать вес

¹ Василевич Г.М. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 194.

² Берёзкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Указ. соч.

³ Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. С. 151–170.

⁴ Берёзкин Ю.Е. Полосатый бурундук: фольклорный мотив в Старом и Новом Свете // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. Сб. ст. СПб., 2012. С. 6, 7.

охотника. Это сигнал для прекращения пушной охоты и перехода к охоте на копытных по насту¹. Его можно трактовать как нескончаемую череду поражений и побед «трикстера» (символа наступающего тепла) в борьбе со старым людоедом – ледяной коркой как персонификацией зимы, завершающуюся победой трикстера, с ослеплением и убийством людоеда (= зима)².

Если в целом сравнивать трикстерский цикл по текстам народов Сибири с условно палеоазиатским (цикл Ворона), то окажется, что, несмотря на ряд общих черт, – даже, например, в мотиве убийства чудища (кит, олень, людоед) изнутри (коряки, долганы, эвены и др.), по семантике одинаковом с добыванием Луны, Солнца и светил из Нижнего мира (или мешка) с помощью маленькой птицы, зайца и др.), по форме выражения они существенно отличаются. Это почти абсолютная доминанта образа Ворона, который сочетает функции культурного героя, демиурга, и трикстера. И, видимо, не случайно, что в текстах, близких по семантике к сибирским, чужой трикстер (= культурный герой) Ворон часто оказывается неудачником³, в соответствии со схемой смены ролевых инверсий⁴.

Героический цикл

Одна из характерных черт циркумполярных версий героического цикла – персонификация героя в образе сына медведя/-дицы, плохо приспособленного к жизни в социуме. В евразийских версиях герой в образе сына медведя, рождённого или воспитанного с участием медведя или медведицы, является знаковым образом⁵, основой «медвежьего мифа» в Евразии. Рождение героя связывается с похищением медведем девушки, собирающей ягоды или коренья, которые могут быть соотнесены (в силу реалий) с Нижним миром. Распространённый вариант медвежьего мифа тунгусов – пропажа девушки во время сбора ягод. Спустя год её встречает в лесу бывший жених, нагой и с медвежатами – результат зимовки в медвежьей берлоге⁶.

¹ Алексеев Е.А. Мифы, предания, сказки кетов. М., 2001. С. 17.

² Врганеян Г.С. Эпические герои и трикстеры в аспекте календарного мифа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2019. № 1 (13). С. 12.

³ Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. С. 19.

⁴ Берёзкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 2003. С. 98.

⁵ Серов С.Я. Медведь – супруг // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 185–186.

⁶ Хасанова М.М. Медвежьи мифы негидальцев // Материалы полевых этнографических исследований МАЭ РАН. СПб., 2004. Вып. 5. С. 53.

Запрет на подбирание ягод с земли был у кетов¹. Мифы этого круга широко известны и в Северной Америке (глинкиты – колоши)². Женщина, ушедшая в лес за ягодами, поскользнувшись на медвежьих экскрементах, роняет туес, рассыпает ягоды и, помянув в сердцах их хозяина, начинает собирать ягоды с земли. Нарушение сборщицами ягод сложившейся этики и норм природопользования наказывается пленом и зимовкой у хозяйина Низа (описание мотивов у населения Арктики и Субарктики (мотив K87B): чугач, глинкиты, тагиш, южные и северные тутчони, талтан, каска; Северо-Западное побережье: эяк, цимшиан, хайда, белакула, увикино и др.³). Обратим внимание на особую роль, которую играет в медвежьем культе и мифе мотив конкурентной борьбы за пищевые ресурсы (ягоды, коренья), и медведь здесь является, по-видимому, символом Нижнего мира⁴. Более редок мотив с похищением мужчины-охотника медведицей (чукчи)⁵. Сын охотника, рождённый от медведицы (Кайнывалю – медвежье ухо, коряки), сам является инициатором убийства матери и возвращения к людям. Однако он плохо уживается в социуме, из-за своей медвежьей силы во время игр он калечит детей, сверстников-соседей, и его выгоняет в тундру родной отец⁶.

Существенную роль в формировании новых сюжетов с участием богатыря-неумехи сыграло оленеводство. Показателен сюжет (чукчи), когда бурый медведь (!) приходит наниматься в пастухи к богатому оленеводу (чаучу)⁷. Это приключения нескладного и бесхитростного героя-неумехи, обладающего силой и полным отсутствием навыков к повседневному существованию (охота, оленеводство и др.) в социуме. Чаще это младший брат, реже старший. В некоторых сюжетах этот образ сближается с «последним героем» – единственным сыном пожилой бездетной пары. В некоторых традициях (эвены, Ои/е) он оказывается участником мотива небесной погони. Удача на охоте обходит его стороной, зато он ненароком калечит или убивает родственников, выполняя домашние обязанности. Этот мотив встречается на востоке (эвены, эвенки, якуты, тундровые юкагиры, ороки) и в меньшей степени в Западной Сибири (ненцы, энцы,

¹ Алексеевко Е.А. К изучению мифологических параллелей медвежьему культу // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб., 1995. Вып. 2. С. 42.

² Вениаминов И. Записки об атхинских алеутах и колошах // Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. 3. С. 86–89.

³ Берёзкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Указ. соч.

⁴ Вртанесян Г.С. Ильин день в календарных мифах народов Урала и Западной Сибири // Вестник угроведения. 2019. № 3. С. 536.

⁵ Сказки Чукотки / Сост. О.Е. Бабошина. М., 1958. С. 118–122.

⁶ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 434–447.

⁷ Там же. С. 333–334.

нганасаны, северные селькупы). Мотив неизвестен у обских угров, южных селькупов, коряков, ительменов, южных тунгусов. Наиболее распространён цикл из эпизодов, связанных с оленями, которым неумеха отрезает ноги, когда те отказываются входить в воду, убивает грудного племянника, выдавливая тому «чирей» (мозги), убивает попавшую в капкан мать, ставит чум в середине реки, выпускает пойманных в силки животных, солит суп, посыпая солью реку, и т. д. Спасаясь от него, братья сталкивают его в прорубь, оставляют на острове и т. д. (мотив М39А)¹.

Рассмотрим основные черты сходства и различия «неумехи» с последним героем и трикстером. Во-первых, в большей части сюжетов, в отличие от трикстера-сироты, «неумеха» имеет семью (мать, брата), физически силен, но неловок. По ряду действий (убийство/калечение родственников или свойственников, выпуск на волю из капканов добычи), отсутствию сведений об отце он схож с последним героем. У эвенков наиболее распространён мотив с младшим братом-неумехой Ивулем (Ивульдер). Ивул: 1) дикий, странный; 2) придурковатый, бестолковый (П-Т, Аг, Брг, Е, З, Н, У, Учр, Тит)², то есть этот образ известен практически у носителей всех наречий эвенкийского. Реже Ивул старший, неумеха – младший Ч(а/о)ро (сымские и амурские эвенки)³. У эвенов брат-неумеха (Оиндя / Ое) наделён и космогоническими функциями: Млечный путь – следы его лыж⁴.

Персонаж с близкими характеристиками – Мэник Мэгинийээн (шалун-баловень, якуты). Кроме проделок с оленями, убийства матери, младенца и др., наделён и функциями трикстера: хитростью убил ребёнка (дочь) людоедки (женщины абаасы), накормил её ребёнком и потом убил и её саму⁵. Баручи у энцев наделён признаками принадлежности к иному миру (однорук, одноног), брошенный братом в прорубь (= вход в Нижний мир), не тонет, а возвращается через три дня с рыбой. Сюжет мозаичный, включает элементы трикстерства. Есть эпизод, в котором Баручи хитростью и при помощи своих друзей (лямки, пестика, шила, мышцы) одолевает людоеда Сихио, убивающего людей (энцы)⁶. С уловом (осётр) возвращается из реки другой брат – неумеха (тундровые ненцы)⁷.

¹ Берёзкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Указ. соч.

² Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ). Материалы к этимологическому словарю. Л., 1975. Т. 1. С. 295.

³ Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936. Вып. 1. С. 122–123.

⁴ Черканов К.С. Эвенские сказки. Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 19–23.

⁵ Попов А.А. Якутский фольклор. Л., 1936. С. 169–174, 311–327.

⁶ Долгих Б.О. Мифологические сказки и исторические предания энцев // Труды Института этнографии. Новая серия. М., 1961. Т. 66. С. 32–36.

⁷ Куприянова З.Н. Ненецкий фольклор. Л., 1960. С. 90–94.

Трикстер Деваку – сирота и в своей человеческой ипостаси неумелый охотник («плохой стрелок» и добытчик). Однако он умеет превращаться в медведя, который является весьма умелым охотником на оленей (лесные ненцы)¹, сочетая, таким образом, в себе черты обоих начал. Наряду с заимствованием транспортной модели оленеводства, воспринимается не только сюжет о брате-неумехе, но и названия героя, как неотъемлемой части мифологемы.

Нганасанская версия мотива является практически калькой с тунгусского. Имя героя Ибул (< Ивул) не имеет нганасанских (или самодийских) этимологий. Нганасанский Ибул (неумеха) жалеет и выпускает из ловушек зверей, убивает племянника и жену брата, ставит чум в реке (вместо берега)². В перечисленных версиях конфликт с отцом, более характерный для южных версий мифа о последнем герое, трансформировался в убийство матери. Но сохранены в основном мотивы убийства/калечения родственников и, реже, мотив бесплодности героя-неумехи.

Кроме очевидной близости сюжетов, в которых обязательно фигурирует домашний олень, можно полагать, что наиболее подробный и «канонический» (снятие камусов с оленей, убийство родственницы, ребёнка, отпуск пойманных зверей, установка чума в реке, отрезание «ребра» и «пятки» и др.) образец сюжета почти полностью соотносится с областью распространения таежного транспортного оленеводства тунгусского (эвенкийского) типа (эвенки, якуты, ороки и др.)³.

В целом, если подвести итог этого краткого исследования, можно сказать, что, при сохранении мотивов конфликта с отцом, убийства/калечения сверстников и др., основной мотив рождения героя из огня и воды, который характерен для южных версий мифа о последнем герое (и который соотносит его с Ильиным днём), в циркумполярных версиях (Чукотка, Камчатка) сюжета о последнем герое отсутствует. Причина тому, по-видимому, природные реалии – очень холодное лето с незаметным переходом к осенне-зимнему периоду, без грозных дождей начала августа и резкого похолодания, знаменующих поворот погоды «на зиму»⁴.

Неотъемлемая часть как трикстерского, так и героического циклов – вселенское зло в образе людоеда или разных злых духов/демонов. Притом людоед в трикстерском цикле очень часто соотносится с запасами зимней

¹ Тарутина П.Г. Легенды и сказки лесных ненцев. Новосибирск, 2003. С. 61.

² Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980. Вып. 3. С. 50–52.

³ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 76–77.

⁴ Вртанесян Г.С. Ильин день в календарных мифах народов Урала и Западной Сибири // Вестник угрюдения. 2019. № 3. С. 536–537.

еды. Если, условно говоря, летний спектр эмоций насыщен всеми оттенками радости, то зимнему отвечает крайний прагматизм, при этом главной, если не наивысшей, ценностью и основой бытия становятся запасы еды. Сакральный характер процесса запасания зимней пищи нашёл своё отражение в названии Большой Медведицы – «вешала для сушки рыбы» (у тунгусов Амура)¹. Юкола (сушённая на зиму рыба) была столь ценна, что у нивхов не было запрета на употребление даже рыбы, украденной у обитателей Нижнего мира, несмотря на угрозу смерти². То же самое относится к запасам животного жира, составляющего (вместе с ягодами и кореньями) важнейшую часть зимнего питания. Нерпичий желудок с жиром стал ключевым элементом в айнских текстах («Три мужика» и др.)³.

Числовые характеристики циклов

Фольклорные и особенно эпические тексты содержат числа или числовые комплексы. Известны два основных подхода к числам: первый – как к членам однородных, полностью десемантизированных рядов; второй – отражение в них неоднородности мифопоэтического пространства, то есть наделение членов числового ряда определённой семантикой⁴. Этот подход приемлем, однако возможно его развитие, состоящее в выделении числовых рядов или комплексов – последовательности чисел, содержащих три члена или более (числовой ряд, тогда как «ступень» (частный случай ряда) – двучлен⁵). Основания для выделения рядов или ступеней могут быть разные: принадлежность перечисляемых объектов (субъектов) к одному действию (обход, путешествие) или именному классу (расстояние, время или размеры); препятствия – гора, ущелье, озеро, река, долина; строительные конструкции – столб, подпорка, стена; люди – род, племя, слуги, богатыри, коноводы; домашние или дикие животные, птицы; время – день, ночь, месяц, год; человеческие качества – уловки, хитрости, колдовство и т. д.⁶

¹ Аникин А.Е. К типологии названий Большой Медведицы в языках Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. «История, филология и философия». 1990. Вып. 3. С. 18–21.

² Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гиляков // Этнография. 1929. Кн. 7. С. 101–102.

³ Пилсудский Б. Фольклор сахалинских айнов. Южно-Сахалинск, 2002. С. 15.

⁴ Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 30–31.

⁵ Вртанесян Г.С. Числовые комплексы в текстах и материальной культуре народов Урала, Приуралья и Сибири // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 527.

⁶ Подробнее см.: Вртанесян Г.С. Календарно-числовые особенности эпических текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2018. № 3 (11). С. 23–24.

Проблема существования числового комплекса 6–7 / 7–6 в нарративе народов Урала и Западной Сибири рассмотрена ранее. Показано, что в текстах (эпос, миф, сказка) народов Урала и Западной Сибири существуют числовые комплексы (ЧК), вид и форма которых определяются двумя факторами. Первый – особенности сезонной освещённости, то есть соотношение длительности летней и зимней «дорог» солнца, выраженной в сидерических (27 суток) месяцах. Летняя дорога солнца начинается с зимнего солнцестояния и завершается в начале августа, с наступлением Ильина дня. Второй фактор, определяющий выбор чисел 6 и 7, связан с особенностями архаичных счётных процедур – существованием алгоритмов парности счёта (1–2, 3–4, 5–6). В наиболее явном виде он зафиксирован в уральских языках. В частности, в обско-угорских текстах чётко доминирует числовой комплекс $7 > 6$, он встречается у кетов (и в меньшей степени у ненцев). Числовые комплексы 6–7 и 7–6 характерны для героического цикла¹.

Указанные числовые комплексы на основе чисел 1–2 и 6–7 можно соотнести с реликтами архаичных стадий счёта, в основе которых лежало понятие «пары»². Подчеркнём, что сказанное относится только к уральским и западносибирским текстам.

Фольклорные и эпические тексты Восточной Сибири (якуты, эвенки) имеют другие числовые характеристики, в них доминируют числа 3, 9, 8 и числовые комплексы на их основе³. В долганских текстах, наряду с числами 3, 8 и 9, сохраняется и число 7⁴. Юкагирские тексты, по-видимому, занимают промежуточное положение между западносибирскими и восточносибирскими. В них доминируют парные числа (2, 4, 8). Для победы над сказочным стариком (людоед в юкагирской традиции) старушка ловит двух щук, выкапывает из-под снега два лебединых яйца, находит четыре камня, которыми и побеждает людоеда⁵. Чуульдьии пулут – сказочный старик (людоед) имеет восемь детей, желающих съесть человека-трикстера Довре⁶.

¹ Подробнее см.: Вртанесян Г.С. Календарно-числовые особенности эпических текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2018. № 3 (11). С. 21–41.

² Напольских В.В. Реконструкция числительных и реконструкция систем счисления: уральские языки // Числа в системе культуры: Сб. ст. // Сост. М.В. Ахметова. М., 2012. С. 10–11.

³ Вртанесян Г.С. Календарно-числовые особенности эпических текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Сер. «Эпосоведение». 2018. № 3 (11). С. 30–31.

⁴ Фольклор долган / Сост. П.Е. Ефремов. Новосибирск, 2000. С. 27.

⁵ Жукова Л.Н., Чернецов О.С. Хозяин земли: легенды и рассказы лесных юкагиrow. Якутск, 1994. С. 76–78.

⁶ Фольклор юкагиrow Верхней Колымы / Сост. Л.Н. Жукова и др. Якутск, 1989. С. 148, 151.

В мифологических и фольклорных текстах носителей палеоазиатских языков (Чукотка, Камчатка) доминируют в основном число 5 или кратные ему числа¹. В чукотских, корякских и эскимосских текстах числа и ЧК на основе 6 и 7 практически отсутствуют. Ниже приведены примеры использования числа 5 в текстах. Эскимосы: «Пять девушек и майирахпак», «Сирота и пять братьев», «Пять братьев» и др.² Людоед, попавший в ловушку трикстера, откупается шкурами пяти лисиц и пяти росомах³. Тексты «Пять братьев и женщина», «Пять дочерей», «Оленеводы» и др.⁴ Чукчи: «Оленевод и его дочь», «Волчья стая», «Шаман», «Ловкая женщина» и др. Коряки: «Эмэкут и Хаеэлгыт», «Пять сестёр», «Иинталат» и др.⁵ То есть числовой «облик» текстов заметно отличается. Если на западе Северной Азии заметно доминируют числовые комплексы на основе 6 и 7 (Западная Сибирь, обские угры, кеты и др.), то в Восточной Сибири это числа 3, 8, 9. На Дальнем Востоке и Чукотке доминируют число 5 и его производные.

Выводы

Североазиатские мифологические и фольклорные тексты не позволяют выделить в классическом виде трикстеров и героев. Причина этому – частые ролевые инверсии, связанные с миграциями и интенсивными этническими контактами в Циркумполярном регионе, иногда со сменой основного хозяйственно-культурного типа, языка коммуникации и др. В текстах героического цикла, несмотря на всевозможные трансформации и изменения, сохраняется основа сюжета – конфликт нежданного сына, рождённого в отсутствие отца, его бездетность и, в конце, уход его из Среднего мира (в тундру, на небо и т. д.). Особенность героического цикла в Восточной Сибири – коннотация его с таёжным оленеводством и доминированием образа неумехи – трансформированной версии последнего героя. Основой трикстерского цикла на всей территории севера Азии и Пасифики является добыча еды. Особенность палеоазиатского трикстерского цикла – отсутствие сюжетов, связанных с бурундуком, маркером счёта и учёта календарного времени.

¹ Островский А.Б. Числовой код в мифологическом нарративе культур Тихоокеанского Севера // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 68–97.

² Огненный шар. Легенды, предания и сказки эскимосов / Сост. Я. Маховский, пер. С. Тельнюк. Магадан, 1981. С. 46, 49, 100.

³ Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов: чаплинский диалект. М.–Л., 1954. Т. 1. С. 167.

⁴ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 121, 169, 179, 227–231, 280–282, 306–307, 412, 449, 484.

⁵ Там же.

Неотъемлемая часть обоих сюжетов – мировое/локальное Зло в разных обликах, само существование которого наделяет смыслом деяния героев и трикстеров. Наборы чисел и числовых комплексов в нарративе населения циркумполярной области отличаются достаточно существенно. Для героического цикла на западе Северной Азии чаще используются числа 6 и 7 и числовые комплексы на их основе (или их производные). В героическом цикле в Восточной Сибири используются числа 3, 8, 9 или их производные. У палеоазиатов (чукчи, коряки, эскимосы и др.) доминирует число 5 (рука) или его производные 10 и 20, что соотносится со спецификой архаических счётных процедур.

ЗВЯГИН С.А.

Маринистика как художественное освоение Арктики

S. ZVYAGIN

Marine painting as an artistic mastering of the Arctic

Сведения об авторе:

Звягин Сергей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института биогеографии и генетических ресурсов Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики УрО РАН им. академика Н.П. Лавёрова (Архангельск)
zvyagin7@yandex.ru

Author:

Sergey Alexandrovich Zvyagin, PhD in Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Biogeography and Genetic Resources of the Federal Research Center for the Comprehensive Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences named after academician N.P. Laverov (Arkhangelsk)
zvyagin7@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается жанр живописи – маринистика и её особое направление, связанное с изображением Арктики. Автором затронута тема освоения Арктики в рамках эстетического и философского подходов. Ощущение моря и Арктики рассматривается в особом восприятии бытия, порой экстатическом и внутреннем психологическом состоянии прорыва. Море и Арктика являются универсальными объектами познания, становятся той реальностью, которая порождает разнообразные варианты их воспроизведения. Маринистика рассматривается и как символический капитал морского наследия, в котором априори известно, что не море, не корабли и не льды, а только человек и незримое его присутствие выступают главным смысловым героем марин.

Abstract

The article examines the genre of painting – marine painting and its special direction associated with the depiction of the Arctic. The author considers the topic of the development of the Arctic from the point of view of aesthetic and philosophical approaches. The feeling of the sea and the Arctic is considered in a special perception of being, sometimes in an ecstatic and internal psychological state of a breakthrough. The sea and the Arctic are universal objects of knowledge, becoming the reality that gives rise to various options for their reproduction. Marine studies are also viewed as the symbolic capital of the maritime heritage, in which it is a priori known that it is not the sea, not ships or ice, but only man and his invisible presence that are the main semantic hero of the marinas.

Ключевые слова:

маринистика, образ, Арктика, среда, смыслы.

Keywords:

marine painting, image, the Arctic, environment, meanings.

Говоря о маринистике как о весьма особом жанре живописи, следует, наверное, исходить из образа предмета изображения. Мы понимаем образ как результат отражения объекта в сознании человека. В то же время это и форма истолкования окружающего мира с позиции определённого эстетического идеала.

Образ Арктики неразрывно связан с темой моря. Мы прекрасно знаем, что Арктика и море сродни непредсказуемости, необъятности и свободе. Возможно, эта свобода, геофизическая бескрайность или ещё какие-либо эмоциональные ассоциации вызывают творческие порывы у человека, побывавшего там, увидевшего или эмоционально представляющего стихию моря и Арктики, тем самым он как бы привлекает эти ощущения и использует их уже как материал для своего творчества.

Выполненная художником марина как «самоочевидность» в изображении выявляет соучастность художника с миром, со средой, где он работает. В этом смысле художник выступает неким посредником, который выражает суть ценностно-смысловых ориентиров, делает их более доступными для осознания и проникновения в основу морских и арктических смыслообразов.

Ощущение моря и Арктики возникает в особом восприятии бытия, порой экстатическом, и внутреннем психологическом состоянии прорыва. Конечно, творчество – это всегда тайна, но мы можем допустить, что такой прорыв особо проявляется, когда художник берётся за описание моря и Арктики как некой «космической» бездны.

Это ощущение жизни на пределе ярко выразили весьма непохожие художники – уроженец юга Иван Айвазовский и северянин Александр Борисов: один написал «Девятый вал», другой – «Страну смерти» и вечные льды Арктики.

Впрочем, вот что писал сам А.А. Борисов о крае, который часто называют неярким и неброским, а то и просто монохромным: «Эти исполтинские глыбы льда переливаются всеми цветами радуги, кажутся фантастическим дворцом северного царства. Долгие часы просиживал я здесь, любуясь ледником и зарисовывая его»¹.

Образ в маринистике, вероятно, представляется имманентно посредством эстетического воззрения художника-творца, в результате чего происходит новое видение объекта или субъекта, преображённого морской и арктической фабулой. Здесь мы находим верным замечание М.М. Бахтина о том, что «всякое творчество определяется своим предметом и структурой и поэтому не допускает и, в сущности, ничего не выдумывает, а лишь раскрывает то, что дано в самом предмете»².

Однажды возникнув, образ приобретает некую самостоятельность и характер. Возникает понимание, что художественное изображение соответствует нашим наглядным образам, но не самому их бытию, а тому, что оно является состоянием протекающих процессов. Тут можно вспомнить и о морской батальной живописи, и о суровых штормовых и, наоборот, спокойных морских пейзажах.

Правдивость художественного стиля в маринистике кроется не в зародыше оригинального авторского вдохновения, она определяется в диалектике намерения художника-мариниста объективировать нечто уже объективированное морской или, например, экспедиционной практикой, драмой или трагедией. Арктика в этом смысле только усиливает некую метафизическую «заряженность» и тайну мироздания. Вспомним Николая Пинегина, того же Александра Борисова, Рокуэлла Кента и других художников, которые работали в этой теме.

Маринистика как особый жанр в литературе и в живописи имеет свою специфику, а значит, и свой предмет познания, и свой предмет изображения. Но некая документальность в маринистике – это не только изображение конкретного объекта, события или факта, но и отражение среды, с которой или в которой работал художник.

¹ Краски, кисти, Арктика. Художественная экспедиция Александра Борисова [Электронный ресурс] URL: <http://culture.ru/materials...kraski...ekspediciya...borisova> (дата обращения: 12.05.2021).

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Гл. 2. Алчюност. 1994. С. 51 [Электронный ресурс] URL: http://imwerden.de/pdf/bakhtin...tvorchestva_dostoevskogo... (дата обращения: 12.05.2021).

Если обратиться к истории освоения арктического морского пространства, у нас на первый план могут выступать ассоциации, связанные с отношением первопроходцев-мореходов, например поморов, к морю как к безграничному простору. Это ярко выражено в фольклоре: сказках, легендах, рассказах и песнях.

Сколько драматических, трагических и героических рассказов мы слышали о тех же поморах, об опасных экспедициях в арктические моря, о путешественниках!

Эти опасные просторы связывают конечную жизнь человека с бесконечным и вечным миром. Море становится как бы одной из координат той самой мировой «космической» бездны. Убедительно и возвышенно об этом пишет Н.М. Теребихин в монографии «Метафизика Севера». «Север – это не только географическое пространство... <...> Север – это метафизическое явление, существующее в “ином” плане бытия, доступном человеку только в особом экстатическом состоянии прорыва»¹.

Уникальность и значимость маринистики в арктических сюжетах заключаются в том, что через образы, представленные нам художником, мы можем увидеть особенности бытия человека в суровых климатических условиях, его борьбы и одновременно смирения, особую красоту северных пейзажей, великолепии Арктики, её созерцание и её (подчеркнём) освоение одновременно.

Коснусь ещё одной важной черты в маринистике: будучи концентрированным выражением ценностного отношения к мореведению, к морскому наследию, маринистика в большей части случаев связана с утончённостью и изяществом. Особое место в ней занимает не только чувственная красота, но и та, которую ещё Аристотель назвал «умной красотой», когда она доставляет удовольствие не только органам чувств, но и интеллекту, уму. В этом контексте строительство корабля, лодки как процесс творческого исполнения имеет также свою загадку, свою тайну. Благодаря этой специфике мы видим красоту формы корабля, его «архитектуры» и его скрытой от обывателя возможности противостоять стихии. Этот аспект находит своё отражение в искусстве кораблестроения не меньше чем в архитектуре, и маринистика здесь служит неким проводником в понимании тонкостей морской культуры и практики.

Море, корабль, небо над ними, романтика плаваний, суровая и отчаянная, порой наполненная драматизмом и трагедией морская реальность – всё это отражает маринистика как один из жанров и способов художественного освоения морской Арктики.

¹ Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 140.

Море и Арктика, являясь универсальными объектами познания, становятся той реальностью, которая порождает разнообразные варианты их воспроизведения. Но при этом, рассматривая маринистику так же, как и символический капитал морского наследия, отметим, что не море, не корабли и не льды, а человек и незримое его присутствие выступают главным смысловым героем марин.

Наверное, в этом тоже кроется одна из тайн маринистики, особенно любимой моряками, путешественниками, да и обычными людьми, неравнодушными к морю и всему, что с ним связано.

ЕМЕЛИНА М. А.

Экспедиция ледокола «Красин» 1928 г.
в советской пропаганде конца
1920-х – начала 1930-х гг.

M. EMELINA

The expedition of the icebreaker *Krassin*
in 1928 in the Soviet propaganda of the late
1920s–early 1930s

Сведения об авторе:

Емелина Маргарита Александровна, кандидат исторических наук, главный специалист Арктического и антарктического научно-исследовательского института (Санкт-Петербург)
mritaemelina@gmail.com

Author:

Margarita Aleksandrovna Emelina, Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Arctic and Antarctic Research Institute (St. Petersburg)
mritaemelina@gmail.com

Аннотация

Ледовый поход 1928 г. сделал ледокол «Красин» всемирно известным. За плаванием судна следили корреспонденты и фотожурналисты, газеты ежедневно публиковали статьи и заметки о ходе спасательной операции. В статье рассказывается о ходе пропагандистской кампании по освещению красинского похода. Находившиеся на борту журналисты подготовили книги об экспедиции. После возвращения в Ленинград руководители экспедиции и лётчики с лекциями-рассказами о плавании объехали многие города СССР, а Р.Л. Самойлович и Б.Г. Чухновский побывали за границей. Были выпущены открытки и документальный фильм «Подвиг во льдах», изданы сборники воспоминаний и научных статей, книги Р.Л. Самойловича. Был создан образ мощного советского ледокола, которому не страшны льды, – единственного судна в мире, способного покорить ледяную арктическую пустыню.

Abstract

The rescue campaign of 1928 made the icebreaker *Krassin* world famous. Correspondents and photojournalists followed the sailing of the vessel, newspapers published daily articles and notes about the rescue operation. The article describes the propaganda campaign about *Krassin's* expedition. The journalists wrote books about the rescue campaign. After returning to Leningrad, the expedition's leaders and pilots toured many cities of the USSR with lectures and stories about expedition R.L. Samoilovich and B.G. Chukhnovsky visited European countries. Postcards and a documentary film "Feat in the Ice" were released, collections of memoirs and scientific articles, books by R.L. Samoilovich were published. The image of a powerful Soviet icebreaker, which is not afraid of ice, was created: only *Krassin* was able to conquer the icy Arctic desert.

Ключевые слова:

ледокол «Красин», спасательная экспедиция, медиадискурс, пропаганда, журналистика.

Keywords:

icebreaker *Krassin*, rescue expedition, media discourse, propaganda, journalism.

Спасательная операция 1928 г. получила небывалое для своего времени освещение в советской и иностранной прессе. 29 мая в Москве на заседании комиссии по большим перелётам Осоавиахим СССР был создан специальный Комитет помощи дирижаблю «Италия» под руководством заместителя наркома по военным и морским делам и председателя общества И.С. Уншлихта. Именно Комитет помощи организовал советские спасательные экспедиции на ледоколе «Красин» (рис. 1), ледокольных пароходах «Малыгин» и «Г. Седов». И именно Комитет помощи направил в состав экспедиций корреспондентов. На это указывал в своей книге, посвящённой красинскому походу, Р.Л. Самойлович, руководитель экспедиции. Он отмечал: «...так как Комитет помощи предложил взять на "Красин" пять корреспондентов, то пришлось несколько сократить предполагавшийся состав научного персонала, чтобы дать возможность принять участие всем намеченным представителям прессы»¹.

Журналисты в составе красинской экспедиции 1928 г.

Журналистов на борту «Красина» оказалось даже больше, чем планировалось изначально. Р.Л. Самойлович отмечал, что его «буквально осаждали сотрудники различных газет, уверяя, что они согласны на любые

¹ Самойлович Р.Л. На спасение экспедиции Нобиле. М., 1967. С. 31.

Рис. 1. «Красин» в гавани Харстад (Норвегия), 30 августа 1928 г. Форумы Балансера

условия»¹. Здесь в 1928 г. работали семь корреспондентов ведущих советских газет: Пётр Семёнович Чекердекович («Правда»), Николай Николаевич Шпанов («Известия ЦИК СССР»²), Николай Михайлович Кабанов – псевдоним А. Том («Комсомольская правда»), Эмилий Львович Миндлин («Вечерняя Москва»), Давид Ефремович Рахмилович-Южин («Красная газета»), Валентин Суханов³ («Ленинградская правда» и «Рабочая Москва»), Любовь Андреевна Воронцова⁴ («Труд»). Н.Н. Шпанов также представлял агентство ТАСС и был редактором журнала «Техника воздушного флота».

¹ Самойлович Р.Л. На спасение экспедиции Нобиле. М., 1967. С. 31.

² Полное название газеты в 1923–1938 гг.: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». Здесь и далее – «Известия ЦИК СССР».

³ Данных о В. Суханове крайне мало. Валентин Суханов – это псевдоним, настоящая фамилия журналиста Валентинов (Геко Ю. 50 дней: Гибель дирижабля «Италия». Л., 1928. С. 275). В книге Р.Л. Самойловича в перечне участников экспедиции записан как Валериан Суханов (Самойлович Р.Л. S. O. S. в Арктике. Берлин, 1930. С. 255). После 1931 г. сведений о нём найти не удалось. На экземпляре своей книги, подаренном Э.Л. Миндлину, В. Суханов написал следующее посвящение: «Товарищу Миндлину Эмилю. Писать на память что-либо нечего, ибо что можно написать после красинского похода, кажущегося сейчас таким милым, далёким, феерическим и никогда не бывшим. В. Суханов. Москва, год третий, решающий. 1931». См.: [Электронный ресурс] URL: bidspirit.com | [Автограф] Суханов Вал. Затерянные во льдах (bidspirit.com) (дата обращения: 09.03.2021).

⁴ Л.А. Воронцову включили в состав красинской экспедиции по настоятельной рекомендации Управления Ленинградского торгового порта, «согласно указанию из Москвы». См.: Самойлович Р.Л. На спасение экспедиции Нобиле. М., 1967. С. 35.

Рис. 2. На палубе «Красина». Сидят в 1-м ряду, слева направо: Н.Н. Шпанов, проф. А. Гуль, Д. Джудичи; во 2-м ряду: Э.Л. Миндлин, В. Суханов, Д.Е. Рахмилович-Южин; стоит Н.М. Кабанов (А. Том). Лето 1928 г. Альбом П.Ю. Ораса. Фонды ледокола-музея «Красин»

К тому же он являлся членом постоянной комиссии по научному воздухоплаванию при Государственном научно-исследовательском геофизическом институте. Поэтому Научно-технический комитет управления ВВС РККА поручил ему выполнение детального осмотра разбитого дирижабля «Италия», при условии что будет обнаружено место его падения¹.

На «Красине» работал и итальянский журналист. Давид Джудичи давал корреспонденции в *Corriere della Sera* («Вечерний курьер»), одну из самых авторитетных газет Италии того времени². Сохранилась фотография, на которой запечатлены корреспонденты – участники красинского похода (рис. 2).

В число участников экспедиции на «Красине» вошёл кинооператор «Совкино» В.И. Блувштейн. Кроме того, корреспонденты отправились в плавание с фотоаппаратами и делали снимки. Многие фотографии, сделанные П.С. Чекердековичем, вошли в серию из 20 почтовых карточек «Ледовый поход», выпущенную в 1928 г. Фотофиксацию научных работ

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 466. Оп. 1. Д. 120. Л. 171.

² Первоначально планировалось, что на «Красине» из Ленинграда отправится итальянский корреспондент Чесса (газета «Трибуна» / *La Tribuna*), но его командировка не состоялась. См.: Самойлович Р.Л. На спасение экспедиции Нобиле. М., 1967. С. 32.

и видов выполнял Вл.А. Берёзкин. Всего было сделано около 700 фотоснимков и отснято 5 тыс. метров киноплёнки¹. П.Ю. Орас вспоминал, что Вл.А. Берёзкин в свободное время не только фотографировал, он был «даже руководителем фотоотдела на ледоколе, он организовал фотолaborаторию, которой пользовались все наши фотографы»².

Журналисты отправляли свои материалы в газеты с помощью радиостанции ледокола (передачи осуществляли радисты И.В. Экштейн, И.В. Юдихин и А.М. Бакулин). Временной интервал между написанием заметки и её появлением на страницах газеты обычно составлял около суток. Информация с борта ледокола публиковалась отдельной рубрикой сначала несколько раз в неделю, затем ежедневно (с середины июня). Кроме того, газеты помещали на своих страницах сообщения зарубежных информационных агентств, снабжая их указанием на столицу страны, откуда поступило известие: «Рим», «Осло» и т. д. Некоторые корреспонденты присылали свои репортажи. Так, например, на страницах «Красной газеты» читатели могли увидеть очерки Д. Южина, а в «Известиях ЦИК СССР» – заметки Н. Шпанова или А. Гарри (журналиста, работавшего на «Малыгине»). Команда корреспондентов, вошедших в состав малыгинской экспедиции, также была представительной. На «Малыгине» работали журналисты Зиновий Григорьевич Островский («Рабочая газета»), Юрий Вячеславович Геко («Ленинградская правда», «Вечерняя Москва», журнал «Вокруг света», ТАСС), Александр Степанович Яковлев («Московская правда»), Алексей Николаевич Гарри («Известия ЦИК СССР»), Михаил Филиппов («Волна», Архангельск) и кинооператор Игнатий Александрович Валентей.

Газеты, не имевшие на борту своих репортёров, давали сообщения на основе официальных радиogramм начальника экспедиции и информации центральных газет. Журналы размещали интервью и обширные фоторепортажи.

Книги и статьи конца 1920-х – начала 1930-х гг. о походе ледокола «Красин»

По материалам своих статей и заметок журналисты впоследствии выпустили книги. «Госиздат» сообщал в объявлении на страницах «Известий ЦИК СССР» уже в начале октября 1928 г., что к возвращению ледокола «Красин» приурочил издание целого ряда книг: Ю.В. Геко «50 дней (Гибель дирижабля “Италия”», Вал. Суханова «Затерянные во льдах»,

¹ Самойлович Р.Л. Спасательная экспедиция на ледоколе «Красин» // Наши достижения. 1929. № 1. С. 178.

² Орас П.Ю. «Красин» в походе // Поход «Красина». М., Л., 1930. С. 56.

А.Г. Лебеденко и Д.Е. Южина (Рахмиловича) «Как спасли Нобиле». В рекламном объявлении также предлагалось приобрести книги про путешествия Р. Амундсена и сборники памяти Л.Б. Красина¹. Действительно, книга Ю.В. Геко уже вышла из печати, а другие были опубликованы только в 1929 г. Книга А.Г. Лебеденко и Д.Е. Южина вышла под заголовком «Осада полюса» (первую часть под названием «Капитаны льдов» написал А.Г. Лебеденко, вторую – «Красин» – Д.Е. Южин)².

Были и другие издательства. Уже в 1928 г. многие из журналистов – участников красинской экспедиции – выпустили свои статьи и книги. Сложно назвать кого-то первым. Автором наиболее обстоятельного повествования о походе можно считать, пожалуй, Н.Н. Шпанова. Осенью 1928 г. он опубликовал очерк «Эпопея “Красина”» в трёх номерах «Всемирного следопыта», очерк «“Красин” во льдах» в журнале «Знание – сила» и журнальный вариант книги «Во льды за “Италией”»³. Сама книга с тем же заглавием вышла в свет в 1929 г. В том же году она была переведена на украинский язык и опубликована издательством «Український робітник». Корреспондент также выпустил книжечку для детей в библиотеке журнала «Дружные ребята»⁴.

Л.А. Воронцова подготовила небольшую книжечку о красинском походе. Она также вышла в свет в 1928 г., а в 1929 г. был напечатан её дополненный вариант⁵. Д.Е. Южин в 1928 г. опубликовал повесть «С “Красиным” на спасение “Италии”», В.М. Суханов в 1929 г. – книгу «Затерянные во льдах. Записки журналиста на “Красине”». Книга Н.М. Кабанова (А. Тома) «Под красной звездой (на “Красине”» также была издана в 1929 г. Эти книги на русском языке в последующие годы не переиздавались. Но книга В.М. Суханова вышла и на голландском языке (1929).

Э.Л. Миндлин опубликовал в 1929 г. рассказ для детей 5–10 лет «“Красин” во льдах» и документальную повесть «На “Красине”». Повесть перевели на украинский язык и издали в 1937 г.⁶ Уже в 1929 г. эту книгу признавали «одной из лучших среди литературы, посвящённой дням

¹ Известия ЦИК СССР. 1928. 7 октября. С. 7.

² Лебеденко А.Г., Южин Д.Е. Осада полюса. М., Л., 1929. 360 с. (2-е изд. – 1931 г. 316 с.; 3-е изд. – 1934 г. 308 с.).

³ Шпанов Н. Во льды за «Италией» // Молодая гвардия. 1928. № 11. С. 170–191; № 12. С. 162–183; Шпанов Н. «Красин» во льдах // Знание – сила. 1928. № 10. С. 268–270; Эпопея «Красина». Очерк участника похода Ник. Шпанова // Всемирный следопыт. 1928. № 10. С. 723–740; № 11. С. 803–828; № 12. С. 883–898.

⁴ Шпанов Н. Полярный поход «Красина». М., 1929. 28 с.

⁵ Воронцова Л. В ледяных просторах: Подвиг ледокола «Красина». М., 1928. 24 с.; Она же. На 81 градусе северной широты. Записки участника экспедиции «Красина» / С предисл. И.М. Иванова. Л., 1929. 80 с.

⁶ Миндлін Е.Л. Походи криголама «Красин». Харків – Одеса, 1937. 188 с.

красинского похода», упрекая автора лишь в одном – в «отсутствии в книге руководителя экспедиции»¹.

Детская книжка Э.Л. Миндлина выдержала несколько переизданий (1929, 1934, 1935 гг., издавалась на узбекском (1932) и татарском (1935) языках), а повесть с указанием «для среднего и старшего возраста» выходила ещё дважды, в 1961 и 1972 гг. При этом книга стала называться, как и детский рассказ, «“Красин” во льдах». К теме красинского похода Э.Л. Миндлин вернулся также в 1960-е гг. Глава о походе ледокола вошла в книгу его литературных воспоминаний «Необыкновенные собеседники»². Книги Э.Л. Миндлина можно назвать самыми яркими в художественном отношении.

В 1929 г. также был опубликован сборник очерков корреспондентов, работавших на «Красине» и «Мальгине», – А.С. Яковлева, А.Н. Гарри, Э.Л. Миндлина, З.Г. Островского и И.А. Валентя. Он начинался со вступительной статьи В.Ю. Визе³.

Итальянский журналист Давид Джудичи (участник экспедиции) и французский корреспондент Морис Донзель (псевдоним – Парижанин) опубликовали свои заметки о плавании «Красина»⁴. Книги на русский язык не переводились. Д. Джудичи в своей работе не мог не рассказать подробно о полёте дирижабля «Италия» и о его катастрофе.

Все перечисленные издания – травелоги – описания путешествия на основе путевых записок или дневников (за исключением книги М. Парижанина, не участвовавшего в экспедиции). В последующие годы участие корреспондентов в плаваниях и экспедициях станет распространённым явлением. Они регулярно сообщали в редакции газет о ходе работ, а по возвращении быстро готовили к печати очерки (травелоги). Прежде, например в 1926 г., журналисты следили за перелётом экспедиции Р. Амундсена к Северному полюсу, писатели создавали очерки о хозяйствах на Севере, но в конце 1920-х гг. возникает настоящий бум путевых очерков⁵. Это связано и с развитием издательской деятельности (число журналов и газет стало расти со 2-й половины 1920-х гг.), и с политикой индустриализации и коллективизации в стране, и с возникшей в связи

¹ М-нов Март. Книга о людях и льдах // Осоавиахим. 1929. № 8. С. 12.

² Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. М., 1968. С. 289–327 (глава называется «Цветные льды Арктики»). 2-е издание вышло в 1979 г.

³ Записки о необыкновенном [на «Красине» и «Мальгине»]. Из дневников журналистов – участников похода «Красина» и «Мальгина» / Под ред. А. Яковлева. М., Л., 1929. 189 с.

⁴ Giudici D. The Tragedy of the *Italia*: with the rescuers to the red tent. New-York, 1929. 209 p. (книга вышла в США на английском языке); Parijanine M. Le “Krasine” au secours de L’ “Italia”. Paris, 1928. 238 p.

⁵ О травелогах см.: Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей. М., 2010. 397 с.

с этим необходимостью правильного освещения данных процессов. «Красинский» медиадискурс, пожалуй, стал первым ярким проявлением этой пропагандистской кампании в СМИ, в художественной и научно-популярной литературе.

Обработка научных материалов, собранных во время экспедиции, требовала времени. Сборники научных трудов вышли в свет в 1929 и 1931 гг.¹ Но важно было, чтобы и руководители экспедиций быстро выпустили свои рассказы о походе «Красина» и «Малыгина». Уже 15 июля 1928 г. Р.Л. Самойловичу и В.Ю. Визе была направлена телеграмма за подписью председателя научно-исследовательской секции Осоавиахима С.С. Каменева. В ней содержалась просьба: организовать составление труда, освещающего работу экспедиции. Предлагался и план будущей книги: «Первое: описательная часть экспедиции; второе: условия, в которых работала экспедиция от выхода до возвращения; третье: научное исследование, которое экспедиция провела попутно основной задаче; четвертое: исследование по работе наших ледоколов; пятое: исследование воздушной работы в арктических условиях... <...> Желательно, чтобы ваш научный труд был выпущен в популярном изложении, подготовку труда к печати желательно приурочить к возвращению экспедиции»².

Р.Л. Самойлович – прекрасный рассказчик и популяризатор науки – подготовил несколько материалов о плавании на «Красине». Его небольшая книжечка «Первый поход “Красина”» вышла уже осенью 1928 г.³ и вскоре была переведена на грузинский язык. В ней в научно-популярной форме он действительно рассказал и о ходе экспедиции, и о работах исследователей, лётчиков и экипажа. Но изложение было доведено только до событий июля 1928 г.

В начале 1929 г. Р.Л. Самойлович опубликовал статью об экспедиции в журнале «Наши достижения»⁴. А в июньском номере «Огонька» за 1929 г. появилась его статья «На ледоколе к полюсу». В ней автор не только рассказывал о ходе экспедиции, отмечая, что «основной причиной успеха следует считать применение именно ледокола», но и предлагал смелые варианты новых плаваний: «...в задачи современных исследований не входит

¹ Научные работы экспедиции на «Красине» в 1928 году: [сб. ст.] / Под ред. Р.Л. Самойловича. М., 1931. 178 с. (Труды Института по изучению Севера; т. 50); Научные работы экспедиции на ледоколе «Малыгин» в Баренцевом море летом 1928 года: [сб. ст.] / Под ред. В.Ю. Визе. М., 1929. 111 с. (Труды Института по изучению Севера; т. 45).

² Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 31. Л. 19.

³ Самойлович Р.Л. Первый поход «Красина» / Предисловие П.Ю. Ораса. Л., 1928. 30 с.

⁴ Самойлович Р.Л. Спасательная экспедиция на ледоколе «Красин» // Наши достижения. 1929. № 1. С. 165–178.

непременное посещение той воображаемой точки, которая носит название Северный полюс. Нашей целью является *длительное изучение* (курсив в тексте. – М.Е.) Северного полярного моря... <...> Со всей решительностью нужно сказать, что единственно надёжным и целесообразным средством для систематического изучения Арктического бассейна является применение мощного ледокола, снабжённого самолётами»¹. Эти идеи Р.Л. Самойлович начал отстаивать уже осенью 1928 г., и они привели к появлению нескольких проработанных проектов научных экспедиций.

В составе материалов личного фонда Р.Л. Самойловича, хранящегося в Российском государственном архиве экономики, есть наброски плана книги о плавании 1928 г.² В 1930 г. Р.Л. Самойлович выпустил обстоятельное повествование об экспедиции «Во льдах Арктики»³, которое впоследствии несколько раз переиздавалось (с дополнениями) – в 1931, 1934, 1967⁴ гг. В том же 1930 г. он подготовил немного сокращённый вариант этой книги для публикации в других странах (и на других языках) под названием «S. O. S. в Арктике. Экспедиция “Красина”». Издание вышло в свет в том же 1930 г. в Чехословакии, Италии, Франции и Германии. В Берлине книга также была опубликована на русском языке⁵. Эти работы Р.Л. Самойловича – самый полный и фактографически насыщенный рассказ о событиях 1928 г. – давно уже стали библиографической редкостью, несмотря на большие тиражи. Книги написаны увлекательно и отражают все аспекты похода «Красина» и его взаимодействие с «Малыгиным» и с иностранными экспедициями.

Следует подробно рассказать ещё об одном издании: в 1930 г. был опубликован сборник статей участников экспедиции «Поход “Красина”»⁶ (рис. 3). В нём были представлены воспоминания и выдержки из дневников руководителей экспедиции (Р.Л. Самойловича, П.Ю. Ораса и Б.Г. Чухновского), журналистов (Л.А. Воронцовой), членов экипажа ледокола (старпома П.А. Пономарёва, старшего электрика М.К. Лемана, кочегаров А. Николаева, И. Феоктистова и Д. Чирицына, судового врача А.В. Средневского), научных сотрудников (И.М. Иванова и Вл.А. Берёзкина), а также бюллетени,

¹ Самойлович Р. На ледоколе к полюсу // Огонёк. 1929. 16 июня. № 23 (323). С. 8–9.

² РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 156. Л. 90–93.

³ Самойлович Р.Л. Во льдах Арктики. Поход «Красина» летом 1920 года. Л., 1930. 360 с.

⁴ 4-е издание (на основе 3-го) подготовил к печати М.М. Ермолаев и дополнил его своими примечаниями. Оно вышло под заголовком «На спасение экспедиции Нобиле».

⁵ Самойлович Р.Л. S. O. S. в Арктике. Экспедиция «Красина». Берлин, 1930. 255 с. В 2013 г. в Москве выпустили репринт этого издания (257 с.). Иностраные переводы книги публиковались несколько раз. Так, в Германии вышло четыре издания на немецком языке.

⁶ Поход «Красина»: Сб. ст. участников экспедиции / Под ред. Р.Л. Самойловича. М., Л., 1930. 242 с.

Рис. 3. Обложка книги «Поход «Красина»» (1930). Российская национальная библиотека

выпускавшиеся на борту во время плавания (с предисловием И.Р. Грозы). Примечательно, что в книгу были включены воспоминания простых моряков. П.Ю. Орас вспоминал: «Началась гонка за статьями и материалами о походе, тов. Гроза заставил всех нас взяться за перо. Сколько ночей пришлось затратить на выполнение его просьб! Он сумел так подойти, что нельзя было отказать»¹. М.К. Леман рассказывал более подробно. Он писал, что после возвращения Р.Л. Самойловича из Бергена в Ставангер (19 августа) с ним вместе приехал секретарь Комитета спасения И.Р. Гроза, состоялось собрание членов экипажа, на котором выступили прибывшие. Далее М.К. Леман писал о выступлении И.Р. Грозы: «Комитет интересуется проделанной трудной работой и просит из рабочей среды нашей команды писать им, что каждый может и как умеет, про нашу жизнь и борьбу в суровых северных льдах. Вот на этот призыв товарища Грозы я и решил сдать ему свой дневник – сдать для того, чтобы поделиться с товарищами рабочими нашей обширной Советской республики»².

Предисловие к сборнику написал заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета СССР С.С. Каменев. Само его название – «Только СССР оказался достаточно подготовленным» – свидетельствует о том, что книга была призвана

¹ Поход «Красина»: Сб. ст. участников экспедиции / Под ред. Р.Л. Самойловича. М., Л., 1930. С. 109.

² Там же. С. 157.

не только сообщить читателям новые подробности знаменитого похода, но и утвердить их в мысли о мощи советской науки и ледокольного флота. С.С. Каменев подчёркивал, что «Красин» впервые оказал в высоких широтах «скорую помощь» и после его похода «задачи по исследованию Арктики... вступили в другой период, в период освоения и использования арктических богатств»¹.

П.Ю. Орас подготовил для сборника три публикации. В одной он рассказал о походе, во второй – о встрече экспедиции в Норвегии, а в третьей – о советской общественности и её отношении к плаванию «Красина» (рукописи этих статей хранятся в фондах ЦВММ – Центрального военно-морского музея). Приведём несколько фрагментов из рукописи последней статьи. Они ярко отражают то, какое представление стремились сформировать у читателей авторы сборника. Можно смело предположить, что это справедливо и в отношении других публикаций о данном походе.

«Наука – основа и оружие нашей жизни. Культура пролетарского государства, культура созидającego класса, класса, своими руками строящего социализм, за последние месяцы показала перед всем миром своё настоящее лица. Перед всем миром была посрамлена “буржуазная культура”... <...> В полярных льдах встретились две культуры: с одной стороны, папский крест; с другой – строго продуманная и тактически организованная работа советской экспедиции... <...> Кампания подготовки экспедиции была проведена блестяще. Поэтому результаты должны были оказаться такими, какими и оказались в действительности... <...> Пролетарская культура восторжествовала. Много трудностей испытала экспедиция... <...> Но терпение и выдержка победили стихию. <...>

12 июля – великий день. Это день торжества света над мраком, день торжества энергии над “игрой”. Это день красного флага. “Красин” выполнил задачу, возложенную на него советской общественностью. Рабочий класс Советского Союза ещё раз показал своё умение преодолевать враждебные силы»².

Опубликованный текст оказался мягче. П.Ю. Орас рассуждал о материальных расчётах правительств буржуазных стран, которые отказались от проведения невыгодных и дорогостоящих спасательных работ. Советская страна, «бедная, лишённая многих технических достижений, иначе отнеслась к этому вопросу» – она оказала помощь научной экспедиции – «в этом-то и проявляется торжество пролетарской культуры»³.

¹ Каменев С.С. Только СССР оказался достаточно подготовленным // Поход «Красина». М., Л., 1930. С. 5, 7.

² Орас П.Ю. Советская общественность об экспедиции по спасению экипажа дирижабля «Италия». 24 июля 1928 г., Ставангер: Фонды ЦВММ. Л. 1–3.

³ Орас П.Ю. Советская общественность об экспедиции по спасению экипажа дирижабля «Италия» // Поход «Красина». М., Л., 1930. С. 48–52.

Таким образом, не только в 1928 г., но и в последующие годы тема легендарного похода постоянно освещалась в советской печати. Слава ледокола продолжала расти, что было связано с его участием в новых экспедициях.

Следует также отметить, что 23 октября 1928 г. на экраны кинотеатров Москвы вышел фильм «Подвиг во льдах» (режиссёры братья Георгий и Сергей Васильевы, продолжительность 1 ч 10 мин). Он был создан из материалов, снятых операторами «Совкино» (Ленинград) В.И. Блувштейном (на «Красине») и И.А. Валентеем (на «Мальгине»). Семь частей киноленты имели следующие названия: «Дирижабль “Италия” исчез», «Первый, второй, третий», «Где Бабушкин?», «Скованы льдом», «Люди на льдине», «Чухновский на Кап-Верде», «“Монте-Сервантес” – триумф “Красина”»¹. В октябре 1928 г. фильм демонстрировался в кинотеатрах Ленинграда, затем, в 1929 г., его смогли увидеть и жители других городов СССР. Лента сохранилась в фондах Российского архива кинофотофонодокументов, была восстановлена в 1969 г. и в наши дни доступна в сети Интернет².

Были выпущены диапозитивы. Они использовались участниками экспедиции во время лекций, а также могли демонстрироваться впоследствии без доклада очевидца. В Осоавиахиме подготовили конспект лекции Р.Л. Самойловича и А.М. Лаврова о плавании советских судов летом 1928 г.³

Зачем журналисты были отправлены в экспедиции 1928 г.?

Важно отметить политическую составляющую, которая определяла направление советской пропаганды. Журналисты на «Красин» и «Мальгин» были направлены не случайно.

15 апреля 1926 г., в преддверии полёта экспедиции под руководством Р. Амундсена к Северному полюсу, вышло Постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», согласно которому территорией Советского Союза были объявлены все земли и острова между меридианами 32°4'35" в. д. и 168°49'30" з. д., расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья СССР и до Северного полюса⁴. Слова нужно было подтверждать практически, поэтому в 1926 г.

¹ Известия ЦИК СССР. 1928. 18 октября. С. 7. См. страничку о фильме на сайте: Кинотеатр.Ру [Электронный ресурс] URL: <https://www.kino-teatr.ru/doc/movie/sov/85946/annot> (дата обращения: 30.03.2021).

² См., например: Подвиг во льдах // YouTube [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UaFrNS4-YiY> (дата обращения: 30.03.2021).

³ Ледовый поход «Мальгина» и «Красина»: Конспект лекции к диапозитивам / Составлено по материалам руководителей экспедиций проф. Р.Л. Самойловича и гидрографа А.М. Лаврова / Под ред. Ком-та помощи «Италии» при Ц. С. Осоавиахима. М., 1929. 31 с.

⁴ Известия ЦИК СССР. 1926. 16 апреля. С. 3.

на о. Врангеля были завезены первые поселенцы. К рейсу п/х «Колыма» из Владивостока в устье р. Лена в навигацию 1927 г. приурочили проведение первой Северной воздушной экспедиции Осоавиахима. Нарастали масштабы Карских товарообменных экспедиций. Советские учёные вошли в состав международного общества «Аэроарктик» и создали свою группу при Институте по изучению Севера (ИИС), а деятельность самого института становилась всё более интенсивной. Конгресс «Аэроарктик» прошёл в Ленинграде и Мурманске в июне 1928 г. Инженер Б.Н. Воробьёв отметил необычайную продуктивность его работы и тот факт, что катастрофа «Италии» «служит ещё одним доказательством необходимости изучения тех стран, где возможны подобные аварии»¹.

31 июля 1928 г. члены СНК СССР подписали Постановление № 271 «Об усилении научно-исследовательской работы в арктических владениях Союза СССР и приняли решение о создании специальной комиссии для организационной и финансовой проработки пятилетнего плана научно-исследовательской работы в Арктике. Новому органу, получившему неофициальное название Арктической комиссии, надлежало увязать деятельность различных учреждений (прежде всего научно-исследовательских) по изучению Советского Севера, что, по оценке исследователей, свидетельствует об очередном усилении роли государства в управлении наукой»². Комиссия должна была также разработать и представить на рассмотрение СНК СССР конкретный план организации на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле и Северной Земле геофизических обсерваторий, сооружения причальных мачт для экспедиций на дирижаблях. Инициатором создания комиссии был Е.П. Воронов, а возглавил её заместитель председателя Реввоенсовета СССР С.С. Каменев³.

Деятельность Арктической комиссии привела к созданию «пяtilетки Арктики». Это была директива, на основе которой были «построены производственные планы отдельных государственных, общественных, научных учреждений и организаций, ведущих в настоящее время работу по освоению и исследованию арктических владений СССР». Выработанный документ стал «первым в мире планом научно-исследовательских

¹ Научное изучение Арктики // Карело-Мурманский край. 1928. № 6. С. 2–3.

² Сабуров А.А. Организация советских арктических исследований в 1920-х годах: планирование и координация научной деятельности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 3. С. 46.

³ Жуков Ю.Н. Сталин: арктический щит. М., 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://history.wikireading.ru/285629> (дата обращения: 02.11.2018). Е.П. Воронов, инициатор создания Арктической комиссии, полагал, что её «рабочее ядро» могло бы состоять из Г.Д. Красинского, Р.Л. Самойловича, В.Ю. Визе, В.Г. Шухова, А.Г. и Б.Н. Воробьёвых, П.А. Молчанова, И.И. Месяцева, В.А. Костицына, А.Е. Ферсмана и Г.П. Горбунова, полярных лётчиков Б.Г. Чухновского и М.С. Бабушкина.

работ в Арктике и в таком большом масштабе»¹. Автором проекта стал академик А.Е. Ферсман. План был структурирован по пяти направлениям: создание полярных станций, использование ледоколов в Арктике (от организации научных исследований в ходе рейса ледокола к ЗФИ до создания нового полярного судна), развитие арктических полётов на дирижаблях и самолётах, изучение Северной Земли². В дальнейшем план был доработан при участии А.П. Карпинского, В.Ю. Визе, Л.Ф. Рудовица, Н.И. Евгенова, А.М. Лаврова, А.И. Толмачёва. В течение пяти лет намечались создание пяти новых станций и дооборудование 14, перелёт дирижабля через Арктику и дальнейшее решение вопроса о приобретении (или постройке в СССР) подобного воздушного судна, организация на Севере баз для регулярных и эпизодических полётов и, наконец, исследование Таймыра³. Арктическая комиссия, выполнив свою задачу, была ликвидирована в 1933 г. А работы, намеченные ею, стали проводиться в жизнь ещё в конце 1920-х гг.

Такой была обстановка летом 1928 г., когда «Красин» и «Малыгин» отправились в спасательную экспедицию. Присутствие советских судов в высоких широтах, как уже отмечалось, способствовало закреплению за СССР статуса арктической державы. Новостные сообщения – ежедневные или почти ежедневные – также были направлены на это. Заведующий отделом научных учреждений при СНК СССР Е.П. Воронов в своей записке от 8 августа 1928 г. отмечал: «Использование советских спасательных экспедиций для проведения за границей большой кампании под лозунгами “За Советский Союз, против блокады СССР” является безусловно целесообразным. Лозунг “Против фашизма”, по моему мнению, может проводиться в виде правила (подчёркнуто в документе. – М.Е.) лишь в рабочих районах и рабочей прессе, допущение его в другой аудитории, преимущественно мелкобуржуазной и интеллигентской, может иметь спорadicкий характер»⁴.

Встреча «Красина» в СССР

«Красин» вернулся из своего похода в Ленинград 5 октября 1928 г. В общей сложности плавание продолжалось 112 дней. Встреча ледокола была обставлена с невиданным до той поры размахом. На подходе к городу, у Кронштадта, «Красин» эскортировали три эскадренных миноносца

¹ Орлов А. Арктическая комиссия // Советский Север. 1930. № 2. С. 116.

² Проект пятилетнего плана исследования арктических областей и его обсуждение на заседании ПК АН, январь 1929 г.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 188. Л. 8, 10–13 об., 73.

³ Там же. Д. 181. Л. 22–26 об.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 107. Л. 8.

Рис. 4. Встреча «Красина» на набережной Лейтенанта Шмидта. Вечер 5 октября 1928 г. Фонды ледокола-музея «Красин»

Балтийского флота. Портовый ледокол «Пурга», на борту которого находились семьи красинцев, журналисты (среди них – фотографы В.К. Булла и Н.Н. Ольшанский) и оркестр, вышел для встречи героя Арктики в Морской канал. Навстречу «Красину» также направились военное судно «Щепотьев» (на нём было около 400 трудящихся) и пароход «Севастополь» (с представителями организаций водников во главе с членом коллегии Наркомата путей сообщений О.Д. Полуяном).

Уже почти в сумерках «Красин», украшенный флагами расцвечивания, подошёл к набережной Лейтенанта Шмидта, где для торжественной встречи ледокола собрались 200 тысяч жителей города (рис. 4). Здесь присутствовали многочисленные делегации от ленинградских организаций – с оркестрами и транспарантами¹. Приведём фрагмент из статьи в «Красной газете»: «Всё ближе подходит корабль... <...> Неумолкающее “ура” гремит от берега к берегу – и на белом мостике пришвартовывающегося ледокола тысячи радостных, гордых глаз ищут знакомые добродушные усы “полярного волка” Самойловича и застенчиво-скромную улыбку отважнейшего из отважных – Чухновского... И когда заскрипел

¹ Вчера в 17 ч 15 мин «Красин» прибыл в Ленинград // Известия ЦИК СССР – Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов (далее – Известия ЦИК). 1929. 6 октября. С. 2; «Красин» в Ленинграде // Ленинградская правда. 1928. 6 октября. С. 2; Самойлович Р.Л. S.O.S. в Арктике. Экспедиция «Красина». Берлин, 1930. С. 244; Самойлович Р.Л. На спасение Нобиле. С. 281–284; Трудящиеся Ленинграда торжественно встретили героев полярного похода // Правда. 1928. 6 октября. С. 3.

опускаемый с «Красина» трап, к ржавому, всемирно известному борту кинулись люди – шальные от радости»¹.

Первыми на берегу приветствовали красинцев представители дипломатического корпуса, научных и общественных организаций. На набережной был организован митинг, на котором выступили член коллегии Наркомата внешней торговли СССР Я.С. Ганецкий, президент Академии наук А.П. Карпинский, заместитель председателя Леноблисполкома Н. Иванов, Л.С. Гринблат (от РККА), командир Ленинградского военного порта Н.Н. Зуев, представители Осоавиахима и др. Затем ответное слово взяли участники экспедиции: Р.Л. Самойлович, К.П. Эгги, Б.Г. Чухновский. А вечером 6 октября чествование красинцев продолжилось в Доме культуры Московско-Нарвского района. С докладами выступили руководители экспедиции. Затем 25 красинцев (в том числе руководящая «тройка» и капитан судна) выехали в Москву. Обо всём в эти дни подробно писали центральные и ленинградские газеты, а также печатные органы других городов и областей².

Пропаганда успехов спасательных экспедиций в лекционной деятельности участников походов

Продолжая рассказ о пропаганде итогов ледового похода 1928 г., остановимся подробно на лекционной деятельности участников экспедиций на «Красине» и «Малыгине». Этот сюжет ранее не освещался в исторической литературе. Лекционная деятельность осуществлялась и в Советском Союзе, и в зарубежных странах.

Первые встречи с представителями коммунистических и профсоюзных организаций состоялись в Тромсё и Ставангере в ходе подготовки второй красинской экспедиции в августе 1928 г. Руководители похода выступали с рассказами о плавании «Красина» и его первых результатах³. На борт «Красина» поднимались многочисленные группы представителей различных организаций – научных, профсоюзных, молодёжных и детских. П.Ю. Орас отмечал, что только за 11 августа в Ставангере на борту судна

¹ Холодковский В. День сто двенадцатый // Красная газета. 1928. 6 октября. С. 3.

² См., например: «Красину» – орден Трудового Красного Знамени – наше ходатайство перед ВЦИК // Ленинградская правда. 1928. 7 октября С. 2; Пролетарская Москва чествует героев «Красина» и «Малыгина» // Известия ЦИК СССР. 1928. 9 октября. С. 3; Сегодня участники похода «Красина» прибывают в Москву // Правда. 1928. 7 октября. С. 3; Репневский А.В. Поиски и спасение полярной экспедиции Умберто Нобиле на страницах Архангельской губернской газеты «Волна» // Полярные чтения – 2020. Материалы Восьмой международной научно-практической конференции, 18–21 мая 2020 г. М., 2021 (в печати); Шрадер Т.А. Ленинградские газеты об исследовании Арктики в 1928 г. (по материалам Полярной комиссии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы пятой ежегодной Международной научной конференции [23–25 апреля 2003 г.]. СПб., 2004. С. 249.

³ Сообщение тов. Ораса // Ленинградская правда. 1928. 7 октября. С. 2.

побывало 12 тысяч человек¹. Вечером того же дня красинцы спустились на берег, где их ожидало «триумфальное шествие», сравнимое «с первомайской демонстрацией». Затем в Доме рабочих состоялись товарищеский обед и встреча, во время которой выступали как представители местных организаций, так и красинцы (П.Ю. Орас, механики М.И. Ершов и А.В. Бычков, старшие машинисты Д. Рыжков и С. Хроменко)². В последующие дни красинские представители побывали в г. Сауде, а 24 августа, когда ледокол совершил переход в Берген, все свободные от работ члены экипажа и руководители экспедиции были приглашены в зал местных профсоюзов. 26 августа был устроен торжественный праздник в честь «Красина», завершившийся обедом и митингом³. Во время этих встреч красинцы снова рассказывали о спасении итальянских аэронавтов, о работе ледокола и полётах самолётов. Их встречали как настоящих героев. Инициатива и заинтересованность местных норвежских организаций играли на руку советской пропаганде.

Как уже отмечалось, также в середине августа 1928 г. в Стокгольме проездом оказались Э.Л. Миндлин, Д.Е. Южин и Вал. Суханов. Корреспонденты не выступали с лекциями, но встречались со шведскими журналистами и матерью Ф. Мальмгрена. В ходе встреч они рассказали о походе советского ледокола. Эти известия нашли отражение на страницах стокгольмских газет⁴.

Командировка красинцев – старшего электрика М.К. Лемана и кочегара М.М. Горского осенью 1928 г. в Германию была подготовлена более основательно. Её организацией занималось Центральное бюро обществ друзей СССР в Берлине.

Первые национальные общества дружбы с Советским Союзом, возникшие в ряде европейских городов, в 1928 г. стали своего рода проводниками сведений об успехах советской науки и ледокольного флота. В Берлине «Общество друзей новой России» существовало с 1923 г. Толчком к возникновению новых обществ не только в Германии, но и в других странах Европы стал Московский конгресс друзей Советского Союза (10–12 ноября 1927 г.), приуроченный к празднованию 10-й годовщины Октябрьской революции. По возвращении делегаты конгресса организовывали местные отделения Союза друзей СССР. В конце 1927 – начале 1928 г. такие отделения возникли в ряде городов Англии и Франции, а в Германии деятельность обществ стала расширяться⁵.

¹ Орас П.Ю. Как нас встречали в Норвегии // Поход «Красина». Сборник статей участников экспедиции. М., Л., 1930. С. 103.

² Там же. С. 108–109.

³ Там же. С. 109–110.

⁴ Миндлин Э.Л. «Красин» во льдах. М., 1972. С. 194.

⁵ Иоффе А.С. Деятельность зарубежных Обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 15–30.

Известно, что председатель Центрального бюро обществ друзей СССР в Берлине Вилли Мюнценберг стремился организовать кампанию по освещению спасательной операции¹. 9 августа 1928 г. Комитет помощи дирижаблю «Италия» при Осоавиахиме подписал с ним договор (он не распространялся на «Америку, Японию и Китай»). По этому договору Бюро брало на себя продвижение «красинской темы» за границей. В частности, предполагалось: 1) «издать для массового распространения, в первую очередь на немецком, французском, английском, итальянском, шведском, норвежском языках, сборник, который должен содержать судовые журналы “Красина” и “Малыгина”, дневники руководителей и участников экспедиций и проч.»; 2) «организовать за свой счёт поездку товарищей Самойловича и Чухновского по странам Северной и Центральной Европы, причём маршруты и время поездки согласовываются с Комитетом...»². Комитет, со своей стороны, обязался предоставить все материалы (письменные – в четырёх экземплярах). Прибыль делилась пополам, за исключением продажи копий фильмов и диапозитивов (здесь Комитет забирал 90 %)³. Подготовкой предстоящей работы советской делегации также занимались сотрудники Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) через своих представителей в разных государствах Европы.

Поездка Р.Л. Самойловича и Б.Г. Чухновского состоялась в 1929 г. Ей предшествовал, как уже отмечалось, приезд М.К. Лемана и М.М. Горского. Красинцы в середине октября 1928 г. выступили перед рабочими в Берлине, Гамбурге и Кёльне в рабочих клубах. Были записаны устные воспоминания М.М. Горского об этой поездке (ныне они хранятся в фондах ледокола-музея «Красин»). Он отмечал, что первое выступление в Харбурге (пригород Гамбурга) оказалось неудачным, так как рабочие не были оповещены о встрече, а красинцы были усталыми. Вторая встреча (в самом Гамбурге) прошла как праздник: зал был переполнен, пришедшие были радостны, встречали гостей цветами и, подхватив на руки, донесли до сцены. Выступления переводил переводчик, после речей демонстрировались диапозитивы. В Кёльне слово взял даже один из пассажиров лайнера «Монте-Сервантес», запомнивший М.М. Горского⁴.

Поездке за границу Р.Л. Самойловича и Б.Г. Чухновского предшествовали их выступления с лекциями и докладами в различных городах Советского Союза в октябре – декабре 1928 г. Б.Г. Чухновский отмечал, что с 5 октября по 1 ноября в Ленинграде и Москве он «прочитал около

¹ ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 107. Л. 12.

² Там же. Л. 6–7 об.

³ Там же. Л. 7 об. Необходимо пояснить, что многие организации, участвовавшие в подготовке экспедиции, стремились к получению прибыли от освещения удачного похода – Совкино, ТАСС, Комитет (Там же. Л. 9).

⁴ Научный архив ледокола-музея «Красин». № 340, 1. Л. 1–5.

100 докладов, при этом были дни и с шестью выступлениями»; затем последовали «27 дней, проведённых нами в городах Украины, Крыма, Кавказа», в ходе которых было озвучено не менее 142 докладов». По его образному выражению, они были как «смычка эффектного похода советских экспедиций с монолитом основных достижений, родивших красивый ручеёк нашей работы»¹. Борис Григорьевич, подводя итоги своим поездкам по стране в журнале «Осоавиахим», писал: «Пришлось прочесть около 300 докладов», аудитория которых «достигала 200 000 человек», встречи проходили «на улицах, на вокзалах, на фабриках, в клубах»². Продолжительность выступлений – от полутора до двух часов.

Р.Л. Самойлович называл точное число выступлений: «Мне пришлось, начиная с момента прихода “Красина” и до 30 октября, прочесть ряд докладов в Москве и Ленинграде в количестве 22. Затем, 30 октября, я вместе с нашим вторым пилотом Г.А. Страубе отправился в поездку по СССР. Мы посетили Харьков, Ростов-на-Дону, с выездом в Шахтинский район, город Грозный, Баку, Ганджа, Тифлис, Батум и Эривань. За время поездки я прочёл 72 доклада... <...> Везде нас принимали с энтузиазмом и исключительным гостеприимством. Наплыв желающих попасть на доклады был огромен. Бывали случаи, когда мне приходилось повторять в той же аудитории доклад, чтобы удовлетворить всех, не попавших в помещение»³. После выступления следовали вопросы слушателей. В очерке Вал. Суханова приводится следующий факт: за время пребывания на Донбассе каждый из лекторов выступил по 62 раза (за 18 дней), на каждой из встреч зрители подали свыше 6500 записок⁴. Организатором поездок и выступлений был Осоавиахим. В документах содержатся свидетельства о том, что такое турне помогло обществу покрыть часть расходов на экспедицию, что лекторы получали вознаграждение за выступление (вместе с тем Б.Г. Чухновский жаловался, что был «до крайности переутомлён», так как прочёл «во много раз больше докладов, чем кто-либо из участников экспедиции») ⁵.

В первые дни с докладами также выступали другие участники похода на «Красине» – П.Ю. Орас и К.П. Эгги, председатель судового комитета М. Филиппов. Ледокол 6 октября был открыт для посещения всеми желающими. Выступали с рассказами и журналисты, входившие в состав красинского экипажа. Так, в ноябре – декабре 1928 г. состоялось несколько докладов Э.Л. Миндлина (часть из них – совместно с Б.Г. Чухновским)⁶.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 24, 28.

² Чухновский Б. Редкие дни // Осоавиахим. 1929. № 1. С. 19.

³ Самойлович Р. Горячий приём // Осоавиахим. 1929. № 1. С. 19.

⁴ Суханов Вал. С «Красиным» по шахтам // Осоавиахим. 1929. № 2. С. 19.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 18–29.

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–23; Д. 143. Л. 1–4.

В ленинградском Аэрохим-музее (Адмиралтейский пр., 12) подготовили выставку о походе «Красина» и «Малыгина». На ней были представлены портреты участников и фотографии, сделанные в ходе плавания¹.

Малыгинцы также выступали с рассказами о своей экспедиции. 18 сентября в турне по городам Германии был направлен М.С. Бабушкин. Свои выступления он сопровождал показом диапозитивов². В «Бюллетене Осоавиахима» сообщалось, что 1 и 2 октября В.Ю. Визе, М.С. Бабушкин, А.Н. Гарри и И.А. Валентей встречаются с трудящимися Харькова, затем отправляются в другие города (в Полтаву, Одессу и Киев). На встречах не только звучали доклады, но и демонстрировались кадры кинохроники³. В конце октября В.Ю. Визе в составе советской делегации (с П.Ю. Шмидтом и Б.Л. Исаченко) выехал в Берлин для участия в работе конгресса «Аэроарктик». У участников поездки брали интервью, в ходе которых задавались многочисленные вопросы о плаваниях 1928 г.⁴

Планировались поездки руководителей экспедиции за границу уже в конце 1928 г. Но МИД Чехословакии отказал в приёме делегации⁵. На 5 февраля 1929 г. была назначена работа специальной комиссии в Италии, которой предстояло разрешить ряд спорных вопросов, связанных с проведением экспедиции У. Нобиле. Дать показания комиссии предстояло Р.Л. Самойловичу, Б.Г. Чухновскому и А.В. Средневскому. Логично было проводить выступления в европейских городах (подготовкой которых продолжали заниматься советские дипломатические представительства и Центральное бюро обществ друзей СССР в Берлине) уже после окончания работы Комиссии.

26 января 1929 г. заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов направил директиву членам советской делегации (Р.Л. Самойловичу, Б.Г. Чухновскому и А.В. Средневскому). В ней предписывалось в дни работы комиссии в Риме: «1. Придерживаться строго объективной оценки деятельности Нобиле. Давать ясную и точную характеристику событий без полярных оценок. 2. Делегация не должна выдвигать

¹ Выставка ледяного похода // Ленинградская правда. 1928. 7 октября. С. 2; Экскурсии на «Красин» // Там же.

² ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 31. Л. 2. Здесь приведён текст телеграммы о том, что 18 сентября начинается месячное турне лётчика. Вероятно, программа была несколько короче, раз в начале октября он уже выступал в Харькове.

³ Бюллетень Осоавиахима. 1928. Октябрь. № 17 (34). Здесь также указывалось, что потом выступления планировалось проводить совместно с красинцами.

⁴ В.Ю. Визе в одном из интервью в Берлине упомянул, что Р.Л. Самойлович заставлял журналистов принимать участие в авральных работах на «Красине». Это вызвало комментарий со стороны НКВД о необходимости инструктировать выезжающих, чтобы они были осторожны в контактах и высказываниях за границей. См.: ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 89. Л. 94.

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-6276. Оп. 13. Д. 129. Л. 1 и об.

никаких вопросов и держаться в рамках свидетельских показаний. 3. Все ответы советской делегации должны быть обоснованы знанием событий»¹. Во время пребывания на территории иностранных государств участники поездки не должны были давать интервью. Особо оговаривалось, как следует отзываться о полётах шведской экспедиции: «Оценка деятельности лётчика Лундборга должна иметь исключительно отрицательный характер». При ответе на вопрос о цели второго плавания «Красина» следовало указать, что оно зависело «исключительно от исчерпывающих розысков группы Алессандрини» и «никаких других мотивов советская экспедиция не имела». Участники поездки не могли и не должны были не только затрагивать, но и давать «какие бы то ни было ответы по существу на вопросы политического характера, как то: права владения в Арктике, перспективы арктических исследований, сети станций в Арктике и т. д.»².

Поездка советской делегации началась с остановки в Вене, куда она прибыла 30 января. Состоялась дружественная встреча в советском полпредстве в столице Австрии. Но Р.Л. Самойлович отклонил предложение выступить в Вене для широкой публики, так как это предшествовало бы выступлению на заседании комиссии. 1 февраля делегация выехала в Рим (приехали 3 февраля). На вокзале их встречали сотрудники полпредства, офицеры морского и авиационного министерств, фотографы и публика. 4 февраля Р.Л. Самойлович получил предписание НКВД «в случае постановления со стороны комиссии вопроса о целесообразности производства обследования Земли Франца-Иосифа с целью розыска группы Алессандрини воздержаться от каких-либо связывающих заявлений», но мог, как и Б.Г. Чухновский, «изложить свои личные соображения по этому вопросу»³. Как и намечалось, 5 февраля состоялось слушание показаний советских представителей в комиссии, которая вела свою работу в Морском министерстве Италии. Р.Л. Самойлович вспоминал, что «допрос» продолжался очень короткое время, был весьма формален и поверхностен», всех троих спрашивали в течение 1 ч 20 мин⁴. Исследователь З.М. Каневский отмечал, что Рудольф Лазаревич выступил в защиту У. Нобиле, заявив, что винить его нельзя – «виноваты стихия и несовершенство летательных аппаратов»⁵. Однако решение комиссия вынесла не в пользу воздухоплателя, многие суровые обвинения с него сняли только после Второй мировой войны.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 30.

² Там же. Л. 30 об.

³ РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 156. Л. 67.

⁴ Там же. Л. 71–72.

⁵ Каневский З.М. Вся жизнь – экспедиция. М., 1982. С. 61.

Рис. 5. Приём советской делегации в посольстве СССР в Риме. Февраль 1929 г. Фонды ледокола-музея «Красин»

Советская делегация находилась в Италии почти две недели. За это время её участники побывали не только в Риме (рис. 5), но и в Милане, Венеции и Неаполе, а также навестили М. Горького в Сорренто. Р.Л. Самойлович в первые дни пребывания в Италии встречался с отцом Р. Алессандрини, Н. Чечioni и инженером Д. Альбертини. Они говорили о новой поисковой экспедиции, которая планировалась на лето 1929 г. Р.Л. Самойлович сообщил в НКВД о возможности привлечения к участию в экспедиции на ЗФИ в 1929 г. двух итальянских аэропланов. Но в наркомате не поняли, что он имеет в виду: исследование архипелага или поиски пропавших итальянских воздухоплателей. Последовал решительный отказ: Р.Л. Самойловичу предписывалось воздержаться от разговоров на эту тему, а обсуждение новых розысков группы Алессандрини вести только в случае инициативы итальянской стороны в этом вопросе¹. Между тем Рудольф Лазаревич серьёзно размышлял о поисках пропавших, он писал о необходимости проанализировать гидрометеорологические данные, собранные в 1928 г., и искать людей на северо-востоке Шпицбергена и на ЗФИ. Он полагал, что необходимо «достаточно крепкое судно или пароход», снабжённый «одним или двумя небольшими аэропланами, а также моторным катером»; ледокол, по его мнению, был «слишком дорог и не нужен»². Как известно, в августе 1929 г. розыски вела итальянская экспедиция под руководством Д. Альбертини на шхуне

¹ ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 106. Л. 20.

² РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 156. Л. 58.

«Браганца», но она не принесла никаких результатов. В ходе плавания л/п «Г. Седов» к ЗФИ в июле – августе того же года (начальник экспедиции – О.Ю. Шмидт, его заместители – Р.Л. Самойлович и В.Ю. Визе) поиски группы Алессандрини также велись. К сожалению, никаких следов обнаружить не удалось.

7 февраля 1929 г. Р.Л. Самойлович получил приглашение прочесть доклады в Берне. Началась вторая часть поездки – лекционная и просветительская деятельность (А.В. Средневский из Италии вернулся в СССР). Она сопровождалась многочисленными встречами с фотографами и журналистами, первые из которых состоялись уже в Италии.

В Швейцарии советская делегация выступала не только в Берне, но и в Цюрихе, Базеле и в Женеве (20-е числа февраля). В отчёте С. Багоцкого (Общество культурных связей между СССР и зарубежными странами, представительство в Берне) о лекциях Р.С. Самойловича и Б.Г. Чухновского отмечалось: «Вся работа экспедиции “Красин”, замалчиваемая в своё время известной частью прессы, восстала перед швейцарцами во всей полноте... <...> Несомненно, что лёд той клеветы, из которой буржуазная пресса Швейцарии до сих пор не выходила, ледоколом “Красин” разбит, и общественное мнение увидело, что кроме “грабежа” и “экспроприаций” в СССР ещё кое-чем занимаются»¹. Значение выступлений не ограничивалось только этим, они имели важные дипломатические последствия. С. Багоцкий подчёркивал, что выступление Р.Л. Самойловича «уже вызвало известное оживление вопроса о швейцарско-советских отношениях»².

Из Швейцарии Р.Л. Самойлович и Б.Г. Чухновский выехали в Париж. Велись переговоры о выступлениях во французской Академии наук, в Географическом обществе, о лекциях в Сорбонне, приёме в Министерстве иностранных дел³. Но на завтрак в Министерство были присланы только представители послов других государств, 27 марта состоялась одна лекция Рудольфа Лазаревича в Сорбонне. Вот как она проходила: «Вечер, устроенный франко-советским научным комитетом Сорбонны... прошёл среди непрерывающихся оваций публики, главным образом студенческой. Приветственное слово сказал проф. Шарко. На лекции демонстрировались диапозитивы, привезённые проф. Самойловичем. Фильму “Красин” мы решили в Сорбонне не показывать, резервируя её на залы “Ваграм”; дело в том, что фильма, присланная в Париж в конце января, до сих пор не была куплена ни одной из французских прокатных

¹ РГАЭ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 157. Л. 1, 7.

² Там же. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 99.

организаций и не имела разрешения цензуры; поэтому мы не исключали запрещения её демонстрирования во время самого сеанса и не объявили её на афише к вечеру и в «Ваграм»¹. Зал, рассчитанный на 300 чел., вместил в два раза больше людей. Б.Г. Чухновский приехал к началу вечера и не смог даже войти.

2 марта советские делегаты были приглашены на радио и прочитали доклады с Эйфелевой башни. Можно сказать, что их слышала вся Европа². Затем последовали выступления в самых больших залах Парижа «Плейель» и «Ваграм», которые вместили 5000 чел. Визит Р.Л. Самойловича и Б.Г. Чухновского показывали в кинохронике в кинотеатрах.

После пребывания во Франции делегация направилась в Берлин, где состоялось 10 выступлений (в том числе в Штадтгале, где присутствовало 800 чел. и все места были заняты). Затем докладчики отправились в Лейпциг, оттуда Р.Л. Самойлович уехал в Гамбург, а Б.Г. Чухновский – в Кёнигсберг, Дессау, Мюнхен и Кёльн. Заведующий отделом Центральной Европы НКВД СССР В.Л. Лоренц 18 марта сообщал своему руководству, а также С.С. Каменеву и И.С. Уншлихту о подготовке мероприятий: «Организация всех этих докладов и выступлений отнимает у нас чрезвычайно много времени, потому что приходится делать всё крайне наспех, без возможности достаточно тщательно подготовить каждый доклад. При такой спешке не удаётся, в частности, сделать доклады достаточно прибыльными, потому что доклады перед рабочей аудиторией, где можно было бы взять большую входную плату, необходимо по берлинским условиям объявлять по крайней мере за 8–10 дней. Так как проф. Самойлович и тов. Чухновский не получают суточных, то возникает опасность, что им трудно будет свести концы с концами в смысле денег. Гонорары они получают только за кёнигсбергские выступления и за доклады в Лейпциге, и то, очевидно, не больше чем по 50 долларов. Кроме того, необходимо решить вопрос о дальнейшем пребывании красинцев за границей, потому что есть десятки новых предложений. Есть предложения и из других стран. Совершенно нет возможности решать вопросы о дальнейших докладах, не зная, на сколько времени могла бы быть продлена командировка проф. Самойловича и тов. Чухновского»³.

23 марта советские представители снова вернулись в Париж, откуда 27 марта выехали в Голландию, получив приглашение от местного

¹ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 99 об.

² Доклад Б.Г. Чухновского прочитал спикер, так как лётчик не смог поехать на радиостанцию из-за острого приступа аппендицита (Там же. Л. 98). Об этом он умалчивал в интервью журналу «Осоавиахим»: Красинцы за границей // Осоавиахим. 1929. № 10. С. 13.

³ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 69.

«Общества Друзей Новой России». Они выступили в Гааге, Роттердаме, Амстердаме, оттуда выехали в Бельгию (Брюссель) и снова вернулись в Берлин. В апреле из Германии Р.Л. Самойлович отправился в Швецию (Стокгольм), а Б.Г. Чухновский – в Ригу. Везде их выступления проходили удачно, в печати публиковались положительные отзывы. Заграничная командировка продолжалась почти три месяца, за это время Р.Л. Самойлович и Б.Г. Чухновский посетили восемь стран и прочитали около 50 докладов¹.

Выступления советских представителей доказывали, что в Стране Советов есть мощные суда для работы в высоких широтах, есть научные силы, способные исследовать Арктику, есть учреждения, которые могут быстро и качественно организовать экспедицию. Впоследствии Р.Л. Самойлович сожалел, что количество подобных поездок советских исследователей за границу сократилось, ведь там наблюдалась «огромная тяга к познанию советской науки», а учёных встречали и готовы были принимать вновь «с величайшим гостеприимством»².

К 1934 г. издательствами СССР и зарубежных стран было выпущено 64 книги и множество статей о походе «Красина». М.М. Ермолаев отмечал, что спасательные экспедиции на л/к «Красин» и л/п «Малыгин» «вызвали необычайное сочувствие и искреннее восхищение мировой общественности», что привело «к определённом повороту в отношении СССР и расширило брешь в кольце антисоветской блокады»³.

Подведём итоги

События 1928 г. нашли отражение и в иностранной прессе, прежде всего в итальянской и норвежской, были изданы дневники и воспоминания участников воздухоплавательной и спасательных экспедиций. Но в рамках данной статьи отметим лишь, что эти книги были посвящены прежде всего экспедиции У. Нобиле. В Норвегии её характеризовали как «полярную авантюру, стоившую так много денег и повлёкшую за собой гибель ценных человеческих жизней»⁴. Для итальянской прессы также была характерна кампания против У. Нобиле. Тем не менее тот факт, что путешественники смогли выжить в суровых условиях Арктики, привезти с собой материалы экспедиции, свидетельствовал в их пользу. Как и в СССР, в Италии и Чехословакии уже в конце 1920-х гг. стали появляться записки участников полёта (Дж. Бьяджи, А. Вильери,

¹ Красинцы за границей // Осоавиахим. 1929. № 10. С. 13.

² ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 68. Л. 18.

³ Ермолаев М.М. От редактора // Самойлович Р.С. На спасение экспедиции Нобиле. С. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 2. Д. 53. Л. 66.

Ф. Бегоунек). Опубликованные в 1928–1930 гг. книги также можно назвать травелогами¹.

Воспоминания о полёте написал и главный герой событий 1928 г. генерал У. Нобиле. В 1930 г. он опубликовал обстоятельное монографическое исследование о своей экспедиции к Северному полюсу и о причинах катастрофы воздушного судна². О своих полётах рассказал и Э. Лундборг. Его записки о шведской экспедиции вышли уже в 1928 г. В 2011 г. книга была переведена на английский язык и переиздана³.

Таким образом, история полёта «Италии» и советской спасательной экспедиции, в которой главное место отводилось л/к «Красин», была хорошо освещена как в СССР, так и за рубежом. При этом в Советском Союзе продумывалась пропагандистская кампания (внутри страны и за границей), целью которой было ещё раз доказать права на арктические владения, а также продемонстрировать «победу культуры пролетарского государства, культуры созидającego класса» (вспомним слова П.Ю. Ораса). Главным пропагандистом стал известный полярный исследователь и руководитель экспедиции, директор ИИС Р.Л. Самойлович, знавший несколько европейских языков и знакомый со многими зарубежными учёными. Так как в то время развивались самолётостроение и воздушное сообщение, а организатором спасательного похода выступил Осоавиахим, неудивительно, что практически постоянным спутником Рудольфа Лазаревича оказался Б.Г. Чухновский, руководивший лётной частью на «Красине». В поездках по СССР также принимали участие другие лётчики (М.С. Бабушкин, Г.А. Страубе) и научные сотрудники (В.Ю. Визе), с лекциями выступали участники плавания не только на «Красине», но и на «Малыгине».

Красинский нарратив, сформировавшийся в 1928–1929 гг., несомненно, мифологизировал сам поход и его участников. Реальность была сложнее: в ней были и опасения за возможность быстрой подготовки судна к походу, и авральный набор команды, и сомнения в эффективности работы ледокола, и происшествия с членами экипажа. В травелогах же неизменно описывались героический труд, уверенное преодоление трудностей и опасностей. Неудача «Малыгина», которому преградили путь льды, всё равно стала героической, поскольку экипаж и лётчики доказали,

¹ Behounek F. Il naufragio della spedizione Nobile. Bemporad, 1930. 248 p.; Biagi G. Biagi Racconta. Milano, 1929. 153 p.; Viglieri A. 48 giorni sul pack. Milano, 1929. 268 p.; Бегоунек Ф. Семь недель в полярных льдах. Л., 1928. 94 с.

² Nobile U. L'Italia al Polo Nord. Milano, 1930. 469 p. (переиздана в 2006 г.).

³ Lundborg E. När Nobile räddades: mina upplevelser under den svenska Spetsbergsexpeditionen 1928. Stockholm, 1928. 224 s.; Lundborg E. The Arctic Rescue. How Nobile Was Saved. 2011. 214 p.

что возможны исследования и полёты в высоких широтах, а также участие в информационном обеспечении более мощного судна, которое продолжало движение во льдах. Поэтому о походе «Малыгина» также писали и выпускали статьи и книги¹, рассказывали, как уже указывалось, в ходе лекций. Появлялись статьи и книги, посвящённые разным аспектам экспедиции, авторами которых стали не участники похода. Например, ряд публикаций был связан с изучением работы ледовых судов во льдах². Писатель П.Г. Лопатин опубликовал в журнале для юношества «Знание – сила» рассказ о полётах дирижабля в Арктике. В нём он дал ответ на вопрос «Почему Советский Союз спасает генерала Нобиле?»: «Советское правительство послало наши суда спасать научные достижения, те сведения и наблюдения, которые собраны за два полёта итальянской научной экспедицией и которые могут оказаться крупным вкладом в дело разгадки тайн Полярного океана»³. Тем самым подчёркивалось, что в Стране Советов есть суда и учёные, способные исследовать высокие широты. Также в те дни выходили материалы о деятельности общества «Аэроарктик» и перспективах изучения Арктики с помощью дирижабля⁴.

¹ Бабушкин М.С. Над вечными льдами: Рассказы лётчика М. Бабушкина, записанные на «Малыгине» / [Авт. лит. обработки] З. Островский. М., Л., 1929. 104 с.; Гарри А.Н. Лёды и люди: [Поход «Малыгина»]. М., 1928. 48 с.; Гарри А.Н. По следам Амундсена: [поход «Малыгина»]. М., Л., 1930. 154 с.; Геко Ю.[В.] 50 дней: Гибель дирижабля «Италия»: [Дневник]. [Л.], 1928. 278 с.; Лавров А.М. «Малыгин» в поисках экспедиции Нобиле во льдах восточного побережья Свальбарда. Л., 1929. 110 с. (отд. отт. из «Морского сборника», № 12 за 1928 г.); Научные работы экспедиции на ледоколе «Малыгин» в Баренцевом море летом 1928 года / Под ред. В.Ю. Визе // Труды ИИС. 1929. Вып. 45. 111 с.; Поход «Малыгина»: Сборник статей участников экспедиции / Под ред. Александра Яковлева. М., Л., [1929]. 199 с.; Яковлев А.С. Ледовый поход «Малыгина». [М.], 1929. 78 с.

² Манасеин И. Ледоколы – покорители льдов // Наука и техника. 1928. № 41. С. 1–2; Колубовский И.Я. Сквозь льды: (Работа ледокола в полярных водах). Л., 1928. 48 с. (Популярная библиотека журнала «Наука и техника»; вып. 67); Работа ледокола в полярных льдах // Наука и техника. 1928. № 42. С. 11–12; Тимофеевский Ф. Плавание во льдах при совместной работе двух ледоколов // Вестник знания. 1928. № 20. С. 1012–1013.

³ Лопатин П. На дирижабле к Северному полюсу // Знание – сила. 1928. № 8. С. 202–204.

⁴ См., например: «Аэроарктик». Труды 2-й Полярной Конференции (Ленинград, 18–23 июня 1928 года). Л., 1930. 194 с.; Нансен Ф. Итоги и перспективы полярных исследований // Искры науки. 1928. № 9. С. 321–323; Шмидт П.Ю. Аэроарктика. Международное общество для изучения Арктики с помощью воздушного корабля // Искры науки. 1928. № 9. С. 324–329.

ЕРЁМИНА-СОЛЕНИКОВА Е.В.

Образы Арктики и Антарктики в шотландских контрдансах

E. EREMINA-SOLENIKOVA

Arctic and Antarctic images in Scotch Country Dances

Сведения об авторе:

Ерёмина-Соленикова Евгения Владимировна, аспирантка Академии русского балета им. А.Я. Вагановой, СПб ГБУ «Городское туристско-информационное бюро» (Санкт-Петербург)
eugeniasolenikova@gmail.com

Author:

Evgeniia Vladimirovna Eremina-Solenikova, postgraduate student of the Vaganova Ballet Academy, researcher of the St. Petersburg City Tourist Information Bureau (Saint Petersburg)
eugeniasolenikova@gmail.com

Аннотация

Контрдансы появились ещё в XVII в., но благополучно существуют до сих пор, причём в разных вариантах. В наши дни, когда контрдансы распространены по всему миру, появляется очень много танцев в этом стиле. Постепенно в шотландской ветке контрдансов сложилась традиция сочинять тематические танцы, пытаясь выразить движениями танцующих некий образ. Иногда создаются целые подборки, посвящённые тому или иному событию или явлению. Среди композиций, посвящённых Арктике и Антарктике, наиболее интересны 16, сочинённые по большей части в последние 20 лет. Чаще всего танцоры обращаются или к созданию образов животных приполярных областей, или к «танцевальным» описаниям полярных территорий. Но существует целый сборник танцев, полностью посвящённый экспедиции Уильяма Спирса Брюса в Антарктиду.

Abstract:

Country dances appeared in the 17th century but they still successfully exist in different styles. There are a lot of dances in this style all over the world. A tradition to compose

thematic dances developed in Scottish country dances. They try to express different images through the figures of dances. Sometimes entire collections dedicated to a particular event or phenomenon are created. Among the dances devoted to the Arctic and Antarctic the most interesting are 16 ones composed mostly in the last twenty years. Dancers as usual turn either to images of animals from the polar regions, or to dance descriptions of the polar territories. A whole collection of dances entirely dedicated to the Antarctica expedition of William Speirs Bruce was created in 2002.

Ключевые слова:

SCD, шотландские контрдансы, изображения природы Арктики, шотландская антарктическая экспедиция 1902–1904 гг., Уильям Спирс Брюс.

Keywords:

SCD, Scottish country dances, Arctic nature images, Scottish Antarctic expedition of 1902–1904, William Speirs Bruce.

Тема Арктики и Антарктики отражается в типе таких современных танцев, как контрдансы, который появился ещё в XVII в., но благополучно существует и до сих пор, причём в разных вариантах, – сейчас есть стили New English country dances, Scottish country dances, Square dances, Historical (Playford) country dances. Самое главное в контрдансах то, что это танцы, построенные на взаимодействии пар. Чаще всего для исполнения танца все строятся в большую колонну, рассчитываются на первые и вторые пары и танцуют определённый набор фигур, зависящий от танца. После однократного повторения такого набора (проведения) пары меняются местами и сдвигаются: первые – к низу колонны, вторые – к верху. Танец продолжается с новыми первыми и вторыми парами. Бывают и другие варианты. Контрдансы появились и исполнялись больше всего в Великобритании и её бывших колониях. Но начиная со второй половины XX в. они активно распространились практически по всем странам мира. Это очень живые, весёлые танцы, в которых задействовано сразу много людей. Это танцы, которые на базовом уровне можно освоить достаточно легко (например, английские танцы вообще не требуют знания специальных шагов, а у шотландских базовых шагов всего три). Такие композиции легко учить, танцевать и сочинять.

В наши дни, когда контрдансы распространены по всему миру, естественно, появляется очень много композиций в этом стиле. Счёт идет на тысячи существующих схем. Конечно, не все они добились популярности, не все оказались интересными, не все выжили. Самые оригинальные и удачные публиковались в очень статусных сборниках, например

в *The Imperial Book of Scottish Country Dances*¹. Постепенно в этом стиле (в основном в его шотландской ветке) сложилась традиция сочинять тематические танцы в попытке представить через движения танцующих тот или иной образ. Иногда сочинялись целые подборки, посвящённые какому-то событию или явлению, например *The Scotia Suite of Scottish Country Dances*², созданный совместно с Шотландским географическим обществом и посвящённый столетию Шотландской национальной антарктической экспедиции.

Все танцы на ту или иную тему выделить крайне сложно, напомним, что их десятки тысяч. Но яркие образы остаются на виду в этом море вариаций, их я и хочу представить в этой статье. Сразу отмечу, что по видео сложно понять, как тот или иной арктический образ воплотился в танце, так как контрдансы – не сценические танцы, они созданы прежде всего для самих танцоров. Поэтому лучше всего картинки, создаваемые перемещениями партнёров, видны на диаграммах. Сразу хочу обратить внимание, что зачастую сложно, а то и невозможно установить датировку того или иного танца, – танцоры не считают эту информацию важной и не фиксируют её; в тех случаях, когда дата есть, это дата первой публикации.

В современных массовых танцах (кроме контрдансов) Крайний Север (или Крайний Юг) отражён плохо. Удалось найти только кадрили *Stella Polare* («Полярная звезда») авторства Фабио Моллика (1999) и вариации на тему «танца пингвинов», в основном для детей. Упомянутая кадриль малопопулярна, не нашлось ни её видео, ни графической схемы, ни упоминания её в каких-либо программах танцевальных мероприятий, только одно описание³.

В современных английских танцах найдено три композиции на полярную тематику. *Polar Vortex* («Полярный вихрь»), автор Кари Равитц. Он танцуется в таком интересном построении: Д1 К1 Д3 К3...К2 Д2 К4 Д4...

Пары изначально строятся в колонну не одна за другой, а напротив первой пары – вторая, рядом – третья, напротив неё – четвёртая и пр.

¹ Вот, к примеру, описание томов 4 и 5 этого издания: *The Imperial Book of Scottish Country Dances Volumes 4, 5 & more* // Сайт Королевского шотландского общества контрдансов [Электронный ресурс] URL: <https://www.rscds.org/shop/product/books/the-imperial-book-of-scottish-country-dances-volumes-4-5-more/> (дата обращения: 23.06.2021).

² Описание сборника доступно по ссылке: *The Scotia Suite of Scottish Country Dances* // Сайт Королевского шотландского общества контрдансов [Электронный ресурс] URL: <https://www.rscds.org/shop/product/books/the-scotia-suite-of-scottish-country-dances/> (дата обращения: 23.06.2021).

³ Кадриль «Полярная звезда» // Сайт «Ассоциация Исторического и Социального Танца» [Электронный ресурс] URL: <https://trianon-studio.ru/ru/library/dance-book/quadrilles/quadriglia-stella-polare> (дата обращения: 23.06.2021).

Все танцующие, пока звучит мелодия, постоянно кружатся то вчетвером, то с партнёром, то с визави, в результате все сдвигаются на одного человека влево, на новое проведение, получая не только новую пару визави, но и новых партнёров. Действительно получается вихрь¹.

Polar Trek («Полярный путь»²) – танец того же автора в таком же построении. Композиция включает кружения, явно символизирующие вихри, а также пуссет – фигуру, в которой в одной паре ведущий толкает ведомого в нужном направлении, а в другой, наоборот, ведущий тянет ведомого. Этот элемент явно ассоциируется у автора с тяготами похода. К сожалению, о личности Кэри Равиц ничего не удалось узнать.

Третий из найденных танцев, *March of the Penguins* («Марш пингинов»³) Петера Фостера из Австралии, сочинённый в 2013 г., никаких характерных образов не содержит.

Гораздо интереснее танцы, созданные в рамках шотландской традиции контрдансов. Удалось найти 16 композиций, но, скорее всего, их больше. Впрочем, некоторые имеют к Арктике скорее опосредованное отношение.

Когда современных танцоров спрашиваешь, какие танцы посвящены Арктике, практически все, не сговариваясь, говорят *Cold and raw* («Холодно и сыро»). Но в оригинале этот танец⁴ был опубликован в 1651 г. и исполнялся на мотив старинной шотландской баллады с таким названием, позже на этот мотив Роберт Бёрнс создал одно из своих стихотворений.

Ещё один танец, связанный с полярными областями опосредованно, это *Dundee Whaler* («Китобой Данди»⁵), танец на музыку шотландской песни о судах китобойных промыслов. Но Рой Кловез, сочинивший этот танец в 1967 г., посвятил его определённому кораблю – «Авроре», судну, сначала бывшему на балансе шотландской китобойной компании Данди, а потом участвовавшему в антарктических экспедициях. Танец целиком

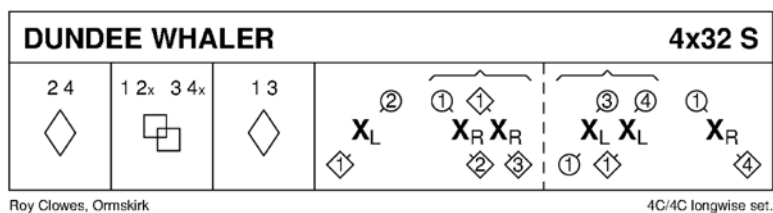
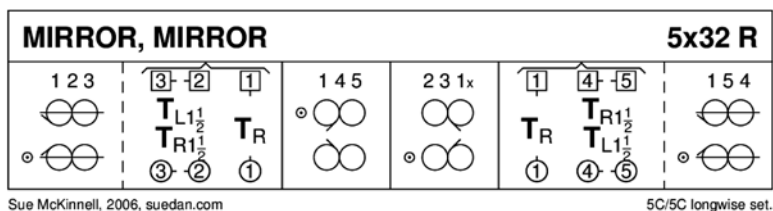
¹ Polar Vortex. Dance Record Card // Сайт Antony's Dance Database [Электронный ресурс] URL: <http://www.heywood.nl/antony/dances/dancecard.php?ID=10140> (дата обращения: 23.06.2021).

² Polar Trek. Dance Record Card // Сайт Antony's Dance Database [Электронный ресурс] URL: <http://www.heywood.nl/antony/dances/dancecard.php?ID=13210> (дата обращения: 23.06.2021).

³ March of the Penguins. Dance Record Card // Сайт Antony's Dance Database [Электронный ресурс] URL: <http://www.heywood.nl/antony/dances/dancecard.php?ID=12756> (дата обращения: 23.06.2021).

⁴ Cold And Raw // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/cold-and-raw.html> (дата обращения: 23.06.2021).

⁵ Dundee Whaler // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/dundee-whaler.html> (дата обращения: 23.06.2021).

Рис. 1. Схема танца *Dundee Whaler*Рис. 2. Схема танца *Mirror, Mirror*

построен на диагональных линиях, там есть даже достаточно редкая фигура «зиг-заг» – она изображает движение парусника среди полярных льдов (рис. 1).

Некоторые танцы посвящены приполярным областям. Например, Сью Маккиннел в 2006 г. написала танец *Mirror, Mirror* («Зеркало, зеркало»¹) под впечатлением фотографий Антарктики, где в спокойной воде отражаются скалы как перевёрнутый мир. Танец абсолютно симметричен, что нехарактерно для этого стиля (рис. 2).

Существует танец неизвестного авторства, посвящённый северному сиянию, *Northern Lights* («Северное сияние»²), очень популярный в Канаде, отличающийся достаточно сложными перестроениями, символизирующими переливы *Aurora borealis*.

Северному полярному кругу посвящён танец Джона Дрюри, написанный в 2005 г. Этот человек был прекрасным учителем и плодовитым творцом – за свою жизнь он сочинил более 800 танцев, причём крайне интересных. Авторство Дрюри для любого танцора обозначает, что сейчас

¹ Mirror, Mirror // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/mirror-mirror.html> (дата обращения: 23.06.2021).

² Northern Lights // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/northern-lights.html> (дата обращения: 23.06.2021).

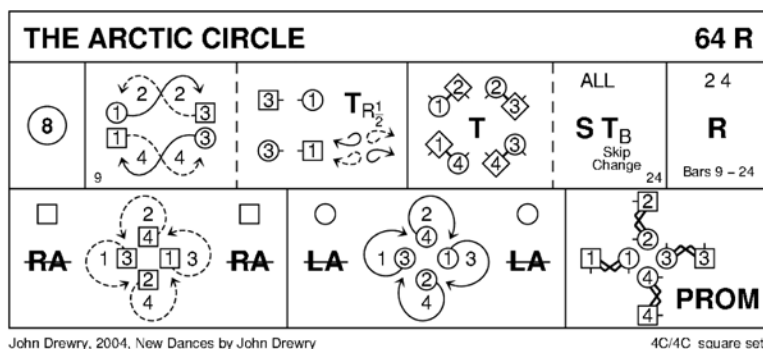

Рис. 3. Схема танца *The Arctic Circle*

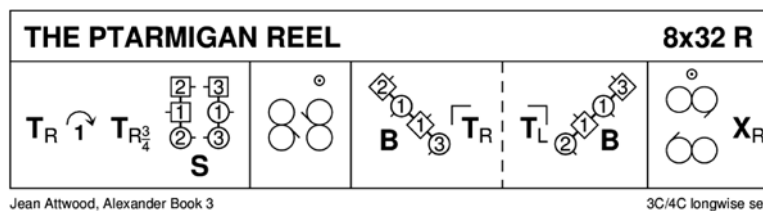

Рис. 4. Схема танца *The Ptarmigan Reel*

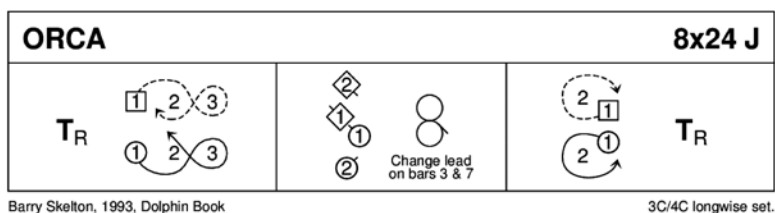
будет композиция с необычными переходами, красивыми образами. *The Arctic circle* («Полярный круг»)¹ полностью построен на круговых и закрученных движениях, говорящих, что за полярным кругом отменяется один из самых важных для древнего человечества законов природы, по которому солнце светит днём и не видно ночью (рис. 3).

Значительное количество танцев посвящено представителям арктической фауны. Больше всего повезло белым и тундряным куропаткам – им посвящены два танца: это *The Ptarmigan* («Куропатка»²) того же Джона Дрюри (написан в 1982 г.) и *The Ptarmigan Reel* («Рил куропаток»³,

¹ The Arctic Circle // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/arctic-circle.html> (дата обращения: 23.06.2021).

² The Ptarmigan // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/ptarmigan.html> (дата обращения: 23.06.2021).

³ The Ptarmigan Reel // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/ptarmigan-reel.html> (дата обращения: 23.06.2021).

Рис. 5. Схема танца *Orca*

рил – название типа танцевальной мелодии), созданный Джин Атвуд до 1983 г. (рис. 4). Автор отмечала, что перетаптывание куропаток с ноги на ногу напомнило ей одну из известнейших фигур шотландских конгрдансов – *balance-in-line* (баланси́рование в линиях), когда танцующие образуют живую цепь и прыгают вправо-влево.

После поездки в 1991 г. в арктические области Канады Кэвин Кларк и Джон Боуи сочинили танец *The Caribou Gathering* («Собирание оленей»¹), где первая пара постоянно обходит все остальные, как бы «собирая стадо».

Ещё один танец – *Orca* («Косатка»²) посвящён этому хищному китообразному (рис. 5). Танец создан в 1994 г. и весь построен из фигур, в которых танцоры постоянно оббегают друг друга – как косатки, играющие в морских волнах. Примечательно, что этот танец был создан для тематического сборника, посвящённого дельфинам (*The Dolphin Book*) и изданного в Новой Зеландии³.

Как уже упоминалось, тематические сборники танцев под эгидой Королевского шотландского общества (RSCDS) – это не редкость. Самый интересный для нашей статьи танец, *Scotia Suite* («Сюита Скотии»), был выпущен в 2002 г.⁴ и посвящён экспедиции в Антарктику под командованием Уильяма Спирса Брюса в 1902–1904 гг. Сборник

¹ *The Caribou Gathering* // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/caribou-gathering.html> (дата обращения: 23.06.2021).

² *Orca* // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/orca.html> (дата обращения: 23.06.2021).

³ *The Dolphin Book* // Сайт TAC Books [Электронный ресурс] URL: http://books.tac-rscds.org/product_info.php?products_id=543 (дата обращения: 23.06.2021).

⁴ Книга *The Scotia Suite of Scottish Country Dances* // Сайт Amazon.co.uk [Электронный ресурс] URL: <https://www.amazon.co.uk/Scotia-Suite-Scottish-Country-Dances/dp/0004110099> (дата обращения: 23.06.2021).

подготовлен совместно с Шотландским географическим обществом и до сих пор востребован у танцоров¹. Автором-составителем сборника был Рой Голдинг.

Рассмотрим танцы в той последовательности, в которой их расположил автор. Первым нас встречает, что логично, танец *Antarctica Bound* («Границы Антарктики»²). Его схема мало соотносится с названием, но идея – экспедиция приближается к самому южному материку – понятна. Следующая композиция конкретизирует, где именно проходит маршрут экспедиции, – танец *Scotia Sea* («Шотландское море»³). Опять же, в отличие от некоторых танцев, представленных в данной статье, в фигурах этого сложно увидеть идею, но у нас есть пояснения от Роя Голдинга: «Этот танец показывает спуск на воду открытой спасательной шлюпки, которую использовали Эрнест Шеклтон и небольшая команда для поездки в обитаемую Южную Джорджию, чтобы спасти оставшихся членов неудавшейся трансантарктической экспедиции 1914–1917 гг. После того как корабль Шеклтона «Эндюранс» погиб во льдах моря Уэдделла, экипаж достиг необитаемого острова Элефант, где оказался без убежища в преддверии наступающей зимы». Да, этот эпизод не относится к экспедиции Уильяма Брюса, но тоже принадлежит к британской антарктической эпопее. Дальше идёт «описание местности» – танец *Ice Cap* («Ледяная шапка»⁴ – покрывающая Антарктиду). Он построен на круговых движениях с достаточно сложной схемой.

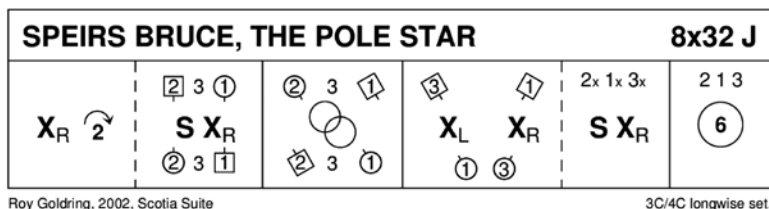
В следующем танце мы продолжаем путешествие по Антарктиде: *Coats Land* (Земля Котса). Она была обнаружена Уильямом Брюсом, руководителем Шотландской национальной антарктической экспедиции, в 1902–1904 гг. Брюс назвал регион Землёй Котса в честь Джеймса Котса – младшего и майора Эндрю Котса, финансово поддержавших экспедицию. Позже Берег Кэрда, часть Земли Котса, исследовал Эрнест Шеклтон и назвал его в честь сэра Джеймса Кэрда, покровителя экспедиции. В этом танце Рой Голдинг пытался отразить процесс исследования новооткрытых земель.

¹ Книга *The Scotia Suite of Scottish Country Dances* // Сайт TAC Books [Электронный ресурс] URL: http://books.tac-rscds.org/product_info.php?products_id=324 (дата обращения: 23.06.2021).

² *Antarctica Bound* // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/antarctica-bound.html> (дата обращения: 23.06.2021).

³ *Scotia Sea* // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/scotia-sea.html> (дата обращения: 23.06.2021).

⁴ *The Ice Cap* // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/ice-cap.html> (дата обращения: 23.06.2021).

Рис. 6. Схема танца *Speirs Bruce, the Pole Star*

Танец *Bruce's Men* («Люди Брюса»¹), что логично, посвящён команде, с которой Уильям Спирс Брюс исследовал Антарктику. Схема танца осмысливает фотографию членов экспедиции у их базы на Оркнейских островах.

Следующая композиция, *The Piper and the Penguin* («Пайпер и пингвин»²), относится к блоку, связанному с экспедицией Брюса. Танец тоже принадлежит Рою Голдингу, но написан гораздо раньше других – ещё в 1990-х гг. Как видно, тема Антарктики была важна для этого автора на протяжении всей его танцевальной карьеры. Посвящён танец определённому эпизоду из жизни Уильяма Брюса и экипажа «Скотии». 7 марта 1904 г. они попали в метель и оказались в ловушке паковых льдов в море Уэдделла. Пока они стояли во льдах, команда проводила время, исследуя влияние музыки на пингвинов! Волынщик привязал пингвина к ноге, а затем играл музыку в разных стилях, чтобы посмотреть, повлияют ли они на пингвина по-разному. Судя по всему, нет: по воспоминаниям, несчастная птица считала все эти звуки одинаково мучительными... 12 марта во льду образовалась трещина, однако «Скотии» и экспедиции удалось спастись. Голдинг взял эту историю из-за сохранившейся фотографии. Но в фигурах, которые он придумал для танца, нет никаких намёков на затруднительное положение «Скотии» или многострадального пингвина. Для нас танец примечателен ещё и тем, что он очень популярен по всему миру и, в частности, в Петербурге.

И в финале мы переходим к главному герою сборника – Уильяму Спирсу Брюсу, шотландскому исследователю и океанографу. Ему

¹ Bruce's Men // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/bruces-men.html> (дата обращения: 23.06.2021).

² The Piper and The Penguin // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/piper-and-the-penguin.html> (дата обращения: 23.06.2021).

посвящён танец *Speirs Bruce, The Pole Star*. Второе название танца – «Полярная звезда»¹ – выбрано по нескольким причинам. Это и Полярная звезда, и признание авторитета Брюса в области полярных исследований. Танец весь построен на диагональных линиях – путеводных лучах. Этот последний танец и свет Полярной звезды, кроме прочих значений, символизируют дорогу домой.

Подводя итоги, хочется отметить, что тема Арктики и Антарктики играет, конечно, не самую важную роль в шотландских танцах. Но красоты Севера (и Крайнего Юга), природа полярных областей, отвага исследователей не могли пройти мимо внимания творцов современных шотландских танцев (в отличие от английских, которые уделяют им мало внимания). Чаще всего танцоры обращаются или к образам животных приполярных областей, или к «танцевальным» описаниям полярных территорий.

¹ Speirs Bruce (The Pole Star) // Сайт Scottish Country Dance Instruction [Электронный ресурс] URL: <https://www.scottish-country-dancing-dictionary.com/dance-crib/speirs-bruce.html> (дата обращения: 23.06.2021).

ПРЯМИЦЫН В.Н., БЕЙ Е.В.

Празднование 50-летнего юбилея создания Северного флота – яркое событие в культурной жизни Советской Арктики

V. PRYAMITSYN, E. BEY

The celebration of 50-year anniversary of
creation of the Northern Fleet – a bright event
in cultural life of the Soviet Arctic

Сведения об авторах:

Прямыцын Владимир Николаевич, доктор исторических наук, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Москва)

priamitzynvn@mail.ru

Бей Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, докторант Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (Москва)

evgeniibey@yandex.ru

Authors:

Vladimir Nikolaevich Pryamitsyn, Doctor of Historical Sciences, deputy chief of Research department of Research institute (military history) of Military academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Moscow)

priamitzynvn@mail.ru

Evgeny Vasilyevich Bey, Candidate of Historical Sciences, doctoral candidate of Military academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Moscow)

evgeniibey@yandex.ru

Аннотация

В статье освещаются события, связанные с подготовкой и празднованием полувекового юбилея Северного флота СССР. Широкомасштабные мероприятия, проведённые в 1983 г., отличали широкий размах и разнообразие форм. Праздник стал знаменательным событием не только для советского военного флота, но и для всей Арктики. 50-летний юбилей нашёл отражение и оставил след в научной, социально-культурной и многих других сферах.

Abstract

In article the events connected with preparation and the celebration of semicentennial anniversary of the Northern Fleet of the USSR are covered. The large-scale events held in 1983 distinguished broad scope and a variety of forms. The holiday became a significant event not only for the Soviet military fleet, but also for all Arctic. 50-year anniversary found reflection and left a mark in scientific, socially cultural and many other spheres.

Ключевые слова:

Краснознамённый Северный флот, 50-летие Северного флота, Североморск, Советская Арктика.

Keywords:

Northern Fleet decorated with the Order of the Red Banner, 50 anniversary of the Northern Fleet, Severomorsk, Soviet Arctic.

Военный флот присутствовал в Арктике с конца XIX в. В годы Первой мировой войны он получил оформление в качестве Флотилии Северного Ледовитого океана. В ходе революционных событий и Гражданской войны в России по решению советского правительства началось создание Военно-морских сил Республики, вылившееся в организационное формирование Морских сил Северного моря. Дальнейшая необходимость восстановления на севере страны регулярных военно-морских сил определила решение военно-политического руководства молодого Советского государства о создании Северной военной флотилии, о чём официально было объявлено 1 июня 1933 г. приказом Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Но спустя всего несколько лет, в ходе осуществления государственной программы по созданию так называемого большого флота, секретным приказом наркома обороны К.Е. Ворошилова 11 мая 1937 г. Северная флотилия была повышена в статусе и переименована в Северный флот¹.

Моряки сыграли важную роль в освоении арктических просторов в 1930-е гг., в защите Арктики в годы Великой Отечественной войны, в послевоенном изучении полярного региона и развитии его инфраструктуры. За годы, прошедшие с момента создания, Северный флот стал одним из системообразующих элементов Советской Арктики, глубоко интегрированным во многие сферы деятельности. В связи с этим

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 51. Л. 3.

полувековой юбилей Северного флота стал знаменательным событием не только для советского военного флота, но и для всей Арктики.

В культурной жизни Арктики было немало значимых событий. Едва ли какое-то из них оставило такой же разнообразный и широкий след, как празднование 50-летия создания Северного флота. То, как североморцы отметили полувековой юбилей флота, нашло отражение в периодической печати, научной литературе, архитектуре, спорте, боевой подготовке, музейном деле, концертной деятельности, фалеристике, кинематографии, фотографии...

Следует отметить, что наиболее широко празднование юбилея освещалось в региональной прессе. Так, июньские и июльские выпуски газеты Северного флота «На страже Заполярья» 1983 г. содержали специальную рубрику «50 лет СФ». В ней читателям преподносились статьи о достижениях североморцев в боевой и повседневной деятельности, о славном прошлом флота. Статьи предварялись особыми логотипами. Одна из них, вышедшая 5 июня, начиналась такими словами: «Северному Краснознамённому – пятьдесят! И почти полвека живет рождённое им, самым молодым флотом страны, гордое и славное, ко многому обязывающее имя – североморец»¹.

В этой же рубрике публиковались воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Например, Л. Власов, воевавший на Северном флоте старшиной группы электриков Краснознамённой подводной лодки С-104, рассказывал читателям о боевом пути своего корабля. Его воспоминания завершаются такими словами: «Идут годы. Уже другие, современные боевые корабли входят в состав Краснознамённого Северного флота, и другие, молодые моряки – дети и внуки ветеранов войны – несут на них океанскую вахту. Но память хранит боевые дела подводников времён войны, павших в боях и оставшихся в живых»².

В рубрике «50 лет СФ» был опубликован и «родительский наказ» – воззвание к молодому матросу от «родителей», напутствующих его в свете начала службы на флоте. Среди прочего «родители» писали: «...Будь бдительным, настойчиво овладевай вверенным тебе оружием и боевой техникой, совершенствуй флотское мастерство, повышай свой идейный уровень, крепи воинскую дисциплину, дружбу и товарищество, закаляйся психологически и физически, приумножай славу родного флота, в году 50-летнего юбилея которого тебе посчастливилось здесь служить»³. Также на полосах газеты «На страже Заполярья» освещался ход празднования, публиковались официальные поздравительные адреса.

¹ Имя тебе – североморец! // На страже Заполярья. 1983. 5 июня.

² Победные залпы // На страже Заполярья. 1983. 10 июня.

³ Родительский наказ // На страже Заполярья. 1983. 12 июня.

Юбилей освещался и на страницах городской газеты «Североморская правда». Среди её материалов были широко представлены поздравления, поступавшие в адрес городского комитета КПСС. Так, Т. Бублий, воевавший комендором на противолодочном катере, в открытом обращении кратко описал свой боевой путь. Он завершил письмо такими словами: «Желаю новому поколению военных моряков отличных успехов в боевой и политической подготовке, с тем чтобы высоко нести звание моряка-североморца, помнить, знать и приумножать боевые традиции ветеранов флота»¹.

Значительная группа публикаций освещала мероприятия города, приуроченные к юбилею. В статье «Навстречу золотому юбилею» сообщалось, что «к этой знаменательной дате коллективы предприятий, учреждений и организаций Североморска и пригородной зоны готовят свои трудовые подарки – здесь широко развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу юбилея»². Самым масштабным подарком города флоту стал месячник по благоустройству, прошедший с 23 мая по 23 июня 1983 г. Улицы и парки города преобразились в ожидании гостей.

Наряду с газетой «На страже Заполярья», «Североморская правда» публиковала статьи об истории Северного флота, среди которых доминировала тематика Великой Отечественной войны. Освещались и послевоенные достижения североморцев. Все материалы, посвящённые юбилею, предварялись особым логотипом.

Юбилей Северного флота нашёл отражение и в научной литературе. Так, в июньском номере «Военно-исторического журнала» за 1983 г. вышла статья Героя Советского Союза адмирала А.П. Михайловского «На страже советского Заполярья (К 50-летию Краснознамённого Северного флота)»³. В данной работе была представлена ретроспектива военного флота в Арктике. Читательской аудитории напомнили о создании военно-морских сил в Белом море в годы Первой мировой войны, о деятельности военных моряков Российской империи по обеспечению сообщения с союзниками и противостоянию с немецкими подводными лодками. В статье подробно рассказано о создании Северной военной флотилии в 1933 г., её составе, задачах, боевой подготовке, силах и руководстве. Наиболее широко отражено участие североморцев в Великой Отечественной войне. Адмирал А.П. Михайловский акцентировал внимание читателя на основных событиях: оборона полуостровов Рыбачий

¹ Слово ветерана // Североморская правда. 1983. 11 июня.

² Навстречу золотому юбилею // Североморская правда. 1983. 24 мая.

³ Михайловский А.П. На страже советского Заполярья (К 50-летию Краснознамённого Северного флота) // Военно-исторический журнал. 1983. № 6. С. 89–94.

Рис. 1. На открытии памятника «Самолёт Ил-4» в честь авиаторов-североморцев, сражавшихся против фашистских захватчиков. 26 июля 1981 г.

и Средний, борьба на коммуникациях, Петсамо-Киркенесская операция. Автор констатировал, что в послевоенные годы флот оставался бессменным часовым советского Заполярья и наследником традиций предшественников. Яркие примеры из повседневной деятельности и боевой подготовки североморцев – надводников, подводников, авиаторов и морских пехотинцев объективно дополняли мысли автора.

В угоду времени, статья изобилует реверансами в адрес Центрального Комитета Коммунистической партии. Однако она решает главную задачу, стоящую перед ней: в дни празднования юбилея знакомит обширную аудиторию читателей ведущего советского военно-исторического журнала со славными страницами истории Северного флота.

Полувек юбилей Северного флота оставил заметный след в архитектурном облике флотской столицы – Североморска. В ознаменование юбилея был благоустроен обширный пустырь, отделяющий причальный фронт от комплекса зданий штаба Северного флота. Здесь раскинулась площадь Мужества, доминантами которой стали подводная

Рис. 2. Герои моряки-катерники на открытии памятника «Торпедный катер ТК-12». 31 июля 1983 г.

лодка, самолёт и катер, установленные на пьедесталы. Строители стремились гармонично вписать военную технику в облик площади. В частности, лодка, являвшаяся и памятником, и музеем, была воссоздана с высокой детализацией. При этом она стала частью ансамбля, включающего в себя здание музейного павильона и набережную. В едином архитектурном пространстве были размещены самолёт Ил-4¹ и торпедный катер ТК-12 (рис. 1, 2).

Торжественным и вместе с тем трогательным моментом церемонии открытия комплекса стало построение моряков, воевавших в составе экипажа К-21, на палубе подводной лодки – музея (31 июля 1983 г.).

Площадь Мужества потребовала значительной работы от художников и архитекторов. Не меньшая работа была проведена инженерами и строителями. Парящий в небе самолёт, скользящий по волнам катер, висящая над водой подводная лодка были настоящим вызовом для инженеров. Наряду с ними, в состав комплекса вошёл и сказочный городок для детей. Открытие площади состоялось в дни празднования юбилея.

¹ Памятник «Самолёт Ил-4» был создан раньше, чем памятники «Торпедный катер ТК-12» и «Подводная лодка К-21», но весь архитектурный ансамбль был открыт именно к 50-летию Северного флота, 31 июля 1983 г.

В дни празднования юбилея Северного флота город посетило значительное количество гостей. Среди них были не только высокопоставленные должностные лица и ветераны, но и творческие коллективы. Серию шефских концертов на боевых кораблях дали артисты Ровенского музыкального драматического театра им. Николая Островского. Морякам были представлены отрывки из спектаклей и сатирические миниатюры, в которых превалировала героико-патриотическая тема.

К полувековому юбилею флота была приурочена выставка Центрального военно-морского музея «Подводный флот нашей Родины», развёрнутая в Доме офицеров флота. Среди наиболее ценных экспонатов в Североморске были представлены и боевые знамёна четырёх подводных лодок, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Празднование 50-летия Северного флота включало в себя широкий комплекс мероприятий и было растянуто по времени. Однако основные события были приурочены ко Дню Военно-Морского Флота.

В канун дня ВМФ на городском стадионе прошёл военно-спортивный праздник. Под звуки сводного духового оркестра перед трибунами промаршировали парадные расчёты, представляющие надводные корабли, подводные лодки, морскую авиацию, военных строителей, береговые войска. Зрителям была представлена театрализованная постановка, показавшая славный боевой путь флота. Особый интерес посетителей вызвали задействованные в постановке масштабные макеты подводной лодки Д-1, эскадренного миноносца «Урицкий» и подводного атомохода.

Вслед за ними по беговой дорожке стадиона прошли флотские спортсмены. Они продемонстрировали зрителям награды, полученные североморцами на спортивных состязаниях в СССР и за рубежом. Участники военно-спортивного праздника показали строевые приёмы с оружием, спортивные упражнения, а морские пехотинцы – приёмы рукопашного боя. Большое впечатление на публику произвело выступление сборной команды профессиональных парашютистов, выполнивших ряд одиночных и групповых прыжков, некоторые из которых были уникальны по своей сложности.

Кульминацией праздничных мероприятий стал парад кораблей Краснознамённого Северного флота, состоявшийся 31 июля 1983 г. в акватории губы Ваенга. На причале был выстроен почётный караул. Командующий флотом Герой Советского Союза адмирал А.П. Михайловский принял рапорт командующего парадом и под звуки марша обошёл строй почётного караула. Артиллерийский выстрел, раздавшийся над акваторией залива, известил о начале парада. К боевым кораблям, выстроившимся на рейде, устремились катера. На борту первого находились член Военного совета – начальник Политического управления ВМФ адмирал

П.Н. Медведев, командующий Северным флотом адмирал А.П. Михайловский, первый секретарь Мурманского обкома КПСС В.Н. Птицын, член Военного совета флота – начальник Политического управления вице-адмирал Н.В. Усенко, председатель Мурманского облисполкома А.П. Зазулин, адмирал флота Г.М. Егоров, адмирал флота Н.Д. Сергеев, адмирал В.В. Михайлин, генерал-полковник авиации Г.А. Кузнецов, лётчик-космонавт генерал-майор авиации А.А. Леонов, первый секретарь Мурманского горкома КПСС Т.Н. Щербаев, первый секретарь Североморского горкома КПСС И.В. Сампир. На других катерах разместились адмиралы, генералы, офицеры, ветераны и гости флота – представители партийных, советских и общественных организаций.

Подходя к каждому боевому кораблю и подводной лодке, находящимся в парадном стою, командующий флотом приветствовал моряков, получая чёткие и громкие ответы экипажей. Затем адмирал А.П. Михайловский поздравлял их с Днём Военно-Морского Флота и 50-летием Северного флота. Под раскатистое троекратное «Ура!» его катер перемещался к следующему участнику парада. По завершении морского парада в акватории Кольского залива начался праздник на воде. Мероприятие открылось прохождением катеров, несущих государственный флаг СССР, флаг ВМФ и флаг ВВС. Над ними прошли вертолёты с полотнищами, украшенными надписями: «Слава КПСС!» и «50».

Далее настал черёд боевой техники. Первыми водную гладь пересекли ракетные катера и малые ракетные корабли. Их на морской авансцене сменила группа противолодочных вертолётов. Крылатые машины снизились и опустили в воду гидрофоны, имитируя поиск подводных лодок противника. По сценарию, не раз отработанному в боевой практике, на смену вертолётам пришли малые противолодочные корабли, показавшие зрителям условное уничтожение обнаруженной субмарины противника торпедами и реактивными бомбомётами (рис. 3).

Следующими участниками представления на воде стали десантные корабли. Приблизившись к берегу, они открыли носовые створки, направив в сторону зрителей плавающие танки и бронетранспортёры. Произведя высадку, морские пехотинцы начали стрелковый бой, перешедший в рукопашную схватку с «противником». По традиции подобных праздников, на ближайшей сопке взметнулся ввысь флаг, символизировавший успех штурма.

Внимание зрителей снова было устремлено на акваторию, где торжественно прошли суда обеспечения: спасатели, танкеры, транспорты... Пожарные катера взметнули ввысь струи воды, образовав над водной гладью изящные фонтаны. В завершение перед зрителями прошли крупные боевые корабли: большой противолодочный корабль «Маршал Тимошенко», эскадренный миноносец и сторожевой корабль.

Рис. 3. Показательные выступления боевой техники на параде кораблей Северного флота. 31 июля 1983 г.

Вечером того же дня в Доме офицеров Североморского гарнизона состоялся торжественный концерт. На сцене блистали артисты лауреата премии Ленинского Комсомола ансамбля «Песни и пляски Краснознамённого Северного флота». Между художественными номерами выступали высокопоставленные гости, зачитывались поздравительные телеграммы. В зале находились многочисленные гости праздника, среди которых было значительное количество героев Советского Союза (рис. 4).

В преддверии юбилея был выпущен значок. Он представляет собой штампованную алюминиевую пластину весом 10 г. Основная его часть, имеющая овальную форму, разделена по вертикали пополам: снизу – синее море, сверху – сетка меридианов и параллелей, символизирующая полярную шапку планеты. На их фоне изображены подводная лодка, авианесущий крейсер и самолёт, символизирующие подводный и надводный флот, а также морскую авиацию соответственно. Степень детализации такова, что специалисты легко узнают в них конкретные образцы морской и авиационной техники. Вдоль нижней кромки овала тянется вьющаяся орденская лента ордена Красного Знамени, на складках которой нанесены надписи: «СФ», «50» и «лет». Верхнюю часть

Рис. 4. Начало торжественного концерта в Доме офицеров Североморского гарнизона, посвящённого юбилею Северного флота. 31 июля 1983 г.

Рис. 5. Аверс и реверс настольной медали «50 лет Краснознамённому Северному флоту» (1984)

знака формирует развевающийся советский военно-морской флаг. Точный тираж знака установить не удалось, но можно сделать вывод о его значительных масштабах.

Настольная медаль «50 лет Краснознамённому Северному флоту», напротив, была выпущена небольшим тиражом. Она была выполнена медальером В.П. Мухачёвым спустя год после юбилея на Ленинградском монетном дворе. Её тираж составил 3000 экземпляров. Медаль представляет собой круглую пластину, изготовленную из томпака, диаметром 70 мм, с изображениями с обеих сторон. На аверсе изображены памятник

«Алёше» и щит со звёздочкой и числом «50». По краю аверса нанесена надпись: «КРАСНОЗНАМЕННЫЙ СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ». На реверсе в круге меньшего диаметра, чем сама медаль, помещены подводная лодка, надпись «1933–1983», полярное сияние и реющий советский военно-морской флаг (рис. 5).

Юбилей был увековечен и в видеосъёмке. Празднования были отражены в восьмом выпуске киножурнала «Советский воин» за 1983 г. В центре внимания оказались парад, приуроченный к 50-летию Северного флота, гости юбилея, кадры кинохроники времён Великой Отечественной войны.

Обширные мероприятия, подготовка которых началась задолго до 50-летнего юбилея, стоили Северному флоту больших трудов. Очевидно, что командованию флота хотелось бережно сохранить память о том, как широко и ярко североморцы отметили знаменательную дату. Все основные события юбилея, зафиксированные на фотоплёнку, были помещены в фотоальбом, размноженный небольшим тиражом для высокопоставленных гостей.

Подводя итог рассмотрению истории празднования 50-летнего юбилея Северного флота, можно сделать следующие выводы:

- мероприятию предшествовала масштабная подготовка;
- его отличали широкий размах и разнообразие форм;
- юбилей нашёл отражение и оставил след во многих сферах;
- он по праву занимает место в ряду наиболее ярких событий культурной жизни Советской Арктики;
- опыт, приобретённый североморцами при подготовке мероприятия такого масштаба, может быть использован на современном этапе и в будущем.

ТИМОФЕЕВА А.Е.

Пространство моря на Русском Севере

A. TIMOFEEVA

The sea space in the Russian North

Сведения об авторе:

Тимофеева Анастасия Евгеньевна, магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
nasya_timofeeva97@mail.ru

Author:

Anastasiia Evgenievna Timofeeva, master's student of Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)
nasya_timofeeva97@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы духовно-культурные аспекты Русского Севера, а также философские концепты Белого моря. Данное исследование охватывает три хронологических пласта: внехристианский, христианский и дорусский.

Важным явлением в условиях освоения Арктики явилась морская культура, развивающаяся на Белом море. Она представляет собой повседневную и духовную жизнь помора. Имеющиеся данные позволяют говорить об особом поморском менталитете и представлении о поморе как об особом типе русского человека. Этот вопрос рассмотрен с географической, литературной, философской позиций.

Фольклор и художественные произведения Русского Севера создают, воплощают и транслируют социокультурную модель мира, ценностные ориентации и традиции народа, свою этническую принадлежность. Целью данного исследования являются выявление и изучение культурного ландшафта Белого моря. Анализ художественных и научных текстов позволил автору выявить основные смыслы и способы создания образа Белого моря, исследовать его взаимосвязь с фольклорными источниками и мифологическим сознанием.

Abstract

Spiritual and cultural aspects of the Northern Russian have been analyzed in the article. The philosophical concepts of the White Sea are investigated. This study covers three chronological layers: non-Christian, Christian and pre-Russian.

An important phenomenon in the conditions of the development of the Arctic was the marine culture developing on the White Sea. It represents the mundane and spiritual life of Pomor. The available data allow us to speak about a special Pomor mentality and the idea of Pomor as a special type of Russian person. This concept is considered from a geographical, literary, and philosophical point of view.

Folklore and narrative literature create, embody and transmit the sociocultural model of the world, values orientation and traditions of the people, their own ethnic identity. The purpose of this study is to identify and study the cultural landscape of the White Sea. The analysis of literary and scientific texts allowed the author to identify the main meanings and ways of creating the image of the White Sea, to explore its relationship with folklore sources and mythological consciousness.

Ключевые слова:

Русский Север, коренные народы, идентичность, фольклор, антропология, Поморье, Белое море.

Keywords:

Russian North, indigenous people, identity, folklore, anthropology, Pomors, White Sea.

Понятие «Русский Север» крайне многозначное и неустойчивое, оно включает в себя больше историко-культурный контекст, нежели географический. Тем не менее принято считать, что Русский Север охватывает Карелию, Архангельскую и Вологодскую области, Республику Коми. Эти земли простираются «от Ледовитого океана на севере до водораздела Волга – Северная Двина на юге, от Карелии на западе до Уральских гор на востоке»¹.

Развитие культурных традиций и формирование «северного» менталитета было обусловлено этнической историей северян. К XVI в. произошло освоение земель и возникло преобладание русского населения на северных землях. Хотя это и был неоднородный процесс и о единой культурной линии также говорить не приходится, эта земля имеет свои локальные особенности. Например, этнограф И.В. Власова рассматривала культурные и этические представления северян в связи с их земледельческой деятельностью, другие исследователи, например Н.М. Терехин, обращались к различным образам, в том числе и образу моря. Основой данной работы стали исследования этнографов, историков, фольклористов, а также литературные произведения, описывающие Русский Север.

¹ Власова И.В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М., 2015. С. 16.

Для понимания духовно-нравственных основ северян и в целом «северности» русской культуры необходимо учитывать их миграционные передвижения (что явилось важнейшим фактором в процессе их становления как народа), земледельческий труд и жизнь подле моря.

Борис Андреевич Успенский, рассматривая различные географические пространства, утверждал, что всякое пространство в древнерусской культуре человек воспринимал в морально-нравственных категориях¹. Чем являлось море для жителей Русского Севера? Вода как природная стихия обладает как разрушительными, так и созидательными свойствами. Она способна оживлять и вместе с тем умерщвлять, с ней связаны обряды крещения, очищения, избавления, «с мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте»². Всё это транслируется в отношении моря у северян.

Если мы станем рассматривать представления восточных славян о водном пространстве, то в их основе лежит вера в таинственную силу воды и царство мёртвых. Если море – это царство мёртвых, то всякое взаимодействие с ним равносильно поединку с судьбой. В каком-то смысле море отвечало эсхатологическим устремлениям, которые были свойственны русскому человеку. «Наконец, являя собой начало всех вещей, вода знаменует их финал, ибо с ней связан (в эсхатологических мифах) мотив Потопа»³.

Наряду с универсальными смыслами, которыми традиционно наделяется образ моря в мировой картине, в пространстве Русского Севера море служит важнейшей морально-нравственной категорией.

Народное миропонимание северян, как и других народов, формируется на религиозной почве и в русле повседневности, затем отражается в фольклоре, приметах, обычаях, искусстве. Морской промысел – основная деятельность северян, а вернее сказать поморов, живших и до сих пор живущих на берегу Белого моря. Освоение морского пространства стало необходимостью для северян. Так водная стихия определила менталитет жителей Русского Севера.

Помор и море имеют глубокую связь, которая выходит за рамки общего корня «мор», эта связь имеет имманентный характер.

Испытание морем, которое уже было упомянуто, отражает не просто физическую силу человека, а его нравственные установки. Человек в море оказывается перед высшим судом, перед Богом. Многие

¹ Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 381.

² Аверинцев С.С. Вода. Мифы народов мира. М, 1987. Т. 1. С. 240.

³ Там же.

поморские сказки описывают сюжет со смертью главного героя, где вместе со смертью происходит перерождение. «Испытание морем, таким образом, тесно увязывается с мотивом посмертного воздаяния и наказания, с мотивом суда. Как известно, образ загробного (Страшного) суда – одна из религиозно-мифологических универсалий»¹. Поэтому море оказывается сакральным пространством, где сходятся Начало и Конец. Согласно писаниям святых, Белое море «смывает» грехи утонувшего в его водах человека и перерождает его в вечную жизнь. Архетипические мотивы смерти как возвращения в материнское лоно моря переплетаются с религиозным осознанием бессмертия человека. Это характеризует северного человека как зависимого от водной стихии, но уверенного в своём бессмертии.

Также некоторые исследователи рассматривали цветовую символику Белого моря в соответствии с сиянием, а далее – и святостью. Действительно, Белое море собрало вокруг себя множество верующих людей, скитальцев, святых. Русский Север считается местом паломничества, местом уединения, а стремление на Север рассматривалось как стремление к спасению своей души. Примечательна история архангельского святого Варлаама Керетского, который убил жену, после чего плывал с трупом по воде и молился о прощении. Здесь море выступает в качестве судьи.

Топонимика Белого моря также является важнейшим фактором в изучении культуры Русского Севера. Почему же Белое море так называется? Распространена версия о том, что большую часть времени море находится под льдом, снегом или покрыто туманом. По другой версии, категорию белого цвета соотносят с категорией свободы. Белое море – свободное море, а поморы считаются свободолюбивыми людьми.

Советский писатель Борис Шергин, собиратель северного фольклора, отмечал, что море «дышит» и его дыхание становится для местных жителей таким же необходимым, как и своё собственное. Очевидно, «дыхание моря» выражает некую силу, пробуждающую к жизни и работе. «Вода в море и в реках не стоит без перемены, но живёт в сутках две воды – большая и малая, или “полая” и “кроткая”. Эти две воды – дыхание моря. Человек дышит скоро и часто, а море велико: пока раз вздохнёт, много часов пройдёт. И когда начнёт подниматься грудь морская, наполняя реки, мы говорим: “Вода прибывает”»².

Северный человек чувствует родство с морем, несмотря на то что это требует от него усилий. В отличие от враждебного, стихийного океана-хаоса,

¹ Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 8.

² Шергин Б. Отцово знание. Поморские были и сказания / Сост., предисл. и примеч. А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 47.

море – особое место, и такое отношение транслируется в речи помора: «Морем живём, ему и песни поём»¹.

Белое море предстаёт как жизнь во всём её многообразии. Море – живой организм, место промысла, оно проявляет активность («морюшко играет»), обладает волей (лютует, грохочет), выражает характер (сердится, хмурится, дичает). К морю не подступиться просто так, нужно обладать особыми знаниями. В руках поморов есть эти сакральные знания, а точнее – в их голосах. Жители Русского Севера разговаривали с морем, договаривались с ним – так появились поговорки, маркирующие отношения между человеком и морем. «И радость, и горе помору – всё от моря»², «Но душа помора знает, море – наш кормилец»³. В записях историка и этнографа Ксении Гемп встречаются заметки, что даже в XX в. в деревнях Архангельской области сохранились обращения к морю как к живому существу: «Море наше Белое распрекрасное»⁴, «Море-морюшко любое наше, уймися»⁵. В этих обращениях через сказочный нарратив или песню выражены и любовь, и страх, и уважение человека к морю: «Открываются глубокие, давние связи человека и природы, пути познания окружающего мира. И здесь всё связано с морем»⁶.

По воспоминаниям жителей прибрежных деревень, лов рыбы традиционно сопровождался пением. Так поморы умирляли воды Белого моря, успокаивали, просили хороший улов. Вместе с тем пение имело практический смысл: «Чтобы не спать, потому что бывало так: когда погода тихая, везёшь ночью рыбу, пока заря настанет»⁷.

Мы видим взаимное проникновение человека и моря, а также их взаимодействие. Одним из аксиологических центров жителей Русского Севера явилось морское пространство. Оно испытывало людей, проверяло на выносливость, но после – создавало сильную, мужественную, независимую от настроения и не покорную своим страстям личность.

¹ Гемп К.П. Сказ о Беломорье / [Вступ. ст. Ф. Абрамова; предисл. Д.С. Лихачёва]. Архангельск, 1983. С. 155.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 176.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. С. 155.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Власова М.Н. Русский Север: брошенная земля. Фольклор несуществующих деревень. СПб., 2021. С. 17.

Образ Арктики
и Антарктики в дневниках
и воспоминаниях
полярников, исследователей,
путешественников

The image of the Arctic
and Antarctic in the diaries
and memoirs of polar
explorers, explorers, and
travelers

БАРЗЕНИН А.В., ШИРОНОВА А.П.

Ледовый капитан Иван Ануфриев
о плавании в арктических морях
(по материалам из фондов Северного
морского музея)

A. BARZENIN, A. SHIRONOVA

Ice Captain Ivan Anoufrieu about sailing in
the Arctic seas (based on the materials from
archives of the Northern Maritime Museum)

Сведения об авторах:

*Барзенин Андрей Викторович, научный сотрудник Северного морского музея
(Архангельск)*

avbarzenin@rambler.ru

*Ширина Александра Павловна, научный сотрудник Северного морского музея
(Архангельск)*

alexandra.seamuseum@gmail.com

Authors:

*Andrey Viktorovich Barzenin, Research Fellow, Northern Maritime Museum
(Arkhangelsk)*

avbarzenin@rambler.ru

*Alexandra Pavlovna Shironova, Research Fellow, Northern Maritime Museum
(Arkhangelsk)*

alexandra.seamuseum@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена биографии, научному и литературному творчеству «первого ледового капитана» Ивана Петровича Ануфриева. Биография Ануфриева – это жизненный путь выходца из бедняцкой поморской семьи, который благодаря упорному самообразованию, природной любознательности и лидерским качествам стал одним из наиболее авторитетных судоводителей Русского Севера. Научные и публицистические статьи Ивана Петровича освещают следующие темы: 1) описание плаваний в арктических морях, изучение льдов, развитие ледокольного флота; 2) развитие морской кооперации и профсоюзного движения

как средства улучшения положения моряков; 3) хозяйственное развитие северо-восточных регионов Архангельской губернии, зверобойный промысел.

Наброски литературных произведений представляют собой воспоминания о работе на зверобойных промыслах в 1880-х гг.

Описания научных и литературных трудов И.П. Ануфриева в первую очередь основаны на ранее не публиковавшихся материалах из фондов Северного морского музея и статьях в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» за 1909–1917 гг.

Abstract

The article focuses on the biography, scientific and literary activities of «the first Russian ice captain» Ivan Petrovich Anoufrieu. The biography of Anoufrieu is a life path of a person from a poor Pomor family, who through intensive self-education, natural curiosity and leadership skills became one of the most outstanding boat masters of the Russian North. Ivan's scientific and feature articles cover the following topics: 1) descriptions of arctic seas navigation, study of ice, development of ice-breaker fleet; 2) development of maritime cooperation and trade union movement as a means of improving the standing of seafarers; 3) economic development of the north-eastern parts of the Arkhangelsk County, sea-hunting activities.

The drafts of literary writings comprise recollections from sea-hunting in the 1880s.

Descriptions of the scientific and literary works of I.P. Anoufrieu are primarily based on previously unpublished materials from the archives of the Northern Maritime Museum and materials published in the journal «The News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North» in 1909–1917.

Ключевые слова:

поморы, льды, ледаколы, зверобойный промысел, Белое море, Северный Ледовитый океан.

Keywords:

Pomors, ice, icebreaker, sea-hunting industry, the Arctic, White Sea, Arctic Ocean.

Имя Ивана Петровича Ануфриева – человека, которого заместитель директора Всесоюзного арктического института профессор В.Ю. Визе назвал «одним из выдающихся тружеников северных морей» и «одним из лучших их знатоков»¹, в настоящее время почти забыто. И это более

¹ Характеристика профессора В.Ю. Визе на капитана Ануфриева Ивана Петровича, 11 марта 1936 г.: Северный морской музей. Книга поступлений (далее – СММ КП) 1746/4. Л. 1.

чем несправедливо в отношении человека, которого капитан В.И. Воронин обоснованно называл своим учителем. В фондах Северного морского музея хранится персональная коллекция Ануфриева, которая содержит более 40 музейных предметов: рукописи статей Ивана Петровича, письма и фотографии. И, как удалось установить, по меньшей мере четыре статьи нигде ранее не публиковались.

Биография Ануфриева более чем примечательна. Иван Петрович родился 28 августа 1865 г. на берегу Белого моря, в деревне Куя Патракевской волости Архангельского уезда Архангельской губернии, в 45 км от Архангельска. Морскую службу Ануфриев начал в 14 лет. С 1879 г. он служил юнгой, затем коком, а с 1884-го по 1891 г. – матросом на промысловых судах¹.

Вот как И.П. Ануфриев описывает в своей биографии начало трудовой деятельности: «...с 1879 года я уже начал работать на морских судах, до 1891 года в качестве зуйка – юнги, т. е. на протяжении 12 лет. Условия работы были в те времена суровые, меня заставляли не только варить уху-суп и кашу, но и печь хлеб. По судовому хозяйству я должен был знать все судовые инструменты, знать все снасти, уметь стоять на руле и обязан был держать морскую вахту и другие судовые работы, за малейшее упущение меня просто били верёвкой – “ропом” или трепали за волосы – “волосянка”. Все суда того времени, плохо построенные, имели течь, и мне приходилось в первую голову отливать из судна воду на ручной помпе»².

Бытовые условия на этих судах также были очень тяжёлые: «...воды пресной для умывания рук и лица не полагалось, не полагалось и мыла. Кубрик, где помещалась команда, имел маленькую печь-пекарку и железный очаг, которые при топке сильно дымили, люк с палубы в кубрик был всегда открыт, так как при закрытом было бы душно»³.

С 1891 г. Ануфриев плавал на судах Архангельско-Мурманского срочного пароходства «Преподобный Трифон» и «Ломоносов», где, по его словам, условия службы были значительно легче, а самое главное – открывались возможности для профессионального роста. За пять лет он прошёл «все матросские специальности от младшего матроса, фонарщика, тиммермана, трюмного, рулевого и боцмана»⁴.

Освоив грамоту «самоуком», Ануфриев решил учиться на судоводителя. Два семестра он проучился на шкиперских курсах в Архангельске,

¹ Морской плавательный стаж с 1879-го по 1929 г. от 29.09.1929: СММ КП 1746/15. Л. 1.

² Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 2.

затем, зимой, – в Санкт-Петербурге в мореходных классах речного яхт-клуба. Получив диплом штурмана дальнего плавания в 1897 г., он ещё два семестра учился в Санкт-Петербурге, чтобы получить диплом капитана дальнего плавания¹.

Оставив службу в Архангельско-Мурманском пароходстве, Ануфриев пять лет служил шкипером спасательного бота «Великая княгиня Ксения Александровна»². «Условия работы и плавания были особенно тяжёлыми, так как для подания помощи рыбакам приходилось выходить в океан в самые штормы на ботике с металлическим килем “ванька-встанька”. Ботик имел длину 52 фута, с открытой от ветра, шторма и волн палубой, и нужно было сидеть в “ямке”, прикрепляя себя верёвками, а нижнюю часть, т. е. ноги, держать в воде, так что по 1–2 суток они были пропитаны морской водой»³. По итогам навигации 1904 г. «за добросовестную и самоотверженную работу по спасению людей и промысловых судов» Главное Правление Общества спасения на водах наградило шкипера дальнего плавания И.П. Ануфриева «похвальным листом 3-й степени»⁴. В своей биографии Иван Петрович с гордостью писал: «за 5 лет мной было спасено 29 рыбаков» и «более десяти шняк»⁵.

В 1908 г. Ануфриев принял команду парохода «Святой Николай», принадлежавшего И. Буркову. Ануфриев так описывал это судно: «Пароход был с деревянным корпусом, очень ветхий, вместимостью 300 тонн. Здесь условия службы были тоже нелёгкие: судовладелец не давал мне помощника, и я, правая с мая по ноябрь, нёс бессменную вахту без штурмана»⁶.

Через год Иван Петрович поступил на пароход «Николай», принадлежавший купцу Масленникову. По словам Ануфриева, этот пароход «был приспособлен к ломке льда»⁷. Это позволило уже в ноябре, когда Архангельский порт был закрыт, отправиться на полуостров Канин за навагой. Таким образом, навигация была увеличена на два месяца. Вероятно, именно этот рейс сделал И.П. Ануфриева настоящим фанатом идеи создания на Белом море ледокольного флота. В 1909–1913 гг. Ануфриев совершил на «Николае» несколько плаваний в Карском море в зимнее время.

¹ Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 2–3.

² Морской плавательный стаж с 1879-го по 1929 г. от 29.09.1929: СММ КП 1746/15. Л. 1.

³ Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 3.

⁴ Попов Г.П., Давыдов Р.А. Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX вв. Екатеринбург, Архангельск, 2002. С. 103–104.

⁵ Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 4.

Именно рейсы к берегам Новой Земли и дали повод называть Ивана Петровича «первым ледовым капитаном». В ходе этих плаваний им были составлены две карты южной части Новой Земли с указанием течений и льдов. Как писал сам И.П. Ануфриев в 1930-х гг., «ими в настоящее время пользовались капитаны при плавании у южной части Новой Земли». В течение пяти зим «Николай» был единственным судном, плававшим к Новой Земле и в Карское море¹.

В 1914 г. И.П. Ануфриев в качестве капитана экспедиционного судна «Герта» принял участие в организованных правительством поисках пропавшей экспедиции Г.Я. Седова. В начале 1915 г. Ануфриев был назначен на закупленный Министерством торговли и промышленности для Архангельского порта ледокольный пароход «Линтрос» (впоследствии «Садко»). В первую свою зимнюю навигацию «Линтрос» совершил три рейса через Белое море для проводки судов с военными грузами. В первом из них ледокол сначала оказал помощь торговому судну с ценным военным грузом, застрявшему во льдах, а затем – английскому кораблю «Юпитер», сопроводив его в Кольский залив².

Затем, в 1916–1917 гг., Иван Петрович командовал ледокольным пароходом «Александр Сибиряков» (*Bellaventure*). На нём Ануфриев проводил пароходы с военными грузами из Мурманска в Архангельск. Им было проведено «два рекордных ледовых рейса, за что был особенно отмечен военным командованием»³. В 1917 г. И.П. Ануфриев получил в командование новый ледокольный пароход *Iceland*, затем переименованный в «Семён Челюскин». На нём он успел совершить только один рейс – из Архангельска в Мурманск и обратно. При разгрузке судна в аванпорте Экономия на нём начался пожар, приведший к взрыву. По словам Ивана Петровича, взрыв произошёл в его отсутствие, это подтверждается документами расследования катастрофы⁴.

В 1918 г. И.П. Ануфриев возглавил экипаж линейного ледокола «Иван Сусанин» (до 1916 г. – *Minto*) во время плавания за оленьим мясом в Индигу. В 1920 г. И.П. Ануфриев в качестве начальника экспедиции от Центросоюза участвовал в плавании ледокольного парохода «Соловей Будимирович» за продовольствием. В своей биографии Иван Петрович отмечал: «Здесь, вследствие вмешательства... <...> ...белого генерала Миллера мои полномочия были отменены, и управление судном

¹ Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 4.

² Андриенко В.Г. Ледокольный флот России, 1860–1918 гг. М., 2009. С. 396.

³ Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 5.

⁴ Там же.

было передано капитану из белых, рейс был сорван, и нас удрейфовало со льдом в Карское море, где и зазимовали во льдах, живя в условиях голода и холода 5½ месяцев»¹.

В советское время И.П. Ануфриев три года возглавлял Канинские и Чешские рыбные и зверобойные промыслы, участвовал в качестве ледового лоцмана в Карских хлебных экспедициях, поочередно командовал рыболовецким судном «Кия», ледокольным пароходом «А. Сибиряков», пароходом «Госторг». В 1930-х гг. он более не участвовал в рейсах, а передавал свой богатейший практический опыт плавания во льдах, составляя практические рекомендации.

Теперь подробнее остановимся на публицистической, научной и литературной деятельности капитана И.П. Ануфриева. Первая известная нам статья «О тюленьем промысле на Белом море» была опубликована в «Трудах Северной комиссии», изданных Комитетом помощи поморам Русского Севера в 1897 г. Всего Иван Петрович опубликовал более 30 различных статей в журналах «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (далее – «Известия АОИРС»), «Северное хозяйство», «Труды Северной комиссии», «Русское судоходство», «Море», «Материалы Северыбы», «Записки по гидрографии», газетах «Северный край», «Котлин», «Северный листок», «Северный моряк»². Как уже было сказано, в фондах Северного морского музея имеются четыре ранее не опубликованные рукописи И.П. Ануфриева.

Публицистическую, литературную и научную деятельность Ануфриева можно условно разделить на следующие направления:

1. Описание плавания в арктических морях, изучение льдов, развитие ледокольного флота.
2. Развитие морской кооперации и профсоюзного движения как средство улучшения положения моряков.
3. Хозяйственное развитие северо-восточных регионов Архангельской губернии, зверобойный промысел.

Наиболее полно и разносторонне И.П. Ануфриев разрабатывал тему плавания во льдах. Опыт зимних рейсов на ледокольном пароходе «Николай» в 1909–1913 гг. Ануфриев описывал в серии статей, опубликованных в журнале «Известия АОИРС» в 1909–1917 гг.

В № 15 журнала «Известия АОИРС» вышла статья «Из плавания около берегов Новой Земли». В ней Иван Петрович описывал рейс парохода «Николай» к Новой Земле, состоявшийся летом 1910 г. Подробно

¹ Биография и характеристика морской работы капитана дальнего плавания Ануфриева Ивана Петровича: СММ КП 1746/3. Л. 6.

² Ануфриев И.П. Статьи и доклады, напечатанные в русских изданиях: СММ КП 3370. Л. 1, 2.

рассказывая о плавании, он описывал виды побережья архипелага: «Идя вперёд на север около покрытых туманом берегов, мы не представляли себе таких красот, какие теперь открылись перед нашими изумлёнными глазами, когда весь берег, от вершин гор и до моря, вырисовывался на голубом фоне неба. Мы не могли оторвать глаз от берега, от причудливых скал, то блестящих, то серо-белого, зелёного и жёлтого цветов, с красивыми выступами, остроконечными вершинами, пестреющими белизной снега; отдельные скалы сменялись целыми группами зубчатых гор с выдвинутыми, наподобие пирамид, вершинами»¹. Затем он рассказывал о трагедии, случившейся с зимовавшими на берегу губы Мелкая промышленниками. В найденной на зимовье записи, оставленной двумя покинувшими это место промышленниками, сообщалось о смерти от цинги трёх человек².

В другой статье, посвящённой плаваниям 1909 г., «Ветры и льды 1910 года в Белом море и у Новой Земли», Ануфриев привёл подробное описание и анализ ледовой обстановки зимой 1909–1910 гг. в северных морях. Помимо описания движения и образования льдов в восточной части Баренцева моря и преобладающих направлений ветров, он с горечью писал о том, что «норвежцы хозяйничают на нашей Новой Земле; они приходят на своих парусниках ежегодно далеко раньше нас, русских промышленников, промышленяют, торгуют и, очевидно, спаивают ромом наших самоедов; они строят избы, ставят знаки на Северном острове»³.

В статье «Беломорские льды (осенью, зимой и весной)», опубликованной в мае 1909 г. в «Известиях АОИРС» на основе личных многолетних наблюдений и материалов наблюдений с беломорских маяков, пароходов «Андрей Первозванный» и «Фока», Иван Петрович подробно описывал состояние и движение льдов в Белом море. Приведённая в статье таблица 1 наблюдений за появлением льдов в Белом море с маяков Мудьюжского, Жижгинского, Зимнегорского, Сосновецкого, Зимне-Орловского и Моржовецкого за период с 1898-го по 1893 г. показывала, что льды появляются в разное время в разных районах Белого моря от середины – конца октября у Мудьюжского маяка до декабря – января у Жижгинского⁴. В таблице 2 были приведены наблюдения за появлением льдов с ноября по январь 1905–1906 гг. в семи разных местах Зимнего берега Белого моря.

¹ Ануфриев И.П. Из плавания около Новой Земли // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – Известия АОИРС). 1910. № 15. С. 20–21.

² Там же. С. 22–23.

³ Ануфриев И.П. Ветры и льды 1910 года в Белом море и у Новой Земли // Известия АОИРС. 1910. № 16. С. 3.

⁴ Ануфриев И.П. Беломорские льды (осенью, зимой и весной) // Известия АОИРС. 1909. № 1. С. 10.

Названные таблицы показывали, что «1) появление льда, его намерзание на Белом море распространяется от устья Двины; 2) льды небольшой толщины, в 5–10 дюймов, а потому и не опасны для современных стальных паровых судов; 3) в ноябре полное отсутствие льда в Двинском заливе показывало, что в это время плавание безопасно даже для парусных судов»¹. Из этого он делал вывод о возможности продления навигации на Белом море при условии создания системы наблюдения за льдами².

Наблюдения за ледовой обстановкой в северных морях И.П. Ануфриев продолжил во время плавания на пароходе «Николай», принадлежавшем купцу Масленникову, к берегам Новой Земли в 1910 г. и во время плавания на том же пароходе в 1912 г.

В статье, посвящённой этому плаванью, опубликованной в феврале 1913 г. в «Известиях АОИРС», Иван Петрович привёл составленную им карту течений и льдов в Карском море. Он высказал предположение о влиянии на льды Карского моря Оби и Енисея. Тема движения льдов была им продолжена в статье «Периодичность движения льдов в Карском море (Зависимость от минимума и максимума температуры вод течения Гольфстрим)», вышедшей в марте 1913 г. («Известия АОИРС»), и в статье «К вопросу об изучении течений и движения льдов в Белом море» («Северное хозяйство» 1923 г., июль). Безопасность мореплавания в северных морях горячо волновала И.П. Ануфриева, этой теме были посвящены его статьи «Необходимость порта-убежища на Белом море» и «Необходимость сооружения аванпорта в Мезени», опубликованные в журнале «Северное хозяйство»³.

Одним из первых Ануфриев поднял тему создания ледокольного флота на северных морях. В этот период правительство Российской империи не уделяло никакого внимания этому вопросу. И до начала Первой мировой войны Архангельский порт располагал лишь двумя судами ледового класса – пароходом «Николай» и ледокольным буксиром «Лебедин». К теме ледокольного флота Иван Петрович обращался несколько раз. Наиболее полно – в статье «О ледоколах в русских северных морях», опубликованной в № 19 «Известий АОИРС» за 1913 г., позднее изданной отдельной брошюрой. В этой статье он подробно анализировал опыт использования ледоколов на Балтийском, Чёрном и Азовском морях. Особенно Ануфриев отмечал умелую постановку ледокольного дела в Финляндии: «...Финляндия быстро пошла вперёд по пути совершенствования типа и силы

¹ Ануфриев И.П. Беломорские льды (осенью, зимой и весной) // Известия АОИРС. 1909. № 1. С. 12.

² Там же. С. 26.

³ Ануфриев И.П. Статьи и доклады, напечатанные в русских изданиях: СММ КП 3370. Л. 2.

ледоколов, а в настоящее время имеет, можно сказать, лучшие типы ледоколов, которые приспособлены не только для специальной ломки льда, но и для перевозки почты и пассажиров»¹. Относительно перспектив появления ледокольных пароходов в России автор высказывался пессимистически: «В ближайшем будущем нет основания надеяться, что ледокол для Белого моря и Ледовитого океана будет кем-либо приобретён»².

Вопреки прогнозам, ледоколы появились на Русском Севере вскоре. Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, Министерству торговли и промышленности пришлось в авральном порядке закупать ледоколы и ледокольные пароходы по повышенной цене везде, где были готовы продать такие суда. В результате к зимней навигации 1916–1917 гг. на Белом море была создана ледокольная флотилия в количестве 18 ледокольных судов³.

Однако результаты работы ледоколов в Белом море и Северном Ледовитом океане оказались далеки от ожиданий. Об этом И.П. Ануфриев писал в статье «О зимней навигации на Белом море», опубликованной в «Известиях АОИРС», № 11–12 за 1917 г. Подводя итоги трёх зимних навигаций, он отмечал: «...и если были случаи прохода ледоколов и др. ледокольных пароходов в период времени декабря, января, февраля, марта и апреля, то их плаванья были затруднительны, нерегулярны и случайны, посему, на основании трёх зимних работ ледоколов, установилось общее мнение, что Белое море осталось недоступным для зимнего плаванья»⁴. Ануфриев был категорически не согласен с мнением о невозможности регулярного зимнего плаванья в Белом море. Подробно разбирая характер типов и движения льдов в Белом море, с учётом личного опыта зимнего плаванья на пароходе «Николай», он указывал на главную, по его мнению, причину недостаточной эффективности ледокольных пароходов в Белом море. Это некритичное применение опыта использования ледокольных судов на Чёрном и Балтийском морях. Ануфриев заявлял: «...во главу угла их (ледоколов) работы должна быть поставлена задача научного исследования состояния и движения льдов в зависимости не только от господствующих ветров и течений, но и в зависимости от поступления и отхода Гольфстрима и др. гидрометеорологических условий Севера»⁵.

Особо следует рассказать о найденной в фондах Северного морского музея рукописи Ивана Петровича Ануфриева. Рукопись не имеет заглавия и никогда ранее не публиковалась. Предположительно, это дневник,

¹ Ануфриев И.П. О ледоколах в русских северных морях. Архангельск, 1913. С. 4.

² Там же. С. 6.

³ Андриенко В.Г. Ледокольный флот России, 1860–1918 гг. М., 2009. С. 389–390.

⁴ Ануфриев И.П. О зимней навигации на Белом море // Известия АОИРС. 1917. № 11–12. С. 424–425.

⁵ Там же. С. 439.

отражающий фрагменты жизни поморов-промысловиков. В нём описаны условия, в которых приходилось работать на зверобойном промысле, приведены описания природных явлений, быта и всего, с чем сталкивались поморы. Записи отличают непринуждённость, естественность изложения, подчёркнутая индивидуальность автора. Можно сделать вывод, что эта рукопись – наброски к задуманным воспоминаниям.

Рукопись начинается словами: «“Э-эй! Вставайте, молодчики! Вставайте! Будил нас наш старшина юровщик¹, пора! Надо сварить позавтракать да, Богу помолясь, и в море!” – добавил он, впотьмах его голос гремел над спящими вповалку другими его сотоварищами, продиравшими теперь глаза от крика юровщика»².

В рукописи приведено оглавление составляемых воспоминаний: «1-я глава. Спуск в море. 2-я. Ночлег на льду. 3-я. Среди тюленей. 4-я. Промысел. 5-я. Шторм. 6-я. Маяк, попытка выхода на берег. 7-я. Пронесло, другой берег. 8-я. Близость океана, опасность. 9-я. В походе к Канину. 10-я. На кошках. 11-я. Большой и ленивый. 12-я. Берег Канин. Смерть Кости. 13-я. На Канине. 14-я. По тундрам. Голод. 15-я. Находки. 16-я. Праздник Благовещения. 17-я. Вторая находка, опять голод. Избушка. 18-я. Спасены. 19-я. Деревня Несь. 20-я. Заключение»³.

К сожалению, рукопись даёт лишь фрагменты планируемых воспоминаний. Но и записанные фрагменты представляют значительный интерес. В качестве примера приведём фрагмент о ночёвке артели промысловиков на льдине: «Мы остановились на краю большой и толстой льдины, солнце уже ниже садилось над морем, в красноватые облака как стену. Нужно было, пока светло, уготовить ужин и забраться в лодки. Мигом укрепив и установив лодки полукругом с ветра и зарубив ямки во льду, поставили вёсла немного наклонно возле наветренных бортов лодок и закинув парусами. У нас образовалось пространство, защищённое от ветра, похожее на палатку без потолка. Оделись потеплее, так как нам было жарко в платье, что большинство шли без курток и даже шапок, а на стоянке и вечером сделалось гораздо холоднее. Все натянули на себя что было тёплого. Кто лисицу, кто суконный (неразб.), кто шубу. Стали разводить огонь, но хотя его развели, но он нас мало грел, хотя мы и толпились около него, а только дымом ело глаза, но смотреть на огонёк и то ведь отрада. Навесили котлы на перекинутую над огнём палку и положенную одним концом на борт лодки и другим на пару связанных накрест багров. Что варилось в этих котлах, читатель, конечно, не догадается – у нас

¹ Юровщик (поморское) – староста весновальной промысловой артели.

² Ануфриев И.П. Рукопись воспоминаний: СММ КП 1746/30. Л. 1.

³ Там же. Л. 3–4.

в котлах варился снег, снег таял и обратился в воду и пустоту; добавляли снег до тех пор, пока котлы будут полны водой, тогда уже начнётся варение рыбы и каши, единственных блюд на море. Сбоку висели ещё котелок и чайник, но для них не нашлось огня. Они грелись около того же пламени и жару, в чайнике кипятили чай, а котелок служил для нагревания воды пресной, если бы после ужина кто захотел запить солёную похлёбку (уху) и такую же рыбу (треску), так как пресной воды на льду, да и подо льдом не было»¹.

В рукописи некоторые фрагменты неразборчивы, употреблено немало поморских слов, ныне не употребляемых. Расшифровка рукописи будет продолжена.

Зверобойному и рыбному промыслам посвящены статьи Ивана Петровича Ануфриева «Мореходство и морской промысел» (газета «Северный листок», 1905–1906), «О тюленевом морском промысле на Белом море» («Труды Северной комиссии», 1897), «Морской звериный промысел в старину» (журнал «Русское судоходство», № 3, 4, 5, 6, 1918), «Зверобойные промыслы Севера и концессии норвежцев» («Северное хозяйство», № 1, 1924), «Об охране звериных промыслов в Белом море» («Северное хозяйство», № 4, 1926), «Мурманский рыбный промысел» («Северное хозяйство», № 7, 1927), «Пора принять меры против истребления тюленей» («Северное хозяйство», № 10, 1928).

Путь к улучшению условий жизни и труда промысловиков и моряков Ануфриев видел в широком развитии морской кооперации и профсоюзных организаций. Объёмная (33 рукописных листа) статья «Морская кооперация», написанная в январе 1918 г., до сих пор нигде не опубликованная, хранится в фондах Северного морского музея. Статья состоит из восьми частей: 1) Основы морской кооперации; 2) Принципы и цели; 3) Морские артели и товарищества; 4) Состав артелей и товариществ; 5) Союзы артелей и товариществ; 6) Взаимодействие с капиталистами; 7) Ипотека и её необходимость; 8) Развитие кооперативного начала².

Расшифровка других обнаруженных рукописей продолжается. В 2022 г. музей планирует опубликовать сборник статей Ивана Петровича Ануфриева.

¹ Ануфриев И.П. Рукопись воспоминаний: СММ КП 1746/30. Л. 7–8.

² Ануфриев И.П. Морская кооперация. Рукопись: СММКП 1746/25. Л. 1–33.

БРОВИНА А.А., ЕГОРОВА С.Л.

Арктика в дневниках микробиолога
Б.Л. Исаченко – участника ледовых походов
1930, 1933 гг.

A. BROVINA, S. EGOROVA

The Arctic in the diaries of the microbiologist
B.L. Isachenko – participant of ice campaigns
in 1930, 1933

Сведения об авторах:

Бровина Александра Александровна, доктор исторических наук, заведующая отделом гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН» (Сыктывкар)

brovina72@mail.ru

Егорова Светлана Львовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН», доцент Сыктывкарского государственного университета им. Путьирима Сорокина (Сыктывкар)

svsv77@yandex.ru

Authors:

Alexandra Alexandrovna Brovina, Doctor of Historical Sciences, Head of the department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Syktyvkar)

brovina72@mail.ru

Svetlana Lvovna Egorova, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Syktyvkar)

svsv77@yandex.ru

Аннотация

Дневники полярных исследователей позволяют представить историю освоения Арктической зоны с позиции непосредственных участников экспедиций, выявить детали организации ледовых походов, увидеть повседневную практику научной работы, взаимоотношения учёных, команды судна, зимовщиков. Представленные в докладе неопубликованные дневники основателя морской микробиологии Бориса Лаврентьевича Исаченко (1871–1948) написаны во время двух экспедиций

в Карское море на ледокольных пароходах «Г. Седов» (15 июля – 11 сентября 1930 г.) и «А. Сибиряков» (19 июля – 15 октября 1933 г.). Экспедиции выполняли практические задачи (доставка грузов, новой смены зимовщиков на полярные станции) и научные (проведение океанографических работ, взятие проб воды, грунта, исследование флоры и фауны Арктики). Кроме описания научных будней и гипотез, бытовых подробностей походов, в дневниковых записях Б.Л. Исаченко представлен образ Арктики: наблюдения природных явлений, поведения птиц, животных; сохранившиеся следы экспедиций прошедших лет, условия жизни в Арктике; размышления учёного об изменениях, которые несёт человек, начав осваивать этот пустынный и безмолвный край. Дневники наполнены яркими художественными образами и сюжетами, которые свидетельствуют об особом эмоциональном состоянии человека в периоды арктических походов. Дневниковые записи отражают восприятие учёным окружающей его обстановки, открывая неожиданные страницы в истории постижения Арктики человеком.

Abstract

The diaries of polar explorers allow us to present the history of the development of the Arctic zone from the standpoint of direct participants of the expeditions, to reveal the details of the organization of ice campaigns, the daily routine of scientific work, the relationship between the scientists, the ship's crew, and the winterers. The unpublished diaries of the founder of marine microbiology Boris Lavrentievich Isachenko (1871–1948) presented in the report were written during two expeditions to the Kara Sea on the icebreaking ships *G. Sedov* (July 15 – September 11, 1930) and *A. Sibiryakov* (July 19 – October 15, 1933). The expeditions carried out practical tasks (delivery of goods and new shifts of winterers to polar stations) and scientific ones (carrying out oceanographic work, taking water and soil samples, researching the flora and fauna of the Arctic). In addition to describing scientific everyday life and hypotheses, routine of campaigns, in his diary entries B.L. Isachenko also presents the image of the Arctic: observation of natural phenomena, behavior of birds, animals; preserved traces of expeditions of the past years, living conditions in the arctic zone; the scientist's reflections on the changes that a person causes by starting the development this desolate and silent land. The diaries are filled with vivid artistic images and plots which describe the special emotional state of a person during the periods of the Arctic campaigns. Diary entries reflect the scientist's perception of the new environment, revealing unexpected pages in the history of human comprehension of the Arctic.

Ключевые слова:

Борис Лаврентьевич Исаченко, арктические дневники, Арктика, ледокольный пароход, «Г. Седов», «А. Сибиряков», наблюдения, образы.

Keywords:

Boris Lavrentievich Isachenko, Arctic diaries, the Arctic, icebreaker ship, *G. Sedov*, *A. Sibiryakov*, observations, images.

Рис. 1. Б.Л. Исаченко.
Фотография из книги
Б.Л. Исаченко «Избранные
труды» (1951, т. 1)

Внимание исследователей к оценке исторических событий глазами их участников и современников происходящего стимулирует введение в научный оборот источников личного происхождения. Они дополняют наши представления о событии, явлении особыми деталями повседневной трудовой и бытовой жизни людей, фиксируют эмоции автора, социально-психологический фон произошедшего – всё то, что сложно, а порой и невозможно отыскать в иных видах источников. В этом их ценность.

Арктические дневники академика Б.Л. Исаченко созданы во время двух арктических экспедиций в Карское море в 1930 и 1933 гг. и отражают период активного освоения Советской Арктики.

Борис Лаврентьевич Исаченко – известный исследователь микроорганизмов арктических морей, основатель морской и геологической микробиологии в России (рис. 1). Значительная часть его трудовой жизни была отдана Ботаническому саду в Петербурге (Ленинграде), где он заведовал Станцией по исследованию семян, а в 1917–1930 гг. – являлся директором Главного ботанического сада РСФСР (СССР). При этом в центре его научного внимания были Арктика и морская микробиология. Он первым в СССР начал исследования микробиологии арктических морей, ввёл экспедиционную работу в практику микробиолога¹.

Хотя в научном активе Б.Л. Исаченко масштабные исследования морских и пресных водоёмов – Азовское, Чёрное, Мраморное моря, он по праву признан одним из пионеров освоения Арктики. Его первый

¹ Мишустин Е.Н. Борис Лаврентьевич Исаченко // Исаченко Б.Л. Избранные труды. Т. 1 / Отв. ред. А.А. Имшенецкий. М., Л., 1951. С. 7–19.

арктический поход состоялся 1906 г. в составе мурманской научно-промысловой экспедиции в Баренцево море на пароходе «Андрей Первозванный». В начале 1930-х гг. Б.Л. Исаченко стал участником экспедиций в Карское море на ледокольном пароходе «Г. Седов» (1930)¹, в Карское море и море Лаптевых на ледокольном пароходе «А. Сибиряков» (1933).

В научную программу экспедиций 1930-х гг. входили проведение гидробиологических работ, взятие проб грунта и воды, сбор образцов растений. Это было необходимо для выявления количества бактерий в воде и донных грунтах на различных широтах и долготах, на разных глубинах; для поисков некоторых групп микроорганизмов с целью выявления их ареала в Арктической зоне.

Дневниковые записи Б.Л. Исаченко хранятся в фондах Архива РАН. Это три тетради, написанные от руки, карандашом. Объём дневников разный – 41 лист (тетрадь с записями о походе на «Г. Седове» 1930 г.), 92 листа (две тетради – поход «А. Сибирякова», 1933 г.). Хронологически дневники охватывают период с 15 июля по 11 сентября 1930 г. и с 19 июля по 15 октября 1933 г. (как видим, экспедиция на «А. Сибирякове» – на месяц продолжительнее).

Записи в дневнике велись ежедневно в течение дня (отражены утренние события и планы, дневные, вечерние), с детализацией происходящего. В дневниках обнаруживаем несколько тематических линий. Первая – задачи учёных в экспедиции и условия их быта на судне. Линия вторая – наблюдения автора: природные явления Арктики, поведение животных и птиц, характер растительности, образ жизни и мысли обитателей полярных станций, местных жителей, короткие размышления-догадки о влиянии человека на Арктику в процессе её освоения. В настоящей статье будет представлена именно эта линия.

Самые естественные описания в дневнике – ледяные поля, скученность льдов, торосы. Лёд был не только повседневным фоном участников походов, но и ограничителем в выполнении задач, объективным фактором, с которым приходилось считаться. Во время экспедиции пароход не раз попадал в зону тяжёлых льдов, делал вынужденные остановки, ждал помощи, чтобы выбраться из ледяных тисков. В такие дни лёд был главным героем дневниковых записей Б.Л. Исаченко. В них находим, например, описание разных видов льда: стамухи толщиной до семи саженьей, молодой, только что образовавшийся лёд, торосистый лёд, блинчатый лёд: «Интересен лёд уже другого порядка. Лёд, покрытый пучками

¹ Бровина А.А., Егорова С.Л. Учёный в арктическом походе: впечатления Б.Л. Исаченко об экспедиции на ледоколе «Г. Седов» в 1930 году // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.3.33005 [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33005 (дата обращения: 18.06.2021).

белоснежных кристаллов, покрывающих его как растительным белым покровом. Лёд этот не трескается, его ледокол режет как масло, он совершенно не трескается, вплотную прилегая к бортам»¹.

Во время вынужденных стоянок, когда лёд мешал продвижению судна, участники похода находили себе занятия. Кто-то охотился, иные добывали со льда снег для стирки (пресной воды не хватало). Фотографы, пользуясь солнечными днями, делали снимки. Учёные использовали остановки для проведения своих работ (взятие проб).

Описание погодных условий, от которых зависели самочувствие людей и возможность выполнить намеченные работы, содержится в большинстве дневниковых записей. В холодные, промозглые дни не хотелось покидать каюту, отправляться на берег. Иногда помехой был плотный туман. При выходе на берег, чтобы уберечь ноги от сырости, было важно не забыть смазать сапоги медвежьим жиром. В такие дни после береговых поисков весьма кстати были костёр из плавника и горячий чай.

Временами погода, по выражению Б.Л. Исаченко, была идеальной (температура немного ниже 0°, солнце). Тогда и оценка окружающего была иной: «Вокруг ослепительно-белые поля», – пишет он².

Одно из передаваемых автором дневников ощущений – ощущение пустоты, нетронутости природы, непуганости зверя. Приведём в пример фразу из дневника: «Всё кругом без жизни. Ни птиц, ни зверей, ни рыбы. Мёртвая белая пустошь»³. Но вдруг оказывалось, что в этой ледяной пустоши есть место не только микроорганизмам, но и растениям и животным.

Как микробиолога, Б.Л. Исаченко, конечно, интересовали прежде всего жизнь микроорганизмов моря, отношение их к солёности и температурам, зона распространения бактериального населения арктических вод. Но он непременно обращал внимание на животный и растительный мир Арктики.

Выходя на берег, учёные брали пробы грунта, образцы растительности. Из увиденного – мхи по скальным трещинам, ложечная трава, злаковые, растения семейства бобовых (латирус), полярные жёлтые маки, незабудки, одно из характерных семейств арктической флоры – камнеломковые. Растительный покров не сплошной, а представлен отдельными, отстоящими друг от друга растениями.

В зависимости от местонахождения оценки и эмоции учёного различались. Например: записи от 14–17 августа 1933 г., когда «А. Сибиряков» подошёл к островам Известий ЦИК. Данная группа островов в южной части Карского моря была открыта в 1932 г. Экспедиция на ледокольном пароходе

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Карской экспедиции на ледоколе «Сибиряков». Две тетради. 1933 г.: Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 583. Оп. 1. Д. 145. Л. 69.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. Л. 34.

«А. Сибиряков» впервые посетила эти острова и определила их местоположение. Тогда же один из островов этой группы был назван в честь капитана «А. Сибирякова» Юрия Константиновича Хлебникова. Б.Л. Исаченко в деталях описал своё пребывание на берегу: «Под ногами полигональная тундра с растительностью по трещинам. Бедность поразительная. Дальше полужидкая топь, в которую уходит нога, и так всё дальше и дальше»¹.

Представим далее описание увиденного. Б.Л. Исаченко отмечает холмистость островов. Между холмами – широкие долины ручьёв, которые образуют озёра с массами птиц: гуси, гаги. Внизу у ручья видны кустики щавеля, осока, по подъёму на холмы почва покрыта чёрной массой лишайников. Мхи и лишайники вообще преобладают. На холмах видны отдельные выходы гранита, базальта и сланцев. Много белых и жёлтых камней (возможно, кварц). По берегам – масса плавника. У берега толкутся льдины, а за ними десяток то прячущихся, то высывающихся нерп. Солнце греет так, что в свитере и куртке жарко. Для утоления жажды можно пить воду из ручья. «Вдали слышны выстрелы: это наши охотятся, и мы мечтаем о гусях, наблюдая за стаями в 100 и более птиц»².

Как видим, вполне цельная картина живой Арктики. И нет впечатления холодной пустоты. Дальнейшие заметки объясняют смену ощущений автора: любая видимая жизнь или отсутствие таковой меняет впечатление от увиденного.

Б.Л. Исаченко пишет: «Идём среди островов Тилло. Солнце яркое, видимость хорошая, и можно прекрасно рассмотреть группу островов. Каменистые, лишённые, по-видимому, растительности и поэтому совершенно безжизненные и неуютные». Но вот переход в картинке и в настроении: «Море, бывшее до сего совершенно безжизненно, за островами стало немного оживлённее: в воде на перевёрнутых льдинах заметны крошечные сайки, над водой белые чайки, и даже с видимого на горизонте материка пролетела стайка из 6–8 куличков. Погода ласкающая»³.

Из представителей животного мира Арктики в описании Б.Л. Исаченко попали белые медведи, моржи, нерпы, морские зайцы: «Морской заяц несколько раз с любопытством высывался из воды у самой кормы, и даже выстрелы не сразу его заставили уйти. Но и уйдя подальше, он высывался и посматривал с изумлением на шлюпку»⁴.

Самый повторяющийся сюжет в экспедициях и 1930, и 1933 г., связанный с белыми медведями, – наблюдение за любопытством зверя, отсутствием страха перед людьми, притягательностью приближающегося

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Карской экспедиции на ледоколе «Сибиряков». Две тетради. 1933 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 145. Л. 37 об.–38. Д. 145. Л. 37 об.–38.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 38.

судна: «На льдинах показался медведь, который, увидев пароход, поплыл к нему, поднимаясь над водой и стараясь рассмотреть невиданное зрелище. Но началась стрельба в него, к счастью, безрезультатная, и мишка повернул обратно, вниз на лёд, и пошёл прочь от нелюбезных пришельцев»¹.

В дневниках (особенно во время похода на пароходе «Г. Седов») представлено и детальное описание охоты на медведя, успешной и неудачной.

21 июля 1930 г.: «Медведица совершенно спокойно подходит к носу кормы, смотря на него [пароход] с любопытством. Первый выстрел – они бросаются бежать, но уже второй кладёт её на месте, и она падает, уткнувшись носом в снег. Один медвежонок бросается к матери, а другой сразу улепётывает, тогда за ним бросается и второй. Медведицу вытягивают, а медвежата, удрав, далеко не уходят и кружат вдали, смотря на пароход, становясь на задние лапы. Пароход идёт к ним вплотную. Выстрел – и один медвежонок убит, а другой убегает и скрывается вдали»².

27 июля 1930 г.: «Вот вдали показывается медленно идущий медведь, он идёт, останавливаясь, нюхая воздух, вытягивая шею, и опять идёт. Повидимому, он пробирается к нерпам, которых можно разглядеть на льду. Попасть в него трудно, и охотники сходят на лёд, но медведь, увидя их, уходит, и поиски надо прекращать»³.

30 июля 1930 г.: «К вечеру к самому пароходу подошёл другой медведь. Между пароходом и кромкой льда расстояние было не больше 20 шагов. Собаки залаяли, высовываясь за борт, а мишка с любопытством смотрел на пароход и на собак. Все с ружьями выстроились на борту, кино работает, а мишка ходит у кромки и ощупывает воду, чтобы плыть к пароходу. Кажется, спусти трап, и он взойдёт на пароход. Картина поразительно интересна... Загремели выстрелы, ранившие мишку, и он упал. Стрельбу продолжали. В конце расстреливая в упор. О, горе-охотники!»⁴

29 августа 1930 г.: «К вечеру на берегу против парохода показался медведь. Он шёл не спеша, обнюхивая следы собак, которые утром бегали по берегу, и направлялся к станции... После первых выстрелов в бок медведь испуганно бросился наутёк, но свалился от следующих выстрелов и покатился по снегу вниз. Жаль, что нельзя было... посмотреть, как ведёт себя медведь на свободе. Но нужна пища для собак»⁵.

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Карской экспедиции на ледоколе «Сибиряков». Две тетради. 1933 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 145. Л. 36.

² Дневники Б.Л. Исаченко периода Арктической экспедиции на ледоколе «Седов». Тетрадь. 1930 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 142. Л. 4 об.–5.

³ Там же. Л. 8 об.

⁴ Там же. Л. 13 и об.

⁵ Там же. Л. 35.

В один из дней похода «А. Сибирякова» случилась охота на моржа. Описание её заняло большую часть дневной записи: «На льдине лежит большой морж, он поел, и крупные куски мяса лежат возле него. Он лениво поворачивается, почёсывается плавниками, приподнимает голову, вырисовываются его длинные белые клыки. Возле него вьются чайки, заряющиеся на остатки его пиршества. Охотники тихо подплывают на шлюпке к льдине и подходят к нему шагов на 70–100. Первые выстрелы его не беспокоят, он совершенно не обращает на них внимания. Только когда пуля попала куда-то в бок, он приподнялся и медленно стал почёсываться. Следующие пули попали в голову, и он свалился на бок. Охотники начали уже приближаться, но в конвульсиях зверь упал в воду и исчез. На пароходе общее разочарование – туша должна утонуть. Обидно! Но вот проходит четверть часа, и... в нескольких сотнях метров появляется из воды голова, и морж, хватая лёд клыком, пытается влезть на него. Чайки так и вьются над ним, а отломленный лёд окрасился кровью». Добытая туша тут же разделяется на палубе: зверь оказался весом более 40 пудов. Шкура с головой досталась начальнику экспедиции, печень была отправлена на кухню, где «любители отрезают и едят свежее мясо – оно почти чёрного цвета (или тёмной черешни), крепкое, но едят с удовольствием или только делают вид»¹. Учёные получили для исследований прямую кишку и селезёнку.

При подходе к островам архипелага Земля Франца-Иосифа члены экспедиции наблюдали птиц: «На скалах птичьи базары. Кайры совсем не боятся людей и близко подпускают. Летают стаями, описывая круги, так что видна то только чёрная сторона, и тогда они кажутся крестиками, или поворачиваются белым брюшком»².

Материальные следы экспедиций прошлых лет (останки строений, могилы и памятные знаки) также были объектами внимания участников арктических походов 1930-х гг., что отражено в дневниках. Так, во время похода на ледокольном пароходе «Г. Седов» среди упомянутых и описанных в дневнике объектов – памятный крест экспедиции Георгия Седова 1913–1914 гг., могила И.А. Зандера в бухте Тихая на о. Гукера (Земля Франца-Иосифа), домик Фредерика Джексона на мысе Флора: «Вот и остатки домика Джексона, от которого остался только пол. Дальше бамбуковая лачужка, стены [её] проложены слоем земли и переплетены проволоочной сеткой, над лачужкой крест с надписью Sedov expedition. Ещё остатки сарая возле высокой каменистой глыбы, а дальше на берегу фундамент из камней бывшего когда-то домика. Всюду битый булыжник, жестянки,

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Арктической экспедиции на ледоколе «Седов». Тетрадь. 1930 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 145. Л. 63.

² Там же. Д. 142. Л. 7 об.

гвозди, чайники, ложки. Всё это подберут “на память” о смелых зимовщиках. На берегу ставится флаг с серпом и молотом. На скалах у птичьего базара видна деревянная лестница, по которой лазил Джексон»¹.

На острове Алджер экспедиция «Г. Седова» обнаружила стоянку Болдуина – Циглера: «Низкий, вязкий берег из юрского песка, ручьи и недалеке домики, почти засыпанные снегом. Одна сторона, где помещение для продуктов, разобрана, и, по-видимому, расхищено всё, что представляло интерес. Домик обшит толем. Всё довольно крепко»². Среди найденного – донесение Эвелина Болдуина о результатах работы.

В походе «А. Сибирякова» 1933 г. таких встреч и находок было значительно меньше. Среди зафиксированного Б.Л. Исаченко – посещение сибиряковцами могилы норвежского моряка Петера Тессема, участника экспедиции Р. Амундсена. На месте захоронения (о. Диксон) – простой крест из плавника, могила из аккуратно сложенных камней. Положили на могилу жёлтые маки, осмотрели окрестности. Вокруг – живописные скалы, сырые луга, быстрый ручей: «Зелень, солнце и вода. Не хочется уходить. Растительность богатая, и я с первых шагов нахожу *Lathyrus* (чина) с клубеньками, большие маки, незабудки»³.

В своих дневниках Б.Л. Исаченко обращает внимание, как вписан человек в арктические условия: местные жители, зимовщики.

Во время посещения острова Диксон (поход 1933 г.) в дневнике появилось описание увиденного («прекрасные собаки», постройки, люди, условия жизни): в общежитии светлая кают-компания, чистая кухня. Отмечено заметное различие в ухоженности жилья: чистота и порядок у семейных пар, «грязь и неудобно» – у холостых. Интерес Б.Л. Исаченко вызвала разница в настроениях местных обитателей: у холостых зимовщиков – ссоры, и они не хотят оставаться на вторую зимовку; семейные живут дружно. Из разговора с женой местного радиста угадывалось, что она вполне довольна двухлетним пребыванием здесь и уезжать не хочет: здесь растёт её трёхгодовалая дочь, которая ни разу не болела. В этой связи приход парохода и новые люди вызвали опасение у женщины: не завезли бы грипп! Желание остаться на о-ве Диксон до наступления школьного возраста детей высказали и другие семьи. «Действительно, – посчитал Б.Л. Исаченко, – для жён – беззаботная жизнь, всё готово, и остаётся только забота о детях. ...Зимой дети гуляли в крытом дворе, летом – по острову»⁴.

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Арктической экспедиции на ледоколе «Седов». Тетрадь. 1930 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 142. Л. 9.

² Там же. Л. 14 и об.

³ Там же. Д. 145. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 45–46.

Сибиряковцы попали на Диксон в солнечный день и вполне смогли оценить местные красоты: «Крутые скалы, масса маков, незабудок – наверху, а внизу – настоящие заливные луга...»¹

Мыс Челюскин, куда «А. Сибиряков» доставлял зимовщиков, произвёл на Б.Л. Исаченко довольно мрачное впечатление. «Берег, виденный вдаль, с мачтой и невзрачными постройками стал ближе, но не стал от этого лучше и интереснее. Дощатый, угрюмый, неяркий дом, против два сарая, наверху видна метеорологическая будка и мачта. ...Нет солнца, а может быть, и при солнце всё носит неприглядный серый колорит»².

Побывавшие на берегу с ужасом рассказывали о грязи не только вокруг дома, но и внутри, о равнодушии зимовщиков к прибывшим. Но отправившийся на берег Б.Л. Исаченко отметил удобный причал, ласковых мохнатых собак («у некоторых ясно видно чукотское происхождение, белый глаз»), подушки мхов, разноцветные лишайники, маки, незабудки голубого и лилово-красного цвета. Прогулка по берегу была прервана сильным холодным ветром, подтолкнувшим посетить зимовье. Впечатления о нём остались разноречивые. Б.Л. Исаченко застал зимовщиков в кают-компании, при свете керосиновой лампы без абажура играющими в домино. Рассказы зимовщиков удручали: дом, построенный из сырых досок, продувается ветрами, одеждой снабжены плохо. «Сапоги сразу развалилась, валенки самого плохого качества, никуда не годились, и ещё много труда и изобретательности пришлось затратить на обшивку обуви разными шкурами (коровьи, медвежьи) и т. д. Лучшими для зимних экскурсий они считают пимы и собачьи чулки»³. Но охота хорошая: медведи, песцы, морской зверь.

Зимовщики собрали большой исследовательский материал, пройдя для этого более 1000 км, произвели геологические работы, исправно заполняли журнал с наблюдениями: зафиксирован диапазон температур почвы (наивысшая – +10 в июле; морозы до –40).

На обратном пути судна «А. Сибиряков», проходя через Югорский Шар, Б.Л. Исаченко описывал увиденное: «Берег с маяками и знаками. Виден самоедский чум, а слева отроги Урала. Проходим мимо посёлка Хабарово: десятка полтора изб, слева часовенка, превращённая, говорят, в магазин, на берегу видны люди и собаки. К вечеру входим в широкую бухту Варнека: видны постройки, шахта, дома. Вечером всё это освещается электрическими фонарями, создавая иллюзию большого культурного места»⁴.

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Арктической экспедиции на ледоколе «Седов». Тетрадь. 1930 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 145. Л. 45.

² Там же. Л. 58 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 79 об.

Состоялась встреча с местным населением: возле двух чумов на берегу «две молодые ненки шили, сидя на ветру, голыми руками шкуры для палатки». Они были не прочь поменять песцовые шкурки на сахар и другие продукты. «Но у нас ничего не было, – отмечает Б.Л. Исаченко, – да и, кажется, это запрещено»¹. Рядом бегали двое детей, а затем вернулись с охоты или рыбалки мужчины.

Впечатления и краски последних экспедиционных дней похода 1933 г. противоречивы: шторм до семи баллов добавил тревог и хлопот сибиряковцам, арктические пейзажи сочетали красоту и промозглость. «Море бутылочного цвета. По вечерам северное сияние. На палубе мокро и неуютно»².

Как видим, созданный в дневниках Б.Л. Исаченко образ Арктики – регион со следами давнишнего, но эпизодического пребывания здесь человека, идущего по пути узнавания и освоения полярных широт. Следом за отдельными экспедициями XIX – начала XX в. в Арктике появились полярные станции с регулярной сменой зимовщиков, начались регулярные наблюдения и сбор материала для изучения природы региона. Научные и экономические задачи в период освоения Арктики решались одновременно.

В 1930-е гг. «белоснежную пустошь» и «ледяное безмолвие» всё чаще нарушали звуки ледоколов, охота пришлых людей на медведей, моржей, птиц вносила изменения в привычный уклад местных обитателей. Пока же любопытство зверя перевешивало осторожность и страх.

Как будет меняться Арктика с приходом сюда человека? На этот вопрос Б.Л. Исаченко ответил как микробиолог: «Появление человека внесёт постепенно изменение в состав микрофлоры арктических почв и изменит её количественный и качественный состав»³.

Образ Арктики – лишь одна из тематических линий дневников Б.Л. Исаченко. В них – мысли автора об организации арктических экспедиций, условиях работы учёного в Арктике: продуманность организации похода, экипировки участников, понимание задач экспедиции, готовность помочь как основа для успешного похода. К этому добавлялась часто отмечаемая в дневниках природно-климатическая непредсказуемость Арктического региона. Это отметил и В.Ю. Визе в обращении к учёным-сибиряковцам о необходимости в Арктике быть всегда начеку, чтобы поймать момент для успешной работы.

¹ Дневники Б.Л. Исаченко периода Арктической экспедиции на ледоколе «Седов». Тетрадь. 1930 г.: АРАН. Ф. 583. Оп. 1. Д. 145. Л. 84.

² Там же. Л. 79 об.

³ Исаченко Б.Л. Бактериологическое исследование почв Арктики // Исаченко Б.Л. Избранные труды. Т. 1 / Отв. ред. А.А. Имшенецкий. М., Л., 1951. С. 323.

ЕМЕЛИНА М. А.

«До чего он мало начитан касательно
полярных путешествий»: В.Ю. Визе
и советский культ Г.Я. Седова

M. EMELINA

“How little he has read about Polar travel”:
V.Yu. Wiese and the Soviet Cult of G.Ya. Sedov

Сведения об авторе:

Емелина Маргарита Александровна, кандидат исторических наук, главный специалист Арктического и антарктического научно-исследовательского института (Санкт-Петербург)
mritaemelina@gmail.com

Author:

Margarita Aleksandrovna Emelina, Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Arctic and Antarctic Research Institute (St. Petersburg)
mritaemelina@gmail.com

Аннотация

В статье говорится о неопубликованных дневниках полярного исследователя В.Ю. Визе, которые он вёл во время экспедиции под руководством Г.Я. Седова (1912–1914). Рассказывается о публикации фрагментов этих дневниковых записей, сравниваются публикации 1917–1918 и 1939 гг. Автором даётся характеристика сведений, представленных в источнике, приводятся цитаты из документа. Откровенное изложение ряда событий, непредвзятая характеристика Г.Я. Седова, данная В.Ю. Визе в его записках, противоречили сложившемуся героическому облику руководителя полярной полюсной экспедиции. Поэтому вторая публикация фрагментов дневников (1939) была встречена критически.

Abstract

The article describes the unpublished diaries of the polar explorer V.Yu. Wiese, which he kept during the expedition under the leadership of G.Ya. Sedov (1912–1914). The article describes the publication of fragments of these diary entries, compares the

publications of 1917–1918 and 1939. The author gives a description of the information presented in the source, quotes from the document are given. The frank presentation of a number of events, the unbiased characterization of G.Ya. Sedov given to V.Yu. Wiese in his notes, contradicted the established heroic image of the leader of the polar expedition. Therefore, the second publication of fragments of the diaries (1939) was met with critical reception.

Ключевые слова:

В.Ю. Визе, Г.Я. Седов, дневники, Н.В. Пинегин, образ Арктики.

Keywords:

V.Yu. Wiese, G.Ya. Sedov, diaries, N.V. Pinegin, image of the Arctic.

История арктической экспедиции под руководством Георгия Яковлевича Седова достаточно хорошо известна. Она стартовала 14 (27) августа 1912 г. Г.Я. Седов планировал покорить Северный полюс и опередить Р. Амундсена, задумавшего после достижения Южного полюса побывать и на Северном. Стремление удачно совершить плавание соседствовало с надеждой преподнести таким образом подарок к 300-летию дома Романовых. Также в ходе экспедиции надеялись открыть новые земли.

В состав экспедиции вошли Владимир Юльевич Визе и Михаил Алексеевич Павлов (научные сотрудники, недавние выпускники Петербургского университета, прежде учившиеся в одной гимназии, Николай Васильевич Пинегин (художник и фотограф, кинодокументалист), Павел Григорьевич Кушаков (врач и заведующий продовольственной частью). Капитаном шхуны был Николай Петрович Захаров, штурманом – Николай Максимович Сахаров, первым и вторым механиками – Янис и Мартиныш Зандерсы (родные братья, Иван Андреевич и Мартын Андреевич).

Экспедиция, как и плавания под руководством В.А. Русанова и Г.Л. Бруилова, к 1914 г. считалась пропавшей без вести. Совет министров 18 января 1914 г. дал указание Морскому министерству организовать поиски пропавших экспедиций. Главное гидрографическое управление снарядило несколько поисковых партий. Западная спасательная экспедиция (руководитель – капитан 1-го ранга И.И. Ислямов) в составе четырёх судов (барк «Эклипс», п/х «Печора», паровые шхуны «Герта» и «Андромеда») должна была пройти на восток Северо-Восточным проходом («Эклипс») и осмотреть район Новой Земли и Земли Франца-Иосифа (остальные суда). Впервые в мировой истории решено было использовать для поисков самолёт. Лётчик Я.И. Нагурский

на гидросамолёте Farman MF.11 исследовал с воздуха льды и побережье Новой Земли на протяжении около 1060 км¹.

Суда гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под руководством Б.А. Вилькицкого вели поиск с восточной стороны. Здесь также попытались задействовать воздушную разведку – гидросамолёт «Генри-Фарман» лётчика Д.Н. Александрова. Но самолёт потерпел аварию в первом же пробном полёте в б. Эмма на Чукотке. В сентябре 1915 г. все спасательные экспедиции вернулись в Архангельск, поиски были прекращены.

Судно экспедиции Г.Я. Седова «Св. Фока» с трудом, но всё же смогло вернуться назад – дойти до становища Рында на Мурмане осенью 1914 г. Руководитель похода погиб (также от цинги умер механик И.А. Зандерс). По пути на м. Флора моряки встретили и спасли двух выживших участников экспедиции Г.Л. Брусилова – штурмана В.И. Альбанова и матроса А.Э. Конрада.

Трагический финал трёх плаваний вызвал резонанс в обществе. В 1914 г. была создана Полярная комиссия при Академии наук. Инициатором её создания выступил геолог и географ И.П. Толмачёв. Его поддержали В.И. Вернадский и другие учёные, которые отмечали необходимость создания данной комиссии для сохранения приоритета отечественных учёных в исследовании новооткрытых земель². На первом же заседании Полярной комиссии был поднят вопрос о «неполности русского законодательства по отношению к полярным плаваниям», потому что, как показала практика, «есть возможность снарядить экспедиции плохо»³. При обсуждении было достигнуто единодушное мнение о необходимости закона о полярных плаваниях, о том, что подобный закон не может стеснить будущие полярные экспедиции⁴. Таким образом, члены Комиссии стремились предотвратить провал будущих полярных походов по причине плохой организации и закупки некачественного снаряжения.

Неудачная экспедиция под руководством Г.Я. Седова тем не менее имела определённые научные результаты. Первая вынужденная зимовка на Новой Земле была использована для широкого изучения Северного острова архипелага. Были составлены две карты, которые содержали

¹ Barr W. Imperial Russia's Pioneers in Arctic Aviation // Arctic. 1985. Vol. 38. № 3. P. 219–230.

² Красникова О.А. Академия наук и исследования в Арктике: деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг. // Вопросы естествознания и техники. 2006. № 4 [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM> (дата обращения: 08.02.2021).

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 75. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 34.

более точные очертания берегов. Прежде на картах значились Панкратьевы острова; участники экспедиции установили, что в действительности есть один остров, а остальные составляют один общий полуостров, связанный с берегом узким перешейком. Уточнено было местоположение ряда мысов: Желания, Большого Ледяного, Утешения, Обсерватории. В.Ю. Визе (был зачислен на должность географа и руководителя метеорологических наблюдений) наносил на карту глетчеры и установил, что центральная область Новой Земли покрыта сплошным ледниковым щитом. Велась метеорологические наблюдения, систематические наблюдения за приливами и отливами, а во время плавания – промеры глубин, измерения температуры, анализ прозрачности воды, собирались геологические коллекции. На Земле Франца-Иосифа (о. Гукера и окрестности б. Тихой) М.А. Павлов произвёл детальную геологическую съёмку гор. Также делались фотографии и зарисовки, велась съёмка отдельных моментов похода (Н.В. Пинегин), проводились биологические исследования (П.Г. Кушаков). Практически сразу по возвращении из экспедиции В.Ю. Визе представил в Архангельске доклад, в котором кратко остановился на значимых научных результатах плавания¹. Член Полярной комиссии Академии наук Л.Л. Брейтфус в 1920 г. отмечал, что «за работами этой экспедиции следует признать большое значение», что «все члены её одинаково, вполне сознательно и ревностно, не щадя своих сил отдавались, каждый в области своей специальности, делу исследования полярной природы»².

Впоследствии были изданы воспоминания участников экспедиции. Во время плавания и зимовок многие участники неудачного похода к Северному полюсу вели дневники (В.Ю. Визе, П.Г. Кушаков, Н.В. Пинегин, Г.И. Линник), сохранились также фрагментарные дневниковые записи самого Г.Я. Седова (подлинник утерян, рукопись П.Г. Кушакова)³. В.Ю. Визе

¹ Доклад В.Ю. Визе, читанный в августе 1914 г. «Плавание “Фоки” во льдах» (12 стр.), на его основе учёный подготовил статью «Об экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу» (1914, 20 стр., не была опубликована, текст во многом был использован в публикации 1917 г.) – подлинники хранятся в СПбФ АРАН (Ф. 1010. Оп. 1. Д. 18. 12 л.; Д. 19. 20 л.).

² Брейтфус Л.Л. Очерк экспедиции к Северному полюсу старшего лейтенанта Г.Я. Седова // Кушаков П.Г. Два года во льдах на пути к Северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Г.Я. Седова. Пг., 1920. Ч. 1. С. 64, 78.

³ Дневниковые записи 1914 г. Г.Я. Седова опубликованы в: Нагорный С.Г. Седов. М., 1939. С. 218–225. Также по рассказам и дневникам матросов, принимавших участие в экспедиции, была составлена брошюра В.А. Симановского: Симановский В.А. Экспедиция Г.Я. Седова к Северному полюсу. Архангельск, 1919. 52 с. Дневник матроса Г.И. Линника опубликован в: Линник Г.И. Забытым быть не может: [Дневник] // Забытым быть не может. М., 1963. С. 76–89. Выдержки из дневника приводит также В.Ю. Визе: Визе В.Ю. Последний путь Г.Я. Седова (из дневников участников экспедиции) // Новый мир. 1939. № 3. С. 163–165.

Рис. 1. В.Ю. Визе перед стартом экспедиции. Архангельск, август 1912 г.

опубликовал в 1917–1918 гг. несколько научных очерков об исследованиях на Новой Земле и на Земле Франца-Иосифа¹. Они были основаны на его дневниковых записях. Именно Владимир Юльевич (рис. 1) занимался по возвращении в Петроград обработкой научных результатов экспедиции. В предисловии к воспоминаниям он писал, что они «не претендуют на полное описание всего хода экспедиции, это скорее лишь передача моих личных впечатлений рядом с кратким изложением событий, казавшихся мне наиболее значительными»². В публикациях сохранилось изложение событий по датам, но они, по сравнению с записями в самом дневнике, более краткие. Острые характеристики событий и действующих

¹ Визе В.Ю. Пересечение Новой Земли под 76° северной широты // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – Известия АОИРС). 1917. № 7–8. С. 304–313; № 9–10. С. 363–371; Визе В.Ю. Год на Земле Франца-Иосифа // Известия АОИРС. 1918. № 3–4. С. 80–88; № 5–6–7. С. 101–123. Впоследствии появилась ещё одна публикация: Визе В.Ю. Перевалом через ледниковый покров Новой Земли // Записки по гидрографии. Л., 1925. Т. 49. С. 63–74.

² Визе В.Ю. Год на Земле Франца-Иосифа // Известия АОИРС. 1918. № 3–4. С. 80.

лиц отсутствуют. Например, 12 (25) февраля 1914 г. в дневнике В.Ю. Визе подробно, на нескольких страницах описывает снаряжение и выход седовской партии к полюсу, заключая рассказ словами: «Время невесёлое. Питание донельзя скверное и однообразное, сырость, холод, одежда рваная»¹. В печатной же версии запись, датированная тем же днём, сообщает только: «Вчера по расчёту должно было показаться солнце. Н.В. Пинегину и М.А. Павлову, которые поднялись на гору, действительно удалось увидеть долгожданное светило»².

Затем появились записки врача П.Г. Кушакова (1918–1919)³ и, наконец, книга Н.В. Пинегина (1923, 1924), переиздававшаяся несколько раз⁴. В 1946 г. в Швейцарии вышел сборник рассказов и очерков П.Г. Кушакова на французском языке. Он был озаглавлен «Полуденная ночь, полуночное солнце» и до 2021 г. не переводился на русский язык и не публиковался в России⁵.

В.Ю. Визе, в отличие от товарищей по экспедиции, свои дневниковые записи 1912–1914 гг. в виде книги не опубликовал. Отчасти это связано с тем, что он больше занимался подготовкой к публикации научных материалов, с другой стороны, как мы видели, журнальный вариант дневников уже вышел в свет. Необходимо отметить, что в ходе экспедиции 1929 г. он снова оказался в б. Тихой и ряд наблюдений был продолжен. В 1931 и 1934 гг. В.Ю. Визе издал два тома материалов научных наблюдений, выполненных в 1912–1914 гг.⁶ Характеристике работ, выполнявшихся учёным, а также публикации им материалов экспедиции посвящена статья Б.В. Иванова и А.И. Емец (2018)⁷.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 103 об.

² Визе В.Ю. Год на Земле Франца-Иосифа // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 3–4. С. 105.

³ Кушаков П.Г. Два года во льдах на пути к Северному полюсу // Записки по гидрографии. Пг., 1918. Т. 42. Вып. 1. С. 17–108; Вып. 2. С. 235–276; Вып. 3. С. 361–394; 1919. Т. 43. Вып. 1. С. 11–64; 1920. Т. 44. Вып. 2. С. 143–175. Отдельное издание: Кушаков П.Г. Два года во льдах на пути к Северному полюсу с экспедицией старшего лейтенанта Г.Я. Седова. Пг., 1920. Ч. 1. 247 с.

⁴ Пинегин Н.[В]. С Седовым к Северному полюсу. Берлин, 1923. 207 с. (2-е изд. в Берлине – 1931 г.). В СССР книга вышла под названием «В ледяных просторах» (1-е изд.: Л., 1924. 272 с.; 2-е изд.: Л., 1933. 305 с.).

⁵ Кушаков П.Г. Полуденная ночь, полуночное солнце. М., 2021. 304 с. В книгу также вошли записки, изданные автором в 1920 г.

⁶ Визе В.Ю. Метеорологические наблюдения полярной экспедиции Г.Я. Седова. Т. 1. Наблюдения в бухте Фоки на Новой Земле, 1912–1913; Т. 2. Наблюдения в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа, 1913–1914 // Материалы по изучению Арктики. Л., 1931. Т. 1. 253 с.; Л., 1933. Т. 2. 169 с.

⁷ Иванов Б.В., Емец А.И. Метеорологические наблюдения полярной экспедиции Г.Я. Седова в бухте Тихая (остров Гукера, Земля Франца-Иосифа, 1913–1914 гг.) // Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2018. Технологии и техника в истории освоения Арктики. Материалы Шестой международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2018 г. М., 2019. С. 121–130.

Между тем его дневники обстоятельны, подробны и необычайно интересны. Они хранятся в личном фонде исследователя в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Это две толстые тетради общим объёмом 137 рукописных листов. Записи велись чернилами, делались часто, в начале каждой указывалась её дата¹. Более подробно описывались события 1912–1913 гг., автор дополнял их своими рассуждениями о подготовке экспедиции, характеристиками спутников (автор обозначал их имена инициалами – Г.Я., Н.В., И.А. и т. д.), а также небольшими образными описаниями. Записи периода второй зимовки содержат также некоторые данные измерений и несколько зарисовок глетчеров (рис. 2). В.Ю. Визе делает ряд пропусков в записях в период конца января – начала февраля 1914 г., так как, по его словам, иначе «пришлось бы всё писать, всё скверное, нехорошее, много гадкого, нехорошего, мрачного было за это время»².

В целом дневники В.Ю. Визе периода седовской экспедиции контрастируют с дневниками, которые он вёл в экспедициях 1920–30-х гг. Поздние дневниковые записи, которые также хранятся в СПбФ АРАН, кратки, скупо передают факты, содержат столбцы данных наблюдений, выполнены карандашом и, видимо, нередко создавались наспех. Почерк В.Ю. Визе разобрать труднее, чем в дневниках 1912–1914 гг. Очевидно, что характер дневниковых записей был совсем иным. В этих текстах мы не встретим описаний, подробных рассказов о спутниках и рассуждений автора о задачах плавания или исследований³.

Дневниковые записи В.Ю. Визе передают также его отношение к окружающей арктической природе и полярной ночи. 18 сентября 1912 г. читаем: «При сумерках он (глетчер. – М.Е.) представлял какое-то совсем странное, фантастическое зрелище... <...> Вскоре над глетчером показался красноватый свет взошедшей луны, и картина стала совсем фантастической. Кругом стояла мёртвая тишина. Точно не на Земле, а в каком-то загробном царстве, Аиде каком-то»⁴. Чем-то мрачным, несмотря на романтическое описание, веет от записи 10 ноября 1912 г.: «Полярная ночь, светлая и тёмная, страшная и милая, оживляющая и очищающая – дыханием смерти. Полярная ночь... А где-то в сосновом лесу бродит Изелина, милая нагая Изелина... Бродит, ступая босыми ногами по мягкому мху, тихо песенку поёт...»⁵

¹ Дата указывалась по старому стилю, через дробь приводилось указание на новый стиль. Далее мы указываем даты по старому стилю.

² СПбФ АРАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 101 об.

³ См., например, дневники за время экспедиции на судне «Таймыр» в 1921 г. (Там же. Д. 57. 36 л.), на судах «Г. Седов» и «А. Сибиряков» в 1930 и 1933 гг. (Там же. Д. 58. 60 л.), на л/р «Ф. Литке» в 1934 г. (Там же. Д. 61. 56 л.).

⁴ Там же. Л. 29 об.

⁵ Там же. Л. 38 и об. В.Ю. Визе упоминает героиню норвежского писателя К. Гамсуна (наст. фамилия – Педерсен), популярного в 1910-е гг. в России.

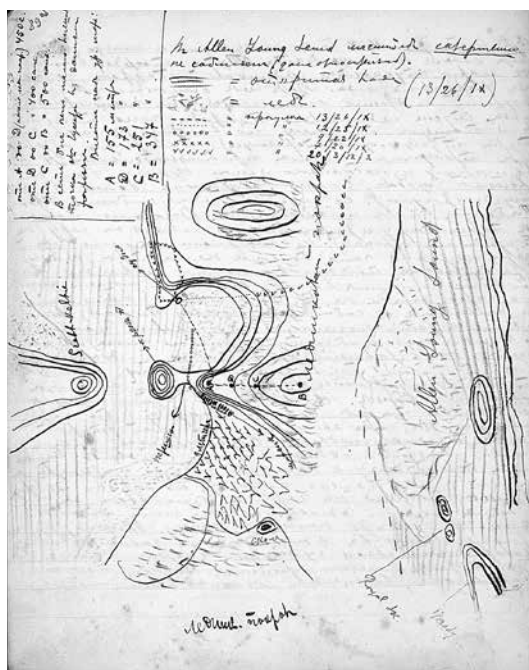

Рис. 2. Страница из рукописного дневника
В.Ю. Визе. Рисунки глетчеров. 13 (26) сентября
1913 г. СПбФ АРАН

Нередко встречаются фразы «настоящая полярная зима», «тёмная полярная ночь» и сожаления о плохом снаряжении экспедиции, «которая боится морозу»¹.

Приведём фрагмент из записи от 25 января 1913 г.: «Стал гулять. Ходил на высшую точку Панкратьевского полуострова. Любовался полярным ландшафтом и “перстами пурпурными Эос”². Только чтобы пережить восторг этого времени, когда после полярной ночи видишь, как всё растёт и растёт заря, только ради этого стоит пуститься в полярное путешествие. Солнце, солнце! Каждый нерв мой напряжён, душа открыта на встречу вечному источнику жизни»³.

¹ См., например, дневники за время экспедиции на судне «Таймыр» в 1921 г. (Там же. Д. 57. 36 л.), на судах «Г. Седов» и «А. Сибиряков» в 1930 и 1933 гг. (Там же. Д. 58. 60 л.), на л/р «Ф. Литке» в 1934 г. (Там же. Д. 61. 56 л.). Л. 57 (18 января 1913 г.).

² В.Ю. Визе цитирует строчку из гомеровской «Одиссеи» (перевод В.А. Жуковского): «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос». См., например: Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского [Электронный ресурс] URL: <http://zhukovskiy.lit-info.ru/zhukovskiy/poemy/odissey/odissey-8.htm> (дата обращения: 31.05.2021).

³ СПбФ АРАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 58.

С появлением солнечных проблесков тон записей В.Ю. Визе становится более оптимистичным. Если прежде он часто с огорчением и тревогой сетовал на плохое снаряжение экспедиции, сомневался в благополучном исходе предприятия, то теперь он любовался арктическим солнцем, писал об «экскурсиях» и успешной охоте. Приведём ещё одно образное описание, датированное тем же числом: «Боже, как хорошо, хорошо здесь, в полярных странах! Ни на одну минуту я не сожалею, что ушёл сюда на год, быть может, на два. Я благодарен уходящей Полярной Ночи, я её полюбил – её, холодную, спокойную, застывшую, как смерть, то дикую, необузданную и страшную, как... да, тоже, пожалуй, как смерть. Люблю Ночь Полярную, люблю Смерть и ещё больше люблю Солнце и люблю Жизнь!»¹ Временами он сожалел, что не имеет возможности из-за работы любоваться арктическим пейзажем. Например, в записи от 27 октября 1913 г. читаем: «Полярная ночь в полном разгаре. А я, безумец, просидел весь этот месяц в каюте за отвратительными метеорологическими вычислениями»².

Новая зимовка принесла и новые невзгоды. Поэтому тон записей снова меняется. 20 декабря 1913 г.: «Сплошной лазарет. Сказывается страшная мощь Полярной Природы, её ненависть ко всему живому. Крылья Смерти зловеще зашуршали мимо нас»³. В день рождения (21 февраля 1914 г.), который снова пришёлся на период, когда будущее казалось столь неопределённым, В.Ю. Визе писал: «Буду ли я ещё следующую зиму справлять этот праздник в полярных широтах? Этот вопрос о третьей зимовке – самый животрепещущий, он висит над всеми, как Дамоклов меч... <...> Но сколько ни строятся разные планы, будущее наше всё так же отчасти темно. Также неизвестно, когда вернётся Г.Я., да и вернётся ли вообще?»⁴

В.Ю. Визе был отчасти рад, что, несмотря на просьбы, Г.Я. Седов не взял его в свою последнюю экспедицию – пеший поход к полюсу. Он признавался в своём дневнике, что Седов отправился «на мрачное, безнадёжное дело», а его самого «дело это нисколько не прельщает, а в таких условиях, в каких вышла наша полюсная партия», это было делом «проигранным»⁵. Вскоре автор дневника почувствовал «какую-то душевную усталость», он писал 26 февраля 1914 г., что «устал бороться за свою жизнь»; тем не менее в записи от 26 июня (вероятность третьей зимовки ещё сохранялась) он отмечал, что перезимовал бы и четвёртую

¹ СПбФА РАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 58 и об.

² Там же. Л. 91.

³ Там же. Л. 93 об.

⁴ Там же. Л. 104.

⁵ Там же. Л. 104 об.

зиму, «да и то, пожалуй, не стал бы себе пускать пули в лоб – полярная природа дивно хороша!»¹

В 1937 г. Седову исполнилось бы 60 лет. В том же году начался беспримерный трёхгодичный дрейф ледокольного парохода «Г. Седов». И в это же время стали появляться новые публикации, посвящённые как биографии полярного исследователя, так и истории его неудачного похода к Северному полюсу. Поэт Николай Заболоцкий написал стихотворение «Седов» (1937)², драматург Н.А. Подорольский стал автором пьесы «Седов» (постановка Государственного центрального ТЮЗа, Москва, 1939)³. «Обаятельная личность Седова» предстала перед читателями журнала «Наша страна» (1938)⁴. К 25-летию гибели Георгия Яковлевича было опубликовано стихотворение Н. и В. Воронцовых «Памяти Г.Я. Седова» (1939)⁵. С.Г. Нагорный и Н.В. Пинегин написали биографии Г.Я. Седова (1939, 1941)⁶. Биографические работы были отмечены положительной рецензией. В ней подчёркивалась важность подобных книг, посвящённых такому патриоту своей родины, как Г.Я. Седов⁷. Таким образом, в советской литературе постепенно происходила героизация личности руководителя экспедиции Г.Я. Седова.

Участники седовской экспедиции – прежде всего В.Ю. Визе и Н.В. Пинегин – были живы, трудились и были весьма известными людьми. Владимир Юльевич занимал пост заместителя директора Всесоюзного арктического института (ВАИ), участвовал во многих исследовательских экспедициях в Арктику как руководитель научной части (1932 г. на л/п «А. Сибиряков», 1934 г. на л/п «Ф. Литке») или начальник экспедиции (1931 г. на л/п «Малыгин», 1933 г. на л/п «А. Сибиряков»). С 1933 г. В.Ю. Визе – член-корреспондент АН СССР, в 1935 г. был утверждён в степени доктора географических наук. В 1936 г. он руководил океанографическими работами в северо-западной части Карского моря в ходе второго высокоширотного рейса л/п «Садко», а в 1937 году – в северной части

¹ СПбФА РАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 107, 135 об.

² Заболоцкий Н.А. Седов // РуСтих [Электронный ресурс] URL: <http://rupoem.ru/zabolockij/on-umiral-szhimaya.aspx> (дата обращения: 31.05.2021).

³ Подорольский Н.А. Седов (драма в 3 действиях, 9 картинках с эпилогом). М., Л., 1939. 114 с. См. также: Б.Р. Пьеса о Георгии Седове // Наша страна. 1940. № 1. С. 40–41.

⁴ Самойлов В. Первое русское путешествие к полюсу / Фотографии Н.В. Пинегина // Наша страна. 1938. № 1. С. 36–39.

⁵ Воронцовы Н. и В. Памяти Г.Я. Седова // Советская Арктика. 1939. № 5. С. 84–85.

⁶ Нагорный С.Г. Седов. М., 1939. 232 с.; Пинегин Н.В. Полярный исследователь Г.Я. Седов. Ростов-на-Дону, 1939. 472 с.; Пинегин Н.В. Георгий Седов. Л., 1941. Т. 1. 260 с. Последнюю книгу Н.В. Пинегина подготовил к печати (и написал к ней небольшое предисловие) В.Ю. Визе.

⁷ Яacobсон Г. Отважный мореплаватель // Наша страна. 1941. № 4. С. 43–44.

моря Лаптевых (третий рейс «Садко»)¹. Н.В. Пинегин также был долгое время сотрудником ВАИ, возглавлял созданный при институте Музей Арктики и входил в состав редколлегии «Бюллетеня Арктического института». В 1935 г. его арестовали как бывшего белогвардейца, приговорили к пятилетней ссылке в Казахстан. Благодаря заступничеству В.Ю. Визе и писателя К.А. Федина он был освобождён, но не реабилитирован. Он вернулся к художественному и литературному творчеству и приступил к созданию книги, посвящённой Г.Я. Седову².

В.Ю. Визе опубликовал часть своих дневниковых записей в журнале «Новый мир». При этом за основу был взят материал, уже вышедший в свет в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» в 1917–1918 гг. Тем не менее новая публикация встретила резкую критику. Писатель Семён Григорьевич Нагорный выступил против В.Ю. Визе: «Назвав Седова в начале статьи “героем”, “выдающейся личностью”, “одним из отважнейших русских исследователей Арктики”, профессор Визе вслед за этим приводит выдержки из своего дневника 1912–1914 гг., из которых явствует нечто совсем иное... <...> Если поверить Визе, то Седов рисуется как невежда, прожектёр, наивный, упрямый, легкомысленный человек... <...> Народной памятью Седов поставлен на пьедестал героя, а в высказываниях В.Ю. Визе он рисуется как мелкий, ограниченный выскочка. Седов был человеком с ясно выраженными устремлениями»³. Эти фрагменты ярко показывают всю положительность образа полярного исследователя, которая сформировалась к концу 1930-х гг.

С.Г. Нагорный был прекрасно знаком с историей экспедиции, поскольку, как указывалось выше, выпустил биографию Г.Я. Седова в серии «Жизнь замечательных людей» в том же 1939 г. В этой книге, основанной на материалах архива АН СССР и личном дневнике Г.Я. Седова, он создал образ бесстрашного полярного исследователя. Приведём ещё одну цитату из этой биографии: «Слава Седова, возрождённая советским народом, живёт в наши дни: она в медных буквах, привинченных к обшивке легендарного ледокола, она в живой сегодняшней речи, в новом слове “седовцы” – синониме большевистской силы и победы»⁴. В отличие от статьи В.Ю. Визе, С.Г. Нагорный высоко оценивал публикацию документов

¹ См.: Емелина М.А. К 135-летию со дня рождения выдающегося полярного исследователя В.Ю. Визе // Российские полярные исследования. 2021. № 1. С. 42–44.

² Вехов Н.В. «Страна чудес – волшебный Север» // Московский журнал. 2011. № 3 (243). С. 4–15.

³ Нагорный С.Г. Реплика профессору В.Я. Визе // Советская Арктика. 1939. № 5. С. 86–89.

⁴ Нагорный С.Г. Седов. М., 1939. С. 205.

о седовской экспедиции, подготовленную Варфоломеевым и А.А. Шиловым¹. Он отмечал, что в ней раскрывается «негативная роль царской администрации в организации похода Седова»².

Героическому образу Г.Я. Седова был противопоставлен образ некоего злого гения экспедиции. Им стал ветеринарный врач и бактериолог П.Г. Кушаков. Современная исследовательница Т. Костомарова предприняла попытку, проанализировав подробности биографии Павла Григорьевича Кушакова, развеять мифы о нём «как об участнике экспедиции, сыгравшем якобы сугубо отрицательную роль в ней». Исследовательница успешно доказывает, что деятельность П.Г. Кушакова способствовала экономии продуктов и организации возвращения «Св. Фоки», а имевшие место противоречия среди полярников были следствием плохого снаряжения всей экспедиции в целом³. В дневниках В.Ю. Визе такая положительная оценка П.Г. Кушакова не находит подтверждения⁴.

Конечно, дневниковые записи В.Ю. Визе диссонировали с установившейся оценкой личности Г.Я. Седова. Приведём ещё несколько отрывков из опубликованных фрагментов дневника В.Ю. Визе. «Самое печальное то, что нелеп не только план зимнего похода на Новую Землю и на Землю Франца-Иосифа, но и поход с Земли Франца-Иосифа на полюс. Нужно совершенно не знать полярную литературу, чтобы с таким снаряжением, как наше, мечтать о полюсе» (25 ноября 1912 г.)⁵. И далее: «25 декабря. Бухта Тихая. Г.Я. в беседе со мной в первый раз откровенно заявил, что считает свою санную экспедицию к полюсу “безумной попыткой”, но что он ни за что не откажется от неё, пока у него не кончится последний сухарь» (1913)⁶.

Между тем в дневниковых записях Владимира Юльевича есть и другие характерные наблюдения. 13 сентября 1912 г.: «Придётся каждое утро из кают выносить лёд пудами. Говорил об этом Г.Я., он не верит этому.

¹ Царское правительство и полярная экспедиция Г.Я. Седова / Подготовка к печати т. Варфоломеева, комментарии А.А. Шилова, вступ. ст. С. Нагорного // Красный архив. 1938. № 3 (88). С. 16–75.

² Подорольский Н. Новые материалы об экспедиции Г.Я. Седова // Советская Арктика. 1939. № 3. С. 93–94 (рецензия на публикацию Варфоломеева и А.А. Шилова).

³ Костомарова Т. Павел Кушаков – участник экспедиции Седова к Северному полюсу (2016 г.) // Сайт «Проза.ру» [Электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/2016/07/22/73>; <http://www.proza.ru/2016/07/22/64>; <http://www.proza.ru/2016/07/22/59>; <http://www.proza.ru/2016/07/22/53>; <http://www.proza.ru/2016/07/22/79> (дата обращения: 20.08.2021).

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 43, 43 об., 45 об.

⁵ Визе В.Ю. Последний путь Г.Я. Седова (из дневников участников экспедиции) // Новый мир. 1939. № 3. С. 161.

⁶ Там же. С. 162.

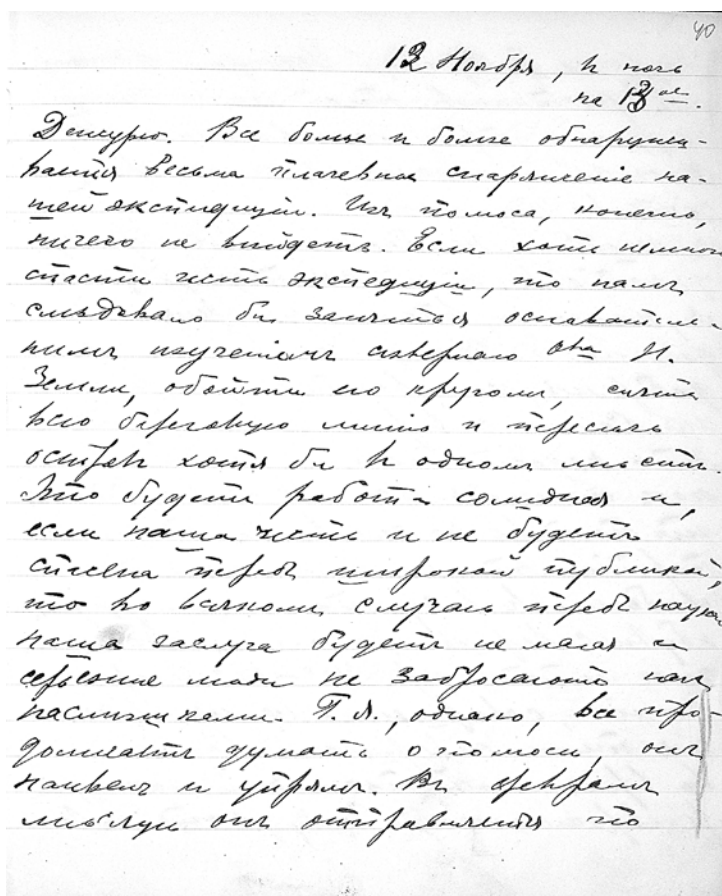

Рис. 3. Страница из рукописного дневника В.Ю. Визе с записями от 12 ноября (4 ноября) 1912 г. СПбФ АРАН

Странно, до чего он мало начитан касательно полярных путешествий¹. 12 ноября 1912 г. (рис. 3): «Всё более и более обнаруживается весьма плачевное снаряжение нашей экспедиции. Из полюса, конечно, ничего не выйдет. Если хоть немного спасти честь экспедиции, то нам следовало бы заняться основательным изучением Северного острова Новой Земли, обойти его кругом, снять всю береговую линию и пересечь остров хотя бы в одном месте. Это будет работа солидная, и, если наша честь не будет спасена перед широкой публикой, наша заслуга будет немалая, и серьёзные люди не забросят нас насмешками. Г.Я. [Седов], однако,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 26.

всё продолжает думать о полюсе. Он наивен и упрям... Развития народ не производит никакого, за исключением меня и, отчасти, Н.В. [Пинегина]. Г.Я. и доктор [Кушаков] целый день валяются у себя в каютах и читают сомнительного достоинства романы. Иногда разнообразят это времяпровождение игрой в шашки с И.А. [Зандерсом], преферансом или астрономическими наблюдениями¹.

В своих записях молодой полярный исследователь довольно подробно описывал события начального периода экспедиции. В них также приводятся описания быта кают-компании и отношений между офицерами и простыми матросами. Например, в записи от 5 (18) августа 1913 г. читаем: «Г.Я. с командой отпиливает лёд, идя к “Фокс”. В работе и офицеры не особенно старались. Ах уж это деление на “офицеров” и “команду” в полярной экспедиции! Это настоящий разврат! Положим, предстоит какая-нибудь трудная физическая работа. Я не привык к физическому труду и не особенно долюбиваю его, вот и сваливаешь на команду. Чистейший разврат. Конечно, начальник в полярной экспедиции должен быть, безусловно, начальник, которому повиновались бы беспрекословно... <...> Всё должно быть одинаково и офицерам, и матросам, и учёным»². Соответственно, подобный фрагмент свидетельствует о том, что в экспедиции разделение между чинами и категориями сохранялось. Приведём ещё один фрагмент, связанный с рассказом о выдаче водки команде за удачную охоту на моржей. Визе пересказывал диалог между Г.Я. Седовым и матросом Г.В. Линником, попросившим прибавку алкоголя, завершившийся руганью командира: «Я думаю, что ни в одной иностранной экспедиции в кают-компании не раздавалось подобных ругательств. Как это тяжело, как удручающе на меня действует! Ведь в Г.Я. есть так много хорошего, светлого, а тут вдруг такая грубость, хуже, чем грубость!»³ Конечно, подобные заметки в советское время и В.Ю. Визе уже не мог опубликовать, но всё же некоторые свои воспоминания он решил представить на суд читателей. Возможно, он не предполагал, что даже это вызовет столь негативную реакцию, как у С.Г. Нагорного.

В.Ю. Визе между тем хотел в своей публикации «дать живой и, главное, верный образ Георгия Седова», он завершал свою статью 1939 г. словами, которые были привычны советскому читателю: «Память Седова чтит весь советский народ. Только в стране социализма его

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 40, 41 об.–42.

² Там же. Л. 79.

³ Там же. Л. 88.

Рис. 4. В.Ю. Визе на снимке
1945 г. ААНИИ

мечта о достижении полюса была претворена в действительность»¹. Так же высоко оценивал В.Ю. Визе Георгия Яковлевича в предисловии к книге Н.В. Пинегина: «Седов стал народным героем, примером мужественного борца, не останавливающегося и перед смертью, если дело идёт о славе и чести родины»². Впрочем, мог ли он в то время написать иначе?

В.Ю. Визе (рис. 4) подготовил к изданию книгу Н.В. Пинегина, скончавшегося в 1940 г. Редакция журнала «Советская Арктика» обратилась к учёному с просьбой о подготовке статьи под названием «Памяти Н.В. Пинегина», планировавшейся к публикации в первом номере 1941 г. Видимо, срок был очень кратким (обращение датировано 26 ноября, а текст нужно было представить к 8 декабря)³, статья в журнале не появилась. Но рассказ о жизни и деятельности Н.В. Пинегина, написанный В.Ю. Визе, вышел в форме предисловия к книге Николая Васильевича

¹ Визе В.Ю. Последний путь Г.Я. Седова (из дневников участников экспедиции) // Новый мир. 1939. № 3. С. 166. Отметим, что в марте 1939 г. в несколько сжатом виде В.Ю. Визе опубликовал тот же материал в журнале «Советская Арктика»: Визе В.Ю. Последний путь Седова (к двадцатипятилетию со дня гибели Г.Я. Седова) // Советская Арктика. 1939. № 3. С. 86–93.

² Визе В.Ю. Вместо предисловия // Пинегин Н.В. Георгий Седов. Л., 1941. С. 4.

³ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 295. Л. 59.

о Седове¹. Переиздание данной книги впоследствии также готовилось Владимиром Юльевичем. При этом он собрал все рукописные и машинописные фрагменты, подготовленные Н.В. Пинегиным для рукописи второго тома. Таким образом, в 1953 г. вышло в свет полное издание книги (в двух томах)². О необходимости дополненного переиздания В.Ю. Визе говорил ещё в 1946 г., когда к нему обратилось руководство издательства «Молодая гвардия», планировавшего выпуск книги для юношеской аудитории на основе издания 1941 г.³ Но в то время была опубликована только адаптированная версия, ориентированная на юных читателей⁴.

Свои информативные, образные и подробные дневниковые записи В.Ю. Визе не мог бы опубликовать в советское время. Приведённые фрагменты показывают, что для издания их пришлось бы подвергнуть слишком большой правке. В нашем распоряжении нет ни одного свидетельства, что В.Ю. Визе планировал подобную публикацию или написание книги об экспедиции (как Н.В. Пинегин). В память о нём – о своём спутнике, коллеге и друге Владимир Юльевич готовил к печати его немного не завершённую рукопись. Сейчас, безусловно, публикация дневников В.Ю. Визе, снабжённая научными комментариями, была бы очень интересна для исследователей истории седовской экспедиции и первых плаваний к Земле Франца-Иосифа.

¹ Пинегин Н.В. Георгий Седов. Л., 1941. Т. 1. 260 с. Вскоре вышла в свет также небольшая брошюра для детей: Пинегин Н. Выход к полюсу. Б. м., б. г. [1940-е гг.]. 8 с.

² Пинегин Н.В. Георгий Седов. 2-е изд. Л., 1953. Т. 1–2. 352 с.

³ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 295. Л. 265–266.

⁴ Пинегин Н.В. Георгий Седов идёт к полюсу [Обработ. и подгот. к печати В.Ю. Визе и Е.М. Пинегина]. [М.], 1949. 208 с.

ИЛЬИН Г.С.

Исследование Хибинского горного массива
в дневниках участников экспедиций
под руководством академика А.Е. Ферсмана

G. ILYIN

Exploration of the Khibiny Mountains in
the diaries of expedition participants led by
Academician A.E. Fersman

Сведения об авторе:

Ильин Григорий Сергеевич, аналитик ФИЦ «Кольский научный центр РАН»
(Апатиты, Мурманская область)
grinart7@gmail.com

Author:

Grigory Sergeevich Ilyin, analyst, Federal Research Center Kola Science Center of the
Russian Academy of Sciences (Apatity, Murmansk Region)
grinart7@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются дневниковые записи и публикации на основе полевых дневников участников экспедиций под руководством академика А.Е. Ферсмана в Хибинский горный массив в 1920-е гг. Через дневники прослеживается образ заполярных гор, а также приводятся малоизвестные факты из истории открытия крупнейшего в мире месторождения апатитовой руды.

Abstract

The article discusses the diary entries and publications based on the field diaries of the expedition participants under the leadership of Academician A.E. Fersman to the Khibiny Mountains in the 1920s. Through the diaries, the image of the polar mountains can be traced, and little-known facts from the history of the discovery of the world's largest apatite ore deposit are revealed.

Ключевые слова:

Кольский полуостров, Хибины, А.Е. Ферсман, А.Н. Лабунцов, апатит, полевой дневник.

Keywords:

Kola Peninsula, Khibiny, A.E. Fersman, A.N. Labuntsov, apatite, field diary.

Хибинский горный массив расположен на Кольском полуострове на территории Мурманской области. Несмотря на небольшие размеры (площадь около 1300 кв. км, высота 1200 м над уровнем моря), является крупнейшей в мире щелочной интрузией и рекордсменом по количеству выявленных минеральных видов (на 2020 г. их насчитывается около 600 наименований).

После Революции 1917 г. новое правительство совместно с учёными Академии наук пришло к выводу, что для поиска новых промышленных ресурсов необходимо исследовать районы Крайнего Севера. 4 марта 1920 г. была создана Северная научно-промысловая экспедиция (находилась в ведении Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ)). А уже в начале июня по недавно построенной железной дороге (в 1916 г.), на Кольский полуостров отправился специальный отряд Северной научно-промысловой экспедиции. Хорошо известен факт, что долгая внеплановая остановка на железнодорожной станции Имандра позволила учёным совершить прогулку на ближайшую возвышенность – гору Малый Маннепахк. По удачному стечению обстоятельств, именно там, чуть выше границы леса, располагается несколько жил с редкими минералами. «Среди людей, поднявшихся на вершину, я был единственным минералогом. Мне без конца подавали образцы найденных минералов, и я прямо терялся в определении этих, ещё не виданных никогда мною, эгиринов, эвдиалитов, эвколитов. Для меня сразу стало ясно, что Хибины – это целый новый, своеобразный мир камня», – вспоминал академик А.Е. Ферсман¹.

Вернувшись в Петроград, Александр Евгеньевич начал подготовку к исследованию нового перспективного края. На тот момент уже существовали первые географические и геологические описания Хибинского массива, сделанные в конце XIX в. финскими учёными под руководством геолога Вильгельма Рамсея. Были составлены и первые карты горных районов, но их точность оставляла желать лучшего.

В разгар летних полевых работ Ферсману не удалось собрать большую команду, и он пригласил к участию студенток и преподавательниц Петроградского университета: Е.В. Ерёмину, Е.Е. Костылёву, В.А. Унковскую,

¹ Ферсман А.Е. Наш апатит. М., 1968. С. 59.

Э.М. Бонштедт, Н.Н. Гуткову, А.В. Лермантову, С.А. Лихарёву, Р.Б. Росинскую, М.Б. Степанову и М.В. Терпугову. В обеспечении отряда необходимым снаряжением и провизией также возникли трудности. Но всё же в конце августа «странная экспедиция» (как гласила одна из резолюций на заявлении академика), состоящая из одного мужчины и десяти молодых женщин, отправилась в вагоне-теплушке на Север. 28 августа экспедиция прибыла на станцию Хибин, где встретилась с сотрудниками уже работавшего здесь почвенно-ботанического отряда под руководством Н.И. Прохорова и О.И. Кузеновой.

По итогам экспедиции участницы Э.М. Бонштедт и Е.Е. Костылёва составили отчёт, основанный на дневниковых записях¹. Из него мы можем почти пошагово восстановить маршруты, узнать о совершённых открытиях и сложностях на пути.

Первый маршрут проходил от железнодорожной станции Хибин вверх по течению р. Малая Белая с посещением близлежащих вершин (рис. 1). За несколько дней были обследованы: гора Миддендорфа, названная в конце XIX в. экспедицией В. Рамсея в честь одного из первых описателей Хибин А.Ф. Миддендорфа (современное название – г. Юмьечорр), и южный отрог г. Часначорр (сегодня это место известно как высшая точка Хибин – г. Юдычвумчорр).

Конец августа в заполярных Хибинах – холодное время. Одну из ночей участники экспедиции были вынуждены провести на вершине горы: «Для ночлега выбрали место, защищённое глыбами камней с трёх сторон, с четвёртой и сверху натянули палатку, внизу подостлали брезент. Переночевав при сильном холоде и ветре со снегом (термометра с собою не было), без костра и без горячей пищи (за отсутствием топлива), почти без воды, утром на следующий день могли выйти на разведку только к 10 часам, когда несколько стих ветер и выглянуло солнце»². Но сразу в продолжение находим восхищение окружающим пейзажем: «Окружающий вид больших горных массивов вокруг, с редкими пятнами снега на вершинах, и двух синих горных озёр в долине был необычайно красив»³.

2 сентября отряд вернулся на станцию Хибин. После недельного отдыха теплушка с экспедицией была перевезена к ст. Имандра, откуда с 8-го по 11-е число был совершён второй маршрут по северо-западной части в район ущелья Юмьечорр. «Полное отсутствие обуви и недостаток

¹ Костылёва Е.Е., Бонштедт Э.М. Предварительный отчёт Минералогической экспедиции на Хибинский массив Кольского полуострова // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. 1921. Вып. 10. 23 с.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

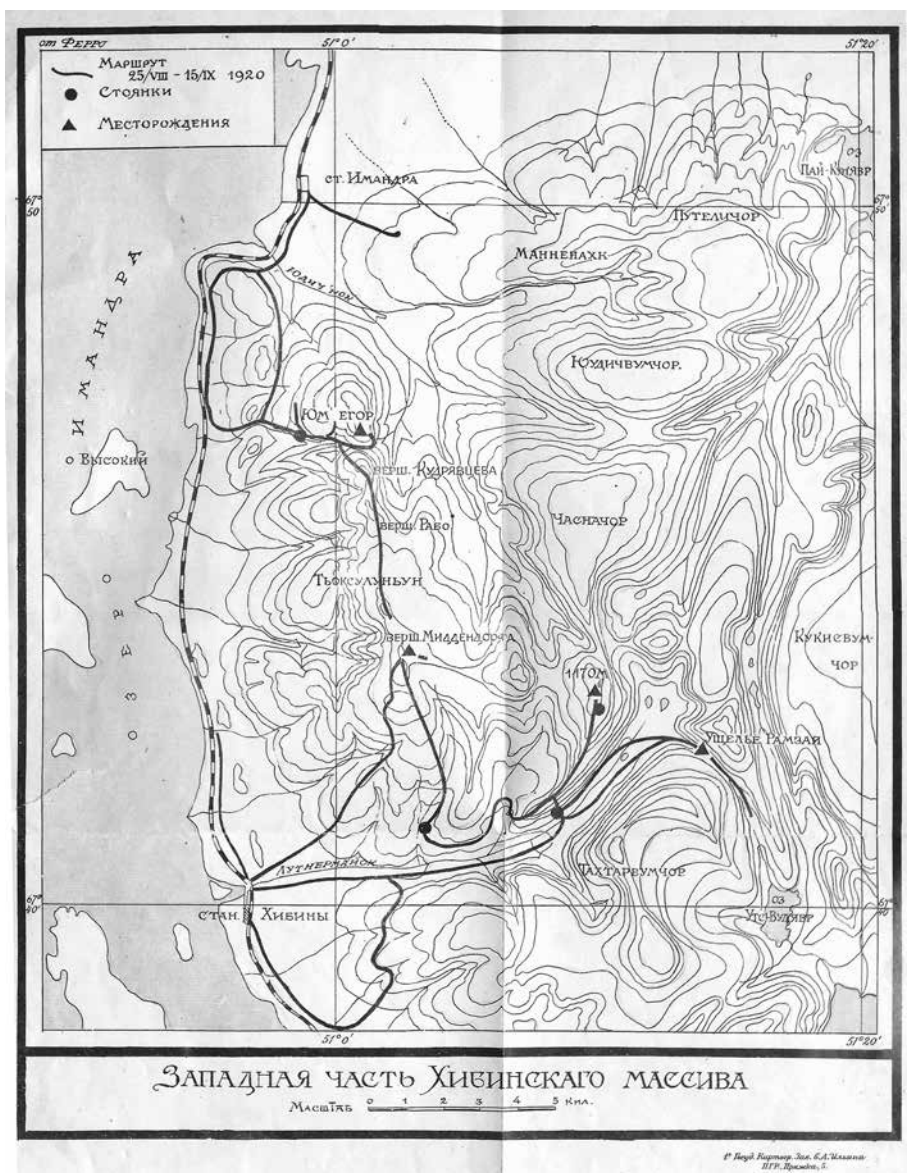

Рис. 1. Схема маршрутов экспедиции 1920 г. (Труды СМПЭ. 1921. Вып. 10)

провианта не позволили удлинить экскурсии и предпринимать новые маршруты», – гласит завершение описания экспедиции в отчёте¹.

15 сентября отряд вернулся в Петроград с большим количеством образцов минералов общим весом свыше 400 кг. Всего в первой экспедиции было обнаружено около 15 минеральных видов, уже известных на тот момент науке: эвдиалит, эгирин, арфведсонит, энigmatит, ильменит, титанит, апатит, лампрофиллит и др.

Качество и количество редких минералов вдохновили Ферсмана. К следующему полевому сезону, 1921 г. Александру Евгеньевичу удалось подготовиться более основательно. В составе экспедиции появились мужчины и опытные специалисты: минералог В.И. Крыжановский, петрограф Б.М. Куплетский и др.

Постоянными участницами последующих экспедиций стали и три из десяти молодых женщин первого состава: Э.М. Бонштедт, Е.Е. Костылёва и Н.Н. Гуткова. Впоследствии они также внесли большой вклад в изучение Кольского Севера.

Результаты последующих экспедиций 1921–1924 гг. подробно изложены в книге «Хибинские и Ловозерские тундры», материалом для составления которой также послужили дневниковые записи участников².

Одна из записей академика А.Е. Ферсмана от 30 августа 1921 г. снова описывает холода, но в ней впервые упоминается о находке крупных россыпей апатита, последующее изучение которого предопределило судьбу этого заполярного края: «Ночь необыкновенно холодна (около –5), утром – иней. Выступили довольно усталые в долину между двумя отрогами Кукисвумчорра... Идя по левому зелёному склону, на расстоянии приблизительно 1 километра пересекли приток... В выносах этого притока большое количество зелёных глыб до 1 пуда весом апатитовой породы... За отсутствием времени и утомлением мы не могли искать коренных выходов жил апатита, по-видимому, весьма доступных»³.

В 1922 г. к Ферсману присоединился минералог с военным прошлым А.Н. Лабунцов, и в следующем, 1923 г. Александр Николаевич оказался в составе небольшого отряда исследователей, в который вошли Е.Е. Костылёва, Э.М. Бонштедт и Б.М. Куплетский. В их задачи входило детальное обследование южной части Хибинского массива.

От разъезда Белый на Мурманской железной дороге отряду предстояло пройти около 20 км через густой лес и болота к предгорьям Хибин.

¹ Костылёва Е.Е., Бонштедт Э.М. Предварительный отчёт Минералогической экспедиции на Хибинский массив Кольского полуострова // Труды Северной научно-промышленной экспедиции. 1921. Вып. 10. С. 6.

² Хибинские и Ловозерские тундры. Т. 1. Маршруты / Отв. ред. А.Е. Ферсман. М., 1925. 197 с.

³ Там же. С. 65.

Дневниковые записи Александра Николаевича, опубликованные его дочерью М.А. Лабунцовой, хотя и очень краткие, но дают хорошее представление, насколько тяжело было работать в суровой природе Заполярья¹. Несмотря на дожди, усталость, болезни, стёртые ноги, каждый день без перерывов он выходит в маршруты. Вот некоторые выдержки из полевого дневника Лабунцова за 1923 г.:

«...14 июля. С 12 до 8 час. веч. осмотр Пирротинового ущелья – цирконы, кальцит, эгирин. Пирротин. Дождь, буря, холод. Плохо себя чувствую, кашель, насморк.

...16 июля. В 9 час. утра подъём на Айкуайвентчорр. Эвдиалиты, энigmatит, апатиты. Исправление Расвума – 650 м – спуск в Юкспорлакский лагерь к 9 час. 30 мин. Много куропаток. Плохо себя чувствую, болит голова и знобит.

...22 июля. В 11 час. 15 мин. я с Е.Е. (Екатерина Евтихиевна Костылёва. – Г.И.) перевалили через Эвеслогчорр. Дождь, спустились и, пройдя в долину Тулиока, совершенно промокшие остановились в конце лесной зоны к 6 час. вечера. Весь вечер сушились. Дождь продолжался. Ноги болят – сильно стёртые»².

В таких тяжёлых условиях Лабунцов, видимо, не имел сил обследовать обнаруженные в те дни крупные жилы с апатитом на горе Расвумчорр. Из отчёта Б.М. Куплетского видно, что впервые отряд обнаружил этот минерал 12 июля: «На высоте 800 м над Имандрой, к северу от бокового цирка Расвума, простираясь на СВ 45° и падая на СЗ < 26°, проходит апатитовая жила мощностью около ½ аршина. Жила пластовая; её боковые зальбанды образованы тёмным нефелиновым сиенитом, содержащим апатит»³. В отчёте от 16 июля указана более крупная находка, но Куплетский снова не придал ей никакого значения, ограничившись простым описанием: «У края второго западного цирка Расвумчорра отмечены сплошные выходы апатитовой породы»⁴. В дневниках Лабунцова нет упоминаний о значимых находках апатита в эти дни. Но спустя несколько дней у него появляется следующая запись:

«25 июля. Днёвка. В 2 час. 30 мин. я пошел осматривать цирк Расвума. Пролазил до 9 час. вечера. Несмотря на то что днёвку не отдыхал, ноги не так уж сильно болят. Был на апатите» (последнее слово подчёркнуто. – Г.И.)⁵.

¹ Лабунцов А.Н. Из полевых дневников // Среди минералов (Альманах). М., 2001. С. 51–58.

² Там же.

³ Хибинские и Ловозерские тундры. Т. 1. Маршруты / Отв. ред. А.Е. Ферсман. М., 1925. С. 146.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Лабунцов А.Н. Из полевых дневников // Среди минералов (Альманах). М., 2001. С. 51–58.

Кроме Лабунцова, участники экспедиции 1923 г. не проявили большого интереса к крупным жилам апатита. Обследование Хибин в общем приближении было закончено. Всего за четыре полевых сезона 1921–1924 гг., благодаря лучшему снабжению, участию опытных геологов и минералогов, а также помощи коренных жителей – саамов, было пройдено около 2500 км маршрутов, которые покрыли большую часть Хибинских и Ловозерских тундр. Удалось собрать и вывезти более 4 т образцов¹. Было обнаружено около 90 минеральных видов, из которых многие представляли собой большую редкость. Открывались и совершенно новые минералы: манганнептунит, юкспорит, ферсманит, мурманит и др.

30 мая 1925 г. за труды по исследованию кристаллографии, минералогии и петрографии Хибинских тундр Российское минералогическое общество наградило участников экспедиций под руководством А.Е. Ферсмана Почётным отзывом им. А.И. Антипова, заменяющим золотую медаль.

Летом 1925 г. Александр Николаевич вновь оказался в Хибинах и провёл более детальное обследование апатитовых жил на плато Расвумчорр со сбором образцов для лабораторных исследований. При поддержке академика А.Е. Ферсмана и финансировании Колонизационного отдела Мурманской железной дороги А.Н. Лабунцов продолжил исследования и в 1926 г. Помимо сборов, он уточнил площадь распространения апатитовой породы и определил глубину залегания. Для этого Александру Николаевичу пришлось пойти на риск и попросить своих спутников спустить его на верёвке с плато Расвумчорра по отвесному обрыву. Спустившись на максимальную длину верёвки в 20 м, он увидел сплошное распространение богатой апатитом породы. Полученные данные позволили оценить запасы апатитовой руды в 2 млн т. Кроме того, выходы апатита были найдены и на западном отроге Расвумчорр, получившем название «Апатитовый». В настоящее время этот отрог носит название Ийолитовый. На основании анализа элементов залегания пород Александр Николаевич предположил, что рудное тело продолжается к северо-западу и к востоку от Расвумчорра. После дополнительного обследования это предположение подтвердилось. Было открыто второе крупное месторождение в соседней горной долине на южном отроге г. Кукисвумчорр.

В сентябре 1926 г. в Хибины выехала специальная комиссия в составе директора Института по изучению Севера профессора Р.Л. Самойловича, заведующего минералого-геохимическим отделом Государственного радиевого института Д.И. Щербакова и профессора

¹ Хибинские и Ловозерские тундры. Т. 1. Маршруты / Отв. ред. А.Е. Ферсман. М., 1925. С. 7.

Василий Васильевич со ст. Зелки
 они отыскали большую залежь апатита
 прорезывающую через несколько гор
 Апатиты там не в кристаллах
 Там обитает раббиты на погоры
 вела (сказал Лабунцов) Они привезли
 20 пудов навоза, лодки, дрова,
 ступы. Ходим вперем с Соловьевым
 в основном читать сведения о залежах
 20. Пятница. С утра мужики
 все стали делать лыжи и уклады
 привезенные со ст. Зелки камни
 Погода озорная. Напуганные прилавки
 степенно и мы идём дрова.
 19. Суббота Встали в 4 часов так
 как погода озорная и мы решили

Рис. 2. Страница из полевого дневника А.А. Ферсмана¹

П.А. Борисова. К сожалению, к их приезду в Хибинах уже выпал снег, и делегация не смогла ознакомиться со всеми месторождениями, ограничившись посещением г. Расвумчорр. Члены комиссии согласились с выводами А.Н. Лабунцова о промышленном значении месторождений. На Расвумчорре и Апатитовом отроге были установлены заявочные столбы. Так было положено начало освоению крупнейшего в мире месторождения апатита.

¹ Полевой дневник А.А. Ферсмана, 1926 г.: Фонд Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН (Москва). Л. 17.

Удивительно, но свидетелем тех сентябрьских событий в Хибинах стал сын академика А.Е. Ферсмана – тринадцатилетний подросток Александр Александрович (сам Александр Евгеньевич уже не принимал участия в полевых работах второй половины 1920-х гг.). Дневник, написанный мальчишеской рукой, рассказывает о полевом сезоне 1926 г. в районе железнодорожной станции Имандра¹, о походах с Б.М. Куплетским, Э.М. Бонштедт и другими на горы Маннепахк и Юмьечорр, о разочаровании из-за затянувшихся дождей и долгом отсутствии выходов на маршруты.

Но наибольший исторический интерес представляют записи, связанные с открытием апатитовых жил и пророческими мыслями А.Н. Лабунцова по объёмам и срокам разработки (рис. 2).

«19 (августа. – Г.И.). Четверг. Утром, около 12 часов, приехали Лабунцов, Сауков, Штенгер Василий Васильевич со ст. Белой. Они открыли мощную жилу апатита, проходящую через несколько гор. Апатиты там не в кристаллах. Там хватит разработки на полтора века (сказал Лабунцов). Они привезли 20 пудов научного материала. Сидим дома, отдыхаем...

30 (августа. – Г.И.). Понедельник. Погода плохая. Горы в тумане... Читаю книги. Уж больно надоело сидеть... Получили телеграмму, что приедут два сотрудника, в том числе и Самойлович. Они желают осмотреть мощную апатитовую жилу (вместе с Лабунцовым) на юге...

2 (сентября. – Г.И.). Четверг. Пасмурно. Сидим дома. Получил Лабунцов телеграмму, что Щербаков и Самойлович приедут на ст. Имандру для осмотра апатитовой жилы на юге. Выпал снег на горах...

4 (сентября. – Г.И.). Суббота. Ясно. Тепло. В горы не пошли, так как встретили в 2 ч 20 м Самойловича и Щербакова. Весь оставшийся день готовятся к поездке. У Лабунцова болит сильно бок. Даже утром лежал.

5 (сентября. – Г.И.). Воскресенье. С утра хорошая погода. Наняв четырёх рабочих и закупив продовольствия на 4 дня, Лабунцов, Самойлович, Щербаков поехали с почтовым в 2 ч 50 м на ст. Белую, чтоб изучить апатитовую (открытую Лабунцовым) жилу. Погода к вечеру очень испортилась, и пошёл дождь. Стало холодно. Утром Самойлович сфотографировал меня на фоне шпалы (нашего дома)...»²

Рассмотренные в статье дневники являются ценными историческими документами, позволяющими не только восстановить картину событий и последовательность совершаемых открытий, но и оценить трудности, с которыми приходилось сталкиваться первым экспедициям

¹ Полевой дневник А.А. Ферсмана, 1926 г. 23 л. Фонд Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН (Москва).

² Там же. Л. 19.

под руководством А.Е. Ферсмана на Кольском полуострове. Детский дневник его сына проливает свет на детали совершённого А.Н. Лабунцовым открытия крупнейших в мире запасов апатитовых руд.

Уже в 1927–1929 гг. разведка определила запасы апатита в 100 млн т только в недрах Кукисвумчорра. Осенью 1929 г. был основан трест «Апатит» и заработал первый рудник. В нескольких километрах от месторождения в 1931 г. был основан город Хибиногорск (в 1934 г. переименован в Кировск). Добыча фосфорной руды ведётся уже более 90 лет. Всего за период с 1929-го по 2020 г. в Хибинах было добыто свыше 2 млрд т руды. Оставшиеся запасы составляют ещё более 2 млрд т¹.

¹ Кировский филиал АО «Апатит» сегодня. Группа компаний «ФосАгро» [Электронный ресурс] URL: <http://www.phosagro.ru/about/holding/item49.php> (дата обращения: 30.05.2021).

МАКАРОВА Е.И.

Хибины – сказочная страна моего детства. Хибинская эпопея 1930-х гг. в воспоминаниях Е.Б. Халезовой

E. MAKAROVA

Khibiny – a fabulous country of my childhood. The Khibiny Epic of the 1930s in the memoirs of E.B. Khalezova

Сведения об авторе:

Макарова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, заведующий Научным архивом Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (Апатиты)
e.makarova@ksc.ru

Author:

Elena Ivanovna Makarova, Candidate of Historical sciences., the Head of the Scientific Archive of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity)
e.makarova@ksc.ru

Аннотация

Статья посвящена опубликованной в 2020 г. книге воспоминаний последней «ферсманянки» Евгении Борисовны Халезовой об освоении Кольского Севера в 1930-е гг. и организации первого комплексного стационарного периферийного научного центра АН СССР – ныне крупнейшего в Арктике Кольского научного центра РАН, отметившего в октябре 2020 г. свой 90-летний юбилей. Одна из глав книги – «Хибины – сказочная страна моего детства» повествует об истории хибинской эпопеи так, как она отложилась в детской памяти Евгении Борисовны в период 1932–1935 гг.

Abstract

The article is dedicated to the memoirs by the last Fersman associate lady Eugenia Borisovna Khalezova published in 2020. The book described the development of the Kola North in the 1930s and establishment of the first complex stationary scientific centre of

the USSR AS in the periphery. Nowadays, it is the Arctic-biggest Kola Science Centre RAS that celebrated its 90th anniversary in 2020. One of the book chapters, i.e. «The Khibiny, a fairy-tale land of my childhood» conveys the history of the Khibiny epos-ee as it was imprinted in the child's memory of Eugenia Borisovna in 1932–1935.

Ключевые слова:

Хибины, Хибинская горная станция АН СССР, Кольская база АН СССР, Кольский научный центр, академик А.Е. Ферсман, научные исследования АН СССР на Кольском полуострове.

Keywords:

Khibiny, Khibiny Mountain Station USSR AS, Kola Station of USSR AS, Kola Science Centre, Academician A.E. Fersman, scientific research of the Kola Science Centre.

В октябре 2020 г. Кольский научный центр отметил своё 90-летие, подготовив и опубликовав ряд юбилейных изданий. В их число вошла книга воспоминаний Евгении Борисовны Халезовой «Дорога длиною в жизнь», в одной из глав которой, «Хибины – сказочная страна моего детства», описаны запечатлевшиеся в её детской памяти события хибинской эпопеи 1932–1935 гг.

Е.Б. Халезова, дочь первого химика-аналитика Хибинской исследовательской горной станции – Кольской базы АН СССР И.Д. Борнеман-Старынкевич, посвятила всю свою жизнь геологии, продолжив дело своих родителей. Она побывала во многих уголках огромной страны СССР, но своё сердце ещё в детские годы отдала Кольскому полуострову, потому что именно здесь сформировалось её призвание. В самой, пожалуй, трогательной главе воспоминаний, названной «Хибины – сказочная страна моего детства», Е.Б. Халезова подробно описывает быт и самые значимые события, происходившие в 1932–1935 гг. в Хибинах, где в это время родился крупный советский индустриальный центр, первый социалистический город на Кольском полуострове и первый периферийный комплексный научный центр АН СССР.

Сама она отзывалась о своих воспоминаниях так: «...Я благодарна своей памяти за то, что в минуты невзгод и неприятностей могу отрешиться от всего и уйти в далёкое прошлое, воспоминание о котором, как по мановению волшебной палочки, переносит меня в прекрасные места, к интересным событиям, к моим дорогим друзьям, с которыми мы понимали друг друга с полуслова»¹ (рис. 1).

¹ Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь. К 90-летию Кольского научного центра Российской академии наук. М., 2020. С. 590 (далее – Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь).

Рис. 1. Е.Б. Халезова за компьютером. 2018 г.
Фотография из личного архива Е.И. Макаровой

«Из воспоминаний И.Д. Борнеман-Старынкевич: «Однажды в начале двадцатых годов Александр Евгеньевич Ферсман, вернувшись из очередной поездки в Хибинь, сразу же принёс в лабораторию Минералогического музея АН СССР маленький зелёный камешек и попросил меня как можно быстрее определить в нём содержание фосфора. О результатах анализа Александр Евгеньевич спросил в тот же день, однако только через два дня я смогла подтвердить, что образец камня, слагающего в Хибинах целую гору, содержит большое количество фосфора и является апатитом. А.Е. Ферсман часто заходил в лабораторию и увлечённо рассказывал о необыкновенных минералогических находках, об интересных маршрутах и о красотах северной природы. И однажды весной 1930 года он сказал: «А что, Ирина, не поехать ли вам со мной этим летом на месяц в Хибинь? Мне бы хотелось, чтобы вы решили, сможете ли вы работать в будущем в химической лаборатории проектируемого там здания горной научной станции, которое мы построим в диких горах на берегу красивого озера Малый Вудъявр». Мама с радостью согласилась и летом, оставив детей на даче на попечении няни, уехала в Хибинь. <...> В вагоне обсуждалась работа, писались статьи, строились планы на будущее. В Хибинах,

Рис. 2. Первое здание Хибинской горной станции (ХИГС) АН СССР. 1930 г.¹

Рис. 3. Н.А. Макаров, «Тьетта». Холст, масло. 1932 г. Фонды МБУК «Кировский историко-краеведческий музей». Фотография Е.И. Макаровой

на берегу озера Малый Вудъявр, под скалистой горой Поачвумчорр, стоял только что отстроенный одноэтажный стандартный дом барачного типа. В маленькой, десятиметровой комнатке была полевая химическая лаборатория»² (рис. 2).

Из поездки Ирина Дмитриевна привезла Жене в подарок маленькую коллекцию хибинских минералов (эгирин, апатит, эвдиалит, натролит, сфен), которую Е.Б. Халезова бережно хранила долгие годы.

«Отправляясь с минералогом Ниной Николаевной Гутковой в Мончегундру, Ферсман предложил маме и доктору Баннер-Фохт, знатоку Хибинских тундр, сопровождать их через ущелье Рамзая до Имандры. <...> “В этом небольшом походе (12 км), проходя по снежной тропе через ущелье Рамзая, в котором снег лежит всё лето, а затем по низкорослому лесу, испещрённому множеством ручьёв и ручейков, я прониклась всей своеобразной прелестью хибинской природы, – вспоминала позже И.Д. Борнeman-Старынкевич. – <...> Через два года я со своими двумя детьми шести и восьми лет по приглашению Александра Евгеньевича Ферсмана переселилась в Хибины, где получила две прекрасные комнаты в “Тьетте” (“тиетта” на лопарском языке – наука; так Ферсман назвал

¹ Научный архив Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (далее – НА ФИЦ КНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 3-а.

² Халезова Е.Б. Ирина Дмитриевна Борнeman-Старынкевич (К 110-летию со дня рождения) // Среди минералов (Альманах). Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН. М., 2001. С. 102.

здание Горной станции Академии наук в Хибинах. – *Прим. Е.Б. Халезовой*) (рис. 3) с выходом на балюстраду большого холла. Александр Евгеньевич не надеялся на мой приезд и радовался появлению оседлых жителей, научных сотрудников»¹.

Евгения Борисовна описала в своих мемуарах начало «хибиниады» так: «...Тридцать шесть часов езды на поезде от Ленинграда, и мы высаживаемся на маленькой станции Апатиты; там нас ждёт лошадь, запряжённая в телегу. Нам предстоит проехать тридцать километров. Грузим свои тюки, чемоданы и отправляемся в путь. На расстоянии девятнадцати километров от станции начинаются Хибинские горы, где на берегу озера Большой Вудъявр расположен город Хибиногорск, который поначалу так и назывался – “Девятнадцатый километр”. В то время он был небольшим и состоял из одноэтажных и двухэтажных бревенчатых домов. В шести километрах от города находится рудник “Апатитовая гора” (или “Двадцать пятый километр”, считая от станции Апатиты), к которому и отправилась наша повозка, но, не доезжая его, у большого камня резко свернула налево, на прямую, как стрела, пустынную дорогу, которая привела нас к морене. Перед мореной налево мост через речку Вудъяврйок и за ним территория первого созданного за полярным кругом Полярно-альпийского ботанического сада, а выше на пригорке туристическая база ОПТЭ. Едем мимо неё; дальше дорога идёт среди леса, становится извилистой, и мы медленно ползём вверх. Тут ещё местами лежит снег. С морены открывается вид на гору с округлой вершиной под названием Поачвумчорр, что в переводе с лопарского означает – гора при оленьей долине. Под горой живописное озеро с изрезанными берегами. Это Малый Вудъявр. А на берегу озера, у подножия горы, под нависшими скалами, возвышается трёхэтажное деревянное здание необычной архитектуры с вышкой, на которой развеяется красный флаг. Дорога серпантинном побежала вниз, потом выпрямилась; ещё один километр – и мы подкатили к дому.

...Он был совершенно необычной архитектуры – с холлом высотой в два этажа, над которым на уровне второго этажа была круговая балюстрада; на неё выходили двери жилых комнат – наших и Александра Евгеньевича Ферсмана. Посреди холла большой овальный стол, покрытый зелёным сукном. Слева от входной двери – фисгармония, принадлежащая доктору Баннер-Фохту, иногда приезжавшему к нам откуда-то. У правой стены – камин и дверь в библиотеку, все книги которой были подарены «Тьетте» Александром Евгеньевичем. Напротив входа двустворчатые

¹ Халезова Е.Б. Ирина Дмитриевна Борнеман-Старынкевич (К 110-летию со дня рождения) // Среди минералов (Альманах). Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН. М., 2001. С. 102–103.

стеклянные двери, ведущие на большую веранду треугольной формы, служившую красным уголком, где на столе были разложены очередные номера научных журналов и газеты. Из холла налево, как на первом этаже, так и с балюстрады второго этажа, тянулись длинные коридоры, с левой стороны которых были большие окна, а с правой: на первом этаже минералогический музей, химическая лаборатория и в торце коридора большая веранда – это летняя столовая; на втором этаже несколько жилых комнат, зимняя столовая, большая химическая лаборатория и весовая. Из всех помещений второго этажа были двери, выходящие на длинный балкон, вытянутый вдоль всего фасада здания. Над холлом размещался третий этаж, где было всего две комнаты, а над ними смотровая площадка и вышка с флагштоком, на котором развевался красный флаг»¹.

Открытие нового здания Станции было приурочено к важному событию: впервые на Кольском Севере, «здесь, где два года тому назад стоял сплошной лес», проводилась Первая полярная конференция. В течение нескольких апрельских дней 1932 г. под эгидой Научно-исследовательского сектора Народного комиссариата тяжёлой промышленности (НИС Наркомтяж) проходили заседания представителей научно-исследовательских институтов и промышленных учреждений страны, собравшиеся, «чтобы в деловой обстановке вместе с работниками с мест общими силами проработать те большие проблемы, которые стоят на очереди в развитии как Хибинской проблемы, так и связанных с ней округов Кольского полуострова и Северной Карелии»².

Первая полярная конференция 1932 г. явилась важнейшим научным и стратегическим мероприятием, оказавшим большое влияние на последующее индустриальное и социально-экономическое развитие Кольского Севера. Именно на этой конференции впервые были очерчены контуры и направления будущего развития не только горнорудного и горно-химического производства на Кольском полуострове, но также целого комплекса новых направлений экономики края – промышленного и гражданского строительства, энергетики, коммуникаций, заполярного сельского хозяйства и многих других.

До реализации предполагавшейся постройки отдельного жилого дома рядом с «Тьеттой» её немногочисленные обитатели и переменнo-постоянные «постояльцы» вели совершенно особенную жизнь, где романтика экспедиционных маршрутов и будни научной работы тесно переплетались с решением проблем выживания людей в условиях Заполярья. Люди здесь жили...

¹ Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь. С. 90.

² НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 9. Л. 2.

Рис. 4. Справа И.Д. Борнеман-Старынкевич, А.М. Оранжерева, в центре В.Ю. Фридолин, рядом с ним предположительно Е.П. Кесслер – постоянные обитатели «Тиетты» в 1932–1937 гг. Фотография из личного архива Е.Б. Халезовой

Среди обитателей Горной станции (рис. 4) особое место, безусловно, принадлежало самому основателю «Тиетты» – академику А.Е. Ферсману: «Огромный жизнерадостный Александр Евгеньевич Ферсман был вездесущ. Его голос гремел то тут, то там, отдавая указания. Он сразу обратил внимание на нас – детей. Поднял каждого по очереди над своей головой и, смеясь, сказал звучным голосом: “Вот и хибинята приехали”. Так и звал нас потом хибинятами. Соратниками и учениками Ферсмана в Хибинах были: заведующая Горной станцией Елена Павловна Кесслер, учёный секретарь Антонина Михайловна Оранжерева (Оранжереева), минералоги – Эльза Максимовна Бонштедт-Куплетская, Екатерина Евтихиевна Костылёва, Николай Александрович Лабунцов, большая и полная, несколько мужеподобная Нина Николаевна Гуткова со своим аспирантом Кузьмой Власовым; петрографы – Борис Михайлович Куплетский, очень женственная, всегда нарядная Ольга Анисимовна Воробьёва, которая даже в горы ходила на каблуках; химики – Ирина Дмитриевна Борнеман, Татьяна Александровна Бурова, Валентина Сергеевна Быкова, Софья Григорьевна Цейтлин; зоолог – Владимир Юльевич Фридолин; ботаник – Николай Александрович Аврорин, который организовал первый в стране Полярно-альпийский ботанический сад. Постепенно геологические отряды уходили в горы. Оставались химики, ботаники, зоолог В.Ю. Фридолин и на какое-то время некоторые

минералогии. Я со всеми по очереди увязывалась в маршруты и собирала коллекции минералов, насекомых и растений»¹.

Приведу ещё несколько фрагментов. «С наступлением осени все отряды собирались на Горной станции, и перед отъездом сотрудников в Ленинград устраивались отчётная конференция и прощальный бал. Пока шли заседания в холле, мы, дети, выходили из своей комнаты на балюстраду на цыпочках и отправлялись гулять.

<...> На другой день после бала все разъезжались, и жизнь на Горной станции становилась тихой и размеренной. В большом доме оставалось зимой только шесть сотрудников: химики – И.Д. Борнеман-Старынкевич, Т.А. Бурова, В.С. Быкова, Ермоленко, заведующая Е.П. Кесслер и учёный секретарь А.М. Оранжеева [Оранжеева]. Кроме научных сотрудников, были ещё мы (дети И.Д. Борнеман-Старынкевич – Женя и Юра) с Николаевной (няня и долгие годы – фактический член семьи И.Д. Борнеман-Старынкевич), которая выполняла зимой роль повара. Осенью, в октябре, небо часто расцвечивалось северным сиянием – по небу колыхался огромный разноцветный занавес, переливаясь розовыми и зелёными тонами... <...> Мы выскакивали из тёплых постелей, накидывали пальто и выходили на балкон, чтобы в очередной раз полюбоваться этим чудом»².

«Зимой 1932–33 года электричества на Горной станции не было. Освещались керосиновыми лампами и отапливались печами. Вся работа в химической лаборатории велась на бензине и керосине при помощи бартелей (лабораторная горелка – лампа Бартеля. – *Прим. ред.*) и примусов. Вечерами все собирались в маленькой зимней столовой на втором этаже. Николаевна подавала нам ужин. После ужина долго сидели за самоваром, который создавал уют своими песнями, рассказывали истории из своей жизни. Потом нас, детей, отправляли спать, а сами ещё долго сидели, обсуждая свои дела и планы. Самые тёмные месяцы в Хибинах – ноябрь и декабрь. Солнце совсем не появлялось, и только с 11 до 2 часов дня были сумерки, а всё остальное время суток – темнота. В лунные дни, когда горы озарялись бледным голубоватым светом и казались сказочными, я выходила из тёплого дома, прикрепляла к валенкам лыжи и погружалась в волшебство полярной ночи. Кругом ни души. Я одна среди этой величественной красоты. Небо сине-чёрное, усыпанное мелкими бриллиантками звёзд; в необъятном воздушном океане медленно плывёт золотая луна. А под этим высоким куполом сказочная страна моего далёкого детства – горы, горы... Надо мной высится Поачвумчорр, на другой стороне

¹ Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь. С. 93.

² Там же. С. 96.

долины, за озером Малый Вудъявр, – гора Тахтарвумчорр, верхнюю часть которой прорезает U-образное ущелье Географов, обрывающееся в цирк, похожий на огромное кресло, в котором когда-то в доисторические времена сидел древний, седой старик, и назывался он Ледником. Хотелось всё это запечатлеть на бумаге, но таланта Бог не дал...»¹

«...В конце 1933 года при Хибинской горной станции заработала маленькая электростанция. В обоих домах зажглись лампочки, над входом в дом загорелся фонарь, лаборатория стала работать на электрических приборах. День и ночь стучал надоедливый движок... Одновременно с электричеством появилось паровое отопление, и теперь не надо было топить печи. Появились новые сотрудники: молодые химики – супруги Игорь Викторович и Мария Акимовна Степановы; метеоролог Клименко, с неизменной тубетейкой на лысой голове и с остренькой бородкой, почему-то напоминавший по виду – Мефистофеля, а по сути – человека в футляре. Он был всегда аккуратен, при галстукке, застёгнут на все пуговицы, с тетрадкой под мышкой, с которой он точно по часам в любую погоду шёл на свою маленькую метеостанцию и записывал в неё данные о температуре, атмосферном давлении, влажности и направлении ветра. С его появлением началось изучение климата горных районов Кольского полуострова. Географ Николай Михайлович Каратаев, солидный мужчина средних лет с полуседой пышной шевелюрой и такой же бородой. Он сидел за развёрнутой картой – о чём-то размышлял и что-то помечал на ней. А в долгие зимние вечера, когда все обитатели большого дома собирались в столовой за самоваром, рассказывал увлекательные истории о своих многочисленных путешествиях по стране. Высокий, красивый, с вьющимися волосами экономист Холмянский поселился со своей старенькой мамой на третьем этаже нашего необычного дома. Он почти всегда работал у себя наверху – что-то вычислял и записывал»².

Ольга Анисимовна Воробьёва (1903–1974) – первый учёный секретарь «Тиетты» и «первая фея деревянного дворца на озере Вудъявр», как её «окрестил» в своё время академик Н.В. Белов. В дальнейшем О.А. Воробьёва стала общепризнанным специалистом в области петрографии. Кандидат (1935), затем доктор геолого-минералогических наук (1943) и лауреат премии имени С.М. Кирова за минерало-петрографические исследования щелочных массивов Кольского полуострова (1947), она более 20 лет своей научной деятельности посвятила Кольскому Северу³.

¹ Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь. С. 97–98.

² Там же. С. 103–104.

³ Учёные Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты, 2010. С. 97.

После отъезда О.А. Воробьёвой «штатным» и постоянно проживавшим в «Тьетте» учёным секретарём стала Антонина Михайловна Оранжиреева (1897–1960). Кроме заслуги по организации первого научного архива на Кольской базе, А.М. Оранжиреевой по праву принадлежит звание первого историка – летописца Кольской эпопеи: она оставила свой след в истории освоения Кольского Севера как автор научного труда «Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове» (1936)¹. В отличие от других «жильцов» «гостеприимного дома» в Хибинах, А.М. Оранжиреева, уехав в отпуск в ноябре 1936 г. с последующим увольнением по окончании отпуска с 28 января 1937 г. с мотивировкой «по состоянию здоровья», больше никогда сюда не возвращалась. Её дальнейшая, полная тайн и драматизма, жизнь весьма схематично прослеживается в контексте исследований жизни и творчества её великой подруги – Анны Ахматовой в 1940-е гг. и далее, но это уже другая история...

«...А ещё в бараче, в торцовой его части с отдельным входом, в маленькой комнатке жил зоолог Владимир Юльевич Фридолин, впоследствии ставший моим большим другом. <...> Это был маленький, похожий на гнома человечек с глубокой проседью в длинных кудрях и бороде, с добрыми голубыми лучистыми глазами, ласково смотрящими на мир сквозь очки. Он ходил всегда в спецовочном сером костюме и в рубашке-косоворотке. Брюки заправлены в большие кирзовые сапоги, а на голове панамы серого цвета с маленькими полями, похожая на колпак гнома. Владимир Юльевич изучал комаров и подолгу мог наблюдать, как они пьют кровь, сидя у него на руке. А потом он их сушил, рассматривал в бинокляр и микроскоп. За это его в шутку прозвали комариным королём»². Этот похожий на сказочного лесного эльфа человек прожил немногим более шестидесяти лет, но – как! В 22 года за участие в бурной сходке В.Ю. Фридолин был исключён из Петербургского университета. И с той поры, с 1900-го по 1917 г. – на целых 18 лет он связал свою жизнь с революционным движением, вступив в ряды РСДРП. Аресты, ссылки, каторга, побег, партийные съезды и конференции, революционные баррикады и уличные бои... <...> Среди них – III съезд партии в Лондоне, декабрьское восстание в Петрограде, конференция РСДРП в Таммерфорсе (Финляндия). Сибирь – Маньчжурия – Франция, а там – Париж, Гренобль, Савойя... За рубежом В.Ю. Фридолин умудрялся сочетать революционную деятельность с изучением истории

¹ Оранжиреева А.М. Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове (1920–1935). Апатиты, 2008. 119 с.

² Халезова Е.Б. Дорога длиной в жизнь. С. 91, 115.

Рис. 5. Е.Б. Халезова. 2018 г. Фотография автора.
Из личного архива Е.И. Макаровой

и энтомологии. В Сибири, в Савойских Альпах, в Пиренеях – везде, куда его забрасывала судьба, он собирал материалы для будущих научных работ и даже прослушал лекции в Гренобльском университете. Приняв участие в массовых манифестациях в день открытия Учредительного собрания в Петрограде в 1917 г., В.Ю. Фридолин внезапно прекратил свою революционную деятельность и целиком отдался научной работе: закончил Петроградский географический институт (1918–1922), читал лекции по курсу «биоценологии» (биоценотики) (1925). Побывав на Кольском полуострове в 1923 г., В.Ю.Фридолин вернулся в Хибинь в 1931 г. и возглавил в «Тиетте» зоогеографический отдел по изучению кровососущих насекомых Кольского Севера. Результатом его работы в «Тиетте» стал фундаментальный научный труд «Животно-растительное сообщество горной страны Хибинь» (1936), список фауны Кольского полуострова, а также ряд научных статей. В.Ю. Фридолин был уволен с Кольской базы 1 марта 1938 г. как «не возвратившийся из поездки в г. Ленинград

и не поставивший в известность о своих работах, а также не представивший отчёта о своей работе в Ленинграде»¹.

«...Мы с ним и после того, как мы с мамой уехали из Хибин, были очень дружны и переписывались, находили общий язык, несмотря на огромную разницу в возрасте (я – подросток, он – старик). В войну я его потеряла. Фридолин умер в Ленинграде в блокаду, но точно я не знаю когда. Наша семья была в эвакуации. Письма из Ленинграда туда почти не доходили. Моя тётя (мама моих сестёр, которых потом удочерила моя мама) погибла, кажется, в феврале 1942 года. Об этом мы узнали намного позже. Думаю, что и Владимир Юльевич погиб тоже в начале 1942 г. <...> На Пискаревском кладбище в Ленинграде братские могилы погибших от голода датированы, насколько я помню, в основном 1942 и 1943 гг. Мне думается, что он продержался недолго»².

«...В апреле 1934 года в Хибины приехала съёмочная группа, чтобы снимать кинокартину “Семеро смелых”. В долине Кукисвум, в одном километре от нашего дома, построили маленькую деревянную избушку. Я бегала на лыжах смотреть на съёмки и перезнакомилась там со всеми артистами. Потом они замёрзшие приходили к нам, мама поила их горячим чаем с черничным и брусничным вареньем, и они долго сидели, отогреваясь; рассказывали о себе, расспрашивали о нашей жизни в снегах. При этом Олег Жаков был очень серьёзен, Пётр Алейников балагурил, а молодая красивая Тамара Макарова была оживлена, улыбалась и спрашивала маму: “Как же вы рискнули приехать с детьми в такую глушь?”»³

А вот другие исторически значимые события 1934 г. из истории «Тьетты», очевидцев которых уже не осталось: «Наступила осень. В середине сентября здесь (в том числе и в “Тьетте”) должен состояться Менделеевский конгресс. К нему тщательно и долго готовились: подбирали коллекции минералов, писали этикетки, раскладывали по лоткам, в холле развешивались демонстрационные таблицы и геологические карты, на которые я с любопытством взирала с балюстрады второго этажа. <...> И вот наступил торжественный день. Горная станция встречала именитых гостей. Среди них были: академик Владимир Иванович Вернадский, академик Николай Семёнович Курнаков, писатель Алексей Толстой и много других известных людей и учёных из Академии наук.

¹ Макарова Е.И. История Кольской базы АН СССР 1930-х гг. по архивным документам // «Тьетта», Международное периодическое издание ГИ КНЦ РАН и КО РМО (ISSN). Апатиты, 2009. № 1 (7). С. 16–17.

² Халезова Е.Б., Макарова Е.И., Шпаченко А.К. Люди там жили: «Тьетта» глазами её обитателей // Труды VI Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии. Апатиты, 18–19 мая 2009 г. Апатиты, 2009. С. 85.

³ Халезова Е.Б. Дорога длиной в жизнь. С. 106.

Часть гостей разместились в “Тьетте”, а часть – на турбазе ОПТЭ, и их привозили по утрам на заседания на машинах. Из Хибинского гортреста “Апатит”. Было поставлено много геологических докладов. Мама [И.Д. Борнеман-Старынкевич. – Е.М.] тоже делала доклад с демонстрационными таблицами о геохимическом изучении минералов Хибинского массива, в процессе которого тонкими химическими анализами был установлен ряд новых минералов, содержащих редкие земли. После окончания заседаний стол освобождался, накрывался белой скатертью, на которой появлялись разные вкусные блюда, и начинался пир. Ферсман на этих торжествах всегда был весел, много смеялся и острил»¹.

«...Запомнилось мне ещё одно событие, произошедшее то ли в марте, то ли в апреле этого [1934] года. Из далёкого Ловозера на двух оленьих упряжках к нам приехали лопари со своими домочадцами и привезли оленину, мороженую рыбу, меховые пимы и шапки с такими длинными ушами, что их можно было обмотать, как шарф, вокруг шеи. По дороге, на озере, они попали в полынью. Нарты ушли под воду вместе с завернутым в шкуры грудным ребенком. К счастью, рванувшие вперёд олени вытянули нарты, и ребёнок не успел захлебнуться. Кричащему малышу родители влили в ротик глоток водки, и он моментально уснул. Пока добрались до нас, прошло несколько часов. Малицы на взрослых и подростках были как ледяные панцири и стояли колом, шкуры, служившие одеялом маленькому, тоже. Усы и брови на обветренных красных лицах покрыты инеем, белки глаз кроваво-красные от яркого весеннего солнца. Их сразу провели на кухню, где жарко топилась плита. Там развернули ребёнка, растерли водкой, хлебнули её в изрядном количестве сами. Мать накормила младенца своим молоком. Они просушили свою одежду и все, к нашему удивлению, остались живы и здоровы. Прожили наши новые знакомые у нас два дня, и мы расстались с ними до будущего года»².

«В сентябре 1935 года мы должны уезжать из Хибин. ...Поезд на Ленинград отходил в пять часов утра. <...> Раздался звонок, и поезд тронулся. Прощайте, Хибины, сказочная страна моего детства...»³ «...Во время войны наш дом, наша незабываемая “Тьетта” сгорела. Позже, когда я студенткой была в Хибинах в экспедиции и мы шли маршрутом в северную часть массива на озеро Пайкуньявр, наш путь пролегал мимо Малого Вудъявра. На берегу, где некогда стояла красавица “Тьетта”, остался лишь фундамент, заросший травой и вереском. Я бродила

¹ Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь. С. 108.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 117.

по тому месту, где когда-то были лаборатории, прекрасный минералогический музей, богатая библиотека, наша детская, мамина комната, комната Ферсмана, а между ними – холл с высоким потолком, и тихо плакала горькими слезами...»¹

Сегодня, по словам губернатора Мурманской области Андрея Чибиса, «стратегическая повестка формируется именно в Арктике», и именно мы, россияне, должны быть лидерами и должны победить. «И побеждаем, в том числе благодаря заслугам предыдущих поколений. “На Севере – жить!” – это про победу, про то, что мы, как великая страна, могли и можем быть лидерами в мире и оказывать самое большое влияние на развитие Арктики», – сказал губернатор, выступая 30 июня 2020 г. на последнем звонке в формате онлайн перед школьниками «столицы» Северного флота – городе-герое Североморске². Подытоживая, следует отметить, что книга Е.Б. Халезовой являет собой яркий образец жанра мемуаристики, где события из жизни одного человека, вкрапленные в пышную крону целого генеалогического древа известнейшего из родов России, переплетаются с судьбами других россиян – учёных, общественных деятелей, простых соотечественников. И наиболее трогательно и своеобразно в этой книге описаны события «хибинской эпопеи» освоения минеральных богатств Кольского Севера глазами школьницы – четыре года из жизни на Севере, когда всё только начиналось...

¹ Халезова Е.Б. Дорога длиною в жизнь. С. 117.

² Андрей Чибис рассказал, как появился слоган «На Севере – жить!» // Мурманский вестник. 2020. 30 мая [Электронный ресурс] URL: <https://www.mvestnik.ru/newslent/andrej-chibis-rasskazal-kak-poyavilsya-slogan-na-severe-zhit/> (дата обращения: 09.07.2021).

ПАРЫГИНА Д.В.

Образ Арктики и Антарктики в дневниках
и воспоминаниях полярных исследователей
(по материалам фонда Президентской
библиотеки)

D. PARYGINA

The Image of the Arctic and Antarctic in the
Diaries and Memoirs of Polar Explorers (based
on the materials of the Presidential Library
Foundation)

Сведения об авторе:

*Парыгина Дарья Владимировна, главный библиограф отдела обслуживания
пользователей Президентской библиотеки (Санкт-Петербург)*

parygina@prlib.ru

Author:

*Darya Vladimirovna Parygina, Chief bibliographer of the User Service Department of
the President Library (St. Petersburg)*

parygina@prlib.ru

Аннотация

Президентская библиотека является одной из трёх национальных библиотек Российской Федерации. В её электронном фонде собраны документы по истории российской государственности, теории и практике права, а также русскому языку как государственному языку страны. Материалы фонда являются богатым источником для изучения различных аспектов развития страны в целом (исторических, географических, экономических, юридических и т. д.), а также её регионов, в том числе Арктики и Антарктики. Являясь важным социально-культурным центром, Президентская библиотека принимает активное участие в мероприятиях, связанных с изучением приполярных областей. Ежегодно в Президентской библиотеке проводится конференция-вебинар «День Арктики», которая является одним из ключевых научно-образовательных мероприятий, посвящённых развитию северных территорий.

Истории полярных исследований известны случаи гибели части экспедиции или даже всей экспедиции, когда об их судьбе становилось известно лишь по найденным позднее дневникам или отдельным записям. Огромное количество подобных исторических документов тщательно сохраняется в архивах библиотек и музеях всех стран. Фонды Президентской библиотеки не являются исключением, они также дают возможность ознакомиться с дневниками полярных путешественников и исследователей в электронном формате.

История полярных путешествий тесно переплетена с историей нашей страны. Для советских полярников и исследователей опыт зарубежных коллег был всегда полезен, были интересны и актуальны дневники, книги воспоминаний об их путешествиях. В современном мире, в эпоху цифровых технологий, важную роль играет удобство донесения информации до заинтересованной аудитории, особенно молодёжи. И поэтому возможность прочесть дневники знаменитых полярных исследователей в электронной библиотеке значительно расширяет горизонты знаний об Арктике и Антарктике, а также помогает в деле привлечения новых кадров для работы в полярных областях. Благодаря тому, что Президентская библиотека активно развивает сеть центров удалённого доступа к своим ресурсам, она предоставляет читателям возможность ознакомиться с уникальными материалами по Арктике и Антарктике во всех субъектах Российской Федерации и даже за рубежом.

Abstract

The Presidential Library is one of the three national libraries of the Russian Federation. Its electronic fund contains documents on the history of Russian statehood, the theory and practice of law, as well as the Russian language as the state language of the country. The foundation's materials are a rich source for studying various aspects of the development of the country as a whole (historical, geographical, economic, legal, etc.), as well as its regions, including the Arctic and Antarctic. Being an important socio-cultural center, the Presidential Library takes an active part in events related to the study of the circumpolar regions. Every year, the Presidential Library hosts the conference-webinar "Day of Arctic", which is one of the key scientific and educational events dedicated to the development of the northern territories.

The history of polar research has known cases of the death of part of the expeditions or even the entire expedition, when their fate became known only from diaries or individual records found later. A huge number of such historical documents are carefully preserved in the archives of libraries and museums of all countries. The collections of the Presidential Library are also no exception, which provide an opportunity to get acquainted with the diaries of polar travelers and researchers in electronic format.

The history of polar travel is closely intertwined with the history of our country. For Soviet polar explorers and researchers, the experience of foreign colleagues was always interesting, diaries and books of memories about their travels were interesting

and relevant. In the modern world, in the era of digital technologies, the convenience of delivering information to an interested audience, especially young people, plays an important role. And therefore, the opportunity to read the diaries of famous polar researchers in the electronic library significantly expands the horizons of knowledge about the Arctic and Antarctic, and can also help in attracting new personnel to work in the polar regions. Due to the fact that the Presidential Library is actively developing a network of remote access centers to its resources, it provides readers with the opportunity to get acquainted with unique materials on the Arctic and Antarctic in all regions of the Russian Federation and even abroad.

Ключевые слова:

Президентская библиотека, образы и исследователи Арктики и Антарктики, дневники, воспоминания.

Keywords:

Presidential Library, the images of the Arctic and Antarctic researchers, diaries, memoirs.

Полярный путешественник Роберт Пири однажды обмолвился фразой, хорошо понятной всем побывавшим на дальнем севере: «Каждый, кто посетил Север, заболевает неизлечимой полярной лихорадкой!» И действительно, большинство исследователей, хоть раз побывавших вблизи полюсов планеты, старались вернуться в эти удивительные края. Это были зачастую очень опасные путешествия.

Истории полярных исследований известны случаи гибели части экспедиции или даже всей экспедиции. Об их судьбе становилось известно лишь по найденным позднее – нередко на телах самих исследователей – дневникам или отдельным записям. Огромное количество различных исторических документов тщательно сохраняется в архивах библиотек и музеев всех стран. Не являются исключением фонды Президентской библиотеки, которые дают возможность ознакомиться с опубликованными дневниками полярных путешественников и исследователей в самом удобном современном формате – электронном. Освоение полярных стран – одна из интереснейших страниц истории географических открытий. Впечатления от первого лица, которыми и являются дневники исследователей, для обывателей зачастую носят характер приключенческого романа – опасное путешествие, манящее и пугающее, полное настоящего мужества и небывалых сложностей. Образ полярных стран в них всегда одинаков – суровый, но по-своему прекрасный край. В данной статье рассказывается о том, какими Арктику и Антарктику увидели те исследователи, чьи дневники представлены в фонде Президентской библиотеки.

Уникальная природа Арктической зоны издревле привлекала людей. Первопроходцы видели в ней казавшийся неиссякаемым источник пушнины и мяса. Сюда тянулись охотники, рыбаки, добытчики, желавшие быстро разбогатеть. Вместе с тем суровая, а иногда и просто неземная красота этих мест находила особый отклик в сердцах даже самых опытных и заядлых путешественников.

Многие исследователи писали в своих дневниках о том, что их поражало в окружавшем пейзаже. Например, в дневнике полярного исследователя, одного из основателей Национального географического общества (National Geographic) Адольфа Вашингтона Грили, «Три года в Арктике: 1881–1884», описывается впечатление, которое произвело на него и его отряд озеро Хейзен, расположенное далеко за полярным кругом на о. Элсмир. Грили писал, что перед путешественниками открылся вид, которого никто из них не смог бы забыть до самой смерти. Перед членами экспедиции «расстилалось обширное, скованное льдом озеро. Его снеговой покров искрился алмазной пылью на полуденном солнце... Вся эта картина... <...> ...отличалась торжественной красотой и производила глубокое впечатление»¹.

Зачастую арктическая природа удивляла исследователей совершенно неожиданными пейзажами. Юлиус Пайер в книге «725 дней во льдах Арктики» описывал, как в ходе австро-венгерской полярной экспедиции 1872–1874 гг., которая открыла Землю Франца-Иосифа, среди ледовых полей архипелага «...где-то в глубине нам навстречу засверкала бледно-зелёная лужайка... Это было в первый раз, и нам показалось, что мы находимся в Альпах, а не на восемьдесят первом градусе северной широты. Контраст стал ещё резче, когда туман совсем исчез и из-под него вдруг вынырнули забитые льдом проливы и белые айсберги»².

О другом острове, а именно об острове Генриетты, немного рассказывает Константин Сергеевич Бадигин в своих записках «Три зимовки во льдах Арктики». Константин Сергеевич был капитаном ледокольного парохода «Георгий Седов» во время его 27-месячного дрейфа. Когда судно проходило мимо острова Генриетты, «все любовались этой величественной каменной глыбой, рождённой силой вулкана среди льдов и мрака». И далее: «Эти чёрные базальтовые столбы, изъеденные водой и ветром, имели самые разнообразные, на редкость причудливые формы. Мы видели здесь стройные колонны, гигантские каменные зубчатые

¹ Грили А.В. Три года в Арктике: 1881–1884 / Пер. с англ. под ред. В.К. Есипова. Л., 1935. С. 105.

² Пайер Ю. 725 дней во льдах Арктики: австро-венгерская полярная экспедиция 1871–1874 / Пер. и ред. И. и Л. Ретовских. Л., 1935. С. 226.

башни, пирамиды. И над всем этим царил величественный белоснежный купол, линии которого терялись в светлом небе Арктики¹.

Часто авторы как бы оживляют окружавшую их природу, иногда наделяя её человеческими чертами характера. Так, для Николая Васильевича Пинегина в его «Записках полярника» словно ожил ледник профессора Попова на Новой Земле, вдоль которого проходил «Святой Фока» под командованием Георгия Седова в 1912 г.: «Чем ближе, тем красивее этот гигант. Я приблизился к нему метров на тридцать. Как раз мороз усилился, и гигант, сжимаясь от холода, хрустел и трещал, как живой²».

Лучшим временем на Крайнем Севере Пинегин называл июль: «Тогда уже нет разницы... <...> ...между ночью и днём. Солнце в полночь стоит высоко над горизонтом. <...> Всё меньше и меньше становится белых пятен в горах... <...> Только море одно ещё остаётся белым³». Такого же мнения придерживался океанолог Николай Николаевич Зубов в очерке «В центре Арктики». Он писал, что «в летнее время в высоких широтах дня нет. Есть длинное утро, переходящее в затянувшийся вечер⁴», и в этом для него и есть секрет очарования хороших дней в Арктике.

Красочные описания визитной карточки Арктики – северного сияния – присутствуют во многих дневниках и записках. Редко какой исследователь не восторгался им. Здесь авторы часто «соревновались» в поисках новых названий и ассоциаций для этого природного явления. Уже упомянутому ранее Н.В. Пинегину казалось, будто «кто-то невидимый трясёт огромную ленту или вымпел, а тот, дрожа и играя, мнётся, расправляется и сверкает разноцветно. Только верхняя часть по-прежнему серебристо-голуба, вся остальная ткань – из золота, а нижний край оторочен пурпуром⁵».

Михаил Константинович Розенфельд, советский писатель и путешественник, в своём документальном рассказе «Ледяные ночи» описывал северное сияние как зелёное пламя, ползущее по небу. Затем «огонь тускнеет, и весь Айсфиорд покрывается яркой синью. Синие ледники, синий лёд. Ярко-зелёное небо⁶».

¹ Бадин К.С. Три зимовки во льдах Арктики: Записки капитана о 27-месячном дрейфе ледокольного парохода «Георгий Седов» в Северном Ледовитом океане (1937–1940 гг.) / Науч. ред. проф. Н.Н. Зубова. [М.], 1950. С. 46.

² Пинегин Н.В. Записки полярника: [воспоминания о походах в Арктику в дореволюционное и советское время]. Архангельск, 1936. С. 105.

³ Там же. С. 293.

⁴ Зубов Н.Н. В центре Арктики: очерки по истории исследования и физической географии Центральной Арктики. М., Л., 1948. С. 311.

⁵ Пинегин Н.В. Указ. соч. С. 108.

⁶ Розенфельд М.К. Ледяные ночи: документальный рассказ журналиста, участника необычайного путешествия в зимнюю Арктику. 2-е изд. [М.], 1934. С. 100.

Путешественники часто восторгались обилием красок Арктики, которая многим не бывавшим там казалась просто бескрайней белой пустыней. Харальд Ульрик Свердруп, норвежский океанограф и метеоролог, который в 1931 г. совместно с Хьюбертом Уилкинсом принял участие в неудавшейся экспедиции в Арктику на подводной лодке «Наутилус», писал в своих воспоминаниях о необыкновенных красках на северном побережье Шпицбергена: «...один ледник переходил в другой, весь в синих гранях на фоне зелёной воды, а между белыми ледниками возвышались потухшие чёрные конусы вулканов. На другом же берегу бухты горели в солнечном закате розовым светом горы из песчаника»¹. Он отмечал, что такие краски он видел «раньше всего лишь один раз – в Большом каньоне в Колорадо, но краски на Шпицбергене были гораздо мягче, гораздо нежнее»².

Настоящим живым символом Арктики является белый медведь. Он занесён в Международную Красную книгу и в Красную книгу России. С этими могучими хищниками в дневниках и воспоминаниях полярных исследователей связано множество рассказов – и смешных, и трагических. Взрослые особи становились добычей охотников, а вот медвежат часто оставляли при экспедициях. Иногда из этого получались совершенно удивительные истории. Как, например, история медвежонка, рассказанная Владимиром Юльевичем Визе в его книге «На “Сибирякове” в Тихий океан». Когда пароход подошёл к кромке первого льда, там их поджидала медведица с медвежонком, «точно гостеприимная хозяйка своих гостей». Медведицу застрелили, а за пойманным медвежонком принялся ухаживать бортмеханик Игнатьев, «который и в течение всего дальнейшего плавания заменял бедному зверю мать, отдавая полностью свой паёк консервированного молока»³. Этого медвежонка ожидала особенная судьба: когда «А. Сибиряков» прибыл в Японию, экспедиция подарила зверя императору. Владимир Юльевич, однако, в своих воспоминаниях выражал сомнения, что «пышная жизнь при императорском дворе пришлась мишке по вкусу, и, наверное, он предпочёл бы ей скромную участь бродяги ледяных пустынь»⁴.

Во время экспедиции Георгия Седова, описанной в «Записках полярника», Н.В. Пинегин отметил, что медвежата очень смышлёные, и их начали приучать к упряжке. Николай Васильевич даже писал, что «медвежата уже вполне освоились с упряжью; можно считать, мы неожиданно получили новый вид домашнего животного»⁵. Обычно на нарту кла-

¹ Свердруп Х.У. Во льды на подводной лодке / Авториз. пер. с норвеж. М.А. Дьяконова; с предисл. проф. В.Ю. Визе. Изд. 3-е. Л., 1934 [на обл. 1933]. С. 61.

² Там же.

³ Визе В.Ю. На «Сибирякове» в Тихий океан. Л., 1934. С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Пинегин Н.В. Указ. соч. С. 138.

лось до 100 килограммов дров, и медвежата без особенного напряжения справлялись с таким грузом.

Автор особо отмечал острый ум не только медвежат, но и взрослых медведей, которые ловко обходили ловушки охотников. Так, Пинегин приводит случай, когда ловушка с угощением в ней осталась нетронутой, тогда как вокруг неё виднелись в большом количестве следы медвежьих лап. Автор писал: «Видимо, мишка долго ходил, дивясь человеческой хитрости, но не поддался искушению закусить бутербродом с ворванью и ушёл, бормоча: “Поищите дураков попроще!”»¹

Медвежата становились, по сути, настоящими членами экспедиций, и их даже спасали вместе с экипажем. К.С. Бадигин в записках «Три зимовки во льдах Арктики» рассказывал, как в 1937 г. «Садко» отправился на помощь гидрографическому судну «Хронометр», которое потерпело серьёзную аварию у мыса Борхая. Когда катер со спасёнными подошёл к «Садко», то среди людей оказались и животные: «...рядом с маленькими щенками сидел крохотный белый медвежонок, ростом не больше дворовой собаки. Слово соображая всю серьёзность происходящего вокруг, медвежонок вёл себя очень смиренно, как и подобает спасённому пассажиру. Медвежонок, пойманный во время охоты, принадлежал одному из научных работников... <...> ...звали медвежонок Машкой, и было ему от роду всего месяца три»². Медведица прожила на «Садко» до апреля 1938 г., но весной она начала буяннить на строительстве аэродромов, и её пришлось застрелить.

Льды Арктики заслужили отдельного упоминания в дневниках каждого полярного исследователя. Тем, кто бывал на Севере часто, свои же дневниковые записи помогали сопоставлять ледовую обстановку в разные годы, планировать маршруты будущих экспедиций с учётом этих записей. Так поступал В.Ю. Визе. В книге «На “Сибирякове” в Тихий океан» он упоминал, что для того, чтобы возобновить в памяти условия плавания в 1930 г. в тех же водах, он достал свой старый дневник: «Какие две противоположные картины! Там, где “Седов” в 1930 году с трудом прокладывал себе путь среди льдов, “Сибиряков” шёл теперь по чистой воде, точно он находился где-нибудь в Белом море, а не на краю ледовитого Карского моря»³.

В дрейфе суда познавали всю силу, всю мощь окружавших их ледяных пространств. «Постоянные сжатия, сопровождаемые ужасным грохотом, страшным треском и глухим рычанием, дрожание судна, которое

¹ Пинегин Н.В. Указ. соч. С. 289.

² Бадигин К.С. Указ. соч. С. 54.

³ Визе В.Ю. Указ. соч. С. 67.

напоминало трепет парового котла под сильным давлением», – так это описано Юлиусом Пайером в книге «725 дней во льдах Арктики». Автор писал, что команду охватил ужас, когда они почувствовали «свирепую силу нападения», а «в десяти шагах от кормы лёд поднялся до высоты горы»¹.

Яков Исаакович Кальницкий, советский писатель и публицист, в своём очерке «Огни в Арктике: рассказ о первом в истории зимнем походе “Красина” к “Мысу желания”» рассуждал о том, на что похож полярный лёд, о том, что многие писатели сравнивают льдины с лебедями, замками, даже с бабочками. Для него же лучшим образом остался сам лёд: «Льдины были ледяные, такие, какие бывают на большой реке во время ледохода»².

Исследователи также знакомили читателя с «ледяной терминологией». Часто в книгах встречаются почти ежедневные описания ледовой обстановки и термины, которыми называются отдельные льдины. Подробно об этом писал в воспоминаниях «Записки челюскинца» Пётр Семёнович Буйко: «Сколько названий впервые входят и закрепляются в голове! Торосы, ропаки, стамухи, шуга, фирн, айсберги... Все эти ледяные уроды начинают оживать в моих глазах. Они имеют имена... Вот эти пластины, верхними краешками встретившиеся и поддерживающие друг друга, – это торосы. Они родились от сжатия. А вот это ропок... Это просто ледяной пудель на задних лапах. Он был частью большого поля, его откололо, вывернуло наверх. Так он и закрепился»³.

В дневниках полярных исследователей можно найти описания различных природных явлений, происходивших на их глазах во время экспедиций. Упоминание об одном таком явлении есть в воспоминаниях советского полярного исследователя Рудольфа Лазаревича Самойловича «Во льдах Арктики. Поход “Красина” летом 1928 года». Во время похода, 6 июля, с 2 часов дня участники наблюдали интересное явление: ложное солнце и околосолнечный круг. В книге говорится: «Сначала над солнцем появился большой круг радуги с центром в зените, потом стали вырисовываться отрезки дуги радуги такого же радиуса слева и справа от солнца, причём на правой дуге обозначилось через 27 минут ложное солнце одинаковой величины с настоящим... Всё это явление продолжалось свыше двух часов»⁴.

Также Рудольфом Лазаревичем подробно описано явление атмосферной рефракции в Арктике. Он писал: «Обычно это интересное явление

¹ Пайер Ю. Указ. соч. С. 92.

² Кальницкий Я.И. Огни в Арктике: рассказ о первом в истории зимнем походе «Красина» к «Мысу желания». Изд. 2-е. [Харьков], 1935. С. 85.

³ Буйко П.С. Записки челюскинца. [Л.], 1934. С. 26.

⁴ Самойлович Р.Л. Во льдах Арктики. Поход «Красина» летом 1928 года. Л., 1934. С. 126–127.

выражается в том, что острова, горы, корабли представляются в опрокинутом виде. Вследствие рефракции часто можно видеть сушу за много десятков миль именно потому, что она как бы приподымается и становится видимой»¹. Автор описывал, как увидел, что крутые скалы берегов острова Нельсона, которые заканчивались высокой призмой, стали как бы расти вверх, а усечённая пирамида, на которую как бы была насажена призма, начала разрастаться вширь. Больше чем вдвое увеличился этот остров в своём размере, потом постепенно снова стал снижаться и принял прежние свои очертания.

Советский лётчик Михаил Васильевич Водопьянов, чей самолёт доставил группу Ивана Дмитриевича Папанина на первую дрейфующую станцию «Северный полюс», в своей книге «К сердцу Арктики» писал про Север так: «Удивительная страна... Здесь нельзя верить собственным глазам»². Связано это также с рефракцией. Далее автор рассказывал, как, благодаря этому явлению, они по ошибке приняли волнистый, свободный от снега ледник соседнего острова за волны открытого моря.

Подготовка экспедиции на Север и предвидение всяких обстоятельств в этот период почти на сто процентов гарантируют успех экспедиции – так указывал Фритъоф Нансен. Однако иногда обстоятельства бывают сильнее любых прогнозов. Один такой случай описывал В.Ю. Визе: «Как... можно было учесть, что железнодорожные умники перепутают Архангельск с Астраханью и направят заказанные нами в Одессе овощи на Каспий? А без овощей в Арктику не пойдёшь! Изволька выкарабкиваться из этого положения в Архангельске, где в июле своих овощей почти не бывает!»³

Но любая экспедиция – это прежде всего люди. О мужестве полярников сказано немало хвалебных слов, тем более интересно читать о том, как они сами описывали все те трудности, с которыми пришлось столкнуться. В уже упомянутой книге «Три года в Арктике» А.В. Грили описана экспедиция по программе Первого международного полярного года на север Канадского Арктического архипелага. Из-за сложной ледовой обстановки в проливе Кеннеди летом 1882 и 1883 гг. суда поддержки не смогли дойти до научной станции Форт-Конгер. В надежде на спасение им пришлось самостоятельно пробираться на юг, а затем при крайне скудных запасах продовольствия провести вынужденную зимовку на острове Пим, во время которой от голода и истощения погибли 18 из 25 участников экспедиции. Семь выживших, в том числе руководитель экспедиции,

¹ Самойлович Р.Л. Во льдах Арктики. Поход «Красина» летом 1928 года. Л., 1934. С. 225.

² Водопьянов М.В. К сердцу Арктики. Л., 1939. С. 35.

³ Визе В.Ю. Указ. соч. С. 7.

были спасены 22 июня 1884 г. В книге примечательны такие дневниковые строки: «Барометр разбился, когда мы перебрались на холм, и это большая неудача, ибо я надеялся, что наблюдения будут продолжаться, пока не умрёт последний из нас... Как мы ещё живы – я не знаю. Быть может, живём только потому, что твёрдо решили жить»¹.

Именно сила духа и беспрекословная вера в свою мечту, в поставленную задачу зачастую оставались тем единственным, что двигало экспедиции вперёд, когда ресурсы были уже на исходе. Так можно сказать и об экспедиции Георгия Седова, описанной Н.В. Пинегиным в «Записках полярника». Автор писал, что в последние дни перед выходом Седова в сторону полюса он несколько раз начинал разговор о предстоящем походе и о возможности отложить его на две, на три недели: «...Седов слушал мои доводы не перебивая. Потом долго думал и произнёс: “Всё это так, но я верю в свою звезду”². 20 февраля 1914 г. из-за прогрессирующей болезни Георгий Яковлевич скончался среди льдов возле острова Рудольфа, так и не дойдя до Северного полюса.

Во время же Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г., по описанию её участника Александра Александровича Быкова в заметках, озаглавленных «За полярным кругом», с каждым днём похода люди всё больше приближались к своему первообразу – человеку доисторических времён. Так, например, ежедневное умывание было вскоре признано «ни к чему не ведущей роскошью»³, культурные привычки не то забывались, не то становились совершенно излишними – участники быстро привыкли обходиться без помощи вилок.

Всегда была актуальна проблема нехватки людей на полярных станциях в Арктике. Ясна и незаменимость тех, кто многие годы посвящал себя этому ежедневному труду. М.В. Водопьянов в книге «К сердцу Арктики» упоминал о супругах Позныш, которые вели метеорологические наблюдения в бухте Тихой. «В любую погоду, когда светит солнце, или метёт пурга, или свирепствует шторм, – каждый час нужно побывать на метеостанции, записать показания приборов, составить сводку и передать её радисту. Два человека целый год несут круглосуточную вахту. И полярники не помнят случая, чтобы очередную сводку отправили на материк с опозданием»⁴.

Недостаток людей на Севере всегда ощущался остро. Об этом говорит в своём рассказе «Огни в Арктике» Я.И. Кальницкий. Он даже писал так:

¹ Грили А.В. Указ. соч. С. 319.

² Пинегин Н.В. Указ. соч. С. 170.

³ Быков А.А. За полярным кругом: путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г.: (продолжение) [Архангельск, 1910. Отд. отд.]. С. 1.

⁴ Водопьянов М.В. Указ. соч. С. 44.

«Летом на скалах птичьи базары: пух, яйца, мясо, гуано... <...> Рабочих рук нет... <...> Как же соберёшь, если на всём острове... <...> ...у нас около трёхсот человек населения. В Москве в одном трамвае больше людей, чем у нас на Новой Земле¹».

Значительная удалённость полярных станций от цивилизации также приводила к запустению на них. Во время плавания по трассе Северного морского пути на «Сибирякове» В.Ю. Визе посетил Ляховскую станцию. В своей книге «На “Сибирякове” в Тихий океан» он описывал станцию: «...напомнила... <...> ...покинутые зимовья иностранных экспедиций на Земле Франца-Иосифа – тот же беспорядок, та же мерзость запустения... <...> Некоторые приборы испорчены и не работали... <...> Одна из основных задач станции – обслуживание плавающих судов – не выполнялась вовсе. На наш вопрос, почему станция не отвечала на вызовы “Сибирякова”, радист недоумённо спросил: “А разве надо было слушать?” Этот радист был большой оригинал»².

Арктика – это люди, которые в ней работают. И о том, какими качествами должны обладать участники экспедиций, как нельзя лучше рассказал Харальд Свердруп в своих воспоминаниях «Во льды на подводной лодке». Одного из участников экспедиции – учёного Филлингера – он описывал как искусного врача, обладавшего также способностями заниматься исследованиями, лежащими совершенно вне пределов его специальности, и выполнять их добросовестно и тщательно. Автор писал: «Он (Филлингер. – Д.П.) обладает особой способностью видеть, где ему можно приложить свою руку, и нуждается только в намёке, чтобы помочь именно там, где это требуется. А если он не в состоянии оказать полезным, то умеет оставаться в тени. Таким и должен быть участник экспедиций»³.

Анатолий Николаевич Золотов, арктический гидролог и почётный полярник, писал в своей книге «Три зимовки в Арктике», что для работы в Арктике недостаточно только теоретической подготовки и что нужно быть «готовым ко всяким неожиданностям, уметь предвидеть возможные осложнения, а главное – уметь найти самостоятельный выход из всякого трудного положения»⁴.

В дневниках полярных исследователей можно увидеть образ Арктики как могущественной силы, которая не прощает ошибок. Описания спасения экспедиций показывают, как невероятно трудна эта задача. Одно из таких описаний Р.Л. Самойловича можно найти в книге «Во льдах

¹ Кальницкий Я.И. Указ. соч. С. 91.

² Визе В.Ю. Указ. соч. С. 144.

³ Свердруп Х.У. Указ. соч. С. 85–86.

⁴ Золотов А.Н. Три зимовки в Арктике. М., Л., 1940. С. 5.

Арктики». Автор рассказывал, что до самого горизонта, сколько видел глаз, были ледяные поля, освещённые ярким, но не греющим солнцем, и эти холодные оковы спасательная экспедиция должна была «разбить, искромсать и проложить себе дорогу к небольшой кучке людей, которая в течение многих дней упорно выстукивает продрогшими руками “Спасите наши души”»¹.

Ещё в начале исследований, узнав природу Арктики и поняв, что обычными средствами передвижения в сердце её не проникнуть, человек стал изыскивать новые методы. Стоит заметить, что каждый раз, когда исследователь выдвигал новый метод проникновения в глубь Арктики, он подвергался самому резкому осуждению не только со стороны «широкой публики», но в ещё большей мере со стороны лиц, хорошо знакомых с исследованием полярных стран. Например, проект Фритюфа Нансена достигнуть высоких широт на дрейфующем судне был авторитетными лицами назван «бессмысленным проектом самоубийства»². Позднее были созданы мощные ледоколы, которые стали настоящим прорывом в арктических плаваниях.

Однако иногда попытки человека подчинить себе Север с помощью ледоколов приводили к тому, что могучие корабли приходилось срочно спасать из ледяных ловушек. В документальном рассказе «Ледяные ночи» об экспедиции по спасению севшего на мель ледокольного парохода «Малыгин» М.К. Розенфельд делился своими ощущениями от лицезрения этой печальной картины, о том, как «захлебнувшийся корабль лежал в хаосе льда». Он писал далее, что, добравшись до «Малыгина», экипаж обходил заледеневшее судно в тишине: «так люди ходят по старому кладбищу», а «внизу, где находились каюты, в темноте, как в бездне, глухо билась вода»³. 24 марта 1933 г. после заделки пробоин «Малыгин» был снят с камней.

В фонде Президентской библиотеки хранятся также издания дневников, воспоминаний и трудов антарктических исследователей. Здесь остановимся подробно только на двух из них, наиболее знаковых с точки зрения покорения Южного полюса, – на дневниках Руала Амундсена и Роберта Скотта. Знаменитая гонка к полюсу, окончившаяся так удачно для норвежской экспедиции и так трагически для английской. В дневниках обоих исследователей можно найти ответ на вопрос, почему же так получилось: у Амундсена имелись точный расчёт сил и средств и жёсткая установка на успех; у Скотта можно увидеть отсутствие чёткого плана

¹ Самойлович Р. Л. Указ. соч. С. 123.

² Свердруп Х. У. Указ. соч. С. 3.

³ Розенфельд М. К. Указ. соч. С. 41–42.

действий и ошибку в выборе транспорта. Как следствие, Скотт возвращался в феврале – марте, то есть в начале антарктической осени, с более низкими температурами и метелями. Именно из-за сильнейшей восьмидневной метели Скотт с товарищами не смог пройти последние 11 миль до склада с продовольствием и погиб.

Про переменчивую погоду пишет Амундсен в своих воспоминаниях «Завоевание Южного полюса»: «...снег падал сверху вниз и вздымался ветром снизу вверх, ослепляя нас совершенно. Вьюга была так сильна, что с последних саней мы с трудом различали первые»¹. Вместе с тем автор искренне восторгался этим прекрасным и диким пейзажем. Гору Хельмера Хансена он описывал так: «...вершина была круглая, как опрокинутая чашка, с замечательной ледяной корой, то есть ледником, таким изорванным и растреснутым, что ледяные глыбы торчали во все стороны, как иглы ежа»².

Для Роберта Скотта, в его дневнике, погода Антарктики была полна вьюг и метелей. Он писал, что, когда шёл мелкий, как порошок, снег, было «довольно простоять две минуты, чтобы запорошило всего с головы до ног»³. Даже сам стиль повествования у Скотта и Амундсена сильно различается: на страницах дневника Скотта иногда явно прослеживается уныние, граничащее с отчаянием. Например, во время четырёхдневной метели, задержавшей экспедицию по пути к полюсу, он писал: «Скверно; невыносимо скверно... Одолевают полная безнадёжность, против которой тщетно борешься. Чудовищное терпение нужно в таких условиях!»⁴

Необычные явления южнополярных широт встретились обоим путешественникам. Например, Амундсен писал, что в дни больших морозов экспедиция заметила необычное явление: «...необыкновенно тонкий снег скатывался и образовывал небольшие цилиндрические тела в 3 см окружности и длины. Эти тела катились по поверхности, как колёса, собирались в кучи и снова катились дальше. Они не имели веса, и, когда мы сжимали их в руке, от них ничего не оставалось. При 40 градусах мороза они исчезли»⁵.

Для Скотта необычным явлением стал световой эффект, который он заметил, гуляя днём: «...полная луна ярко светила со стороны, как раз противоположной блеснувшим сумеркам, и ледяные горы освещались с одного бока бледно-жёлтым её светом, с другого – ещё более бледным

¹ Амундсен Р. Завоевание Южного полюса: Норвежская экспедиция на Фраме 1910–1912 гг. / Пер. Е.В. Александровой. [М.], 1924. С. 232.

² Там же. С. 283.

³ Скотт Р. Дневник капитана Р. Скотта / Пересмотр. и доп. пер. с англ. З.А. Рагозиной. Л., 1934. С. 300.

⁴ Там же. С. 301

⁵ Амундсен Р. Указ. соч. С. 226.

белым дневным светом, распространявшим холодный, зеленовато-голубоватый оттенок: получался контраст поразительной красоты»¹.

Амундсен писал в книге и о тех качествах, которые он ценит в своих спутниках: «мужество и отвага без всякого хвастовства, без высоких слов»². Эти качества объединяли участников двух разных экспедиций. Дневник Скотта в чуть большей степени является описанием тех мучений, которые выпадают на долю полярного путешественника, как в Арктике, так и в Антарктике. Вместе с тем это не просто описание трудностей, а показ того, как боролись с ними по-настоящему мужественные люди.

Примечательно то, как оба руководителя экспедиций описывали своё прибытие к полюсу. Ведь, казалось бы, победа в этой гонке норвежцев должна была обрадовать Амундсена, однако он писал, что не может сказать, будто стоит у цели всей своей жизни, а вернее, что, «пожалуй, никогда ни один человек не был так далёк от неё». И далее: «Я, который с детства мечтал о Северном полюсе, – я очутился на Южном – можно ли вообразить что-нибудь более противоположное?»³

Когда Скотт подошёл к Южному полюсу и увидел там следы пребывания норвежцев, он с горькой обидой написал о посрамлённом «бедном» английском флаге: «Ужасное разочарование, и мне больно за моих верных товарищей... <...> Конец всем нашим мечтам»⁴. Для Скотта и его спутников достижение полюса норвежцами до прихода туда англичан – это удар, роковой удар, от которого участники экспедиции не могли оправиться. Последняя запись в дневнике Скотта: «Ради бога, не оставьте наших близких»⁵. Палатка с телами погибших англичан была найдена спустя восемь месяцев.

В фондах Президентской библиотеки хранятся книги по истории России, теории и практике российской государственности. История полярных путешествий тесно переплетена с историей нашей страны. Для советских полярников и исследователей опыт зарубежных коллег был всегда интересен, и были интересны и актуальны дневники, книги воспоминаний об их путешествиях. В современном мире, в эпоху цифровых технологий, важную роль играет удобство донесения информации до заинтересованной аудитории, особенно молодёжи. И поэтому возможность прочесть дневники знаменитых полярных исследователей в электронной библиотеке значительно расширяет горизонты знаний об Арктике и Антарктике, а также помогает в деле привлечения новых кадров для работы в полярных областях.

¹ Скотт Р. Указ. соч. С. 233.

² Амундсен Р. Указ. соч. С. 273.

³ Там же. С. 300.

⁴ Скотт Р. Указ. соч. С. 340.

⁵ Там же. С. 380.

ТРЕТЬЯКОВА С.Н.

Новоземельская экспедиция 1909 г.
по запискам фотографа А.А. Быкова

S. TRET'YAKOVA

Novaya Zemlya Expedition (1909)
by Photographer A.A. Bykov`s Notes

Сведения об авторе:

Третьякова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского арктического центра МО РФ (Северодвинск)
swetsn@mail.ru

Author:

Svetlana Nikolaevna Tretyakova, Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Research Arctic Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Severodvinsk)
swetsn@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты экспедиции на Северный остров Новой Земли в 1909 г. Исследование острова было необходимо для дальнейшего освоения архипелага и прекращения норвежского браконьерства. Источником послужили записки участника экспедиции А.А. Быкова, задачей которого было осуществление фотосъёмки. Основное внимание он уделил бытовой стороне экспедиционной жизни. Повседневность у него сочетается с поэтическим описанием безлюдного острова. По итогам экспедиции Быков выступил с докладом о фотографических работах.

Abstract

An article examines Novaya Zemlya expedition in 1909. Exploration of the northern island was necessary for future development of Archipelago. Notes of photographer A.A. Bykov are used to discover some aspects of this expedition – everyday life and desert island nature. Afterwards Bykov made report about photographic survey during expedition.

Ключевые слова:

Арктика, Новая Земля, экспедиция, фотография, А.А. Быков, В.А. Русанов.

Keywords:

the Arctic, Novaya Zemlya Archipelago, expedition, photography, A.A. Bykov, V.A. Rusanov.

В 1909 г. архангельский губернатор И.В. Сосновский обратился к А.В. Кривошеину, возглавлявшему Главное управление земледелия и землеустройства, с просьбой снарядить экспедицию по изучению Северного острова Новой Земли. Обосновывая необходимость такой экспедиции, он указывал, что на Северном острове нет ни одного русского поселения, он лишён надзора со стороны русских властей. Чтобы положить предел хищническому хозяйничанью норвежцев на Новой Земле и предупредить возможность полного захвата иностранцами Северного острова, необходимо было безотлагательно приступить к исследованию этого острова, расширить новоземельскую колонизацию, усилить охрану наших северных территориальных вод. Он предлагал, «не прибегая к дорогостоящей экспедиции научного характера», снарядить на летний период небольшую партию из 2–3 человек, которых «нетрудно выбрать среди находящихся в архангельской ссылке лиц с высшим специальным образованием». Стоимость он определял в 2–3 тыс. руб. Не претендуя на серьёзное научное значение, такая небольшая экспедиция могла бы собрать весьма ценный материал и для решения вопроса о выборе места под новое становище, и для выработки подробного плана дальнейших исследований этого острова¹. На экспедицию выделили 2 тыс. руб.

Сосновский также обращался в Морское министерство с просьбой о проведении гидрографических исследований в Крестовой губе, чтобы сюда могли заходить пароходы Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства. Однако Морское министерство отказало в содействии, так как пароход «Пахтусов» был занят работами на Мурмане. Возложить же на транспорт «Бакан» задачу обследования столь отдалённой Крестовой губы «не признано возможным по состоянию его котлов, требующих замены новыми»². Заметим, что просьба была удовлетворена в следующем году и в Крестовую губу был направлен штабс-капитан Г.Я. Седов.

Задачи экспедиции ставились следующие: обследовать Крестовую губу и выбрать место для новой колонии; отыскать удобный и кратчайший

¹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 631. Л. 11–12.

² Там же. Л. 4.

проход из Крестовой губы к Незнаемому заливу (Карское море); отыскать залежи угля. Указывалось, что задачи экспедиции должны носить главным образом практический характер. Также надлежало, если представится возможным, обследовать всё береговое пространство Баренцева моря от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства. На экспедицию также возлагалось «собрание сведений об эксплуатации Северного острова Новой Земли норвежцами и их поселениях»; сроки работ определялись в период между первым и вторым рейсом парохода Мурманского товарищества на Новую Землю¹.

Договор от 1 июля 1909 г. был подписан, с одной стороны, архангельским губернатором И.В. Сосновским и, с другой, «студентом Парижского университета В.А. Русановым, провизором К.А. Лоренцом и сыном доктора философии Юлием Васильевичем Крамером». Все члены экспедиции снабжались за счёт казны всем необходимым «в границах отпущенных денежных средств для производства работ». Крамер и Русанов получали за свой труд по 300 руб. каждый, Лоренц – 120 руб. Крамер и Русанов были обязаны представить губернатору не позднее 15 октября подробные отчёты о работах экспедиции, за что должны были получить ещё по 50 руб.²

В экспедиции также приняли участие младший чиновник особых поручений при архангельском губернаторе Павел Александрович Галахов и фотограф-любитель Александр Александрович Быков. Таким образом, в состав экспедиции входили пять человек, на Новой Земле к ним присоединились два проводника. Продлилась экспедиция два месяца, выполнив поставленные задачи.

Наиболее известным из участников экспедиции является, конечно же, геолог Владимир Александрович Русанов, специально приглашённый Сосновским. Можно встретить утверждения, что именно он возглавлял эту экспедицию и что ему принадлежала главная роль. Не будем спорить в отношении последнего, он действительно разработал подробную программу экспедиции³. Но заметим, что у каждого из членов были свои конкретные функции. Кроме того, Русанов участвовал в пяти экспедициях на Новой Земле, поэтому иногда экспедицию 1909 г. «забывают» или путают с другими. Также сложилось мнение, что данная экспедиция не была значимой, что, вероятно, объясняет незначительное число публикаций по этой теме.

Другие участники тоже заслуживают внимания, но о них известно не так уж много. Юлий Васильевич Крамер – бывший студент

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 631. Л. 27 и об.

² Там же.

³ Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М., Л., 1945. С. 34.

Московского политехнического института, отбывший в Архангельске два года ссылки, отличался безукоризненным поведением, посвящая всё время научной работе¹. В экспедиции он выполнял обязанности топографа. Почему именно он, а не опытный Русанов стал во главе, трудно сказать. Видимо, архангельские власти не сочли удобным назначить начальником человека, живущего во Франции. Но уже в следующем году Русанов возглавил экспедицию на Новую Землю.

О провизоре Архангельской больницы Карле Александровиче Лоренце, который в экспедиции был ботаником и препаратором, известно благодаря публикациям его сына².

Деятельности экспедиции посвящён первый выпуск «Материалов по исследованию Новой Земли»³, в котором были помещены несколько отчётов. Главный отчёт («Обзор деятельности Новоземельской экспедиции 1909 г.») не имел указания на автора. Большинство исследователей считает, что он принадлежит Русанову. Им же написаны «Опись берегов и внутренних частей от полуострова Адмиралтейства до Крестовой губы и от последней до Незнаемого залива» и «О полезных ископаемых на Новой Земле». Эти отчёты вошли также в издание, в котором собрано литературное наследие полярного исследователя⁴.

Дополнением могут служить записки Александра Александровича Быкова. Известно, что он родился в 1881 г. в купеческой семье Александра Алексеевича Быкова. Был одним из создателей фотографического общества в Архангельске, его казначеем⁵. Также был действительным членом Архангельского общества по изучению Русского Севера (АОИРС). Когда И.В. Сосновский обратился к архангельскому фотографическому обществу с предложением командировать кого-либо из числа его членов – фотографов-любителей в экспедицию, но расходы взять на себя, Быков, будучи туристом, любителем суровой северной природы и страстным охотником, не смог удержаться от такого соблазна и изъявил желание⁶.

¹ Попов Г.П. Губернаторы Русского Севера. Архангельск, 2001. С. 415.

² Лоренц Г.К. Аптекарь Карл Лоренц // Известия Русского Севера. 2016. № 1–2. С. 79–83; Лоренц Г.К. Новоземельская экспедиция 1909 г. В.А. Русанова и участие в ней архангелогородцев // Поморский летописец. Архангельск, 2002. Вып. 1. С. 147–151; и др.

³ Материалы по исследованию Новой Земли / Под ред. И.В. Сосновского. СПб., 1910. Вып. 1. VIII, 123 с.

⁴ Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М.–Л., 1945. 425 с.

⁵ Санакина Т.А. Учредители Архангельского фотографического общества // Северные родословия. Вып. 2. Архангельск, 2008. С. 248–249.

⁶ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия Архангельского общества по изучению Русского Севера (далее – Известия АОИРС). 1910. № 16. С. 30.

Есть свидетельство английского путешественника С. Грэхема, который встречался с Быковым спустя год после экспедиции. Вместе с художником В.В. Переплётчиковым он посетил дом Быкова на Троицком проспекте. Он описывал хозяина как низкорослого, коренастого человека с узким нахмуренным лбом и выступающими глазами. Гостей провели в большую мрачную комнату, где царил охотничий дух. В глаза сразу бросился большой бурый медведь. На стене – длинные и короткие ружья, пистолеты, ножи. На полу – шкуры. Вместе они просмотрели несколько сотен фотографий, главным образом Новой Земли, снега, самоедов и медведей. Грэхем охарактеризовал его как очень интересного, всестороннего человека. Всё лето, по его словам, он сидит за прилавком большого магазина тканей, а зимой охотится на медведей. Он отличный фотограф, работает даже с цветной фотографией. Выписывает несколько журналов. Видимо, имея хорошие отношения с губернатором, Быков позвонил ему и попросил для англичанина, который отправлялся в путешествие по Северу, специальное письмо. «Его внешность неприветливая, но характер – чистое золото», – заключил Грэхем свой рассказ о Быкове¹.

Записки Быкова «За полярным кругом» были напечатаны в 10 номерах «Известий Архангельского общества по изучению Русского Севера» за 1910–1911 гг.² Дневник является хорошим дополнением к официальным материалам, даёт возможность взглянуть на экспедицию «изнутри». Повествование сопровождалось авторскими фотографиями, также он использовал снимки, сделанные Русановым. Видимо, из-за того, что продолжение печаталось с перерывом, в номерах за 1911 год экспедиция ошибочно именовалась «Новоземельской правительственной экспедицией 1910 г.», что привело к очередным ошибкам, встречающимся в литературе. Публикация записок не была завершена.

Это были «путевые заметки», как их охарактеризовал сам автор, рассказ человека северного, опытного охотника (чувствуется практический подход), которому не чуждо поэтическое восприятие суровой, неприветливой, на первый взгляд, арктической природы. В повествовании Быкова можно выделить несколько тем: сама экспедиция и экспедиционный быт, самоеды, собаки, описание природы.

Экспедиция отправилась из Архангельска вечером 4 июля 1909 г. на пароходе «Королева Ольга Константиновна» (в обиходе пароход называли просто «Ольга») Товарищества Архангельско-Мурманского

¹ Graham S. Undiscovered Russia. L., 1912. P. 19–20.

² Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 16. С. 29–45; № 18. С. 23–33; № 19. С. 18–28; № 20. С. 36–48; № 21. С. 44–57; № 22. С. 47–61; № 23. С. 47–67; 1911. № 14. С. 117–123; № 17. С. 435–443; № 19. С. 604–609.

Рис. 1. Члены экспедиции на Новую Землю во главе с Русановым на пароходе «Королева Ольга». 1909 г. Слева направо: Ю.В. Крамер, В.А. Русанов, П.А. Галахов, А.А. Быков, К.А. Лоренц. Фотография А.А. Поплавского. Из фондов ГААО

пароходства (рис. 1). На борту присутствовало много промышленников и туристов (охотники, учёные, художник С.Г. Писахов), а также губернатор И.В. Сосновский, пожелавший лично познакомиться с далёкой окраиной обширной губернии. 7 июля бросили якорь в Поморской бухте Маточкина Шара. Не будем останавливаться на описании естественной радости местных жителей – самоедов (ненцев) по случаю прибытия судна, которого они ждали почти год. Здесь Быков сделал первые пробные снимки («ощупью») для определения времени экспозиции, так как интенсивность солнечного освещения и прозрачность воздуха на Новой Земле ему были неизвестны. Расспрашивал местного самоеда – старика Фёдора Хатанзея об охоте на белых медведей. В Маточкином Шаре на борт были взяты собаки и проводники. Предполагалось раздобыть здесь малицы и нерпичьи пимы. У Быкова и Русанова уже были малицы, для остальных с трудом достали три старые, засаленные малицы. Готовых пимов не было, самоедки сняли мерки и к следующему дню сшили пять пар пимов.

Базой экспедиции была выбрана Крестовая губа, куда пароход острожно вошёл вечером 9 июля: состоялись выгрузка вещей, импровизированный ужин на тресковых бочках, который затянулся за полночь.

В честь инициатора экспедиции мыс и бухта, в которой находились, были названы именем И.В. Сосновского¹. В 1 ч 30 мин ночи – прощание, последние пожелания и рукопожатия, гудок уходящего парохода.

Первоначально предполагалось использовать палатку, оставленную в прошлом году французской экспедицией Бенара, в которой принимал участие Русанов. Однако на месте обнаружили, что её сорвало штормом и унесло в море. Поэтому пришлось устраивать чум из брезентов и жить по-самоедски. Установленный чум («наше первое архитектурное произведение имело довольно жалкий, какой-то приплюснутый вид») оказался тесным для семерых. Начали приготовления ко сну: «Облачаемся в свои малицы, надеваем тёплые пимы и ложимся на разостланных в чуму шкурах, тесно прижавшись друг к другу. С непривычки кажется очень забавно. Ложась спать на старой земле, мы привыкли раздеваться, а тут, на Новой Земле, приходится поступать как раз наоборот. Здесь нужно одеваться, когда ложишься спать, и раздеваться, когда встаёшь. Что ж? Недаром сказано: со своим уставом в чужой монастырь не суйся... Приходится привыкать на Новой Земле и жить по-новому»².

Кроме того, у Русанова имелась собственная лёгкая походная палатка. Для передвижения был привезён с собой карбас, французской экспедицией был предоставлен в распоряжение экспедиции бертон (складная парусиновая лодка). Также взяли старую парусную лодку, оставшуюся в Маточкином Шаре от шведской экспедиции.

Проводниками были Илья (Тыко) Вылка (другой вариант написания – Вылко) и Санай (Санко) Вылка (рис. 2). В ряде работ их называют братьями, но Быков утверждал, что они однофамильцы, а эта фамилия часто встречается на Новой Земле. Илья был очень симпатичен, недурно рисовал акварелью, умел писать и говорить на нескольких языках, прекрасно справлялся с глазомерной съёмкой. Быков называет его самоедским интеллигентом. В свободное время он уходил рисовать, писал этюды. Им вычерчена карта восточного побережья к северу от Маточкина Шара на 200 вёрст, которую он преподнёс И.В. Сосновскому.

Санай в описании А.А. Быкова, наоборот, совсем дикарь. Молодой, феноменально ленивый, «с типично монгольским лицом самоеда, медно-красным от совместной работы солнца и ветра». Саная бывало иногда даже лень лениться, и тогда он не желал разговаривать, хитро притворяясь, что не понимает русского языка. На все вопросы он отвечал сквозь зубы излюбленными «ниснаю», «нисего», «хоросё». С ним надо было иметь большое терпение. Однако подаренный позже Быковым финский

¹ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 16. С. 43.

² Там же. С. 44–45.

Рис. 2. Проводники-самоеды. Из книги «Материалы по исследованию Новой Земли. Вып. 1» (1910)

ножу «растопил» его сердце и разговорил молчаливого парня. Вооружение обоих самоедов составляли норвежские винтовки системы Ремингтона¹.

Местные собаки – особая тема для Быкова. 28 разномастных беспородных собак грызли и ели всё, что возможно и невозможно, – припасы, пимы, шкуры животных. Быков очень удивлялся, что самоеды совсем не церемонились со своими собаками, били их, швыряли в них камни. По их представлению, собаку кормить надо редко, а то она «избалуетя и не будет слушаться»².

Видимо, душа охотника не могла спокойно на всё это реагировать, поэтому Быков постоянно возвращался к поведению собак, которые были изумительно изобретательны на проказы. Много времени отнимала упаковка съестных припасов от посягательства псовой команды на период отсутствия людей. Один раз они смогли вскрыть тресковую бочку с овсянкой и всю её съесть – несколько пудов. Не помогало даже то, что котёл с остатками пищи на время отсутствия закрывали сверху ящиком и камнями, – собаки умудрялись добраться до всего. По мнению Быкова, у них это в крови, врождённое. Он указывал, что новоземельские собаки являются потомками архангельских «подворотников» (бродячих собак),

¹ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 18. С. 24–25, 31.

² Там же. С. 30.

поэтому неудивительно, что они нечисты на лапу – таскают даже пустые эмалированные кружки, видимо, из желания напакостить¹. Из 28 собак в итоге осталось 23: две сбежали, троих больных съели сами собаки (это была «отвратительная картина», по характеристике Быкова). Собаки нужны были для перехода от Крестовой губы до Незнаемого залива, и в этом походе им пришлось нелегко. Автор не мог не изменить своего отношения к четвероногим помощникам.

Поначалу Быкова поражало почти полное отсутствие растительности, то, что всюду камни. Но эта каменистая пустыня при ближайшем знакомстве не казалась уж такой неприветливой. Кое-где в расщелинах между камнями весело зеленела травка, радовали глаз яркие краски полярных цветов, прижавшихся к земле. Ползли и стелились по земле деревья, и «вы шагаете по этим лесам, как сказочный богатырь Илья Муромец», – делал он образное сравнение.

Быков восхищался величественной и дивной картиной полярной природы. Угрюмая, мрачная красота очаровывала своей девственной прелестью. Но, видимо, пустынность острова производила особое впечатление, так как Быков часто использовал слова «тишина», «пустыня», «безлюдность», «царство льдов», «безмолвие», «могила». Вся внутренняя часть Новой Земли к северу представляла собой, писал он, «одну огромную безжизненную могилу. Царство льда...»².

Сильное впечатление произвело на Быкова место зимовки А. Цивольки в Мелкой губе³, куда он и Крамер отправились вместе с промышленниками, которых встретили недалеко от своего становища. Промышленники отремонтировали избу Цивольки, сложили печь – для остающихся здесь на зиму трёх человек. Второй большой дом, где жила команда, был полуразрушен, грозил рухнуть. Между двумя домами лежала куча гнилой древесины – остатки старинной поморской избы промышленников. Ему грустно было видеть, что дома разрушены, крест на могиле, поставленный прапорщиком С.А. Моисеевым, повалился. «Безжизненно мёртво, пусто вокруг высокой скалы, где погребён прах Цивольки и восьми человек его команды, разделивших печальную участь своего начальника. Поставленный над братской могилой большой высокий крест упал, сломленный бурей, и никто не поднимет его, не вспомнит добрым словом почившего, так много потрудившегося для изучения далёкого острова.

¹ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 20. С. 39.

² Там же. 1910. № 21. С. 55.

³ Август Карлович Циволька (1810–1839) – исследователь Новой Земли. В 1838 г. в звании прапорщика корпуса флотских штурманов возглавил гидрографическую экспедицию к Новой Земле. Умер от цинги в марте 1839 г., погибло также восемь членов его экспедиции.

Безлюдье... Пустыня... И некому помолиться над последним убежищем отважного исследователя и его сподвижников, смелых моряков-матросов, улёгшихся в эту могилу»¹.

Они остановились здесь на несколько дней, переночевали все вместе в отремонтированной избе, поели свежеспечённого хлеба. Затем вместе с рабочими поставили и укрепили крест. Осматривая губу, в глубине нашли ещё остатки нескольких более древних изб и крестов, на одном смогли прочесть дату – 1800 г.

Условия Новой Земли влияли на ход экспедиционных работ. Незнакомые места увлекают, отмечал Быков, невольно тянет идти всё дальше и дальше. В результате лёгкая экскурсия может превратиться в тяжёлый, утомительный поход. Переходы, рекогносцировки, съёмочные работы чередовались с днями полного вынужденного безделья: ужасные восточные ветра (бич Новой Земли), когда невозможно вылезти из палатки; непрекращающиеся дожди или молочно-белые туманы. В такие периоды время тянулось очень медленно, что действовало на нервы. На Новой Земле очень переменчивая погода, и опыт участников показал, что здесь «приходится всегда наесться и насыпаться на несколько дней вперёд. Если есть возможность есть, надо есть, а то, кто знает, может быть, на другой день совсем не приведётся обедать. Худая погода – спишь целые сутки, а зато хорошей погодой пользуешься вовсю, не оставляя времени для сна. Отоспишься в ненастье»².

Через какое-то время Быков констатировал, что незаметно, с каждым днём они всё больше приближались к «своему первообразу – человеку доисторических времён». Культурные привычки стали излишними. Они привыкли не умываться неделю, обходиться без помощи вилок, есть не из отдельных мисок, а из общего котла, чтобы меньше возиться с мытьём жирной посуды.

При возможности охотились, ловили рыбу. На Новой Земле приволье для птиц, «это рай, эльдорадо для охотников», как утверждал Быков³. Охотились все и много: ради свежего мяса, для сбора коллекций и просто ради охоты, когда срабатывал охотничий азарт.

В походах случалось всякое, не обходилось без травм, падений и т. п. Были и проблемы с провизией. От вечной сырости морских туманов покрывались ржавчиной ружья. При ходьбе по каменистой почве быстро приходила в негодность обувь. Сапоги изнашивались менее чем за месяц (а пимы были съедены собаками), оставалось обёртывать ноги тряпками

¹ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 20. С. 47–48.

² Там же. 1910. № 23. С. 53–54.

³ Там же. 1910. № 19. С. 20.

Рис. 3. Русанов за работой в Незнаемом заливе. Из книги «Материалы по исследованию Новой Земли. Вып. 1» (1910)

и ходить «подобно французам в 1812 г.» – сокрушался Быков. Вторая пара сапог в походе на Карскую сторону также не устояла перед новоземельской поверхностью. Пришлось заняться ремонтом и сделать новые подмётки из шкуры убитой нерпы, которые долго в таких условиях не продержались. Как видим, Быков отличался наблюдательностью, в его повествовании встречаются некоторые замечания, которые дают характеристику его спутников.

К Лоренцу привязались собаки, которых он хорошо кормил. Он «живой и весёлый компаньон». Обыгрывал всех в преферанс, часто играл на губной гармонике, даже взял с собой в экспедицию флейту. Галахов «поделикатничал», уступив в одном из переходов Крамеру свою малицу, а сам дрожал у костра, свернувшись калачиком. В походе на Карскую сторону вообще произошло разделение: в чуме размещалась демократическая часть экспедиции, в палатке – начальство¹.

Русанов – неутомимый геолог (рис. 3). Несмотря на травму ноги, полученную при разгрузке вещей (нога обёрнута тряпками и портянками так, что нельзя надеть никакую обувь, даже пимы), он взял свой альпийский мешок и отправился на «маленькую геологическую экскурсию»². Во время ненастной погоды он рассказывал о прошлогодней экспедиции. Члены

¹ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 23. С. 55.

² Там же. 1910. № 18. С. 29.

экспедиции собирали разные камни для Русанова, он разъяснял и читал лекции, в результате стали немного разбираться в породах. Похоже, что к Русанову Быков относился наиболее тепло, и это было взаимно. Именно с Быковым Русанов остался на несколько дней в Незнаемом заливе для продолжения исследований, когда основная партия вернулась в Крестовую губу.

Возможно, что назначение Крамера начальником повлияло на самооценку последнего или он слишком ответственно отнёсся к должности. Он даже отказался от поездки вместе с Русановым к полуострову Адмиралтейства (планировалось, что они совершат это путешествие вдвоём, но в итоге Русанов отправился на старой шлюпке в сопровождении самоедов). Причиной стало обнаружение рядом норвежских браконьеров, поэтому Крамер заявил, что «его присутствие здесь, как начальника экспедиции, необходимо» и что он имеет на этот счёт «определённые инструкции от губернатора»¹. Позже оказалось, что это русские рыбопромышленники, но норвежцы действительно были рядом. Несколько становищ норвежцев обнаружил Русанов во время своего похода.

В следующий раз, вновь услышав о норвежском доме в Крестовой губе, Крамер «моментально преисполнился воинственным азартом и стал проектировать организацию набега на вражеское становище при первом удобном случае»². Вопрос незаконных норвежских поселений действительно волновал участников экспедиции, они не раз в своих разговорах возвращались к нему, надеялись на приход сюда «Бакана» – единственного военного судна на Русском Севере.

Столкновение с норвежцами всё-таки произошло. Они обосновались на их старом становище в бухте Сосновского, при этом воспользовались оставленными запасами, растащили геологическую коллекцию, забрали собранные медвежьи черепа и моржовые клыки. Крамер потребовал у норвежцев документы, разрешающие вести промысел на Новой Земле, но те предъявить их не смогли. Он конфисковал у них ружьё, предложив явиться за ними штурману с документами. Нарушители вернули только часть экспонатов, но за ружьём не пришли³.

Вообще, с научными коллекциями не очень везло. Часть разорили собаки, другую – норвежцы. Во время сильного шторма 19 августа погибла орнитологическая коллекция, собранная Лоренцем. Она была запакована в ящики и находилась на карбасе для предохранения от собак. Погибли ценные экспонаты, в том числе чёрные гуси, редкая разновидность серого гуся⁴.

¹ Быков А.А. За полярным кругом. Путевые заметки участника Новоземельской правительственной экспедиции 1909 г. // Известия АОИРС. 1910. № 20. С. 37–38.

² Там же. 1910. № 22. С. 54.

³ Там же. 1911. № 19. С. 605.

⁴ Там же.

В конце августа уже было ощущение глубокой осени: грязь и слякоть, бесконечные дожди. Всё чаще вспоминался дом. Илья Вылка, хорошо знакомый со своей суровой родиной, предсказал скорое наступление холодов и снега. Ночью наблюдали северное сияние («фееричная картина!»). Заканчивается повествование А.А. Быкова размышлениями о том, как успеть в Маточкин Шар, чтобы на «Ольге» вернуться в Архангельск. В конце публикации указывалось, что будет продолжение, но заключительная часть о возвращении домой не была опубликована. Этот момент можно проследить по общему отчёту.

Экспедицией был выполнен большой объём работы: пешие маршруты одного Русанова составили 230 вёрст (1 верста – 1,066 км), на шлюпке – 430 вёрст. Были изучены Крестовая губа, побережье от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства, открыт кратчайший путь от Крестовой губы до Незнаемого залива Карского моря по долине (40 верст), были исследованы выходы каменного угля (позже Русанов признал, что экономически здесь невыгодно его добывать, следует искать на Шпицбергене). Факт обнаружения постоянных норвежских поселений «красноречиво свидетельствует о необходимости, ради ограждения государственного достоинства и промышленных интересов России, немедленно приступить к организации надлежащей охраны наших северных морских богатств от расхищения их иностранцами»¹.

Собраны ботаническая и геологическая коллекции. Лоренц открыл неизвестный вид папоротника и нашёл шмелиное гнездо. Русанов наблюдал красный снег, получивший такую окраску благодаря микроскопическим низшим организмам. Был выполнен большой объём картографических работ, открыты несколько заливов, островов, мысов. Имена некоторых участников остались на карте Северного острова Новой Земли. В честь своих спутников Русанов назвал острова Галахова в губе Машигина, остров Лоренца (сейчас Средняя Луда), остров и мыс Быкова (сейчас остров Афанасьева) в Северной Сульменевоу губе. Как видим, не все названия сохранились до нашего времени².

Такой чести не удостоился начальник экспедиции Крамер. С.В. Попов объяснял это «безграмотным докладом» Крамера по геологии, который подвергся резкой критике со стороны Русанова. Думается, что «прохладное» отношение к Крамеру возникло у Русанова ещё в ходе экспедиции.

¹ Материалы по исследованию Новой Земли. С. VII.

² См.: Материалы по исследованию Новой Земли. С. 14; Попов С.В. Архангельский полярный мемориал. Архангельск, 1985. С. 138–139; Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972 [Электронный ресурс] URL: https://www.kolamar.ru/library/1972_topo/01.html (дата обращения: 02.07.2021).

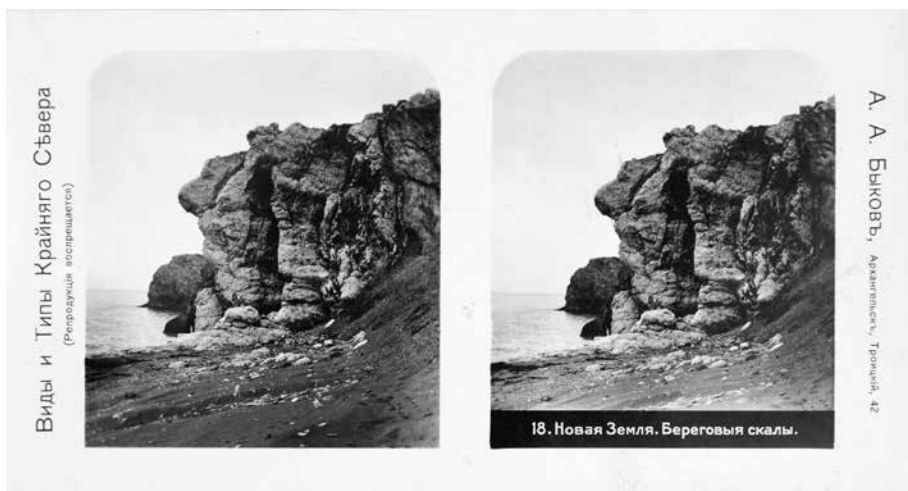

Рис. 4. Новая Земля. Береговые скалы. Стереоскопические фотографии, сделанные А.А. Быковым. Из фондов ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»

Помимо отчётов, участники выступили с докладами. Подробное изложение выступлений Русанова¹ и Крамера² в АОИРС было напечатано в газете «Архангельск». Выступление Крамера вызвало неоднозначную реакцию, было пересказано в газете в ироничном тоне. Затем последовало письмо Русанова в газету по поводу «открытий» Крамера на Новой Земле³, в котором он указывал на некомпетентность Крамера в научном плане по вопросу «ископаемых озёр» и ледников.

С рассказом о технической стороне фотографической работы на Новой Земле Быков в марте 1910 г. выступил перед техническим обществом⁴. Он проанализировал опыт использования фототехники в экспедиционной деятельности в арктических условиях, возникавшие трудности.

За время экспедиции им было сделано 246 снимков, из них: 96 стереоскопических, 125 аппаратом размером 13x18 (видовых и жанровых), 8 автохромных и 17 фотограмметрических⁵. Он использовал две каме-

¹ Музовский А. Лекция В.А. Русанова // Архангельск. 1909. 27, 29, 30 сентября. № 213–215.

² Музовский А. Сообщение г. Крамера об экспедиции на Новую Землю // Архангельск. 1909. 10, 13–15 октября. № 223, 225–227.

³ Русанов В. Открытое письмо об «открытиях» г. Крамера на Новой Земле // Архангельск. 1909. 3 ноября. № 242. С. 2–3. Также напечатано в: Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. С. 392–394.

⁴ Быков А.А. О фотографических и фотограмметрических работах на Новой Земле летом 1909 г. // Материалы по исследованию Новой Земли. С. 59–68.

⁵ Фотограмметрия – использование фотографии при создании топографических карт.

Рис. 5. Новая Земля. Спуск с глетчера. Стереоскопические фотографии, сделанные А.А. Быковым. Из фондов ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»

ры. Лучше всего, по его оценке, получились стереоскопические снимки, а вот из снимков размером 13x18 большую часть он признал неудачными. Причину Быков видел не в неправильной экспозиции, а в некачественных пластинках, которые были поставлены ему магазином. Пагубное влияние оказывали морские туманы и дожди: сырость проникала в закрытые ящики. Фотограмметрические снимки вышли неплохо, и Быков пришёл к выводу, что этот вид съёмки наиболее пригоден для Новой Земли. Кроме того, он считал целесообразным в таких экспедициях иметь небольшую переносную проявочную, чтобы на месте сразу видеть результат съёмки.

Исходя из своего опыта, он утверждал, что именно Северный остров наиболее подходит для ландшафтной съёмки. Южная часть Новой Земли с художественной точки зрения не представляла интереса: там бесконечно тянется унылая, однообразная равнина, пейзаж безжизненный. Но к северу характер местности меняется: постепенно равнина переходит в холмы и горные цепи. По красоте эту часть архипелага, по мнению Быкова, можно смело назвать «Кавказом Севера». Дальше начинается царство льдов. Крестовая губа весьма живописна, огромный ледник спускается к самому океану – очаровательная картина льда, гор и моря. Для съёмок здесь есть много эффектных картин (рис. 4, 5). Но фотографирование часто осложняло не совсем удачное освещение. Быков советовал не дожидаться лучшей погоды или освещения, так как другого случая могло и не представиться. В ясные же дни чистота и прозрачность

воздуха на Новой Земле изумительны, видимость на десятки миль, с возвышенных точек открываются роскошные панорамы.

Снимки, сделанные Быковым на Новой Земле, были представлены на выставке «Русский Север», устроенной Обществом по изучению Русского Севера в Архангельске в августе 1910 г. Несколько новоземельских стереоскопических фотографий позже вошли в набор «Виды и типы Крайнего Севера», изданный в 1912 г. А.А. Быковым и состоявший из 25 карточек. Снимки были исполнены в Берлине¹. Часть стереоскопических снимков хранится в фондах Архангельского краеведческого музея, где их датируют 1910 г. Где находится вся коллекция, снятая А.А. Быковым на Новой Земле, неизвестно. Скорее всего, она пропала в период революционных и последующих потрясений.

В заключение отметим, что экспедиция 1909 г. была малочисленной и относительно короткой, но очень насыщенной и результативной, несмотря на погодные и другого рода препятствия. Была создана основа для дальнейших исследований. Коллектив был собран из разных людей, из которых только Русанов имел экспедиционный опыт, но оказался увлечённым и работоспособным. Свой вклад внесли проводники-самоеды.

¹ Виды Севера // Архангельск. 1912. 30 октября. № 244. С. 3.

ШПАК Г.В.

Нарративные стратегии первопроходцев северных морей. От Р. Торна до М.В. Ломоносова¹

G. Shpak

Narrative strategies of the Northern Seas pioneers. From R. Thorn to M.V. Lomonosov

Сведения об авторе:

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
geo.shpak@gmail.com

Author:

Georgy Vladimirovich Shpak, PhD (in history), Junior Research Fellow, Laboratory of Edition Archeography, Ural Federal University, Junior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow)
geo.shpak@gmail.com

Аннотация

В статье сопоставляются тексты мореплавателей раннего Нового времени, целью экспедиций которых было отыскание Северного пути на Восток. На основе гипотезы историка науки Амира Р. Александра о существовании «стандартного нарратива исследования» выявлены параллели в текстах М.В. Ломоносова и британских первопроходцев. В первую очередь это тексты М. Фробишера, Д. Дэвиса и Дж. Беста. Английские исследователи фиксируют в своих текстах и на картах не существующие в реальности острова, проливы и реки. Схожий приём можно найти и в работах М.В. Ломоносова, доказывающего существование прохода на Восток через северные льды.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.).

Abstract

The article compares the texts of seafarers, the purpose of whose expeditions was to find the Northern route to the east. On the basis of the hypothesis of the historian of science Amir R. Alexander about the existence of a “standard narrative of research” parallels in the texts of M.V. Lomonosov and British pioneers are revealed. First of all, these are the texts of M. Frobisher, D. Davis and G. Best. British researchers depicted in their texts and on maps islands, straits and rivers that did not exist in reality. A similar technique can be found in the works of M.V. Lomonosov, proving the existence of a passage to the East through the northern ice.

Ключевые слова:

Северный путь, освоение пространства, раннее Новое время, стандартный нарратив исследования, имперская экспансия, воображаемое пространство, Фробшер, Ломоносов.

Keywords:

Northern Route, the development of space, Early modern period, standard narrative of exploration, imperial expansion, imaginary space, Frobisher, Lomonosov.

Образы пространства, фиксируемые в травелогах и на картах раннего Нового времени, позволяют предположить, что путешествия совершались не столько по реальному географическому пространству, сколько по миру воображаемого. Само разделение текстов этого периода на документальные и художественные некорректно. Мы можем убедиться в этом на примере травелогов, сочетающих в себе черты различных дискурсов. В данной статье будут рассмотрены нарративные стратегии мореплавателей, применяемые при описании северных морей в XVI–XVIII вв.

В работе «Имперская риторика и математическая практика в Англии раннего Нового времени. Литературный подход к математике» историк науки Амир Александр прослеживает связь между научными практиками и нарративными стратегиями фиксации пространства в тексте. Сопоставляя техники письма в математических трудах и текстах, описывающих вымышленную реальность, он выявляет ряд параллелей:

- математики сталкиваются с гораздо более жёсткими ограничениями, чем писатели, когда решают построить гипотетический мир;
- математическая теория должна быть формально самосогласованна и развиваться только посредством строгих дедуктивных правил, но работа фантазии тоже следует определённым, хотя и более свободным стандартам, таким как внутренняя согласованность и степень правдоподобия;

- несмотря на более жёсткие ограничения, математик делает такой же выбор, как и писатель-фантаст при создании собственной вселенной, определяя предпосылки для своего конструкта и выбирая, в каком направлении развивать их для создания желаемой системы;
- в математических работах можно обнаружить элементы повествования, схожие с элементами художественного произведения, – это предпосылки рассказа, его развитие и тип внутренней логики, которой он следует¹.

В связи с этим необходимо выделить элементы для сопоставления научного и ненаучного текста. Амир Р. Александр предлагает использовать подход, в котором ключевым элементом повествования выступают метафоры, поскольку наука характеризуется культурно и исторически благодаря метафорам.

Посмотрим, как подобная стратегия может быть использована, на примере травелогов, посвящённых поиску Северного прохода в Индию и Китайю (Китай), а также на примере текстов британских мореплавателей и работ М.В. Ломоносова.

Одним из первых предложение отправиться на поиски Северного пути высказал в 1527 г. английский торговец Роберт Торн. В 1531 г. он изложил эту идею в письме к королю Генриху VIII: «Остался только один путь для открытий, и он лежит на севере, поскольку из четырёх частей света три остальные заняты другими правителями. За пределами Испании ими были освоены все Индии и Западные моря, за пределами Португалии – Индии и моря Восточные. Так что в отношении стран Запада и Востока они служат миру примером»². Он убеждал Генриха, что Северный путь намного короче того, который преодолевают испанцы и португальцы, и должен быть освоен во благо Британии. Торн утверждал, что англичане могут отправиться на Север, пройти через полюс, а затем спуститься к неизведанным землям в Тихом океане, отмечая, что, хотя многие считают Северный путь непроходимым из-за льда, лёд образуется только вблизи суши, в то время как открытый океан остаётся чистым. Спустя 200 с лишним лет к этой идее вернулся М.В. Ломоносов.

Отсутствие знаний о северной части мира видно на карте, сделанной Жаном Ротцем для Генриха VIII, где мы наблюдаем огромные пустые пространства на севере (рис. 1).

¹ Amir Alexander. *Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics* / Doctoral dissertation. Stanford University, 1995. P. 10.

² Wallis H. *England's Search for the Northern Passages in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries // Arctic (Unveiling the Arctic)*. Arctic Institute of North America, 1984. Vol. 37. No. 4. P. 453.

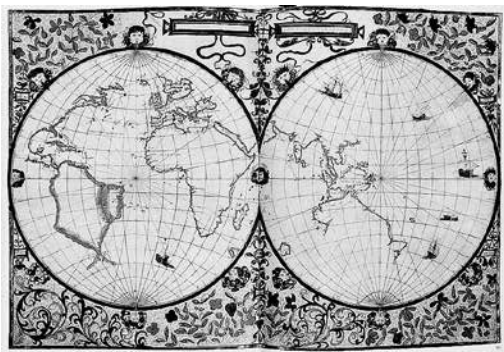
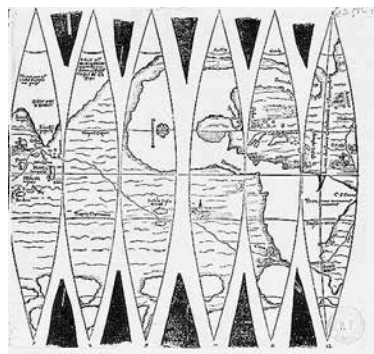

Рис. 1. Карта мира Жана Ротца (1545)

Рис. 2. Анонимная карта Америки
(ок. 1530)

Первая экспедиция на северо-восток состоялась только в 1553 г. Джехан Шейфве (Jehan Scheyfve), посол императора Священной Римской империи Карла V в Англии, в письме епископу Арраса от 10 апреля 1553 г. сообщал: «Три корабля, которые должны были отправиться на открытие новых земель, будут готовы в течение этого месяца. Они будут следовать курсом на север и плыть по замёрзшему морю в сторону страны великой Чамчины (Великое ханство) или близлежащих стран. Англичане полагают, что древние прошли через это море и дошли до Океана, о котором писал Плиний и другие; и они считают, что этот путь будет коротким и весьма подходящим для королевства Англии, чтобы распространять шерстяную ткань в этих странах, привозя в обмен специи и другие дорогостоящие товары»¹.

Экспедиции 1553 г. Северного прохода найти не удалось. Корабль под командованием сэра Хью Уиллоби и его команда погибли. Дальнейшие попытки предпринимались Стивеном Барроу, Артуром Петом, Чарльзом Джекманом и др., но по мере продвижения на северо-восток надежды на успешное открытие Северо-Восточного прохода стремительно таяли, в отличие от обнаруженных мореплавателями непроходимых северных льдов.

Вот как описывает Ричард Хаклюйт в предисловии ко второму изданию «Главных путешествий» (1598–1600) опасности, подстерегающие путешественников: «В своих северо-восточных исследованиях на море и у берегов Колгуева, Печоры, Югории, Самоедии, Новой Земли и т. д., в прохождении и возвращении через проливы Вайгача, какие ужасные сугробы, горы льда даже в июне, июле и августе, какие страшные водопады,

¹ Wallis H. England's Search for the Northern Passages in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries // Arctic (Unveiling the Arctic). Arctic Institute of North America, 1984. Vol. 37. No. 4. P. 456.

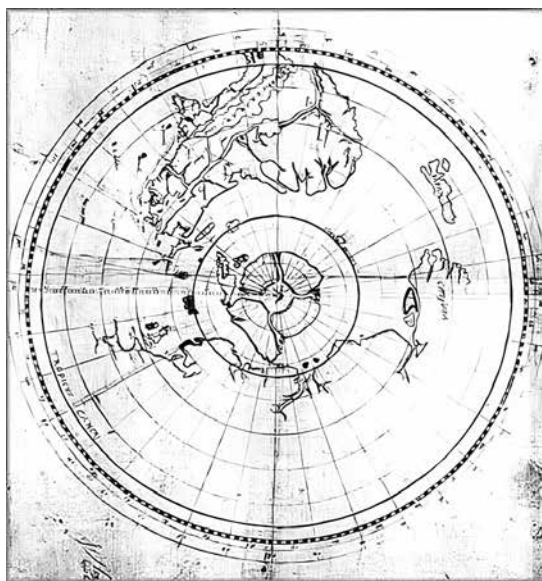

Рис. 3. Полярная карта Джона Ди (1582)

непредсказуемые течения, таинственные туманы и другие опасности подстерегали их на пути... <...> Сейчас самое время вытащить якорь, поднять наши паруса, чтобы выбраться из этих бурных, туманных и морозных морей и со всей скоростью направить наш курс на спокойный и тёплый Атлантический океан, через который столько способствовавших обогащению плаваний совершили испанцы и португальцы»¹.

Внимание Англии переключилось на северо-запад, что связано в том числе с тем, каким Северо-Западный путь предстал в текстах британских путешественников.

Первым идеологом Северо-Западного пути считается Себастьян Кабот, однако имеется не так много информации о его деятельности на службе у Генриха VII. Ранним изображением Северо-Западного прохода является анонимное изображение земного шара, выполненное около 1530 г. (рис. 2), которое, по одной из версий, служило прототипом для глобуса на знаменитой картине «Послы» Ганса Гольбейна Младшего. Образцом для него могли служить несохранившиеся карты С. Кабота. Хемфри Гилберт писал в 1566 г.: «Себастьян Кабот своим личным опытом и путешествиями очертил и описал этот проход в картах, которым

¹ Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow, 1903. Vol. 1. P. XX.

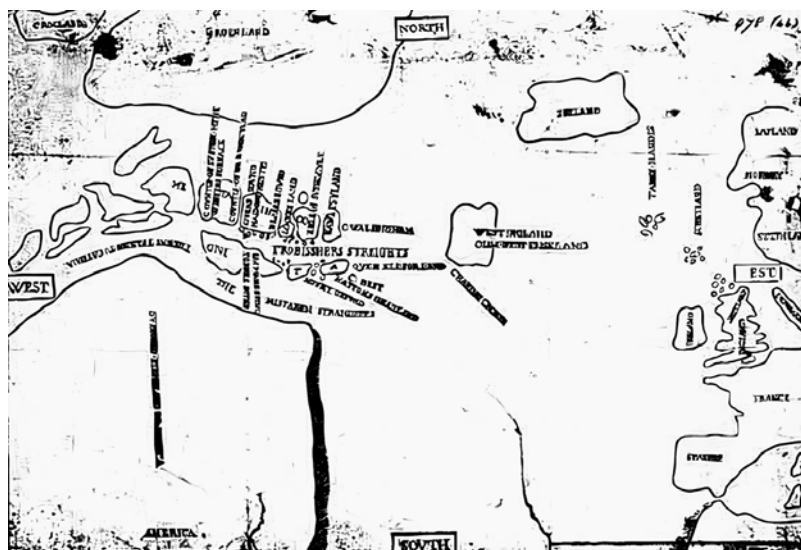

Рис 4. Карта Д. Беста (1578)

предстоит найти место в частной галерее Её Величества в Уайтхолле. Он был отправлен на поиски прохода королём Генрихом Седьмым... <...> ...и сообщал, что добрался бы до Катайи, если бы не мятеж на судне»¹.

Намного более распространённая версия изображения полярных земель представлена на карте в атласе Абрахама Ортелия (1570) и полярной карте Герарда Меркатора (1595), где показаны легендарные северные острова и проходы между ними. В 1582 г. Джон Ди составил полярную карту, посвящённую сэру Хемфри Гилберту, где также показаны два внутренних водных пути к Южным морям через реку Святого Лаврентия (рис. 3).

Первыми систематическими попытками англичан обнаружить Северо-Западный проход стали три путешествия Мартина Фробишера между 1576 и 1580 гг. В конце отчёта о путешествиях Фробишера Джордж Бест резюмировал относительно топографии Северной Америки: «...вся часть южной стороны пролива Фробишера представляет собой несколько островов и изрезанную землю, и точно так же, я полагаю, и вся северная сторона. Эти острова очень многочисленны и, кажется, являются архипелагом»² (рис. 4). На современных картах «архипелаг» Беста представляет собой мысы и заливы вдоль побережья Баффиновой Земли.

Джон Дэвис возглавил три экспедиции в северный регион в 1580-х гг., через несколько лет после Фробишера. В конце отчёта Дэвис писал: «Без

¹ Wallis H. Op. cit. P. 459.

² Amir Alexander. Op. cit. P. 17.

Рис. 5. Прибытие англичан в Вирджинию. Д. Уайт (1590)

сомнения, северная часть Америки – это все острова, которые я лично мог наблюдать»¹. Таким образом, разделение земли на отдельные не существующие в реальности острова являлось для британских мореплавателей распространённой практикой, но подобные описательные приёмы встречались и на других направлениях британской экспансии.

Филипп Амадас и Артур Барлоу использовали те же описательные техники относительно побережья Вирджинии, куда они отправились в 1584 г. (рис. 5). Уолтер Рэли и Лоуренс Кеймис во время исследования побережья Гвианы в поисках Эльдорадо в 1590-х гг. также обнаружили, что береговая линия изрезана бесчисленными реками, заливами и небольшими островами.

Таким образом, в повествованиях елизаветинской эпохи проявляется своеобразная тенденция: раз за разом английские исследователи и картографы разделяют исследуемую землю на острова, проливы и реки. Это происходит с Баффиновой Землёй, Вирджинией и Гвианой. Амир Александр отмечает, что путешественники и авторы книг о путешествиях раз за разом повторяли историю о волшебной стране, сокрытой в глубинах континента, богатой золотом и прочими сокровищами. Эта страна обязательно естественным образом защищена и кажется совершенно недоступной для путешественника, прибывающего на враждебный

¹ Amir Alexander. Op. cit. P. 19.

берег. Однако при ближайшем рассмотрении путешественник обнаружит, что реки и проходы разбивают берег и горные цепи, обеспечивая проход во внутренние районы земли. Путешественник проходит лабиринт коридоров, преодолевает все препятствия и находит путь к богатству¹.

Для объяснения причин повторения одного и того же сюжета Амир Александр вводит такое понятие, как «стандартный нарратив исследования» – *standard narrative of exploration*². Основные черты этого повествования состоят в том, что есть некое сокровище, скрытое от путешественника непроходимыми горными цепями, бурными водами или льдами, но есть и проход к нему, обнаружив который путешественник счастливо доберётся до цели.

Черты стандартного нарратива исследования можно найти в работах М.В. Ломоносова, который, будучи директором Географического департамента Российской академии наук, выступал главным инициатором поиска Северного пути на Восток. В сентябре 1763 г. он представил в Морскую российскую флотскую комиссию проект экспедиции, озаглавленный «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Рассмотрим несколько характерных фрагментов из этой работы.

Перечислив преимущества Северного пути по сравнению с Южным, М.В. Ломоносов заключал: «Сии преимущества довольно будут казаться, чтобы побудить к новым предприятиям в сыскании северного ходу Сибирским океаном, особливо же, видя пример Великия Британии, которая главное своё внимание простирает к западно-северному ходу Гудзонским заливом, не можно, кажется, не иметь благородного и похвального ревнования в том, чтобы не дать предупредить себя от других успехами толь великого и преславного дела»³.

Действительно, М.В. Ломоносов уделял большое внимание путешествиям англичан и описывал плавания Мартина Фробишера, Джона Дэвиса и пр., воспроизводя стандартный сюжет исследования Севера.

Перечислив попытки отыскать Северо-Восточный проход Генри Гудзона, Роберта Байлота, Уильяма Баффина, Луки Фукса и пр., М.В. Ломоносов заключил, что Северо-Западный проход «невозможен или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен»: «Рассуждая причины физические, которые ещё по сие время питают англичан надеждою, не могу довольно надивиться, что народ, где довольно искусных мореплавателей

¹ Amir Alexander. *Op. cit.* P. 12.

² Ibid. P. 21.

³ Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М., Л., 1952. Т. 6. С. 425.

в теории и практике и остроумных физиков, не может усмотреть явного оных неосновательства»¹.

Однако это не означает, что Ломоносов на основании современных ему данных делал вывод о невозможности пути. Он смещал его на Север, перенося на него стандартную нарративную модель. Описывая путешествия голландцев на Север, он сообщал: «В море слышали ужасные трески, или лучше несказанные, громовым подобные звуки, когда лёд ломался. Апреля 15-го числа море везде открылось, а по стоячим у берегов торосам на краях стояли наподобие высоких домов и башен великие взломанные льдины»². Обратите внимание на используемые автором метафоры.

В тех же словах, что Фробишер или Дэвис, Ломоносов описывает неприступные льды, проход через которые приведёт в богатые восточные земли. Как и Дж. Бест, обосновывавший наличие золота внутренним жаром земли, Ломоносов доказывал им наличие Северного прохода: «...нагретое подземною теплотою дно морское нагревает и лежащую на нём воду»³.

Хотя Ломоносов и писал, что «за полюсом есть великое море», он, как и английские мореплаватели, наполнял северные моря островами: «...а как Шпицберген один состоит из трёх главных островов и из мелких весьма многих и помянутый Корнелисов остров лежит в близости оных, то весьма вероятно, что самая полярная часть света наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полуночные берега Северной Америки»⁴.

Любопытно утверждение Ломоносова о сходстве Западного и Восточного полушарий: «Рассматривая весь шар земной, не без удивления видим в море и в суше некоторое аналогическое, взаимно соответствующее положение, якобы нарочным смотрением и распорядком учреждённое; и, во-первых, две великие суши земной поверхности, Старый и Новый Свет составляющие, много фигурию сходятся»⁵. Южную Америку он сопоставляет с Африкой, Англию с Новой Землёй, Гренландию со Швецией и Норвегией и т. д.

В заключение работы он приводил возможные варианты прохода Северным путём, сообщая, например, «что самый лучший проход

¹ Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М., Л., 1952. Т. 6. С. 440.

² Там же. С. 447.

³ Там же. С. 459.

⁴ Там же. С. 469.

⁵ Там же. С. 470.

упователен мимо восточно-северного конца Новой Земли к Чукотскому Носу, сперва пустясь в норд-ост, потом склоняясь к осту и зюду-осту, как следует держась дуги величайшего на сфере земной круга; 3) что возможен проход между Гренландиею и Шпицбергенем, в некотором отдалении от берегов Северной Америки для меньшего множества льдов, как выше означено, который путь хотя и отдалённее, однако тем кажется быть способнее, ежели, как чаятельно, тамошний океан, обращаясь около полюса, способен будет течением в пути к Чукотскому Носу»¹.

Пробиваться через льды Ломоносов предлагал с помощью пороховых снарядов: «Сия работа весьма будет происходить скоро, ежели буравы употребятся к тому горячие или раскалённые (для всегдашней готовности должны они всегда лежать на очаге острыми концами к огню), а в проверченные на льду дыры всунуты будут готовые к тому патроны с фитилями, охранённые от мокроты смолою»².

Основной задачей британских мореплавателей было обнаружение прохода через острова и материковую землю на Восток. Ту же цель ставит и Ломоносов: «Ежели случатся великие льды промеж гренландских берегов и между северным концом шпицбергенским, поперёк намеренного пути лежащие, то не оставлять надежды и без наивозможнейшего покушения в продолжении пути не возвращаться, но употреблять в пользу время и место. Временем пользоваться, ожидая случая, когда льды разойдутся»³.

В предисловии к первому изданию книги Диониса Сеттла, рассказывающей о путешествиях М. Фробишера, приведено посвящённое Фробишеру стихотворение Абрахама Флеминга⁴. Его приблизительный перевод такой:

Сквозь грозные шторма и пенные валы
Итаки гордый и бесстрашный рыцарь плыл,
Чей благородный пыл и знания веков
Превыше и Сирен, и прихоти Богов.
И Сирта отмели отвадить не смогли
Британского героя от пути.
В нём Одиссея ум и Марциала нрав
Прославят принцев доблестной земли.
Моря солёные (обитатели Нептуна)
Прошёл, забыв опасности пути.

¹ Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М., Л., 1952. Т. 6. С. 483.

² Там же. С. 488.

³ Там же. С. 527.

⁴ Amir Alexander. Op. cit. P. 45.

Руно златое, как Ясон, вернул он
И смог назад с сокровищем прийти.

В этом стихотворении переплетаются характерные античные образы и основные мотивы британской экспансии, преодоление трудностей пути и возвращение с золотым руном.

В контексте данного сюжета совсем в ином свете предстают стихотворные фрагменты из произведений М.В. Ломоносова:

Напрасно строгая природа от нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток. Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами спешит и презирает Рок¹.
(1752)

Сам лёд, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнёт в Америку держава².
(1760)

На полночь кажет Урания:
«Се здесь, сквозь холмы льдов, сквозь град
Руно златое взять Россия
Денницы достигает врат...»³
(1763)

Рискованно делать однозначный вывод о причинах сходства повествовательной логики в работах британских мореплавателей и М.В. Ломоносова. Их объединяют и мотивы имперской экспансии, и зависимость от капиталовложений в их экспедиции, и личная заинтересованность авторов в успешном нахождении пути на Восток. Можно попробовать отыскать параллели в естественно-научном мировоззрении авторов, а конкретно в их отношении к понятию дискретности пространства и его континуума. Так или иначе, мы видим некоторое сходство как на сюжетном уровне, так и на уровне метафор, что говорит о необходимости дальнейшего компаративного анализа текстов мореплавателей, пусть и относящихся к разным культурам и векам.

¹ Ломоносов М.В. Ода на восшествие на престол Елизаветы Петровны // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Л., 1986. С. 136.

² Ломоносов М.В. Пётр Великий // Там же. С. 286.

³ Ломоносов М.В. Ода Екатерине // Там же. С. 182.

ШУБНИЦИНА Е.И.

Образ «Арктического Урала» –
Северного Припечорья – в материалах
научных экспедиций XIX в.

E. SHUBNITSINA

Image of the “Arctic Urals” – the Northern
Pripechorya – in the materials of scientific
expeditions of the XIX century

Сведения об авторе:

*Шубницина Елена Игоревна, кандидат технических наук, начальник научного отдела Национального парка «Югыд ва» (Вуктыл, Республика Коми)
shub07@yandex.ru*

Author:

*Elena Igorevna Shubnitsina, candidate of technical sciences, head of the scientific department in the “Yugyd va” National Park (Vuktyl, Komi Republic)
shub07@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассмотрена история формирования образа Северного Припечорья, в частности Приполярного Урала, для России и всего мира, созданного к началу XX столетия в очерках и книгах по материалам участников научных экспедиций второй половины XIX в.: А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна, Э.К. Гофмана, Д. Юрьева, Н.И. Иванецкого, Ш. Рабо. Много внимания в статье уделено прямо-му цитированию оценок и эмоций путешественников относительно увиденного в экспедиции. Проведена систематизация и дана оценка основных тем, наиболее часто звучащих в характеристиках природы и жителей края.

«Открытие» Припечорья – «Уральской Арктики» – для Российской империи и всего мира происходило благодаря научным экспедициям с 1850-х гг. и до начала XX в. Образ «Уральской Арктики», сформированный на основе дневниковых записей путешественников, с одной стороны, очень романтичный – дикий, прекрасный и вольный, безлюдный, неисследованный, полный тайн и легенд, с другой – мёртвый, суровый, угрюмый и негостеприимный, место для сильных людей. Такая амбивалентность – прекрасный и одновременно мрачный

и жестокий – свойственна образу Урала и Приуралья практически у всех путешественников. Почти у всех авторов звучит и тема неустойчивости существования в этой среде: Урал предстаёт как граница между оседлым и кочевым образом жизни, между жизнью и смертью; как отдельный мир, населённый духами гор. И в характеристиках местных жителей и проводников главное внимание уделяется их способности существовать в этом мире: выживать в тайге и горах, переносить все трудности и лишения путешествия. Одновременно романтика бореализма в описании Приуралья, в отличие от образа «высокой Арктики» в записках полярников, сконцентрированного, как правило, в основном на борьбе человека с северной природой, уравнивается, принижается темами насекомых-кровососов, тяжёлого, неустроенного быта, непростых характеров местных жителей.

Abstract

The article considers the formation of the image of the Northern Pripechorye, in particular the Circumpolar Urals, for Russia and the whole world, created by the beginning of XX century in essays and books based on the materials of participants of scientific expeditions of the second half of the XIX century: A.A. Keyserling and P.I. Kruzenshtern, E.K. Hoffman, D. Yuryev, N.I. Ivanitsky, Sh. Rabo. A lot of space in the article is devoted to direct quoting of assessments and emotions. A systematization is carried out and an assessment of the main topics that are most often heard in the characteristics of nature and the inhabitants of the region is given.

The “discovery” of the Pripechorye – the “Ural Arctic” – for the Russian Empire and the whole world was due to scientific expeditions from the 1850s to the beginning of the XX century. The image of the “Ural Arctic”, formed on the basis of diary entries of travelers, on the one hand, is very romantic – wild, beautiful and free, deserted, unexplored, full of secrets and legends, on the other – dead, harsh, gloomy and inhospitable, a place for strong people. Such ambivalence – beautiful and at the same time gloomy and cruel – is characteristic of the image of the Urals and the Urals in almost all travelers. Almost all authors also have the theme of the instability of existence in this environment: the Urals appears as the border between a sedentary and nomadic way of life, between life and death; as a separate world inhabited by the spirits of the mountains. And in the characteristics of local residents and guides, the main attention is paid to their ability to exist in this world: survive in the taiga and mountains, endure all the difficulties and hardships of the journey. At the same time, the romance of borealism in the description of the Urals, in contrast to the image of the “high Arctic” in the notes of polar explorers, concentrated, as a rule, mainly on the struggle of man with northern nature, is balanced, belittled by the themes of blood-sucking insects, heavy unsettled life, difficult characters of local residents.

Ключевые слова:

Арктический Урал, образ Урала, Припечорье, Приполярный Урал, Приуралье, А.А. Кейзерлинг, П.И. Крузенштерн, Э.К. Гофман, Д. Юрьев, Н.И. Иваницкий; Ш. Рабо; «Живописная Россия».

Keywords:

The Arctic Urals, the image of the Urals, Pripechorye, Priuralye, the Circumpolar Urals, A.A. Keyserling, P.I. Kruzenshtern, E.K. Hoffman, D. Yuryev, N.I. Ivanitsky; Sh. Rabo; "Picturesque Russia".

*«Страдания и наслаждения путешествующаго
естествоиспытателя и нравственные впечатления
его совершенно бесполезны для науки...»¹*

Введение

Арктическим Уралом ещё в середине позапрошлого века называли часть Уральского хребта начиная с широтного отрезка реки Щугор между Северным и Полярным Уралом. Западный склон этой области принадлежит бассейну Печоры и находится на территории Республики Коми; восточный – соответственно бассейну Оби и ХМАО-Тюменской области. Эта часть Урала – самая высокая не только в Уральском хребте, но и во всей сухопутной Российской Арктике – называется сегодня Приполярным Уралом: здесь расположены самые высокие уральские хребты и вершины. Само название «Приполярный Урал» появилось только в советские годы: до этого район называли Северным Уралом, что отражено и в названиях экспедиций.

Несмотря на относительную близость к «центрам цивилизации», эта часть Уральского хребта всегда была самой труднодоступной и малоисследованной. Особенно это касается западного склона – северо-восточного края Европейской России, освоение и заселение которого всегда шло очень медленно из-за отсутствия путей сообщения, повышенного увлажнения, сурового климата. Вплоть до середины XX в. Приуралье имело репутацию глухого «медвежьего угла» и было практически недоступно для обычного путешественника: любая поездка сюда была сравнима с экспедицией (что, нельзя не отметить, в значительной мере не потеряло актуальности и сегодня).

¹ Гельмерсен Г.П. Разбор сочинения г. Гофмана под заглавием «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряжённой Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1853–1856. Т. 1–2 / Извлечения из 26-го присуждения учреждённых П.Н. Демидовым наград. СПб., 1857. С. 343.

Не удивительно, что эта загадочная страна с давних времён привлекала к себе внимание учёных. Во второй половине XIX в. здесь прошли несколько научных экспедиций, на основе материалов которых к началу XX в. в России и мире сложился образ Уральского Приполярья.

Рассмотрим материалы – текстовые и визуальные – нескольких экспедиций, внёсших в свое время, с нашей точки зрения, наибольший вклад в формирование в России и мире образа Припечорья – Уральского Приполярья. Некоторые записи экспедиций до сих пор не переведены на русский язык, например, записки А. Регули и книга П.И. Крузенштерна.

Образ Уральского Приполярья, предстающий перед нами со страниц записок путешественников, сочетает в себе две основные темы: северную и горную – подобно тому, как, например, образ Поморья сочетает северную и морскую темы.

Главные впечатления, которые можно найти в записях исследователей Уральского Севера, условно делятся на «положительные» и «отрицательные». К первым относятся дремучие леса («дебри Севера»), прозрачные реки, богатые рыбой, прекрасные горы и скалы и (где красота, там и тайна) мифы и легенды о «хозяевах гор»; наконец, богатства края – рыба и дичь, ископаемые богатства недр Урала, покосные луга. К «отрицательным» образам, осложняющим жизнь путешественников, можно отнести такие: насекомых-кровососов – комаров, мошку, оводов, холодные ветры, дожди летом, снежные бури и заносы зимой; бездорожье (отсутствие или плохое состояние дорог), тяжёлую жизнь местного населения. «Повестка дня» путевых заметок экспедиций середины XIX в. по сравнению с записями современных туристов-блогеров за полтора века изменилась незначительно.

Экспедиция Кейзерлинга и Крузенштерна 1843 г.

В 1843 г. А.А. Кейзерлинг с П.И. Крузенштерном совершили четырёхмесячное путешествие по Печоре и её притокам, от Мылвинского волака до низовьев, со съёмкой реки и населённых пунктов. Из деревни Аранец Кейзерлинг с проводником-манси на оленях добрались до «Саблевых гор» – Саблинского хребта и поднялись пешком к его главной вершине. Итоги экспедиции были изложены в работе *Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland* («Научные наблюдения во время поездки в Печорский край»), вышедшей в 1846 г. в Санкт-Петербурге на немецком языке, на русский язык, к сожалению, по сей день не переведённой и в научной литературе не исследованной, как и личные письма Кейзерлинга и Крузенштерна из экспедиции к своим родным, наверняка содержащие много интересной и полезной информации о крае и его жителях.

По выражению Кейзерлинга, Печорский край в то время «представлял совершенно загадочную землю, подобную внутренней Африке»¹. В записке, подготовленной после экспедиции для Императорского Русского географического общества (ИРГО), он отмечал, что в публике «о Печорском крае никто ничего не знал, да и в административных сферах сведения о Печорском крае были весьма неполные и неверные»².

В письмах к родным Кейзерлинг отмечал услужливость и сообразительность зырян, сопровождавших экспедицию: «Зыряне – прекрасный, чистый народ простого склада, с тонким чувством открытости всему свету. Они услужливы и умны. Можно у них оставить деньги среди поля, и никто их не возьмёт»; «Зыряне – замечательные люди, у них совершенно отсутствуют ругательства, и поэтому богатый русский язык одолжил им некоторые»³.

В Припечорье Кейзерлинга поразил контраст между горами и бескрайними лесами, которые он сравнивал с морем. Вот как он описывал путь по знаменитым Аранецким болотам к Саблинскому хребту: «Гора кажется тем выше, чем однообразнее, монотоннее заболоченный лес – пространство, которое отделяет её от широкой многоводной Печоры. Он простирается непрерывно, как Чёрное море, до крайних скал хребта, и больших усилий стоит пробраться через него»⁴.

Североуральская экспедиция ИРГО под руководством Э.К. Гофмана

Главной экспедицией, буквально открывшей Уральский Север для всего мира, по праву считается организованная ИРГО комплексная Североуральская экспедиция 1847–1850 гг. под руководством геолога Э.К. Гофмана. Огромный уникальный материал её был обобщён в нескольких книгах: «Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедицией в 1847 и 1848 годах» и «Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов» Д. Юрьева в 1852 г., в двухтомнике «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» М.А. Ковальского и Э.К. Гофмана в 1853 и 1856 гг. (на немецком и русском). В материалы экспедиции вошли наблюдения за природой и населением Уральского Севера: сведения о промысловых традициях, технологиях

¹ Терюков А.И. История этнографического изучения народов Коми. СПб., 2011. С. 116.

² Там же.

³ Владимирев Е. Александр Кейзерлинг. Граф на Печоре // Регион. Август 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ourreg.ru/2020/08/01/avgust-aleksandr-kejzerling-graf-na-pechore/> (дата обращения: 07.07.2021).

⁴ Keyserling A., Krusenstern P. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jare 1843. SPb., 1846. С. 376.

и навыках ориентирования в лесной и горной местности, жизни в суровой северной природе, полученные в ходе контактов с проводниками экспедиции, охотниками и рыбаками припечорских деревень, оленеводами-кочевниками¹.

Каким же увидели Урал Гофман и его товарищи? Гофману горы Урала показались суровыми и недружелюбными: «...Урал, дикая каменная гряда, состоящая из беспорядочно перемешанных между собою пиков, протянутых зубчатыми рядами, и из шапок, с растрескавшимися вершинами...»² Гофману, повидавшему немало экзотических красот, уральская природа в сравнении с Альпами показалась не просто дикой, а слишком дикой: «Несмотря на свою незначительную высоту, Северный Урал имеет альпийскую наружность... Долины его, часто представляя дивные, живописные группы утёсов, далеко, однако ж, уступают в красоте долинам Альпов³.

При всей своей прозрачности, вода его рек никогда не окрашивается отражением роскошной зелени тирольских и швейцарских горных потоков, а тёмно-голубых озёр, этого великолепного украшения величественных Альпов, они не имеют вовсе»⁴.

Гофману вторит Юрьев: «К сожалению, здесь всё имеет мёртвый и неподвижный вид, и эта мертвенность только изредка нарушается завыванием ветров, как бы силящихся побороть спокойную стойкость каменных великанов, или пронзительным и жалобным криком парящих над головою орлов, которые как бы обнаруживают этим своё опасение за целостность гнёзд с приближением смелого путника, дерзнувшего подняться к недоступным вершинам. Отсюда вековые леса, растущие у подножия, кажутся слившимися в одну чёрную массу, а река – узкою чертой...»⁵

Отдельно он останавливался на особенностях уральской природы, осложняющих путешествие: это в первую очередь неустойчивая погода, сильные дожди и холодные ветры. «Не касаясь трудностей и лишений, которым, естественно, подвергается каждый путешественник в стране горной и необитаемой, нельзя, однако ж, для более удовлетворительного понятия о стране уральской не упомянуть о местных неудобствах

¹ Шубница Е.И. Природа и история Печорского Приуралья в материалах визуальных источников XIX – начала XX вв. / Сборник статей по итогам всероссийской научно-практической конференции «Роль визуальных источников в изучении региональной истории». Сыктывкар, 2017. С. 189.

² Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции Русск. геогр. об-ва в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1856. Т. 2. С. 77.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же.

⁵ Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1847 и 1848 годах. СПб., 1852. С. 51.

и затруднениях, которые исключительно ей одной свойственны. Сильные дожди, на горах порывистые ветры, холодные и густые пары, и вообще все быстрые перемены и непостоянства погоды сурового климата действуют здесь весьма ощутительно, в особенности когда застигают неожиданно»¹.

Но с особенным ужасом Гофман вспоминал о кровососах, которые потрясли его больше, чем встречи с медведями, потери оленей и блуждания в горах. Комарам у него посвящены целые страницы: «Эти мучители уничтожали всё наслаждение жизнью посреди простой природы, которая без них, одною своею естественною прелестью, заставляла бы нас забывать все неудобства путешествия даже в этой дикой стране»²; «Без перчаток и сетки из конских волос для защиты лица и шеи решительно не было житья; а когда наблюдения, делаемые для съёмки, заставляли нас снимать сетку, мы с каждым днём терпели больше и больше мучений. Я бывал в обильных комарами странах на обоих полушариях, но Северный Урал превосходит в этом отношении всех их»³. «От кровожадных врагов человека на Севере – комаров нет спасения, – повторял он в одном из донесений. – Они не находились в столь огромном количестве ни в камышах Каспийского моря, ни в тайге Восточной Сибири и Камчатки, ни в Бразилии, ни в бамбуковых рощах на островах Люсан (Тихий океан). Путешествие по Уралу сопряжено со множеством лишений, но они забываются и даже оставляют в воспоминаниях приятное чувство, но претерпеваемую от комаров муку забыть нельзя!»⁴ Гофману опять вторит Юрьев: «...здесь беспокойство от невероятного множества комаров столь мучительно, что, кажется, превосходит все трудности и лишения. Трудно представить себе, кто сам не испытал свирепость этих насекомых, от которых, к несчастью, нет средства защищаться»⁵. «Насекомые дикие и домашние, летающие и ползающие, жужжащие и немые мучили нас; одно имя их мне страшно теперь, поэтому их не называю», – цитирует он снова Гофмана⁶.

Рассказывая о трудностях путешествия по Уралу, Гофман с восторгом и уважением говорил о проводниках экспедиции – местных жителях, ижемцах и русских: «Железный народ эти зыряне-ижемцы. Холод, дождь, жара, бессонные ночи, тяжёлая работа – всё это им нипочём. Ничто их

¹ Юрьев Д. Указ. соч. С. 52.

² Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции Русск. геогр. об-ва в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб., 1856. Т. 2. С. 21.

³ Там же. С. 77.

⁴ Матвеева Т. Первая Уральская // Уральский следопыт. 1972. № 1. С. 50.

⁵ Юрьев Д. Указ. соч. С. 52.

⁶ Там же. С. 137.

не ужасает, ничто не смущает»; «...камень служил им изголовьем, земля – постелью, ель – шатром, а накинутый на голову и на плечи зипун – защитой от комаров и холода. Ничто не возмущало весёлого расположения их духа: ещё, бывало, слышим, как они, лёжа под своими зипунами, напевали потихоньку песенку, пока мало-помалу овладевал ими сон»¹; «...я дивился инстинкту моих спутников – узнавать местность. Мы шли через густой лес и по прямой линии пришли как раз к лодкам, точно как будто к ним была проложена дорога»². «С весёлым сердцем и с небольшим запасом пускается он в дорогу; сеть и ружьё должны прокормить его. Камень служит ему изголовьем, когда он уснёт, накинув на голову и на плечи армяк. Развесистая сосна – защищает его от дождя и непогоды. Живительное “авось” доводит его иногда до отчаянного положения, но “не бойся” является к нему на помощь»³. Его восхищает не только их умение существовать в жёстких условиях Уральского Севера, но и человеческие качества, такие как надёжность и верность товарищам, которые крайне важны при работе в команде: «Никогда он не покинет приятеля, хотя бы пришлось поплатиться жизнью. Путешественник не может желать лучшего проводника и спутника. Он идёт через лес и болото, сквозь огонь и воду, заботясь о себе самом всего менее»⁴.

Несмотря на дорожные трудности и жёсткий график Северо-Уральской экспедиции, первозданная природа Уральского Севера, его прекрасные пейзажи покорили сердца исследователей: не случайно на третий год в состав экспедиции был включён профессиональный художник. «После нескольких сильно ненастных дней, напоминавших нам пустынное отдаление от всякого жилья и располагавших живее чувствовать и ценить приятность удобной городской жизни, мы вознаграждались иногда своего рода удовольствием, любуясь прекрасными, дикими, но величественными горными ландшафтами», – писал Юрьев⁵. «Вид Ульдор-Кырта имел для меня столько привлекательности, что я, несмотря на то что оставался ещё добрый час до солнечного заката, велел разбить выше ворот палатку, чтоб насладиться этим видом ещё при утреннем освещении», – писал уже Гофман о Шугоре⁶.

Участники экспедиции пересказывали легенду о вершине Тельпосиз: «У зырян и остяков ведётся поверье, что на эту гору не должно всходить: если кто осмелится это сделать, то поднимется такая буря, что смельчак

¹ Гофман Э. Указ. соч. С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 187.

⁴ Там же.

⁵ Юрьев Д. Указ. соч. С. 52.

⁶ Гофман Э. Указ. соч. С. 76.

тотчас полетит в пропасть. В её окрестностях, по их мнению, постоянно дуют ветры, чего и я, по своему опыту, не могу опровергать. От этих-то беспрестанных ветров она получила, должно быть, и название Телль-Пос: на зырянском языке оно означает Бурное Гнездо, по истолкованию моего переводчика...»¹; «Туземцы – остяки и зыряне – уверяли нас, что на эту гору никто не смеет взобраться и что в старину были будто смельчаки, увлечённые любопытством, но оттуда никогда уже не возвращались. Они считают место это обиталищем нечистого духа»².

Такие описания красот и загадок Урала, параллельно с трудностями и опасностями, несомненно, очень обогатили итоговую книгу Гофмана. При присуждении ей Демидовской премии Академии наук было отмечено, что «автор сперва изображает случившиеся с ним события» «столь привлекательно и живо, что всякий, конечно, с истинным удовольствием прочтёт это донесение». И далее: «Но сверх того в нём содержится много географических и естественно-исторических заметок и наблюдений, столько верных и живых описаний страны и ея обитателей, что читатель действительно совершенно как бы переносится в эти края и, так сказать, сродняется с ними. Но он вместе с тем узнаёт также, что путешествие по тамошним пустыням сопряжено со многими трудностями и опасностями...»³

Высоко отозвался о книге «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» тогда ещё молодой учёный Д.И. Менделеев в 1857 г. в рецензии, опубликованной в журнале Министерства народного просвещения: «Путешествия возбуждают все наши духовные силы, расширяют умственный горизонт и, знакомя нас с природой и людьми в их многообразии, воздерживают нас от произвола в суждениях и взглядах на вещи... <...> Путешествия производят самое благодетельное влияние на людей всех возрастов и времён»⁴.

Отдельно стоит сказать об иллюстрациях в книге Гофмана. Кроме записей, в неё вошли зарисовки природы и людей Приуралья – не просто иллюстрирующие тексты, а являющиеся самостоятельными уникальными источниками информации. В первые два сезона (1847 и 1848 гг.) зарисовки делал самодеятельный художник – естествоиспытатель Фёдор Брант. На его рисунках мы видим изображения орудий лова (14 рисунков), портреты местных жителей (4 рисунка), бытовые сцены и утварь (6 рисунков), пейзажи с видами гор (2 рисунка)⁵.

¹ Гофман Э. Указ. соч. С. 79.

² Юрьев Д. Указ. соч. С. 54.

³ Гельмерсен Г.П. Указ. соч. С. 124.

⁴ Матвеева Т. Указ. соч. С. 50.

⁵ Шубница Е.И. Указ. соч. С. 190.

Рис. 1. Озеро в долине реки Косью. Рисунок И.И. Бермелеева со стоянки экспедиции Э. Гофмана (вверху)¹ и современная фотография, сделанная с той же точки

В последний год в экспедицию был включён профессиональный художник, 38-летний И.И. Бермелеев: «...а как экспедиция эта посетит часть хребта, не лишённую живописной красоты, то, по ходатайству начальника ея, г. Гофмана, причислен к экспедиции в качестве живописца воспитанник С.-Петербургской Академии Художеств г. Бермелеев»². 12 горных пейзажей его работы не только украсили книгу об экспедиции, но и позволили в наши дни восстановить её точный маршрут и места стоянок (рис. 1, 2).

¹ Шубница Е.И. Указ. соч. Вкладка после с. 186.

² Гофман Э.К. Доклад на заседании ИРГО // Записки Императорского Русского географического общества. 1850. Т. 5. С. 45.

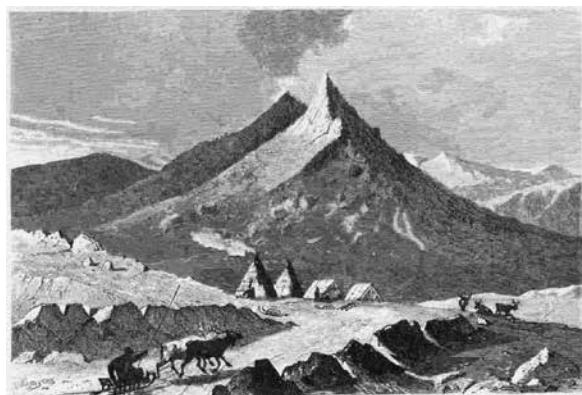
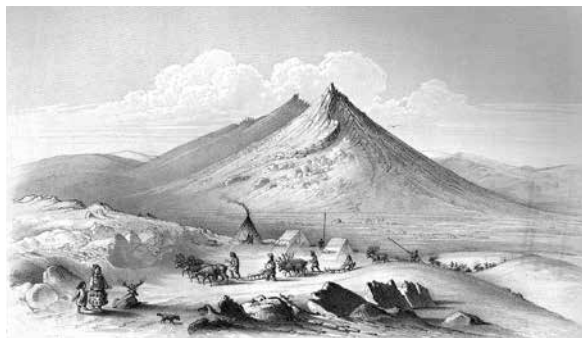

Рис. 2. Стойбище оленеводов в долине р. Балбанью. Рисунок И.И. Бермелеева из книги Э. Гофмана (вверху)¹; «ремейк» Н.Н. Каразина из 1-го тома «Живописной России» (в центре)²; современная фотография (внизу)

¹ Гофман Э.К. Доклад на заседании ИРГО // Записки Императорского Русского географического общества. 1850. Т. 5. С. 45.

² Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П.П. Семёнова, вице-предс. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб., М., 1881. Т. 1. С. 67.

Таким образом, Первая Северо-Уральская экспедиция стала для своего времени не только выдающимся научным событием, привлёкшим внимание широких научных кругов. Можно считать, что вторым томом книги Э. Гофмана, изданным в 1856 г., Уральский Север был в значительной степени «открыт» и для простых жителей России и всего мира.

Однако эта книга уже к концу XIX в. стала в России раритетом и была малоизвестна и малодоступна – вплоть до нынешнего времени, эры цифровых технологий и Интернета. Так, уже в 1909 г. – спустя более полувека – Б.В. Безсонов сетовал, что записки Э. Гофмана «забыты и лежат под спудом в виде библиографических редкостей, достать которых почти нет возможности»¹ и он узнал об этой книге лишь по возвращении из экспедиции по Печоре, к концу работы над собственными записками².

«Шесть печорских казней» Н.А. Иваницкого

В 1881 г. по Припечорью путешествовал Н.А. Иваницкий – вологодский литератор, ботаник, этнограф, фольклорист, художник. Хотя официальной целью его поездки был сбор материалов о флоре края, однако, будучи талантливым литератором и художником, кроме ботанических коллекций, Иваницкий привёз из путешествия наблюдения и зарисовки, опубликованные им впоследствии в виде очерков и путевых заметок. В 1882 г. в журнале «Нива» вышел очерк «В Печорском крае», иллюстрированный двумя гравюрами-рисунками с набросков Н.А. Иваницкого работы художника Н.Н. Каразина, на которых изображены «бренды» природы Припечорья – горы Тельпосиз и Сабля, Ворота Щугора, скалы Кирпич-Кырта на реке Подчерем (рис. 3 и 4).

Позже эти рисунки вошли в издание «Живописная Россия», где серией гравюр «по наброскам Н. Иваницкого» под общим названием «В Печорском крае» был проиллюстрирован очерк М.В. Малахова «Уральский хребет»³.

В 1886 г. в «Вологодских губернских ведомостях» вышла серия очерков «Вологодская Печора». В них Н.А. Иваницкий, как до него Д. Юрьев, провёл «систематизацию» трудностей Припечорья, включив в число «шести печорских казней» самые, на его взгляд, главные проблемы, с которыми сталкивается путешественник: северный ветер – «вой тол», земские станции – «грязные и гадкие до невозможности», раскольников-староверов, запрещающих курить и пить чай, и, конечно же, кровососов – комаров, оводов и мошку⁴.

¹ Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб., 1909. С. 151.

² Там же. С. 139.

³ Малахов М.В. Уральский хребет // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб., 1901. Т. 8. Ч. 2. С. 1–35.

⁴ Иваницкий Н.А. Вологодская Печора // Вологодские губернские ведомости. 1886. № 21. С. 5.

Рис. 3. Страница из журнала «Нива» (1882) с рисунком Н.Н. Каразина с наброска Н.А. Иваницкого. Подписи: 1. Вид на реку Саблю [так в оригинале]; 4. Ворота на реке Щугор¹

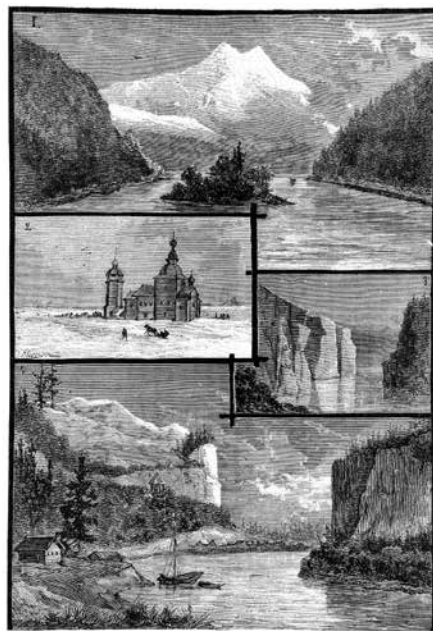

Рис. 4. Страница из журнала «Нива» (1882) с рисунком Н.Н. Каразина с наброска Н.А. Иваницкого. Подписи: 2. Вид на гору Толпаз; 3. Скалы на реке Подчерем²

Припечорье в очерках Иваницкого предстаёт неуютным и неприветливым, даже в сравнении с вологодской глушью. «Тёмные облака растянулись бесконечными полосами над необъятным горизонтом печорских лесов, и на душу впервые сошло то смутное настроение, которое не покидало её за всё время моего странствования. Причина этого настроения заключалась в том, что страна, в которую я теперь вступил, очень многим отличалась от мирных вологодских равнин. Здесь не было ничего умиротворяющего, напротив, всё заставляло опасаться, беспокоиться, недоумевать. Погода в высшей степени ненадёжна и переменчива, река слишком широка, лес слишком дремуч, горы слишком высоки, безлюдье подавляющее, народ слишком угрюм и неприветлив...»³

Припечорские леса для него тоже не создавали уюта и защиты, по сравнению с лесами Вологодчины: «Берега Щугора очень красивы,

¹ Иваницкий Н.А. В Печорском крае // Нива. 1882. № 1. С. 4.

² Там же. С. 5

³ Там же. № 20. С. 8.

но дики. Войти в лес крайне затруднительно: здешние леса не похожи на наши. У нас всегда можно пробираться и в самом большом лесу; здесь же, как в девственных лесах Америки, нельзя подвигаться вперед без помощи топора; да часто и топор не поможет, так как огромные деревья, поваленные бурями и лежащие друг на друге, рубить невозможно»¹.

«Живописная Россия» – «полнейшее многотомное сочинение по отчизноведению»²

Вторым «открытием» Уральского Припечорья для жителей России можно считать «Живописную Россию» – проект П.П. Семёнова-Тян-Шанского, самый грандиозный и один из самых дорогих издательских проектов рубежа XIX–XX вв. Книга была богато иллюстрирована гравюрами с набросков и фотографий, сделанных в том числе в научных экспедициях. Приуралью посвящена вторая часть восьмого тома, который открывался очерком М.В. Малахова «Уральские горы». Сам Малахов в Припечорье не был и при написании очерка пользовался записками авторов-путешественников, в первую очередь того же Э. Гофмана³. В его рассказе о Приуралье присутствует весь набор припечорских «казней», описанный предыдущими авторами. Здесь и холодная переменчивая погода, и комары: «Сколько трудностей и лишений испытывает путник, закинутый судьбою в эту горную и необитаемую страну!.. Иногда болотистые долины, глубокие и быстрые притоки рек заставляют отыскивать переходы чрез них. Ко всему этому прибавьте: сильные дожди в горах, порывистые ветры, холодные и густые туманы, одним словом, все быстрые перемены и непостоянства погоды, свойственные суровому климату. Но всё это тускнеет, всё это ничто пред тем, что доставляют путешественнику слепни, комары и мошки – эти ужасные бичи Севера! Целыми роями носятся они в воздухе, соблюдая известную очередь, и с жадностью накидываются на всякое животное. Количество их до такой степени велико, что белая лошадь, на которой поместится рой этих насекомых, представляется пегою, даже серою, – так густо покрывают они тело! Можно судить, что чувствует при этом человек непривычный! Ужаление комара не ограничивается только неприятным зудом, но вся нервная система потрясается до некоторой степени, и “мороз подирает по коже”, по верному выражению простолюдинов. Подобные ощущения являются в момент укола одного комара; но так как обыкновенно

¹ Иваницкий Н.А. В Печорском крае // Нива. 1882. № 20. С. 9.

² Заключительный очерк: История «Живописной России» // Живописная Россия. СПб., 1901. Т. 8. Ч. 2. С. 301.

³ Абашев В.В. Урал в монументальной геопанораме (очерк М.В. Малахова в «Живописной России») // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 64.

кусают в одно время в разных местах, то всё, вместе взятое, может довести человека до отчаяния»¹.

Описывает он и мёртвую неподвижность бескрайнего лесного моря: «Что особенно поражает в уральских лесах – это мёртвая тишина: ни одного звука!.. не пискнет ни одна птица... Молчание прерывается только стуком шагов лошадей да треском какой-нибудь ветки, лежащей на дороге. Эта тишина, вместе с постоянными сумерками, царствующими под развесистыми ветками деревьев, действует как-то тревожно на душу... Случится ли перебираться чрез обнажённые горные утёсы – и здесь тот же мёртвый, неподвижный вид... Отсюда вековые леса, растущие у подножия, кажутся слившимися в одну тёмно-зелёную массу, а река – узкой чертой...»²

М.В. Малахов также восхищается проводниками: «Охотники-инородцы, служащие обыкновенно проводниками, искаживают на своём веку вдоль и поперёк уральскую тайгу, и нельзя не удивляться их способности запоминать места. Там, где впервые человеческая нога его особы прошла по мшистому покрову, гоняясь за зверем, там он проведёт уже вас, не сбиваясь с пути, как бы по проторенной тропе. Без опытных проводников странствование ещё труднее: приходится в дикой лесной чаще прорубать себе дорогу или расчищать прогалины»³. Пересказывает он и легенду о хозяине горы Тельпосиз: «С благоговением и суеверным страхом говорят об этой горе туземцы – остяки и зыряне; они преклоняются пред её грозным видом, малодоступностью и причудливостью очертаний, и воображение их принимает вершину за обиталище нечистаго духа. По их мнению, ни один смертный не может достигнуть верхних скал, и все отважные смельчаки, увлечённые любопытством, погибли на пути к ней, застигнутые страшной бурей»⁴.

Путешествие Рабо

В 1880 г. по Печоре путешествовал молодой географ, в будущем исследователь Арктики, альпинист, журналист и популяризатор науки Шарль Рабо. Через 4 года он выпустил в Париже книгу «Путешествие по Северу России», в которой пытался разрушить представления о России как о холодной и мрачной стране, показать, что эта территория не является покрытой льдом пустыней. Рассказ Рабо об Урале лиричен и глубоко мифологичен. Описания уральских ландшафтов у него даны в стиле бореализма, согласно привычным западным стереотипам,

¹ Малахов М.В. Указ. соч. С. 16.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 9.

где Север ассоциировался преимущественно с Сибирью – страной тайги и болот вдали от дорог и цивилизации, таящей несметные сокровища недр, пушнины в лесах, населённой людьми крепкого здоровья и спокойного мужества. Сравнение Урала с Альпами у него, в отличие от Гофмана, в пользу Урала, прежде всего за счёт простора: «Пейзаж был открыт всем ветрам, нигде не чувствовалась теснота, нагромождение давящих и заслоняющих перспективу гор, характерное для Альп»¹.

Описания Урала у Рабо глубоко мифологичны, пропитаны предметами и образами, характерными для мифологических текстов: дремучими лесами, бесконечными реками, топкими болотами, мостами, языческими богами, странными обычаями и т. д.², с постоянными сравнениями, историческими и географическими аналогами: «...перед нами открылась широкая тенистая долина, окаймлённая голыми плоскими горами. Казалось, мы попали в Юру. Своими лесами, чистыми водами и мягкими, обтекающими формами рельефа эта часть Урала напоминает Франш-Конте»³. «Позади, величественный в своём одиночестве, выросла могучий Тельпосиз – самые высокие горы в этой части Урала, наиболее величавые из всех, которые я когда-либо видел...»⁴

Тем не менее эти бескрайние пространства казались Рабо мрачными: «Мрачное безлюдное пространство было покрыто бескрайним зелёным лесом»⁵. «На всей этой обширной территории, раскинувшейся под нами, подобно рельефной карте, не оказалось ни домов, ни шалашей, ни людей. На протяжении 230 км от Усть-Щугора до деревеньки Щекурья, расположенной на другой стороне Урала, мы лишь дважды встретили людей»⁶.

Говоря о Тельпосизе, Рабо на свой лад пересказал легенду о «хозяине ветра» Войпеле: «Согласно местной мифологии, Тельпосиз – место пребывания зырянского Эола, поэтому, подходя к нему, лодочники, повинувшись тому же суеверию, что и древнегреческие моряки, запретили нам свистеть и кричать, чтобы не вызвать бурю. Тельпосиз в переводе с зырянского означает “Гора гнезда ветров”. Местные жители считают эту гору неприступной: как только вы приближаетесь к её вершине, злой дух вызывает ураган и сбрасывает вас в бездну. Говорят, что одного самоеда, решившегося взобраться на этот пик вопреки предупреждениям зырян, ветер разорвал на куски»⁷.

¹ Рабо Ш. Путешествие по Северу России // Арт. 2020. № 2. С. 127.

² Кучумов И.В. Путешествие по Северу России. Французский путешественник у коми-зырян // Арт. 2020. № 2. С. 99.

³ Рабо Ш. Путешествие по Северу России // Арт. 2020. № 2. С. 127.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 127.

Как и его предшественники, говоря о местных жителях, Рабо восхищался их выносливостью и неприхотливостью: «Наши лодочники-зыряне вызывали восхищение своей энергией и терпением. Какими крепкими малыми оказались эти финны! В течение 14 часов они ступали по воде, а вечером, не заботясь о просушке своей одежды, засыпали в палатке в рубахе и штанах, хотя ночи здесь весьма прохладные. При этом они питались только рыбой и ржаным хлебом»¹.

Подводя итог всему сказанному выше, можно утверждать, что «открытие» Припечорья – «Уральской Арктики» – для Российской империи и всего мира происходило благодаря научным экспедициям начиная с 1850-х гг. и до начала XX в. Сформированный в основном на основе дневниковых записей образ Уральского Севера, с одной стороны, очень романтичный – дикий, прекрасный и вольный, безлюдный, неисследованный, полный тайн и легенд, с другой – мёртвый, суровый, угрюмый и негостеприимный, место для сильных людей. Такая амбивалентность – прекрасный и одновременно мрачный и жестокий – свойственна образу Уральского Севера практически у всех путешественников. Почти у всех авторов звучит тема неустойчивости существования в этой среде: Урал предстаёт в их сочинениях как граница между осёдлым и кочевым образом жизни, между жизнью и смертью, как отдельный мир, населённый духами гор. И в описании местных жителей и проводников главное внимание уделяется их способности существовать в этом мире, выживать в тайге и горах, переносить все трудности и лишения путешествия.

Одновременно романтика бореализма в образе Печорского Приуралья, в отличие от образа «высокой Арктики» в записках полярников, сконцентрированного, как правило, в основном на борьбе человека с северной природой, уравнивается, принижается темами насекомых-кровососов, тяжёлого, неустроенного быта, непростых характеров местных жителей.

¹ Рабо Ш. Путешествие по северу России // Арт. 2020. № 2. С. 127.

Заметки корреспондента газеты
«Калининградская правда» В.Т. Гузеева
из 3-й Советской антарктической
экспедиции 1957–1958 гг.

ПУБЛИКАЦИЯ А.С. ГУЗЕЕВА

Newspaper paragraphs from the 3rd
Soviet Antarctic Expedition 1957–1958
by *Kaliningradskaya Pravda's* correspondent
V.T. Guzeev

PUBLICATION BY A. GUZEEV

Сведения о публикаторе:

Гузеев Андрей Сергеевич, доктор философии, ведущий инженер ФГУП «Крыловский государственный научный центр» (Санкт-Петербург)
guzas52@mail.ru

Publisher:

Andrey Sergeevich Guzeev, Ph.D, leading engineer of Federal State Unitary Enterprise “Krylov State Research Center” (Saint Petersburg)
guzas52@mail.ru

Аннотация

Владимир Тихонович Гузеев участвовал в 3-й Советской антарктической экспедиции в качестве старшего научного сотрудника в составе геофизического отряда и одновременно являлся корреспондентом газеты «Калининградская правда».

Публикуются заметки В.Т. Гузеева, отправленные с борта дизель-электрохода «Обь», который обеспечивал доставку груза и личного состава экспедиции. «Обь» совершила кругосветное плавание, пройдя три океана – Атлантический, Индийский, Тихий, с посещением портов Южной Америки, Африки, Австралии, Новой Зеландии, о. Пасхи и др. В заметках освещаются трудовые будни и радостные события высокоширотного плавания и пребывания на Антарктическом континенте. Представлены материалы и фотографии из личного архива В.Т. Гузеева.

Abstract

Vladimir Tikhonovich Guzeev participated in the 3rd Soviet Antarctic Expedition as a senior scientist in the geophysical team and also a correspondent of the newspaper *Kaliningradskaya Pravda*.

The report presents the paragraphs of the newspaper *Kaliningradskaya Pravda* sent from the diesel-electric ship *Ob*, which provided the delivery of cargo and personnel of the expedition. The paragraphs cover everyday work and joyful events of high-latitude navigation and stay on the Antarctic continent. Materials and photos from the personal archive of V.T. Guzeev are presented.

Ключевые слова:

Антарктида, дизель-электроход, Южный полюс, экспедиция, экипаж, Атлантический океан.

Keywords:

Antarctica, diesel-electric vehicle, the South Pole, expedition, crew, the Atlantic Ocean.

Энтузиазм исследователей высоких широт заряжает окружающих людей силой и уверенностью, даёт импульс к развитию своих способностей и преодолению трудностей. А сами исследователи, побывав среди льдов один раз, стремятся вернуться туда снова и снова. Дневники, записки и очерки, оставленные ими, сохраняют свою силу на долгие годы и передают её окружающим.

Владимир Тихонович Гузеев родился в 1931 г., стал доктором технических наук, заведующим кафедрой Ленинградского высшего инженерного морского училища им. адмирала С.О. Макарова, начальником Новороссийского высшего инженерного морского училища имени адмирала Ф.Ф. Ушакова.

В.Т. Гузеев принял участие в 3-й Советской антарктической экспедиции, проводившейся в 1957–1959 гг., – он был старшим научным сотрудником в составе геофизического отряда и одновременно являлся корреспондентом газеты «Калининградская правда». При этом он участвовал в работах морской экспедиции (1957–1958), а затем был в составе континентальной партии. Одновременно подготовил ряд заметок, опубликованных на страницах газеты.

В феврале 1958 г. научные сотрудники экспедиции приняли участие в Международном антарктическом симпозиуме в Веллингтоне (Новая Зеландия). На этом симпозиуме В.Т. Гузеев выступил с докладом, посвящённым магнитным измерениям на судах при плавании в высоких широтах.

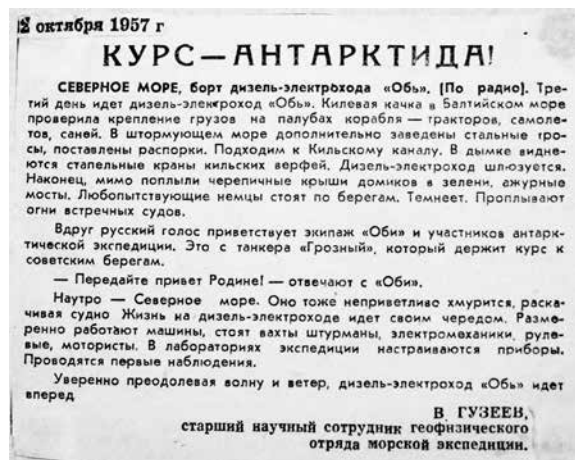

Рис. 1. Фрагменты заметок В.Т. Гузеева, опубликованных на страницах «Калининградской правды», 1957–1958 гг.

В архиве В.Т. Гузеева сохранилась только часть заметок, опубликованных им на страницах газеты «Калининградская правда». Эти заметки очень лаконичны и написаны в стиле репортажей, без подробного описания событий, происходивших в экспедиции, и фотографий (рис. 1). В публикации приводятся тексты этих заметок В.Т. Гузеева, а также небольшая заметка о выставке фотографий Владимира Тихоновича в Музее Арктики и Антарктики.

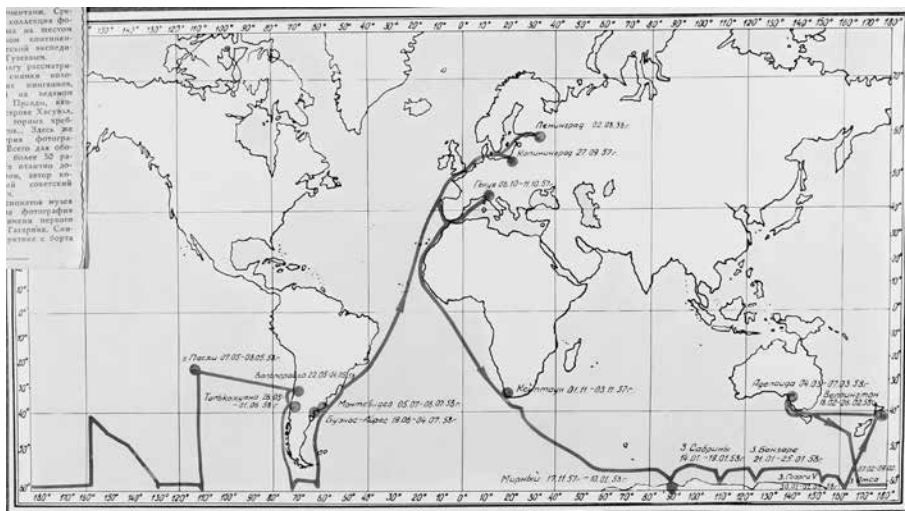

Рис. 2. Маршрут 3-й Морской антарктической экспедиции Акад. наук СССР 1957–1958 гг. Старший научный сотрудник В.Т. Гузев (его фотография справа)

Фотографии В.Т. Гузева также сохранились в семейном архиве. Они вошли в большой фотоальбом, посвященный работе 3-й Морской антарктической экспедиции (МАЭ) Академии наук СССР. Некоторые из фотографий представлены в данной публикации.

Фотоальбом начинается с карты маршрута 3-й МАЭ (рис. 2).

Серия фотографий иллюстрирует, как тщательно производилась разгрузка оборудования, доставленного в Антарктиду (рис. 3). Полярники очень любили снимки с обитателями шестого континента. В хорошую погоду при отсутствии сильного ветра пингвины часто подходили к борту дизель-электрохода (д/э) «Обь» и прогуливались вдоль него (рис. 4).

Рис. 3. Разгрузка и сборка самолётов

Рис. 4. Императорские пингвины важно прогуливаются вдоль борта д/э «Обь»

Рис. 5. Внезапно налетел ураган. Айсберги взламывают припайный лед, грузы начинают тонуть. Ветер валит с ног, спасаем грузы. Потеряли трактор и самолёт

Суровые погодные условия, ветры и штормы создавали сложные и аварийные ситуации, в которых все участники экспедиции выходили на погрузо-разгрузочные и авральные работы (рис. 5). Часто приходилось расчищать и подготавливать взлётную полосу для самолётов, обеспечивающих связь и доставку грузов вглубь континента (рис. 6).

В составе экспедиции работали отряды, выполняющие исследования по различным научным направлениям: гидрологический, морской геологический, гидрохимический, метеорологический, биологический, геофизический и др. Ряд материалов фотоальбома иллюстрирует деятельность этих отрядов. На рис. 7 показаны фрагменты работы по измерению магнитных полей.

Рис. 6. Расчистка взлётной полосы

Фотолетопись шестого материка

Ленинградская правда. 1963. 12 марта. С. 3

Экспозиция Музея Арктики и Антарктики пополнилась новыми интересными документами. Среди них – большая коллекция фотографий, сделанных на шестом материке участником континентальной антарктической экспедиции Владимиром Гузеевым.

Посетители подолгу рассматривают уникальные снимки колонии императорских пингвинов, лежбища тюленей на ледяном припае у берега Правды, капских голубей на острове Хасуэлл, снимки айсбергов, горных хребтов, ледяных гротов. Здесь же экспонируется серия фотографий из Мирного. Всего для обозрения выставлено более 50 работ В. Гузеева.

Гузеев В.Т. Курс – Антарктида!

Калининградская правда. 1957. 2 октября

СЕВЕРНОЕ МОРЕ, борт дизель-электрохода «Обь». (По радио.) Третий день идёт дизель-электроход «Обь». Килевая качка в Балтийском море проверила крепление грузов на палубах корабля – тракторов, самолётов, саней. В штормующем море дополнительно заведены стальные тросы, поставлены распорки. Подходим к Кильскому каналу. В дымке виднеются стапельные краны кильских верфей. Дизель-электроход шлюзуется. Наконец мимо поплыли черепичные крыши домиков в зелени, ажурные мосты. Любопытствующие немцы стоят по берегам. Темнеет. Проплывают огни встречных судов.

Рис. 7. Магнитные измерения проводят В.Т. Гузеев и А.М. Дунаев

Вдруг русский голос приветствует экипаж «Оби» и участников антарктической экспедиции. Это с танкера «Грозный», который держит курс к советским берегам.

– Передайте привет Родине! – отвечают с «Оби».

Наутро – Северное море. Оно тоже неприветливо хмурится, раскачивая судно. Жизнь на дизель-электроходе идёт своим чередом. Размеренно работают машины, стоят вахты штурманы, электромеханики, рулевые, мотористы. В лабораториях экспедиции настраиваются приборы. Проводятся первые наблюдения.

Уверенно преодолевая волну и ветер, дизель-электроход «Обь» идёт вперёд.

Гузеев В.Т. На пути в Антарктику

Калининградская правда. 1957. 15 октября

ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД «ОБЬ». (По радио от корреспондента «Калининградской правды».) В трудных штормовых условиях «Обь» обогнула Европу. Тёплое Средиземное море встретило восьмибалльным ветром, встречной волной, снижающей ход судна. Тем не менее к началу Пятого международного конгресса транспортных коммуникаций, приуроченному к празднованию 500-летия со дня рождения Колумба, вычищенный до блеска наш дизель-электроход вошёл в заполненный десятками пароходов Генуэзский порт, пришвартовался к центральному причалу океанских лайнеров. Несколько тысяч итальянцев побывало

на дизель-электроходе, беседуя с моряками, учёными, восхищаясь лабораториями, оборудованием судна и экспедиции.

Председатель отделения общества «Италия – СССР» профессор Глянцони преподнёс изготовленную из филигранного серебра модель каравеллы Колумба «Санта-Мария». Мэр города Витторио Пертузио – огромную книгу с историческими документами о Колумбе. Участники нашей экспедиции возложили венки и букеты гвоздики в старинном домике, где жил Колумб.

Пребывание нашего судна в Генуе вылилось в демонстрацию дружеских чувств народа Италии к Советскому Союзу, его научным достижениям, в частности к запуску искусственного спутника Земли.

Вот некоторые записи, сделанные генуэзцами в книге отзывов: «Вы великий народ. Галорацини». «Да здравствует русская наука. Александре Такалунчо». «Привет советскому народу – народу мира. Скерме Луиджи». «С вами сегодня, завтра и всегда. Альдо Суиджи».

Из Генуи «Обь» взяла курс к ледяному шестому континенту, унося воспоминания о тёплых чувствах трудящихся Италии к нашей великой Родине.

Гузев В.Т. На пути в Мирный

Калининградская правда. 1957. 27 октября

Пятые сутки «Обь» находится в тропиках. Палящие лучи поднимающегося всё выше к зениту солнца, большая влажность воздуха сделали бы пребывание на судне невыносимым, если бы над лазурной гладью Атлантического океана не было свежего ветерка. В машинном отделении вентиляция понижает температуру только до сорока четырёх градусов Цельсия. Основные работы перенесены на палубы.

Лётчики целые дни проводят у самолётов: чистят, смазывают, перебирают – готовят машины к дальним полётам в неизведанные глубинные районы Антарктиды. Изредка проходят грозы, и опять над головой возникает безоблачное небо, усыпанное ночью сотнями ярких чужих созвездий. В одну из таких ночей произошла наша встреча с советским рыболовным траулером «Казань». Радостной была эта встреча с рыбаками-калининградцами, ведущими разведочный промысел, в далёких тропических морях.

«Обь» приняла с траулера сардины. Прощальные гудки, и мы спешим на юг. Опять пустынный океан. В конце дня 22 октября пересекли экватор.

После захода в Кейптаун подготовка к выгрузке пошла ещё энергичнее. Электрики перебирают лебёдки. Активно помогает палубной

команде отряд строителей. Постоянно держим радиосвязь с Мирным. Нас с нетерпением ждут. Готовясь к встрече, отмечают на картах суточные переходы «Оби».

Гузеев В. Т. На пути в Мирный

Калининградская правда. 1957. 17 ноября

На пути в Мирный учёные морской части Антарктической экспедиции ведут на «Оби» наблюдения за состоянием течения воды, за морскими микроорганизмами и т. д. Наш корреспондент В.Т. Гузеев передаёт с «Оби» информацию о жизни на корабле, о работе учёных.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ. Сильный встречный ветер и приличная волна; на вид она меньше, чем балтийская, но качает сильнее. В столовой команды идёт собрание – профессор Корт докладывает, что в разгар 3-го Международного геофизического года задачи поставлены большие. Планы научных работ значительно расширены. Кроме океанографических исследований, предстоят большие гидрографические и картографические работы в Антарктике. Запланировано 6 подходов к континенту. Предстоит пройти 50 тысяч миль...

ПРОЛИВ ЛА-МАНШ. С раннего утра проглядывает освещённый розовыми лучами восходящего солнца высокий и обрывистый берег Англии – мы в проливе Па-де-Кале. Английский берег передвигается на горизонте в виде желтовато-серых холмов, выглядывающих из редкого тумана. Погода над морем хорошая, проглядывает солнышко, хотя ещё и не тепло. Но температура воды, по показаниям сводки, которую начали вывешивать, – 15 градусов. По судовому радио передают хронику плавания. Гидрологи готовят к спуску электромагнитный измеритель течений, монтируют новый прибор, позволяющий одновременно измерять температуру, солёность и радиоактивность воды. Геологи начинают эхолотный промер глубин, который будет вестись до возвращения к родным берегам.

БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ. Вышли из Английского пролива в знаменитый штормами Бискай. Погода самая благоприятная с начала плавания. Свежий и уже довольно тёплый ветерок подгоняет нас вперёд, волны, перекачиваясь, как гигантские мускулы, пытаются догнать нашу «Обь» и, не сумев, сердятся, рассыпаясь белоснежными гребешками. Качки почти нет, ход больше 15 узлов.

...На «Оби» работы идут полным ходом. В курительном салоне заседают «континентальщики», производя скрупулёзные расчёты потребного горючего, провианта, составляют графики для санных поездов...

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН. Перед сном поднялись на палубу. Бесчисленное множество звёзд в небе. За кормой – холодное зеленоватое

свечение: светятся гребешки волн, светится встревоженная кораблём вода. Это – фосфоресцируют микроорганизмы, раздражённые движением воды.

Днём в нашей лаборатории была генеральная приборка: мыли переборки, палубу, столы, перетирали приборы и аппаратуру. Уже в темноте проходим мимо Лиссабона: видно зарево отражённого морем большого города.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. Весь день шли курсом зюйд-ост. Начали попадаться дельфины. Приблизился испанский берег, покрытый выжженными солнцем холмами, за которыми видны горы. Медленно проплыл мыс Трафальгар, и впереди синеватым туманом встали очертания африканского берега. Близость пролива заметна и по большому оживлению на море: почти во всех направлениях дымки и силуэты пароходов. В проливе наши фотографии мечутся с борта на борт, стараясь заснять одновременно две части света: Европу и Африку. Впереди показалась отдельная, выдающаяся в море гора – английская крепость Гибралтар. Стайки дельфинов прыгают прямо перед форштевнем, лениво переваливаясь над водой и стремглав бросаясь вглубь или в сторону.

Описав петлю в Гибралтарском проливе и взяв нужные карты, «Обь» огибает мыс «Европа» и выходит в Средиземное море.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. Поздно ночью пришлось обходить рыбацкие сети, поставленные далеко в море и отмеченные еле мерцающими огоньками. Утро прекрасное, слева бесконечной грядой тянутся цепи гор, каменистых, безжизненных. Под носом, как кузнечики, перелетают стайки летучих рыб, иногда делая сразу по несколько прыжков. Прямо по курсу встаёт серовато-синяя стена, закрывающая и перспективу гор, и горизонт. Надвигается шторм. Рванул ветер и, срывая клочья пены с волн, зашвистел в такелаже. Килевая качка, дождь...

Ветер 8 баллов, волна 5–6 баллов. Но жизнь на судне течёт своим чередом: сменяются судовые вахты у механизмов, исследовательские вахты в лабораториях. На судне «санаврал» – моют и чистят палубы, протирают аппаратуру.

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН. После захода в крупнейший порт Южной Африки – Кейптаун дизель-электроход «Обь», обогнув мыс Доброй Надежды, вошёл в воды Индийского океана. В десятибалльный шторм пришлось заново крепить часть палубных грузов, так как сварные швы креплений лопнули.

В беспокойных сороковых широтах, за десятки тысяч миль от родных берегов, праздновали мы сорокалетие Великого Октября. Напряжённо работала судовая радиостанция – непросто было принять и передать тысячи праздничных поздравительных радиোগрам. Среди них были

поздравления от министра морского флота, Академии наук, Калининградского обкома партии.

«Обь», не сбавляя хода, вошла во льды. Скоро судно подойдёт к 30-километровому ледовому припаю Мирного, начнётся самый ответственный этап экспедиции – разгрузка судна. Последними приготовлениями к этому заняты все.

Гузев В.Т. «Обь» подошла к Мирному

Калининградская правда. 1957. 20 ноября

ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД «ОБЬ». (По радио от корреспондента «Калининградской правды».) В последние дни флагман 3-й Антарктической экспедиции дизель-электроход «Обь» медленно и с большим трудом пробивается сквозь тяжёлые льды двухметровой толщины, подминая и разламывая их.

Дважды прилетали самолёты из Мирного, совершающие ледовую разведку. «Обь», лавируя между величественными айсбергами, ночью 17 ноября подошла к береговому припаю в 27 километрах от Мирного. Таким образом, проделан путь около 13 тысяч миль. Члены континентальной экспедиции, которым предстоит поход в глубь ледяного континента, готовят к разгрузке самолёты, тягачи с санями и другое имущество.

Дизель-электроход подошёл к припаю, разукрашенный флагами расцвечивания. На огромном транспаранте, вывешенном на «Оби», крупная надпись: «Отважным полярникам Мирного – горячий привет Родины!»

Один за другим на лёд приземлились два самолёта, прилетевшие из Мирного. Произошла радостная встреча с мужественными обветренными исследователями, проработавшими год в тяжёлых условиях пурги, ветров и заносов.

«Обь» пробивает ледовый канал, чтобы через несколько часов стать под разгрузку. Длинный путь к Антарктиде подходит к концу.

Гузев В.Т. «Обь» – в штормующем Тихом океане

Калининградская правда. 1958. 18 февраля

ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД «ОБЬ». (От корреспондента «Калининградской правды».) Несмотря на сложные метеорологические условия антарктического лета этого года, морская экспедиция Академии наук на дизель-электроходе «Обь» успешно закончила очередной этап исследований в малоизученном и труднодоступном секторе Восточной Антарктики. Пройдя море Дюрвиля, судно спустилось далеко к югу в залив Диссапойнтмент, образуемый двумя огромными языками сползающих в море материковых ледников. Обстановку осложняли сильные ветры. Однако был проведён

большой объём работ по обследованию берегов в этом интереснейшем для науки районе вблизи Южного магнитного полюса.

Льды преградили подход к континенту. Пришлось обходить с севера. Тяжёлые паковые льды и разыгравшаяся пурга мешали лётчикам выполнить работы. И всё же нам удалось оборудовать аэродром, вернее, посадочную дорожку на торосистом льду припая, и самолёты взлетели.

Полярная авиация помогла нашим учёным. В результате проделанных работ на карте будут положены точные очертания берегов наименее известной Восточной Антарктиды.

В течение суток «Обь» вырывалась из ледового мешка у берега Отса, образовавшегося в результате сжатия льдов. Сейчас «Обь» – в штормующем Тихом океане, она идет в столицу Новой Зеландии Веллингтон. Там наши учёные Корт, Шумский, Шалаев сделают ряд докладов об исследованиях в Антарктике.

Шлём привет калининградцам.

Гузев В.Т. «Обь» в Новой Зеландии

Калининградская правда. 1958. 7 марта

ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОД «ОБЬ». (От корреспондента «Калининградской правды».) По приглашению новозеландского Антарктического комитета советская экспедиция на «Оби» приняла участие в международном антарктическом симпозиуме, состоявшемся во второй половине февраля в Веллингтоне.

В течение пяти дней в публичной библиотеке обсерватории, доминион-музее и других зданиях столицы Новой Зеландии работали секции симпозиума.

С официальным визитом прибыл на «Обь» премьер-министр Новой Зеландии. Корабль посетил также командующий американскими работами в Антарктиде адмирал Джордж Дюфек и записал в книге отзывов: «Работать с вами в Антарктике – одно удовольствие. Я полагаю, что общение учёных принесёт огромную пользу человечеству».

Тысячи новозеландцев, посетивших «Обь», оставили многочисленные записи, свидетельствующие о растущих симпатиях к Советскому Союзу.

«Приятно видеть вас в Веллингтоне. Мы надеемся, что ваше посещение и посещения судов СССР станут более частыми. В Новой Зеландии восхищаются достижениями СССР и желают сделать взаимоотношения между нашими двумя нациями значительно более близкими. Фрэнк Китс, мэр Веллингтона».

По приглашению мэра города наши учёные ездили на открытие сельскохозяйственной выставки. Группа участников экспедиции познакомилась с древними постройками коренного населения – маори.

«Обь» покинула гостеприимную Новую Зеландию и Тасмановым морем направилась в Австралию.

Гузеев В.Т. Сегодня на «Оби»

Калининградская правда. 1958. 23 марта

БОРТ ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОДА «ОБЬ». (От корреспондента «Калининградской правды».) Совершая морскую экспедицию, дизель-электроход «Обь» сделал остановку в австралийском порту Аделаида.

Как и 2 года назад, во время первого посещения судном этого порта, австралийцы проявили большой интерес к советской экспедиции. На борту побывал крупнейший исследователь Антарктиды Дуглас Моусон. Взаимные визиты, посещение учёными «Оби» старейшего в стране Аделаидского университета, поездки биологов на мангровые заросли, геологическая экскурсия наших специалистов содействовали обмену научными данными и расширению связей советских и австралийских учёных.

Общество австралийско-советской дружбы организовало экскурсию наших учёных по городу и окрестностям.

На «Оби» начался очередной этап океанографических работ: комплексное исследование малоизученной южной части Тихого океана.

Арктика и Антарктика
в путевой и художественной
литературе

Arctic and Antarctic in travel
and fiction

БОЙКО С.С.

Остров Вайгач 1930-х гг. в повести
Ольги Рожнёвой «Память сердца»

S. BOYKO

Vaigach Island of the 1930s in the novel
of Olga Rozhneva «The Memory of the Heart»

Сведения об авторе:

Бойко Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени Института филологии и истории РГГУ (Москва)
svetlana-boyko@yandex.ru

Author:

Svetlana Sergeevna Boyko, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor at the New Russian Literary History Department, Institute for Philology and History (Moscow)
svetlana-boyko@yandex.ru

Аннотация

В повести Ольги Рожнёвой «Память сердца» (2016) описан жизненный путь священника Афанасия Евстюнина (1898–1960), в ней наблюдаются жанровые элементы агиографии. Мальчик из крестьян, он получил образование в монастыре, и будущий преподобномученик Варлаам (Коноплёв) благословил его на пастырское служение. Жизнь о. Афанасия станет чередой испытаний. Первая мировая война, тиф, лазарет, революция, арест, работа на острове Вайгач, путь пешком через тундру, преследования уполномоченного по делам религии и новый арест в 1937 г., Каргопольлаг, травма и пеллагра. Повествование доведено до возвращения больного о. Афанасия к семье в 1942 г. Остров Вайгач сначала описан с географической точки зрения. Далее замкнутое пространство острова позволяет сосредоточить разных героев вокруг событий, происходивших здесь в первой половине 1930-х гг., по ходу работы «Вайгачской экспедиции ОГПУ». Документальными источниками служат, среди прочего, воспоминания узников ГУЛАГа и их близких.

Несовместимые в обычной жизни люди соединены на острове в силу обстоятельств. С отцом Афанасием дружат ненец Нойко Вылка и выдающийся

учёный-полярник Павел Виттенбург (1884–1968). Прямое отношение к лагерникам имеют уголовные преступники. Каждый из героев показан в широком контексте деятельности и людей своего круга. Твёрдые нравственные устои – это основа дружбы и понимания между ненцем-оленеводом, географом-полярником и православным священником. Раскаяние и благодарность делают авторитетного уголовника спасителем о. Афанасия, которого собирались убить «блатные».

Таким образом, персонажи, происходящие из разных социальных сфер, на о. Вайгач как бы дополняют друг друга. Так складывается картина глубинной упорядоченности мира, в котором каждый человек, каждое событие приобретает смысл, очевидный либо временно скрытый. Спасению главного героя помогают ненец, снарядивший его в путь по тундре, учёный, подаривший компас и карту, – и уголовник, который без крови разрешил ситуацию, смертельно опасную для заключённого «контрика».

Соединение несовместимых людей и обстоятельств парадоксальным образом указывает на свободу выбора. В условиях внешней несвободы человек выбирает между добром и злом. Внутренняя свобода человека показана средствами поэтики парадокса и документальности.

Abstract

Olga Rozhneva's novel "The Memory of the Heart" (2016) describes the life of the priest Athanasius Evstyunin (1898–1960). Within the novel, island of Vaigach in the context of the early 1930s is described as a marked stage of many challenges in the life of a hero. The island as an isolated place provides you with a focus and perspective of the variety of characters presented around the events that took place in the first half of the 1930s during the work of the "Vaigach expedition". Individuals bearing little similarities to one another form one another build and grow connections on the island due to circumstances. Some of the characters described in the novel who built these connection included the Nenets Noiko Vylka and the outstanding polar scientist Paul Wittenburg (1884–1968) who are described as friends of Father Athanasius. Each of the characters is shown in the broad context of their activities and among individuals of their own circle.

The friendship between the Nenets, the polar geographer and the Orthodox priest is based on their shared common moral principles. Fraternal relations with a criminal arise from common shared memories. This unfortunate man was healed many years ago thanks to the prayer of the clergy.

Friends helped Father Athanasius to make a difficult journey through the tundra. Noiko Vylka provided a friend with reindeer skins, matches, a pair of skis, polar food and clothes. In the novel he taught the traveler how to behave upon encountering a polar bear. Paul Wittenburg gave him a compass and a map. The criminal saved the life of father Athanasius, who was going to be killed by other criminals. With this mentioned it can be seen in the novel that the characters originating from a diversity of backgrounds complement each other on the island of Vaigach.

The combination of incompatible people paradoxically indicates freedom of choice. In the conditions of external unfreedom, a person chooses between good and evil. The inner freedom of a person is shown through the poetics of paradox and documentary.

Ключевые слова:

документальность, парадокс, глубинная упорядоченность мира, замкнутое пространство, свобода, Павел Виттенбург, протоиерей Афанасий Евстюнин.

Keywords:

documentary, the paradox, fundamentally ordered universe, isolated place, freedom, Paul Wittenburg, protopriest Athanasius Evstyunin.

Элемент документальности в настоящее время активно обновляет литературные формы. Как показали исследования, уже в книге XX в. «факт приобрёл художественную самостоятельность, из чего последовало немало перемен, в частности размывание не только прежнего понятия “литература”, но и такого, казалось бы, устойчивого понятия, как “писатель”»¹.

Повести и рассказы Ольги Рожнёвой публикуются на протяжении 2010-х гг. Они основаны на подлинных фактах и связаны с историей церкви в XX в., с судьбами людей. Как и в произведениях ряда других прозаиков, здесь формируется художественный мир нового типа². Это теоцентричная картина мира, образ «мира в его глубинной упорядоченности и приятия жизни как бесценного дара свыше...»³. На этом пути востребованы жанровые элементы древних литературных форм: жития и патериковой новеллы. Востребованы также формы травелога в стиле Жюль Верна.

На вопрос о том, какая из её книг ей наиболее дорога, Ольга Рожнёва ответила так: «Пожалуй, это повесть “Память сердца”» (2016. – С.Б.). Она повествует об удивительном жизненном пути уральского пастыря-исповедника, молитвенника, делателя Иисусовой молитвы протоиерея Афанасия Евстюнина (1898–1960).

Он провёл детство и юность в Белогорском монастыре и был духовным чадом преподобномученика архимандрита Варлаама Белогорского. Духовный наставник благословил отца Афанасия на пастырское

¹ Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. М., 2007. С. 34.

² Бойко С.С. Мир глубинной упорядоченности, или От чего отличается теоцентрическая проза // Жанрово-стилевые искания в мировой литературе. Астрахань, 2020. С. 225–231.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С. 71.

служение и преодоление скорбей, которые в избытке выпали на долю подвижника. Первая мировая, тиф, лазарет, революция, арест и непосильная работа в северном лагере на далёком острове Вайгач»¹.

Подобно многим произведениям теоцентричной прозы, «Память сердца»² – многофигурная композиция. На разных этапах жизненного пути герой встречает множество людей, относящихся к самым разным общественным группам. Эпоха и среда раскрываются через многообразие персонажей.

Так, детство Афанасия Евстюнина прошло в селе Крымская Слудка на р. Вятка. На фоне крестьянского быта описаны родители и дети многодетной семьи, их дядя – зимой он смолокур, а летом – боцман, бабушка-молитвенница, сельский священник – каждому из них ребёнок настроен подражать (с. 21–22).

Мальчика отдали в монастырскую школу. Главы о монастыре предваряют жизнеописание выдающегося деятеля – настоятеля Варлаама (Коноплева; 1858–1918). В прошлом он начётчик-старообрядец, затем пытливый и деятельный искатель истинного пути, организатор монастырской жизни, а в будущем – преподобномученик, убиенный за веру. О. Варлаам благословляет воспитанника на путь приходского служения: в настоящую пору этот путь труднее пути монашеского.

Будущего священника Афанасия знакомят с невестой Евгенией, образованной и трудолюбивой. Дочь зажиточного благочестивого купца и ученица мастерицы-портнихи, она встречает жениха вопросом: «А вы читали Шекспира?» (с. 58) – после чего молодые люди обмениваются цитатами из «Гамлета»³.

Это было в январе 1917 г.: «Днём – жених, а наутро – солдат» (с. 67). На фронте заболели быстро. В тифозном бараке Афанасий знакомится с соседом – героем времени: этот азартный богохульник приходит в отчаяние из-за угрозы потерять руку-кормилицу. Он смог раскаться в порыве благодарности за исцеление (с. 77).

Демобилизованный Афанасий назначен служить в селе. Здесь раскрывается образ Евгении, умелой и отважной. Происходит и встреча с очередным героем времени, который с богохульствами прыгает в святой источник – и внезапно слепнет. «Фартовый мальчишечка» (с. 94) повинулся,

¹ Рожнёва О. «Если вы помолитесь, я окажусь в Америке» / Беседовала Юлия Мьялкина // Правчтение: Портал о православной литературе. 27 мая 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <https://pravchтение.ru/razgovor-s-professionalom/esli-vy-pomolites-ya-okazhus-v-amerike/> (дата обращения: 18.02.2021).

² Рожнёва О. Память сердца. Рязань, 2016. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

³ В переводе М. Лозинского. Здесь писательница допускает анахронизм.

просит Афанасия о помощи и исцеляется по молитве старенького владыки. Это событие предвещает будущие перипетии на о. Вайгач. Здесь названы и те, кто рукополагал и наставлял Афанасия и его современников, – епископы-новомученики (с. 97–98).

Сцена ареста отца Афанасия в 1929 г. знакомит с деятелями этого процесса. Их черты известны читателю по книгам о раскулачивании и терроре. Почти все они здесь безымянны: видны только траектории рук, которые бьют женщину, выбрасывают младенца из колыбели, «конфискуют» детскую подушечку... Но один, незаметно от других, предупреждает «молодуху», что «на неделе» за ней придут, советует бежать из села ночью, на себя надеть всё тёплое, «не лезть на глаза» садисту (с. 114–115).

Итак, до событий на о. Вайгач представлены черты героев времени в широком диапазоне: от бессмысленной злобы «конфискаторов» и демонстративного богохульства до мужества, терпения, верности и до святости исповедников веры.

Ссылный священник попадает на о. Вайгач, который увлекательно описан с географической точки зрения: климат, флора и фауна. Суровая природа по-своему гармонична и радуется тех, кто любит Север. В будущем отец Афанасий поведает своим детям «о белых медведях и пеструшках, об оленях и северном сиянии, о старом ненце Вылке и его верных собаках» (с. 206).

Говорится немного об истории освоения острова отважными новгородскими купцами, упомянуты поверья (с. 121), пословицы («Плачь, коль пошёл на Вайгач»), а потом и «авторские песни» нашего времени («Остров Вайгач» А. Городницкого и др.).

Затем дан групповой портрет заключённых и чекистов на караване УСЛОНа. Так создаётся контекст дальнейших событий.

На острове заложили рудник, начались каторжные работы. «Смерть стояла за спиной и могла настичь в любом виде: взрыв руды, обвал породы, неосторожное движение напарника, удар вагонетки, сорвавшейся со стопоров... <...> О технике безопасности не заботились: руда ценилась гораздо дороже жизни заключённых» (с. 133).

Так в главах о Вайгаче продолжается поэтика парадоксов: жизнь природы и коренного народа идёт вопреки суровым условиям, в то время как пришлые люди устраивают друг другу царство смерти под землёй и на земле.

Замкнутое пространство о. Вайгач позволяет сосредоточить разных героев вокруг событий, происходивших здесь в первой половине 1930-х гг. Парадоксальна картина человеческого сообщества. Несовместимые в обычной жизни люди оказались соединены в силу обстоятельств. Выделяются три крупные фигуры разного рода.

Галерею открывает портрет исконного жителя тундры. Это ненец Нойко Вылка, охотник и рыболов. Он и его семья живут в суровом краю укладом, которого не понимают приезжие: «Они даже не знают, что на Севере нужно сырое мясо оленя с кровью есть. – “Хоросо! Цинга не будет!”» (с. 129). Семья эта упомянута в воспоминаниях Е.П. Виттенбург¹.

Поражают не только картины быта «оленьих детей», побратимов собак и охотников на нерпу. Поражают твёрдость и ясность их нравственных устоев: «Ненцы чётко знают, что грешно воровство, стяжательство, ложь и обман, хвастовство. Нельзя носить в голове плохие мысли...» (131) Эти качества оказались несовместимы с нравами приезжих. Случай воровства из чума «полностью переворачивал привычный мир молодого ненца», помогавшего геолого-разведочной партии и облыжно обвинённого «блатными» (130). Это было «за пределами его понимания» и привело к смертельной болезни.

Герои-ненцы в повести – это прежде всего семья, прочно связанная укладом жизни и единством ценностей.

Другая группа героев – учёные, которые получили возможность вести на о. Вайгач геологическую разведку и топографические съёмки. Парадокс в том, что подобные работы организовать непросто, однако, если работники – заключённые, вопрос решается соответствующими средствами.

В 1931 г. на Вайгаче оказался осуждённый «по статье 58-11» П.В. Виттенбург (1884–1968), чтобы трудиться здесь по специальности – геологом.

Этому выдающемуся исследователю Арктики посвящено несколько глав повести. В них привлечён обширный документальный материал. Жизнеописание профессора начато с генеалогического древа семьи, в которой «причудливо переплелись судьбы знатных родов Германии, Швеции, Прибалтики, Польши» (с. 142). Добрые качества и ясное самосознание складывались в нескольких поколениях: «Павел Владимирович был восьмым ребенком у счастливой четы. Он унаследовал все лучшие качества своих предков, имел здоровую сибирскую закалку и получил воспитание и образование в русской среде, так что имел все основания считать себя и считал себя русским» (с. 143).

История родителей Павла – это приключенческий сюжет: сосланный после восстания поляков Вольдемар-Карл в Сибири облыжно обвинён в растрате, и его жена Мария «вооружилась пистолетом и отправилась на санях в столицу искать справедливости». В дороге происходят

¹ Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА: (воспоминания дочери). СПб., 2003 [Электронный ресурс] URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12858> (дата обращения: 25.02.2021).

преждевременные роды, однако в Сибирь она вернётся «с высочайшим помилованием и со здоровым сыном» (с. 143).

В детстве будущему полярнику довелось путешествовать: «Единственное регулярное сообщение между востоком и западом страны тогда осуществлялось Южным морским путём. Суда Добровольного флота ходили от порта Владивостока до Одессы. Для пятнадцатилетнего юноши первое путешествие стало одним из самых ярких воспоминаний жизни»¹. Он читал о морях, например о Средиземном: «И повторял это как самые лучшие в мире стихи: глубоководную псевдоабиссальную внутришельфовую. Участь Павла Виттенбурга оказалась решена» (с. 146–147).

Работа учёного в Геологическом комитете Петербурга описана как целенаправленная деятельность «с целью предотвращения вымирания» коренных народов Севера. Той же устремлённостью овеяна личная жизнь героя: «В мечтах он видел свою будущую жену медиком» (с. 147), и действительно, Зинаида Ивановна «была под стать своему супругу: с детства мечтала о подвигах и жертвенном служении человечеству» (с. 148). В период Гражданской войны ей тоже понадобилось всё мужество: из экспедиции не замедлили сообщить, когда Павел Владимирович пропал без вести, а тем временем «тёмными вечерами какие-то оборванцы разжигали костёр у самого нашего забора, выламывая для этого штакетник... <...> На случай нападения этих проходимцев мама и Аннушка условились между собой, что будут громко кричать: “Иван, ружьё!” Но, увы, никакого Ивана и никакого ружья в доме не было»². Эти испытания описаны в повести (с. 150) по рассказу дочери учёного Евгении Павловны.

В 1930 г. Павел Виттенбург был арестован по сфабрикованному «делу историков АН». В повести приведены обстоятельства допросов – они известны из документов. Описание Вайгачской экспедиции основано на воспоминаниях топографа К.П. Гурского³, актёра В.Я. Дворжецкого⁴ и др.

В описании полярных экспедиций цитируются и «Подённые записки» учёного: «Их можно читать как захватывающий роман!» (с. 155) Здесь и впечатления от маршрута, и суровый быт экспедиции, имена хороших

¹ Южакова И. Павел Виттенбург – труженник Севера // GoArctic.ru [Электронный ресурс] URL: <https://goarctic.ru/work/pavel-vittenburg-truzhenik-severa/> (дата обращения: 25.02.2021).

² Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА: (воспоминания дочери). СПб., 2003. 430 с.

³ Гурский К.П. Мой Вайгач: (записки заключённого). Нарьян-Мар, 1999 [Электронный ресурс] URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=635> (дата обращения: 25.02.2021).

⁴ Дворжецкий В.Я. Пути больших этапов: Записки актёра. М., 1994 [Электронный ресурс] URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1309> (дата обращения: 25.02.2021).

товарищей, на которых можно положиться, и даже психологический портрет «нелюдимои собаки», с которой удалось подружиться (с. 159). С другой стороны, профессор искренне недоумевает, сталкиваясь с недобросовестностью: «Удивляюсь, как люди, и главным образом партийцы, не усвоили себе метода бережного хранения государственного имущества» (с. 154).

Третьей «знаменитостью» среди знакомых о. Афанасия на о. Вайгач был «молодой, но, видимо, очень больной вор, которого блатные звали Гвоздь. Гвоздь слыл воров правильным, живущим по понятиям» (с. 165). Сообщество уголовников отличается «понятиями» и «творческим» характером. Так, «знаменитый кольчи́к Вася-Пикассо... <...> ...не просто бил наколки – он творил» (с. 164). На спинах авторитетных воров Вайгача красовались копии известных картин: «Особенно любил Вася бить картины В.В. Верещагина. И где он только научился, где подсматривал оригиналы?» (с. 164).

Другое занятие колоритных уголовников – карты: «Игры эти совсем не просты, особенно терц, и правила имеют много нюансов. Учитывая тот факт, что карты почти всегда краплёные, меченые, – игра превращалась в настоящий поединок» (с. 165).

Как и в рассказах ряда авторов, прошедших ГУЛАГ, – например, «На представку» В. Шаламова, «На этапе» С. Максимова – в повести описано, как за свой проигрыш один из «блатных» картёжников должен применить насилие к «контрику» – в данном случае убить отца Афанасия, которого заранее предупреждают о дне исполнения «приговора».

Итак, яркие представители трёх разных общественных групп: ненцы – местные жители, учёные – узники ГУЛАГа, уголовные преступники – показаны в тесном взаимодействии, и притом каждый – в широком контексте деятельности и людей своего круга.

Отец Афанасий общался с каждым из «главных героев» Вайгача. Он «свёл дружбу со старым Вылкой, спокойным, добрым, трудолюбивым, нелукавым». Они беседовали «на смеси русско-ненецкого, однако хорошо понимали друг друга» (с. 129). Близость нравственных идеалов оказалась настолько глубокой, что через год «батьюшка окрестил старого ненца и всё его семейство» (с. 129).

Дружба о. Афанасия с Павлом Виттенбургом основана не только на духовной близости, но и на общих интересах: «Отец Афанасий, любознательный от рождения, тоже любил Север, и лучшего слушателя гипотез, предположений, мечтаний профессора трудно было найти» (с. 141).

Что касается Гвоздя, он узнал в о. Афанасии того молоденького диакона, который когда-то молился рядом с ним – ослепшим «фартовым мальчишкой». Вопрос о расправе над «контриком» под влиянием Гвоздя

решили по понятиям. «Короче, косяк его поправили, а тебе о том знать не обязательно» (с. 181). Давний знакомец обещает попу безопасность с условием – молиться о нём и об упокоении его родителей. Это узнавание приводит к неожиданному результату: «Интересно, что если среди полутайных лагерных треб отца Афанасия значились в основном отпевания и панихиды, то теперь народ потянулся к нему на исповедь. Приходили контрики и даже многие блатные, и пример показал сам Гвоздь» (с. 182).

«Отец Афанасий получил известие об освобождении шестого ноября 1932 года, в день празднования иконы Пресвятой Богородицы “Всех скорбящих Радость”» (с. 182). Не желая откладывать возвращение к семье до весны, он проделал путь с о. Вайгач до населённой местности пешком.

Люди, с которыми его сблизил минувшие годы, помогли ему в этом. «Щедрый Нойко Вылка подарил другу двенадцать оленьих шкур. Дал спички, нож и пару старых лыж. Богатство в тундре, валюта Арктики» (с. 183). Обеспечил он друга и припасами, помог сшить одежду «ненецкого образца». Снабдил советами: как вести себя при встрече с белой медведицей (с. 191). Такие люди, как Вылка, – коренные жители – спасут от смерти путника, угодившего в промоину, обогреют и выйдут (с. 196). По пути изредка встречались чумы: «Ненцы пускали ночевать всех, исполняя неписанный закон Севера – помогать путникам» (с. 201).

Человек науки помогает путнику по-своему: «Друг дорогой, профессор Павел Виттенбург, без твоих подарков, компаса и подробной карты, отец Афанасий тоже пропал бы» (с. 184).

Уголовник Гвоздь уже помог: подарил жизнь приговорённому узнику.

Таким образом, в повести «Память сердца» персонажи из разных социальных сфер на о. Вайгач как бы дополняют друг друга. Складывается картина глубинной упорядоченности мира, в котором каждый человек, каждый поступок наделён внутренним смыслом.

С другой стороны, в замкнутом пространстве острова тесно соседствуют жизнестойкая природа – с убийственными работами, учёные – с уголовниками, неколебимая честность – с беззастенчивой подлостью.

Соединение несовместимых людей и обстоятельств парадоксальным образом указывает на свободу выбора. В условиях внешней несвободы человек выбирает между жизнелюбием и унынием, мужеством и трусостью, между добром и злом. Внутренняя свобода человека показана с помощью приёмов парадокса и документальности.

ДУНАЕВА С.А.

Отражение истории последней экспедиции
В. Русанова, его идей в романе
В. Каверина «Два капитана»

S. DUNAEVA

Reflection of the history of the last expedition
of V. Rusanov, his ideas in the novel
“Two Captains” by V.A. Kaverin

Сведения об авторе:

*Дунаева Светлана Александровна, главный библиотекарь Музея романа «Два капитана» (Псков)
dunaeva67@mail.ru*

Author:

*Svetlana Aleksandrovna Dunaeva, Chief librarian of the Museum of the novel “Two Captains” (Pskov)
dunaeva67@mail.ru*

Аннотация

В 1912 г. в Арктику отправилась экспедиция под руководством В.А. Русанова. Успешно выполнив стоявшие перед ней задачи, обратно экспедиция не вернулась. Почти 20 лет о её судьбе не было никаких известий. Лишь в 1930-е гг. на берегах Таймыра случайно обнаружат предметы, относящиеся к русановской экспедиции...

Отважный полярный исследователь В.А. Русанов считается одним из прототипов капитана Татаринова в романе В.А. Каверина «Два капитана». Поиски пропавшей экспедиции и идеи литературного героя напоминают реальные поиски экспедиции В.А. Русанова, его подлинные планы и намерения. В.А. Русанов мечтал об активном использовании трассы Северного морского пути. Он выдвигал ряд идей по её освоению. В 1930-е гг., в период активного исследования Арктики, многие идеи полярного исследователя воплотились в жизнь, что нашло отражение в романе «Два капитана».

Abstract

In 1912, an expedition led by V.A. Rusanov went to the Arctic. Having successfully completed its tasks, the expedition didn't return. For almost 20 years, there was no news of her fate. Only in the 1930s, objects belonging to the Rusanov's expedition were accidentally discovered near Taimyr...

The brave polar explorer V.A. Rusanov is considered one of the prototypes of Captain Tatarinov in the novel "Two Captains" by V.A. Kaverin. The search for the lost expedition of the literary hero resembles the real search for the expedition of V.A. Rusanov, his true plans and intentions. V.A. Rusanov dreamed of actively using the route of the Northern Sea Route. He put forward a number of ideas for its development. In the 1930s, during the period of active Arctic exploration, many of the ideas of the polar explorer came to life, which is reflected in the novel "Two Captains".

Ключевые слова:

литературное творчество, литературные образы, литературные произведения, география, географические открытия, геологические экспедиции, арктические экспедиции, мореплавание, роман, художественная литература, научно-исследовательская работа, научные исследования, научные открытия, Арктика, Таймыр, Северный морской путь, Север.

Keywords:

literary creativity, literary images, literary works, geography, geographical discoveries, geological expeditions, Arctic expeditions, navigation, novel, fiction, research work, scientific research, scientific discoveries, the Arctic, Taimyr, Northern Sea Route, North.

Эпоха написания романа «Два капитана»

Вениамин Каверин начал писать роман «Два капитана» в середине 30-х гг. прошлого века. Это была пора Чкалова, челюскинцев, Визе, Леваневского, первых сквозных плаваний по Северному морскому пути, покорения Северного полюса четвёркой папанинцев. Активное освоение Арктики не могло не взволновать молодого писателя, не захватить его воображение. «Это были годы, когда Арктика, которая до сих пор казалась какими-то далёкими, никому не нужными льдами, стала близка нам и первые великие перелёты привлекли внимание всей страны»¹, – говорит нам В.А. Каверин устами одного из главных героев романа Сани Григорьева.

А ещё писателя привлекала история покорения Арктики. Так, в конце лета 1912 г. отправились по разным маршрутам три русские полярные экспедиции: на судне «Святой великомученик Фока» под командованием

¹ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 243.

Геorgia Седова, на шхуне «Святая Анна» под командованием Георгия Брусилова и на боте «Геркулес» под руководством Владимира Русанова. Все трое погибли, прокладывая путь последующим завоевателям Арктики.

В.А. Каверин погрузился в изучение истории освоения Севера, в том числе истории экспедиций 1912 г., не просто по архивам, а по «живым следам». Много любопытного ему сообщила вдова Г.А. Седова. Каверин разыскал художника и писателя Николая Васильевича Пинегина, участника экспедиции Георгия Седова 1912–1914 гг. В.А. Каверин с интересом слушал рассказы художника о руководителе экспедиции. Прежде встретился Н.В. Пинегин и с В.А. Русановым. Об этой встрече художник вспоминал: «При первом взгляде на Русанова можно было принять его за молодого адвоката или чиновника, – настолько типичны были его городская фигура в широком пальто и мягкой шляпе, его интеллигентская борода, галстук бабочкой и тросточка...»¹ В.А. Русанов предложил Н.В. Пинегину принять участие в своей экспедиции на Шпицберген, но тот отправился в экспедицию с Г.А. Седовым.

В «Очерке работы» В.А. Каверин упоминает лишь о двух прототипах капитана Татаринова: «Для моего “старшего капитана” я воспользовался историей двух отважных завоевателей Крайнего Севера. У одного я взял мужественный и ясный характер, чистоту мысли, ясность цели – всё, что отличает человека большой души. Это был Седов. У другого – фактическую историю его путешествия. Это был Брусилов. Дрейф моей “Св. Марии” совершенно точно повторяет дрейф брусиловской “Св. Анны”. Дневник штурмана Климова, приведённый в моём романе, полностью основан на дневнике штурмана “Св. Анны” Альбанова – одного из двух оставшихся в живых участников этой трагической экспедиции»².

О третьем прототипе капитана Татаринова – В.А. Русанове – В.А. Каверин прямо не говорит. Но при написании романа он, вероятно, знал о сенсационных находках на Таймыре: столбе с надписью «Геркулес. 1913 г.» и предметах, принадлежавших членам экспедиции Русанова. Поиски в романе экспедиции капитана Татаринова, его гибель где-то в районе полуострова Таймыр напоминают о подлинных планах и намерениях В.А. Русанова.

Путь Русанова – путь Татаринова

Преподаватель филологии Г.Ф. Черникова, дружба с В.А. Кавериним у которой зародилась при работе её над докторской диссертацией «Проза Михаила Булгакова», вспоминала: «Вениамин Александрович порой говорил

¹ Корякин В.С. Русанов. М., 2005. С. 288.

² Каверин В.А. Очерк работы // Каверин В.А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1980. Т. 1. С. 19.

мне о том, как рождались его повести... <...> ...он шёл от жизни. В “Двух капитанах” Татаринов – это слияние Седова и Русанова, полярных исследователей. Литературный герой проходит путь Русанова, а об этих экспедициях писателю много рассказывал помощник Седова, ставший потом полярным художником. Если найдут когда-то следы Русанова, это будет сенсация, надо пересмотреть карту открытий, ведь ему во многом принадлежит приоритет!»¹

Владимир Александрович Русанов (1875–1913?) – геолог, неутомимый исследователь Арктики. Его последняя экспедиция на Шпицберген отправилась в 1912 г. на парусно-моторной шхуне «Геркулес». В отличие от частных экспедиций Г.Я. Седова и Г.Л. Брусилова, экспедиция В.А. Русанова была официальной, организованной с одобрения правительства и на казенные средства. Основная цель – исследовать угольные богатства Шпицбергена и поставить в этих местах заявки от имени подданных России. Эта экспедиция была, по сравнению с двумя другими, хорошо оснащена, команда тщательно подобрана. Вместе с Русановым отправилась его невеста – француженка Жюльетта Жан, геолог и врач. Проект экспедиции разработал сам В.А. Русанов.

Экспедиция дошла до архипелага Шпицберген. Во время плавания велись океанографические и метеорологические наблюдения. Экспедиция справилась с заданием блестяще, в рекордно короткие сроки. На вновь выявленных угленосных площадях были поставлены 28 заявочных столбов, чтокрепило за Россией право на разработку угля. Были собраны геологические, палеонтологические, зоологические и ботанические коллекции.

Можно с победой возвращаться в Россию. Но по окончании работ на Шпицбергене вернулись только трое членов экспедиции (Р.Л. Самойлович, зоолог З.Ф. Сватош и боцман Попов). Они доставили на материк собранные экспедицией материалы.

«Юг Шпицбергена, остров Надежды. Окружены льдами, занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов», – это последняя телеграмма с борта «Геркулес» на материк.

Куда и с какой целью отправился В. Русанов? Возможно, он задумал стать первым русским, кто прошёл бы Северным морским путём из Атлантического океана в Тихий. Возможно, хотел исследовать устья сибирских рек. Ответа нет до сих пор....

¹ Черникова Г.Ф. Россия. Лета. Лорелея: поэзия и стихотворные переводы. [Б. м.], 2006. С. 157.

В.А. Русанов придавал государственно-политическое значение развитию арктического судоходства и выдвигал на первый план транспортное освоение Северного морского пути: «Перед Россией сейчас встала беспримерно великая историческая задача. Если эта задача будет решена, если мы найдём выход сотням миллионов пудов сибирских товаров самым дешёвым Северным морским путём, то мы тем самым завоюем мировой рынок. Это бескровное, чисто экономическое завоевание неизмеримо важнее самой блестящей военной победы, так как экономическое господство является самой прочной базой политического могущества. И я считал бы цель достигнутой, если бы в моём призыве к завоеванию льдов послышалось нечто большее: призыв к завоеванию мирового рынка, призыв к могуществу, к величию и к славе России»¹.

Литературный герой капитан Татаринов, как и отважный исследователь В.А. Русанов, понимал «всё значение Северного морского пути для России» и стремился пройти этот путь на шхуне «Святая Мария». Но в одном из писем жене он сообщил: «...мы шли свободно по назначенному курсу, а с октября 1913 года медленно двигаемся на север вместе с полярными льдами. Таким образом, волей-неволей мы должны были отказаться от первоначального намерения пройти во Владивосток вдоль берегов Сибири...»²

В романе экспедиции капитана Татарина не удастся пройти Северным морским путём. Лишь несколько десятилетий спустя после гибели Татарина Саня Григорьев с волнением прочитает заголовки газетных статей. «Великий Северный путь открыт» – название одной статьи! «“Сибиряков” в Беринговом проливе» – название другой! «Привет победителям» – третьей! Это было известие об историческом походе «А. Сибирякова», впервые в истории мореплавания прошедшего в одну навигацию Северный морской путь, который пытался пройти капитан Татарин на шхуне «Св. Мария»³.

Действительно, в конце июля 1932 г. ледокольный пароход «Александр Сибиряков» вышел из Архангельска, и, несмотря на сложную ледовую обстановку в Чукотском море, к 1 октября команде удалось вывести судно на чистую воду в северной части Берингова пролива.

В.А. Русанова идея освоения Северного морского пути, возможно, захватила после его смелого плавания по морю из устья р. Печора в Архангельск во время ссылки за революционную деятельность в Вологодскую губернию в 1901–1903 гг. Уже из Парижа в 1904 г., вскоре после начала Русско-японской войны, он написал русскому военному министру

¹ Сенкевич Ю.А., Шумилов А.В. Их позвал горизонт. М., 1987. С. 175.

² Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 166.

³ Там же. С. 244.

В.В. Сахарову: «...Флот, если море окажется свободным, а прочие условия благоприятными, сможет достичь Тихого океана, затратив 18 дней приблизительно на переезд от Карских Ворот до Берингова пролива»¹.

При уровне развития мореплавания того времени такой вывод казался невероятным. Первый поход наших военных кораблей в 30-е гг. XX в. занял почти три месяца. 18 суток потребовалось транспортному судну «Капитан Мышевский» во время экспериментального рейса весной 1978 г. в сопровождении атомного ледокола «Сибирь» с использованием спутниковой информации и навигации. Прошло более 60 лет, прежде чем предсказание Русанова о возможности прохождения Северного морского пути за 18 суток воплотилось в жизнь.

У В.А. Русанова были и другие идеи по освоению Северного морского пути. Так, он считал, что применение ледоколов будет последним и самым решительным шагом, обеспечивающим использование Северного морского пути. Сегодня Северный морской путь стал национальной транспортной магистралью России в Арктике. Построенные мощные атомные ледоколы сделали возможным осуществление круглогодичной навигации по этому, некогда непроходимому, маршруту.

Для эксплуатации трассы Северного морского пути В.А. Русанов ставил вопрос о создании специальной государственной организации. Исследователь был убеждён, что правительственная поддержка должна выражаться не в бесполезном субсидировании существующих частных пароходных компаний, а в объединении в одной административно-хозяйственной системе флота, связи, полярных станций, науки.

Спустя четверть века (17 декабря 1932 г.) было создано Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть), о котором В.А. Каверин неоднократно упоминает в романе. К начальнику Главсевморпути обращается герой романа Саня Григорьев для организации поисков капитана Татарина. Саня разрабатывает проект экспедиции: «Ледокольный пароход “Пахтусов” направляется к Северной Земле для научных работ... <...> Дорогой он устраивает в нескольких местах базы для двух-трёх поисковых партий... <...> Они пойдут морской стороной прибрежных островов, а “Пахтусов” тем временем будет работать где-нибудь поблизости, так что от него можно будет почти не отрываться»².

Для плаваний во льдах В.А. Русанов предлагал строить специальные транспортные суда ледового класса – ледокольные пароходы. Как видим, и эта идея воплотилась в жизнь.

¹ Корякин В.С. Русанов. М., 2005. С. 71.

² Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 384.

Описанный В.А. Кавериним проект поисковой экспедиции Сани Григорьева напоминает наработанный практикой опыт экспедиций В.А. Русанова: судно («Дмитрий Солунский» в 1910 г. на Новой Земле, «Геркулес» в 1912 г. на Шпицбергене) играет роль подвижной плавучей базы, которая обеспечивает работу отдельных отрядов экспедиции.

Для обеспечения мореплавания к устьям Оби и Енисея В.А. Русанов предлагал сооружать маяки и метеорологические станции. Тщательное обследование пути и постановка маяков и знаков в соответствующих местах устраняют опасность со стороны банок, мелей, подводных камней и т. д.

В романе успешное освоение Севера в 30-е гг. XX в. мы видим глазами Сани Григорьева: если бы полярный исследователь «теперь добрался до устья Енисея, он встретил бы десятки огромных морских судов». И далее: «На островах, мимо которых он шёл, он увидел бы теперь электрические маяки и радиомаяки, он услышал бы наутофоны, громко гудящие во время тумана и указывающие путь кораблям. Ещё триста – четыреста километров вверх по Енисею, и он увидел бы Заполярную железную дорогу, соединяющую Дудинку с Норильском. Он увидел бы новые города, возникшие вокруг нефтяных промыслов, вокруг шахт и лесозаводов»¹.

В.А. Русанов не дождался воплощения своих идей в жизнь, но они опередили развитие событий в Российской Арктике на десятилетия.

Сенсационные находки

В романе в марте 1935 г. Саня Григорьев, совершив вынужденную посадку на полуострове Таймыр, совершенно случайно обнаружил старый латунный багор: «Что же это был за багор? Ничего особенного! Старый латунный багор. Но на этой старой, позеленевшей латуни было вырезано совершенно ясно: “Шхуна «Св. Мария»»².

Латунный багор нашёл ненец Иван Вылка, умевший говорить на «чистом русском языке». Кроме багра, ненец обнаружил лодку, поставленную на нарты. Значит, экспедиция капитана Татарина дошла до Таймыра.

Возможно, В.А. Каверин неслучайно дал ненцу фамилию «Вылка». Близким другом В.А. Русанова, участником его экспедиций на Новую Землю был ненецкий художник Илья Константинович Вылка, ставший потом председателем Совета Новой Земли («Президентом Новой Земли»).

Где погибла экспедиция В.А. Русанова, точно не известно. Но очевидно, что она смогла добраться до Таймырского побережья, как и экспедиция литературного героя капитана Татарина. В 1934 г. на безымянном

¹ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 597–598.

² Там же. С. 290.

островке вблизи западного побережья полуострова Таймыр (сейчас остров Геркулес) был обнаружен врытый в землю столб, на котором была вырублена надпись «ГЕРКУЛЕС. 1913 г.». В том же году на другом острове среди предметов, принадлежавших членам экспедиции В.А. Русанова, нашли документы матросов Попова и Чухчина. Их именами и назвали остров – остров Попова – Чухчина. А в 1970-х гг. участники экспедиции газеты «Комсомольская правда» на Таймыре, словно в подтверждение интуитивной догадки писателя В.А. Каверина, нашли багор и обломки нартрусановцев.

Последнее крупное географическое открытие современности

В романе латунный багор и поставленную на нарты лодку ненец Иван Вылка нашёл на берегу Таймыра, самом близком побережье к архипелагу Северная Земля.

Открытие этой земли было последним крупным географическим открытием современности. В романе В.А. Каверин настолько достоверно описал открытие архипелага капитаном Татариновым, что многие стали воспринимать описанное как событие, произошедшее в действительности.

Вот что пишет капитан Татаринов жене: «Но на всякий случай пишу и тебе о нашем открытии: к северу от Таймырского полуострова на картах не значится никаких земель. Между тем, находясь на широте 79°35' между меридианами 86 и 87 к востоку от Гринвича, мы заметили резкую серебристую полосу, немного выпуклую, идущую от самого горизонта. Третьего апреля полоска превратилась в матовый щит лунного цвета, а на следующий день мы увидели очень странные по форме облака, похожие на туман, окутавший далёкие горы. Я убеждён, что это – земля. К сожалению, я не мог оставить корабль в тяжёлом положении, чтобы исследовать её. Но всё впереди. Пока я назвал её твоим именем, так что на любой географической карте ты найдёшь теперь сердечный привет...»¹ Но Татаринов погиб, и его открытие осталось неизвестным. Саня Григорьев выясняет, что это была Северная Земля, открытая в 1913 г. лейтенантом Вилькицким, и с удивлением отмечал: «...Вилькицкий открыл Северную Землю осенью... в сентябре или октябре. Осенью, через полгода! ...Значит, он ни черта не открыл, потому что она была уже открыта»².

Через полтора десятка лет после написания первой части «Двух капитанов», словно повторяя эпизод романа, в одной научной статье было высказано предположение: раньше Вилькицкого к Северной Земле подошла

¹ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 167.

² Там же. С. 172.

экспедиция Русанова! Поводом для неё стало обнаружение в 1947 г. в заливе Ахматова на острове Большевик (Северная Земля) следов чьей-то стоянки – костёр, пустые консервные банки... В докладной записке указаны обнаруженные предметы: пять вскрытых консервных банок, след давнишнего костра и доски с обшивки корабля, скреплённые болтами. Но поиск на местности, предпринятый полярным исследователем В.А. Троицким в 1972 г., не подтвердил достоверности этих находок. Может быть, роман «Два капитана» поспособствовал появлению этой версии об открытии Северной Земли В.А. Русановым...

Кто же в действительности открыл архипелаг Северная Земля? В.А. Каверин в «Очерке работы» пишет: «Не следует доказывать, как это сделал один мальчик на уроке географии, что Северную Землю открыл Татаринов»¹.

Архипелаг Северная Земля открыт 21 августа (3 сентября) 1913 г. экспедицией под руководством лейтенанта Б.А. Вилькицкого и первоначально был назван Землёй Императора Николая II. Северной Землёй он называется с 1926 г. Но некоторые исследователи продолжают считать, что раньше Б.А. Вилькицкого на архипелаге Северная Земля побывал В.А. Русанов (например, Ю. Веселянский, действительный член Русского географического общества²; С. Смолянников и В. Бондик, авторы книги «Тайна трёх капитанов» (По следам реальных героев романа Вениамина Каверина «Два капитана»)³). Возможно, точку в этом вопросе ставить рано...

Крупное географическое открытие произошло случайно. После поражения в Русско-японской войне России необходимо было иметь свой путь проводки кораблей в Тихий океан, чтобы не зависеть от Суэцкого или других каналов тёплых стран.

«...В основе каждой полярной экспедиции должна лежать военная мысль»⁴. В уже упоминавшемся письме от 1904 г. военному министру России В.В. Сахарову для обеспечения успешной проводки русских военных кораблей В.А. Русанов предлагал прежде осуществить исследования Северного морского пути двумя отрядами по два судна ледокольного типа в каждом. Они двигались бы по трассе навстречу друг другу с востока

¹ Каверин В.А. Очерк работы // Каверин В.А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1980. Т. 1. С. 19.

² Веселянский Ю. Ледовитоокеанская мечта Владимира Русанова [Электронный ресурс] URL: <https://goarctic.ru/regions/ledovitookeanskaya-mechta-vladimira-rusanova/> (дата обращения: 07.12.2020).

³ Смолянников С., Бондик В. «Тайна трёх капитанов» (По следам реальных героев романа Вениамина Каверина «Два капитана»). С. 144–145 [Электронный ресурс] URL: <http://polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=52&t=3050> (дата обращения: 10.12.2020).

⁴ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 422.

(от Берингова пролива) и с запада (со стороны Атлантики)¹. Тогда эти предложения не были приняты. Но частично проект Русанова был положен в основу Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) на судах «Таймыр» и «Вайгач» в 1911–1915 гг. Власти приняли решение организовать эту экспедицию для тщательного обследования наиболее трудных участков пути от Берингова пролива до устья Лены, чтобы можно было пройти от Владивостока до Архангельска или Петербурга. Начальником в 1913 г. был назначен Б.А. Вилькицкий. Когда Русанов отправлялся на «Геркулесе» на восток, в Арктике уже работала эта экспедиция, к сожалению, только один её отряд, который шёл от Берингова пролива на запад. Царское правительство поскупилось на посылку ещё двух кораблей. Строительство специальных грузовых судов ледового типа «Таймыр» и «Вайгач» на петербургских верфях – первый опыт создания таких судов в нашей стране.

В романе Саня Григорьев навсегда запомнил встречу с одним военным моряком, учёным-гидрографом Р. Он нарисовал перед Саней картину будущей мировой войны, в которой огромную роль должен был сыграть Северный морской путь. «Он смотрел на Северный морской путь как на военную дорогу и утверждал, что неудачи русско-японской кампании были результатом непонимания этой мысли, высказанной ещё Менделеевым. Он требовал, чтобы военные базы были построены вдоль всех маршрутов, по которым идут караваны»².

Во время Великой Отечественной войны использование Северного морского пути имело очень большое значение. Трасса стала важнейшей транспортной магистралью Советского Севера: осуществлялась проводка боевых кораблей; выполнялись воинские и народно-хозяйственные перевозки; «и нет ничего случайного в том, что немцы пытались перерезать этот путь»³.

Поиски экспедиции

«Вы говорите, что от Северной Земли до устья Пясины – изученные места и странно, что до сих пор никто не наткнулся на следы экспедиции хотя бы случайно. А Русанов? Сколько лет прошло до тех пор, как были найдены остатки его снаряжения? И где же? В тех местах, куда ходили суда и тысячу раз бывали люди»⁴.

В.А. Каверин считал, что его главный герой обязательно должен найти следы пропавшей экспедиции капитана Татаринова. И это было близко

¹ Корякин В.С. Русанов. М., 2005. С. 71.

² Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 540.

³ Там же. С. 628.

⁴ Там же. С. 385.

к истине. Ведь при жизни писателя продолжались поиски экспедиции Русанова. Продолжаются они и в настоящее время.

Герой романа Саня Григорьев высчитал путь, которым должен был пройти капитан Татаринов: «...от 79 градуса 35 минут широты между 86-м и 87-м меридианами к Русским островам, архипелагу Норденшёльда. Потом, вероятно после долгих блужданий, от мыса Стерлигова к устью Пясины. Здесь старый ненец нашёл лодку, поставленную на нарты. Потом к Енисею, потому что Енисей – это была единственная надежда встретить людей и помощь»¹.

В романе опрос коренных жителей Таймыра – ненцев-оленьеводов подтвердил предполагаемый путь Татаринова и помог определить конечную точку его пути. Оленьеводы рассказали, что в одном из ненецких родов хранилось предание о «Святой Марии»: «В общем, примерно так: в прежнее время, когда ещё “отец отца жил”, в род Яптунгай пришёл человек, который назвался матросом со зверобойной шхуны, погибшей во льдах Карского моря. Этот матрос рассказал, что десять человек спаслись и перезимовали на каком-то острове к северу от Таймыра. Потом пошли на землю, но дорогой “очень быстро помирать стали”. А он “на одном месте помирать не захотел”, вперёд пошёл. И вот добрался до стойбища Яптунгай»². Матрос тогда умер, но оставшиеся свидетельства оленьеводов ещё раз убедили Саню, что экспедиции удалось добраться до реки Пясины. Он теперь с уверенностью мог указать точку, «где находились остатки экспедиции капитана Татаринова, если они ещё находились где-нибудь на земле»³.

В истории поисков экспедиции В.А. Русанова тоже есть свидетельства местных жителей Таймыра – долган.

В 1987 г., через 10 лет после того, как окончательно прекратились поиски пропавшей экспедиции, в Дом-музей В.А. Русанова в г. Орле пришло письмо из Ивановской области от А.М. Корчагиной, которая в 1950-е гг. работала медсестрой в отдалённом посёлке Волочанка на Таймыре. Она писала, что на Авамо-Тагенарском волоке ей показывали могилу неизвестного «начальника экспедиции» и ещё одного русского в морской форме, погибших очень давно, «ещё при царе». Оленьеводы похоронили их на тропе, а рукописи и документы, находившиеся при людях, положили в деревянном ящике в могилу.

Другое письмо в том же году пришло от Л.Н. Абрамовой, работавшей в 1975 г. на Таймыре – в посёлке Новорыбное Хатангского района. В нём

¹ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 386.

² Там же. С. 591–592.

³ Там же. С. 592.

женщина сообщала, что старая долганка показала ей в пос. Новорыбное на берегу Хатанги две просевшие могилы. По её словам, там были похоронены русские – беременная женщина и её муж, которых родители долганки очень давно привезли ещё живыми откуда-то из тундры. Эти люди умерли, а в могилы вместе с ними положили какие-то тетради и записи, которыми погибшие очень дорожили.

Энтузиасты из г. Орла – члены клуба путешествий «Русь» под руководством тележурналиста и путешественника Валерия Сальникова поняли, что искать русановцев надо на Таймыре, в 500 километрах от Карского моря.

В 1988 г. на поиски могил отправились две экспедиции орловчан. Одна – на Авамо-Тагенарский волок, другая – в Хатангу.

Первая экспедиция под руководством В. Сальникова неоднократно проходила тот маршрут, который им наметила бывшая медсестра. Однако обнаружить могилы в тундре не удалось. Вторая экспедиция под руководством Е. Пашина оказалась успешнее. С большим трудом исследователи смогли обнаружить заброшенную могилу и извлечь останки женщины, предположительно невесты В.А. Русанова Жюльетты Жан. Генетическую экспертизу не проводили, поскольку не удалось разыскать её родственников. Кости перезахоронили на местном кладбище. Обнаруженные в могиле вещи: православный крест, кольцо и блюдце – отдали на экспертизу. Она показала, что эти вещи были изготовлены в начале XX в.¹

Письма со свидетельствами о захоронениях русских появляются через несколько десятилетий после написания романа. Возможно, В.А. Каверин был убеждён, что русановцы до последнего боролись за жизнь и попытались добраться до поселений людей в районе реки Пясины. Скорее всего, писатель интуитивно предполагал, что среди местных жителей-оленеводов должны сохраниться «предания» об этих отважных людях. К сожалению, документальные подтверждения отсутствуют, и никто в настоящее время с уверенностью не может указать на карте конечную точку пути экспедиции В.А. Русанова. Кто знает, может быть, эти захоронения и есть та конечная точка?!

В романе капитан Саня Григорьев, следуя своему девизу «Бороться и искать, найти и не сдаваться», в 1942 г. нашёл экспедицию капитана Татаринова, вернее, «то, что от неё осталось»: последний лагерь капитана Татаринова, его останки, прощальные письма, фотоплёнки. В виде плотно слежавшейся бумажной массы были обнаружены и документы Татаринова: «...он успел сделать выводы из своих наблюдений, и... <...> ...формулы,

¹ Сальникова Н.Я. Бороться и искать // Русский вестник Шпицбергена. 2015. № 6. С. 7–8.

предложенные им, позволяют вычислить скорость и направление движения льдов в любом районе Северного Ледовитого океана. Это кажется почти невероятным, если вспомнить, что сравнительно короткий дрейф “Св. Марии” проходил по местам, которые, казалось бы, не дают данных для таких широких итогов. Но для гениального прозрения иногда нужны немногие факты»¹.

Мечтая связать Сибирь с Европой Северным морским путём, В.А. Русанов занимался изучением дрейфа льдов в Северном Ледовитом океане. К каким выводам по этому вопросу он пришёл во время своей последней экспедиции, к сожалению, неизвестно. Как и литературный герой капитан Татаринов, отважный путешественник и учёный В.А. Русанов обладал важным для исследователя умением – делать правильные выводы на основе минимума информации. Особенно ярко это умение проявилось в экспедиции на Новую Землю в 1909 г.

Главный герой романа капитан Григорьев донёс до людей прощальные слова капитана Татаринова: «... Горько мне думать о всех делах, которые я мог бы совершить, если бы мне не то что помогли, а хотя бы не мешали. Что делать? Одно утешение – что моими трудами открыты и присоединены к России новые обширные земли»².

В связи с этим хочется вспомнить слова Русанова, произнесённые им однажды в юности: «...Мною руководит только одна мысль: сделать всё, что я могу, для величия Родины»³. Неутомимый исследователь ратовал за присоединение к России обширных земель Арктики. Русанов мечтал о том времени, когда поморы «научатся строить крепкие ледовые суда, тогда им действительно понадобится и Карское море, и Новая Земля, и Земля Франца-Иосифа, и Шпицберген. Тогда придёт пора, во-первых, объявить Карское море, усиленно теперь эксплуатируемое норвежцами, закрытым для иностранных промышленников, нашим внутренним морем; взять всю Новую Землю в наши руки; в-третьих, включить Землю Франца-Иосифа в район наших промыслов»⁴.

Исполнились ли мечты В.А. Русанова? Карское море относится к российским морям. Во многом благодаря его экспедициям архипелаг Новая Земля закреплён за Россией. Земля Франца-Иосифа принадлежит нашей стране. В 1929 г. в бухте Тихой (остров Гукера) была открыта советская полярная станция. Поход на Землю Франца-Иосифа и постройка станции

¹ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 618.

² Там же. С. 614.

³ Шевцов В. На поиски пропавшей экспедиции (часть 1-я) [Электронный ресурс] URL: https://tetis.ru/diving/diving_art/event/na_poiski_propavshej_ekspedicii_chast_1ya/ (дата обращения: 22.12.2020).

⁴ Корякин В.С. Русанов. М., 2005. С. 344.

решили государственную принадлежность архипелага. В.А. Русанов отстаивал интересы России на далёком Шпицбергене. В настоящее время Россия – единственная страна, кроме самой Норвегии, поддерживающая своё экономическое присутствие на Шпицбергене. В посёлке Баренцбург находится Генеральное консульство Российской Федерации. Здесь живут и работают российские учёные различных специальностей: геофизики, геологи, археологи, биологи, гляциологи, географы. Есть надежда, что российская часть Шпицбергена станет одним из популярных мест туризма в Северной Европе.

В.А. Русанов, как и литературный герой капитан Татаринцов, посвятил жизнь науке, освоению Арктики, служению родине.

В «Двух капитанах» Сани Григорьеву удалось восстановить справедливость: капитан Татаринцов похоронен как герой.

Приведём фрагмент из романа: «Заходящие в Енисейский залив корабли издали видят эту могилу. Они проходят мимо неё с приспущенными флагами, и траурный салют гремит из пушек, и долгое эхо катится, не умолкая.

Мои́ла соору́жена из белого́ камня, и он ослепительно́ сверкает под лучами́ незаходящего полярного́ солнца. На высоте́ человеческого роста́ высечены́ следующие́ слова: “Здесь покоится́ тело́ капитана́ И.Л. Татаринцова, совершившего́ одно́ из самых отважных́ путешествий́ и погибшего́ на обратном пути́ с открытой́ им Северной́ Земли́ в июне́ 1915 года. Бороться́ и искать, найти́ и не сдаваться!”»¹

«Бороться и искать, найти и не сдаваться» – девиз не только Сани Григорьева из романа «Два капитана», но и всех исследователей Арктики, всех энтузиастов, которые продолжают поиски пропавших экспедиций. «Вообще, людей надо искать – это перестраивает географическую карту»².

Моги́лы В.А. Русанова́ и других участников экспедиции́ пока́ не найдены́. Но для увековечивания́ их памяти́ в 1977 г. участники экспедиции́ газеты́ «Комсомольская правда» под руководством́ Дмитрия́ Шпаро́ на острове́ Попова́ – Чухчина́ установили́ памятный́ знак. «Потомки́ помнят!» – так написано́ на нём³. Потомки́ помнят смелого́, предприимчивого́, отважного́ человека́, который́ мечтал проложить́ путь́ на восток во льдах Северного́ Ледовитого́ океана. Он предвидел те времена́, когда́ человеќ научится́ побеждать́ льды, когда́ созданная́ им техника́ позволит преодолевать́ этот путь́ так же легко́, как и любой́ другой́.

¹ Каверин В.А. Два капитана. Л., 1975. С. 638.

² Там же. С. 422.

³ Шпаро Д., Шумилов А. Путь, прочерченный пунктиром // Вокруг света. 1977. № 7. С. 22–30.

В 2020 г. в честь 145-летия со дня рождения известного исследователя Арктики участники совместной экспедиции Российского географического общества и Северного флота на арктических архипелагах установили памятный знак в проливе Маточкин Шар, на острове Южный архипелага Новая Земля, для изучения которой он так много сделал.

И в заключение хочется отметить, что в романе В.А. Каверина тесно переплетаются история освоения Севера с подлинным освоением Севера в 1930-е гг.; реальные события с художественным вымыслом, который иногда может стать реальностью. Писатель увековечил историю отважных исследователей Арктики, в том числе и Владимира Русанова, показал воплощение их идей в жизнь.

ЕГОРОВА Е.Н.

«Полярный исследователь» И.А. Бродского: о человеческом в человеке

E. EGOROVA

«Polar Explorer» Joseph Brodsky: about human in a person

Сведения об авторе:

Егорова Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)
ruslit1611@yandex.ru

Author:

Ekaterina Nikolaevna Egorova, PhD in Philology, Associate Professor of Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)
ruslit1611@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка интерпретации произведения с точки зрения метафорического изречения поэта: «Писатель – одинокий путешественник». Раскрывая очевидные и константные смыслы в концептах Севера, Арктики, автор рассуждает о человеческом в человеке (поэте и полярном исследователе, корреляции образов).

На основе эссе, Нобелевской лекции и лирики И.А. Бродского, а также работы А.М. Ранчина актуализируются ответы на вопросы, о чём произведение (если не о полярном исследователе) и почему оно посвящено 40-летию юбилею М.Б. – Марины (Марианны) Басмановой.

Благодаря метафорическим параллелям, аллюзиям и намёкам в «Полярном исследователе» мы обнаруживаем историю, додумываем и образуем смыслы, совершая путешествие во времени, вечности, сопереживая и ужасаясь обречённости, сохраняя веру в человека и человеческое в человеке.

Abstract

This article is devoted to the interpretation of the work from the point of view of the poet's metaphorical dictum: "a writer is a lonely traveler". Revealing the obvious and

constant meanings about the concepts of the North, the Arctic, the author discusses the human in man (poet and polar explorer, correlation of images).

Based on the essay, the Nobel lecture, and the lyrics of I.A. Brodsky, as well as the works of A.M. Ranchin, the answers to the questions about what the work (if not about the polar explorer) are updated and why it is dedicated to the forty-year anniversary of M. B. – Marina (Marianna) Basmanova.

Through metaphorical parallels, allusions in the “Polar Explorer” we discover history, think out and form meanings, traveling through time, eternity, empathizing and horrified at doom, preserving faith in man and human in man.

Ключевые слова:

Нобелевская лекция И.А. Бродского, поэт, «писатель – одинокий путешественник» (И.А. Бродский), корреляция образов поэта и полярного исследователя, человеческое в человеке, смысловой код.

Keywords:

Nobel lecture by I.A. Brodsky, poet, “writer is a lonely traveler” (I.A. Brodsky), correlation of images of a poet and a polar researcher, human in a person, semantic code.

*Все собаки съедены. В дневнике
не осталось чистой страницы. И бисер слов
покрывает фото супруги, к её щеке
мушку даты сомнительной приколов.
Дальше – снимок сестры. Он не щадит сестру:
речь идёт о достигнутой широте!
И гангрена, чернея, взбирается по бедру,
как чулок девицы из варьете.*

И.А. Бродский, 22 июля 1978 г.

Главной темой, актуализированной на страницах художественных произведений, посвящённых Северу и Арктике, можно назвать тему проявления человеческого в человеке, так как она раскрывает поведение человека в экзистенциальном, предельном состоянии – в экстремальных условиях, между жизнью и смертью. Так, по словам Н.П. Таньшиной, анализировавшей образ Арктики и полярных экспедиций в художественной литературе, «в отличие от Джека Лондона, верившего в способность человека преодолеть, казалось бы, невозможное, Дэн Симмонс приходит в своём романе к прямо противоположному выводу: европейский белый человек не способен выйти победителем из схватки с “белым безмолвием”. Это место не предназначено для жизни людей. Кажется, сама природа

противится присутствию людей. Вот что писал Роберт Пири: “Достижение Северного полюса в вопросах планирования и методов можно сравнить с шахматной игрой. Есть, однако, и явное отличие: в шахматной партии интеллект состязается с интеллектом; при продвижении же к полюсу в борьбу вступают человеческий разум и воля, равнодушные жестокие силы первобытной природы, подчиняющиеся неизвестным или малоопытным нам законам и связям и поэтому кажущиеся нам капризными или необъяснимыми, порой совершенно непредсказуемыми”¹.

Север в лирике И.А. Бродского, как и в искусстве других мыслителей, поэтов и художников, – пространство особое. Пространство, наделённое критерием человеческого в человеке, место, где главным ощущением правоты выступает доброта (доброта на Севере особая – без её осознания и принятия невозможен человек в человеке). Экзистенция, предельность бытия здесь ощущается остро: жизнь и смерть всегда вдвоём. Человек, умирая, каменеет, коченеет, становится холодным. Осознавать это жутко, но такова уж природа телесного, будто бы сообразная природе Севера в целом. Но и стремление выжить, остаться в живых, преодолеть себя и реализовать какие-то потаённые силы духа здесь беспредельное, не поддающееся описанию и словесной передаче. Тем точнее по мысли скупое на слова произведение И.А. Бродского «Полярный исследователь»². Эта немногословная история обречённого на смерть полярного исследователя открывает сквозь аллюзии и намёки вопросы одиночества, белого света и света снега, слепящего глаза, обнажает человеческое желание жить, остаться в памяти сквозь память (тавтология намеренная).

Текст стихотворения, с одной стороны, интересен с точки зрения небанальной передачи смысла, с другой – подтверждает рассуждения поэта, сделанные в Нобелевской лекции об «ускорении сознания», наконец – «посредством откровения» и читающему вслед за пишущим стихотворение «удаётся оказаться там, где до него никто не бывал»³.

По словам Е.В. Мищенко, «к драме, воссозданной в “Полярном исследователе”, вполне можно отнести слова Бродского из “Нобелевской лекции”: “Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому,

¹ Пири Р.Э. Северный полюс. М., 2012. С. 261. Цит. по: Таньшина Н.П. Образ Арктики и полярных экспедиций в художественной литературе // Арктика: история и современность: Труды международной научной конференции. 20–21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. С.В. Кулик. М., 2016. С. 110–111.

² Бродский И.А. Полярный исследователь [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/30788/polyarnyi-issledovatel> (дата обращения: 23.01.2021).

³ Бродский И.А. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 27.01.2021).

что он лучше приспособлен к мутации»¹. Справедливо и замечание: «Евангельская, по сути, идея добровольной жертвы составляет семантическое ядро этого стихотворения. В жертву языку пишущий приносит себя и свой мир»².

Отвечая на вопрос о том, кто такой полярный исследователь, поэт обращается к существующим в языке, а следовательно, в культуре кодам, воссоздающим стереотипы сознания как дилетанта-обывателя, так и путешественника – исследователя и знатока Арктики. Сгустки смысла разбросаны в ключевых словах, последовательно повторяющих путь смысловых пресуппозиций: «Все собаки съедены»³ – запасы кончились, существование на пределе возможностей, путь, который смог осилить исследователь, был долгим и трудным, и в дневнике он подробно расписан.

Жестокость и суровость правды сообщения о человеке, из последних сил пытающемся продлить минуты существования, передать весть о себе, поэт обозначает через концепты Севера и пути, рождающие смыслы: «о ездовых собаках, которых пришлось съесть, чтобы выжить», «о возможной беде, произошедшей с человеком, – рана серьёзна (дикий зверь мог напасть, потерял ориентиры в пути, заблудился) и т. п.»

При соотнесении мыслей, переданных в стихотворении, с контекстом Нобелевской лекции⁴ возникает ещё и ощущение корреляции образов: образа полярного исследователя с образом поэта. Оба не рассчитывают на посмертную славу, оба с бескорыстными и чистыми помыслами; а также не осознают, чем кончится их путь, смогут ли реализовать задуманное; оба заходят дальше, чем предполагали. «Испытывая единожды ускорение сознания»⁵, и тот и другой попадают зависимость: от языка и пути, от замысла и финала, от предельности бытия и его преодоления. В тексте произведения «Полярный исследователь»⁶ также находим подобные черты: главное – сообщить о достигнутой широте, поэтому «бисер слов покрывает», «не щадит сестру» (не щадит снимок сестры, память о ней)⁷.

В стихотворении встречаем три упоминания о женщинах: о супруге, сестре и девице из варьете. Возможно ли предположить, что эти роли объективируют смысловую оппозицию неродственного и родственного,

¹ Бродский И.А. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 27.01.2021).

² Там же.

³ Бродский И.А. Полярный исследователь [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/30788/polyarnyi-issledovatel> (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Бродский И.А. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения: 27.01.2021).

⁵ Там же.

⁶ Бродский И.А. Полярный исследователь [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/30788/polyarnyi-issledovatel> (дата обращения: 23.01.2021).

⁷ Там же.

разных вариаций отношений между мужчиной и женщиной (поэтом и музой?). Между тем «мушка», реализующая, по-видимому, функцию точки как знака препинания, может объективировать смысл точки в отношениях («мушку даты сомнительной приколов»). Посвящено стихотворение М.Б. – Марине (Марианне) Басмановой, женщине-музе, поразившей сердце поэта. «Холодная вода» – так назвала когда-то А. Ахматова Марину Басманову, писавшую в своих дневниках посредством шифра. Как разгадать шифр, изобретённый Бродским? Может быть, он и есть поэт – полярный исследователь?

А если «вода ещё и образ времени», то на Севере тема вечности объективируется сквозь призму застывшего времени, заледеневшего и существующего одновременно с вечностью. Фотографии – снимки супруги и сестры используются в качестве бумаги неслучайно: «наша память всего лишь проявляет плёнку», фотография может интерпретироваться как лёд, как застывшие время и вода, как то, что способно преодолеть время, вечность, смерть, одиночество.

Наконец, безумие влюблённого поэта И.А. Бродского и маниакальное и необъяснимое притяжение «белой пустыни» полярного исследователя – персонажа «зашифрованной в дневнике» истории: любовь и смерть всегда вдвоём, это два предельных состояния, в которых человек проявляет себя таким, каков он есть, вот почему «о человеческом в человеке».

В подтверждение слов о необъяснимой притягательности Арктики вновь процитируем работу Н.П. Таньшиной, отыскавшей в текстах Р. Пири эти слова: «Какой необъяснимой и необоримой притягательностью обладает Север! Не раз возвращался я из бескрайних, скованных льдом просторов, побитый, измученный, обессиленный, иной раз просто искалеченный... Не раз я говорил себе, что это моё последнее путешествие в те края, но проходило несколько месяцев – и мною снова овладевало давно знакомое чувство беспокойства. Я терял вкус к цивилизации, меня снова начинало тянуть к бескрайней белой пустыне, битвам со льдами и штормами, к долгой-долгой арктической ночи, к долготу-долготу арктическому дню, к не всегда понятным, но преданным мне эскимосам, моим старым друзьям, к безмолвию и простору великого белого одинокого Севера»¹.

Вероятно, справедливым и подтверждённым текстами эссе И.А. Бродского оказывается утверждение А.М. Ранчина² о том, что «путешествие для Бродского – символ судьбы литератора». Автор филологического

¹ Пири Р.Э. Северный полюс. М., 2012. С. 261. Цит. по: Таньшина Н.П. Образ Арктики и полярных экспедиций в художественной литературе // Арктика: история и современность: Труды международной научной конференции. 20–21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. С.В. Кулик. М., 2016. С. 110–111.

² Ранчин А.М. «Полярный исследователь» Иосифа Бродского: текст и подтекст [Электронный ресурс] URL: <https://lit.wikireading.ru/40313> (дата обращения: 23.01.2021).

этуда отмечает: «В эссе со знаменательным названием “Писатель – одинокий путешественник” (1972) он дал афористическое определение: “Писатель – одинокий путешественник, и ему никто не помощник”»¹.

Думается, следует признать точку зрения А.М. Ранчина² о противоречивости соотношения текста и подтекста справедливой. Если можно допустить, что произведение «Полярный исследователь» – стихотворение не о полярном исследователе, то нужно попытаться ответить на вопросы, о чём же оно и почему посвящено 40-летнему юбилею М.Б. – Марины (Марианны) Басмановой. Возможно ли вслед за поэтом допустить предельное суеверие и вспомнить о «смертельной» символике четвёрки и о том, что 40-летний юбилей не отмечают.

Указывает на хронологическую точность и Е.В. Мищенко: «22 июля 1978 года. Этим же числом датировано стихотворение “Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...” с посвящением М.Б. Такое совпадение навряд ли можно назвать случайным: 20 июля 1978 г. отмечала свой 40-й день рождения М. Басманова. О знаковости этой «сомнительной даты» для Бродского говорит тот факт, что двумя годами позже он осмысливает в стихах уже своё 40-летие (“Я входил вместо дикого зверя в клетку...”, 1980)»³.

Ясно одно: всё стихотворение – метатекст, гипертекст, шифр, загадка, наполненная аллюзиями и чувствами, читать его буквально – значит не читать.

Думается, именно сквозь «намёки» и «метафорические параллели» в «Полярном исследователе» мы обнаруживаем историю, додумываем и образуем смыслы, совершая путешествие во времени, вечности, сопереживая и ужасаясь обречённости, сохраняя веру в человека и человеческое в человеке.

Вся трагедийность бытия человека, жизни заключается в этом произведении в отсутствии лишних слов, в особом ритме их передачи, в смысле редких слов («бисер слов» – их пустота и бессмысленность; выходящее за рамки сравнение «И гангрена, чернея, взбирается по бедру, как чулок девицы из варьете»⁴ – такое, на первый взгляд, неуместное, но визуально честное и беспредельное).

¹ Бродский И.А. Писатель – одинокий путешественник [Электронный ресурс] URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/brodskij-iosif/sochineniya-iosifa-brodskogo-tom-vii/2> (дата обращения: 23.01.2021).

² Ранчин А.М. «Полярный исследователь» Иосифа Бродского: текст и подтекст [Электронный ресурс] URL: <https://lit.wikireading.ru/40313> (дата обращения: 23.01.2021).

³ Мищенко Е.В. «Полярный исследователь»: палимпсест И. Бродского // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: Сб. научных трудов и материалов. М., 2012. С. 219–224.

⁴ Бродский И.А. Полярный исследователь [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/30788/polyarnyi-issledovatel> (дата обращения: 23.01.2021).

И.А. Бродский пишет о вере человека в жизнь, о надежде: «...речь идёт о достигнутой широте». В этом тексте есть и северная природа, та самая природа Арктики, которая часто сопровождается эпитетом «суровая». Суровость эта и обнажает в человеке человеческое, не передаваемое словесно.

Обобщая всё сказанное выше, заметим, что нам кажется справедливым замечание поэта в эссе «Сын цивилизации» (1977), посвящённом Осипу Мандельштаму: «Поэзия есть прежде всего искусство ассоциаций, намёков, языковых и метафорических параллелей. Существует огромная пропасть между *Homo sapiens* и *Homo scribens*, ибо писателю понятие темы представляется результатом взаимодействия методов и приёмов, если представляется вообще. Писание буквально бытийный процесс: оно использует мышление для своих целей, поглощает идеи, темы и т. д., а не наоборот»¹.

Интерпретация произведения И.А. Бродского позволяет попытаться сформулировать вывод лишь в форме предложения согласно поэтическим аллюзиям.

По-видимому, текст стихотворения, противоречащий (по утверждению А.М. Ранчина) подтексту, одновременно является шифром, ключом к которому выступают концепты² Севера, Арктики, путешествия, экспедиции, полярного исследования. Концепты лишь картинка, ширма, за которой скрыты составляющая человеческой природы («в каждом из нас Бог»³) и бытийная, предельная триада: любовь – смерть – жизнь. Вероятно, в посвящении и послании М.Б. и кроется идея о родственных душевных состояниях любящего до безумия человека-поэта и человека – полярного исследователя, жаждущего пережить страдания от пути.

¹ Бродский И.А. Сын цивилизации [Электронный ресурс] URL: <https://brodskiy.su/proza/syn-tsivilizatsii/> (дата обращения: 23.01.2021).

² Ранчин А.М. «Полярный исследователь» Иосифа Бродского: текст и подтекст [Электронный ресурс] URL: <https://lit.wikireading.ru/40313> (дата обращения: 23.01.2021).

³ Бродский И.А. Стихи под эпитафией [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/poems/30849/stikhi-pod-epigrafom> (дата обращения: 29.01.2021).

КОСОУРОВА Н.Р.

«Лицо Арктики»: Новая Земля,
Земля Франца-Иосифа и Северная Земля
в прозе И.С. Соколова-Микитова

N. KOSOUROVA

“The face of Arctic”: Novaya Zemlya, Franz
Josef Land and Severnaya Zemlya in Ivan
Sokolov-Mikitov’s works

Сведения об авторе:

Косоурова Надежда Романовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества филологического факультета Тверского государственного университета (Тверь)

nr.kosourova@gmail.com

Author:

Nadezhda Romanovna Kosourova, PhD of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Publishing and Literary Creation, Tver State University (Tver)

nr.kosourova@gmail.com

Аннотация

В статье на основе циклов очерков «Белые берега» и «Путь корабля» проанализирован вклад И.С. Соколова-Микитова в репрезентацию Арктики в советской литературе 1930-х гг. Писатель познакомил широкую аудиторию с флорой и фауной Новой Земли, Земли Франца-Иосифа и Северной Земли. Кроме того, он воспел личные качества советских и российских исследователей Севера, представив целую галерею персонажей – от героических до комических, – действующих в нелёгких обстоятельствах. Рассмотренные произведения важны с точки зрения изучения проблемы национального характера и экологической концепции творчества Соколова-Микитова. Основная проблематика в них раскрывается с присущим творчеству писателя историзмом творческого мышления и автопсихологизмом.

Abstract

The aim of this paper is the contribution of I.S. Sokolov-Mikitov into the representation of the Arctic in Soviet literature of the 1930s. Literary cycles “White coast” and “The way of the ship” include feature articles about flora and fauna of Novaya Zemlya, Franz Josef Land and Severnaya Zemlya. He also glorified the personal qualities of Soviet and Russian researchers of the North, presenting a whole gallery of characters – from heroic to comic ones – acting in difficult circumstances. The considered works are important for studying the problem of national character and the ecological concept of Sokolov-Mikitov’s work. The main problematics of them are revealed with the historicism of creative thinking and autopsychologism inherent in the writer’s work.

Ключевые слова:

И.С. Соколов-Микитов, советская проза, очерковая литература, литературное путешествие, национальный характер, экологическая проблематика.

Keywords:

I.S. Sokolov-Mikitov, Soviet prose, feature articles, travel literature, national character, environmental literature.

Иван Сергеевич Соколов-Микитов (1892–1975) имел немалый опыт мореходства и зрелый взгляд очеркиста, когда при участии своего товарища художника Н.В. Пинегина вошёл в состав комплексных экспедиций под руководством О.Ю. Шмидта на Новую Землю, Землю Франца-Иосифа и Северную Землю. В 1929 и 1930 гг. на ледокольном пароходе «Георгий Седов», а также в 1931 г. на ледокольном пароходе «Малыгин» он собрал бесценный материал для очерковых циклов «Белые берега» и «Путь корабля», в которых одним из первых в советской литературе осмысливал действия человека в открывшемся ему природном мире Крайнего Севера. В своих путевых заметках Соколов-Микитов не стремился скрупулёзно указывать факты. Здесь нет дат, маршрутов и составов экспедиций. Также автор не увлекается наблюдением за отдельными персонажами и отношениями между ними. Главным объектом повествования становится лицо Арктики – её природа. Действующий рассказчик просто соединяет читателя с ней и отходит в сторону, даёт любоваться и мысленно составлять портрет этого загадочного для простого читателя региона.

Очерки, написанные по материалам плавания на ледокольном пароходе (у автора – просто ледоколе) «Георгий Седов» и впоследствии собранные в цикл «Белые берега» (1931), имели интересную историю и ещё при жизни автора выдержали около 30 изданий, не считая переводов.

Советское литературоведение признавало их особую художественную и историко-познавательную ценность (П.П. Ширмаков, К.А. Жехова и др.). Новейшие исследования посвящены встраиванию цикла в канон жанра литературного путешествия¹, проблеме национального характера², иным жанровым особенностям и стилю³.

Окончательный вариант, приведённый в наиболее полном издании текстов Соколова-Микитова – академическом собрании сочинений в четырёх томах, мы расцениваем как настоящую антологию русского и советского национального характера. Черты характера проявляются в непривычных, в чём-то суровых условиях экспедиции. Здесь, согласно предложенной В.А. Редькиным⁴ концепции, рассмотрена проблема национального характера с точки зрения не только психологических особенностей отдельно взятой личности или иерархий духовно-нравственных ценностей, но и содержательной формы и художественных особенностей текста. Обусловлено это преимущественно тем, что очерковый характер записей предполагает разветвлённую систему персонажей, носящую дискретный характер.

В условиях арктической экспедиции главной чертой всех персонажей становится суровость. Проводится параллель между внутренней непоколебимостью, суровой внешностью и самой природой Севера: «С суровостью каменных берегов созвучны лица промышленников, их белейшие, как снег в горах, зубы, их серые, как береговой камень-валун, глаза»⁵. Суровым героизмом и неприятием несправедливости обладает упоминаемый не раз лейтенант Седов. Ретроспектива его дореволюционных походов вплетена автором в повествование о настоящем. Остаётся суровым даже слегка хмельной и оттого радостный промышленник, о храбрости которого ходят легенды: «Сергей смеётся – лицо обветренное, как камень». Характер этого персонажа описывается лаконично и точно: «странная смесь решимости с бахвальством, выносливости

¹ Васильева С.А. «Белые берега» Соколова-Микитова в контексте жанра литературного путешествия // И.С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 115-й годовщине со дня рождения И.С. Соколова-Микитова. Тверь, 2007. С. 140–145.

² Бекбаева Н.Р. «Малая» проза И.С. Соколова-Микитова: проблематика и поэтика. Диссертация... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 182 с.

³ Василевская Ю.Л., Громова П.С., Косоурова Н.Р. Литературное наследие И.С. Соколова-Микитова: проблемы художественного метода и творческой эволюции. Тверь, 2017. 262 с.

⁴ Редькин В.А. Русский национальный характер как литературоведческая категория // Проблемы национального самосознания в русской литературе XX века. Тверь, 2005. С. 18–36.

⁵ Здесь и далее цит. по: Соколов-Микитов И.С. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост. П. Ширмаков; примеч. и подгот. текста М. Смирнова. 1986. Т. 2. С. 169–273.

с неврастенией». У суровых, немногословных моряков и зимовщиков особенное отношение к расстояниям и температуре, в ряде удивительных для простого читателя эпизодов они будто никогда не устают и не мёрзнут. Автор любит ладной работой плотника, печника.

С лукавым, добрым народным юмором написана сцена поднявшейся качки, когда никто из присутствующих не признаётся в плохом самочувствии. То самое «бахвальство» свойственно и для рядовых участников экспедиции, и для самого начальника: «заливаясь медленной бледностью», никто не хочет потерять лицо перед товарищами, и обед превращается в бессмысленное соревнование, кто дольше продержится за столом. Комичен также образ экспедиционного кинооператора, решённый в гротескной манере. Персонаж, охарактеризованный как «коротенький», снабжён огромным киноаппаратом на тяжёлой треноге, суетлив и то и дело даёт поводы для жарких ссор. Посмеивается рассказчик и над доктором, и над учёными (эпизод про найденную кость «мамонта» и др.). Добрая ирония мужика по отношению к интеллигенции сменяется уважительным тоном при описании научного открытия В.Ю. Визе: экспедиция достигла предсказанного им острова 13 августа 1930 г.

Нашлось на этих страницах место и образам русских женщин. К приезду гостей жена поселенца с Новой Земли, чей круг общения ограничен, надевает своё лучшее платье, «как женщины в городе одеваются перед театром». На это, по замечанию рассказчика, нельзя смотреть без улыбки. Противоположно поведение её подружки, которая, напротив, «молчаливо сидела в углу» и «исподлобья смотрела на окружавших её людей». А образы местных жителей, упоминаемых в начале повествования, обрамляют портрет сурового и самоуверенного советского исследователя: описанные «через запятую» с ездовыми собаками два маленьких ненчонка и их улыбчивая мать, сама похожая на девочку, для рассказчика ближе к живой природе, чем к нему и его соратникам. Глава этой ненецкой семьи выведен как пародия на стереотипные русские черты – в своей напускной серьёзности, в удовольствии, которое он получает от стрельбы из ружья, и, в особенности, в любви к «сорокаградусной».

Традиционным для автора станет сочетание любви (и жалости, между которыми он часто ставит знак равенства) к живой природе и азарта охотника. Можно также отметить, что в начале произведения, когда читатель вместе с рассказчиком знакомится с фантастическими арктическими пейзажами, превалирует мотив видения, сна. Несколько раз подчёркивается ощущение нереальности происходящего. Однако стоит рассказчику ступить на твёрдую землю и взять ружьё в руки, он становится собой и повествует о событиях, связанных с охотой, в традиционной рациональной манере. В зарисовке «Медведи»: возможность

пострелять воспринимается с энтузиазмом, приходится устанавливать очередность выстрелов, но после удачного, смертельного попадания в медведицу её медвежата уже описываются словом «осиротевшие»; «Пропадёт без матери», – с жалостью сказал капитан». Охота получается довольно жестокой: добычей охотников становятся и кормящая медведица, и медвежата. В поздних публикациях редакторы-составители помещали примечание о законности такой охоты: «В описываемое время в полярных регионах ещё было много белых медведей, и охота на них тогда разрешалась. <...> Теперь... убивать медведей разрешается только при крайней необходимости».

Медведи, тюлени, различные виды птиц – это и пропитание (в основном промышленники и зимовщики так кормят собак), и зоологический материал, и удовлетворение некоего спортивного интереса. Конечно, упоминается и местный промысел: например, изготовление ремней для гарпунов из кожи морского зайца. Интересно наблюдать, как иррациональное чувство – ненависть моряков к птицам-бургомистрам – быстро передаётся и рассказчику.

В повествовании упоминается дневник рассказчика, в котором на подходе к бухте Тихой появляется запись: «Я смотрю на эту окружающую нас пустыню, и... отчётливее видится, что именно такой – мёртвой и белой – была Земля в свой ледниковый период и такую же, наверное, будет, когда застынет, умрёт наша планета». Другие важнейшие топонимы цикла: Белушья Губа, скала Рубини, мыс Флоры, остров Алджер (у автора – Альджер). Вводя их в повествование, Соколов-Микитов составляет «словесные портреты» на пике художественности, проявляет своё мастерство создания пейзажной зарисовки в новых для себя «тонах». Описание бухты Тихой автопсихологично. Оно опирается не только на широко используемые в этом тексте эпитеты с семантикой цвета, но и на сильнейшие внутренние переживания наблюдателя. С одной стороны, прекрасная и величественная картина восхищает, поражает своей отчётливостью («точно здесь само собою исправлялось зрение и глаза видели зорче»), с другой – давит воспоминаниями о трагических событиях первой русской экспедиции к Северному полюсу, об ужасах полярной ночи и о полыхающем над миром в 1914 г. зареве войны.

Описывая бухту Тихую в «прозрачный и солнечный» день, Соколов-Микитов вводит полный трагизма пересказ событий похода и гибели Георгия Седова из книги Н.В. Пинегина¹. Так «Белые берега» знакомят

¹ В ледяных просторах: Экспедиция Г.Я. Седова к Северному полюсу 1912–1914 г. Л., 1924. 272 с. (Библиотека путешествий). Приложение: Визе В.Ю. Научные результаты экспедиции Г.Я. Седова. С. 263–267.

читателя с важными вехами истории освоения Арктики (не только ретроспектива походов Седова, но и судьба американской экспедиции Болдуина – Циглера; именем Ивана Сергеевича была названа бухта, где он нашёл буёк этой экспедиции, судьба которой была ему неизвестна). Повествование также затрагивает традиции поморов, быт промышленников. Особое внимание уделяется научным открытиям и сбору экспонатов для музейных экспозиций, посвящённых Арктике. Историзм творческого мышления Соколова-Микитова резонирует с традицией путешественников изучать артефакты прошлых экспедиций и оставлять провиант для новых людей, обязательно прибывающих им на смену.

Осознание недолговечности, эфемерности всего живого контрастирует с суровым характером русских исследователей Севера, однако именно эта мысль обуславливает авторскую концепцию природопользования и в целом проблему «человек и земля» (термин В. Чернышёва). В результате и появился «особый жанр социально-географического, экологического повествования, порождённый эпохой»¹.

Через год Соколов-Микитов имел возможность вернуться в те же края на ледокольном пароходе «Малыгин». В очерках, написанных по следам этого путешествия, автор полемизирует с самим собой. Изменяется характер повествования, стремясь к некоторой кинематографичности (остросюжетная завязка, более динамичное чередование сцен). Арктические пейзажи, воспетые с использованием мотивов сна и волшебства в «Белых берегах», становятся прозаичнее и по-новому показывают полярную весну и лето. Влияние на художественный метод автора оказал не только факт его более близкого знакомства с местностью, но и иная организация, состав и цели экспедиции.

Как самостоятельное произведение получившиеся материалы о «Малыгине» рассматриваются под единым названием «Путь корабля» (1932). «Лицо Арктики» – это очерк в цикле, повествующий о возвращении путешественников на мыс Флоры. Иные спутники посещали эти места несколько раз; кроме этого, здесь находят следы русских полярных экспедиций. Постоянно сравнивая, представляя взору читателя артефакты прошлого (мастер художественной детали, автор ненавязчиво показывает, что время сделало с нартами и шлюпкой), «оживляя» природу, ранее показанную застывшей, Соколов-Микитов приходит к закономерному выводу: «Да, лицо Арктики переменчиво». Теперь значительные события происходят на острове Рудольфа, в бухте Андромеды, в проливе Маточкин Шар.

¹ Чернышёв В. Примечания // Соколов-Микитов И.С. Собрание сочинений в 4 т. Л., 1986. Т. 3. С. 581.

Описание трудностей быта зимовщиков здесь носит более мрачный характер. Автор приводит тревожный эпизод, очевидцем которого стал: потерявшаяся группа охотников сутки блуждает без пищи и отдыха, с большим трудом возвращается на пароход. Следом приводится рассказ о страшных условиях зимовки в проливе Маточкин Шар (здесь «голый и мокрый» берег производит на рассказчика тяжёлое впечатление и противопоставляется «сытой жизни» в бухте Тихой). Начальник станции повествует о трагической, по-настоящему страшной смерти молодого полярника и страданиях его товарищей.

Взявшись за «арктическую тему», Соколов-Микитов ставил цель реалистически изобразить «лицо Арктики». Он записывает: «Трудно, быть может, невозможно писать о замечательных красотах Арктики стилем её первых исследователей...» Во многих описываемых случаях участники экспедиции действительно являются первопроходцами, но сам автор разрушает эту иллюзию нехоженой земли. Читателю обязательно напоминает о том, что «с древних времён» сюда ходили поморы, возводили каменные гурии и ставили кресты, потом первые путешественники и зимовщики строили часовни, а затем советские экспедиции сбивали с них кресты и основывали современные посёлки.

В 1932 г. Соколов-Микитов принял участие в аварийно-спасательных работах на «Малыгине», потерпевшем крушение в заливе Ис-фьорд на Шпицбергене, в качестве корреспондента газеты «Известия ЦИК СССР»¹. Записи писателя легли в основу повести «Спасание корабля» (1934), представляющей не меньший познавательный интерес (хроника аварийно-спасательных работ) и художественную ценность (ярчайший пример мотива смерти и её преодоления в творчестве И.С. Соколова-Микитова исследовала П.С. Громова²). Кроме этой аварии, как центрального события, тексты содержат ряд эпизодов, в которых проявляются стойкость и героизм участников экспедиции. Это эпизоды с провалившимся под лёд путешественником, заблудившейся охотничьей группой, найденным зимовщиками замёрзшим человеком, многочисленные встречи с дикими зверями, суровые погодные условия и т. д.

Устами одного из зимовщиков в цикле «Путь корабля» Соколов-Микитов провозглашает патриотический манифест, определяющий дружбу, командную работу и дух коллективизма как основу характера советского

¹ Хорошо знакомая нам газета «Известия» называлась в то время (до января 1938 г.) «Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов» или сокращённо – «Известия ЦИК СССР».

² Громова П.С. Мотивы смерти и её преодоления в повести И.С. Соколова-Микитова «Спасание корабля» // Мир романтизма. 2018. № 19 (43). С. 254–260.

человека: «Вы с удивительным терпением перенесли тяжёлую зиму и работали дружно. Таким должен быть советский полярник!»

Благодаря рассмотренным произведениям современники автора, а вслед за ними и нынешние читатели узнали Арктику в динамике. Оказывается, её лицо меняется год от года, а гостеприимство к одним путешественникам чередуется с жестокостью к другим. Исследовательский и творческий интерес И.С. Соколова-Микитова к Северу не ограничивается одним регионом, одним периодом его жизни. С 1926-го по 1947 г. писатель совершил множество путешествий, каждое из которых сопровождалось путевыми заметками, давало пищу для размышлений, ложилось в основу произведений различных жанров – от очерков о Заонежье до шпицбергенских новелл.

КОСТРЕНКОВА А.В., НЕГМАТОВ А.С.

Сенсорная география Арктики по мотивам романа В.А. Каверина «Два капитана». Из опыта использования в работе с детьми, имеющими статус ОВЗ, сенсорной книги

A. KOSTRENKOVA, A. NEGMATOV

Sensory geography of the Arctic based on the novel by V.A. Kaverin "Two Captains". From the experience of using a sensory book in work with children with disabilities

Сведения об авторах:

Костренкова Анна Владимировна, учитель-дефектолог 1-й квалификационной категории, логопед ГБОУ «Школа № 621» (Санкт-Петербург)
agata_gotberg@mail.ru

Негматов Анвар Содикджонович, учитель изобразительного искусства ГБОУ «Школа № 621» (Санкт-Петербург)
anvarka29@mail.ru

Authors:

Anna Vladimirovna Kostenkova, teacher-defectologist of the 1st qualification category, speech therapist of the school № 621 (St. Petersburg)
agata_gotberg@mail.ru

Anvar Sodikjonovich Negmatov, teacher of fine arts of the school № 621 (St. Petersburg)
anvarka29@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается авторская методика использования сенсорной книги, содержание которой строится на географии арктических путешествий главного героя романа В.А. Каверина «Два капитана» Александра Григорьева. Знакомство с романом «Два капитана» в рамках школьной программы возможно осуществить с помощью специально изготовленного учебного пособия – сенсорной книги. Книга – совместный творческий проект учителя и учеников 10-го класса.

Сенсорные книги в прямом смысле можно назвать «трогательными» изданиями. Страницы книги и иллюстрации к ним изготовлены из текстильных материалов. Герои романа – плоскостные фетровые куклы, которые путешествуют со страницы на страницу. Невозможно охватить весь роман, поэтому сенсорная книга создана по мотивам открытия северных земель капитаном Татариновым и поиска пропавшей экспедиции Саней Григорьевым. Каждая страница – последовательный эпизод из романа. На них изображены географические объекты, о которых идёт речь. Развивая долговременную память и все стороны внимания, мы пытаемся помочь детям с дислексией полюбить чтение, расширить кругозор. Роман «Два капитана» В.А. Каверина – прекрасный фундамент для решения поставленных задач.

Abstract

The article considers the author's method of using a sensory book, the content of which is based on the geography of the Arctic travels of Alexander Grigoriev, the main character of the novel "Two Captains" by V.A. Kaverin. The introduction to the novel in the framework of the school program can be carried out with the help of a specially made textbook – a sensory book. The book is a joint creative project of a teacher and students of the 10th grade. Sensory books can literally be called "touching" publications. The pages of the book and their illustrations are made of textile materials. The characters in the novel are flat felt dolls that travel from page to page. It is impossible to cover the entire novel, respectively, the sensory book is based on the discovery of the Northern Lands by Captain Tatarinov, and the search for the missing expedition of Sledge Grigoriev. Each page is a sequential episode from the novel. They represent the geographical features in question. By the developing long-term memory and all aspects of attention, we are trying to open the possibility for children with dyslexia to love reading, to expand their horizons. V.A. Kaverin's novel "Two Captains" are an excellent foundation for solving the tasks set.

Ключевые слова:

Север, Северный морской путь, Арктика, Заполярье, сенсорный; мелкая моторика; мыслительные операции; внимание; память; коррекционные занятия; автоматизация навыка чтения.

Keywords:

North, Northern Sea Route, the Arctic, sensory; fine motor skills; mental operations; attention; memory; correctional classes; automation of reading skills.

В статье рассматривается вариант популяризации знаний об Арктике у школьников. Для появления интереса к прочтению книги необходима подготовительная работа. В качестве такой подготовительной работы к прочтению и изучению романа В.А. Каверина «Два капитана» может служить сенсорная книга по мотивам одноимённого произведения.

Для эффективности коррекционной работы по преодолению трудностей в обучении и речевых нарушений у детей с ограниченными возможностями важно максимально использовать наглядность, а также игровые методы и приёмы. Для этого в коррекционных занятиях очень полезна сенсорная книга. В речевом развитии школьников она применяется на этапе автоматизации поставленных звуков и для развития связной речи.

У учащихся с ограниченными возможностями здоровья использование сенсорной книги позволяет развивать все стороны внимания, память, мыслительные операции: анализ, синтез, абстрагирование, классификации, обобщение, словесно-логическое мышление, что способствует в дальнейшем и развитию интереса к чтению.

Остановимся подробнее на термине «сенсорная книга». Понятие «сенсорный» в словаре С.И. Ожегова толкуется как относящийся к чувственному восприятию, ощущениям¹. Можно предположить, что сенсорная книга – эта книга, которую читают пальцами. В некотором смысле последнее высказывание соответствует действительности.

В.А. Сухомлинский писал: «Истоки способностей и дарования детей – на кончиках их пальцев. От пальцев, образно говоря, идут тончайшие нити – ручейки, которые питают источник творческой мысли». И далее – «чем больше уверенности в движениях детской руки, тем тоньше взаимодействие руки с орудием труда, сложнее движения, необходимые для взаимодействия, ярче творческая стихия детского разума»².

Сенсорные книги называют «трогательными» в самом прямом смысле этого нежного слова, так как они дают ребёнку возможность «прочувствовать произведение». Эти книги обладают уникальной способностью дарить ребёнку не только яркие эмоциональные переживания, но и прекрасные тактильные ощущения. Вступая в активное взаимодействие с персонажами сенсорной книги, ребёнок ощущает этот мир наиболее полно, всеми данными ему природой органами чувств. Сенсорные книги вызывают искренний интерес детей, а значит, нет нужды заставлять ребёнка заниматься. Он делает это сам, а различные

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. Л.И. Скворцова. М., 2009. 1359 с.

² Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Киев, 1973. С. 258.

приятные тактильные ощущения являются достаточно сильным стимулом к занятиям. Сначала ребёнок стремится не прочесть или услышать, а потрогать!¹

В качестве основополагающего материала для создания сенсорных книг были использованы сказки Г.Х. Андерсена, произведения и биография А.С. Пушкина. Сенсорная книга по мотивам романа «Два капитана» – совместный проект логопеда, учителя изобразительного искусства и учащихся 10-го класса. Идея создания текстильной книги сформировалась в процессе успешного использования в работе книги по произведениям Г.Х. Андерсена.

Несколько слов о содержании сенсорной книги. В комплекте об А.С. Пушкине представлены сенсорный коврик, разделённый на 20 пронумерованных квадратов, и набор текстильных страниц с иллюстрацией мест, где бывал писатель. На изнаночной стороне каждой страницы расположен карман, в который вкладываются плоскостные текстильные куклы – герои сказок, задание для перехода к следующей странице и реальная иллюстрация (фотография) рассматриваемого географического объекта, представленная в виде отдельных частей, которые учащийся должен собрать. Страницы книги и сенсорный коврик изготовлены из хлопка, ситца и бязи. Страницы легко отделяемы друг от друга, поэтому каждую из них можно использовать как отдельный элемент. В комплект наглядного пособия входят плоскостные куклы из фетра – герои сказок, которые по своим внешним признакам очень быстро узнаются детьми.

«Снежная королева» – произведение, в котором встречается ряд географических названий. Это книга – путешествие в северные земли. Вместе с главными героями дети путешествуют от страницы к странице, выполняя предложенные задания. Таким образом расширяется кругозор, тренируются распределение, концентрация и увеличиваются объём внимания, память, закрепляются необходимые учебные навыки. Прежде чем сделать очередной шаг к следующему эпизоду, необходимо выполнить задание. После прочтения названия «Лапландия» целесообразно провести беседу о том, что это не государство, а культурно-историческая область Северной Европы. Она находится на территории четырёх государств – Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Кольский полуостров). Традиционно

¹ Шпакович Е.Л. Сенсорная книга как средство преодоления речевых нарушений детей с ОНР // Актуальные задачи педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита, 2013. С. 72–75.

Рис. 1. Пример ребуса. Необходимо назвать предметы и по первым буквам прочитав название северной области

населяют эту область саамы¹. Название народа возможно зашифровать аналогично Лапландии. На рис. 1 приведён пример ребуса, разработанного для использования в сенсорной книге. В процессе наблюдения за работой учащихся над заданиями отмечается более продуктивное запоминание информации, если её поиск требует определённых умственных усилий. Разнообразные формы работы с материалом позволяют осуществить интенсивную интеллектуальную деятельность учащихся в соответствии с возрастом и индивидуальными особенностями развития.

Далее происходит движение по книге в сторону Финмарка – северной части Норвегии. После расшифровки ребуса следует небольшой экскурс по территории Финмарка, возможно, с препятствиями в виде ребусов, математических примеров на закрепление знания таблицы умножения, навыка счёта в пределах определённого числа или умения определять чётность-нечётность чисел.

Область (фюльке) Финмарк целиком расположена за Северным полярным кругом, омывается водами Баренцева моря. Береговая линия изрезана фьордами².

Предполагается рассказать о фьордах. Для успешного усвоения материала предоставляется возможность собрать разрезные картинки с изображениями географического объекта. Если соотнести эту тему с сенсорной книгой по мотивам романа «Два капитана», то одна из страниц представлена в виде карты, где отмечена Арктика, а цифры показывают, какими морями она омывается. Таким образом происходит содействие наиболее полному формированию у школьников представлений о расположении Финмарка, в том числе и по отношению к России (рис. 2). В беседу включаются рассказ о климате, сопоставление его с климатом региона, в котором мы проживаем, повествование о народностях, населяющих территорию, о количественном составе населения и его сравнение с отдельными областями России.

Роман Вениамина Каверина «Два капитана» – одно из самых ярких произведений советской приключенческой литературы XX в. Эта история

¹ Sari Pietikäinen, Leena Huss, Sirkka Laihiala-Kankainen, Ulla Aikio-Puoskari & Pia Lane. Regulating Multilingualism in the North Calotte: The Case of Kven, Meänkieli and Sámi Languages («Регулирование многоязычия в Северном Калотте: саамские языки, квенский язык и язык меянкиели») // Acta Borealia. 2010. Vol. 27. Iss. 1. P. 1–23.

² Государственный архив Архангельской области. Ф. 2. Оп. 1. Т. 3. Д. 2612. Л. 2.

Рис. 2. Фрагмент занятия с сенсорной книгой

о любви и верности, мужестве и целеустремлённости уже многие годы не оставляет равнодушным ни взрослого, ни юного читателя¹.

На девизе героев «Двух капитанов» «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» выросло не одно поколение тех, кто достойно отвечал всевозможным вызовам времени².

К сожалению, школьная программа не предусматривает прочтения романа. Но его можно использовать для закрепления математического и лингвистического учебного материала.

Роман содержит большое количество имён и географических названий, охватывает период, который насыщен историческими событиями. Данную информацию возможно использовать при разработке заданий. Чтобы возникло желание прочитать роман, стоит его прочувствовать пальцами. С этой целью и разработано методическое пособие «Сенсорная

¹ Круглова Т.Э. Город Сани Григорьева // Каверинский Псков: сб. материалов. Псков, 2011. С. 3–32.

² Вехов Н.В. Героико-приключенческий роман В.А. Каверина «Два капитана»: правда и вымысел // География для школьников. 2008. № 4. С. 32–37; 2009. № 1. С. 29–39.

книга». Она не дублирует роман, а создана по мотивам. Личностные взаимоотношения героев не рассматриваются. Ключевой смысл книги – путешествие в Арктику, её изучение и исследование.

Пособие, как и «Снежную королеву», планировалось использовать в начальной школе. Но на практике оказалось, что данную информацию учащиеся готовы наиболее полно воспринимать в среднем звене, в 5–6-х классах.

Сенсорная книга по мотивам романа «Два капитана» представляет собой комплект из 30 страниц, соединённых шнуровкой, коврик, на который с помощью пуговиц прикрепляются страницы в необходимой последовательности, герои романа в виде кукол-иллюстраций. При необходимости страницы легко отделимы друг от друга. Содержание страниц – графические изображения объектов, где происходят события романа: Псков, старая дореволюционная и послереволюционная Москва, Архангельск, картины Заполярья в разные времена года и в разные исторические периоды, становище Ванокан, которое не один раз упоминается в романе, довоенный Ленинград, Ленинград в суровые годы блокады, обстановка псковского дома, где росли главные герои романа, обстановка московской квартиры, типичная обстановка комнаты в блокадном Ленинграде, вид жилища ненцев снаружи и изнутри. На страницах присутствуют детали, которые прикреплены с помощью молнии, пуговиц, шнуровки, текстильной застёжки в виде липкой ленты. Например, к странице, где изображён замаскированный Исаакиевский собор в годы блокады, с помощью пуговиц прикреплены аэростаты, а внизу на липкой ленте – капуста. Таким образом, при рассмотрении этой страницы учащиеся вспомнят или получат информацию о том, что происходило с городом во время блокады. Исаакиевский собор замаскирован, чтобы немецкая артиллерия и авиация не могли его использовать в качестве ориентира для пристрелки артиллерии. Над городом парят аэростаты, практически с первого дня войны они прикрывали небо над Ленинградом. Они поднимались в воздух в любую погоду то парами, то поодиночке¹.

Люди, пережившие первую блокадную зиму, не пали духом, а прямо на площади у Исаакиевского собора стали выращивать капусту и другие овощи. Когда Саня Григорьев возвращается в Ленинград после ранения, его радует, что, несмотря на суровые испытания, город продолжает жить, и явным доказательством этому служит цветущая капуста у стен Исаакиевского собора.

¹ Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / Сост. П.В. Игнатъев, Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов. СПб., 2018. 432 с.

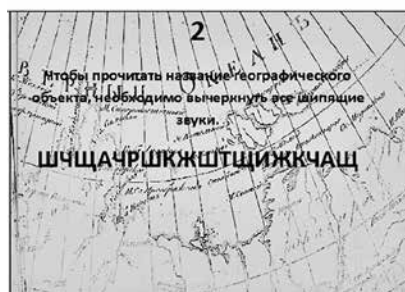

Рис. 3. Пример задания со страниц сенсорной книги по мотивам романа «Два капитана»

На обратной стороне каждой страницы есть карман. Для подтверждения основного назначения книги – способствовать развитию внимания, памяти, речи и мышления у учащихся через стимуляцию мелкой моторики – карман застёгивается. На некоторых страницах на пуговицу, на некоторых – на молнию, на шнуровку, на липкую текстильную ленту. В кармане может находиться фотографическое или живописное изображение объекта, представленного на странице сенсорной книги, как правило, в виде разрезанной картинку. Для того чтобы увидеть изображение, необходимо приложить к этому определённое усилие – сложить предложенную картинку. В кармане может находиться задание. Если это конкретный географический объект, то его название предлагается расшифровать (рис. 3). На рис. 3 представлен вариант задания, которое учащиеся смогут найти в кармане каждой страницы сенсорной книги.

Данный вариант задания хранится в кармане страницы, где изображена карта России и чётко выделена Арктика. К изображению Арктики, а также Баренцева, Карского морей, моря Лаптевых, Северного Ледовитого океана прикреплены на клейкую ленту карточки с цифрами. Для того чтобы выяснить, как этот объект называется, необходимо взять карточку с цифрой, например 2, и выполнить соответствующее задание.

Страницы, где изображён город в Заполярье, прототипом которого была Игарка, представляют местность в разные времена года. Здесь обязательно проходит беседа с учащимися об особенностях климата. О коротком лете, при отсутствии весны и осени, о длительной зиме, о полярной ночи и о полярном дне. Проводится аналогия с белыми ночами Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Для жителей Северной столицы эта информация актуальна. Когда полярный лётчик Григорьев попадает в Заполярье, то сталкивается со всем характерным набором достопримечательностей молодого города: деревянными мостовыми, лесозаводом

и типичным для конца 1930-х гг. рассказом о гастролях столичного театра: «Мы их встречали с цветами. Они удивлялись, откуда у нас цветы, а у нас сколько угодно»¹.

Отдельные выдержки из романа предлагаются учащимся в виде текстов «с хвостами», текстов с «белыми пятнами», текстов с незаконченными или испорченными предложениями. Учащиеся выполняют это задание, тренируя долговременную память. Такого рода задания способствуют и развитию словесно-логического мышления. Как правило, тексты должны носить мотивационный характер. В содержании должен отражаться пример достойной жизни, достойного поведения.

В качестве примера можно привести работу по главе романа под названием «Ванокан». При подготовке задания используется не вся глава полностью, но в обязательном порядке сохраняются её смысл и последовательность событий. Здесь отображается гражданский подвиг полярного лётчика и доктора Ивана Ивановича. К умирающему человеку полярный лётчик, несмотря на сложность погодных условий, доставляет доктора. Последний в максимально короткий срок из подручных средств организует операционную и спасает человека. В главе рассказывается о быте ненцев. Можно продолжить беседу о народе, населяющем эту территорию. В комплекте книги предусмотрены профессионально и художественно оформленные куклы (рис. 4).

Кукла-лётчик путешествует от страницы к странице вместе с читателем, изучая Заполярье. Куклы-ненцы появляются на страницах, где отображено Заполярье (рис. 5).

При изучении романа «Два капитана» с учащимися с помощью сенсорной книги приходит понимание, что основную мысль романа необходимо проследить от первой страницы к завершающей. Учащиеся в процессе работы должны понимать, для чего нужно освоение Арктики. Труды героев романа не напрасны. Капитан Татаринов (имеет смысл рассказать о реальных прототипах героя – Г.Л. Брусилове, Г.А. Седове и В.А. Русанове) и лётчик Александр Григорьев (прототип – пилот С.Я. Клебанов) внесли большой вклад в освоение Северного морского пути – кратчайшего морского пути от европейской части России к Дальнему Востоку. Этот путь можно проследить по карте. Схематично он указан на страницах сенсорной книги. Две максимально удалённые друг от друга части России стало возможным соединить наиболее коротким путём через моря Северного Ледовитого океана: Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское.

¹ Каверин В. Два капитана. М., Л., 1940. 464 с

Рис. 4. Куклы. Иллюстрации в комплекте сенсорной книги по мотивам романа «Два капитана». Автор иллюстраций – А.С. Негматов

Рис. 5. Заготовки для изготовления книги: пейзажи Заполярья и война в Арктике

Приключенческие повести и романы были интересны детям во все времена. С помощью сенсорной книги возможно развить интерес к изучению Арктики, к продолжению трудов первооткрывателей, мореплавателей, учёных. «Два капитана» можно назвать романом, стимулирующим к действию. Слова, которые проходят через весь роман, стали крылатыми: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». На примере героев читатель учится преодолевать трудности и идти к поставленной цели. И первым шагом к прочтению в традиционной книжной форме, вероятно, сможет стать сенсорная книга по мотивам романа «Два капитана».

Увлечение изучением Арктики, путешествиями на Север отмечалось в прежние годы, ещё до революции, на примере экспедиции Г.Я. Седова, в предвоенные годы и ещё очень долго после войны. Потом на смену идеалам и героям начала XX в. и 1920–40-х гг. пришли другие герои, менялись государственная система и сознание людей. Города в Заполярье стали пустеть. Но если есть люди, интересующиеся разными сторонами жизни этих регионов, те, кто заинтересован в экономическом и культурном развитии северных земель, те, кто проводит исследования, пишет труды, Север продолжает жить.

Вклад в сохранение интереса к Арктике, к литературе о покорении и освоении этих земель у подрастающего поколения способна внести и работа с сенсорной книгой, благодаря которой возможно осуществить путешествие на Север, не выходя за пределы школы.

ПЛАХТИЕНКО О.П.

Образы снега и льда в современном скандинавском романе

O. PLAHTIENKO

Images of Snow and Ice in Contemporary Scandinavian Novel

Сведения об авторе:

Плахтиенко Ольга Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)
plahtienkoolya@yandex.ru

Author:

Olga Pavlovna Plahtienko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)
plahtienkoolya@yandex.ru

Аннотация

В статье выявляются различные значения образов снега и льда в романах датского писателя-постмодерниста Питера Хёга «Смилла и её чувство снега» и шведской писательницы Майгуль Аксельссон «Лёд и вода, вода и лёд». В произведении Хёга сначала снег и лёд несут позитивную семантику тепла и света, выражаемую метафорически и противопоставляемую холоду и мраку большого города; сквозь данные образы просвечивает оппозиция Гренландии времён детства героини романа и европейской цивилизации, заражённой алчностью и стремлением к власти. Однако по мере развития сюжета, в котором начинает преобладать криминально-детективная интрига, образы снега и льда лишаются поэтической глубины, становясь воплощением равнодушной природы и смерти. В романе Аксельссон, напротив, по мере развития сюжета образы снега и арктического льда приобретают всё большую весомость и многогранность, отражая сложность человеческой природы. Они помогают героям романа постичь как глубины собственного «я», так и своё единство с другими людьми, с мирозданием.

Abstract

The article reveals the different meanings of images of snow and ice in the novels by a Danish Post-Modernist writer Peter Høeg “Smilla and Her Sense of Snow” and a Swedish writer Maigull Axelsson “Ice and Water, Water and Ice”. In Høeg’s work, at first, snow and ice carry positive semantics of warmth and light, expressed metaphorically and opposed to the cold and darkness of a big city. Through this opposition, the opposition between the Greenland from the childhood of the novel’s heroine and European civilization infected with greed and pursuance of power can be seen. However, as the plot develops, in which the criminal-detective intrigue begins to prevail, the images of snow and ice lose their poetic depth, thus turning into the embodiment of indifferent nature and death. In the novel by Axelsson, on the contrary, as the plot develops, the images of snow and Arctic ice acquire more and more significance and versatility, reflecting the complexity of human nature. They help the heroes of the novel to perceive both the depths of their own ‘selves’ and their unity with other people and that with the whole universe.

Ключевые слова:

П. Хёг, Смилла, снег, лёд, город, Гренландия, смерть, М. Аксельссон, айсберги, под-сознательное, путешествие героя, самопознание, любовь, смысл существования.

Keywords:

Peter Høeg, Smilla, snow, ice, city, Greenland, death, M. Axelsson, icebergs, the sub-conscious, hero’s journey, self-understanding, love, reason for being.

Снег и лёд для человека, живущего на Севере, базовые элементы картины мира, которые влияют на формирование особого мироощущения. Они не только вызывают физическое ощущение холода, но и могут быть преградой, потенциально – смертельной опасностью и, таким образом, ассоциируются со смертью, но в то же время – и с жизнью. Снег на Севере – это свет в тёмную ночь, а иногда и тепло. Лёд – особая структура, которую образуют при низких температурах молекулы воды. А вода (море) в картине мира северного человека может выступать как антипод льда и передавать ему свои значения. На бескрайних снежных и ледяных просторах исчезает линия горизонта, и белоснежный покров земли, сливаясь с небом, рождает у человека мысли о Вечности. Снег и лёд способны производить сильнейший эстетический завораживающий эффект, вызывать состояние, близкое к мистическому. Естественно, что эти природные образы нашли отражение в произведениях тех авторов, чья жизнь большую часть года проходит в непосредственном окружении и созерцании снега и льда.

В современной европейской литературе это скандинавские писатели: норвежцы, датчане, финны и шведы. Романы Питера Хёга «Смилла и её чувство снега» и Майгуль Аксельссон «Лёд и вода, вода и лёд» можно считать самым ярким примером художественного воплощения этих образов как в пространстве северного города, так и в пространствах Арктики.

В романе самого известного современного датского писателя *Питера Хёга* (Peter Høeg, родился в 1957 г.) «Смилла и её чувство снега» (1992) снег и лёд изначально имеют для главной героини только положительный смысл: снег – перина, укрывающая землю, источник света в сумрачные зимние дни; образование льда на поверхности воды – самый важный для неё объект созерцания. Снег и лёд в большом городе вызывают в памяти Смиллы образы прошлого: детства, проведённого в Гренландии с матерью. Полудатчанка по отцу, получившая европейское образование, Смилла тоскует по цельности и естественности существования, которые она познала в Арктике.

Роман Хёга открывается сценой похорон гренландского мальчика Исая в холодный декабрьский день, и снег, покрывающий маленький гроб, в глазах главной героини становится проявлением высшей милости: «Это Вселенная прячет его под перину, чтобы ему никогда больше не было холодно»¹.

Именно снег и способность Смиллы «читать его» помогают ей увидеть нечто странное в обстоятельствах гибели мальчика и вынуждают начать их расследование. В первых главах романа детективная интрига сама словно «покрывается снегом» поэтических метафор, сравнений и, кажется, поначалу играет второстепенную роль.

Снег на крыше, с которой упал Исая, порождает в сознании Смиллы мысли о свете, источником которого он был зимой в её детстве в Гренландии в полярную ночь. Такой нетронутый снег-свет она иногда находит в Копенгагене: «...в сиянии множества искорок, похожих на мелкий, сероватый, сверкающий жемчуг»².

Смилла сама говорит о своём «чувстве снега»³ собеседникам, вызывающим её доверие, но ей трудно объяснить им своё восприятие. Для этого необходимо рассказать об охоте, на которую её брала мать в Гренландии, когда ей было лет пять; о том моменте, когда она «захотела научиться понимать лёд»⁴. О том, что живо в её сознании, но не переводимо на язык повествования.

¹ Хёг П. Смилла и её чувство снега / Пер. с дат. Елены Красновой. СПб., 2009. С. 10.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 45.

Для Смиллы снег – «воплощение света правды. Как в Откровении Иоанна Богослова» – добавляет она¹. Для собеседницы Смиллы, верующей датчанки, «снег – это воплощение непостоянства... Как в книге Иова»². Примечательно, что Смилла апеллирует к тексту Нового Завета, тогда как датчанка – к Ветхому Завету. Этому противопоставлению предшествуют мысли Смиллы о различиях между гренландцами и датчанами, об отношении европейских этнографов к эскимосам, особенно в первый период освоения Арктики (по мнению некоторых, изучая их, можно «кое-что узнать о переходе человека от стадии неандертальца к человеку каменного века»³), о противоречии между привезённым цивилизованными людьми христианством и их поведением.

Смилла «привязана к эскимосам»: «...из-за их способности понимать без тени сомнения, что жизнь наполнена смыслом. Из-за того, что они в своём сознании, не разрушая себя и не пытаясь найти упрощённое решение, мирятся с напряжением от несовместимых противоречий»⁴. Поэтому и снег, с которым так тесно связана их жизнь, по словам Смиллы, «воплощение света правды». Для её собеседницы снег, вероятно, часть непредсказуемой и опасной природы, от которой она прячется в своей совершенной, белоснежной квартире.

Двойственная природа самой Смиллы мешает ей обрести смысл жизни в природе и культуре Гренландии, которую она теперь изучает только как учёный с редкой специальностью гляциолога. Не случайно в романе этот утраченный для неё рай возникает только в субъективном пространстве воспоминаний и размышлений о них. Имея почти неограниченные возможности (благодаря богатому отцу), Смилла не находит своего места и в европейской (датской) культуре, сосредоточенной в большом городе. Первые три части романа – Город I, Город II, Город III – сопровождаются фрагментами карты Копенгагена, указывающими на реально существующее и, кажется, рационально организованное пространство. Однако в восприятии Смиллы этот город – муравейник⁵, город призраков, город-паутина⁶, в котором снег превращается в грязь, а люди теряются за вещественными, кричащими, агрессивными атрибутами современной цивилизации – машинами, поездами, барами. После долгих и опасных поисков правды в городском лабиринте, в два часа ночи, в гавани к Смилле приходит понимание: «Как будто оно каким-то образом исходит ото льда, и ночного неба, и пространства, слишком открытого по городским

¹ Хёг. П. Указ. соч. С. 90.

² Там же.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 250.

масштабам»¹. Собственное состояние, Данию, смерть Исайи, других встреченных людей Смилла облекает в «ледяные метафоры»: «Смерть Исайи – это отклонение от нормы, взрыв, вызвавший появление трещины. Эта трещина освободила меня... за короткое время я пришла в движение, стала скользящим по льду инородным телом»².

Довольно органично сплетая в первых главах романа многозначное поэтическое начало с детективным сюжетом, научный дискурс с социально-культурной проблематикой, Хёг в последующих трёх – Море I, Море II, Лёд – всё подчиняет криминальной интриге, превращая повествование в тривиальный триллер с неопределённым финалом.

Путь Смиллы через Море (которое Смилла не любит и которого боится, потому что море – это «беспорядок», лишаящий её равновесия³), далее – в пустыню арктического Льда становится для неё путём утраты всех человеческих связей, всех надежд. Смилла плывёт на корабле с многозначительным именем «Кронос» – бог, пожирающий своих детей; находит на нём и наказывает виновников гибели Исайи, людей, поражённых алчностью и жадностью власти. И хотя героиня Хёга в финале не погибает, побеждает не она, а Лёд, воплощающий теперь только смерть и абсурдное равнодушие природы к человеку.

В финале Смилла судит не только отдельных людей, но и всю современную технологическую цивилизацию, жаждущую покорить арктический лёд: «Сопrotивление льда слишком сильно, чтобы стоило стремиться к его покорению... Можно попытаться жить со льдом. Нельзя жить против него или пытаться переделать его и жить вместо него»⁴. Но её, кажется, справедливые суждения, как и целые лекции об арктическом льде (довольно искусственные для внутреннего монолога), теряют весомость, подчиняясь стремительно развивающейся криминальной интриге.

В постмодернистском романе Хёга, как его определяют критики⁵, размывается модель классического детектива, распадается изначально задаваемое единство лирического и социально-психологического начал и, соответственно, исчезает поэтическая, метафорическая многозначность образов снега и льда.

По признанию самого писателя, сделанному им в интервью 2017 г., ему «многие вещи не удалось в этой книге»⁶. Не удался прежде

¹ Хёг. П. Указ. соч. С. 281.

² Там же.

³ Там же. С. 316.

⁴ Там же. С. 495–496.

⁵ Коровин А.В. Современная скандинавская литература. Статья 1 // Современная Европа. 2007. № 3. С. 137.

⁶ «Мои лучшие идеи возникают, когда я хожу в туалет»: Питер Хёг о перевоплощениях в женщину, воровстве и медитациях / Подг. Н. Кочеткова // LENTA.RU. 2017. 6 сентября [Электронный ресурс] URL: lenta.ru/articles/2017/09/06/hoeg/ (дата обращения: 01.06.2021).

всего финал – сегодня он сделал бы его лучше: «Сделал бы более гармоничным соотношение между первой и второй частью»¹. Хёг, рассказывая о том, как рождаются его книги, постоянно подчёркивает значимость интуитивного начала в творчестве, преимущества восприятия перед познанием. И в романе «Смилла и её чувство снега» его героиня, увлечённая манией расследования, в глубине души знает, «что стремление постичь ведёт к слепоте, что желание познать несёт в себе жестокость, которая затмевает то, к чему стремится понимание. Только восприятие обладает чуткостью»². Однако восприятие, «чувство снега» Смиллы, протягивающее «нить между белой поверхностью и... её сердцем»³, уступает место погоне и мести, а социально-культурная проблематика романа отступает перед историей об опасных для человечества червях-паразитах, скрывающихся в глубинах арктического льда.

Поиски правды приводят героиню Хёга к прозрению в духе постмодернистской философии: «свобода выбора – это иллюзия... жизнь ведёт нас через целый ряд горьких, нелепых, повторяющихся столкновений с теми проблемами, которые мы не разрешили»⁴. И, хотя после этого прозрения Смилла ещё не раз, вопреки опасности, выбирает сопротивление обстоятельствам, в финале её ожидает пустота. А читателя – разочарование. Несмотря на успех романа Хёга, переведённого на десятки языков и выдержавшего миллионные издания, критики и взыскательные читатели отметили, что он не выдержал заданного в начале высокого уровня художественной выразительности. «Бестселлер Хёга “Смилла и её чувство снега” в датских литературных и академических кругах воспринимается более как успешный коммерческий проект, чем как большая литература. Один из самых авторитетных литературоведов Дании, доктор филологии Джон Кристиан Йоргенсен, назвал Питера Хёга “развлекательным писателем, но не художником”»⁵.

Майгуль Аксельссон (Majgull Axelsson, родилась в 1947 г.) – одна из самых значимых шведских авторов своего поколения, в чьих книгах «есть место критике общественных устоев и нетривиальному стилю повествования. Социальная ангажированность сочетается у неё с “чистым искусством”»⁶. В 1997 г. Майгуль Аксельссон опубликовала роман

¹ «Мои лучшие идеи возникают, когда я хожу в туалет»: Питер Хёг о перевоплощениях в женщину, воровстве и медитациях / Подг. Н. Кочеткова // LENTA.RU. 2017. 6 сентября [Электронный ресурс] URL: lenta.ru/articles/2017/09/06/hoeg/ (дата обращения: 01.06.2021).

² Хёг. П. Указ. соч. С. 295.

³ Там же. С. 497.

⁴ Там же. С. 306.

⁵ Лимонов В. Многообразие округлых форм. Эстетика минимализма и новейшая датская литература // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 60–71.

⁶ По материалам зарубежной прессы / Подготовили А. Лешневская, И. Мокин // Иностранная литература. 2009. № 1. С. 313.

«Апрельская ведьма» (Aprilhäxan), который принёс ей мировую известность. Роман «Лёд и вода, вода и лёд» (Is och vatten, vatten och is), вышедший в 2008 г., также получил высокую оценку критиков, издателей и широкой читательской аудитории.

В романе «Лёд и вода, вода и лёд» внешнее пространство – Арктика, Северный Ледовитый океан, по которому движется ледокол «Один» с участниками научной экспедиции на борту. Но книга Аксельссон не о научных исследованиях, её главные герои – писательница и врач – случайные на судне пассажиры, новички. Именно через их восприятие раскрываются одни смыслы образа льда, другие – самостоятельно может открыть читатель, обнаруживающий несколько уровней в тексте Аксельссон, в котором все основные события человеческой жизни – любовь, смерть, одиночество – так или иначе соотносятся со льдом.

Первое, самое масштабное и самое впечатляющее, физическое явление льда в природе – айсберги – появляется уже в первой главе романа. Время в произведении сжато до нескольких дней плавания; при этом первые восемь суток пути как будто не заслуживают внимания автора и её героев, которые с нетерпением ожидают появления айсбергов. Вахтенный штурман, всматривающийся в водное пространство, отмечающий первые признаки появления льда («ледяное сало»), неожиданно для самого себя выводит образ льда на уровень максимального обобщения: ему неожиданно приходит на ум слово «рай»¹. Понимая, что его представление не совпадает с общепринятым и сам он после смерти наверняка попадёт в «ад», штурман точно знает, что для него «ад» здесь, на земле, – это лето, зной, пошлость быта, мелочные требования жены. От них он и убегает к холодной и чистой красоте льда. К тому же рай для него прочно связан с одиночеством², с его особым положением на высоте штурманской рубки.

В первые эпохи европейской культуры лёд, напротив, соотносился с адом, с тягчайшим грехом предательства. В «Божественной комедии» Данте в самом нижнем кругу преисподней наказываются грешники, чьи тела навечно вмёрзли в лёд, потому что их ледяное сердце оказалось чуждым верности и божественной любви. По-видимому, для южанина лёд – аномалия, которая во времена Данте могла иметь только отрицательный смысл. Северный человек, вынужденный приспособливаться к долгим зимам и ледяному покрову земли, оказывается способным наделять лёд положительным метафизическим смыслом. Кажется, фигура малозначительная, не имеющая значения для развития основного сюжета, штурман

¹ Аксельссон М. Лёд и вода, вода и лёд / Пер. со швед. Е. Чевкиной. М., 2010. С. 19.

² Там же. С. 20.

в начале романа Аксельссон словно задаёт определённую планку: ему с высоты видится дальше и больше остальных.

Сами же ледяные громады айсбергов в романе изображаются такими, какими их видит немолодая писательница Сюзанна и какими увидела их сама Майгуль Аксельссон: над романом она работала во время экспедиции на ледоколе в Канадскую Арктику и позже в интервью говорила, что это было идеальным местом для письма¹.

«Первая по-настоящему большая ледяная гора – это амфитеатр, мерцающий амфитеатр с полом из синего льда. Он скользит в пятидесяти метрах от проходящего мимо “Одина” и медленно поворачивается, демонстрируя зрителям всю свою белую безупречность, словно желая показать, что на его поверхности нет ни пятнышка, ни трещины, что единственное, чего ему недостаёт, – это публики и актёров...»

Другой айсберг – остров Капри в миниатюре, белые вершины гор тянутся к небу, грот у поверхности воды сияет чистой синевой. Под водой виднеется громадная бирюзовая льдина, удерживающая весь остров на плаву...

Третий айсберг – это айсберг, просто ледяная гора, острая, гигантская и без малейшего кокетства, в отличие от двух предыдущих. Тёмные трещины зияют, словно раны, на белой поверхности, и снежные водоросли рисуют вокруг них что-то вроде бледных кровоподтёков².

Кто-то из пассажиров ледокола, глядя на айсберги, вспоминает «затасканную метафору подсознательного из популярной книжки по психологии, издаёт смешок»³, но вскоре, словно подтверждая её, двое – врач и писательница – погружаются в воспоминания о событиях 30-летней давности. Отметим, что и в романе Аксельссон ледокол носит мифологическое имя. В древности Один – глава скандинавских богов, покровитель воинов и поэтов, владеющий магией и мудростью. По одному из преданий, он отдал глаз за знание Прошлого и Будущего⁴. В наше время ледокол «Один» выводит плывущих на нём современных людей за пределы обыденности:

«Один» мог бы быть некой вселенной.

«Один» – некая вселенная.

Некий мир на пути к иному миру⁵.

¹ Ritter Anna. Majgull Axelsson, författar // Fokus, 26 Sep. 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://www.fokus.se/2008/09/majgull-axelsson-forfattare/> (дата обращения: 01.06.2021).

² Аксельссон М. Указ. соч. С. 34.

³ Там же.

⁴ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990. С. 403–404.

⁵ Аксельссон М. Указ. соч. С. 516.

Сначала расстилающаяся до горизонта вода, потом ледяные горы и ледяная пустыня побуждают героев Аксельссон погрузиться в своё прошлое и, переосмыслив его, заново сотворить себя.

Во всех книгах шведской писательницы главные герои, а чаще героини, – это уже немолодые люди, переживающие кризис во взаимоотношениях с другими и самими собой. В их прошлом произошло, а в памяти продолжает длиться нечто болезненное, заставляющее страдать. В романе «Лёд и вода, вода и лёд» таким событием стало исчезновение 19-летнего Бьёрна Хальгрена, рок-звезды семидесятых, юноши редкого голоса и красоты, кумира юных девушек. Больше 30 лет с чувством вины и недоумения живёт его двоюродная сестра Сюзанна. Уже умерли все, кто любил Бьёрна, сама Сюзанна нашла спасение в литературе: после неудачного дебюта в поэзии она пишет детективные романы. С первых дней плавания на «Одине» с ней начинают происходить пугающие события: кто-то оставляет в её каюте недвусмысленные, оскорбительные следы присутствия. Жизнь Сюзанны на судне приобретает характер пугающего приключения, из которого она выходит победительницей. Из бледновялой женщины, о которой штурман судна думает, что она «не человек, креветка»¹, Сюзанна превращается в настоящую воительницу. Поняв наконец, кто издевается над ней и что это тот же человек, который много лет назад подтолкнул её брата к гибели, она без чьей-либо помощи устраивает ловушку подлецу и заставляет его пережить унижительное поражение от женщины.

Предшествует этому превращению напряжённый путь самопознания, открытия собственной силы, способности жить и даже любить. Джон Кэмпбелл, автор знаменитых работ «Тысячеликий герой» и «Мифический образ», в своих поздних книгах неоднократно писал, что мифологическая модель странствий героя приложима не только к мифам и сказкам, но и к литературным произведениям и к жизни реальных людей, причём отмечал, что в современную эпоху героическую роль всё чаще принимают на себя женщины и меняется возраст героев: вызов судьбы принимают уже не молодые, а зрелые люди. Давая суммарную характеристику своего мономифа, Кэмпбелл писал: «Основной смысл путешествия героя заключается в том, чтобы перестать быть тем, кто ты есть, отправиться на поиски приключений, совершить некое символическое деяние и затем вернуться к нормальной жизни»². В романе «Лёд и вода, вода и лёд»

¹ Аксельссон М. Указ. соч. С. 22.

² Кэмпбелл Дж. Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству / Пер. О. Чекчурина. СПб., 2017. С. 182.

женщина-писательница буквально «откликается на зов странствий»¹ и выходит из привычного мира в огромное внешнее пространство. Кэмпбелл называет это «переступить порог». Захваченная зрелищем айсбергов и раскальваемого льда, Сюзанна ощущает себя «вне мира», «она готова отречься от всей цивилизации ради блаженства – стоять на баке ледокола и глядеть, как тот протискивается сквозь льды»². К ней приходит понимание того, что она всегда мечтала именно об этом «упоении – вламывать лёд, разбивать вдребезги безмолвие Арктики»³. Ледяная пустыня и победительное движение «Одина» сквозь лёд пробуждают в 50-летней женщине героическое начало: она поднимает лицо к солнцу, смотрит прямо в глаза белому медведю, сражается с бурей на палубе, рискуя жизнью, и, наконец, мстит за брата и освобождается от чувства вины. Сюзанна «глядит на огромные льдины, которые совсем рядом с судном гневно обращают к небу своё бирюзовое нутро, крутятся и переворачиваются, безуспешно пытаются дотянуться до облаков, но снова вдавливаются в море, толкаются, сжимают друг друга, бодают, поддевают и оттесняются прочь другими огромными льдинами»⁴. Именно перед лицом этой природной борьбы к ней приходят ясное понимание своей цели и решимость.

Зрелище льда «гипнотизирует» и врача Андерса⁵, причём сначала он не отдаёт себе до конца отчёт в том, что это ледяная пустыня вывела его за пределы прежней жизни, помогла сбросить привычное представление о себе как о неудачнике. Первым героическим действием Андерса становится операция на повреждённой руке одного из пассажиров. Созерцание разбиваемого ледоколом льда наполняет Андерса, как и Сюзанну, уверенностью в себе, и он одерживает важнейшую для себя победу: разрывает мучительную связь с холодной, постоянно унижавшей его женщиной.

«Лёд – это хаос, кажущийся порядком, думает он и улыбается»⁶. И хотя его мысль не кажется парадоксом: разбитый лёд выглядит тем же хаосом, каким его можно увидеть на молекулярном уровне, – читателю кажется, что автор вместе со своим героем думает здесь о чём-то большем, чем лёд.

Многие детали в романе Майгуль Аксельссон соотносят воду и лёд с женским и мужским началом и, на первый взгляд, противопоставляют

¹ Кэмпбелл Дж. Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству / Пер. О. Чекчурина. СПб., 2017. С. 182.

² Аксельссон М. Указ. соч. С. 211.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 611.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Там же. С. 356.

их друг другу. Но в названии романа они соединены союзом «и» (швед. och), как и в реальности: лёд – та же вода в особом состоянии, жизнь льда обусловлена водой. Как вода и лёд неразрывно связаны между собой, так и мужчина и женщина нуждаются друг в друге. Все образы и мотивы в романе Аксельссон амбивалентны. Они не образуют жёсткую систему оппозиций. Перед глазами плывущих на «Одине» людей сначала появляется смесь воды и льда. Вода, как и айсберги, в психоанализе символизирует стихию бессознательного. Ледяные просторы действуют на человека так же, как бескрайние водные пространства: вырывают из обыденности, погружают в себя, вызывают экзистенциальные переживания. Давно потерявшая Бога, Сюзанна во время плавания при созерцании льда вдруг вспоминает о вопросе, который когда-то мучил её: «Почему небо пусто?»¹ Концепт льда в романе, таким образом, символичен, динамичен, по мере развёртывания сюжета, в зависимости от контекста, он обнаруживает всё больший потенциал.

В традиционной культуре лёд довольно часто ассоциируется с человеком, наделяется антропоморфными признаками. Майгуль Аксельссон избегает прямых аналогий между человеком и льдом, но читатель сам некоторых персонажей, неспособных любить, воспринимает как людей с ледяным сердцем, а одиночество главных героев соотносит с ледяным пленом. Настоящей снежной королевой кажется бывшая жена Андерса Ева. Её цвета – белый и серебристо-серый, к окружающим она относится как надменная принцесса, требующая постоянного восхищения, во многом именно из-за неё оказываются в пустыне одиночества Бьёрн, Сюзанна и Андерс. Символичным кажется то, как Ева разбивает острым каблучком хрупкую плёнку льда на луже во время одного из первых свиданий с Бьёрном: этот жест словно выдаёт её бездушие и жестокость задолго до трагических событий. При этом опасность «заледенеть» подстерегает практически всех героев романа: стынет «лёд в глазах» Бьёрна, голос его «звенел, словно лёд»² в разговоре с матерью, которая ещё младенцем отдала его на воспитание собственной сестре-близнецу; «ледяное спокойствие овладевает»³ Сюзанной после исчезновения брата. По сути, это лишь ледяная броня, за которой скрывается страшное одиночество девочки-подростка, вместе с братом потерявшей мать, тёплый, надёжный дом и доверие к жизни. И всё-таки Андерсу и Сюзанне автор дарит возможность расколоть лёд одиночества, подобно тому, как ледокол разбивает арктический лёд. Они обнаруживают себя за пределами привычного

¹ Аксельссон М. Указ. соч. С. 371.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 478.

мира («Мир за пределами мира» – так и называется соответствующая глава), в некой новой вселенной, похожей то ли на пустыню, то ли на другую планету, окрашенную в бледно-фиолетовые и коричневые тона.

«Свет странный. Серый. Коричневый. Фиолетовый. Несуществующий цвет, и в то же время волшебный, заставляющий Сюзанну думать о других, сказочных мирах. Небо нависает низко, лёд сгрудился, образовав гребни, коричневые гребни с едва заметными прожилками белого»¹. Один из учёных на судне объясняет удивительный феномен, читает лекцию о снежных водорослях, говорит про «галоидоуглеводороды и озоновый слой, солёность воды и... возраст льда»². И именно во время этой мало понятной ей лекции Сюзанна со всей остротой осознаёт свою общность с людьми, осознаёт себя человеком среди людей³.

Финальное художественное обобщение в романе «Вода и лёд, лёд и вода» являет единую картину мироздания, в котором надо льдом и водой сияет солнце и парят птицы. Сюзанна «долго смотрит на лёд, потом задирает лицо к небу. Долго стоит совершенно неподвижно и смотрит вверх, потом вдруг взмахивает руками. Словно собирается взлететь. Или обнять весь мир»⁴. И наблюдающему за ней с высоты своей рубки штурману «вдруг тоже хочется взлететь. И тоже хочется обнять весь мир, этот единственный, ни с чем не сравнимый мир, в котором он живёт. Он улыбается сам себе... и вглядывается в открытую воду у горизонта»⁵.

Таким образом, художественный образ льда в романе «Лёд и вода, вода и лёд» М. Аксельссон, включая в себя вполне традиционные для современной общеевропейской культуры значения (как прямые, так и переносные), в то же время наполнен смыслом, который обусловлен мировоззрением, картиной мира автора и традициями шведской литературы. Последние, на наш взгляд, в значительной степени определяют природным (северным) контекстом. По мысли Г. Башляра, «воображение, привязанное к конкретному виду материи, с лёгкостью создаёт символические ценности»⁶. В произведениях самых разных шведских авторов – в книгах для детей Астрид Линдгрэн, в философских романах-притчах Торгни Линдгрена и в герметичной поэзии Тумаса Трастрёмера – как и в романе Майгуль Аксельссон, зимняя, снежная и ледяная красота способна возвысить человека до понимания смысла своего существования.

¹ Аксельссон М. Указ. соч. С. 524.

² Там же.

³ Там же. С. 525.

⁴ Там же. С. 638.

⁵ Там же.

⁶ Башляр Г. Вода и грёзы. Опыт о воображении материи / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 1998. С. 33.

Роман шведской писательницы демонстрирует не только связь с традициями национальной культуры, но и сам их огромный потенциал. Образ льда в нём динамичен, символичен, амбивалентен. От главы к главе в романе его значение возрастает в выражении главных – позитивных ценностей автора. В романе Питера Хёга, на наш взгляд, наблюдается обратная динамика: по мере движения главной героини к пространству арктического льда смысловое содержание данного образа сужается, становится более одномерным и приобретает всё более выраженную негативную характеристику. Если роман датского писателя вполне удовлетворяет потребности в экзотическом чтении с игровым элементом, то произведение шведского автора способно пробудить в читателе сильнейшие эстетические и экзистенциальные переживания.

РОМАНЕНКО Ф.А.

Советские писатели в Арктике¹

F. ROMANENKO

Soviet writers in the Arctic

Сведения об авторе:

Романенко Фёдор Александрович, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
faromanenko@mail.ru

Author:

Fedor Alexandrovich Romanenko, senior scientist of Geographical department, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow)
faromanenko@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена арктическим путешествиям советских писателей. Восстановлены их маршруты, приводятся краткая история создания произведений на арктическую тему и их путь к читателю. Работа основана на архивных материалах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Показано, что художественная литература – важный источник историко-географической информации, так как писатели замечают многие детали, недоступные учёным. Особенно подробно рассмотрена арктическая биография И.С. Соколова-Микитова, Б.Л. Горбатова, Э.Л. Миндлина, И.Л. Сельвинского, А.П. Казанцева.

Abstract

The article is devoted to the Arctic travels of Soviet writers. Their routes are restored, a brief history of the creation of works on the Arctic theme and their path to the reader is given. The work is based on archival materials, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. It is shown that fiction is an important source of historical and geographical information, as writers notice many details that are inaccessible to scientists. The Arctic biography of I.S. Sokolov-Mikitov, B.L. Gorbатов, E. L. Mindlin, I. L. Selvinsky, A.P. Kazantsev.

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Лаборатории геоэкологии Севера географического факультета МГУ «Эволюция, современное состояние и прогноз развития береговой зоны Российской Арктики» (тема № 121051100167-1).

Ключевые слова:

Арктика, литература, корреспондент, писатель, плавание.

Keywords:

the Arctic, literature, correspondent, writer, sailing.

*Памяти полярников, историков-энтузиастов Арктики
Георгия Паруйровича Аветисова (1940–2020)
и Сергея Викторовича Фролова (1962–2021)*

Север всегда привлекал внимание отечественных литераторов. Многие попали сюда не по своей воле (протопоп Аввакум, декабристы А.А. Бестужев-Марлинский, Ф.Н. Глинка, эсер В.М. Зензинов, народоволец В.Г. Тан-Богораз, большевики В.П. Ногин, А.С. Серафимович и многие другие). С середины XIX в. некоторые писатели и журналисты совершали продолжительные путешествия, оставили замечательные книги, до сих пор являющиеся важным источником географической и исторической информации (С.В. Максимов, К.К. Случевский, К.Д. Носилов, В.И. Немирович-Данченко, М.М. Пришвин). Северные сюжеты встречаются у первого олонецкого губернатора Г.Р. Державина (1743–1816), у учившегося в гимназии в Петрозаводске, ныне почти забытого, но очень трудолюбивого и разностороннего В.Г. Бенедиктова (1807–1873), у Н.С. Гумилёва (1886–1921), у никогда не бывавшего на Севере Я.П. Полонского и других поэтов¹. Даже Козьма Прутков (1803–1863) не случайно волей своих создателей родился в Сольвычегодском уезде Архангельской губернии. Большая часть написанного посвящена Европейскому Северу, и лишь некоторая – Азиатскому.

Северная литература имела в России прочные традиции, и неудивительно, что после Октябрьской революции, в XX в., когда далёкие окраины страны начали интенсивно осваиваться, туда поехали многие литераторы разного масштаба и известности. Одни (С. Алымов, В. Шаламов, Н. Клюев и многие другие) попали в тиски сталинских репрессий, другие поехали в Арктику и Субарктику на работу (В. Безбородов, Л. Ошанин, Н. Шундик, Т. Семушкин, О. Куваев и многие другие), третьи предпринимали длительные путешествия в качестве «творческих командировок». Поэтому работавших в Арктике литераторов можно отнести к нескольким группам.

¹ Романенко Ф., Соколова А. Стихии Арктики в стихах // Подмосковный летописец. 2014. № 39. С. 72–91.

Прежде всего это жившие или живущие там писатели, в том числе члены региональных писательских организаций Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Таймырского, Чукотского автономных округов, Якутии. Практически все литераторы, когда-либо работавшие в Мурманской области, отражены в недавно вышедших фундаментальных энциклопедиях В.В. Сорокажердьева и Е.Н. Шталя¹. Творчеству архангельских литераторов посвящён Архангельский литературный музей, основанный в 1992–1995 гг. Б.М. Егоровым. Значительное место в арктической литературе занимают представители коренных народов Севера. Их имена были хорошо известны в советское время. Назовём лишь некоторых: Октябрина Воронова (саами, Мурманская область), Прокопий Явтысый (ненец, Ненецкий округ), Огдо Аксёнова (долганка, Таймырский округ), Семён и Софрон Даниловы (якуты, Якутия), Юрий Рытхэу и Антонина Кымытваль (чукчи, Чукотка). Основоположники литературы народов Севера якут *Платон Ойунский* (1893–1939), юкагир *Н.И. Спиридонов* (Тэки Одулок) (1906–1938) были безвинно расстреляны по печально известной 58-й статье.

Из русскоязычных писателей арктического побережья назовём мурманчанина Виталия Маслова (1935–2001), новоземельца Т.П. Синицына, или Пэля Пунуха (1894–1971), магаданца Альберта Мифтахутдинова (1937–1991). Они много лет провели в Арктике. Например, *Виталий Семёнович Маслов*, уроженец д. Сёмжа Мезенского района, в качестве радиста атомного ледокола «Ленин» участвовал более чем в 20 навигациях по Северному морскому пути и, конечно, знал Арктику не понаслышке. Многие из северных писателей начинали свою творческую работу в журналистике, перейдя затем к написанию художественных, документальных и художественно-документальных книг (А. Омельчук (род. 1946), В. Орлов (1938–1995), Б. Василевский (род. 1939) и многие их коллеги, которых мы не называем только из-за недостатка места).

Другую группу писателей образуют непрофессионалы, участники арктических экспедиций – моряки, лётчики, зимовщики полярных станций (флот, авиация и полярные станции – три главных составляющих успешной работы ГУСМП), а также геологи, биологи, геодезисты, географы. Одним из первых советских полярных непрофессиональных писателей стал художник *Н.В. Пинегин* (1883–1940), написавший сначала несколько книг об экспедиции Г.Я. Седова 1912–1914 гг., в которой участвовал, затем биографию Седова и книгу о своих полярных экспедициях, в частности,

¹ Сорокажердьев В.В. Здесь ясен горизонт...: о Севере, о писателях, о книгах. Мурманск, 2007. 323 с; Сорокажердьев В.В. Литературный мир Мурманска. Мурманск, 2019. 454 с.; Шталь Е.Н. Литературные Хибинны. Энциклопедический справочник. 1835–2015. М., 2017. 1056 с.

об основании в 1928 г. полярной геофизической обсерватории на мысе Шалаурова о. Большой Ляховский («В стране песцов», «Записки полярника»). А вот его коллега художник С.Г. Писахов (1879–1960) едва ли не более известен как писатель, автор замечательных оригинальных поморских сказок. Писахов побывал на Новой Земле ещё до революции, многократно посещал её в составе экспедиций. В 1928 г. он был среди первых советских людей, достигших Земли Франца-Иосифа на л/п «Г. Седов» под командованием В.И. Воронина. На гурии, построенном 5 августа на мысе Лофли Земли Александры, он нарисовал герб СССР.

Среди писателей-авиаторов наиболее известен легендарный лётчик, один из первых героев Советского Союза М.В. Водопьянов (1899–1980). В день премьеры в Московском реалистическом театре его первой пьесы «Мечта пилота» (реж. Н. Охлопков), посвящённой воздушному достижению Северного полюса, 21 мая 1937 г., он посадил свой самолёт вблизи него. Это редчайший случай, когда человек сначала создал художественное произведение, а затем выполнил задуманное. В 2013 г. ему был поставлен памятник в парке «Ходынское поле» рядом с сохранившимся фрагментом взлётно-посадочной полосы Центрального аэродрома им. М.В. Фрунзе, откуда он взлетал в 1936–1937 гг., в 2019 г. – в Липецке, на родине. Кроме «Мечты пилота», Водопьянов написал ещё более 10 книг об Арктике и авиации.

Многие лётчики, штурманы и механики, участвовавшие в арктических экспедициях 1920–50-х гг., оставили мемуарные и художественно-документальные книги: И.Т. Спиринов, И.П. Мазурук, А.В. Ляпидевский, М.И. Шевелёв, Н.С. Каманин, В.С. Молоков, М.Т. Слепнёв, Г.Ф. Байдуков, М.Н. Каминский, Б.А. Пивенштейн, Э.К. Пусэп, В.И. Аккуратов, А.П. Штепенко, Н.Н. Стромилев. В.Л. Ивашина и многие другие. Тем не менее они главным образом известны нам как авиаторы, хотя число написанных ими книг иногда превышает десяток (В.И. Аккуратов). Часть книг вышла до войны, в 1930-х гг., а затем их авторы погибли (П.Г. Головин, М.С. Бабушкин, Я.Д. Мошковский, Э.М. Лухт) или были репрессированы (Ф.Б. Фарих), немногие книги были опубликованы уже в эпоху перестройки (Н.Л. Кекушев).

Оставили воспоминания многие моряки: А.А. Афанасьев, Г.Д. Бурков, Г.Л. Мирошниченко и др., а К.С. Бадигин (1910–1984), капитан легендарного «Г. Седова» в дрейфе 1937–1940 гг., стал профессиональным писателем, как и его собрат по ремеслу более позднего времени В.В. Конечкий (1929–2002). Их перу принадлежат десятки книг (в основном об Арктике), в которых содержатся и интересные историко-географические сведения. Так, книги К.С. Бадигина вызывали в своё время оживлённые дискуссии историков.

Множество мемуарных книг написали зимовщики полярных станций – К.М. Званцев-Ивановский, В.Г. Канаки, Л.В. Рузов, Н.Р. Дождиков, С.К. Безбородов, М.С. Муров, Н.Н. Лях, И.Е. Воробьёв, М.В. Вяхирев, Н.Т. Черниговский, Л.И. Леонов и др. Последние двое не просто зимовщики, а крупные учёные. Их книги полны интересных деталей, не только бытовых и жизненных, но и научно-исторических. Многотомную библиотеку оставил врач дрейфующих станций СП-2 и СП-3 *В.Г. Волович* (1923–2013), причём с годами его книги становились всё более художественными. На писательском поприще позже отметились и другие врачи, например, *В.В. Яковенко* (1948–2010) – автор книги «Мы танцуем в Арктике танго» и др.

Не стали исключением и геологи. Книга первооткрывателя чукотского золота *Н.И. Чемоданова* (1917–1969) «В двух шагах от Северного полюса» вошла в число документальных произведений. А вот его более молодой коллега *О.М. Куваев* (1934–1975) ушёл от чистой мемуаристики довольно далеко, став профессиональным писателем и автором целой серии замечательных книг, среди которых наиболее известен роман «Территория» (1969–1975), по которому снято два художественных фильма (1978 и 2015). Чемоданов в этом романе – прототип главного героя Чинкова. И другие геологи оставили интересные документальные произведения: *Л.В. Громов* (1905–1999) – исследователь о. Врангеля и потом главный геолог «Арктикразведки», *В.Л. Иванов* (1932–2018) – начальник экспедиции на Новосибирские острова в первой половине 1970-х гг. («Архипелаг двух морей») и многие, многие другие. Как правило, это документальные и мемуарные книги, со многими интересными подробностями.

Около 20 книг принадлежат перу географа (гляциолога, картографа) *Владислава Сергеевича Корякина* (1933–2021), одного из участников легендарной экспедиции Института географии АН СССР на Новую Землю в 1957–1959 гг. Кроме научных монографий, каждая из которых стала заметным событием, это и воспоминания, и прекрасные научные биографии, например, *В.А. Русанова*, *Ф. Кука*. *В.С. Корякин* был великолепным знатоком истории исследования Арктики, обладал удивительной эрудицией и интуицией. Многие интересные сюжеты были им исследованы впервые. Его товарищ по зимовке на Новой Земле *Зиновий Михайлович Каневский* (1932–1996) закончил географический факультет МГУ и отправился в Арктику, на полярную станцию Русская Гавань. Выполняя гидрологические работы на припае, он и его спутник *А. Афанасьев* попали в новоземельскую бору. Почти сутки он полз на берег, пока его не нашли коллеги. Пришлось отнять руки и пальцы ног. Несмотря на эти трагические события, Зиновий Михайлович стал признанным классиком полярной литературы, написал более двух десятков книг,

многие из которых открыли новые направления исследований. Недавно в издательстве «Паулсен» вышло переиздание книги «Загадки и трагедии Арктики» (1-е издание – 1991 г.) – первое в отечественной литературе исследование, где поднята тема репрессий среди работников ГУСМП. Писательское чутьё Зиновия Михайловича было поразительно, он чувствовал «двойное дно» некоторых историй, казалось бы, давно известных. Его последняя книга «Жить для возвращения» (2001) – потрясающий документ о силе духа.

Отдельно следует сказать о журналистах – участниках арктических экспедиций. Далеко не все они были профессиональными писателями, но и они сказали своё слово в документалистике. *Б.В. Громов* (1902–?) участвовал в экспедициях на «Г. Седове» и «А. Сибирякове», его автограф сохранился в «доме Эйры» на о. Белл Земли Франца-Иосифа. Коллега из «Правды», «король репортёров» *Л.Б. Хват* участвовал в самых знаменитых экспедициях 1934–1940 гг., несколько раз бывал у Берингова пролива, на Аляске. *Макс Эммануилович Зингер* (1899–1960) участвовал в Ленской экспедиции, ходил на «А. Сибирякове», «Ф. Литке», зимовал в Певеке. Его сын *Евгений Зингер* (род. 1926) – полярный радист, многолетний начальник Шпицбергенской экспедиции Института географии АН СССР, автор нескольких научно-популярных книг. *Л.К. Бронтман* (1905–1953), «король московских журналистов» – участник воздушной экспедиции 1937 г. на Северный полюс по высадке папанинцев, *Зинаида Владимировна Рихтер* (1890–1967) – участница экспедиции на «Ф. Литке» к о. Врангеля в 1929 г. *Г.А. Эль-Регистан* (1899–1945) вместе с Борисом Горбатовым (о нём речь впереди) участвовал в трансарктическом перелёте В.С. Молокова в 1935 г., очень хорошо, по словам командира экипажа, вписавшись в него. Их книги полны интереснейших деталей.

Целую россыпь книг написали участники первой несекретной воздушной высокоширотной экспедиции «Север-6», которая в 1954 г. под руководством начальника ГУСМП В.Ф. Бурханова высадила сразу две дрейфующие станции – СП-3 и СП-4. Это и журналисты (П.Р. Барашков, С.Т. Морозов), и учёные – Д.И. Щербаков, и фотокинооператоры – Е.Н. Яцун, М.А. Трояновский, Я.И. Рюмкин. Продолжателем их традиций стал известный ленинградский журналист *В.И. Стругацкий* (род. 1950), участник множества экспедиций как 1970–80-х гг., так и современных – XXI в. Его многочисленные книги хорошо известны современным полярникам, так как они не только исторические свидетельства, но и важный источник естественно-исторических сведений.

Профессиональные писатели в поисках материала для своих произведений отважно отправлялись в высокие широты. Результатами этих трудных «творческих командировок» стали их книги, где

за причудливостью (и иногда неправдоподобностью) сюжета спрятаны сотни реальных подробностей, которые писатели успели заметить в ходе арктических путешествий. Далеко не всегда мы можем определённо сказать, где же побывал тот или иной литератор в рамках подготовки очередного романа. А это интересно, потому что тогда мы узнаём в его произведениях те или иные детали жизни Арктики и полярников, которые обычно от нас скрыты, так как хранятся в архивах или только в человеческой памяти, весьма ненадёжной и, увы, конечной. А здесь, в изданных тысячными тиражами книгах, мы их можем атрибутировать, если знаем детали путешествия автора.

Например, *Сергей Тимофеевич Григорьев (Григорьев-Патрашкин)* (1875–1953) совершил в Арктику только одно, сравнительно короткое путешествие в 1916 г. по маршруту Архангельск – Романов-на-Мурмане – Борисоглебский – Киркенес¹. Но в одном из своих коротких рассказов² он оставил нам редкое описание первого зимовщика полярной станции Марре-Сале на Западном Ямале, работающей с 1914 г. до настоящего времени (с перерывами 1918–1920, летом 1925 и в 1926–1927 гг.). В 1914–1915 и 1916–1917 гг. на ней зимовал почтово-телеграфный чиновник Никита Петрович Батрак. Писатель встретился, видимо, с ним на пароходе «Ломоносов» на пути из Архангельска в Киркенес. Н.П. Батрак в рассказе С.Т. Григорьева описан так: «...человек лет тридцати или немного больше в фуражке русского почтово-телеграфного чиновника с синим кантом и серебряной кокардой: почтовые рожки, перевитые молнией. Коренастый, он уверенно стоял на крепких ногах и не хватался за поручень, хотя качало: был свежий ветер. Бритое лицо его было сплошь покрыто яркими багровыми рубцами, что заставляло пассажиров юта брезгливо и опасливо коситься на него, но я по виду рубцов понял, что человек этот однажды сильно обморозил себе на ветру лицо: это не была болезнь»³. Рассказ Григорьева – память об этом человеке.

Одним из первых профессиональных литераторов, побывавших в высокой Арктике, стал *Б.А. Пильняк* (1894–1938). По его просьбе он был зачислен в экипаж знаменитого «Персея» в 1927 г.⁴ Результат – роман «Заволочье», в котором угадываются элементы природы Шпицбергена, многие детали жизни моряков-полярников, зимовочного быта, работы полярных биологов и гидрологов. Здесь и одинокие, засыпанные снегом избушки с неизвестными погибшими, и походы по льдам, и гибель почти всей

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2194. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–4.

² Григорьев С.Т. Радио на Маре-Сале. М., Л., 1930. 32 с.

³ Там же. С. 4.

⁴ Васнецов В.А. Под звёздным флагом «Персея». Л., 1974. 280 с.; Повести северных морей. Л., 1977. 120 с.

экспедиции после аварии судна, и любовь, и смерть. Узнаются эпизоды из книг В. Альбанова и Н. Пинегина про экспедиции Брусилова и Седова соответственно.

Много раз бывал на арктическом побережье в 1920–30-е гг. *Вивиан Азарьевич Итин* (1893–1938), автор одного из первых отечественных научно-фантастических романов «Страна Гонгури», главный редактор журнала «Сибирские огни», энтузиаст Севера, участник Карских экспедиций и Колымских рейсов. Его перу принадлежат не только научно-популярные, но и научно-практические книги, проекты освоения Северного морского пути. Увы, и он стал жертвой сталинских репрессий (расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1956 г.).

Целая группа советских и иностранных журналистов находилась на борту ледокола «Красин», который отправился 15 июня 1928 г. из Ленинграда на спасение экспедиции У. Нобиле на дирижабле «Италия». Почти все они написали книги об этой экспедиции, но для *Эмилия Львовича Миндлина* (1900–1981), тогда корреспондента «Вечерней Москвы», она прошла через всю жизнь. Наибольшей популярностью пользуется великолепная детская книга «Красин во льдах», много раз переиздававшаяся в вариантах для разных возрастов. Но главная книга Миндлина о «Красине» – «Жизнь и приключения ледокола “Красин”» (1934) была издана только раз на украинском языке. Это, как писал сам Миндлин, «книга о жизни корабля»: «О его рождении, детстве и юности. О том, как его топили в Архангельске и как спасли, и он попал в плен. О том, как, освободившись, он спас “Соловья Будимировича” и как затем стал “служакой” в порту. О том, как его послали спасать экипаж дирижабля “Италия”. О том, что случилось с “Италией” и о бездне Гинунгагап (мировая бездна в скандинавской мифологии. – Ф.Р.). О злоключениях двух спутников Финна Мальмгрена и обитателях ледяного лагеря. О Гиальмаре Нойсе – Робинзоне с Норд-Остланда и о приключениях Бориса Чухновского в заливе Рипсбей. О городе Нью-Олесунде и о спасении “Монте-Сервантеса”. О поисках капитана Эгги. О приключениях в Скандинавии, на Шпицбергене, в Атлантическом океане, в Панамской республике, на Аляске, на острове Врангеля. О льдах, людях и кораблях»¹. Нам представляется, что данная книга, лежавшая в архиве автора почти полвека и затем в архиве – больше 40 лет, ждёт издателя. Ведь её главный герой теперь стал музеем!

Всю жизнь Миндлин сохранял дружеские отношения с участниками красинской экспедиции 1928 г. – П.А. Пономарёвым, А.Д. Алексеевым, Б.Г. Чухновским и др. Вместе (помогал им И.М. Гронский, «некоторые литераторы и музейные (архивные) организации») они боролись за улучшение сценария знаменитого советско-итальянского фильма «Красная

¹ РГАЛИ. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

палатка» (реж. М. Калатозов, 1969). Первые варианты сценария им категорически не нравились, следы критики сохранились в переписке Миндлина с Чухновским и Пономарёвым. Павел Акимович Пономарёв – старпом «Красина» в 1928 г. называл сценарий «карикатурой», «стряпнёй», «антисоветским фильмом»¹. Был ли сценарий в результате изменён, установить пока не удалось.

В 1930 г. на борту л/п «Г. Седов» вместе с капитаном В.И. Ворониным, начальником экспедиции О.Ю. Шмидтом, В.Ю. Визе, Р.Л. Самойловичем впервые отправился в Арктику И.С. Соколов-Микитов (1892–1975). Маршрут корабля хорошо известен: Новая Земля – Земля Франца-Иосифа (далее – ЗФИ) – Северная Земля, где высадили на двухлетнюю зимовку легендарную экспедицию Г.А. Ушакова – Н.Н. Урванцева. Серии очерков «Поход “Седова”» (1934) и «Белые берега» в самых разных изданиях под разными названиями – ценный исторический и географический источник. Писатель нашёл на Новой Земле буй американской экспедиции Циглера – Болдуина на ЗФИ 1901–1902 гг. Заметка об этом есть в «Бюллетене Арктического института»², но, благодаря Соколову-Микитову, доступна и широкому читателю. Глаз писателя, творческого человека, отмечают исследователи, человека, как правило, «с тонкой кожей», то есть с тонкой душевной организацией, часто выхватывает из повседневной жизни сюжеты, детали и эпизоды, которые обычный исследователь не замечает и уж тем более не помещает в своих научных текстах. Поэтому использование художественной литературы в аналитических целях чрезвычайно полезно³.

До войны И.С. Соколов-Микитов ещё два раза возвращался в Арктику, и обе поездки были связаны со сложными спасательными операциями, которые проводились знаменитым ЭПРОНОм (Экспедиция подводных работ особого назначения). В январе – марте 1933 г. писатель участвовал в подъёме и снятии с камней л/п «Малыгин» на Южном Шпицбергене. Получилась очень живая, интересная и местами трагическая (гибель «Руслана») книжка «Спасение корабля». Вторая аналогичная операция – участие в подъёме в том же 1933 г. затонувшего в 1916 г. в Кандалакшском заливе л/п «Садко». Пожалуй, это самая богатая на литературные описания спасательная операция ЭПРОНа. В Кандалакшу прибыл целый десант известных писателей под предводительством бывшего графа А.Н. Толстого (Вяч. Шишков, И.С. Соколов-Микитов, С.Я. Маршак, поэтесса Л.М. Попова, Н.В. Пинегин и др.). Каждый из них написал как минимум по одному

¹ РГАЛИ. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–4; Д. 127. Л. 1–2.

² Записка экспедиции Болдуина – Циглера // Бюллетень Арктического института СССР. 1932. № 2. С. 32–33.

³ Василевская Ю.Л., Громова П.С., Косоурова Н.Р. Литературное наследие И.С. Соколова-Микитова: проблемы художественного метода и творческой эволюции / Науч. ред. С.Ю. Николаева. Тверь, 2017. 262 с.

очерку. Помимо Кандалакши, писательская бригада посетила Нивастрой (каскад строящихся ГЭС на р. Ниве) и Хибиногорск (трест «Апатит»).

На Кольском полуострове Иван Сергеевич бывал и до этого. Вместе со своим приятелем, основателем Лапландского заповедника Г.М. Крепсом (1896–1944), он обследовал Чуна-тундру, написав ряд чудесных очерков: «Осень в Чуне», «Весна в Чуне». Продолжил он свои арктические поездки и после войны, о чём мы расскажем ниже.

Два профессиональных литератора приняли участие в экспедиции на пароходе «Челюскин» в 1933–1934 гг., которая называлась в официальных документах «Экспедицией сквозного прохода». Это талантливый поэт, один из лидеров литературного течения конструктивистов *Илья Львович Сельвинский* (1899–1968) и прозаик С.А. Семёнов (1893–1942). Первый из них покинул борт судна ещё в октябре 1933 г., отправившись с санной партией из восьми человек от о. Колючин. В неё вошли также секретарь экспедиции Леонид Муханов, кинооператор Марк Трояновский, радист Н.Н. Стромиллов, доктор М.С. Мироненко, синоптик С.М. Простяков, инженер-электрик В. Кольнер, заболевший кочегар С. Данилкин. На собаках партия дошла до берега и за неделю добралась пешком порядком до Уэлена, пройдя около 300 км. Её участники не были награждены орденом Красной Звезды.

Можно предположить, что Сельвинский спешил на премьеру своей пьесы, которая готовилась к постановке в московском Театре революции (сейчас – Государственный академический театр им. В. Маяковского) и одним из театров Ленинграда. Премьера пьесы «Умка – белый медведь» (режиссёр В.Н. Власов, 1899–1969) в Москве состоялась в 1935 г. и стала значительным событием. Отмечали превосходную игру Д.Н. Орлова (1892–1955), А.И. Щагина (1898–1959), Ивановой, Т.Д. Соловьёва (1903–1954). Спектакли шли с овациями и бисированием при полном зале, пьеса была издана Гослитиздатом. Но 18 апреля 1937 г. в газете «Правда» появилось письмо с Чукотки о том, что пьеса клеветает на чукчей, и уже через три дня специальным Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе И. Сельвинского “Умка – белый медведь”» от 21 апреля 1937 г. она была снята с репертуара как «антихудожественная и политически недостойная советского театра»¹.

Литературной обработкой впечатлений с «Челюскина» Сельвинский занимался затем всю жизнь, полярная тема его не отпустила. Он написал поэму в стихах и прозе «Челюскиниана» (1937–1938), которую переработал в 1957 и 1970 гг. в роман «Арктика». О поэме главный редактор «Правды» Л.З. Мехлис в декабре 1937 г. написал специальное письмо В.В. Молотову,

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о пьесе И. Сельвинского // Открытый текст [Электронный ресурс] URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/kpss/6-ijunja-1931-7-oktjabrja-1953-kpss/1937-21-aprelja> (дата обращения: 01.03.2022).

Л.Г. Кагановичу и А.А. Жданову¹, и резолюция Молотова не допустила поэму к печати, так как она нуждалась, по его мнению, в переработке.

В поэме/романе, написанном весьма оригинально – стихи перемежаются прозой, в том числе нашла отражение реальная любовная история с вполне благополучным концом, произошедшая в ходе челюскинской эпопеи. В романе она происходит между умудрённым опытом 50-летним бородатым комиссаром экспедиции на судне «Остров Грумант» Корнеем Корнеевичем Королёвым и юной полярницей Олисовой, дочерью начальника экспедиции Андрона Ивановича Басаргина. Их прототипов читатель может выяснить, при желании, самостоятельно.

Большое внимание Сельвинский уделил науке. Многие фрагменты поэмы – просто гимн арктической гидробиологии (вероятно, сказалось влияние энтузиаста-гидробиолога П.П. Ширшова). Он, скорее всего, и стал прототипом студента-биолога Болеслава Кохановского. Жизнь и биология обитателей моря изложены весьма живо и подробно. Любопытная история – появление на судне чудом спасённой полярниками дамы Жанны Руссель с потерпевшего аварию американского самолёта. Она пытается сбить с пути истинного юного Кохановского, которого за это стыдят. В истории с самолётом можно найти параллель с романом А. Казанцева «Полярная мечта (Мол “Северный”» (1947–1955), который начинается с падения иноземного самолёта на советскую полярную станцию на одиноком острове и гибели зимовщиков – родителей главного героя. Реальный источник данного сюжета нами не выяснен.

Роль *Сергея Александровича Семёнова* (1893–1942) в челюскинской эпопее велика. Он был кадровый «шмидтовец» (термин И.Д. Папанина), участвовал в экспедиции на «А. Сибирякове» в 1932 г. На льдине в лагере Шмидта именно Сергей Семёнов вёл первую стенограмму первого заседания ячейки ВКП(б), и он же был членом редколлегии знаменитой челюскинской газеты «Не сдадимся!» (вышло три номера).

После спасения и возвращения Семёнов написал народно-героическое представление «Не сдадимся», которое нашло сценическое воплощение на сцене Камерного театра А.Я. Таирова (1886–1950). С ним С.А. Семёнов состоял в оживлённой переписке, сохранившейся в фондах РГАЛИ. В отличие от «Умки» Сельвинского, спектакль не стал крупным событием.

Во время войны С.А. Семёнов возглавил писательский взвод в войсках НКВД при обороне Ленинграда, заболел и умер во фронтовом госпитале от крупозного воспаления лёгких.

¹ Мехлис – Молотову, Кагановичу, Жданову о поэме Сельвинского «Челюскинине» // Фонд Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс] URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1015940> (дата обращения: 01.03.2022).

Культурной книгой об Арктике в середине 1930-х гг. стала знаменитая серия очерков *Бориса Леонтьевича Горбатова* (1908–1954) «Обыкновенная Арктика». Основой её стали впечатления писателя от пребывания на Диксоне в марте – августе 1935 г. Обычно говорят о «зимовке» Горбатова на острове, но он там провёл полгода – весну и лето, то есть не зимовал. Как корреспондент «Правды» он принял участие (вместе с Эль-Регистаном) в знаменитом трансарктическом перелёте В.С. Молокова 1935 г. (бортмеханик Г.Т. Побежимов) по маршруту Москва – Красноярск – Игарка – Диксон. Маршрут был пройден с 11 февраля по 19 марта. В известных воспоминаниях Молокова «Родное небо» лётчик очень положительно оценивал работу корреспондентов в перелёте. Они работали в составе экипажа, и в результате Горбатов стал личным другом Молокова. Но увезти его с Диксона сразу он не смог, и писатель остался там до августа, когда уехал по распоряжению главного редактора «Правды» Л.З. Мехлиса. В апреле Молоков хотел его забрать, но не получилось. Приведём дословно две его телеграммы¹.

1. Из Усть-Порта 12 апреля 1935 г.: «Диксон Горбатову Почему не делаешь хорошую погоду Сходи пожалуйста до границы тумана и сообщи на каком расстоянии он распространён Сделаешь хорошую погоду будешь Красноярске Молоков».

2. Без даты, плохо читается: «Горбатову (sic! – Ф.Р.) двугорбому Ведём переговоры чтобы тебя вывезти на днях Сообщим Привет Василий».

Надо отметить, что у Горбатова складывались хорошие, доверительные отношения со всеми встреченными им работниками Севера. Ему шлёт телеграммы с просьбами о помощи врач Дёмина, попавшая весной 1935 г. в сложные условия работы и быта в п. Гыдаямо, где успешно победила вспышку цинги. Увы, врач вскоре погибла (23 августа 1936 г.) при аварии самолёта Ф.К. Куканова на Енисее, за что лётчик попал в лагерь на 5 лет². Добрым словом его вспоминает радист В.Н. Волков (1910–1984), один из строителей передающего радицентра на Диксоне, который был там одновременно с Горбатовым³. Он отмечает и деятельный нрав писателя, и интересные занятия его кружка политграмоты («правый и левый уклоны в партии»), и смешные стихи на праздничном вечере.

¹ РГАЛИ. Ф. 2203. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–2.

² Приговор Ф.К. Куканову, 1936 г. // Полярная почта [Электронный ресурс] URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=4352&p=44627&hilit=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BA%D1%83%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2#p44627> (дата обращения: 01.03.2022).

³ Воспоминания В.Н. Волкова // Полярная почта [Электронный ресурс] URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=70&t=9159&p=82257&hilit=%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2+%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2#p82257> (дата обращения: 01.03.2022).

У самого Горбатова впечатлений от пребывания на Диксоне было много. Его корреспонденции систематически печатала «Правда», они нравились и главному редактору Л.З. Мехлису, и коллегам-журналистам, и руководству. Товарищи регулярно сообщали Горбатову о здоровье его первой жены А.П. Ефремовой, болевшей и отправленной на лечение в Сочи, поздравляли его с праздниками и хвалили корреспонденции. Связь с ним осуществлялась через радиостанцию Главзолота. Вот примеры редакционных заданий¹.

Телеграмма от 12 апреля 1935 г. из Москвы: «Молния Архангельск бухта Диксон спецкору Правды Горбатову Передай живую корреспонденцию как Диксон отпраздновал годовщину спасения челюскинцев Железнов». Железнов – псевдоним Л.А. Айзенштадта (1905–1988), тогда сотрудника «Правды», после войны – журнала «Юность».

Телеграмма от 13 апреля 1935 г.: «Архангельск Остров Диксон Борису Горбатову Просим приготовить что-нибудь особенное первомайскому номеру тчк Хорошо бы современную северную сагу Васильковский Попов». Г.О. Васильковский (1903–1938) – заведующий экономическим отделом «Правды», арестован 16 июля 1937 г., расстрелян 19 февраля 1938 г., реабилитирован в декабре 1955 г. за отсутствием состава преступления².

Телеграмма от 20 апреля 1935 г. из Москвы: «Диксон через радиостанцию Главзолота спецкору Правды Горбатову Свяжись радио всеми зимовками дай хорошую живую корреспонденцию подготовке Арктики перво мая тчк Задание срочное Все твои телеграммы печатаем Железнов».

Осенью, после возвращения на материк, Горбатов был отправлен в отпуск в Крым (Мисхор), но оттуда его скоро вызвали для выполнения важного задания. Вскоре он уже выступал с докладами в Иркутске.

Итогом диксонской эпопеи Бориса Горбатова стала книга очерков «Обыкновенная Арктика» (10 рассказов). Они в целом документальны, и в основе большей части лежит реальная история. Так, в рассказе «Роды на Огуречной Земле», одном из самых пронзительных, описана реальная ситуация родов жены начальника полярной станции Мыс Желания. В архивах сохранились фотографии прототипов других героев книги, например, «деда Кураша» (рассказ «Большая вода»), прототипом которого выступил много лет промышлявший в районе Диксона Максим Гаврюшин (ок. 1870–1935)³.

На диксонском материале основана и пьеса «Закон зимовки» («На старой зимовке»), задуманная в конце 1930-х гг. и завершённая в 1946 г. Она

¹ РГАЛИ. Ф. 2203. Оп. 1. Д. 325. Л. 3, 4, 7.

² Васильковский Григорий Осипович // Открытый список [Электронный ресурс] URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1903\)_\(дата_обращения:_01.03.2022\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1903)_(дата_обращения:_01.03.2022)).

³ Попов С.В., Троицкий В.А. Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972. С. 146–147.

написана по мотивам нескольких рассказов «Обыкновенной Арктики», главным образом по «Суду над Степаном Грохотом» (1939). Пьесу поставили было в 1947 г. в ленинградском БДТ (режиссёр В.П. Кожич, в роли С. Грохота – А.И. Ларииков), но секретарь горкома ВКП(б) по пропаганде И.Г. Стожилов (июль 1941 г. – август 1943 г. – начальник Городского управления по учёту и выдаче продовольственных карточек, до января 1944 г. – заместитель заведующего отделом общественного питания, торговли и пищевой промышленности ГК ВКП(б), затем заведующий отделом общественного питания горисполкома)¹ в категорической форме после премьеры спектакль запретил. Горбатова он публично назвал «проходимцем», его пьесу – «антипартийной», «антисоветской» и «клеветнической», а поддержавших его режиссёров Ф. Эрмлера, С. Васильева, поэтессу О. Берггольц, писателя Ю. Германа – «подонками»². Дело было весной, перед уходом театра в отпуск. Горбатов написал письмо (оно не датировано, но, вероятно, написано в 1947 г.) генеральному секретарю Союза писателей (СП) СССР А.А. Фадееву, его заместителям К.М. Симонову и В.С. Вишневскому с просьбой разобраться. Стожилова в апреле 1948 г. сняли с должности как не справившегося с работой, а в июне 1948 г. назначили начальником Управления планирования пищевой промышленности Госплана СССР (Москва)³. Горбатов же сам вскоре стал секретарём СП СССР. Заметим, что он уже был в это время депутатом Верховного Совета РСФСР и до начала «Ленинградского дела» оставалось 2 года. В недавно изданном третьем томе «Дневников» Ольги Берггольц данного эпизода нет.

В 1959 г. пьесу «Закон зимовки» поставил А.А. Гончаров в Московском драматическом театре на Малой Бронной⁴. В главных ролях – А. Кочетков, А. Ширшов, С. Соколовский, Б. Виноградов, Л. Богданова, Н. Медведева, А. Дзикан, Ю. Катин-Ярцев. В 1984 г. пьеса успешно шла в Театре имени Владимира Маяковского⁵. Режиссёры Евгений Лазарев и Алина Казьмина, в главных ролях – Армен Джигарханян, Евгений Лазарев, Владимир Самойлов, Александр Фатюшин, Галина Анисимова, Светлана Кузнецова и др.

Один из самых известных советских фантастов *Александр Петрович Казанцев* (1906–2002) посвятил Арктике несколько романов. Первый

¹ Краткий биографический указатель руководителей Ленинграда в 1944–1945 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://war-peace.spbarchives.ru/bio.html#stogilov> (дата обращения: 01.03.2022).

² РГАЛИ. Ф. 2203. Оп. 1. Д. 191. Л. 3–6.

³ Краткий биографический указатель руководителей Ленинграда в 1944–1945 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://war-peace.spbarchives.ru/bio.html#stogilov> (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ Горбатов Б. Закон зимовки. Запись // Старое радио [Электронный ресурс] URL: <http://stargoeradio.ru/audio/25828> (дата обращения: 01.03.2022).

⁵ «Закон зимовки». Запись спектакля // Культура.РФ [Электронный ресурс] URL: <https://www.culture.ru/movies/1955/zakon-zimovki> (дата обращения: 01.03.2022).

из них – уже названный нами «Полярная мечта (“Мол Северный”» (1947–1952–1955), первый раз изданный как «Арктический мост» (переиздан в 2019 г.), несколько раз переработанный и менявший названия. Несмотря на его фантастичность, чётко видно, что автор знаком с Арктикой, так как многие детали удивительно правдоподобны. Действительно, писатель совершил плавание в Арктику на л/п «Г. Седов» (капитан Б.Е. Ушаков) в 1947 г. с экспедицией по снабжению полярных станций западного сектора Арктики¹. Ею руководил начальник отдела полярных станций ГУСМП, знаменитый папанинец, Герой Советского Союза Э.Т. Кренкель, которому помогал будущий Герой Социалистического Труда начальник СП-4 Е.И. Толстик. Маршрут первой половины плавания можно восстановить частично: Архангельск – Русская Гавань – ЗФИ – о. Визе, про другие полярные станции упоминаний нет. Но очевидно, что все детали арктической природы и быта писатель почерпнул в этом плавании, в том числе в рассказах бывалых полярников. Впечатления от рейса на «Г. Седове» отражены в рассказах сборника «Обычный рейс» (1951), часть из них вошла в роман. А устроил Казанцеву эту поездку генеральный секретарь Союза писателей СССР А.А. Фадеев.

А вот где черпали свои впечатления авторы романов про Арктику *Григорий Борисович Адамов* (1886–1945) («Изгнание владыки», 1946) и *Леонид Дмитриевич Платов* (1906–1979) («Повести о Ветлугине», 1949–1954), автору установить не удалось. Известно, что они оба в Арктике бывали, и это видно из текстов их книг, но детали и районы поездок нам пока неизвестны. Адамов поехал в Арктику специально для набора материала, Платов – как корреспондент журнала «Пограничник».

В 1947–1949 гг. снова отправился в Арктику *И.С. Соколов-Микитов*, на этот раз в составе Таймырских экспедиций Арктического научно-исследовательского института в район озера Таймыр. Здесь он познакомился и подружился с геологами (В.А. Вакар), метеорологами (П.С. Свирненко), биологами (В.М. Сдобников, Л.А. Портенко, Б.А. Тихомиров и др.). На самолёте из Москвы экспедиция летела на Диксон, а оттуда на лёгких самолётах – к местам базирования. Писатель видел светлых людей, которых увековечил в своих очерках. Но он видел и варварскую охоту на дикого оленя и птиц, километры перепутанных сетей с гниющей рыбой. Именно Соколов-Микитов вместе со своими коллегами-биологами предвосхитил создание на Таймыре заповедников: «Кто знает, может быть, в холодной и пустынной стране возникнет первый арктический заповедник, в котором найдут надёжное прибежище пролётные птицы, с незапамятных времён совершающие свой долгий и опасный путь. В просторах тундры под охраной разумных и добрых людей по-прежнему

¹ Казанцев А.П., Казанцев Н.А. Фантаст. М., 2001. Т. 2. 576 с.

безбоязненно будут пастись стада диких оленей, а приезжие путешественники-туристы станут любоваться прекрасной родиной птиц.

А может быть и другое. Будут расхищены природные богатства, расстреляны кроткие олени, выловлена и истреблена рыба, уничтожены, распуганы доверчивые птицы, некогда совсем не страшившиеся человека. Как уже не раз бывало на грешной земле, и в Северном и Южном её полушариях, в безжизненную, мёртвую пустыню может превратиться далёкая чудесная страна, с незапамятных времён дававшая приют миллионам птиц и оленей, девственной своей красотой изумлявшая первых полярных путешественников, любивших и знавших природу»¹. Как мы теперь знаем, произошло и первое, и второе...

За пределами нашего текста осталось множество литераторов. *Николай Елисеевич Шундик* (1920–1995) в 1939–1946 гг. работал учителем в Чаунском районе Чукотки (повесть «На Севере дальнем» и др.). Его коллегой 12 лет был в Чукотском районе Тихон Захарович Сёмушкин (1900–1970) (знаменитый роман «Алитет уходит в горы»), который затем летал на СП-4. *Константин Михайлович Симонов* (1915–1979), в 1941 г. участвовавший в боевых действиях Северного флота на Карельском фронте, а в послевоенное время ходивший по Северному морскому пути. *Владимир Маркович Санин* (1928–1989), участник множества экспедиций в Арктику и Антарктиду. Его книги открыли полярные широты для миллионов читателей. И многие, многие другие. Не обо всех и далеко не всё удалось узнать и сказать...

Книги арктических писателей хранят, как выясняется, столько подробностей не только об Арктике, но и о самих писателях, что история появления того или иного произведения сама становится сюжетом. И финал этих сюжетов очень часто открыт. Но книги всегда хранят не только информацию, но и чувства, и эмоции авторов пронизывают все их тексты. Литература об Арктике безбрежна, но писатели, как люди с иной душевной организацией, часто позволяют нам видеть то, что скрыто от наших привычных глаз.

Поэтому литература продолжает быть интенсивно бьющим источником познания...

Автор благодарит за предоставленные тексты и консультации Е.С. Бариннову, Д.Ю. Гущину, Н.М. Ежову, В.И. Мысливца (1943–2021). Отдельная глубокая признательность – сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва), помощи которых автор обязан многими интересными находками.

¹ Соколов-Микитов И.С. Из таймырского дневника, 1947. Цит. по: У края Земли. Петрозаводск, 1984. С. 296.

УПОРОВ И.В.

Умирающая Воркута в живительных стихах воркутинцев разных поколений

I. UPOROV

Dying Vorkuta in life-giving verses Vorkuta
residents of different generations

Сведения об авторе:

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (Краснодар)
uporov@list.ru

Author:

Ivan Vladimirovich Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)
uporov@list.ru

Аннотация

В статье представлен обзор поэтических произведений о заполярном городе Воркуте, включая стихи авторов как советского, так и постсоветского периода. Даётся характеристика Воркуты, указывается специфика этого города, отмечается, в частности, что Воркута как городской населённый пункт был создан в 1943 г. в голой тундре для извлечения высококачественного каменного угля, необходимого для тяжёлой промышленности. Для освоения Печорского угольного бассейна на первых порах государство активно использовало дешёвый труд заключённых, и данное обстоятельство наложило определённый отпечаток на воркутинскую поэтику: эта тема затрагивалась не только в годы функционирования Воркутлага (1940–50-е гг.), в том числе в стихах самих заключённых (М. Мельников, А. Баркова и др.), но и в последующее время, включая новейшую Россию (Г. Симкина, Ю. Друнина, В. Кушманов и др.).

К рубежу 1960-х гг. Воркута приобрела советско-цивильный облик, был создан гимн Воркуте (слова В. Кузнецова, музыка А. Пахмутовой), и жизнь города потекла в привычном для тех времён русле, но, конечно, с особенностями, обусловленными как суровыми климатическими условиями, так и способами

формирования городского населения (привлечённые специалисты, приехавшие на заработки из разных регионов СССР, романтики, оставшиеся на постоянное проживание бывшие осуждённые и др.). Соответственно, в стихах о Воркуте, публиковавшихся чаще всего в городской газете, рефреном звучали трудовые дела (авторы Ф. Щербаков, В. Телегина, С. Журавлёв и др.). Город быстро рос, изменения были феноменальными, и вся эта история творилась руками горожан и на их глазах. Появляется и укрепляется гордость за свой город, который становится родным, и это, равно как и бодрое настроение городского общества, улавливают воркутинские поэты (И. Урлин, А. Копёнкин, В. Салтанова и др.). Непреходящая тема всех поэтов всех времён – природа, и о ней также написано много стихов воркутинскими авторами (Л. Игнатенко, В. Трусов, М. Каганцев и др.).

После распада СССР в 1991 г. и перехода экономики России на рыночные отношения для Воркуты наступили не лучшие времена: шахты стали закрываться, люди – массово уезжать, воркутинская сказка закончилась, и эта тема в стихах о Воркуте отражается в ностальгических тонах, но – не без оптимизма со стороны тех, кто по-прежнему живёт в Воркуте (А. Клейн, Е. Шевелёва, А. Попов и др.), и эти стихи оживляют город, который, на три четверти опустошённый, ещё стоит, надеясь на лучший исход.

Abstract

The article provides an overview of poetry about the polar city of Vorkuta, including poems by authors of both the Soviet and post-Soviet periods. The characteristics of Vorkuta are given, the specifics of this city are indicated, it is noted, in particular, that Vorkuta as an urban settlement was created in 1943 in the bare tundra to extract high-quality coal necessary for heavy industry. For the development of the Pechora coal basin, at first, the state actively used the cheap labor of criminals, and this circumstance left a certain imprint on Vorkuta poetics, this topic was touched upon not only during the years of Vorkutlag functioning (1940–1950s), including in verses of the prisoners themselves (M. Melnikov, A. Barkova, etc.), but also in the subsequent time, including the newest Russia (G. Simkina, Yu. Drunina, V. Kushmanov, etc.).

By the turn of 1960, Vorkuta acquired a Soviet-civilized appearance, a hymn to Vorkuta was created (words by V. Kuznetsov, music by A. Pakhmutova), and the life of the city flowed in the usual course for those times, but, of course, with peculiarities due to both the harsh climatic conditions and the ways of forming the then urban population (attracted specialists who came to earn money from different regions of the USSR, romantics, former convicts left for permanent residence, etc.). Accordingly, in the poems about Vorkuta, published most often in the city newspaper, labor cases sounded as a refrain (authors F. Shcherbakov, V. Telegin, S. Zhuravlev, etc.). The city was growing rapidly, the changes were phenomenal, and this whole story was created by the hands of the townspeople and before their eyes, pride for their city, which becomes native, appears and strengthens, and this, as well as the cheerful mood of urban society, is

captured by the Vorkuta poets (I. Urlin, A. Kopenkin, V. Saltanova and others). The enduring theme of all poets of all times is nature, and many poems by Vorkuta authors have also been written about it (L. Ignatenko, V. Trusov, M. Kagantsev, etc.).

After the collapse of the USSR in 1991 and the transition of the Russian economy to market relations, Vorkuta did not have the best of times – mines began to close, people began to leave en masse, the Vorkuta fairy tale ended, and this theme in verses about Vorkuta is reflected in nostalgic tones, but not without the optimism of those who still live in Vorkuta (A. Klein, E. Shevelva, A. Popov, etc.), and these poems revive the city, which, three-quarters devastated, is still standing, hoping for a better outcome.

Ключевые слова:

Воркута, поэзия, стихи, город, уголь, шахтёры, Заполярье, тундра, поэты, суровый климат, гимн.

Keywords:

Vorkuta, poetry, poetry, city, coal, miners, polar regions, tundra, poets, harsh climate, anthem.

Заполярная Воркута имеет очень сложную и противоречивую городскую судьбу. Статус города Воркута получила в годы войны ввиду нужды в угле, а застраиваться она начала в голой тундре силами заключённых ГУЛАГа ещё в начале 1930-х гг., когда на берега реки Воркуты был высажен первый лагерно-трудовой десант. И лишь во второй половине 1950-х гг. в угольных шахтах не стало шахтёров-заключённых. Но к строительству большей части объектов промышленного, жилого, социально-культурного и иного назначения обитатели исправительно-трудовых колоний активно привлекались ещё не менее полутора десятилетий, а после освобождения многие бывшие заключённые оставались здесь жить, в том числе ссыльные немцы, прибалты и др. Как раз с того времени активно заработала известная советская агитационно-вербовочная кампания, предлагая немалые льготы для желавших отправиться в этот далёкий северный край в 150 км от побережья Северного Ледовитого океана. И скоро по построенной также зэками ещё в годы войны Северной железной дороге потянулись осваивать Печорский угольный бассейн люди со всех сторон. Ведь высококачественный коксующийся каменный уголь очень нужен был не только в военные годы для обороны страны, но и для мирной советской экономики в тогдашнем соревновании социализма и капитализма. Одни ехали как приглашённые специалисты, другие – за «длинным рублём», третьи – чтобы выбраться из глухой нищеты глубокой российской провинции. Не обошлось, конечно, без романтиков.

В результате в Воркуте стал формироваться уникальный социально-человеческий конгломерат – сначала на гулаговской основе, а позже в обычном советско-гражданском варианте (в 1943 г., когда посёлок Воркута стал городом Воркутой¹, в нём проживало 5625 постоянных жителей и намного больше временно там находящихся заключённых; к 1970 г. число жителей перевалило за 100 тыс., к 1990 г. – 217 тыс. чел.²). Люди, волею судьбы оказавшиеся за 67-й параллелью, переплавляли разные культуры и образы жизни в единую городскую общину, вполне целенаправленно живущую («Даёшь больше угля!») и создававшую условия для достойной жизни горожан. Суровый климат морозно-метельного Заполярья, непригодная для земледелия голая тундра лишь закаляли воркутинцев и укрепляли лучшие человеческие качества, такие как взаимопомощь, коллективизм и др. Как писал в 1983 г. воркутинский поэт П. Градов:

Здесь народ весёлый.
Очень искренний народ.
Ну, а в смысле дружбы
сто очков он даст вперёд
всем районам южным³.

Очевидно, многие, если не большинство, воркутинцы испытывали гордость за свой созидательный труд. И в самом деле – на месте некогда голой тундры выростали шахты, жилые дома, стадионы, школы, дома культуры, театры, больницы, парки. Возникавшие один за другим шахтные посёлки опоясывались знаменитым дорожным воркутинским кольцом, на месте старых щитовых финских барачных городков поднимались кирпичные, позже панельные «хрущёвки», а потом и девятиэтажки современного типа. Всё это происходило на глазах самих воркутинцев – динамика изменений была феноменальной, и вряд ли кого-то могло оставить равнодушным соучастие в этом большом и нужном деле, независимо от того, на каком месте трудился или учился человек. Но и проблем, трудных вопросов тоже хватало, и прежде всего в человеческих отношениях с их вечными шекспировскими страстями.

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.11.1943 «О преобразовании рабочего посёлка Воркута в город республиканского значения» // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37136&ysclid=l4wltxu93l129930546#Adm9x9TELMgEjhXN1> (дата обращения: 18.05.2021).

² Статистика Воркуты [Электронный ресурс] URL: <http://www.vorcuta.ru/statistics.htm> (дата обращения: 18.04.2021).

³ Градов П. Прямо в тундре вековой // Заполярье. 1983. 26 ноября (здесь и далее данное издание – городская газета г. Воркуты).

Вероятно, именно поэтому Воркута едва ли не с самого начала, из глубин 1940-х гг., стала объектом стихотворных произведений. С того времени стихи писали и пишут воркутинцы разных поколений – так не похожих друг на друга по окружающему их властно-публичному и политико-идеологическому окружению и так похожих по непреходящим человеческим чувствам и душевным устремлениям. Отсюда и тематика множества стихов о воркутинской жизни. Сегодня трудно сосчитать авторов, опубликовавших свои стихи о Воркуте, – по нашим прикидкам, таковых не менее двухсот, а сколько ещё рукописных поэтических тетрадных листов, написанные в которых строки увидели свет много позже!

Так, ещё осенью 1942 г. бывший тогда заключённым М. Мельников писал о том, что он должен быть на фронте, в рядах Красной Армии, но –

Журавлиная шумная стая,
Улетаешь ты снова на юг.
Только я к Воркуте уезжаю,
За полярный, стопроцентный круг.
Там, на Волге, где бой гроыхает,
Нас давно уже Родина ждёт.
И зовёт, чтоб, сквозь битвы шагая,
Шли к Берлину, к победе, вперёд.
Ты прости нас, родная Россия
И великий народ Ильича,
Мы ль виновны, что нелюди злые
Рубят юность и правду сплеча.
Мы писали – и нету ответа,
А до Сталина век не дойти,
Чтоб ему, не боясь, про всё это
Рассказать – и с ним правду найти¹.

Тема неволи, лагерей в стихах воркутинцев неугасима, несмотря на прошедшие десятилетия: видно, слишком тяжёлый след оставил за собой ГУЛАГ. Так, в 1954 г. отбывавшая немалый срок в Воркутлаге мятежная по жизни антисоветчица А.А. Баркова писала:

Белая ночь. Весенняя ночь.
Падает северный майский снег.
Быстро иду от опасности прочь

¹ Мельников М. Журавлиная шумная стая... // Высокие широты: Воркута литературная. Воркута, 2007. С. 74.

На арестантский убогий ночлег.
В душном бараке смутная тьма,
На сердце смута и полубред.
Спутано всё здесь: весна и зима,
Спутано «да» с замирающим «нет»¹.

А много позже, уже на излёте некогда могучего Советского государства (1991), Г. Симкина вот так обыгрывала недолгую жизнь воркутинских цветов-ромашек:

Кто вас отправил на мучение,
На жизнь суровую обрѣк?
За что вам – это заточение,
Кто этот рок на вас навлѣк?
Не потому ли вас над кручами
И над погостами не счесть,
Что души узников замученных
В ромашки обратились здесь?²

И всё же главная составляющая воркутинской жизни – будничный труд воркутинских шахтѣров и работников других сфер производства, учёба их детей в школах, участие в культурных и спортивных мероприятиях и т. д. И уже в 1960 г. создаѣтся песня «Моя Воркута», ставшая гимном города; на слова поэта В. Киселѣва музыку сочинила сама А.Н. Пахмутова, и припев для Воркуты общеизвестен:

Моя Воркута –
Светла и горда!
Даже в мороз
Хмурой зимой
Сердцем согрет
Мой город родной!³

Этот замечательный гимн много лет звучал по утрам по местному проводному радио и телевидению сразу вслед за гимном СССР и стал одним из полюбившихся воркутинцам символов их города. Например,

¹ Баркова А.А. Падает северный майский снег // Доднесь тяготеет. В 2 т. М., 2004. Т. 1. Записки вашей современности. С. 83.

² Симкина Г. Воркутинским ромашкам // Заполярье. 1991. 3 августа.

³ Песня «Моя Воркута» // Официальный сайт А.Н. Пахмутовой [Электронный ресурс] URL: <http://www.pakhmutova.ru/> (дата обращения: 19.05.2021).

в нём есть и такие строки, которые под торжественно-возвышенную мелодию поднимали жителям настроение на весь предстоящий день:

Тают поздние отсветы ночи,
Вновь цветут синевой небеса.
Просыпается город рабочий,
Открывает большие глаза.
Стынет в северном холоде тундра,
Здесь зима тяжела и строга.
Я шагаю сквозь ветер и утро
По твоим площадям, Воркута¹.

Появляется и укрепляется гордость за свой город. Да и как иначе: город даёт Родине уголь, строятся добротные дома, есть свои животноводческие комплексы, современные школы, дома культуры и т. д., город украшают великолепные, часто уникальные архитектурные шедевры (здания Дворца шахтёров, Дворца пионеров, Горного техникума и др.), которые и сегодня вызывают восхищение и высокую оценку профессионалов. Один из авторов стихов, И. Урлин, пишет (1973) о том, что, хотя «солнца нет, воют ветры днями», арктический климат согревается «тёплыми сердцами» и «греет эта теплота шахты и границу, днём и ночью Воркута теплотой искрится»². Поэты замечают, что настроение горожан довольно бодрое, во всяком случае, А. Копёнкин в 1975 г. отразил это в своих стихах:

Снова май! И флаги снова
В заполярной Воркуте.
Вышел праздник встретить город,
Слышен дружный смех детей.
Бьёт в лицо упругий ветер,
Снег на улицах лежит.
Разукрашен город, светел
И смеётся от души.
Сотни, тысячи улыбок...
...Заполярный край суров,
Но успехами встречает
Праздник город горняков³.

¹ Песня «Моя Воркута» // Официальный сайт А.Н. Пахмутовой [Электронный ресурс] URL: <http://www.pakhmutova.ru/> (дата обращения: 19.05.2021).

² Урлин И. Заполярный день // Заполярье. 1973. 19 декабря.

³ Копёнкин А. Праздничное // Заполярье. 1975. 1 мая.

А несколько лет спустя А. Илларионов, задавшись в своём стихотворении (1986) вопросами от имени некоего спрашивающего его человека о том, не в Воркуту ли отправляется поезд с Ярославского вокзала Москвы и не за романтикой ли, не за длинным ли рублём уезжает автор, отвечает очень просто: «Нет, обычное дело. Я еду домой»¹. А Л. Зонов не скрывает своей привязанности к Воркуте: «И в красавицу я популярную так влюбился, что вам не понять»². На этот счёт можно привести и характерный по тональности и настрою стих В. Салтановой (2003):

Как мне порою ненавистны
Улыбки сытые южан!
...Как можно Воркутой гордиться?
Как вы живёте там? Кошмар!
Но есть у жалости изнанка:
Жалеющий – чуть-чуть садист...
Я – воркутинка. В о р к у т я н к а!
Дом мой прекрасен.
Дом мой – чист.
...Югами я переболела,
А Север... он – неизлечим³.

Добыча угля – это главное, для чего был создан новый город в голой тундре. Поэтому в период расцвета Воркуты (1970–80-е гг.) в стихах о ней рефреном были, конечно, трудовые дела. Поэты по-разному об этом пишут, сочетая с другими мыслями и чувствами, и особенно это было характерно для советского времени, когда созидательный труд на благо общества активно пропагандировался и представлялся как одна из фундаментальных ценностей в жизни человека. В 1966 г. Ф. Щербаков написал такие строки:

Дуют ветры на снежных просторах,
Мчится вьюга быстрее саней.
А над тундрю высится город
В золотистом разливе огней.
Я иду по шахтёрским проспектам, –
Нам сдалась вечных зим мерзлота.

¹ Илларионов А. Ярославский вокзал // Северный автограф. Сыктывкар, 1986. С. 5–6.

² Зонов Л. Воркутинские склонения // Полное собрание разлук. Литературный альманах. Сыктывкар, 2005. С. 294.

³ Салтанова В. Как мне порою ненавистны... // Песенка о подаренных картинах: сб. стихов. Сыктывкар, 2003. С. 227.

И пою вместе с северным ветром
О тебе, город мой Воркута!¹

Этот же автор, обращаясь к Воркуте как к одухотворённому собеседнику, спрашивал о том, помнит ли она, что здесь было когда-то, «в этом снежном, суровом краю». И тут же сам отвечал:

А теперь в тонких ивах зелёных
Молодые кварталы встают.
И один за другим эшелоны
С чёрным золотом мчатся на юг².

Такой стиль был тогда типичен для поэтов. Например, В. Телегина в том же году написала эти строки, рассказывая своим друзьям о Воркуте, в которой она живёт:

Вам увидеть бы, как шахтёры
В пересменок уходят в забой!
Как по тундре грохочут вагоны,
Пока город спокойно спит,
Как бросают на снег терриконы
Тень египетских пирамид³.

Другой поэт – П. Скоробогатых, указав на то, что в этих местах «вековая мерзлота лютым холодом дышала», писал (1972), что «однажды»...

В этом крае необжитом
Буровые поднялись.
Метр за метром, шаг за шагом,
День за днём, за годом год,
Власть у тундры отбирая,
Люди двигались вперёд,
Рвали, строили, бурили,
И над вечной мерзлотой
Вырос город величавый
И назвался Воркутой.
Эту мёрзлую равнину,

¹ Щербаков Ф. Песня о Воркуте // Поёт тайга. Сыктывкар. 1966. С. 27.

² Там же.

³ Телегина В. Друзьям о Воркуте // Заполярье. 1966. 22 января.

Что дремала целый век,
Разогрел трудом горячим
Наш, советский человек¹.

Трудовой энтузиазм занимал внимание поэтов вплоть до конца 1980-х гг. В. Ботовкин в 1985 г. с удовлетворением писал в своих стихах, что «с воркутинским угольком вагоны уходят в беспокойные края»². Э. Даньщиков в 1988 г. опубликовал стихотворение, где был и такой фрагмент:

Тебе доверяю, как лучшему другу,
мой город шахтёрский, моя Воркута.
Мне радостно видеть, я это не скрою,
как уголь потоком идёт на-гора.
Тебе благодарен за то, что со мною
шахтёрская смена – мои сыновья³.

Не осталась равнодушной к изменениям в заполярном городе и известная поэтесса Ю. Друнина, сопоставляя, по сути, две воркутинские эпохи и буквально в одном четверостишье показывая переход от Воркуты лагерной к Воркуте гражданской:

А на месте той проклятой вышки,
Что грозила всем издаека,
В несколько ладоней ребятишки
Лепят, хохоча, снеговика⁴.

Позже, после распада Советского государства в 1991 г., трудовая тематика перестала быть основной, но добыча угля затрагивается, хотя и косвенно, при этом сходят на нет торжественность, пафосность стихов на эту тему, появляются иные, отнюдь не светлые мотивы. Так, С. Журавлёв, отмечая, что «в этом городе нет церквей», продолжает (1997):

Антрацит, перетёртый в пыль,
лентой траурной вдоль дорог.
Город спит, отгоняя боль,
отбывая пожизненный срок.

¹ Скоробогатых П. Воркута // Заполярье. 1972. 6 февраля.

² Ботовкин В. Заполярное // Заполярье. 1985. 26 января.

³ Даньщиков Э. Песня о Воркуте // Заполярье. 1988. 5 августа.

⁴ Друнина Ю. Воркута // Метель. Стихи и поэмы. М., 1988. С. 63.

Лишь порода – архивы шахт –
помнит всё... Но зажато молчат
слова в замороженных устах.
Если сможешь, ответь, Воркута:
– Кто придумал построить сад
В этих Богом забытых местах?¹

И, конечно, поэты всех поколений в стихах о Воркуте активно описывают природу воркутинской тундры, и тут не имеет никакого значения дата написания стихотворений, ведь природа – вечна. Так, Н. Кузьмин пишет:

Как в плену полярной ночи
Дни и ночи напролёт
Вьюга, воя что есть мочи,
колыбельную поёт.
А не в той ли песне вьюжной,
Рвущей в клочья провода,
Поискать причину нужно,
чем ты, Воркута, горда?²

Немало впечатлений от воркутинской природы получали и юные жители Воркуты. Вот один из таких незатейливых, но искренних стихов ученицы девятого класса С. Баранской, уроженки этого города, представителя первого поколения детей – коренных воркутинцев (и сколько их ещё будет!):

Здесь летом в закате полыхают зарницы,
Здесь сияние Севера зимой, как красивый костёр.
Река Воркута пробегает водою-темницей,
игриво чертя полукруг средь мелких озёр.
Здесь мох, и черника, и морошка лукавая,
грибы и конский щавель.
Здесь шапки-ушанки, и варежки тёплые,
и валенки вечно в снегу.
С улыбкою счастливою, с улыбкой весёлою
в Воркуте я живу!³

¹ Журавлёв С. Заполярный сонет // Заполярье. 1997. 21 мая.

² Кузьмин Н. Что бы там ни говорили... // Заполярье. 2000. 24 ноября.

³ Баранская С. Моя Воркута // Заполярье. 1969. 29 августа.

Мало кто из воркутинских поэтов не коснулся этой темы, в их стихах очень много образных и чарующих сравнений: «слепающий ворох снежных облаков, морозцем раздурянные лица»¹, «Воркута – заполярные Сочи», «братство с заполярными ветрами», «ярость солнц, спрессованная в уголь»², «проморожено напрочь стекло, не дождёшься от солнца привета», «на земле темнота, под землёй темнота, Воркута неспроста краем света зовётся»³, «воркутинки мои, горожанки – как цветочки на талой полянке»⁴, «сквозь тёмный блеск мерзлотных линз», «шар земной надкусан льдами»⁵, «где под вьюгой элегий навеваются сны», «белый вальс Воркуты»⁶, «терриконами вздыбилась эта земля», «уголь, уголь, ты глубокий и космически чёрный»⁷, «мой город, я гляжу в твои глаза»⁸, «небо свинцовое, тучи плаксивые»⁹, «ветер, снег, холодной ночи мгла»¹⁰, «заглядывает солнце виновато, целует встречаемых в щёки горячо, но, как обычно, слишком поздно»¹¹, «чёрной тундры край зацепив, вверх пополз ослепительный шар»¹², «я родился в метельную ночь, когда выли по-волчьи ветра», «вьюга лупит культёй по щекам, что же я не клоню головы?»¹³, «голуби воркутуют: “Воркута!” и я – один из этих голубей»¹⁴, «в белом сне чёрный уголь спит, снится солнце ему в ледяной ночи», «в недрах каменных тайн только звон и стон, рубит уголь комбайн»¹⁵, «снеги чёрные, ночи белые, комариная мерзлота», «ветер северный, сны печальные, гололёд души»¹⁶, «и ласкает заря незакатная строгий город с рабочей судьбой»¹⁷.

Но воркутинская сказка в начале XXI в. вдруг словно споткнулась: стали закрываться шахты, а посёлки – опустевать один за другим. Люди уезжали и уезжают: кто на свою «историческую» малую родину (откуда когда-то прибыли в Воркуту сами или их родители), кто по программе

¹ Ухова Е. Приехали, устроились, обжились // Сполохи. Сыктывкар, 1974. С. 58.

² Кузнецов В. Я живу от солнца вдалеке // Заполярье. 1969. 26 июня.

³ Апекишев В. Под полуночным солнцем. Сыктывкар, 1994. С. 48–49.

⁴ Игнатенко Л. Воркутинкам // Заполярье. 2002. 28 ноября.

⁵ Касмынин Г. Пойду и я, надев унты // Наш современник. 1998. № 4. С. 70.

⁶ Данышиков Э. Белый вальс // Заполярье. 2002. 18 января.

⁷ Беляев А. Воркутинский характер // Заполярье. 1984. 1 января.

⁸ Трусов В. Исповедь // Заполярье. 1968. 30 ноября.

⁹ Титов А. Осень на Воркуте // Высокие широты. Воркута, 2007. С. 89.

¹⁰ Аргунов А. Дорожное // Под Полярной звездой. Воркута, 1958. С. 14.

¹¹ Гергиль В. Осеннее // Заполярье. 1968. 25 октября.

¹² Загряжский А. Воркута // Высокие широты. Воркута, 2007. С. 22.

¹³ Канев А. Я родился в метельную ночь // Выбор: Альманах. Сыктывкар, 1999. С. 47.

¹⁴ Каганцов М. Я знаю, что на свете есть места // Высокие широты. Воркута, 2007. С. 386.

¹⁵ Лисянский М. Воркута // Заполярье. 1976. 13 марта.

¹⁶ Кузьмин Н. Ветер северный // Заполярье. 2000. 24 ноября.

¹⁷ Ванеев А. Песня о Воркуте // Лысенко Н. Милый Север мой. Лирические песни на стихи поэта Альберта Ванеева. Сыктывкар, 1993. С. 42.

организованного переселения, кто к друзьям, кто по продуманному или случайному выбору. И тогда пошёл мощный ностальгический стихотворный пласт; собственно, он продолжается до сих пор. Поэт А. Клейн пишет строки, которые как лейтмотив встречаются в других стихах:

И куда б мои дни ни летели,
А тебя, Воркута, не забыть,
Я стоял у твоей колыбели,
Ты и после меня будешь жить¹.

Но поэты – люди разные, и видение Воркуты тоже разное. В 1990-х гг., когда на демократической волне Советский Союз подвергся критике, это нашло отражение и в поэзии. Поэт В. Кушманов, в частности, писал:

Город за полярным кругом,
Снег глубокий и сплошная тьма,
Город нежный, как моя подруга,
Город страшный, как моя судьба.
Где-то здесь, в снегах твоих железных,
Юность светлых волк в сердцах провыл,
Уголь твой – спрессованная нежность
Превращённых в лагерную пыль.
Я иду по улице, где Ленин,
В камне – жест, задумчивость и взгляд.
Он-то, мудрый, знает, без сомненья,
Что вот здесь вела дорога в ад².

И всё же оптимистические ноты в современной поэтической Воркуте преобладают, несмотря ни на что. Вот что пишет воркутинский врач Е. Шевелёва:

Здесь мой дом, мои друзья и дети,
Здесь живу я и людей лечу.
Жизнь не мёд, но ни за что на свете
Уезжать отсюда не хочу³.

¹ Клейн А. Воркуте // Мой номер 2П-904. Сыктывкар, 1992. С. 66.

² Кушманов В. Город за полярным кругом // Вино печали и любви. Книга стихотворений. Сыктывкар, 1996. С. 57–58.

³ Шевелёва Е. Ода Воркуте // Заполярье. 1999. 26 ноября.

А вот стихи В. Каганцева:

Я, Тютчева не понимая,
Поскольку Воркута – мой дом,
Люблю пургу в начале мая
И не мечтаю о другом.
Ты в Заполярье засиделся что-то.
Когда ж ты бросишь эту Воркуту?
Моей душе высокие широты
Дают и высоту, и широту!¹

У поэта А. Попова есть такие строки:

Друзья мне пишут: снится Воркута,
И улицы знакомые, и люди,
И будет время, как-нибудь они
Заедут, если только время будет².

Но, увы, реальность зачастую бывает куда суровее, чем ожидают люди: друзья, скорее всего, не заедут, хотя и будет время, ибо город в силу экономических причин обречён на вымирание, уголь в таких объёмах больше не нужен. Экономика беспощадна, и особенно рыночная. Но есть поэзия, есть стихи, есть светлые душевные порывы. А раз люди пишут стихи, значит, сердцем они со своим заполярным городом, и эти стихи оживляют город, который, на три четверти опустошённый, ещё стоит, надеясь на лучший исход.

¹ Каганцев М. Ты в Заполярье засиделся что-то... // Высокие широты. Воркута, 2007. С. 384, 386.

² Попов А. Друзья мне пишут: снится Воркута // О любви и смерти. Сыктывкар, 2008. С. 76.

ФЕСЕНКО Э.Я.

Арктика в русской прозе XX в.

E. FESENKO

The Arctic in the Russian Prose of the XXth century

Сведения об авторе:

Фесенко Эмилия Яковлевна, кандидат филологических наук, профессор Гуманитарного института – филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Северодвинск)
emily0509@yandex.ru

Author:

Emilia Yakovlevna Fesenko, Candidate of Philological Sciences, Professor of the Institute of Humanities, Branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Severodvinsk)
emily0509@yandex.ru

Аннотация

В статье на материале произведений разных жанров русских писателей XX в., героем которых стала Арктика, чьё пространство всегда имело научное, культурно-историческое и практическое значение для России, рассматриваются и архитектоника этих произведений, и необычный ракурс осмысления проблемы «человек и природа», а также проблема мифологизации северной природы, социально-нравственные истоки подвига человека в экстремальной ситуации, аспект проблемы «герой – автор» и основные признаки этой литературы – историзм, документализм, автобиографизм, автопсихологизм, исповедальность, широкий мотивный спектр.

Abstract

The article is based on the works of different genres of Russian writers of the XXth century, whose hero was the Arctic, the space of which has always had scientific, cultural, historical and practical significance for Russia, the study examines the diverse architectonics of these works, and an unusual perspective on understanding the problem of «man and nature», as well as the problems of mythologizing northern nature, the

socio-moral origins of man's feat in an extreme situation, aspect of the problem «character – author» and the main features of this literature – historicism, documentarism, autobiographism, autopsychologism, confessionality, a wide motivational spectrum.

Ключевые слова:

Север, Арктика, архитектоника, жанр, проблема, мифологизация, историзм, документализм, автобиографизм.

Keywords:

North, the Arctic, architectonics, genre, problem, mythologization, historicism, documentarism, autobiographism.

Конец XX – начало XXI в. во всём мире были отмечены возросшим интересом к Арктике, на пространство которой стали претендовать многие государства, хотя российский флаг был установлен во многих её районах ещё в конце XIX в. теми, кто прокладывал Северный морской путь, открывая России доступ в Мировой океан, совершив множество географических открытий.

Таинственная земля, расположенная за полярным кругом, была известна давно: в преданиях её называли «Асгард», «Арктида», «Гиперборейя». Её искали ещё средневековые русские мореплаватели, останки кораблей которых находили на берегах Таймыра и Якутии. Со времён Великого Новгорода, когда новгородцы и поморы стали первооткрывателями многих северных земель, они стали неотъемлемой частью России.

Для России арктическое пространство всегда имело научное, культурно-историческое и практическое значение. Это не просто территория. Это земля, история освоения которой связана с духовной историей Российского государства, что не могло не отразиться в русской литературе, в том числе и в литературе XX в., которая продолжила традицию обращения к истории освоения Арктики в разных жанрах – в рассказах Б. Горбатова («Обыкновенная Арктика»), в повестях Б. Пильняка («Заволочье»), В. Конецкого («Солёный лёд») и В. Санина («Не говори ты Арктике – прощай»), в романах В. Каверина («Два капитана») и О. Куваева («Территория») и многих других произведениях. Их архитектоника чрезвычайно разнообразна и по организации словесного материала (его композиционных форм), и по структуре эстетического объекта – мира героя в художественном пространстве произведений разных жанров, и в их форме – «техническом аппарате эстетического свершения» (М. Бахтин).

Процесс создания этой прозы, её архитектоника (по мнению А. Потебни, форма произведений заложена всегда в самих свойствах языка)

связаны с почти физическим напряжением (вспомним В. Маяковского: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды»).

Нельзя не вспомнить замечание Олега Куваева: «...существуют всего три Арктики – Арктика Кнуда Рассмуссена, Арктика Джека Лондона и Арктика Бориса Горбатова. Все остальные Арктики... <...> ...являются лишь комбинациями этих трёх»¹. Российская Арктика отличалась от Арктики Джека Лондона, Роберта Скотта, Кнуда Рассмуссена. В произведениях разных жанров она предстала то «обыкновенной Арктикой» Бориса Горбатова, то «необыкновенной Арктикой» Виктора Конецкого, в пространстве произведений которых актуализировались романтизм, любовь к отечеству и мужество их героев – «героев пути», исповедующих кодекс порядочности, профессионализм, гордость человека, служившего Делу.

Во всех книгах предстаёт философия романтического противостояния, хотя их материал целиком базируется на реалистических событиях, лично пережитых их авторами: и писателями Б. Горбатовым, Б. Пильняком, В. Каверинным, и геологом О. Куваевым, и капитаном спасательных судов В. Конецким, и В. Саниным, который 20 лет вместе с героями своих книг покорял пики Памира, замерзал на дрейфующих станциях, совершал полеты с полярными лётчиками в Антарктиде и Арктике.

В произведениях, о которых идёт речь, много общего: Арктика не только предстаёт в них «сильной и капризной», отвергающей людей трусливых, эгоистичных, лживых, величественной, прекрасной и опасной для человека, в них смоделирован и тип героя – человека «тихого мужества», идущего трудными «маршрутами долга и чести», романтика, деятеля, патриота. Романтика в этих произведениях выступала как грань авторской позиции. Она актуализируется в создании характера романтического героя XX в., который разительно отличается от романтического героя XIX в. – «мирового скорбника», тоскующего о несовершенстве мира и человека. Высокая романтика этих произведений соединена с трезвостью взгляда писателя-реалиста: реализм видения им происходящего связан с романтической манерой повествования, отчего в них всегда ощущается некоторый джек-лондоновский антураж. Как замечал В. Конецкий, «...тому, кто действительно приближается к поэтической истине, не дано опьяняться ею. <...> Это уже не романтизм, а высокий реализм, то есть максимальное приближение к красоте и ужасу природы»². А Евгений Замятин, рассуждая в 1925 г. о «новой русской прозе», отмечал в ней черты, свойственные эстетике экспрессионизма, частое использование гипербола,

¹ Фесенко Э.Я. Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 4. С. 135.

² Конецкий В. Вчерашние заботы. Солёный лёд. М., 1980. С. 85.

присущее футуризму, увлечение звукописью, использование приёма игры разными шрифтами, своеобразную пунктуацию¹.

Все эти черты можно найти в повести Б. Пильняка «Заволочье», в которой А. Воронский указывал на отсутствие «интересной фабулы», подчёркивая размытость жанра его прозы: «Не рассказы, не повести, не романы, а поэмы в прозе. Мозаика, механическое сцепление глав»². Характерное в поэтике Б. Пильняка отмечал и Ю. Тынянов, так как писатель часто обращался к приёму монтажа (двигался путём «кусовой композиции»), прибегал к своеобразной пунктуации (часто использовал «тире» и «многоточие»)³. При этом по композиции повесть «Заволочье» была весьма традиционна: в ней три главы, есть экспозиция, приближённая к «Вступлению», и своеобразный эпилог, получивший название «Заключение», хотя она вносила новое в «композиционную технику» (Е. Замятин).

Критики подмечали и физиологичность повести Б. Пильняка, и черты «производственного» романа О. Куваева, и, конечно, элементы приключенческого романа во всех этих книгах, особенно у В. Каверина и В. Коенко. Последний сыграл большую роль в развитии русской путевой прозы, создав свой, особый жанр – «повесть-странствие» («Солёный лёд»), впоследствии вместе с другими его произведениями превратившийся в «роман-странствие» «За Доброй Надеждой».

И, конечно, отмечалось, что во всех этих книгах предметом исследования их создателей становились социально-нравственные истоки подвига человека, обживающего полярное пространство. Все писатели, мифологизируя северную природу, размышляли о духовном росте человека, оказавшегося в её плену: соприкосновение с ней рождало мысли о «вечных ценностях» жизни, философские размышления. Отсюда – мотив духовного роста человека, когда тот начинал понимать важность духовной составляющей его жизни. Эти книги отличает разнообразный мотивный спектр – мотивы *памяти, мужества, долга, чести, любви* и, что важно, – экзистенциальные мотивы *страха, смерти, одиночества судьбы, двойничества*.

При этом героями книг о жизни на Крайнем Севере были не «сверхчеловеки». В них представлены модели характеров людей, которые своими поступками доказывали, что главное в человеке – его нравственное отношение к Делу (Работа, Дело стали основными героями этих книг): XX в. требовал Поступков. В них предстала борьба сильных мужчин-максималистов – борьба честолюбий, борьба со Злом, борьба с природой,

¹ Замятин Е. Новая русская проза // Русское искусство. 1925. № 1. С. 359.

² Воронский А. Литературные силуэты // Пильняк Б. Заволочье. М., 2008. С. 121.

³ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1997. С. 268.

их опасные приключения и уверенность в победе Справедливости. Это была страна настоящих Мужчин – и пильняковский учёный Кремнёв, и горбатовский дядя Терень, и каверинские два капитана – Татаринов и Григорьев, Баклаков и Чинков Олега Куваева, Лукин и Романов В. Санина и Глеб Вольнов В. Конецкого. Как утверждал В. Санин, «...каждый из главных персонажей книги должен совершить один или несколько Поступков, которые по-новому раскрывают характер персонажа. Персонаж, не совершающий поступок, – неинтересен»¹.

Авторов книг, героем которых стал Север, отличал историзм мышления. В создании мифотворчества Крайнего Севера он проявлялся и в рассказах о настроениях Петра I при создании Северо-Двинской крепости, и в историях об исследователях арктических просторов – Георгии Седове, Георгии Брусилове, Владимире Русанове, Отто Шмидте, о попытках англичан захватить и разграбить Соловецкий монастырь в XIX в., о создании на Соловках лагерей в трагические годы репрессий в XX в. Они умели работать с документальным материалом – письмами, дневниками, записками, воспоминаниями. В этой прозе переплелись исторические материалы и личные наблюдения авторов. Отличительными чертами её стали автобиографизм и автопсихологизм: на основе дневниковых записей написаны книги Б. Горбатова, В. Санина, В. Конецкого; путевая проза последнего поражает личностной интонацией. В ней много и документов – тексты радиogramм, приказы капитанов, фотографии и точные исторические и географические справки. В ней вымысел всегда опирается на документальный материал. И рядом со всеми персонажами вставал автор с его самоиронией, юмором, наблюдательностью и любовью к своим героям, которые проходили маршрутами Чести и Долга. Особым, тонким юмором обладал Виктор Конецкий. В нём были подтрунивание, а иногда и сарказм, но они носили не издевательский, а сочувственный характер. И в матросских байках («морской травле»), и в рассказанных анекдотах составляющими были тонкий лиризм и философское отношение к несовершенству человека. Через исповедальность, через философские раздумья писатель шёл и к самопознанию, и к познанию сложной психологии своих героев, что доказывает его неразрывную связь с традициями русской классики, о которой философ Н. Бердяев писал: «Русские в своём творческом порыве ищут не только совершенные произведения, но и совершенной жизни»².

Писатели, создававшие книги о жизни Арктики, писали о её «красоте отстранённости» с «ледяными замками» айсбергов, о «жуткой великой

¹ Цит. по: Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск, 1975. С. 34.

² Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 91.

жестокости» Колымы, о потрясении от красоты северного сияния. Все они прошли через испытания Арктикой: Борис Пильняк участвовал в научной экспедиции в Ледовитом океане; Борис Горбатов полгода жил на острове Диксон; Вениамин Каверин в годы Великой Отечественной войны служил корреспондентом газеты «Известия» на главной базе Северного флота в г. Полярном; Виктор Конецкий – на аварийно-спасательных кораблях Северного флота; Олег Куваев 10 лет работал геологом на Чукотке, на острове Врангеля, в Магадане; Владимир Санин принимал участие в работе дрейфующих станций («Советский полюс», «Восток» и др.) на обеих «макушках земли» – в Антарктиде и в Арктике. Все они готовились к созданию образа Арктики: Б. Горбатов изучал труды И.С. Соколова-Микитова и В.Г. Тан-Богораза, дневники М. Пришвина; В. Каверин – документы экспедиций Георгия Седова и Георгия Брусилова, дневники Н.В. Пинегина, В.Ю. Визе и В.И. Альбанова, а дрейф «Св. Марии» его капитана Татарина повторил дрейф брусиловской «Св. Анны», многие герои его романа имеют реальных прототипов; О. Куваев изучал историю исследований залежей золота в мире, добычей которого занимались герои его романа, и составил «Сводки выписок о золоте», имеющие историческое значение.

Так как северная природа во всех произведениях русских писателей XX в. определённо мифологизирована, то в них нельзя не отметить необычный ракурс осмысления проблемы «человек и природа», а также общих биологических законов «стихийной повторяемости мира», размышлений о том, как Арктика, хранящая свои тайны, играет с человеком «в кошки-мышки, притворяется и заманивает, чтобы через мгновения стянуть в пучину»¹, а «белая мгла насквозь фальшива – как ведьма из детской сказки»². «Красоту и ужас природы» отмечал В. Конецкий. Он относился к природе как к живому существу: «Долгое пребывание в море будит работу мысли», «Я привык думать о море как о разумном существе. Всегда кажется, что оно знает мои мысли и ведаёт мои настроения»³. И Б. Пильняк, по наблюдениям А. Воронского, в повести «Заволочье» «тянется к природе как к праматери, первообразу звериной правды жизни», которая у него «скорбна», так как он – «писатель физиологический»⁴.

Об «очарованности» Арктикой много писал В. Санин, который более 20 лет находился под сильным притяжением «белого магнита». И в Ледовитом океане, и в опасных «коварных льдах», и в «дикой красоте» полярных широт, «щедро снабжающих людей экстремальными

¹ Санин В.М. Избранное. М., 1983. С. 44.

² Там же. С. 139.

³ Конецкий В. Указ. соч. С. 446.

⁴ Воронский А. Указ. соч. С. 105–107.

ситуациями», и в «сверкающих гранях льдин»¹, и на Земле Франца-Иосифа – «ожерелье из ста восьмидесяти жемчужин-островов» – он видел «красу и гордость Арктики» с «её захватывающей историей, полной до сих пор не разгаданных тайн»². Крайний Север предстаёт сакральным, таинственным. Так, О. Куваев Чукотку рисовал, по наблюдениям М. Юриной, «как землю, исполненную тайны, сакрального смысла»³. Северный край в этой прозе был «особой планетой, даже менее зависимой от Земли, чем Луна»⁴.

Книги русских писателей XX в., героем которых стала Арктика, продолжают «встречаться» с читателями, делая их сильнее, романтичнее, целеустремлённее, заставляя их гордиться своим отечеством и верить в силу человеческой мечты, в силу духа исследователей Арктики, стремящихся упрочить могущество России. Эта проза, сохранившая многие документы (судовые журналы, дневники, письма родным и др.), свидетельствует о беспримерном подвиге первооткрывателей Крайнего Севера. По мнению почётного полярника России П.В. Боярского, она – «уникальное свидетельство человеческого упорства, терпения и мужества»⁵.

¹ Санин В.М. Указ. соч. С. 10.

² Там же. С. 178–179.

³ Юрина М. Особенности стиля ранних повестей О. Куваева. Идеи, гипотезы, поиск. Магадан, 1998. С. 198.

⁴ Кулешова Н.Ф. Указ. соч. С. 42.

⁵ Боярский П.В. Полярный штурман Альбанов // Альбанов В. На юг, к Земле Франца-Иосифа! М., 2007. С. 199.

ФИЛИН П. А.

Образ Арктики в советской фантастике¹

P. FILIN

The image of the Arctic in Soviet fiction

Сведения об авторе:

Филин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, заместитель директора Арктического музейно-выставочного центра (Санкт-Петербург)
arcticmuseum@mail.ru

Author:

Filin Pavel Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Arctic Studies of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Arctic Museum and Exhibition Center (St. Petersburg)
arcticmuseum@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой краткий обзор выявленной научно-фантастической литературы советского периода, посвящённой полярной тематике. Предпринята попытка выделить основные образы и темы, формирующие «арктический нарратив» в фантастической литературе. На этой основе реконструирован образ Арктики будущего, который видели писатели-фантасты советского времени. Основными темами являлись: идея таинственных неведомых земель в Арктике, природных анклавов с мягким климатом, населённых неизвестными племенами и вымершими формами флоры и фауны, тема гипербореев (до середины 1930-х гг.), гигантские стройки в Арктике, города в Арктике, подземные курорты и сады, новые транспортные коридоры, искусственное «отепление» Арктики, новая энергетика, новые технические средства, Арктика как поле противостояния политических систем. Делается парадоксальный вывод о христианских корнях модернистских представлений человека о его всевластии на планете.

¹ Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А.В. Головнёв): <https://rscf.ru/project/22-18-00283/>

Abstract

The article is a brief review of the identified science fiction literature of the Soviet period, dedicated to the polar theme. An attempt is made to highlight the main images and themes that form the “Arctic narrative” in science fiction literature. On this basis, reconstruct the image of the Arctic of the future, which was seen by science fiction writers of the Soviet era. These main themes were: The idea of mysterious undiscovered lands in the Arctic, natural enclaves with a mild climate inhabited by unknown tribes and extinct forms of flora and fauna, the theme of the Hyperboreans (only until the mid-1930s), giant construction projects in the Arctic, cities in the Arctic, underground resorts and gardens, new transport corridors, artificial warming of the Arctic, new energy, new technical means, the Arctic as a field of confrontation between political systems. A paradoxical conclusion is made about the Christian roots of modern ideas of man about his omnipotence on the planet.

Ключевые слова:

Арктика, фантастика, будущее Севера, Северный морской путь, арктические города, арктический нарратив.

Keywords:

the Arctic, science fiction, future of the North, Northern Sea Route, Arctic cities, Arctic narrative.

В 2018 г. в издательстве «Паулсен» вышла книга «Арктика за гранью фантастики»¹. В неё вошли описания проектов советских инженеров, изобретателей и просто неравнодушных энтузиастов, которые предлагали различные варианты, зачастую совершенно фантастические, освоения полярных регионов. Последняя глава данной книги была посвящена обзору произведений советской фантастики об Арктике. В ходе работы над книгой стало понятно, что мы столкнулись с важной, в какой-то мере системообразующей темой для советской фантастики. В ходе работы над «Арктикой за гранью фантастики» мы не ставили целью выявить весь объём советской фантастики по данной теме, а лишь хотели представить наиболее яркие произведения и изложенные в них идеи. Именно арктическая тематика являлась одной из главных, особенно в 1930-х гг., оказавшей системообразующее влияние на советскую фантастику, она во многом сформировала массовый интерес к данному жанру среди советских читателей.

¹ Филин П.А., Емелина М.А., Савинов М.А. Арктика за гранью фантастики. Будущее Севера глазами советских инженеров, изобретателей и писателей. М., 2018. 248 с.

Данная статья является, по сути, начальным этапом осмысления арктической тематики в отечественной и мировой фантастической литературе. Её задачами являются: 1) очертить круг произведений советской фантастики, где тема Арктики и Севера заметна и важна; 2) попытаться выявить основные идеи, мотивы и сюжеты, характерные для советской фантастики, посвящённой Арктике; 3) на основе выявленных идей реконструировать образ Арктики будущего, который представляли себе писатели-фантасты; 4) попытаться на основе анализа литературных произведений увидеть динамику этого образа. Кроме того, нам показалось интересным попытаться понять, в какой мере государственная политика по освоению Арктики 1930-х гг. являлась драйвером развития фантастики и оказывала ли фантастика влияние на государственную политику в отношении Арктики.

Статья не претендует на всеобъемлющий анализ литературы по данной теме, так как имеет ряд ограничений: 1) для полноценного анализа требуется выстроить весь ряд произведений фантастики – от дореволюционного периода до наших дней. Данная работа пока не закончена и находится в процессе выполнения. Значительное число фантастических произведений, посвящённых Арктике, появилось в постсоветское время. Хронологически наша работа охватывает условный период 1920–70-х гг. 2) Даже в рамках указанного периода мы продолжаем находить малоизвестные произведения, близкие к нашей теме. Поэтому мы не можем утверждать, что выявили весь комплекс произведений. Тем не менее значительную, базовую его часть удалось найти. 3) Не рассматривается полярная тематика в произведениях зарубежных писателей-фантастов. Сравнительный анализ идей и мотивов, заложенных в отечественных и иностранных произведениях, безусловно, даст многое для понимания динамики образа Арктики. Тем не менее данная работа оставлена на следующий этап исследования.

Отметим, что специально изучением арктической тематики в советской фантастике специалисты-литературоведы практически не занимались. Пожалуй, единственным обзором фантастической литературы на предмет выявления сюжетов, связанных с конкретным регионом – Кольским Севером, является цикл публицистических очерков Дмитрия Ермолаева под названием «Мурман фантастический», опубликованный в газете «Мурманский вестник»¹. Это обстоятельный цикл из 10 очерков, посвящённый выявлению сюжетов, так или иначе

¹ Ермолаев Д. Мурман фантастический // Мурманский вестник. Выпуски от: 15.12.2016, 22.12.2016, 05.01.2017, 12.01.2017, 19.01.2017, 09.02.2017, 22.02.2017, 09.03.2017, 16.03.2017, 23.03.2017.

связанных с Кольским полуостровом в мировой и отечественной фантастической литературе на различных этапах ее развития. Это сам по себе довольно любопытный метод рефлексии о конкретной территории, выделения её существенных черт и важных особенностей, поднимающих её статус в национальной и общемировой повестке, формирующих региональную идентичность.

В советское время Арктика не становилась предметом специального изучения специалистов по фантастике. Пожалуй, следует отметить монографию А.Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман», опубликованную в 1970 г.¹, где автор в разных главах отмечает, что данная тема волновала советских фантастов, но больше как конкретный фон для показа формирования коммунистического будущего страны, как пример реализации коммунистических идей и возникающих между людьми и странами отношений. Кроме того, Арктика становилась фоном для рефлексии над такими проблемными ситуациями, как конфликт энтузиастов-новаторов и консерваторов, столкновение или сотрудничество политических систем.

Начнём с обзора советской фантастики. В приложении 1 представлен перечень выявленных произведений, имеющих отношение к фантастике и теме Арктики, выстроенный по авторам и по годам. В него попали как крупные произведения известных писателей, так и совсем небольшие статьи малоизвестных авторов, опубликованные в периодической печати. Тем не менее нам показалось важным упомянуть и эти произведения, поскольку они зачастую в «концентрированном виде» воспроизводят значительную часть базового нарратива об образе будущего Арктики. Ещё раз подчеркнём, что список не является исчерпывающим и с большой долей вероятности будет пополняться.

Количественный анализ списка произведений показывает, что в 1930-х гг. произошёл резкий всплеск произведений арктической тематики. Немного больше появилось за два последующих десятилетия (1940–50-е гг.), но, учитывая, что многие произведения 1950-х гг. были написаны или задуманы ещё в 1930-е гг., мы можем предположить, что данная тема всё же постепенно уходит из повестки. Далее, в 1960–80-х гг., количество произведений существенно сократилось. В целом данная оценка коррелирует с общими процессами освоения Севера и сопутствующей им официальной риторикой. В 1930-х гг. Арктика фактически являлась советским системообразующим проектом развития, её освоение было предметом активной пропаганды государства. В 1950-е гг. активное освоение Арктики продолжилось, но ушло из официальной риторики, особенно

¹ Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. 447 с.

после начала холодной войны. По всей видимости, с этим связан и общий спад интереса к Арктике в фантастике.

Анализируя перечисленные произведения, мы выявили ряд базовых идей-тем, которые так или иначе проступали в различных работах. Наше дальнейшее изложение построено на их краткой характеристике и выборочном анализе самых ярких произведений.

1. Идея таинственных необнаруженных земель в Арктике, при-родных анклавов с мягким климатом, населённых неизвестными племенами и вымершими формами флоры и фауны

Развитию этой темы посвящены два культовых произведения Владимира Афанасьевича Обручева – «Плутония» и «Земля Санникова»¹. Первое основано на гипотезе о поллой Земле, которую ещё ранее развивал фантаст Жюль Верн в своём романе «Путешествие к центру Земли». Второе – на гипотезе о существовании вулканической области в центральной части Арктики, где появился природный анклав, населённый первобытными племенами.

Скорее всего, и «Плутония» (роман написан в 1915 г., издан в 1924 г.), и «Земля Санникова» (написан в 1924 г., издан в 1926 г.) были следствием ряда событий и открытий в Арктике, связанных с Русской полярной экспедицией (РПЭ) по поиску Земли Санникова, исчезновением начальника экспедиции барона Э.В. Толля, обнаружением Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана в 1913 г. Земли Императора Николая II (Северной Земли), исчезновением экспедиций В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова, неудачным завершением плавания Г.Я. Седова. Любопытно, что научный гений В.А. Обручева предвидел в районе предполагавшейся Земли Санникова вулканическую деятельность. Начиная с 1970-х гг. в районе о. Беннетта, где А.В. Колчаком были найдены последние следы экспедиции Толля, на космических снимках периодически фиксируются мощные газовые шлейфы, которые могут свидетельствовать о вулканической активности в данном районе. Ещё интереснее то, что на о. Жохова в группе островов Де-Лонга (в которую входит и о. Беннетта) обнаружена самая северная и самая древняя стоянка человека – Жоховская стоянка (возраст – 9 тыс. лет).² И что ещё удивительнее, мы до сих пор не имеем чётких ответов – есть ли современный вулканизм в районе о. Беннетта, что является причиной наблюдаемых гигантских шлейфов газа и что влекло древних людей в район нынешнего о. Жохова!

¹ О произведениях см.: Гуревич Г. О романах В.А. Обручева «Плутония» и «Земля Санникова», эссе // Обручев В.А. Плутония. Земля Санникова. М., 1958. С. 630–639; Он же. О романе «Земля Санникова» (статья) // Обручев В.А. Земля Санникова. Ростов-на-Дону, 1987. С. 5–10.

² Питилько В.В. Жоховская стоянка / Под. ред. В.Я.Шумкина. СПб., 1998. С. 186.

Помимо книг В.А. Обручева, сходный мотив потерянных земель и неизвестных народов в Арктике развивается в произведениях Леонида Дмитриевича Платова (настоящая фамилия – Ломакин, 1906–1979) – дилогии «Повести о Ветлугине», которую составили повести «Архипелаг исчезающих островов» (1949, дополненное издание 1952 г.) и «Страна Семи Трав» (1954)¹. В «Стране Семи Трав» рассказывается об экспедиции на Таймыр, где герои находят локальный природный анклав с тёплым климатом за счёт горящих под землёй углей, населённый неизвестным племенем². Принципиальное отличие этого произведения от романов В.А. Обручева – это появление идеологической подоплёки: обнаруженное племя бежало на Север от царских притеснений и сохранило предание о страшной «птице Маук» – царском гербе. Интересно, что на Таймыре действительно имеются масштабные залежи угля и известны сообщения о подземных пожарах³. По всей видимости, сюжетная линия Л.Д. Платова основывалась на каких-то известиях о подземных угольных пожарах на Таймыре, а также широко распространившихся в 1930-х гг. идеях о газификации подземных пластов угля.

2. Тема гипербореев

Несколько особняком стоят произведения Льва Гумилевского «Страна гипербореев» (1927), вполне заслуженно включённое в изданную в 1988 г. В.А. Ревичем Антологию советской фантастики 1920–1940 гг. под названием «Происшествие в Нескучном саду»⁴, и рассказ Сергея Семёнова «Кровь земли» (1928).

В рассказе «Страна гипербореев» на Кольском полуострове топографический отряд в 1913 г. обследует бассейн р. Умба и на оз. Умба на «Острове Духов» обнаруживает древнее племя язычников и жрецов – наследников цивилизации гипербореев, имевших связь с Индией. Интересно, что через 60 лет, в 1997 г., в среднем течении р. Умба на оз. Канозеро было обнаружено одно из крупнейших в Европе местонахождений древних наскальных рисунков⁵. Так и хочется отнести оз. Умба из «Острова Духов» Льва Гумилевского с оз. Канозеро!

¹ В том же году отрывок из романа был опубликован на украинском языке: Платов Л. Країна Семи Трав (уривок з нового роману) // Зміна. 1954. № 3–4.

² Рецензии на книги Л.Д. Платова: Оглоблин И. Страна Семи Трав (рецензия) // Техника – молодёжи. 1955. № 1. С. 33; Охотников В.Д. Рец. на книгу Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов» // Новый мир. 1950. № 3. С. 246–248.

³ Таймыр. Геологические пейзажи [Электронный ресурс] URL: <https://mylnikovdm.livejournal.com/42514.html> (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ Происшествие в Нескучном саду: Науч.-фантаст. повести, рассказы, пьеса, поэма / [Сост. В.А. Ревич]. М., 1988. 526 с.

⁵ Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. 424 с.

Возникает ощущение, что автор предчувствовал крупнейшее археологическое открытие на Севере, сделанное в конце XX в.

В рассказе «Кровь земли» Сергея Аристарховича Семёнова, в будущем известного археолога, обыгрывается сходная тема гиперборейской цивилизации, которую герои книги обнаруживают в ходе геологических исследований на Северном Урале с помощью новейшей машины, которая может двигаться под землёй на любой глубине. Сюжет повествования заключается в том, что захваченная потоком магмы машина с героями произведения оказывается под землёй в окружении высокотехнологичной и обладающей удивительными знаниями цивилизации гипербореев.

Если произведения Обручева и Платова – это научно обоснованные и проработанные гипотезы, то произведения Гумилевского и Семёнова скорее обыгрывают древний миф о гипербореях и являются сплавом научной фантастики с жанром, получившим в наше время наименование «фэнтези». Тема гипербореев, проявившаяся в литературе в 1920–30-х гг., в том числе в связи с экспедициями оккультиста и сотрудника ОГПУ А.В. Барченко, на весь последующий период с 1930-х гг. практически до конца существования СССР исчезла из литературных сюжетов. После долгого затишья, как известно, с 1990-х гг. гиперборейская тема получила широкое распространение в эзотерической и псевдонаучной литературе.

3. Гигантские стройки в Арктике

Пожалуй, одним из первых заметных произведений, где Север и Арктика представлены как поле для реализации гигантских строек, является повесть Яна Ларри «Страна счастливых», изданная в 1931 г. «Нам подвластны моря и реки, Земля и звёзды подвластны нам» – заключительная фраза повести, подводящая итог повествованию и являющаяся символом целого направления отечественной фантастики. Книга Ларри относится к фантастике «ближнего прицела», которая описывает видение победившего коммунистического общества, основная движущая сила которого – трудящиеся массы. Описание даётся в духе представлений, характерных для эпохи 1930-х гг.: то тут, то там возникают масштабные гигантские стройки, для их реализации происходит мобилизация «трудовых армий», которые после завершения одного объекта перебрасываются на другой. Человеческий гений на научной основе планирует и реализует масштабные проекты по строительству городов и огромных производств. В стране наступает изобилие: «Сибирь и Ленинградская область открывают ворота, и в города катятся реки молока, с рёвом устремляются бесчисленные эшелоны скота...»

Масштабные работы развёртываются на севере СССР. Ларри пишет: «И я не ошибусь, если скажу, что характерной чертой второго пятилетия

является перенесение строительных работ в новые районы, а именно: Сибирь. Перед вашими глазами железнодорожная магистраль трёх океанов. Вы видите железнодорожный путь, соединяющий Северный Ледовитый океан с Атлантическим через Ленинградский порт и с Тихим океаном через порт Эйкан. Этот путь связан с сибирским водным путём Обь – Енисей – Байкал – Селенга и с транссибирским воздушным путём. Работы по разрешению транспортной проблемы Севера были начаты ещё в первую пятилетку, но особенно развернулись они во второе пятилетие. Железнодорожное полотно, водные пути и воздушные линии опутали крепкой транспортной сетью новые мощные сырьевые базы, новые энергетические источники. Сибирь вступила в полосу бурного роста. В короткий срок она догнала европейскую часть СССР, а к концу третьей пятилетки начала уже оспаривать первое место и вскоре превратилась в центр социалистической индустрии. Вот перед вами электрическая сверхмагистраль и электрифицированные сети подъездных путей, перед вами – гигантские промышленные кольца, обслуживающиеся белым углём, перед вами идеально электрифицированная Сибирь. Всё это, понятно, явилось результатом рационального использования водной энергии...»¹

В том же духе гигантских промышленныхстроек написаны многие произведения фантастов 1930-х гг. Особенно ярко такие стройки показаны в романах Александра Беляева «Под небом Арктики», Александра Казанцева «Мол “Северный”», Григория Адамова «Изгнание владыки» и в ряде других. Отметим, что если в произведениях Обручева 1920-х гг. тема промышленного освоения была только намечена и не являлась основной, то уже в начале 1930-х гг. она становится одной из доминирующих.

4. Города в Арктике

Темы будущих городов в Арктике касались многие фантасты 1930–50-х гг. Наиболее ярко будущее городов представлено в книге Александра Беляева «Под небом Арктики» (1937), где описываются путешествие американского рабочего Джима Джолли в сопровождении советского инженера Игната Бугаева по преобразованной Советской Арктике и посещение города «Челюскин». Кроме этого, в концентрированном виде идею будущего полярных городов можно увидеть в небольших журнальных статьях Зиги Мауринна «Сталинград-Полярный» или Владимира Рюмина «Полярград».

Каковы же черты города будущего в Арктике? В большей части произведений они представляются прежде всего как центры индустрии,

¹ Ларри Я.Л. Страна счастливых [Электронный ресурс] URL: <https://www.rulit.me/books/strana-schastlivyh-read-32956-37.html> (дата обращения: 01.03.2022).

сельского хозяйства, энергетики, транспортные узлы, а также как удобные для жизни пространства.

В 1936 г. в журнале «Юный натуралист» появился рассказ московского юнната Зигмунда (Зиги) Маурина об арктическом городе будущего «Сталинград-Полярный»¹. Юного автора, конечно же, нельзя в полной мере назвать писателем-фантастом, но созданный им образ важен. Город у З. Маурина формируется вокруг крупного добывающего предприятия – свинцово-плавильного завода. Это крупный центр индустрии, сельского хозяйства и электроэнергетики. В городе решена проблема вечной мерзлоты, которую растапливают либо химическим способом, либо с помощью пятикилометровых шахт, по которым подаётся тепловая энергия из глубин Земли. Город является портом стратосферного транспорта, мощные электроледоколы успешно справляются со льдами на Северном морском пути. Возделанные поля в тундре – заслуга работников Института полярного земледелия. На набережной раскинулся сад отдыха и развлечений. Оттуда доносится музыка... Похожим образом описывают города прежде всего как промышленные и транспортные центры и другие писатели-фантасты 1930–50-х гг.

Отметим, что в 1930-е гг. в Заполярье только начиналось промышленное строительство и как таковых городов ещё не было (за исключением приарктического Архангельска и развивающегося Мурманска). Фантасты видели возникновение новых городов вокруг промышленных объектов как ближайшую реальность, и такие города действительно вскоре появились – Норильск, Дудинка, Певек, Анадырь, целый ряд посёлков.

5. Подземные курорты, удобные города

В романе Александра Беляева «Под небом Арктики» описывается подземный курорт. Здесь учёные сумели, используя электричество, сделать климат «по своему желанию». Под снегами и льдами, в пещерах были созданы особые пространства: «Над головой виднелась голубая полусфера неба. Ослепительное, горячее солнце двигалось по небу. Здесь были и утренняя заря с её свежей прохладой, и горячий полдень, и предзакатный ветерок, и изумительный закат солнца. Его последние лучи золотили верхушки пальм – настоящих пальм, лавров, кипарисов, магнолий, банановых, апельсиновых, лимонных деревьев. Мягкий, ласкающий ветер приносил ароматы цветов. На золотистом песке широкого пляжа, у голубого озера, лежали люди в купальных костюмах, загорали на солнце или плавали и ныряли в воде»².

¹ Маурин З. Сталинград-Полярный // Юный натуралист. 1936. № 11. С. 9–14.

² Беляев А. Под небом Арктики // В бой за технику. 1939. № 4. С. 31.

Идея подземных курортов перекликается в чём-то с идеей рая, только не «на воздушях», а прямо противоположно – под землёй, где человек, своим разумом, волей и техникой преобразив самые суровые условия, создаёт райские пространства.

В книге Григория Адамова «Изгнание владыки» 1938 г. рассказано о полярном посёлке будущего в Русской Гавани (Новая Земля). Здесь, пожалуй, впервые описано применение купольных построек. Для защиты от холода и ветра все строения были помещены под купол из «прозрачной стали» – чрезвычайно прочной прозрачной пластмассы. Этот же материал использовался для подводных сооружений и для теплоходов и электроходов нового типа. Чтобы купол не заносило снегом, имелись особые снегоочистители. Под прозрачной крышей было очень тепло. Дома посёлка были небольшими двухэтажными, между ними были разбиты клумбы и цветники. Вдоль стен располагались мощные электрообогреватели, а вдоль улиц – фонари, обеспечивавшие смену дня и ночи.

Как известно, руководство страны реально задумалось о том, чтобы населённые пункты в Заполярье были комфортными, по сути, только в 1950-х гг. К этому же времени относятся первые архитектурные проекты арктических городов с купольными постройками и регулируемым климатом. В произведениях фантастов мы видим все эти идеи уже в 1930-е гг., то есть на 20–30 лет ранее, чем у управленцев и проектировщиков.

6. Новые транспортные коридоры

Большинство писателей-фантастов 1930–50-х гг. так или иначе касались темы освоения Северного морского пути. Точнее, в их произведениях «ближнего прицела» этот путь предстаёт уже как освоенный, как постоянно действующая транспортная магистраль. Но освоение это осуществлялось разными способами, в том числе путём реализации необычных, фантастических проектов. Так, Александр Казанцев в книге «Мол “Северный”» предложил строительство вдоль сибирских берегов мола из льда, по которому будет направлено тёплое течение Гольфстрима: «Если отгородить прибрежную полосу морей от Ледовитого океана, она не будет замерзать круглый год. Доступными станут отдалённые, но богатые районы Сибири!» В романе описывалась технология создания мола при использовании двух рядов трубок, по которым пропускался бы искусственно охлаждённый, крепкий соляной раствор, который отнял бы тепло у воды, и она стала бы ледяным монолитом.

В более позднем варианте «Мола “Северного”» под названием «Подводное солнце» (1970) проводится идея о том, что тепла Гольфстрима может быть недостаточно, и вводится сюжетная линия академика Овесяна,

который развивает идеи новой лучистой энергии – «вакуумной энергии Ильина». Он предлагает зажечь эту энергию – «подводное солнце» в море для его подогрева, что, собственно, и происходит. Комплекс приводится в действие с помощью ядерного взрыва – зажигается солнце, которое подогревает Гольфстрим и гонит в полынью между молом и берегом подогретую воду.

Весьма неожиданный вариант транспортного сообщения с Америкой через Северный полюс предложил Александр Казанцев в книге «Арктический мост». Книга много раз перерабатывалась и переиздавалась (в 1939–1943, в 1985 гг.)¹. Суть технической идеи состояла в строительстве под кромкой полярных льдов притопленного туннеля с железнодорожным сообщением, соединяющего СССР с Американским континентом.

Мы видим, что все эти фантастические идеи так и остались фантастикой. Тем не менее сам Северный морской путь пусть медленно, но неуклонно развивался классическим способом – путём применения мощных ледоколов и научно-оперативного обеспечения мореплавания.

7. Изменение климата

Изменение климата в Арктике – одна из центральных тем советской фантастики. С экстремальными природными условиями можно было бороться двумя путями: либо теплее одеваться и строить мощные машины, либо ликвидировать саму проблему – холод и льды! Практически все фантасты 1930–50 х гг. так или иначе касались этой темы.

Так, роман Григория Адамова «Изгнание владыки» посвящён масштабному проекту «отепления Советской Арктики». Адамов рассказывает о том, что в будущем на дне Северного Ледовитого океана построят глубокие тепловые шахты, через которые, согреваясь теплом из глубины Земли, воды арктической струи Гольфстрима подойдут к советским берегам. Радикальное изменение климата преобразит Арктику, превратит Северный морской путь в «нормально действующую водную магистраль»². Всего за одну пятилетку построили все необходимые шахты, появились новые посёлки на северных берегах и открыто круглогодичное движение судов по потеплевшим водам Севморпути... «Обжитая она теперь, Арктика-то, человека отсюда не выпрешь, не-е-е-ет... Уже где советский человек ногу поставит, там его пяток не увидишь. Землю вывернет наизнанку и всю её с требухой возьмёт...»³

¹ Главы романа были также изданы в: Адамов Г.Б. В Арктике будущего (Отрывок из научно-фантастического романа) // Наша страна. 1941. № 1. С. 34–39.

² Там же. С. 34–39; Адамов Г.Б. Изгнание владыки. Роман. М., 1946. 598 с.

³ Адамов Г.Б. В Арктике будущего. С. 37.

Второй способ отопления – это горение подземных пластов угля. В рассказе Леонида Платова «Земля Савчука» (1941) горный инженер Андрей Савчук исследует центральные районы Таймыра. Обнаружив месторождение угля, он решает с помощью контролируемого подземного пожара отопить одну из долин гор Бырранга и создать там экспериментальную плодовоовощную базу – Заполярный Сад. Амбициозный проект ждёт блестящий успех.

Академик В.А. Обручев в 1952 г. в своём обращении к будущим поколениям учёных писал: «Гигантские, ещё не решённые задачи стоят перед советской наукой... Поставить на службу человеку все силы природы, энергию Солнца, ветра, подземное тепло, применить атомную энергию в промышленности, транспорте, строительстве, научиться запасать энергию впрок и доставлять её в любое место без проводов; потеснить, приспособить для жизни, освоить неудобные районы, болота, горы, пустыни, тайгу, тундру, а может быть, и морское дно; и наконец, научиться управлять погодой, регулировать ветер и тепло, как сейчас регулируются реки, передвигать облака, по усмотрению распоряжаться дождями и ясной погодой, светом и жарой»¹.

Проекты по управлению климатом были очень популярны не только среди фантастов, но и в научной среде. Знаковыми в этом плане оказались работы академика М.И. Будыко², который предложил технологии отопления Арктики и провёл расчёты энергобаланса, поставив фантастические идеи на рельсы науки. Справедливости ради отметим, что страна не кинулась сразу заниматься отоплением Арктики, но вопрос «а что если...» активно отработывался в научной сфере и в социальном дискурсе. Опять же, в этом порыве проявляется энтузиазм модерна относительно возможностей человека поставить природу на службу обществу.

Георгий Гуревич в книге – обзоре фантастической литературы «Карта страны фантазий», размышляя над темой изменения климата, ставит вопрос о том, что это значит применительно к фантастике – социальный заказ или предвидение? Он пишет: «С производством переплетается и последний раздел: мечта о власти над природой... В мечте о власти над природой есть своя последовательность, соответствующая логике борьбы со стихией, “ступеням подчинения естественных сил”. Ступени эти таковы: 1. Открытие, достижение, находка. 2. Использование открытого. 3. Переделка природы:

¹ Обручев В.А. Счастливого пути вам, путешественники в третье тысячелетие! // Знание – сила. 1954. № 3. С. 2.

² Будыко М.И., Дроздов О.А., Львович М.И. Изменение климата в связи с планом преобразования природы. Л., 1952. 203 с.; Будыко М.И. О некоторых способах изменения климата // Метеорология и гидрология. 1962; Будыко М.И. Полярные льды и климат. Л., 1969. 34 с.; Будыко М.И. Изменение климата. Л., 1969. 38 с.

улучшение, устранение неудобств и опасных угроз. 4. Управление природой. Регулирование и планирование естественных процессов. Последовательность эта не случайная, она связана с полнотой использования естественных богатств. Если нас удовлетворяют доли процента от щедрот природы, мы можем ограничиться готовеньким, так сказать, “снимать сливки” (стадия использования). Если нужны не доли, а целые проценты или десятки процентов, приходится вмешиваться в ход вещей, улучшать природу, приспособлять ее для наших нужд. Если же мы хотим выжать из природы все сто или хотя бы пятьдесят процентов её сил, надо брать на себя руководство, взнуздывать стихию, планировать природу»¹.

8. Новая энергетика

В фантастических произведениях активно обыгрывались как темы традиционной энергетики, в частности гидроэнергетики, так и более инновационной – ветроэнергетики, петроэнергетики (энергии тепла Земли), энергии приливов, энергии, основанной на газификации подземных пластов угля, энергии из холода и т. д.

В фантастической повести В.А. Обручева «Завоевание тундры»² герои произведения предложили извлекать энергию из недр земли путём углубления шахт или буровых скважин, чтобы дойти до горячих слоёв: «Достаточно углубиться на километр, чтобы получить 30°, а для домов и теплиц этого будет достаточно. Если же углубиться на 3,5 км, можно поставить на дне шахты котёл и подавать наверх пар – источник энергии для освещения и машин». Так как толщина слоя вечной мерзлоты не менее 300 м, при углублении или бурении необходимо будет учесть эту величину. «На то мы и Советский Союз, самый передовой в мире. Человечество со временем, когда сожжёт все запасы угля и нефти, все леса и торфяные болота, неминуемо вынуждено будет извлекать тепло из глубины Земли, если не захочет замёрзнуть». В этом произведении академик обрисовал возможное направление будущего развития цивилизации: если сейчас мы живём в период «углеродной» цивилизации и основные усилия тратим на поиск и добычу углеводородов, то В.А. Обручев задаётся вопросом использования практически безграничной энергии тепла глубинных слоёв Земли.

В 1937 г. на страницах журнала «Техника – молодёжи» была опубликована большая статья инженера А. Варшавского «1950 год в Арктике»³.

¹ Гуревич Г.И. Карта страны фантазий. М., 1967. 176 с.

² Обручев В.А. Завоевание тундры // Обручев В.А. Путешествия в прошлое и будущее. М., 1961. С. 221–222.

³ Варшавский А. 1950 год в Арктике: [Фантастический очерк] // Техника – молодёжи. 1937. № 6. С. 27–31.

В ней автор предлагал читателям пометать и представить Советский Север через полтора десятилетия. Основой энергетики были энергостанции, работающие на подземной газификации угля. Уголь подвергали переработке на месте, под землёй, а угольные шахты были для этой цели модифицированы: «Вся шахта превращается как бы в гигантский газогенератор... В пласте проделывают горизонтальную скважину, уголь поджигают и продувают сквозь него воздух. При этом уголь сгорает иначе, чем, например, в топках парового котла. Вместо углекислого газа, который получается в результате сгорания угля в топках, при подземной газификации получается горючий генераторный газ». Именно этот газ и становился источником так необходимой на Севере энергии, которую человек мог расходовать по своему усмотрению¹. Сходные идеи подземной газификации угля развивались в ряде произведений Леонида Платова – «Земля Савчука», «Архипелаг исчезающих островов» и др.

Технология подземной газификации угля в 1930-е гг. активно разрабатывалась в Советском Союзе. Ещё в начале XX в. этой темой плодотворно занимались Д.И. Менделеев и У. Рамзай. Особую роль в продвижении данной технологии в нашей стране сыграла статья В.И. Ленина 1913 г., предрекавшая подземной газификации большое будущее. Поэтому «фантастика ближнего прицела» ярко рисовала успехи данной технологии. Несколько ранее Л. Платова об успешной реализации идеи В.И. Ленина (реально – У. Рамзая) в Арктике писал в своём рассказе о «Сталинграде-Полярном» З. Маурин².

Ряд фантастов обращались к теме извлечения энергии из холода. Так, в книге А. Беляева «Под небом Арктики» описывается электростанция, представляющая температурную паросиловую установку – теплопад, в которой вместо воды использовался бутан: «Был найден блестящий выход: превращать холод в энергию, точнее говоря, черпать энергию в разнице температуры воды и воздуха и превращать эту энергию в работу, в свет, в тепло»³.

Все эти предложения, как мы знаем, до сих пор не получили развития. Но это не значит, что идеи петроэнергетики не имеют перспектив. Более того, возможно, данные идеи советских учёных и фантастов ещё получат стимул для развития...

Любопытно, что фантасты 1930–50-х гг. практически «проглядели» бурное нефтегазовое развитие цивилизации и добычу этих ресурсов в Арктике.

¹ Варшавский А. 1950 год в Арктике: [Фантастический очерк] // Техника – молодёжи. 1937. № 6. С. 29.

² Маурин З. Сталинград-Полярный // Юный натуралист. 1936. № 11. С. 13.

³ Беляев А. Под небом Арктики // В бой за технику. 1938. № 11–12. С. 36.

9. Новые технические средства

Фантастами предлагались различные технические средства, которые позволяли развивать Арктику, – это мощный дирижабельный флот, мощные гигантские ледоколы, в том числе с различными насадками, которые позволяли бы крушить лед (гидромониторы, нагреватели, ультразвуковые установки и пр.). У Александра Беяева в книге «Под небом Арктики» по бескрайней тайге передвигается гигантский сухопутный корабль на гусеницах. Строятся линии железнодорожного сообщения в специально созданных тоннелях и т. д.

Не всему из этого довелось быть реализованным. Мощные ледоколы появились, но различные насадки так и не нашли применения, кроме, пожалуй, пневмообмыва корпуса, который возник из идеи гидромонитора. Упомянем также, что в фантастике мы не нашли идей создания атомных ледоколов. Здесь наука оказалась впереди любой фантастики, что само по себе довольно интересно.

10. Арктика как поле противостояния политических систем

Важнейшим лейтмотивом «арктической» фантастики является тема противостояния социалистической (коммунистической) и капиталистической систем. Отметим, что данный лейтмотив был свойственен в целом всей советской фантастике и получил определённое преломление в произведениях, посвящённых полярной тематике. Кроме того, этот лейтмотив менялся в зависимости от времени создания того или иного произведения.

В 1929 г. появился роман Александра Беяева «Продавец воздуха», в котором в труднодоступной части Якутии при поддержке крупнейших капиталистов мира коммерсантом Бэйли была создана специальная установка, которая, как в воронку, затягивала воздух и аккумулировала его в твёрдом и жидком виде. Искусственно созданный недостаток воздуха обеспечил возможность сверхобогащения за счёт его продажи... Эта технология привела к «ультиматуму Бэйли»: «1. Повсеместное установление диктатуры крупного капитала. 2. Физическое истребление коммунистов. 3. Монополия продажи воздуха остаётся за мистером Бэйли как гарантия, обеспечивающая незыблемость устанавливаемой им политической системы». В данном произведении показан крупнейший «заговор капиталистов против рабочего класса», который был раскрыт при помощи молодого советского исследователя Клименко и вовремя подоспевшей помощи в виде красноармейцев.

В начале 1930-х гг. именно отсутствие показа противостояния систем стало основой для критики повести Яна Ларри: «Обитатели “Страны счастливых” и знать не хотят про то, как угнетают пролетариев

капиталисты... Ларри призывает к тому, чтобы вообще бросить заниматься землёй, а обратить свои взоры на Луну: на земле уже делать нечего, хотя на пяти шестых ее продолжает властвовать капитал. Это основные политические идеи Ларри. Не трудно догадаться, что бы получилось уже назавтра после их осуществления: нас бы просто слопал капитализм!»¹

В повести Г. Гребнева «Арктания» (1937)², написанной под впечатлением о создании первой дрейфующей станции на Северном полюсе, автор показывает разворачивающийся военный конфликт «крестовиков», во главе которых – венгерский авантюрист Петер Шайно, создавший фашистское государство с базой в Гренландии и на дне океана, с советской летающей газопонтонной полярной станцией «Арктания» на Северном полюсе. В книге явно предчувствовались военная угроза и близость войны с фашизмом.

Особенно широко тема конфронтации систем, но уже в форме не прямого силового противостояния, а идеологического, развёрнута в произведениях послевоенного времени, периода холодной войны. Наиболее отчётливо эта тема проявилась в цикле «Полярное противостояние» Александра Казанцева, где перед человечеством встаёт дилемма: или угроза всеобщего уничтожения – или разрядка международной напряжённости, мирное сосуществование и сотрудничество разных социальных систем. В данном цикле показываются пути поиска компромисса, единства интересов разных народов, общих возможных проектов, в том числе и в Арктике, направленных на улучшение жизни на планете.

То есть в фантастике мы наблюдаем эволюцию показа конфликта систем: от прямого противостояния вплоть до военного в 1930-х гг. к поиску компромисса и возможностей для сотрудничества в годы холодной войны.

Таковы основные характеристики «арктического нарратива» советской фантастики: советский человек, а точнее трудящиеся массы, – советское общество путём применения передовых технических средств в очень сжатые сроки осуществляет преобразование и подчинение природы во всех её проявлениях своим целям. Всё это разворачивается на фоне борьбы двух систем. Если в довоенной фантастике это скорее прямой конфликт, разрешаемый силовым путём, то в послевоенное время – глубокий идеологический конфликт и поиск путей сосуществования, поиск

¹ О романе Яна Ларри «Страна счастливых» // Журнал РОСТ. 1932. № 1 [Электронный ресурс] URL: <https://fb2.top/strana-schastlivyh-sbornik-512166/read/part-6> (дата обращения: 01.03.2022).

² Под названием «Летающая станция. Фантастический роман-хроника» впервые опубликован в журнале «Пионер» (Москва) в 1937 г. в № 10 (с. 64–86), № 11 (с. 42–66), № 12 (с. 73–97). Первый отзыв о повести написал А.Р. Беляев: Беляев А.Р. О фантастическом романе «Арктания» // Детская литература. 1938 № 18–19. С. 67–71.

проектов, которые могут способствовать разрядке и объединению интересов во имя улучшения жизни на планете.

С позиций человека XXI в. интересна принципиальная антиэкологичность тех процессов, о которых мечтали фантасты: человека того времени радовали гигантские заводы, дымящие трубы, перегороженные плотинами реки, отопление Арктики, а в более поздних работах – полное управление погодными процессами... Земля и её ресурсы находятся в полном подчинении и управлении разумом и творческой активностью человека. Размышляя над такой позицией человека модерна, невольно приходишь к парадоксальному выводу, что в ней проявляются черты религиозной христианской философии. «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, – вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так» (Бытие 1, гл. 28–30). То есть, согласно Библии, человеку даруется право обладания и господства над Землёй и всем, что её наполняет. Человек – это хозяин планеты, разумно распоряжающийся её богатствами. Всё это мы видим в советской фантастической литературе, но с главным отличием – верой не в Бога, а в разум человека. Христианские (точнее, антихристианские) мотивы проявляются даже в деталях, например, в нарративе о создании подземных курортов, напоминающих небесный рай.

Суть подобных взглядов – это христианская Экономия, но только без Бога, только разумом и силами самого человека. Приходя к таким выводам, начинаешь осознавать суть современных экологических воззрений, которые являются логическим продолжением антихристианских идей «разумного управления планетой». Вдоволь наупражнявшись в создании заводов и грязных производств, человек начинает осознавать, что ведёт себя «неразумно», и маятник мысли идёт в сторону экологических воззрений, опоры на опыт, логику и собственный разум.

Приложение 1

Перечень выявленных научно-фантастических произведений советского периода, посвящённых полярной тематике, и рецензий на ряд произведений¹

Адамов Г.Б. В Арктике будущего (Отрывок из научно-фантастического романа) // Наша страна. 1941. № 1. С. 34–39.

Адамов Г.Б. Изгнание владыки. Роман. М., 1946. 598 с.

Беляев А. Арктания // Детская литература. 1938 № 18–19. С. 67–71.

Беляев А. Голубой уголь // Полярная правда. 1932. 11 марта. № 60.

Беляев А. Север – завтра // Вокруг света. 1937. № 8. С. 15–18.

Беляев А.Р. Продавец воздуха // Вокруг света. 1929. № 4–13.

Варшавский А. 1950 год в Арктике // Техника – молодёжи. 1937. № 6. С. 27.

Водопьянов М.В. Мечта пилота. М., 1936. 190 с.

Гребнев Г.Н. Арктания: (Летающая станция). М., 1938. 208 с.

Гумилевский Л. Страна гипербореев // Всемирный следопыт. 1927. № 4. С. 243–257.

Гумилевский Л.И. Четыре вечера на мёртвом корабле. М., Л. 1927. 151 с.

Гуревич Г. О романах В.А. Обручева «Плутония» и «Земля Санникова», эссе // Обручев В.А. Плутония. Земля Санникова. М., 1958. С. 630–639.

Гуревич Г.И. Иней на пальмах // Знание – сила. 1951. № 8. С. 30.

Гуревич Г.И. О романе «Земля Санникова» (статья) // Обручев В.А. Земля Санникова. Ростов-на-Дону, 1987. С. 5–10.

Дмитриев В. Путешествие в завтра // Техника – молодёжи. 1950. № 1–4, 6, 8.

Ефремов И. Голец подлунный // Новый мир. 1944. № 4–5. С. 117–127.

Закладный Е.М. Победители льдов // Техника – молодёжи. 1954. № 9. С. 25–29.

Казанцев А. Арктический мост // Вокруг света. 1941. № 4–6.

Казанцев А. Льды возвращаются // Дон. 1963. № 10–11; 1964. № 1–3.

Казанцев А.П. Купол Надежды: Роман-мечта в 3 кн. М., 1980. 431 с.

Казанцев А.П. Мол «Северный»: Роман-мечта. М., 1952. 391 с.

Казанцев А.П. Мост дружбы. М., 1985. 528 с.

Казанцев А.П. Подводное солнце (Мол «Северный»): Роман-мечта. Перераб. и доп. изд. М., 1970. 428 с.

Казанцев А.П. Полярная мечта (Мол «Северный»): Науч.-фантаст. роман. М., 1956. 478 с.

Критика романа Я. Ларри «Страна счастливых» // Журнал РОСТ. 1932. № 1.

Ларри Я.Л. Страна счастливых: (Публицистич. повесть). Л., 1931. 192 с.

Маурин З. Сталинград-Полярный // Юный натуралист. 1936. № 11. С. 9–14.

Мюр Н.И. День в Полярграде // Знание – сила. 1932. № 12 (60).

¹ Составлено на основе анализа сайта fantlab.ru, а также поисковых систем Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки.

- Обручев В.А. Завоевание тундры // Обручев В.А. Путешествия в прошлое и будущее. М., 1961. С. 221–222.
- Обручев В.А. Земля Санникова, или Последние онкилоны. М., 1926. 325 с.
- Обручев В.А. Плутония: Необычайное путешествие в недра Земли. Л., 1924. 464 с.
- Оглоблин И. Страна Семи Трав (рецензия) // Техника – молодёжи. 1955. № 1. С. 33.
- Охотников В.Д. Рец. на книгу Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов» // Новый мир. 1950. № 3. С. 246–248.
- Павлова Г. Реальность и фантастика «Купола надежды» // Красный Север. 1980. 4 октября. № 229.
- Пальман В.И. Кратер Эршота. М., 1958. 262 с.
- Платов Л. Земля Савчука: Научно-фантастическая повесть // Наша страна. 1941. № 5–7.
- Платов Л. Трансарктический пассажир: Рассказ из недалёкого будущего // Самолёт. 1939. № 15. С. 8–9.
- Платов Л.Д. Архипелаг исчезающих островов. М., 1949. 172 с.
- Платов Леонід. Країна Семи Трав (уривок з нового роману) // Зміна. 1954. №№ 3–4 (на укр. яз.).
- Подсосов А.В. Новый Гольфстрим. [Свердловск], 1948. 176 с.
- Романович А. Под небом Арктики // В бой за технику. 1938. № 4, 7, 9–12; 1939. № 1, 2, 4.
- Семёнов С.А. Кровь земли // Мир приключений. 1928. № 5, 6.
- Снегов С. Вариант Пинегина // Знамя. 1960. № 11. С. 3–40.
- Фрейман С.Ю. Разговор с Зигой // Юный натуралист. 1936. № 11. С. 15–17.

Арктика и Антарктика
в изобразительном
искусстве

Arctic and Antarctic in the
visual arts

АКСЁНОВА С.В.

Искусство А.А. Борисова глазами современников и следующих поколений

S. AKSENOVA

The art of A.A. Borisov through the eyes of contemporaries and the next generations

Сведения об авторе:

Аксёнова Софья Валерьевна, научный сотрудник отдела живописи второй половины XIX – начала XX в. Государственной Третьяковской галереи (Москва)
AksenovaSV@tretyakov.ru

Author:

Sofya Valerievna Aksenova, researcher, Department of the Russian Painting of middle 19th – early 20th century, State Tretyakov Gallery (Moscow)
AksenovaSV@tretyakov.ru

Аннотация

Александр Борисов в своей творческой биографии знал и периоды мировой популярности, и время спада интереса к его искусству. Крайне важным фактором для объяснения роста и уменьшения популярности художника представляется значение, которое участники художественного сообщества (кураторы, искусствоведы, художники, музейщики) придавали и придают строгой сфокусированности художника на теме Севера. Цель исследования – определить вектор развития отношения к искусству и художественному наследию А.А. Борисова при его жизни и после смерти. Большое внимание будет уделено сочетанию двух образов, «ролей»: Борисова-художника и Борисова-исследователя. Объектом исследования стали доступные биографические сведения и архивные материалы: письма художника и его современников, прижизненные упоминания автора в прессе.

Abstract

The level of interest in art of Alexander Borisov varied from the decades of world popularity to the time of oblivion. It seems to be that his focus on the North topic is an extremely important factor to explain the growth and decline of the artist's popularity.

The purpose of the study is to determine the vector of development of the attitude to art and the artistic heritage of A.A. Borisov during his life and after his death. Much attention will be paid to the combination of two “roles”: Borisov-the artist and Borisov-the researcher. The research is based on the available biographical information and archival materials: letters of the artist and his contemporaries, lifetime mentions of the author in the press.

Ключевые слова:

Александр Борисов, пейзаж, живопись, Новая Земля.

Keywords:

Alexander Borisov, landscape, painting, Novaya Zemlya.

Искусство Александра Алексеевича Борисова (1866–1934) было хорошо известно его современникам. В последние годы интерес к этому художнику начинает возрождаться. Цель статьи – проанализировать историю презентации и восприятия искусства и личности Борисова и проследить изменения его отношений с художественным сообществом начала XX в. Автор выражает глубокую признательность М.В. Титовой за консультации и плодотворные дискуссии.

Биография А.А. Борисова, очень кинематографичная и подходящая для приключенческого романа, в который он и превратил свою жизнь, впервые была частично опубликована при его жизни, а затем открывала все монографии о художнике. Повествование о нём обычно начинается с создания почти былинного образа (исцелившийся от недуга богатырь), а продолжается почти сказочными приключениями (неожиданная возможность заниматься желанным делом). Такая модель представления сразу сообщает читателю необходимые при разговоре о Борисове интонации: и «народность» героя, и уровень необычного в происходящих с ним событиях, и его невероятное усердие, и упорство.

Это самое усердие и целеустремлённость проявляются и в творческом методе автора. С самого начала своего профессионального становления Борисов был чётко сфокусирован и на жанре (пейзаже), и на главном предмете своего творчества – Русском Севере. Такая узкая специализация во многом определила и биографию художника, и историю его успеха, но одновременно породила и зависимость интереса к Борисову от внимания к теме в целом.

Север европейской части России к концу XIX в. попал в сферу политического и экономического интереса государства и предпринимателей, а вместе с тем стал притягателен и для художников. Когда Борисов

вышел на художественную сцену, в области изображения этих территорий наметились две главные задачи и тенденции: подробно представить удивительный незнакомый край и создать его художественный (поэтический) образ. Борисов сочетал в своём творчестве оба подхода, совмещал художественную и исследовательскую практику. И эта двойственность его образа часто становилась причиной повышенного интереса к нему как к «проводнику» и «свидетелю». Порой, однако, она же оказывалась в центре дискуссий о том, насколько творчество Борисова самостоятельно, а насколько является неотделимой частью его научных интересов.

Рассмотрим эволюцию отношения к искусству Борисова, выделив несколько максимально репрезентативных для этого вопроса периодов.

1896–1897: первое появление на художественной сцене

Борисов стал известен, вернувшись из поездки в один из труднодоступных районов Севера – на островах Новой Земли. Из экспедиции он привёз огромное количество этюдов, выполненных в условиях арктического пленэра¹, и на их основе создал картину «В области вечного льда. Лето» (1898, Государственная Третьяковская галерея). Результатом такой «премьеры» стали большое внимание и поддержка со стороны художников и художественных деятелей старшего поколения, близких Товариществу передвижных художественных выставок: В.М. Васнецова (впоследствии симпатизировавшего художнику), В.А. Серова (самого молодого из упоминаемых в этом перечне), В.В. Стасова, И.Е. Репина, М.В. Нестерова. Этот список недвусмысленно демонстрирует, что Борисов оказался близок тем уже сформировавшимся и достигшим успеха авторам (кроме, пожалуй, Серова), которые к рубежу веков представляли скорее «старое» поколение, уже успевшее стать «классиками». Мэтры сошлись и в том, что этюды Борисова особенно ценны своей достоверностью и убедительностью: «Это всё превосходные и верные, как зеркало, картинки, строго нарисованные и необыкновенно написанные»², – утверждал И.Е. Репин. Г.Г. Мясоедов писал: «...В этих этюдах есть одно очень важное достоинство: все они исключительно правдивы и поэтому, если не хватают Вас за горло при первом взгляде, как многие фокусные вещи, то и не надоедают так быстро, как последние...»³ Интересно, что, говоря о правдивости,

¹ Подробнее об арктическом пленэре см.: Бубенцов В.Н. Особенности отечественного живописного пленэра как части творческого процесса в условиях Арктики // Александр Борисов – художник и гражданин: Всероссийская конференция: доклады и сообщения. Архангельск, 2018. С. 13–20 (далее – Александр Борисов – художник и гражданин).

² Борисов Н.П. Художник вечных льдов: жизнь и творчество А.А. Борисова, 1866–1934. Л., 1983. С. 67 (далее – Борисов. Художник вечных льдов).

³ Мунин А.Н. Александр Борисов. К 100-летию со дня рождения. [Архангельск], 1967. С. 27.

комментаторы вряд ли могли соотнести изображения на этюдах с натурой, ведь они не видели её своими глазами и вряд ли знали по фотографиям. Автору предрекали успешное будущее: «С такой энергией можно уйти и дальше Новой Земли, где Борисов прожил несколько месяцев, познакомился с белым медведем, цингой, тюленьим жиром и многим тем, что нам знакомо было когда-то по географии, а позднее (гораздо) по письмам норвежца Нансена. В этюдах можно проследить развитие большого таланта и будущего крупного пейзажиста»¹.

Важно, что молодого художника поддержал и П.М. Третьяков, – это было одновременно и признанием уровня и заслуг Борисова, и своеобразным кредитом доверия. Он купил этюды (и сокрушался, что несколько были проданы ранее и тем самым была нарушена целостность серии) и позже приобрёл большую картину. Третьяков отвёл работам Борисова целый зал – 22-й², в нём также были представлены несколько картин Л.Ф. Пищалкина. После этого, узнав, что перед следующей большой экспедицией на Новую Землю Борисов собрался на о. Вайгач, Третьяков, по воспоминаниям художника, «убедительно просил меня, когда я возвращусь из поездки на остров Вайгач, чтобы я никому не показывал свои картины, а прямо поехал бы к нему, что он непременно приобретёт все мои работы»³. Из этой поездки Борисов привёз коллекцию идолов для этнографического отдела Государственного Русского музея, тем самым подтверждая, что его вояжи носят серьёзный научный характер.

Стоит отметить, что решение Третьякова было поддержано не всеми. И.С. Остроухов (ориентированный явно на художественные ценности «следующего» за Третьяковым поколения Серебряного века), говоря А.П. Боткиной (дочери Третьякова) об ответственности, которой сопровождается всякое новое приобретение, вспоминал эту покупку как не самую удачную: «...делюсь с Вами таким фактом. П.М. уже давно купил борисовские путешествия, и я знал об этой покупке. Меня ужасно интересовали этюды Борисова, т. к. я ничего из его работ не видал. Меня очень поразило, признаюсь Вам, что на мои неотступные просьбы показать что-либо (чтобы иметь какое-нибудь представление) из работ Борисова, уже давно сложенных в кабинете, П.М. отвечал положительным

¹ М.В. Нестеров – А.А. Турыгину. 12 ноября 1896 г. // М.В. Нестеров. Из писем. Л., 1968. С. 113. Хотя стоит отметить, что Нестеров не был уверен в равнозначности всех этюдов: «Третьяков купил у молодого академика Борисова 56 этюдов „Полярные страны“ (Новая Земля), из них до 20 действительно интересны» (М.В. Нестеров – Е.М. Хруслову. 29 ноября 1896 г.: Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее – ОР ГТГ). Ф. 9. Ед. хр. 493.

² Зал № 58 в современной экспозиции.

³ Муниин А.Н. Александр Борисов. К 100-летию со дня рождения. [Архангельск], 1967. С. 36–27.

отказом. Я тогда же подумал, что тут что-нибудь неладно, что П.М. кроет какое-то „увлечение“. На деле так и вышло: не успел П.М. развесить Борисова, как через несколько дней около десятка этюдов было снято»¹.

1900–1904: популярность и первый конфликт

Экспедиция Борисова 1900–1901 гг. получила поддержку С.Ю. Витте. Она была интересна в рамках внутренней политики России по освоению Севера, так как позволила уточнить карту Новой Земли, провести метеорологические наблюдения и дать справку о состоянии льдов и побережья, собрать информацию о геологическом строении, ботаническом и зоологическом разнообразии архипелага². В результате поездки Борисова в 1903 г. была опубликована уточнённая карта фрагмента восточного берега Новой Земли³. Так на её берегах возникли имена художников и покровителей Борисова: ледники П.М. Третьякова, С.Ю. Витте, В.М. Васнецова и др. Интересно, что, называя ледники, Борисов последовал примеру своего учителя А.И. Куинджи, который присваивал имена друзей-художников скалам на своём участке земли в Крыму. Сообщения Борисова из экспедиции 1900–1901 гг. печатались Северным телеграфным агентством и вскоре обходили все газеты; таким образом, почти «в прямом эфире» можно было следить за путешествием.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Борисов надеялся, что Императорская Академия художеств (ИАХ) предоставит ему мастерскую для обработки материалов, собранных во время поездки. Но Академия отказалась, и художник снимал мастерскую сам. Это был один из первых неприятных отказов, с которыми ему пришлось столкнуться⁴. Неравнодушный к судьбе художника, В.М. Васнецов обратился к вице-президенту ИАХ И.И. Толстому: «Глубокоуважаемый граф Иван Иванович! Позволю себе обратиться к Вам с ходатайством за художника А.А. Борисова, недавно

¹ И.С. Остроухов – А.П. Боткиной. 26 февраля 1900 г.: ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 105.

² Philippow A. Polarreisen des russischen Malers Borissow // Geographischer Literatur-Bericht für 1903: Beilage zum 49. Band von Dr. A. Petermanns Mitteilungen / Unter Mitwirkung mehrerer Fachmänner; herausgegeben von Alexander Supan. Hildburghausen. 1903. S. 217–219.

³ Tafel 22: Borissows Aufnahmen in Nowaja Semljaim Winter 1901–2 / C. Schmidt // Ibid. S. 553.

⁴ «Был я у графа И.И. Толстого и просил у него мастерскую, но мастерских „свободных“, оказывается, нет. Грустно до боли как-то становится на душе после всех этих безуспешных поисков. Невольно спрашиваешь себя: зачем и риск жизнью, и отчаянные усилия? Когда кругом видишь такое равнодушие. Много надо сил и здоровья, чтобы пережить то, что приходилось испытывать во время нелёгкого путешествия, но не меньше надо здоровья и твёрдости духа, чтобы пережить спокойно то равнодушие, которое нередко приходится мне видеть в Академии!» (А.А. Борисов – В.М. Васнецову. 26 ноября 1901 г.: ОР ГТГ. Ф. 66. Ед. хр. 320).

вернувшегося из своего путешествия на Дальний Север. Вперёд извиняюсь, если просьба моя окажется неисполнимой или даже покажется Вам неуместной. На мой взгляд, Борисов со стороны нас, русских, не только достоин всякой поддержки, но мы по-настоящему обязаны его поддерживать как русского, оказавшего в данном случае необычайную энергию в деле культурном, касающемся всего русского народа; если мы только не окончательно осклизли и малодушно перестали верить в будущность нашей Родины... Да кроме того – Нансен явился не вдруг, а перед ним прошёл целый ряд малых Нансенов, которых и правительства их, и народ, и все лучшие люди страны поддерживали и нравственно, и всеми зависящими (от них) способами и средствами. А мы? Мы с лаврами, тостами и пресыщенным многоречием встречаем чужих Нансенов, а своим мы показываем спину и малодушно похихикиваем, да, пожалуй, ещё критикуем... <...> Я уверен, что Академия будет более милостива и согреть в своих стенах своего питомца, замерзавшего в полярных льдах. Не думаю, чтобы не нашлось в здании Академии подходящей мастерской для Борисова, при Вашем просвещённом содействии, вероятно, отыщется удобное для работы помещение... <...> Глубокоуважаемый Иван Иванович, дайте мастерскую Борисову – сделайте доброе и просветительное дело. Верю и надеюсь, что моя почтительнейшая просьба не останется без добрых последствий...»¹

Важно отметить, что в этом письме Васнецов подчёркивал роль и значение Борисова как отважного исследователя. В целом же конфликт с Академией продемонстрировал зарождающееся недопонимание между живописцем и художественными институциями: роль исследователя и путешественника в глазах многих коллег и критиков придавала его произведениям статус в большей мере этнографический, документальный. Мысль о том, что Борисов не ограничивает себя живописью и, более того, выходит в своей деятельности за границы интересов искусства вообще, подчёркивал в том же году и Нестеров: «...Он [Борисов] не талант художественный, но он „сила“, и сила эта уйдёт вся без остатка не на искусство, как мы с тобой [М.В. Нестеров и А.А. Турыгин] его понимаем, а на пропаганду каких-то „полярных“ идей, кому-то нужных, для чего-то необходимых и полезных, а художник Борисов только лишь проводник этих идей»².

¹ «Был я у графа И.И. Толстого и просил у него мастерскую, но мастерских „свободных“, оказывается, нет. Грустно до боли как-то становится на душе после всех этих безуспешных поисков. Невольно спрашиваешь себя: зачем и риск жизнью, и отчаянные усилия? Когда кругом видишь такое равнодушие. Много надо сил и здоровья, чтобы пережить то, что приходилось испытывать во время нелёгкого путешествия, но не меньше надо здоровья и твёрдости духа, чтобы пережить спокойно то равнодушие, которое нередко приходится мне видеть в Академии!» (А.А. Борисов – В.М. Васнецову. 26 ноября 1901 г.: ОР ГТГ. Ф. 66. Ед. хр. 320).

² М.В. Нестеров – А.А. Турыгину. 13 января 1902 г. // М.В. Нестеров. Из писем. С. 159.

Завершённую картину «Страна смерти. Августовская ночь в Ледовитом океане» (1903, Российский государственный музей Арктики и Антарктики), своеобразный итог опасного путешествия 1900–1901 гг., Борисов представил вместе с несколькими другими произведениями в Зимнем дворце для членов царской семьи. «Страна смерти» была приобретена императором. Ещё одна выставка художника прошла в 1904 г. в столице, а в 1900, 1902, 1904 и 1905 гг. он участвовал в весенних выставках.

1905–1908: турне

В 1905 г. началось европейское турне Борисова. До этого заграничная публика была знакома с одной его картиной, «Гигантские ледники», которая в 1900 г. получила почётную грамоту на Всемирной выставке в Париже.

Благодаря Юлиусу Пайеру (одному из первооткрывателей Земли Франца-Иосифа) в Доме художников в Вене с 11 сентября по 9 октября прошла выставка Борисова. В каталоге было представлено 227 работ, некоторые из них сопровождалось подробными этнографическими комментариями. Интересно отметить одну заметку о выставке в прессе. Её автор отмечал, что невозможно не сравнить Борисова с Верещагиным, и причислял первого к художникам, которых волнует чистая живопись, искусство ради искусства. Критик восторженно описывал убедительность и силу живописи, способной передать диковинные природные эффекты¹. Однако стоит отметить, что в остальных статьях о Борисове (доступных автору этой работы) художественная критика заметно уступает место беллетризованной биографии и эффектным описаниям сурового характера художника и невероятных природных условий, в которых он побывал.

Далее выставки прошли в Праге, Мюнхене, Берлине, Гамбурге, Кёльне, Дюссельдорфе. В конце 1906 г. открылась выставка в Париже, на улице де Комартен. Её итогом стали награждение художника орденом Почётного легиона² и попадание картины «Ледники. Карское море» в музей Орсе³. В следующем, 1907 г. прошла выставка в Лондоне. В литературе указывается разное место её проведения: залы Хрустального дворца⁴ или Королевской академии художеств⁵. Однако, скорее всего, она проходила в залах

¹ Seligmann A.F. Kollektivausstellung Borissow // Neue Freie Presse. 1905. September 13. P. 11. Воспр. в: Silver Age: Russische Kunst in Wien 1900. Wien., 2014. S. 118–123.

² По информации от музея, орденом Почётного легиона А.А. Борисов был награждён указом от 25 июня 1907 г. До художника награда добралась 7 декабря 1907 г.

³ А.А. Борисов. Ледники. Карское море. 1906. Музей Орсе. Инв. RF 1980 68, Jde. P 324.

⁴ Мунин А.Н. Александр Борисов: (К 100-летию со дня рождения). Архангельск, 1967. 120 с.

⁵ Назимова И.В. Александр Алексеевич Борисов: Жизнь и творчество. Архангельск, 1959. 58 с.

The Grafton Galleries¹. Посетил выставку и Фритъоф Хансен, с которым художник был лично знаком и который от имени норвежского и шведского правительств вручил ему орден Святого Олафа. О впечатлении от выставки и самого художника можно судить по комментариям поэта, художника и критика Томаса Стерджа Мура: «Борисов был очарован кошмарной причудливостью тамошних сцен льда и тьмы... <...> Если его картины выставались в каждой столице Европы и везде привлекали толпы людей, то это связано с магнитным притяжением Северного полюса»². Также в Лондоне Борисов был приглашён на заседание Королевского географического общества, где демонстрировались слайды с его произведений. Участники заседания, однако, с сожалением отмечали, что сам автор из-за незнания английского не может их прокомментировать³.

Известность Борисова достигла такого уровня, что им заинтересовалась публика за океаном. В 1908 г. Борисов смог устроить выставку в США (получив разрешение сделать это без уплаты пошлины⁴), где был представлен лично президенту страны Т. Рузвельту⁵. Его выставка, судя по тону газетных статей и большому количеству сопровождавших их иллюстраций, воспринималась как событие крайне интересное. Журналисты рассказывали о Борисове и его выставках в Европе ещё с начала 1907 г.⁶ Он вызывал интерес как путешественник, художник и рассказчик о населении Севера – корреспондентов явно увлекали и образ загадочного, безрассудного смельчака, и сами недостижимые опасные красоты на краю земли⁷. Его образ отважного путешественника даже лёг в основу характера одного из героев книги «Приди и найди меня» Э. Робинс, изданной в 1908 г.⁸

¹ Fantastic phenomena of the frozen North // The New York Times. 1907. March 10. P. 38; Polar paintings // Greencastle Herald. 1907. April 20. P. 3.

² New-York Tribune. 1907. March 31. Part II. P. 6. Другая заметка о творчестве Борисова в английской прессе: A painter in the Arctic: Mr. Alexander Borisoff's pictures // The Manchester Guardian. 1907. February 21. P. 5.

³ Freshfield D.W., et al. The Fan Mountains in the Duab of Turkestan: Discussion // The Geographical Journal, 1907. Vol. 30. No. 5 (Nov., 1907). P. 498–500.

⁴ Любопытно, что новость о просьбе Борисова снизить или отменить для него пошлины попала в прессу и удостоилась короткой заметки: Artist wants tariff cut // The New York Times, 1907. December 22. Section THE. P. 3.

⁵ Подробнее см.: Титова М.В. О художнике А.А. Борисове по материалам иностранных источников // Александр Борисов – художник и гражданин: Всероссийская конференция: доклады, сообщения, 15–16 ноября 2016 года. Архангельск, 2018. С. 25–35.

⁶ См. статьи: Current Art Here and Abroad: Talk of the Studios // The New York Times. 1907. January 27. P. X4; Fantastic phenomena of the frozen North // The New York Times. 1907. March 10. P. 38; Pictures From the Arctic Strange Paintings Exhibited by a Russian Artist in London // Pittsburgh Daily Post. 1907. March 17. P. 37; New-York Tribune. 1907. March 31. Part II. P. 6; Polar paintings // Greencastle Herald. 1907. April 20. P. 3.

⁷ Strange story of white man at the Pole // Evening Star. 1909. December 25. P. 3.

⁸ Подробнее см.: Титова М.В. Указ. соч. С. 25–35.

1905–1913: известность в России

В Европе и США Борисов стал известен, моден, популярен. А что же в России?

Борисов активно популяризировал природу и культуру Севера: читал лекции с диапозитивами в Санкт-Петербурге, издавал книги по мотивам своих путешествий, содержащие довольно серьёзные и обстоятельные проекты экономического освоения новой территории¹. Печатались открытки с репродукциями его картин. В 1905 г. ему был пожалован орден Святого Владимира 4-й степени за особые заслуги по «исследованию Северного края и ознакомлению с ним путём художественных произведений».

Его произведения по-прежнему были представлены в экспозиции Третьяковской галереи и Русского музея. Борисов не был активным членом или экспонентом многочисленных художественных обществ, столь популярных в начале XX в. Это можно объяснить его образом жизни: длительные экспедиции с предшествующим им временем на подготовку, долгое европейское турне. Но стоит отметить этот факт, поскольку для многих художников рубежа XIX–XX вв. участие в художественных объединениях и группировках было важным инструментом и самоидентификации, и продвижения своего искусства. Борисов участвовал в создании Северного кружка (с 1906 г., и эта группа явно отвечала скорее его социальным и политическим, нежели эстетическим взглядам), входил в Общество художников имени А.И. Куинджи (с 1909 г., группа объединяла учеников Куинджи), в московскую «Группу художников» (1909–1911). На фотографии, хранящейся в квартире-музее А.М. Васнецова, Борисов представлен среди участников объединения «36 художников» (1901–1903), но его работы не встречаются в каталогах двух выставок объединения. Весьма язвительно И.Э. Грабарь описывал неудачу с принятием в Союз русских художников (СРХ) в 1904 г. в качестве экспонента (объединение возникло в 1903 г., включало многих пейзажистов). Острый на язык Грабарь отмечал: «Борисов получил 1 голос из 12, стало быть, блестяще провалился. Он, понимаешь, был здесь [в Москве] у Серова, Коровина, Виноградова, Васнецова, словом, у всех и прямо просил поставить его кандидатуру. Хорошо бы и в Питере такую штуку ему преподнести. Невыносимый наглец»². Интереснее всего в этом факте то, что в участии

¹ Борисов А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря: Путевые очерки худож. Александра Алексеевича Борисова: С автобиографической заметкой и с 36 снимками картин автора, из коих 15 в красках. СПб., [1907]. 104 с.; Борисов А.А. В стране холода и смерти: Экспедиция худож. А.А. Борисова. СПб., 1909. 68 с.; Борисов А.А. Великий Северо-Восточный морской путь. Великий речной путь из Сибири в Европу. СПб., 1910. 52 с.

² И.Э. Грабарь – А.Н. Бенуа. 11 ноября 1904 г. // Игорь Грабарь. Письма: 1891–1917. М., 1977. Т. 2. С. 156.

в СРХ Борису отказали его ровесники, активные художники «рубежа веков», как их часто характеризуют в литературе. Уже позже, в 1920-е гг., Борисов стал членом Общества художников-реалистов.

В это же время возник конфликт художника с Русским музеем. Он поделился с В.М. Васнецовым своими переживаниями и опасениями: «...Я показывал его [письмо В.М. Васнецова с высказываниями в защиту интересов Борисова] многим, и все, кто читал его, были в восторге, и положительно все были согласны с Вашими взглядами, и все возмущались, что моя коллекция северных картин ещё не приобретена для музея Александра III, частью для художественного отдела, частью для этнографического. Да, грустно, руки опускаются, и не потому, что я не получаю за них деньги. Нет, денег мне дают за них и больше, но, увы, не в нашем дорогом отечестве! Деньги у меня будут, когда я решу продать в Америку все до одного. Но зачем деньги? Чтобы поехать на север Сибири? Господи, да если это всё лишнее и никому не нужно?! Вот что страшно! И ещё более страшно и трагично потому, что ведь знаешь, что это, т. е. то, что делаю я, в сущности, очень интересно и необходимо для России, и всё-таки мой голос остаётся голосом вопиющего в пустыне! До боли обидно! Когда едет в Париж какой-нибудь С. Дягилев устраивать выставку своего кружка, ему дают правительственную субсидию, и, спрашивается, за что? За то, что он порочит русское искусство, показывает его ничтожество в лице своих коллег, вводя в заблуждение французов, что как будто у нас нет великих творцов, самобытного искусства, нет Репина, Васнецова, Сурикова, Поленова, Шишкина, Куинджи, Прянишникова, Маковского и т. д., и т. д.!! Что же после этого остаётся делать?! Ведь уже после этого, кажется, идти некуда!..»¹ Это страстное, эмоциональное письмо не только фиксирует болезненные переживания Борисова по поводу того, что его вещи, популярные за границей, оказались невостребованными в России. Оно отражает и собственные эстетические представления автора: 41-летний живописец противопоставляет классиков русского передвижничества современным течениям и явно отдаёт предпочтение первым (вспомним, что художественный критик выставки в Вене относил Борисова как раз ко второму поколению – представителей «искусства ради искусства» и противопоставлял его, например, В.В. Верещагину).

Восхищённый молодым автором, В.М. Васнецов выражал горячее убеждение, что приобретение серии его картин – ответственность, если не обязательство Русского музея: «Великое художественное и патриотическое дело сделали Вы, дорогой А.А. Вам остаётся только от всей души

¹ А.А. Борисов – В.М. Васнецову. 17 января 1908 г.: Государственная Третьяковская галерея (далее – ГТГ). Архив Дома-музея В.М. Васнецова. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 2.

пожелать, чтобы Ваши дивные картины, так неразрывно связанные в одно целое, все полностью водворились бы в сокровищницу русского искусства – музей Александра III. Если бы, паче чаяния, картины не попали в музей, то, значит, музей не исполняет своего прямого назначения. Не хочется допустить такую возможность. Не думаю я, чтобы средства музея настолько истощились, чтобы помешать приобретению Ваших прекрасных картин»¹. Почти его же словами несколькими месяцами ранее говорил И.Е. Репин, обращаясь к Борису: «Если музей упустит эти перлы, он сделает непоправимую ошибку. Потому что впоследствии потомки будут выкупать и собирать <...> ...и будут ставить на то место, где должны быть эти единственные пока труды самоотверженного художника»².

1913–1915: выставка

В конце 1913 г. Борисов стал готовить большую персональную выставку в столице. Эта новость была с интересом воспринята журналистами: «...Мы так соскучились о здоровом, сильном художественном творчестве, так изныли среди шарлатанства разных “союзов” и “содружеств” молодёжи, среди манерничанья и жеманного театральничанья (и талантливых порой) художников, так всё это стало скучно и нудно, что такому художнику, каким является А.А. Борисов, искренне хочется сказать “добро пожаловать”»³. И в этих рецензиях мы явно видим противопоставление Борисова «современному» искусству, более авангардному, более живописно-раскованному.

В 1914 г. открылась персональная выставка Борисова в Санкт-Петербурге, в особняке князя Юсупова на Литейном проспекте. Экспозиция заняла четыре комнаты, стены которых были обтянуты тёмным бархатом, – на таком фоне живопись художника выглядела особенно эффектно. 200 картин были разделены на три цикла: «Арктика», «Зима на Северной Двине», «Соловецкий монастырь». В каталоге картины сопровождались бытописательными комментариями, которые должны были помочь столичной публике разобраться в сюжете. Составление подробных аннотаций к произведениям Борисов практиковал и ранее, например, в каталоге венской выставки. Многие были впечатлены представленными работами, по воспоминаниям современников, за день

¹ В.М. Васнецов – А.А. Борисову. 11 апреля 1908 г. // Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы / Сост. Л. Короткина. СПб., 2004. С. 213.

² И.Е. Репин – А.А. Борисову. 17 января 1908 г. // И.Е. Репин. Избранные письма в двух томах. 1867–1930. М., 1969. Т. 2. С. 241.

³ Борисов. Художник вечных льдов. С. 184.

(27 февраля) на выставке побывало 10 тыс. человек¹, эмоциональные воспоминания о них оставил В.А. Гиляровский.

Интересный национальный художник, мировая знаменитость, Борисов стал почти легендарным персонажем. Выставка 1914 г. поставила вопрос о судьбе его произведений: должны ли все они попасть в коллекцию Русского музея? Эту идею поддерживали В.М. Васнецов и И.Е. Репин. Против выступали А.Н. Бенуа, Е.И. Столица, С. Глаголь – более молодые деятели, которые в середине 1910-х гг. уже прочно заняли центральное место в художественной критике. Д.И. Толстой, исполняющий обязанности управляющего Русским музеем, вынес вердикт: «В музее уже имеются две картины и пять этюдов Борисова, которыми он представлен достаточно полно и хорошо, так как этот, несомненно, талантливый художник специализировался исключительно на природе Крайнего Севера»². Специализация Борисова на одной теме обернулась против него, и то, что казалось значимым и выигрышным Третьякову и Васнецову – серийность и большое количество работ, воспринималось Д.И. Толстым как минус. Этот вердикт был пересмотрен 28 сентября 1915 г. на заседании Государственной думы, а затем Русский музей принял решение закупить картины Борисова для государства, которое так и не было реализовано.

1920–90-е: рассеивание интереса

Разочарованный сложившейся ситуацией художник уехал в свою усадьбу в Красноборске. После 1914 г. он практически оставил живопись, решив, что всё главное им в искусстве уже сказано. Почти исчезнув с художественной сцены, Борисов сосредоточился на социальной, экономической и политической программе развития Севера. Так, он активно ратовал за создание Северного железнодорожного пути: на его деньги были проведены изыскания по трассе Обь – Котлас – Сорока (Беломорск), А.В. Щусев и братья Васнецовы проектировали для неё вокзалы. Этот проект обсуждался Борисовым с В.И. Лениным и Г.М. Кржижановским, которые были готовы оказать ему поддержку, но позже приоритет в разработке освоения северных территорий был утверждён за морским транспортом. Стараниями художника возле Красноборска открылся курорт Солониха.

После 1915 г. Борисов стал меньше заметен среди живописцев. Проводя перевеску в залах Галереи в 1913–1917 гг., Грабарь превратил зал с работами Борисова в зал «Пейзажистов конца XIX века». Теперь в нём экспонировались картины 42 художников, но нужно отметить, что творчество

¹ Александр Борисов (1866–1934): К 140-летию со дня рождения. Живопись / Авт.-сост. С. Владимирец. Архангельск, 2006. С. 4.

² Александр Борисов. Альбом-каталог. Архангельск, 2016. С. 11.

Борисова было представлено 65 работами против одной-двух у всех остальных. В 1919 г. прошла его выставка в Петрограде, в 1920-м – в Вологде, в 1922-м – в Великом Устюге. В 1929 г. состоялась персональная выставка художника из 45 работ в Московском доме писателей.

В 1924 г. в Москве был создан Центральный музей народоведения. Его фонды составили этнографические коллекции с Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1923 года и коллекции этнографического отдела Румянцевского музея. В год создания, 1924-й, Галерея выдала в новый музей 10 произведений Борисова, что подчёркивало научное значение его картин для исследователей 1920-х гг.¹ Они были возвращены обратно в 1934 г., к посмертной выставке художника.

В 1930-е гг. рост научного интереса и активное освоение ресурсов Севера не сделали Борисова более популярным, но его произведения оказались представлены в совершенно ином контексте. В 1931 г. был выпущен альбом с его иллюстрациями «Красный Север». В этом издании сочетались произведения художника и заметка составителей об экономическом развитии региона. Работа «В Кандалакшском заливе» (ГТГ, инв. № 1672) из Третьяковской галереи в 1935 г. временно выдавалась для экспонирования в Кремле, а картина «В области вечного льда. Лето» на год (с конца 1938 г. по конец 1939 г.) – Военно-инженерной академии. В 1937 г. в Ленинграде открылся Музей Арктики, в экспозицию которого вошли работы Борисова. Так произведения этого художника получили новую репрезентативную функцию.

В рамках перераспределения музейных коллекций и формирования фондов региональных музеев в 1930-е гг. из Третьяковской галереи были выданы 39 эскизов, купленных Третьяковым. Они отправились в Читу, Семипалатинск, Чебоксары, Мурманск, Туркменистан, в английское и немецкое торгпредства². Видимо, в это же время картины Борисова ушли из постоянной экспозиции Галереи и Русского музея.

В августе 1934 г. состоялась посмертная выставка художника в Москве, в Третьяковской галерее. После этого его выставки проходили преимущественно в северных регионах. К 100-летию юбилею в 1966 г. они открылись в Вологде и Архангельске, после – уже в 1990-е гг. – вновь в Архангельске (1991) и в Горках Ленинских (1996). Постепенно, с 1950-х по 1980-е гг., вышло несколько книг о художнике, которые ввели в научный оборот

¹ Переписка Государственной Третьяковской галереи о выставках // ОР ГТГ. Ф. 8. П. Ед. хр. 573. Л. 4.

² Одна из них, «Горы Вильчека при вечернем освещении в половине сентября (Маточкин шар, Новая Земля)» (ГТГ, инв. № Ж-2544), считалась утерянной во время Великой Отечественной войны, но вернулась в Галерею в 2011 г.

основной известный сегодня объём материалов. Среди них особое место занимает работа его племянника – Николая Петровича Борисова: «Наивно полагаю, – писал он ещё в процессе подготовки издания, – что когда-то напишу книгу об А.Б. Поэтому собираю библиографию. Накопилось более 250 наименований, и ещё далеко не всё»¹.

2000-е гг. – день сегодняшний: возобновление интереса?

С начала 2000-х гг. северные регионы снова оказались в фокусе внимания социальной и экономической политики. Вместе с тем активизировались и изменения культурного арктического ландшафта. Не просто «певец», но в какой-то степени «заложник» северных льдов опять вышел на первый план. Так, в 2001 г. усадьба А.А. Борисова была передана Государственному музейному объединению «Художественная культура Русского Севера». После ремонта в ней открылся музей «Дом-усадьба художника А.А. Борисова». В 2002 г. состоялась первая выставка в Музее художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова. В 2016 г. вышли в свет новые книги о художнике и была проведена международная научная конференция «Российский Север и Арктика: история, традиции, образы», посвящённая 150-летию со дня рождения А.А. Борисова. Одновременно выросло количество культурных проектов, родившихся в сотрудничестве России и Норвегии. Недавнее появление картины «В области вечного льда. Лето» на выставках («Изображая Россию» в парке «Зарядье» в Москве, выставки русского искусства из собрания Третьяковской галереи в Осло) спустя 80 лет хранения в запасниках и сопровождающий её интерес свидетельствуют о большом потенциале «возвращения» Борисова в сферу внимания профессионалов и широкой публики.

Особенности художественного метода

Интерес к Борисову, безусловно, был и остаётся связан с вниманием к Северу, которому художник посвятил основную часть своей жизни. Вместе с тем такая глубокая погружённость Борисова в тему заставляла современников задуматься над балансом двух его «ролей»: художника и исследователя (географа, этнографа, организатора экспедиций, автора экономических проектов). Борисов выстроил более тесные и близкие отношения с художниками старшего поколения и оказался не очень принят в кругу более молодых деятелей Серебряного века. Отчасти это можно объяснить отсутствием у Борисова интереса к современным ему художественным проблемам и вопросам и более консервативными, чем у его

¹ Н.П. Борисов – В.А. Васнецову. 16 февраля 1975 г.: ГТГ. Архив квартиры-музея А.М. Васнецова. НВФ-18641.

ровесников, представлениями о живописи. Вероятно, такой подход был обусловлен той прочной связкой, в которой находились для Борисова эстетические проблемы и научная (или исследовательская) этика.

Современники сравнивали художника с В.В. Верещагиным и К.А. Коровиным, и это сравнение, безусловно, оправданно. Но Борисов, в отличие от них, целиком посвятивший себя Северу, предложил новый вариант его презентации, осмысления и воплощения на живописных полотнах.

Постараемся суммировать некоторые особенности искусства А.А. Борисова, которые позволяют его произведениям завоёвывать внимание и интерес новых зрителей. Изображая пейзажи неизвестного края, художник стремился создать живописно целостный образ, в котором бы соблюдалась фактологическая точность и передавались живые впечатления, эмоциональное состояние наблюдателя. Работая в сложных условиях, Борисов был верен пленэрной живописи (для сравнения: Юлиус Пайер, считавшийся главным «ледописателем» до Борисова, создавал свои произведения уже по возвращении из экспедиций, в мастерской). Главной интонацией искусства русского художника стало уважение к Северу – он увидел в нём равноправную цивилизацию¹. Вероятно, это было и результатом его личного отношения к почти очеловеченной им природе, и следствием тех уроков, которые Борисов получил от Куинджи, – внимания к природе, восприятия её не как места обитания человека, но как космического, надчеловеческого пространства. Отсюда же рождался и его уважительный интерес ко всем особенностям жизни обитателей Севера – и в живописи, и в текстах книг он создаёт образ местных жителей не как этнографическую диковинку, а как портрет человека, с которым нужно говорить на равных.

«В них [картинах] ярко выражена любовь этого русского Нансена к чёрной воде океана с белыми льдинами, свежесть и глубина северных тонов, то мрачных, то озарённых резким светом низкого солнца»². Из этой любви, неравнодушия А.А. Борисова к Северу (проявившегося в совершенно разных аспектах его деятельности), должно быть, и проистекает привлекательность произведений художника для зрителей.

¹ См. подробнее: Фельдт И.Н. Становление творчества А.А. Борисова в контексте тенденций развития пейзажа конца XIX – начала XX века // Александр Борисов – художник и гражданин. Всероссийская конференция: доклады, сообщения, 15–16 ноября 2016 года. Архангельск, 2018. С. 4–13.

² Борисов. Художник вечных льдов. С. 67.

ГОЛОВНИН П.А.

Исследователь Арктики – художник
Александр Борисов

P. GOLOVNIN

Arctic explorer – an artist Alexander Borisov

Сведения об авторе:

Головнин Пётр Андреевич, директор Ассоциации «Русско-Японский центр по науке и культуре» (Санкт-Петербург)
peter-15g@mail.ru

Author:

Petr Andreevich Golovnin, Director of the Association «Russian-Japanese Center of Science and Culture» (St. Petersburg)
peter-15g@mail.ru

Аннотация

По документам Рукописного отдела Института русской литературы и словесности (РО ИРЛИ) и Российского государственного исторического архива (РГИА) представлены ранее не опубликованные материалы о деятельности художника А.А. Борисова: автобиографические данные, свидетельство о браке, подготовка к экспедициям на Новую Землю, переписка о подготовке к выставкам картин, условия содержания и финансовые обязанности, деятельность после революции, участие в разработке проекта Приполярной железной дороги и курорта Солониха.

Abstract

An article contains the documents of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and Literature and the Russian State Historical Archive, these are previously unpublished materials about the activities of the artist A.A. Borisov. There are presented: autobiographical data, marriage certificate, preparation for expeditions to Novaya Zemlya, correspondence about the preparation for exhibitions of paintings, conditions of detention and financial responsibilities, activities after the Revolution, participation in the development of the project of the Circumpolar Railway and the Solonikha resort.

Ключевые слова:

А.А. Борисов, художник, Арктика, Новая Земля, картина.

Keywords:

A.A. Borisov, painter, the Arctic, Novaya Zemlya, picture.

*Тщетно, художник, ты мнишь,
что своих ты творений создатель...*

А.К. Толстой, октябрь 1856 г.

Александра Алексеевича Борисова называли «русским Нансеном» (рис. 1). Это связано с тем, что он был не только художником, но и путешественником. При этом он путешествовал много и побывал в тех местах, которые запечатлел на своих полотнах. Борисов (рис. 2) первым из русских живописцев отправился в арктическую художественную экспедицию и начал писать северные пейзажи, внёс значительный вклад в разработку вопросов транспортно-экономического освоения Севера. На Новой Земле он жил под 73-м градусом широты – дальше (и позже) него в Арктику из художников проникли только Николай Пинегин и Степан Писахов.

Рис. 1. А.А. Борисов. Фотография из открытых интернет-источников

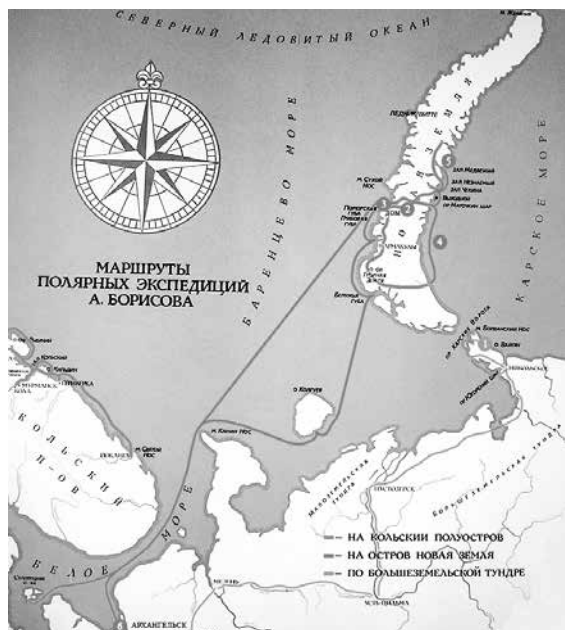

Рис. 2. Карта маршрутов полярных экспедиций А.А. Борисова. Изображение из открытых интернет-источников

Александр Алексеевич родился 2 ноября 1866 г. в деревне Глубокий Ручей Вологодской губернии в крестьянской семье. Семнадцати лет бежал из дома в Соловецкий монастырь, где работал на рыболовной тоне в одном из скитов, но вскоре устроился учеником в иконописную мастерскую. Архимандрит монастыря, увидев его карандашные рисунки, увёз юношу в главную обитель, где Александр обучался рисованию и иконописи. На его работы обратили внимание посетившие монастырь президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович и любитель живописи генерал А.А. Боголюбов. Они помогли Александру: ему была выделена стипендия, и 20 сентября 1886 г. он приехал в Санкт-Петербург.

За период обучения в Академии художеств (1888–1892) творческие достижения Борисова были отмечены двумя малыми и одной большой поощрительными серебряными медалями¹. За «хорошие успехи в художественных классах» Совет Академии удовлетворил просьбу Борисова,

¹ Жизнеописание А.А. Борисова, 1930 г.: Рукописный отдел Института русской литературы и словесности (далее – РО ИРЛИ). Ф. 676. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

и с июня 1892 г. ему назначили стипендию «как государственному крестьянину». В 1895 г. Борисов занимался в мастерской И.И. Шишкина, а через год после его ухода из Академии – у А.И. Куинджи.

С малых лет Александр мечтал о полярных странах и о полярных путешествиях; будучи ещё учеником Императорской Академии художеств, он неоднократно побывал на Белом море и Мурмане. Летом 1894 г., во время путешествия от Архангельска до Тронхейма (Норвегия), он был представлен председателем Мурманского пароходства М.И. Кази министру финансов С.Ю. Витте и сопровождал его на пароходе «Ломоносов» в поездке по Северу. В обязанности Борисова входили зарисовки гаваней и бухт Мурманского побережья¹. В 1895 г. А.А. Борисов описал эти знаковые события своей юности в ответном послании на письмо П.П. Семёнова-Тян-Шанского, почётного члена Академии художеств и вице-президента Императорского Русского географического общества (ИРГО). Примечательно, что с письмом Борисов отправил и номер журнала «Рассвет», в котором высказал «мысль о северном отделе в музее Александра III» и просил её поддержать².

В 1896 г. А.А. Борисов побывал на Новой Земле и из поездки привёз около 150 этюдов, часть которых экспонировалась в 1897 г. на академической выставке в Петербурге. Эти работы вызвали восхищение В.М. Васнецова и В.В. Стасова. П.М. Третьяков приобрёл для своей коллекции работы Борисова на 10 000 руб. (для Московской галереи).

Об этом путешествии А.А. Борисова сохранились любопытные свидетельства в его письмах к современникам. Например, начало поездки было омрачено аварией парохода. Этой новостью он поделился в письме к А.И. Куинджи 28 февраля 1896 г. (из Бергена): «Добрейший Архип Иванович! Слава Богу, одна опасность миновала. 24 февраля 1896 г. пароход Архангельско-Мурманского товарищества “Королева Ольга Константиновна” отправился из Ньюкасла в Колу, но по дороге потерпел аварию и должен был зайти в Берген для составления акта и для поправки парохода в доке. В 230 милях от Ньюкасла и от берега начался шторм»³. А.А. Боголюбову 13 июля 1896 г. он писал о прибытии на архипелаг: «Добрый Благодетель! Вот я и на Новой Земле, погода по прибытии парохода около 8 часов вечера 12 июля была очень хорошая, а сегодня, напротив,

¹ О пособии художнику Александру Борисову, 1891 г.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 560. Оп. 26. Д. 91. Л. 114.

² Письмо А.А. Борисова к П.П. Семёнову-Тян-Шанскому, 1895 г.: РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

³ Письмо А.А. Борисова к А.И. Куинджи, 28 февраля 1896 г.: Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

очень скверная и дождливо-туманная. Если я напишу картину полного солнечного затмения, то это будет такая прелесть и вместе с тем такая ценность, что которой никто никогда не видывал»¹.

По поводу солнечного затмения А.А. Борисов отчитывался перед профессором, руководителем экспедиции Казанского университета, астрономом Д.И. Дубяго: «Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, простите меня, что всё так вышло глупо с моей стороны. Я обещал вам написать для обсерватории за 200 рублей картину “Солнечное затмение на Новой Земле 28 июля 1896 года”, но у меня положительно не было времени². То писал я конкурсные вещи, то различные поездки на Север не позволили мне заняться этим. Я хотел написать без всякого вознаграждения, а просто в дар обсерватории, уважая Вас. Теперь я предпринимаю длинную экспедицию на дальний Север, для чего министр финансов дал мне с Высочайшего соизволения 26 000 рублей, да к этим деньгам прибавлю своих 4000 рублей. Предполагаю на Северном острове пробыть 2,5 года. Цель экспедиции главным образом художественная, но мой капитан будет делать определения астрономических пунктов, команда – производить метеорологические наблюдения, а два моих самоёда будут следить за промыслами, и, таким образом, практически можно определить промышленное значение этого края. Теперь я еду на остров Вайгач с целью тренировать себя для моей экспедиции. Зная, что воспроизведение картины будет отложено ещё на неопределённое далёкое время, я решился послать вам эскизы солнечного затмения и этюд с Новой Земли из Маточкиного Шара. Место это Вам знакомо – Вы были там. Все другие этюды Новой Земли забрал Третьяков для своей картинной галереи в Москве. Через 2 недели я буду уже в городе Пинеге, через три – в Усть-Цильме. Честь имею быть вашим покорным слугою, художник А. Борисов»³.

Примечательно, что уже в это время он планировал следующую поездку и обращается к вице-председателю ИРГО П.П. Семёнову-Тян-Шанскому (21 ноября 1897 г.): «Милостивый Государь Пётр Петрович, представляю краткий план экспедиции на Север на судне 40 тонн, если ИРГО пожелает возложить на меня какие-либо задачи, я готов их исполнить; покорнейше прошу дать мне какие-либо специальные указания и не отказать в своём покровительстве и поддержке»⁴.

Интерес к работам А.А. Борисова со стороны П.М. Третьякова был так велик, что он даже просил художника уговорить нескольких покупателей,

¹ Письмо А.А. Борисова к А.А. Боголюбову, 13 июля 1896 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

² Картина была написана позже – в 1904 г.

³ Письмо А.А. Борисова к Д.И. Дубяго, 1896 г.: Там же. Д. 78. Л. 1–2.

⁴ Письмо А.А. Борисова к П.П. Семёнову-Тян-Шанскому, 21 ноября 1897 г.: Там же. Д. 81. Л. 1.

которые приобрели его этюды прежде коллекционера, уступить эти работы ему. Но и другие коллекционеры желали сохранить у себя свои приобретения. А.А. Борисов уведомил П.М. Третьякова в письме от 27 ноября 1896 г.: «Добрый Павел Михайлович, письмо ваше получил 24 ноября, а выставка наша закрылась только 26-го числа. Отвоевать из проданных ранее этюдов удалось только один, с оленем № 35, а два другие я не мог, т. к. владелец их ни за что не соглашался уступить; один тот, который купил этюд полярной ночи под № 25 и говорит, что он купил по поручению из Москвы и описал сюжет и что он уже об этом известил в Москву, а поэтому он не может согласиться на предложенные условия. Второй, некто Лампе, говорит, что ему этот сюжет очень понравился и что он на какой-либо другой, хотя бы и более лучший и более дорогой, меняться не будет. Что же касается этюдов Вами приобретённых, то вы не беспокойтесь, всё будет приведено в порядок»¹.

7 июня 1897 г. А.А. Борисов, чтобы исполнить намеченные планы, составил проект своей северной экспедиции и представил его С.Ю. Витте, который, в свою очередь, подал его на рассмотрение Государя Императора. В рапорте С.Ю. Витте указано, что художник собирается на Печору и на Вайгач, а потом на Новую Землю. По его расчётам, это обойдётся, с постройкой дома на Новой Земле, в 14 000 рублей – он имеет своих 6000 рублей и просит ещё 7–8 тысяч рублей на поездку, которая предполагается в 1897–1901 гг.

Приведём фрагмент из прошения А.А. Борисова, в котором он описывает, что за работы он намечал на эти годы.

«По окончании конкурсных работ в Императорской Академии наук в ноябре 1897 г. я отправляюсь на Мурман, или в Печорский край, и там проведу всю зиму 1897–1898 гг.; весной же 1898 г., т. е. в марте или в апреле, думаю поехать на остров Вайгач на моржовые или другие промыслы. Здесь я думаю прожить всё лето, так как буду иметь весьма много материала для живописи из жизни самоедов, звериных промыслов и полярной природы. В конце лета 1898 г. я возвращаюсь в Архангельск и приступаю к постройке судна, с помощью которого мог бы переехать из становища Маточкин Шар на Карскую сторону. Судно это должно быть палубное, небольших размеров, должно везти нас 5 человек, собак, избу, провизию и топливо. Судно будет построено под наблюдением капитана С.В. Постникова и в июне 1899 г. отправится на Новую Землю. Сам поеду на пароходе Мурманского товарищества, а судно собираюсь поставить на палубу парохода, или оно может быть буксировано. Для управления судном думаю взять капитана с жалованием в 50 рублей в месяц и ещё одного матроса-гарпунёра, затем я сам и двое самоедов – все мы будем исполнять обязанности

¹ Письмо А.А. Борисова к П.М. Третьякову, 27 ноября 1896 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

матросов. Попав на Новую Землю, в становище Маточкин Шар, моей первой задачей будет спешить пробраться на Карскую сторону и поставить уже заранее срубленную избу при выходе из пролива Маточкин Шар в Карское море. Если пролив будет свободен ото льда, то пароход может меня провезти до Моржового мыса и только здесь выгрузить. Построенная изба остаётся во владении самоедов и других промышленников.

Самоеды мне неоднократно жаловались, что они охотно бы оставались на зиму на Карской стороне, так как там больше медведей и другого морского зверя и даже оленей; но там нет избы. На Карской стороне думая перезимовать, в случае появления скорбута или какого-либо другого несчастья мы без особого труда можем достигнуть на собаках сначала становища Маточкин Шар, а потом и становища Малые Кармакулы. Корову и оленей я привезу из Архангельска на пароходе и оставлю в Малых Кармакулах под наблюдением отца Ионы. Если моё здоровье и выносливость, а также моих людей позволит, тот я останусь ещё на 1900–1901 гг.

Все расходы по снаряжению этой поездки будут стоить около 7–8 тысяч рублей. Целью моей поездки в эти 3–4 года собрать как можно больше материала, т. е. этюдов, эскизов и картин, и устроить в Санкт-Петербурге выставку, где дать полную картину нашего Севера. Если выставка будет удачна и будет иметь успех, то я думаю устроить также выставку в Париже». На этом проекте художника, направленном в Министерство финансов, есть помета: «Высочайшее соизволение последовало 13 июня 1897 года. Петергоф»¹.

Министр финансов статс-секретарь С.Ю. Витте отмечал: «В 1895–1896 гг. Борисов был на Мурмане и на Новой Земле, где написал более 100 этюдов, большая часть которых приобретена Третьяковым для художественной галереи Москвы. Я знаю Борисова как талантливого художника, весьма достойного, предприимчивого человека и знатока нашего Севера и полагаю, что поездка его может быть весьма плодотворна в художественном отношении, а равно может облегчить путь нашим поморам, желающим промыслять у берегов Новой Земли. Предлагаю оказать Борисову поддержку выдачею просимого им пособия в 8000 рублей»².

Скорректированный и доработанный общий план экспедиции на Север был доложен А.А. Борисовым министру финансов 8 декабря 1897 г. Приведём текст документа.

«Выезжая из Санкт-Петербурга через 2 недели и сделав распоряжения в Красноборске на Северной Двине по вырубке леса для постройки

¹ Письмо А.А. Борисова к П.М. Третьякову, 27 ноября 1896 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

² О пособии художнику Александру Борисову: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 91. Л. 2–6.

дома на Новой Земле, я направляюсь в Архангельск, откуда в конце декабря или в начале января поеду на Среднюю Печору в Усть-Цильму, с тем чтобы, продолжая путь вниз по реке, оставаться некоторое время в Пустозерске или Купе, там пробыть до промыслового времени и затем в марте или в апреле вместе с промышленниками перебраться в Хабарово (Югорский Шар), где и проведу всю весну и лето. Зимой 1898 г. вернусь в Архангельск. После этих подготовительных работ, с открытием навигации 1899 г., я приступлю к главной задаче – поездке на Новую Землю на собственном парусном судне типа норвежской промысловой яхты, остановиться на берегу Маточкина Шара при выходе из него в Карское море и поставить там дом и далее отправиться вдоль восточного берега Новой Земли на север, пока это будет возможно, чтобы небольшими складами продовольствия подготовить путь для экспедиции 1900 г. Весной 1900 г. я тронусь на собаках по берегу или по льду, достигну мыса Желания, а к зиме 1900–1901 гг. снова возвращаюсь на место первой зимовки к Маточкину Шару. Весной 1901 г. окончательно вернусь в Архангельск.

Цель поездки: 1) в эти 3–4 года как можно больше собрать художественного материала; 2) определить практическое значение этой части Карского моря и Новой Земли, в каком количестве водится в реках голец и определить его возможность на экспорт; 3) определение астрономических пунктов и простейшие метеорологические наблюдения – это составит обязанности капитана и команды. Главное богатство этого берега – промыслы белых медведей, шкуры которых весьма дороги (70–75 рублей). Один из самоедов за зиму 1896–1897 гг., которую провёл на Новой Земле, убил 10 медведей и видел их в большом количестве».

Смета предполагаемой экспедиции была представлена следующим образом: «Для продовольствования 9 человек в продолжение 29 месяцев потребуется 7500 рублей; необходима одежда: 16 малиц по 20 рублей; 24 пимов оленьих по 7 рублей; 40 пимов тюленьих и олени чулки к ним; 16 спальных мешков по 8 рублей; 16 непромокаемых пальто; фотографический аппарат, пластинки и прочее 700 рублей; ружья: 3 дробовых по 100 рублей; 7 винтовок по 60 рублей; холст, краски и прочее 2000 рублей; судно – 4000 рублей; жалование капитану за 29 месяцев по 80 рублей – 2320 рублей; трём матросам по 30 рублей в месяц – 2610 рублей; жалование повару по 25 рублей – 725 рублей; жалование двум самоедам по 500 рублей в год, итого 11 655 рублей; дом со службами обойдётся в 1800 рублей, потребуется: оленей 10 штук по 200 рублей, 20 собак по 15 рублей, содержание для них 800 рублей; дробь, порох, патроны, рыболовные снасти, сети и прочее 3000 рублей, итого 32 671 рубль.

Я имею своих 6000 рублей, теперь даже 7000 рублей, кроме этих денег, я получил от Сергея Юльевича 8000 рублей, значит, теперь у меня всего

15 000 рублей, мне ещё недостаёт для приведения в исполнение экспедиции 17 671 рубль. На ходатайстве министра финансов подписано Высочайшее позволение от 13 декабря 1897 г. в Царском Селе на выдачу недостающих денег. Департамент Государственного Казначейства повелел отпустить по докладу от 13 декабря 1897 г. А.А. Борису на поездку 17 671 рубль с отнесением расхода на 12-миллионный фонд на экстренные расходы»¹.

А.А. Борисов начал готовиться к арктической экспедиции и предложил капитану Дмитрию Александровичу Воронину поехать с ним: «Если Вы согласны ехать за 50 рублей в месяц, то я вам пришлю рекомендательное письмо ко всем норвежским купцам от капитана Отто Свердруп, с которым я говорил в Санкт-Петербурге по этому поводу и который очень заинтересован нашей поездкой и чрезвычайно сочувствует. Вы выберете небольшое парусное судно и наймётесь в матросы на существующих условиях, имея рекомендательное письмо от Свердрупа, Вас с большим удовольствием примет любой судовладелец и будет вам содействовать всячески. Во всё время следите за определением астрономических пунктов по секстанту, присмотрите одного из норвежских матросов для нашей экспедиции с жалованием 25 рублей при всём готовом»².

А.А. Борисов сообщал об экспедиции 23 ноября 1898 г.: «...в декабре 1897 г. я выехал из Санкт-Петербурга в Архангельск, потом по Северной Двине в Красноборск (моя родина), чтобы подговорить там рабочих для вырубки и вывозки леса для постройки дома на Новой Земле и собрать сведения на путь долины реки Печора. В феврале 1898 г. я выехал на Печору, потом по реке Пинеге и от Усть-Цильмы до Пустозерска по реке Печоре. Из Пустозерска выехал 6 апреля на оленях, держа путь к Югорскому Шару, куда добрался 15 мая, делая переходы по 20–30 вёрст в день, питался сырым оленьим мясом. От Хайпудырской губы до Югорского Шара прошёл пешком на лыжах 200 вёрст, достигнув селения Никольское из 4 дощатых летних лачуг русских торговцев, часовни, церкви Сибирякова с церковным домом и 2–3 убогих амбаров и одного хорошего постройки Сибирякова, я остановился на некоторое время, чтобы напечь хлеба и приготовить сухарей для путешествия по Вайгачу. 23 мая я выехал отсюда с русскими торговцами, чтобы переехать по льду чрез пролив Югорский Шар и следовать дальше до северного конца острова Вайгач. 30 мая я был на Вороновом Носу, а 1 июня добрался и до северного Болванского Носа, 3 июня отправился обратно к Воронову Носу.

В 30–40 верстах от Долгой губы я посетил очень интересное священное место самоедов, которое до меня не было посещено ни одним

¹ Письмо А.А. Борисова к Д.А. Воронину, 1898 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77. Л. 2–4.

² Там же. Л. 1.

путешественником. Здесь я нашёл огромную груду диаметром в 5–6 сажень деревянных идолов с оленьими рогами и медвежьих черепов, огромные кучи якорей, цепей, взятых с судов, потерпевших крушение, обломки ружей, котелки и прочее. Это место я посетил 5 июня 1898 г. и захватил с собой целую коллекцию идолов и массу разных предметов из приношений самоедов святому месту – дому Хасею-бога. Отсюда я поехал к Югорскому Шару по припайному льду, в июне я снова приехал в село Никольское, где и провёл всё лето, в конце августа сел на пароход “Сергей Витте” и прибыл в Архангельск, привёз коллекцию птиц, их яиц и гнёзд для Зоологического музея Академии наук, привёз в дар Зоологическому саду живых белых полярных лисиц (песец) и живых белых полярных сов; привёз статистические данные относительно промыслов на реке Печора, написал масляными красками 70 этюдов, которые Сергей Юльевич пожелал видеть сам.

В настоящее время я хлопочу по снабжению экспедиции в 1899 г. на Новую Землю, лес для постройки дома вывезен, распилен на доски и брусья, с плотниками заключён контракт, по которому они обязаны срубить дом не позднее 1 мая 1899 г. Для судна разработаны чертежи специалистом-инженером и отданы для постройки по ним судна помору, капитану парохода “Ломоносов” С.В. Постникову¹.

3 февраля 1900 г. А.А. Борисов направил свой краткий отчёт о полярной художественной экспедиции 1899 г. министру финансов С.Ю. Витте: «Приехав в Архангельск с намерением отправиться оттуда к месту постройки моего судна, в село Колежму, я две недели просидел на месте в ожидании выхода парохода. Только в начале июня я попал в Колежму, где и прожил 2 недели, наблюдая за постройкой судна, и отправил его под надзором капитана в Соловецкий сухой док, чтобы там, на суше, прикрепить чугунный и железный кили, сам же отправился на 3 дня в Красноборск для погрузки на баржу и отправки в Архангельск дома, предназначенного для Новой Земли. В Архангельске я погрузил его на мурманский пароход “Владимир” и, взяв с собой часть запаса дров и провизии для 8 человек, отправился на этом пароходе на Новую Землю.

По прибытии 21 июля в Поморскую губу Маточкина Шара на Новой Земле лес был выгружен моими рабочими – 12 человек, которые получали по 1 рубль 30 копеек в день. Я не построил дом в этом году, потому что не хотел рисковать, напрасно возить 6–7 плотников и печников с платою по 40 рублей в месяц, ибо год был ледяной, одному лишь Кострову пришлось уплатить 1200 рублей за перевозку дома и части провизии из Красноборска в Архангельск. Мурманское пароходство отказалось

¹ Письмо А.А. Борисова к Д.А. Воронину, 1898 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77. Л. 29–37.

Рис. 3. Яхта экспедиции «Мечта» была изображена А.А. Борисовым на картине. 27 августа 1899 г. Изображение из открытых интернет-источников

дозволить пароходу пройти сквозь Маточкин Шар, и я принуждён был выгрузить лес не на Карской стороне, как это предполагалось, а в западном устье Маточкина Шара.

22 августа пришло из Соловков моё судно «Мечта» (рис. 3), и я отправился на нём вглубь Маточкина Шара с целью проникнуть в Карское море, куда мы пробрались 12 сентября, через два дня, выгрузив часть провизии, соль, порожних бочек для следующего года, отправились обратно на западную сторону. 16 сентября отправились с Новой Земли на материк и после 23-дневного перехода 9 октября достигли Архангельска.

Судно по морским качествам великолепно, в продолжение нашего пути в Белом море и в Ледовитом океане погибло более 10 судов, но мы, кроме сильной качки, не испытывали никакой опасности и нередко обходили поморские суда. В продолжение лета мною написано более 50 этюдов и эскизов масляными красками и собраны коллекции по геологии и естественной истории, сделаны поправки на картах Маточкина Шара»¹. Далее А.А. Борисов просил С.Ю. Витте: «Если Государь Император осчастливит меня, приняв мою картину, то не будете ли так добры, Ваше Высокопревосходительство, испросить у Государя Императора разрешения вывесить на раме картины, как это всегда делается, особый ярлык

¹ Письмо А.А. Борисова к Д.А. Воронину, 1898 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77. Л. 36.

с надписью Собственность Государя Императора. С величайшим чувством глубокой преданности честь имею быть покорнейшим слугою Вашего Высочайшего превосходительства. Художник А. Борисов. 15 марта 1900 г.»¹.

А.А. Борисов продолжал докладывать о ходе своей экспедиции. Он писал: «В начале 1898 года я отправился на Печору и о. Вайгач, здесь написал много этюдов, собрал коллекцию идолов для этнографического отдела музея Императора Александра III. В 1899 г. я отправился на своём судне “Мечта” на Новую Землю, в 1900 г. снова отправился на Новую Землю, вместе со мной отправился зоолог Харьковского университета Т. Тимофеев, гидролог, окончивший Санкт-Петербургский университет, А. Филиппов и рабочие: печники, плотники и другие. Кроме моего судна, было зафрахтовано парусное судно для перевозки дров, каменного угля и сена для коров.

Во второй половине августа дом был закончен, и мы на “Мечте”, 8 человек, пошли в Карское море с тем, чтобы при выходе из него следовать далее к северу и устроить склады продовольствия для предстоящего санного пути в 1901 г. Маточкин Шар был загромождён льдами, и 2 недели мы пробивались, судно было затёрто льдами, и мы покинули его, 27 сентября двинулись в путь. В ночь с 28 на 29 сентября мы потеряли всё: шлюпки, запасную одежду, обувь, этюды (50 штук), рисунки, коллекции и научные инструменты. У нас остался только один 8-футовый тузик, компас и 2 карты, 2 ружья и 180 патронов. Целую неделю мы питались только одним сырым тюленьим мясом и ворванью. В это время нас отнесло к югу более чем на 200 вёрст.

К величайшему счастью, мы попали на берег в том месте, где был чум самоедский, там мы жили 2 недели, починили одежду, отсюда нам предстояло сделать ещё 400 вёрст до нашего дома по необитаемой местности. 1 ноября мы, Слава Богу, попали в наш дом, зиму жили чудесно и много работали.

11 апреля мы с зоологом и двумя самоедами отправились на собаках в Карскую сторону и дальше к северу, приходилось идти пешком и помогать собакам, трудно было работать: краски мёрзли, палитру засыпало снегом, руки коченели до того, что пальцы не гнулись. Санный путь длился 106 дней, в это время я написал 200 рисунков и этюдов. Зоолог сделал съёмку неизвестных берегов и заливов и собирал коллекции по фауне и флоре, ловили рыбу и находили всюду множество гольца. В конце июля мы попали снова в наш дом.

30 августа сели на пароход “Пахтусов”, так как начальник гидрологической экспедиции Северного Ледовитого океана А. Вилькицкий и командир А. Варнек любезно предложили нам довести до Соловецкого острова,

¹ Письмо А.А. Борисова к Д.А. Воронину, 1898 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77. Л. 97.

куда пароход шёл для окраски в доке подводной части. Из Соловецкого монастыря мы, наконец, попали на монастырском пароходе в Архангельск 5 сентября 1901 г.

Теперь остаётся мне ещё поработать в мастерской 3–4 года, чтобы написать большие картины по собранным материалам (этюды, рисунки, эскизы, фотографии) и наконец осуществить свои давнейшие мечты – устроить свои собственные выставки. А. Борисов»¹.

Приведём также ещё один любопытный документ, дополняющий наши сведения об этой экспедиции А.А. Борисова. 11 января 1902 г. Тимофей Ефимович Тимофеев (проживал по адресам: Харьков, Кузнечная ул., д. 4; Санкт-Петербург, Подольская ул., д. 3, кв. 20) подал прошение в Министерство финансов. В нём он писал: «Принимая участие в экспедиции Борисова на Новую Землю, я состоял заведующим её научной части, которые выразились: 1) планы заливов и некоторых пунктов по берегам Карского моря; 2) метеорологические бюллетени станции на местах зимовки за год и наблюдения во время плавания на “Мечте” (рис. 4); 3) сведения о состоянии льдов у берегов Новой Земли; 4) геологические коллекции и наблюдения, касающиеся отчасти строения Новой Земли, и, главным образом, её история в позднейшую геологическую эпоху; 5) коллекции и биологические наблюдения по фауне и флоре суши и моря; 6) гербарий, собранный на Новой Земле.

Обработку материалов я предполагаю произвести таким образом: часть коллекции по геологии, фауне и флоре передать для определения специалистам в Императорской Академии наук Якобсону и Скорикову; мхи – Алексеенко, цветковые растения – шведскому учёному Отто Экстам в Стокгольм. На обработку материала потребуется не менее 2 лет, и прошу выдать мне пособие на 2 года по 150 рублей в месяц и 600 рублей одновременно для приобретения утерянных мною во время путешествия научных инструментов». 25 января 1902 г. Тимофей Ефимович получил уведомление, что государь Император повелеть соизволил выдать ему пособие одновременно 600 рублей и в течение 1902 г. – по 100 рублей в месяц»². 14 февраля 1903 г. А.А. Борисов получил сообщение от начальника канцелярии Министерства финансов А.И. Путилова, что Государь Император соизволил выразить желание, чтобы картина «Ледовитый океан в ночное время» была выставлена в Белом зале Зимнего дворца. Вместе с тем в том же зале должны быть выставлены эскизы, с которых предполагается написать картины для Его Императорского Величества. По докладу министра финансов

¹ Письмо А.А. Борисова к Д.А. Воронину, 1898 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77. Л. 102.

² Там же. Л. 106.

Рис. 4. Команда А.А. Борисова на яхте «Мечта». Фотография из открытых интернет-источников

предполагалось приобретение для Музея Александра III шести этюдов А.А. Борисова по цене 100 рублей за эскиз¹.

В марте 1903 г. император с императрицей осмотрели картины и эскизы художника А.А. Борисова из жизни и природы Крайнего Севера, и было выражено желание, чтобы Борисов написал картину, изображающую разбитую лодку на Новой Земле. Этот заказ был им выполнен. Подробные сведения о желании самодержца приобрести работы художника содержатся в записке, датированной 31 мая 1904 г.: «После первой вашей экспедиции на Новую Землю, в 1900 г., Вы поднесли Государю Императору картину “Материковый лёд”, затем, в 1902 г., последовало Высочайшее повеление об отпуске 30 000 рублей на расходы и с тем, чтобы Вы написали ещё 5 картин. В начале 1906 г. Государю Императору была представлена картина “Ледовитый океан в ночное время” и ещё одна картина, изображающая разбитую лодку на Новой Земле. Таким образом, Вы исполнили 2 картины, и остаётся исполнить ещё три, предполагается приобрести за 32 000 рублей 80 картин-этюдов в 1914 г.»².

¹ Письмо А.А. Борисова к Д.А. Воронину, 1898 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 77. Л. 109.

² Там же. Л. 131–200.

Одним из главных результатов экспедиций А.А. Борисова стали сотни эскизов и этюдов, которые легли в основу монументальных полотен, созданных художником по возвращении с Новой Земли. Работы живописца, экспонировавшиеся на весенних петербургских выставках 1900–1905 гг., привлекли внимание ценителей искусства не только в России, но и за рубежом. В 1902 г. по приглашению Венского общества художников А.А. Борисов провёл выставку своих работ в Вене. Её успех позволил ему экспонировать свои работы в Берлине, Гамбурге, Кёльне, Дюссельдорфе и Париже. Отечественная и зарубежная общественность очень интересовалась экспедициями, картинами и выставками, и Борисов из Парижа просил: «Спросить Боцановского, чтобы он написал Александру Михайловичу Филиппову, чтобы тот немедленно прислал мне свою карточку по адресу: Paris 39 avenue de l'Opera hotel Bellevue; очень просит её здесь один весьма распространённый журнал “Я всё знаю”, который непременно желает поместить его портрет, как участника моей экспедиции»¹. После выставки в Париже французское правительство наградило художника орденом Почётного легиона.

В 1907 г. в Лондоне выставку А.А. Борисова посетил знаменитый полярный исследователь Фритъоф Нансен и вручил художнику от имени правительств Швеции и Норвегии орден Святого Олафа, а британское правительство наградило художника орденом Бани. В начале 1908 г. А.А. Борисов приехал в США. Выставка его картин в Вашингтоне была проведена в Белом доме, и Борисов стал первым русским художником, принятым Президентом США. Вернувшись в Россию, он поселился на родине, близ Красноборска. В последующие годы художник создал произведения, посвящённые не только Арктике, но и Соловкам, Печоре, северо-двинским землям.

Следует отметить, что в 1906 г. А.А. Борисов принял активное участие в создании «Северного кружка любителей изящных искусств», участвовал в разработке устава, а затем – в организации всех выставок кружка (вплоть до 1919 г.).

В эти же годы А.А. Борисов готовил свою большую выставку на родине. Читаем в письме от 16 ноября 1908 г. (художник писал сыну Л.Н. Толстого): «Дорогой граф Лев Львович! Получил ваше любезное письмо, где вы извещаете меня о вашем весьма важном свидании с князем Васильчиковым (предстоящем). Меня очень интересует, что он окончательно ответил вам и как ваше дело с экспедицией. Я недавно вернулся из Москвы и послезавтра уезжаю к себе на родину с тем, чтобы пробыть там две недели и затем уже ехать в Алупку для заключения контракта

¹ Письмо А.А. Борисова к Е.К. Сувориной, 1907 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Ф. 439. Оп. 2. Д. 67. Л. 1.

по устройству выставки моих картин. Не будете ли добры и не достанете ли мне от вашего папы Льва Николаевича к его друзьям в Америке письма. Такое письмо, я думаю, имело бы для меня огромное значение. Также очень прошу передать вашему папе прилагаемую при сём мою книгу. Преданный вам А. Борисов. Низкий поклон княгине. Чтобы не утруждать вас с передачей книги, я уже просил Девриена (издателя этой книги) переслать её Льву Николаевичу»¹.

В 1909 г. важное событие произошло в жизни А.А. Борисова – он наконец решил жениться. Церемония состоялась в Берлине. В свидетельстве, которое он получил, значилось: «В метрической книге Князь Владимирской Посольской в Берлине церкви за 1909 год во 2-й части о бракосочетаниях под № 4 записано: 1909 года января 30 дня художник Александр Алексеев Борисов, православного вероисповедания, 42 года, обвенчан первым браком со вдовою, по законам страны, профессора Королевского Берлинского Университета Матроною Дмитриевною Заблудовской, рождённой Дмитриевой, православного вероисповедания, 51 год, второбрачною. Таинство брака совершал священник Николай Сахаров с диаконом Петром Горючко и псаломщиками Мстиславом Тихонравовым и Ильёю Смирновым. Поручателями были: по жениху: коммерции советник Юлий Генрих Циммерман и доктор медицины Франц Кирхберг; по невесте: кандидат естественных наук Василий Константинович Канчев и канцелярский чиновник Магистрата Вильгельм фон Лильстрём. Берлин февраля 12/25 дня 1909 г.»².

Среди документов РО ИРЛИ сохранились материалы, свидетельствующие о том, что А.А. Борисов в начале 1910-х гг. занимался не только организацией выставок, но и благотворительной деятельностью. Так, например, в одном из них читаем: «В ночь с 7 на 8 июня 1910 г. город Красноборск постигло страшное несчастье – пожар, уничтоживший в течение 6–7 часов 64 жилых дома и массу надворных построек. Многим из жителей, особенно бедным, ввиду отсутствия посторонней помощи, не было никакой возможности спасти своё имущество, и они остались не только без крова, но и без куска хлеба, ввиду чего Комитет обращается ко всем сочувствующим сему великому несчастью протянуть руку помощи неимущим, памятуя, что “рука дающего не оскудеет”. Пожертвования просят направлять на имя Комитета в город Красноборск»³.

Уже из Красноборска А.А. Борисов писал М.А. Криличевскому 10 ноября 1914 г., продолжая заниматься судьбой своих картин:

¹ Письмо А.А. Борисова к Л.Л. Толстому, 1908 г.: РО ИРЛИ. Ф. 303. Д. 186. Л. 1–2.

² Свидетельство о браке А.А. Борисова: Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2.

³ Борисов А.А. Воззвание Комитета по приёму и распределению пожертвований в пользу бедных погорельцев г. Красноборска, 25 сентября 1910 г.: Там же. Д. 37. Л. 1–2.

«Прошу поместить в “Речи” через Гессена моё прилагаемое письмо. В Совет Министров представлено было письмо Товарища Управляющего Музея Александра III графа Д.И. Толстого, в котором говорится, что коллекция северных картин А. Борисова не нужна для Музея Александра III, ни для художественного, ни для этнографического отдела. Между тем в 1905 г. граф Толстой покупал у меня всю эту коллекцию, и не в количестве 80 штук, а в количестве 100 штук, но мы тогда не сошлись в цене. Граф говорил, что нет денег, тогда он находил её очень интересной, а теперь – нет. Почему такая перемена? Что скажет на это граф Толстой? По его же желанию, я в 1905 г. в залог Музея выставял всю мою коллекцию, её обозревал и Его Императорское Высочество Великий князь Георгий Михайлович, Августейший Управляющий Музеем, причём Великий князь выразил графу Толстому, что нужно приобрести для Музея всё это»¹.

Активная переписка по поводу картин А.А. Борисова продолжалась и в последующее время. Приведём фрагмент ещё одного документа 1914 г., автором которого был художник. «В 1896 г. я поехал устраивать выставки в Вене и Лондоне. Приехал ко мне на выставку С.В. Р. и выразил сожаление, что коллекция моих этюдов погибает. Был Председатель Императорского Общества Архитекторов Китнер и ругает, зачем я продаю свою коллекцию, она должна быть достоянием государства. Были члены Государственной Думы и также выражали сожаление, что коллекция погибает, ей место в музее Александра III и в ИРГО, часть должна быть даже в Морском музее, дабы наши моряки могли знакомиться с льдами и с той мало доступной местностью, в которой они ещё не бывали. Они могут наглядно видеть, что такое льды торосовые, льды глетчерные, какая их форма, какой цвет, какие льды очень опасны для плаванья судами и какие менее опасны, о какой лёд разбился “Титаник” и т. д. Какие признаки берегов Новой Земли и Вайгача или Большеземельской тундры. Всё это изучив и хорошо ознакомившись в огромном помещении Морского музея или Этнографического отдела, наши моряки отправятся в эту terra incognita уже не с такими завязанными глазами, как если бы они пошли туда в первый раз, не имея даже никакого представления, хотя бы по картинам.

Везде, в самом деле, как существует мир, ещё не было ни в одном государстве того, чтобы была снаряжена специально художественная экспедиция в полярные области; и не было ни в одном государстве такого художника, который бы так полно изобразил и представил в картинах полярный снег. Без сомнения, я думаю, что если бы в каком-нибудь

¹ Письмо А.А. Борисова к М.А. Криличевскому, 10 ноября 1914 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

другом государстве было бы нечто подобное, то, конечно, всё это было бы приобретено государством.

В Третьяковской галерее есть особая комната, где собраны все мои работы в количестве 70 вещей. Я умру, но картины мои останутся, и люди будут смотреть на них уже глазами объективными, беспристрастно, они, безусловно, будут высказывать с чувством удовлетворения своё удовольствие, что эти картины были тогда приобретены для музея и сохранялись для потомства, для Родины. Если купит Государство, хотя бы даже ИРГО, эти картины не погибнут бесследно для Отечества, пройдут года, и время укажет их поместить: или в Картинную галерею музея Александра III, или в провинциальные музеи нашего необъятного Отечества, или в этнографический отдел музея Александра III»¹.

Картины А.А. Борисова имели большой успех, и сохранились письма, свидетельствующие об этом. Так, например, художник получил письмо: «Милейший мой Александр Алексеевич, генерал-лейтенант Татищев говорил мне о картине. Картину от Арефьева получил после долгих писаний, она висит у меня и украшает мою комнату. С 15 июля 1912 г. я в Париже уже 2 недели, а в Лозанне я был только 3, потому что с Жан я имел большой скандал, она была большая дура и злая, что прямо невозможно»².

В феврале 1914 г. художник организовал и провёл большую выставку своих работ в Петербурге. Свои дневниковые записи А.А. Борисов использовал для подготовки книги путевых очерков. Его книга «У самоедов. От Пинег до Карского моря» была роскошно издана А.Ф. Девриеном в 1907 г.³ В издание вошли 36 репродукций работ А.А. Борисова, блестяще исполненных в Лейпциге. На обложке – дружеский шарж на Борисова, выполненный одним европейским художником. О ходе основной экспедиции, предполагавшей зимовку на Новой Земле и исследования неизвестных территорий восточного побережья, А.А. Борисов рассказал в своей следующей книге «В стране холода и смерти»⁴. Художник также хотел перевести свои сочинения о полярной экспедиции на английский язык и обратился к известному переводчику В. Верблочкиму. Сохранился документ, в котором прописаны условия их соглашения.

¹ О приобретении картин А.А. Борисова Музеем Александра III, 1914 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

² Письма А.А. Борисову: Там же. Д. 121. Л. 1.

³ Борисов А.А. У самоедов: от Пинег до Карского моря: пут. очерки с автобиогр. заметкой и с 36 снимками с картин автора, из которых 15 в красках. СПб., 1907. 104 с., 1 л. портр., 35 ил.

⁴ Борисов А.А. В стране холода и смерти: Экспедиция худож. А.А. Борисова. СПб., 1909. 68 с., 10 ил.

«Прошу вас сделать перевод с моих рукописей о моём полярном путешествии на английский язык на следующих условиях: после того как я, Борисов, заключу контракт и подпишу его с издателем моей книги и после того как я, Борисов, получу с него, издателя, часть гонора не менее $\frac{1}{3}$ всей условленной суммы между мною и издателем за исключительное право печатать мою книгу с репродукциями моих картин на английском языке для Англии и Америки с их колониями я, Борисов, обязуюсь вступить с Вами, Верблоцким, в нижеследующее условие. Когда будет сделан вами весь перевод, необходимый для книги по заключённому контракту между мною и издателем, и когда этот перевод будет одобрен издателем, я, Борисов, буду должен уплатить Вам за перевод рукописи $\frac{1}{10}$ часть того, что я, Борисов, получу с издателя, если перевод будет Вами закончен весь. Если перевод Вами не будет закончен до конца, я, Борисов, Вам ничего не плачу и Вы не имеете права ничего с меня требовать, Вы не имеете права давать разрешение на печатание перевода или оригинального текста описания моего путешествия, как равно не имеете права давать перепечатывать и виды с моих картин. Если я своё вышеупомянутое право продам за 6000 гиней, то Вам заплачу 600 гиней»¹. К сожалению, документы умалчивают, был ли выполнен перевод. Но, как известно, на английском языке книга А.А. Борисова не публиковалась.

Затем А.А. Борисовым были написаны и другие книги, посвящённые природным богатствам Мурманского края и бедственному положению коренного населения². В своих научных докладах и проектах он исследовал экономическую жизнь Севера, высказывался о необходимости строительства Северного железнодорожного пути и соединения северных и сибирских рек каналами. В 1915–1916 гг. А.А. Борисов разработал проект Обь-Мурманской железной дороги, строительство которой было поддержано императором, а также затем и советским правительством. Однако из-за Гражданской войны реализация проекта была отложена. А.А. Борисов продолжал заниматься проектом. Например, 5 июля 1918 г. он обратился к московскому инженеру путей сообщения Б.В. Беккеру: «Мною и норвежским подданным Эдвардом Ганневигом проектируется постройка ж. д. пути Обь – Котлас – Сорока, пароходство по рекам Обь, Иртыш, этот проект внесён на рассмотрение Правительства, просим Вас принять

¹ Письмо А.А. Борисова к Владимиру Верблоцкому, 1909 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–3.

² Борисов А.А. Великий Северо-Восточный путь. Великий речной путь из Сибири в Европу. СПб., 1910. 52 с.; Борисов А.А. Обь-Мурманская железная дорога. Пг., 1915. 24 с.

труд по подготовке необходимых нам сотрудников и уполномочиваем вас вести переговоры, с кем вы найдёте нужным»¹.

В 1920–30-е гг. А.А. Борисов принимал активное участие в разработке проекта железной дороги Обь – Котлас – Сорока, а в 1922 г. по его инициативе на базе соляного источника недалеко от Красноборска был открыт курорт Солони́ха, первым управляющим которого стал сам художник.

Творческое наследие А.А. Борисова обратило на себя внимание новых властей в 1918 г. Было принято решение о национализации его работ. Сохранился мандат, выданный 12 октября 1918 г. учителю 1-й гимназии Николаю Георгиевичу Бекряшеву, в котором указывалось, что уездный отдел народного образования командировывает его в Красноборск «для осмотра и приёма картин художника Борисова». 23 октября Н.Г. Бекряшева командировали в Алексеевскую волость Сольвычегодского уезда с целью перевозки картин в Великий Устюг «для помещения их в музей»².

А.А. Борисов в отчаянии обратился 9 января 1919 г. к В.И. Ленину, председателю Совнаркома: «По своему происхождению я крестьянин деревни Глубокого Ручья Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии, и на земле, доставшейся мне по разделу с братьями моими, мною был построен дом при деревне Городищенской, в 4 верстах от Красноборска, составлявший моё ателье. Здесь я обычно работал ежегодно с весны до глубокой осени, и проживает здесь моя семья, жена Матрёна Дмитриевна с малолетней дочерью Евгенией, здесь же хранятся мои картины. Я случайно узнал, что мои картины национализированы и увезены в Великий Устюг, и на меня начислен чрезвычайный налог 7000 рублей, и неуплата этой суммы грозит мне продажей остального моего имущества. Ввиду срочности моих работ в Комиссии по разработке проекта по сооружению Великого Северного Пути, прошу: 1) предписать местным Советским властям обеспечить моей семье и няне неприкосновенность, а также обеспечить их срочный переезд в Москву; 2) принять меры по охране моего художественного достояния и возвращению моего имущества; 3) обеспечить моим уполномоченным Глубоковскому и Семёнову надлежащие разрешения на срочный проезд их в деревню Городищенскую и обратно в Москву»³. Рассмотрев обращение А.А. Борисова, Совнарком направил его в Наркомат внутренних дел, где 30 января 1919 г. было издано постановление: «Ввиду жалобы

¹ Материалы по ж. д. «Великий Северный Путь», 1915–1930 гг.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Д. 38. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

³ Материалы по поводу национализации картин А.А. Борисова, 1918 г.: Там же. Д. 28. Л. 5.

Борисова о конфискации местными властями его ателье с имуществом Наркомвнудел предлагает вам немедленно принять меры к охране всех художественных ценностей Борисова и оказать содействие его семье и уполномоченным»¹.

Тем не менее в последующие годы положение художника оставалось сложным. Приведём фрагмент документа, составленного в Северном краевом исполнительном комитете Архангельского крайисполкома 6 мая 1930 г.: «Секретариат Президиума ВЦИК сообщает, что художник Борисов, проживающий в Красноборске, не только не получает надлежащей поддержки от местных органов советской власти, но подвергается всяческим утеснениям. Ему, его семье и прислуге в течение целого года не выдавались хлебные карточки, обсуждается вопрос об отобрании у него дома и мастерской с передачей дома под дом отдыха с/х коммуны. Секретариат сообщает, что изъятие имущества у художника не может иметь места без разрешения Президиума ВЦИК»². Дом художник сохранил. Но 17 августа 1934 г. А.А. Борисов скончался и был похоронен в Красноборске. Усадьба отошла государству, так как он не оставил завещания, его картины и документы, можно сказать, разбрелись по свету, так как о создании музея в то время не помышляли, а в доме разместили парашютную школу, затем – детский костно-туберкулёзный диспансер.

В настоящее время произведения Борисова хранятся в Третьяковской галерее, Русском музее, Музее Арктики и Антарктики, Архангельском областном музее, Вологодской картинной галерее, Ненецком краеведческом музее и других музеях России. В 1973 г. вышло Постановление Совета министров «О наименовании в честь полярного исследователя-художника А.А. Борисова безымянного полуострова, расположенного в восточной части Северного острова Новая Земля между заливами Чекина и Незнаемый». В 1974 г. в Красноборске был установлен бюст художника. Именем А.А. Борисова названы улицы в Архангельске, Красноборске и Великом Устюге. Теперь в Архангельске работает Музей художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова, входящий в состав Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», а в его доме разместился филиал музея «Дом-усадьба художника Борисова».

В память об А.А. Борисове Сергей Николаевич Беляев, врач курорта Солониha, написал балладу о художнике (1972):

¹ Материалы по поводу национализации картин А.А. Борисова, 1918 г.: РО ИРЛИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–7.

² О создании условий для работы А.А. Борисова, 1930 г.: Там же. Д. 29. Л. 1.

В том далёком, нами памятном году
Ещё каркали вороны про беду.
Солонихе имя вечное он дал,
Он о будущем для Севера мечтал.

Солониха – это соль, проступившая от пота,
Солониха – это солнце, всех согревшее заботой,
Это воздух чище хрустала,
Солониха – ты и я!

Был он крепок и кряжист, как в землю врос,
Не страшился ни в пургу и ни в мороз,
Вспоминают только ели да старик
Про борисовский бобровый воротник.
Много лет давно прошло уже с тех пор,
Полюбил весь Север наш сосновый бор,
О Борисове он память бережёт,
Жил и будет жить художник-патриот¹.

¹ Беляев С.Н. Баллада о художнике А.А. Борисове, 1972 г.: Там же. Д. 63. Л. 1–2.

ОРЛОВА О.В.

Образ Арктики в творчестве художников Республики Коми

O. ORLOVA

The image of the Arctic in the Visual arts of the Komi Republic

Сведения об авторе:

*Орлова Ольга Владимировна, заведующая музейно-исследовательским отделом
Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар)
leka-orlova@mail.ru*

Author:

*Olga Vladimirovna Orlova, Head of the Department of Museum and Research Work of
the National Gallery of the Komi Republic (Syktyvkar)
leka-orlova@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена трактовке мотивов северной природы современными художниками, посетившими Арктический регион в конце XX – начале XXI в.

Abstract

The article is dedicated to the interpretation of northern nature motives by contemporary artists who visited the Arctic region in the end of the 20th and the beginning of the 21th century.

Ключевые слова:

Арктика, современное искусство, образ Севера, Республика Коми, начало XXI в.

Keywords:

the Arctic, Contemporary Art, images of the North, the Republic of Komi, the beginning of the 21th century.

Познание провинциальной художественной культуры приобретает глобальное значение в меняющемся геополитическом пространстве. Образ Севера, «как виртуальное культурное наследие»¹, становится объективно востребован обществом.

Духовная особенность огромных северных пространств одухотворённого обитания неизменно привлекала художников. Богатейшие запасы минеральных ресурсов, романтика сделали Север интереснейшим объектом для живописного освоения. Основополагающей работой, посвящённой философии культуры Севера, является исследование Н.М. Теребихина, опубликованное в 2004 г.² Вопрос формирования образа Севера в изобразительном искусстве остаётся открытым и требует специального исследования.

Художники, воспевая Русский Север, синтезировали прожитые впечатления, внутреннее зрение в изобразительные произведения. Живописные образы – результат многочисленных путешествий, работы в геологических партиях, экспедициях и северных наблюдений. Жанровые трансформации провинциальных художников, творческий взлёт которых пришёлся на период «застоя» – 1970–80-е гг. (живописец С.А. Торлопов, скульптор В.И. Смирнов, график-офортист Е.П. Борисевич и др.), помогают реконструировать образ Севера, вернуть и придать ему статус особого духовного пространства.

В статье рассматриваются отдельные персоналии и произведения, созданные в 1970–80-е гг. Привлекаются наиболее яркие и знаковые работы художников, расцвет которых пришёлся на период подъёма изобразительного искусства Республики Коми, и художников, эволюционирующих с точки зрения пластического языка. Соприкасаясь с живой интонацией северной природы, они отразили сущность времени, его «романтизованную» симптоматику. Сквозная задача художника обрела свою драматургию решения и разнообразие форм пластической выразительности 1970–80-х гг. Созданная ими художественная идея-образ в изобразительном пространстве выразила своё время, организуя новое пространство, воздействуя на действительность.

Раскрывая художественно-эстетическую специфику региона, необходимо отметить феноменальность такого регионального явления, как длительные путешествия художников (С.А. Торлопов, В.И. Смирнов, В.А. Рохин, В.В. Трофимов, С.С. Асташев, Г.А. Дмитриев, Ф.Б. Бурангулов и др.) на отдалённые северные территории. «Уход» с экспедициями на Север

¹ Красовская Т.М. Образ Русского Севера: особенности формирования в современной географии и искусстве // Национальный психологический журнал. 2013. № 3 (11). С. 2.

² Теребихин Н.М. Метафизика Севера: Монография. Архангельск, 2004. С. 272.

Рис. 1. Вениамин Смирнов. «Север». Батик. 1969 г. Воркутинский музейно-выставочный центр

сравним с монашеским уходом, подвижничеством. Только в подобном пребывании «за пределами человеческого жизненного пространства и достижении обетованной земли, локализованной в ином измерении», «в самом “пекле” потусторонней реальности»¹ возможно художественное переживание Севера на некоем «острове спасения», в «уединённой молитве». «Духовное подвижничество», «движение на Север», его художественное освоение в 1970–80-е гг. воспринимались (осознанно или нет) как стремление к «началу». Путешествия-экспедиции художников – это своеобразное паломничество в «иной мир» (Приполярный Урал, арктическое побережье, тундра, арктические реки).

В творчестве акценты художественного романтизированного восприятия Севера смещаются, но не исчезают. Появляются образы мужественных и простых северных людей (В.И. Смирнов. Батик «Север» (рис. 1); объёмная пластика «Век Солнца», «Сын Севера», «Женщины Севера», «Отдых оленеводов», «Чёрная пурга», «Тундра»), активное освоение северных просторов (В.И. Смирнов. «Мыс Дежнёва») геологами, нефтяниками, шахтёрами (В.И. Смирнов. «Шахтёр»).

Провинциальная художественная культура Севера и такой существенный её феномен, как «Образ Севера», в изобразительном творчестве рассматриваются как метафизический «остров спасения», обладающий нравственной силой.

¹ Терехихин Н.М. Метафизика Севера: Монография. Архангельск, 2004. С. 25.

В разножанровых произведениях живописи, скульптуры, графики художников Республики Коми (С.А. Торлопов¹, В.Н. Мамченко², В.И. Смирнов³, В.А. Рохин⁴, Ю.Г. Борисов⁵, И.В. Пылаев⁶, В.В. Трофимов⁷, С.С. Асташев⁸, Г.А. Дмитриев⁹, Ф.Б. Бурангулов¹⁰ и др.), многие из которых сами побывали в Арктическом регионе в творческих поездках и в геологических партиях, нашло отражение «художественное» познание арктической территории.

Живописную «одухотворённую» провинцию невозможно жёстко структурировать. В тонкоколористических живописных полотнах С.А. Торлопова («Красная палатка» (рис. 2), «Дремлет северное море»,

¹ Торлопов Станислав Анфимович (1936, Москва – 2015, Сыктывкар). Живописец. Народный художник Российской Федерации (2006), заслуженный художник РСФСР (1971), народный художник Коми АССР (1980), действительный член Петровской академии наук и искусств (1999), лауреат Государственной премии Коми АССР (1968).

² Мамченко Владислав Никанорович (1929, д. Шугайлово Смоленской обл. – 2006, Сыктывкар). Скульптор. Заслуженный деятель искусств Коми АССР (1971), заслуженный художник РФ (2005), трижды лауреат Государственной премии Республики Коми, награждён орденом Дружбы, действительный член Петровской академии наук и искусств (1999).

³ Смирнов Вениамин Иванович (1937, Ленинград – 2006, Воркута). Скульптор. Поэт. Работал в области станковой, монументально-декоративной скульптуры, графики, в декоративно-прикладных формах искусства.

⁴ Рохин Владимир Афанасьевич (1939–2020, Сыктывкар). Скульптор. Работал в монументальной, монументально-декоративной и станковой скульптуре. Автор памятников, портретов и композиций. Лауреат премии Коми комсомола (1969), лауреат Государственной премии Коми АССР им. В.А. Савина (1990), заслуженный деятель искусств Коми АССР (1979), народный художник Республики Коми (1993), лауреат премии правительства Республики Коми (2003), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (2002).

⁵ Борисов Юрий Григорьевич (1928, с. Турья, Коми АССР – 1977, п. Ефимовский, Бокситогорский район Ленинградской обл.). Скульптор. Работал в станковой и монументальной скульптуре. Лауреат Государственной премии Коми АССР.

⁶ Пылаев Игорь Валентинович (1935, г. Усурийск Приморского края – 2015, Сыктывкар). Работал в станковой, монументальной, архитектурно-декоративной скульптуре, в скульптуре малых форм, в области театрально-декорационного искусства. Автор портретов, композиций, памятников. Заслуженный деятель искусств Республики Коми.

⁷ Трофимов Виталий Викторович (род. в 1943, с. Лебяжье Егорьевского района Алтайского края). График, акварелист. Заслуженный работник культуры Республики Коми.

⁸ Асташев Сергей Семёнович (род. в 1952, г. Ковров Владимирской обл.). Живописец.

⁹ Дмитриев Геннадий Александрович (род. в 1946, с. Екатериновка Сальского района Ростовской обл.). Живописец. Заслуженный художник Российской Федерации, заслуженный работник Республики Коми, лауреат Государственной премии Республики Коми.

¹⁰ Бурангулов Фарук Бакирович (род. в 1958, д. Ново-Соболева Аргаяшского района Челябинской области). Живописец. Председатель Коми регионального отделения ВТОО «Союз художников России».

Рис. 2. Станислав Торлопов. «Красная палатка». Холст, темпера. 1991 г. Национальная галерея Республики Коми

«Вечное», «Полярные хребты», «Каменный ковёр») это «замирающее время» в непреодолимом пространстве Севера; в декоративно-станковых произведениях Вениамина Смирнова, естественно соединяющего выразительные средства разных видов пластических искусств («Кольцо Воркуты», «Синяя ночь», «Сын Севера», «Чёрная пурга», «Женщины Севера», «Тундровые озёра»), нет ограничения времени и пространства, всё «растворяется» в полярных белых ночах.

«В активных поисках своего неповторимого пути в искусстве художников сближала современная тема, в которой остро нуждалось время, положившее начало широкому освоению Севера, обладающего огромными природными богатствами»¹.

В 1972 г. С.А. Торлопов в качестве рабочего (только так художник мог попасть в состав геологической экспедиции) с учёными Института геологии Коми филиала Академии наук СССР совершил поездку к арктическому побережью. В напряжённые месяцы вдохновенного творчества и созерцания художник преобразует «пейзаж-вечность» в художественное пространство. Его полотна – не внешний мир видимого ландшафта, стихии, а художественный облик мира внутреннего, «невыразимого», воздушно «волнующего душу». Художник по-новому увидел сам и заставил зрителя взглянуть на девственный северный пейзаж, преобразованный

¹ Поповцева Э.К. Станислав Торлопов. Ветер дальних дорог. Сыктывкар, 2013. С. 7.

на полотне. «От корня – северянин, Севером воспитан, я не мыслю себя вне его. Он – мой наставник и судья»¹, – писал С.А. Торлопов.

Эмоционально-импульсивные работы С.А. Торлопова, С.С. Асташева («Голубые дали», триптих «Пай-Хой одного дня») – больше, чем живописные произведения, это «художественный текст», «изобразительная поэзия», музыкальное изображение. В образных пейзажах живописцев отразилось представление об идеальном мире. Художники с ярко выраженным поэтическим мышлением создали на своих полотнах новые миры, с новым временем и пространством. «[В пейзаже] должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам. Это трудно выразить, это так похоже на музыку. <...> Как странно всё это и страшно, и как хорошо небо, никто не смотрит. Какая тайна мира – земля и небо. Нет конца, никто никогда не поймёт этой тайны, как не поймут и смерть. А искусство – в нём есть что-то небесное, музыка», – писал К.А. Коровин².

Образный строй северных пейзажей С.А. Торлопова – берег с пустынными бухтами острова Вайгач, сухие каменистые скалы Югорского полуострова, омываемые водами Карского моря, с чертами индивидуального представления о природе. Цикл этюдов «Остров Вайгач» (1972–1973), на котором он провёл месяц, с изображением морского побережья – «Арктика. Мыс Андреева», «Вайгач. Мыс Гребень», «Вайгач. Бухта Утиная», «Вайгач. У Карских ворот», «Вайгач. В бухте Покоя», «Вайгач. Лазурный вечер» – воплощённое молчание, тишина. Образы земной бесконечности неба, моря, гор уводят от реального, несозданного.

Целая серия работ С.А. Торлопова с мотивами моря, гор («Холодное море», «Море и чайки», «У моря студёного», «Усталые чайки») составила единое гармоничное художественное целое. Выполненные в разное время суток, главным образом вечером и ночью («Песня северных ночей», «Летняя ночь», «С Большой земли»), полотна поэтически-эмоционально взаимодействуют друг с другом. Небо в работах С.А. Торлопова – отдельный пейзаж. Один из почитаемых им художников Николай Рерих восторженно относился к «небесной архитектуре». В полотнах Торлопова («Дремлет северное море» (1984), «С Большой земли» (1974), «Вечное» (1976)) северное небо совершенно в своей образности.

С.А. Торлопов открыл для себя новый свет, оттенки, воздушную среду первозданного арктического Севера. Поэтическое настроение Торлопов передал чистыми средствами пленэрной живописи. Холодные оттенки

¹ Торлопов С.А. Мой Север – судьба, путь и выбор // Художник. 1987. № 1. С. 6.

² Гусарова А.П. Константин Коровин: Путь художника. Художник и время. М., 1990. С. 83, 108.

«типично небесной краски» – синей – придают, как писал В.В. Кандинский, «неизмеримую внутреннюю важность и значение»¹. Далее у него же: «Склонность синего к углублению так велика, что его интенсивность растёт именно в более глубоких тонах и становится характернее внутренне. Чем глубже становится синее, тем больше зовёт оно человека к бесконечному, будит в нём голод к чистоте и, наконец, к сверхчувственному. Это – краска и цвет неба так, как мы себе его представляем при звучании слова “небо”»². Станковые пейзажные работы тематического звучания С.А. Торлопова – «На краю Большой земли» (1973), «Полярные хребты» (1974), «Стожары» (1974), «Летняя ночь. Хребет Скальный» (1978). Триптих «Поэма о Северном море» (1976) – самое значительное произведение С.А. Торлопова 1970-х гг. – наполнен эпическим звучанием и смыслом. Центральное полотно «Вечное» передаёт беспредельный мир девственной природы Арктики с её сдержанным величием. В двух частях триптиха, «На дальних островах» и «У моря студёного», художник изобразил метеорологическую полярную станцию и рыболовецкие сети, развевающиеся под порывами морского ветра.

Удивительным образом С.А. Торлопов объединяет пейзаж и настоящее (человека и его деятельность) в одном контрапункте времени и пространства. Сюжетно-повествовательные композиции с воспроизведением кочевой жизни геологов, отдыхающих у костра на берегу залива, покрытого плывущими льдинами, – «Арктическое лето» (1974); рыбаков, ожидающих выхода в море, – «Перед путиной» (1974); встреча прилетевшего с материка самолёта – «С Большой земли» (1974). С.А. Торлопов обладал потрясающим созерцательным даром. Его земное пространство с небом, морем – самые совершенные пейзажи. Величественная возвышенность Пай-Хоя, протянувшаяся через весь Югорский полуостров, послужила поводом для создания пейзажных эпическо-романтических полотен – «Пай-Хой. Лебединое озеро» (1976). Автобиографичное, с философичным звучанием произведение – «Лето на Пай-Хое» (1985)³, где художник в величественном, панорамном пейзаже изобразил, едва обозначив, самого себя.

В 1980-е гг. арктический пейзаж в творчестве С.А. Торлопова получает новое развитие: от поэтических форм к философско-созерцательным полотнам («Мирное море», «В мире вечных льдов» (1980), «Дремлет

¹ Кандинский В.В. О духовном в искусстве (Живопись) // Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: в 2 т. / Под ред. Н.Б. Автономовой, Д.В. Сарабьянова, В.С. Турчина. М., 2008. Т. 1. 1901–1914. С. 354.

² Там же. С. 128.

³ Работа экспонировалась на выставке «Советская Россия» и была приобретена Государственной Третьяковской галереей.

северное море» (1984), «Скалистые горы» (1989)). Запечатлён полярный ландшафт «единого прекрасного мироздания» с невероятно огромным диском луны, зависшим над морским побережьем в ночном арктическом небе, и мистическим строением исследовательской станции («Творения Неба и Земли» (1983)), солнца с кольцами гало вокруг («С Большой земли» (1974), «Песня северной ночи» (1985)).

Поэтическое вглядывание в небесную и морскую стихии рождает потаённые пейзажные образы. В полотнах С.А. Торлопова – картинах, этюдах с натуры – цельно выступает личность художника, его видение мира. В пейзаже «Песня северной ночи» художник запечатлел мир прекрасной девственной природы, величественную картину морского побережья с вырастающим из воды мощным скалистым массивом, с живописным ритмом гранёных форм, отражающихся в морских переливах, с лиричным оттенком расположившихся на скалах птиц. С.А. Торлопов, «как Нестеров, создал в своих картинах поэтическую легенду о Севере, стране, где человек и природа словно бы объединены единым молитвенным экстазом благоговееющего художника»¹.

Соприкасаясь с живой интонацией северной природы, С.А. Торлопов, С.С. Асташев, Г.А. Дмитриев отражали сущность времени, его «романтизированную» симптоматику, заново проникали «в бытийные истоки своей личности»².

Художники синтезировали прожитые впечатления, внутреннее зрение в цельное изобразительное произведение – творческий путь. С.А. Торлопов писал: «В жизни родных мест для художника всегда собраны воедино самые драгоценные свойства большой Жизни. Большого мира»³. Художники «обретали» себя в ландшафте Севера, находили своё пространство, свои визуальные эквиваленты переживания бесконечности.

Творческая команда пленэра визуальных искусств «Клюква. Берега» (Воркута, Вайгач, Приполярный Урал. Август 2016 г.) из живописцев, графиков, фотографов, обладающих поэтическим типом мышления, продолжила традиции арктических романтиков и создала пейзажную картину Севера. На просторах арктической тундры, побережьях Баренцева и Карского морей, Северного Ледовитого океана, в пустынных бухтах острова Вайгач, предгорьях и горах Полярного Урала сквозная задача участников пленэра обрела свою изобразительную драматургию в разнообразных формах пластической выразительности.

¹ Гусарова А.П. Константин Коровин: Путь художника. Художник и время. М., 1990. С. 73.

² Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 9.

³ Торлопов С.А. Мой Север – судьба, путь и выбор // Художник. 1987. № 1. С. 10.

Именно пейзаж – одна из главных тем визуального творчества. Одни художники создавали в своих полотнах, листах, объективах миры с новым временем и пространством, другие – отображали действительность, симптомы времени.

Созданная художественная идея-образ выразила время, организуя новое пространство, воздействуя на реальность. В моменты путешествия, вдохновлённого творчества, поиска самих себя на ветрах свободы художники, независимо от творческих пристрастий и форм, создали образ художественного пространства территории.

Проступающая на полотне, бумаге, фотографии вечность северных пространств – это идеальные миры. Конкретные географические места, природные ландшафты стали для каждого устойчивыми пластическими образами территории. У каждого из художников свой образ Севера, свой молчаливый текст о вечном северном пейзаже. Пластическими средствами художники создали образ Арктики (исследуя её иконографические признаки), в которой жили и которая соответствовала их идеальному пространству, счастливому пространству. В этюдах, станковых работах – настоящий, физический Север. Главное в них – безграничность, необъятность, отсутствие пределов. Это Север, где человек не живёт, а появляется. В полевых этюдах царят законы простоты и ясности, в них крайне редки сложные формы и существа.

Одухотворённые работы Кристины Овсянкиной невозможно жёстко структурировать. В тонкоживописных холстах и листах («Подоблачная Нгетенале», «Водопой», «Берег красных водорослей» (рис. 3), «Дом крикливой птицы», «Арктическая соль») колористика воды, ландшафтов тундры, скал, морского берега, неба, пространства передана акварельно-лирично. Индивидуальная способность видеть Кристины Овсянкиной заставляет искать образы, отличающиеся от стереотипов. Художница понимает окружающий мир звучно-гармонично. Будучи замеченной, природа послушно расступается. В листе «Ночной Варнек» туман («участник» всех пленэров «Клюква») покрывает всё таинственной пеленой: дома, мостки, людей, телевизионную тарелку, – создавая новое пространство-тайну. Варнек решил сделать подарок путешественникам – приоткрыть свой оберегаемый мир.

Преобразование художественного метода в работах Анжелы Размановой объясняется обрушительной эмоциональной бесконечностью пережитого. Пейзажные образы («Небо открыто. Варнек», «На Каре», «Берег») – это замирание в непреодолимом пространстве Севера, где нет ограничений времени и пространства, всё растворяется в вечной бесконечности. Остров Вайгач с высоты птичьего полёта видится в быстромётных кучевых облаках во взбудораженном небе, с игрушечными домиками

Рис. 3. Кристина Овсянкина. «Берег красных водорослей». Пастель. 2016 г.
Частное собрание

посёлка Варнек, с миражно проступающим на скале ликом одного из Хранителей острова. В северных пейзажах рисунок неважен. Цвет и свет вызывают восторг художника. Цветовая тональность работ Анжелы – от кобальтово-бирюзового до кадмиево-охристых оттенков. Холодные оттенки синей краски в работах живописца имеют «неизмеримую внутреннюю важность и значение». «Чем глубже становится синее, тем больше зовёт оно человека к бесконечному, будит в нём голод к чистоте и, наконец, к сверхчувственному»¹. Всё сливается в беспредельное неумолимо-спокойное пространство вечности.

Олег Сизоненко не разбавляет пейзаж лишними подробностями своих собственных «незначительных» переживаний («Вайгач», «Карское море», «Коффердам. Карское море», «Летгей», «Суровый камень»). Благоговейно-почтительное созерцание переносит на холсты образы инобытия. Портретный ландшафт обобщается до фантастически-калейдоскопичного пространства, где отсутствует второстепенное: только цветоносная картина мира, пронизанная солнечным светом, оживлённая множеством

¹ Кандинский В.В. О духовном в искусстве // Избранные труды по теории искусства. Т. 1. 1901–1914. М., 2001. С. 128.

радужных тонов и красок. Образы земной бесконечности неба, моря, гор уводят от реального. Красота рефлексов сравнима с драгоценными камнями, переливающимися на солнце каштаново-зеленоватым, багрово-фиолетовым, голубоватым, золотисто-желтоватым цветами.

Реалистическая направленность творчества Веры Петровской объясняется академической школой. Художница берёт видимое с природы и делает изображение («Фотографы», «Ритмы Заполярья»). В листах, пронизанных светом («Полярный круговорот», «Свидание на камнях»), – не внешний мир видимого ландшафта, стихии, а художественный облик мира внутреннего, невыразимого, воздушно волнующего душу. Плавные, чистые силуэты фигур в состоянии трепетного движения пластически и образно вошли в скалистые пространства островного берега Вайгача. Пропуская белый цвет, разбрызганный, лежащий пятнами-озёрами, через призму, художница заставляет зрителя взглянуть на девственный северный пейзаж, преобразованный снопом солнечных лучей на полотне, радужно-светло. Эмоционально-светоносные работы художницы («Вторжение света», «Белая насыпь», «Дыхание ветра») – художественный текст, изобразительная поэзия, музыкальное изображение. Внутренние поэтические мотивы художницы перешли в визуально-пластические решения.

Поэтическое настроение пленэрной живописи чистыми средствами передала в своих работах Людмила Горюноква («Это видят люди», «Это видят птицы», «Летгей Яхо»). Для художницы важен естественный пейзаж, перенесённый из реального мира («День открытия Олимпиады в Рио. Вайгач», «Спящая полярная станция», «Апофеоз», «Кара. Уральская гряда»). Живопись (акварельная, масляная) – не выдуманная, не воображаемая. Скрупулёзное отношение к изображению скалистых структур, водных потоков (кристальный водопад, воды реки, озёр переливаются, журчат), флоры (стебельки, робко показывающие свои головки), фауны объединяет всё в единое целое.

Художница Анжела Разманова, углубляясь в арктическое пространство, преобразует пейзаж в сказочно-миражный, где реальный мир теряет свою кажущуюся ясность. Поэтическое начало, символическое видение растворены в её пейзажных композициях с особой, реверансной к началу XX в., силой («Карское море», «Священный олень», «Летгей»), где совершенно голые каменистые утёсы предстают бесконечной поэтической мелодией камня. Напряжённо-медитативная энергия художницы мыслится как сила, превышающая в своей выразительности держательность.

Музыка работ Дмитрия Прокушева где-то аскетична, где-то открыто декоративна («Чайка байдарацкая», «Каньон», «Тундра», «Клюква. Берега»). Ритмические формы, оригинальные формальные построения

в работе «Тундра» совершенны по передаче ощущений: винно-красная, болотно-зелёная тундра, с голубыми (иконный «голубец»), зеркальными островками-озёрами, с плавающими белильными кусочками облаков в них. Тундра повторяет то, что говорит небо, а небо устанавливает связь с земным, упираясь в линию, ограничивающую горизонт, с силуэтами Байдарацкой компрессорной станции. Ночной туман («Дом бабы Тани»), совершенно тихо укрывший остров, наполнил души всех разными чувствами и эмоциями.

Память северного ландшафта, сохранённая в сакральных объектах, антропологическом типе, излучающая мощную энергию, произвела на участников двойственное впечатление: пугающе-опасное, спасительно-духовное. Юрий Лисовский и Сергей Разманов почувствовали суть Русского Севера, рассматривая его как территорию, где сохранены древние традиции, которые остаются на протяжении столетий. Архетипические мотивы и мифологические образы являются для Лисовского направляющим вектором в творческом поиске целостности и единства человека и природы. Изобразительное исследование устройства иного мира, отличного от христианского, нашло своё воплощение в языческой графике художника-этнофутуриста («Красный олень», «Охранная собака Варнека», «Окаменевший герой»).

Ненцы чтут своих «хаев» и «сядэев», как и в былые времена. Угловатые, с неровными краями графические силуэты в работе Анастасии Юрьевой преломляются в рельефные формы двух камней-идолов острова Вайгач: «Вэсако» – Старик и «Ходако» – Старуха. Объёмы (несколько сантиметров глубиной) превращены в плоскости. Луноподобный женский силуэт с фрагментами включения синего цвета (стеклянные «небесные вставки») в стилизованные волосы-небеса, развевающиеся на морском ветру, пронизаны «пейзажами»-миниатюрами в междупрядьях. Работа выполнена из разборных металлических конструкций, найденных и сваренных на газоконпрессорной станции «Байдарацкая». Естественный цвет металла придал образу архаичное звучание.

В конструировании реальности Сергей Разманов использует архаичные, бессознательные приёмы, знаки и символы северных культур. Возвращение в прошлое в художественных формах – это проекция в будущее. Материал для своих работ художник привёз с морских берегов («Вайгачская птица», «Заполярный ангел» (рис. 4), «Деревянный олень»). Преобразованное водной стихией Карского, Баренцева морей, Ледовитого океана дерево стало соавтором художника. Когда-то сформированный подход к изображению эмоционально-чувственного восприятия в его объёмных объектах нашёл особую выразительность, простоту, лёгкость, архаичность.

Рис. 4. Сергей Разманов. «Заполярный ангел». Дерево, кожа, металл. 2016 г. Собственность автора

В инсталляции «Без названия» Игоря Попова выражены скрытые метафизические смыслы. Особенность творческого высказывания художника – умение выйти за пределы себя, за границы данного мира, традиционных форм. «Мы были на острове два дня. На Вайгаче очень много капищ, и с этих мест запрещается что-либо забирать, уносить с собой... <...> Это напряжённое настроение – древние духи, запреты, священные места – вылилось в такие странные игрушки, которые я называю оберегами, тотемами. Я их собрал из того, что море “само отдавало”: водоросли, челюсти и клешни крабов и т. д. Сначала шил игрушки, потом создавал образ»¹, – так комментирует Игорь свои ощущения от посещения острова.

¹ В устной беседе.

Игорь Попов опредметил свои взрослые фантазийные миры, в которые он погрузился, наделив игрушечные образы внутренней силой, тайной. Архаичное воображение, проектное мышление художника создало новые формы через переосмысление материала, который ему подарила природа. Модерность игрушечной инсталляции «Без названия» из восьми планшетов-образов – в мирах, которые Игорь Попов проектирует, восхищаясь дарами морской и океанской стихий, выбеленными до мраморного блеска. «Игрушки» воплощают собой то, из чего созданы: водоросли, выбеленные коряги, костяные останки морских обитателей – в сочетании с основой материального материкового мира человека (шиты из лоскутов синей футболки художника). Инсталляция – попытка автора почувствовать, воплотить свои эмоции и выразить модернистское миропонимание в адекватных формах эстетики постмодерна.

В фотоинсталляции «Бесконечные пейзажи» Юрий Молодковец открыл новый свет, оттенки, воздушную среду первозданного арктического Севера, беспредельный мир девственной природы Арктики. Музейный взгляд, дар созерцания, художественное осмысление созданного природой помогли художнику прикоснуться к величественно-панорамной картине мира, в которой человек может обозначиться, прилетев и улетев на «взлётно-бумажном» самолётике. Полярный ландшафт единого прекрасного мироздания симфонических картин останется в хранилище вечности. Проект можно было бы назвать «Уединение. Арктика всегда»¹. «Там, в Заполярье, пейзажи действительно бесконечны. Единственное, чем их можно ограничить, – это рамка видеоискателя... <...> Для меня это время удивительного состояния, бесконечное рассматривание и поиск композиционных решений в сочетании неба, облаков, гор, тундры, воды и теней, которые ежесекундно предлагает природа... <...> Эти пейзажи убеждают меня, что человек здесь не нужен, его эпизодическое, фрагментарное присутствие и есть идеальный баланс взаимодействия с природой. И ещё, после нашего исчезновения из этих бесконечных пейзажей ничего не должно остаться, даже фантика», – написал в комментарии к своей инсталляции Юрий Молодковец. Фотополотна стали гармоничным сочетанием земной реальности, запредельного северного пространства и идеальной красоты с абсолютом простоты этического, эстетического, духовного.

Фотографы Марина Сивакова («Этнография», «Дневник», селфи-зона «Моржи»), Ольга Филиппова («Фотоэтюды»), Надежда Кожевникова

¹ «Эрмитаж. Уединение» – авторский фотопроект Юрия Алексеевича Молодковца. 2006 г. // Сайт Государственного Эрмитажа [Электронный ресурс] URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/1999_2013/hm4_1_150?lng=ru (дата обращения: 16.06.2021).

(«Фотосерия»), Юрий Лисовский («Художественная миссия»), взаимодействуя с иконографией пространства, расставили собственные индивидуальные акценты в поиске образа Севера, его метафизической сущности через пейзаж, людей, обитателей. Однако наиболее устойчивыми пространственными воплощениями образа территории стали для фотографов необъятные просторы. Они визуализировали не только реальный пейзаж, но и, в некоторых случаях, метафизическое представление, ностальгическую тягу к творческой сущности времени (Юрий Молодковец, Игорь Попов).

Серии работ с чертами индивидуального представления о природе, созданные во время пленэра, с мотивами гор, моря, тундры составили единое гармоничное художественное целое. Живописцы, графики, фотографы открыли для себя новый свет, оттенки, воздушную среду первозданного арктического Севера, приобщились к арктической тайне, синтезировав прожитые впечатления, внутреннее зрение в цельное изобразительное произведение – творческий путь, путешествие-паломничество.

РЕПНЕВСКИЙ А.В.

Илья Константинович Ты́ко Вы́лка:
исследователь Арктики, самобытный
художник и «Президент Новой Земли»
(1886–1960)¹

A. REPNEVSKY

Ilya Konstantinovich Tyko Vylka: Arctic
explorer, original artist and “President
of Novaya Zemlya” (1886–1960)

Сведения об авторе:

Репневский Андрей Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск)

a.repnevskiy@narfu.ru; andrey-gold@inbox.ru

Author:

Andrey Viktorovich Repnevsky, Doctor of Historical Sciences, professor at the General History Department of the High School of Social Sciences and International Communication of the Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk)

a.repnevskiy@narfu.ru; andrey-gold@inbox.ru

Аннотация

Илье Константиновичу Вылке посвящено много статей и книг: о нём, в частности, писали в своих мемуарах художники А. Борисов, С. Писахов, путешественник, исследователь и его друг В. Русанов, учёные, писатели, поэты и журналисты Т. Синицын, Б. Кошечкин, Ю. Казаков, Е. Коковин, Е. Евтушенко и др. Цель автора данной статьи состоит в том, чтобы показать процесс становления Вылки-художника и выявить роль встретившихся на его жизненном пути других замечательных людей. Автор постарался обосновать неразрывную связь умений Ильи Константиновича как проводника, охотника, исследователя, человека

¹ Статья подготовлена благодаря финансовой поддержке по проекту 04-2021лк «Научное изучение Арктики в наследии М.В. Ломоносова и Ф. Нансена».

искреннего и уважающего традиции ненецкого народа, знатока природы и географии Новой Земли с его успехом самобытного художника. В тексте подчёркнут тот факт, что сначала сформировался человеческий и творческий характер Ильи Константиновича и только потом он стал государственным человеком – «Президентом Новой Земли».

Представив в статье достижения И.К. Вылки, автор стремился подчеркнуть неординарность и масштаб этой личности. По мнению автора статьи, разница в манере отображения Арктики на холстах Борисова и Вылки не должна рассматриваться в парадигме «свой» и «чужой», как это пытаются делать некоторые современные журналисты. Это скорее отражение взглядов «со стороны» и «изнутри», что только дополняет и обогащает искусство. Такая всесторонность делает познание природы более глубоким и объективным. Подобные оценки сродни любому научному исследованию. У художников, рисовавших Арктику: Борисова, Вылки, Писахова – различия, конечно, есть, и они вполне естественны, ибо отражают индивидуальность каждого. В то же время у них гораздо больше сходств, нежели различий, а потому на стенах картинных галерей их эскизы и картины соседствуют вполне закономерно.

Abstract

Many articles and books are devoted to Ilya Konstantinovich Vylka: artists A. Borisov, S. Pisakhov, a traveler, researcher and his friend V. Rusanov, writers, poets and journalists T. Sinitsyn, B. Koshechkin, Yu. Kazakov, E. Kokovin, E. Yevtushenko and others wrote about him in their memoirs, in particular. The purpose of the author of this article is to show the process of becoming an artist and to reveal the role of other wonderful people who met on his life path. The author tried to substantiate the inseparable connection of Ilya Konstantinovich's skills as a guide, hunter, researcher, a sincere person who respects the traditions of the Nenets people, an expert in the nature and geography of Novaya Zemlya with his success as an original artist. The text emphasizes the fact that at first the human and creative character of Ilya Konstantinovich was formed and only then he became a statesman – “the president of Novaya Zemlya”.

Presenting the achievements of I.K. Vylka in the article, the author sought to emphasize the originality and scale of this personality. According to the author of the article, the difference in the manner of displaying the Arctic on the canvases of Borisov and Vylka should not be considered in the paradigm of “friend” and “stranger”, as some modern journalists try to do. It is rather a reflection of views “from the outside” and “from within”, which only complements and enriches art. Such comprehensiveness makes the knowledge of nature deeper and more objective. Such assessments are akin to any scientific study. The artists who painted the Arctic, Borisov, Vylka, Pisakhov, of course, have differences, and they are quite natural, because they reflect the individuality of each. But at the same time, they have much more in common than differences, and therefore their sketches and paintings coexist quite naturally on the walls of art galleries.

Ключевые слова:

Тыко (Илья Константинович) Вылка, А.А. Борисов, С.Г. Писахов, В.А. Русанов, Арктика, Новая Земля, Белушья Губа, Архангельск, самобытный художник, картины.

Keywords:

Tyko (Ilya Konstantinovich) Vylka, A.A. Borisov, S.G. Pisakhov, V.A. Rusanov, the Arctic, Novaya Zemlya, Belushya Guba, Arkhangelsk, an original artist, paintings.

Подтолкнул автора статьи к изучению творчества Тыко Вылки давний электронный запрос одного из товарищей по службе на Новой Земле. Он написал: «Народ, подскажите, какие места на Новой Земле связаны с художником Тыко Вылка? Где он жил и создавал свои картины?» Многие сослуживцы полагают, что Тыко Вылка не столько художник, сколько фигура политическая – «Президент Новой Земли». Автор этой статьи с подобной постановкой вопроса не согласен. Художественный взгляд на окружающее был присущ Вылке всю его сознательную жизнь и проявлялся во всём, даже в его хозяйственных и политических решениях. Исследователь Арктики, самобытный художник, а потом уже «Президент Новой Земли» – именно так, на взгляд автора, следовало бы расставить приоритеты в оценке жизненных деяний Ильи Константиновича Вылки. Творческое познание родного Заполярья сделало его сначала отличным охотником и рыболовом, потом проводником, географом, геологом, поэтом, песенником, сказителем, одним из зачинателей ненецкой литературы и топонимики, учителем, государственным деятелем, а более всего живописцем – человеком Арктики с глубоко художественным взглядом на окружающий мир.

Хасово (мужчина) из рода Вылка родился 15 (28) февраля 1886 г. на Новой Земле, в становище Белушья Губа, и рос среди охотников и промысловиков. Его отец был лучшим из них и передал сыну свой жизненный опыт, научил понимать и чувствовать природу Новой Земли. Сына он назвал ненецким именем Тыко, что означает «олёненок», «олешек». Позднее, при крещении, Тыко получил православное имя Илья.

Кто же открыл Вылку как художника Арктики? Таков главный вопрос, который поставил автор этой статьи. «Кандидатов» на это звание несколько, и оценки их роли в литературе о Тыко Вылке расходятся.

Первый по времени достойный «кандидат» в учителя – знаменитый северный художник Александр Алексеевич Борисов. Весной 1896 г. он первым из российских художников побывал на Новой Земле. Когда Александр Алексеевич уже рисовал там свои этюды, Тыко Вылке исполнилось только 10 лет, талант художника в этом ребёнке ещё не проснулся.

В 1899 г. Борисов снова с целью длительной зимовки на судне «Мечта» прибыл с собственной художественно-научной экспедицией на полюбившуюся ему Новую Землю. Осенью 1900 г. у пролива Маточкин Шар «Мечта» была затёрта и раздавлена льдами, члены экспедиции чуть не погибли, но 3 октября чудесным образом были спасены ненецкими промысловиками¹. В 1909 г. в своей книге «В стране холода и смерти»² знаменитый художник подробно описал эти события.

По мнению Ирины Ханзеровой, автора нескольких интересных статей в газете «Нарьяна вындер», посвящённых жизни и творчеству художника, существовала принципиальная разница в художественном видении Арктики Борисова и Вылки. Пути Александра Алексеевича и 15-летнего Ильи пересеклись в ненецком становище: в начале 1901 г. Борисов взял юношу проводником в своё путешествие по Новой Земле. Они вместе проделали на собачьих упряжках путь в сотни километров³. Ханзерова пишет, что в процессе путешествия Борисов делал зарисовки, а Вылка наблюдал и тоже, без кистей, карандашей и бумаги, делал свои зарисовки – «палочкой на песке или угольком на камне»⁴. Художник эти старания заметил и, по словам автора статьи, «учил его всю зиму и весну»⁵. Таким образом, именно Борисов стал первым учителем Ильи.

В чём же состояла разница в восприятии Арктики Борисова и Вылки? Журналист полагает, что Александр Алексеевич был «человек чужой для Новой Земли», и считает, что таково было и мнение Ильи Константиновича. Относительную мрачность и недостаточно глубокое понимание Борисовым Арктики Ханзерова основывает на его картине, названной «Страна смерти», и на содержании упомянутой выше книги «В стране холода и смерти». Позволю себе не согласиться с подобной оценкой журналистки. «Мрачность» тонов Борисова мнима. Названия с упоминанием смерти и холода – дань художника глубоким чувствам от пережитого на грани гибели, а вовсе не суть понимания арктической природы.

Александр Алексеевич был влюблён в Русский Север и его арктические просторы от Мурмана, Архангельских земель до Новой Земли и о. Вайгач. Художник Борисов тоже коренной северянин. Большая часть его этюдов, созданных на Новой Земле, красочна и жизнеутверждающа, а некоторые

¹ Мацегора К. Александр Борисов. Художник, похитивший тайны полярного мира [Электронный ресурс] URL: <https://www.tg-m.ru/articles/3-2018-60/aleksandr-borisov-khudozhnik-pokhitivshii-tainy-polyarnogo-mira> (дата обращения: 21.06.2021).

² Борисов А.А. В стране холода и смерти. СПб., 1909. С. 22, 50–51.

³ Ханзерова И. Слово о президенте // Нарьяна вындер. 2016. 1 марта [Электронный ресурс] URL: <http://nvinder.ru/article/vypusk-no-20-20365-ot-1-marta-2016-g/12593-slovo-o-prezidente> (дата обращения: 21.06.2021).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

из них не лишены юмора. Его живопись совпадает по духу с творчеством самого Тыко Вылки. Назовём, к примеру, такие замечательные, светлые творения Борисова, как «Птичий базар на Новой Земле», «У берегов Новой Земли», «Становище. Малые Кармакулы. Маточкин шар», «Долина реки Маточки на Новой Земле», «Чум ненцев в Малых Кармакулах на Новой Земле» и многие другие. Возможно, что юный Илья Константинович Вылка был свидетелем того, как рождались некоторые из этих творений. Об этих картинах Борисова очень красочно и убедительно писал кандидат биологических наук и известный историк-исследователь Николай Владимирович Вехов¹. Вряд ли Борисова, человека, отдавшего всю недюжинную силу своего творчества Заполярью, можно назвать «чужим» для Арктики. Конечно, он понимал полярную природу немного со стороны и гораздо шире географически, ибо его родительский дом находился на материке и несколько южнее, но просторы Крайнего Севера для него – уроженца Архангельской губернии, конечно, тоже были родными. Александр Алексеевич и на Новой Земле построил себе один из первых на острове бревенчатых домов и подолгу жил в нём. Тыко Вылка видел Новую Землю изнутри, как видят люди свою малую родину. Разница взглядов и художественных манер Борисова и Вылки как раз и обеспечила богатство их творчества. Совмещение взглядов «со стороны» и «изнутри» исключительно важно в художественном и научном познании мира.

Свой вклад в становление Вылки-художника внёс и Степан Григорьевич Писахов. В 1905 г. он жил на Новой Земле, в становище Малые Кармакулы. Много рисовал. На этой общей почве и познакомился с Ильёй Константиновичем Вылкой. Писахов пишет о Вылке так: «Показал мне Вылка свои работы. Уже тогда это был большой мастер. Работы Вылки поражали своей неровностью: то детски неумелые, то сильные, полновзвучные, как работы культурнейшего европейца, в тонком рисунке, лёгких и прозрачных тонах»². Степан Григорьевич оставил ему свои краски, но учить отказался принципиально, чтобы не испортить его природный художественный взгляд. Писахов пишет об этом эпизоде так: «А на просьбу “научить” – как мог, убеждал не учиться. Слишком самобытен он, и верным природным чутьём сам находил свою дорогу. Говорил я Вылке, что мы, приезжие, не знаем Новой Земли так, как он знает, и без наших указаний он лучше сделает. Но захотелось нашим меценатам вывезти в Москву Вылку, показать, как чудо...»³

¹ Вехов Н.В. А.А. Борисов – певец природы Русского Севера // Московский журнал. 1999. № 9 [Электронный ресурс] URL: <https://kola.gallery/a-a-borisov-pevets-prirody-russkogo-severa> (дата обращения: 21.06.2021).

² Степан Писахов. Сказки, очерки, письма. Архангельск, 1985. С. 214.

³ Там же.

Отрицательная позиция Степана Григорьевича по отношению к обучению Тыко Вылки в Москве становится понятна всем знакомым с его творчеством северянам. Писахов – патриарх, великолепный оригинальный художник и сказитель, хранитель культуры народов Русского Севера. Он отлично понимал, что учить Вылку академической художественности надо с осторожностью, чтобы не испортить его естественного видения Севера. Писахов и позже считал, что его в Москве портили: «...стали учить по общему рецепту. Для Вылки этот рецепт оказался убийственным. С одной стороны – выставка рисунков и “картин”, и успех, и шум в печати, с другой – его же учат как совсем не умеющего»¹.

Тесное знакомство этих трёх самобытных художников, художников в самом широком смысле этого слова, продолжается и сегодня в пространствах многих музеев живописи и на специальных выставках, посвящённых Русской Арктике, включая Третьяковскую галерею, Русский музей, Ненецкий окружной музей. Есть маленький музей и на родине Тыко Вылки в Белушьей Губе, за которым присматривают военные моряки. Но самое тесное соседство картин этой троицы – Борисов, Писахов и Вылка – отмечено в галерее им. А.А. Борисова, что расположена в Архангельске, на исторической улице с вполне подходящим названием «Поморская». Картины этих художников различны по манере, краскам, изображаемым объектам, взглядам на окружающую природу, но они замечательно дополняют друг друга.

Кстати, именно в 1905 г., когда Вылка увидел первую карту Новой Земли, он сразу понял, что «карта неправильная». И задумал начертить (фактически нарисовать) правильную, со всеми заливами, ледниками. И он, выменяв на одну из своих картин компас, это сделал, проехав вдоль берегов Новой Земли добрую тысячу километров. Его карта заливов долгое время считалась самой точной. Картограф – сродни художнику. Неслучайно известный архангельский биолог и исследователь Ксения Петровна Гемп говорила о Вылке, что он каждый камень на суше и в море знает².

Но, возможно, человеком, который оказал наиболее глубокое влияние на Илью Константиновича, стал путешественник, полярный исследователь Владимир Александрович Русанов. Именно он открыл Тыко Вылку – геолога и географа, картографа, с которым крепко сдружился и о котором первый сказал как о возможном геологе: «Учить тебя надо»³.

¹ Степан Писахов. Указ. соч. С. 215.

² Гемп К.П. Илья Константинович Вылка // Природа и хозяйство Севера. 1982. Вып. 10. С. 94–101.

³ Кошечкин Б.И. Сын Новой Земли. М., 1980. С. 25–27.

О Русанове Илья Константинович написал следующее стихотворение-песню:

Долгое-долгое лето,
Вместе с Русановым
Я веду десять русских
Среди плавучих льдов.
Долгое-долгое лето,
На двухмачтовом судне
Только мотор стучит.
С русским Русановым
Дружба была хорошая.
Было у нас две головы,
А сердце одно.

(Перевод А. Щербаковой)¹

Новую Землю Русанов посещал пятикратно, а впервые прибыл в 1907 г. Летом 1910 г. он уже взял Вылку проводником в морской поход на судне «Дмитрий Солунский» вокруг Новой Земли. Лучшего проводника было не найти. За деятельное и полезное участие в этой экспедиции Вылка был награждён золотой медалью «За усердие». Но не только за работу проводником отмечен был Илья Константинович Вылка. Он много совершенствовался в живописи, а кроме того, в походе с его слов были записаны несколько сказок. В 1910 г. в Санкт-Петербурге в материалах по исследованию Новой Земли под редакцией И.В. Сосновского были опубликованы «Сказки новоземельских самоедов (Со слов самоеда Ильи Вылки)» в записи К.А. Лоренца².

Так или иначе, но уже в 1909 г. о талантливом молодом ненце узнал Архангельск. В книге учёного и писателя Бориса Ивановича Кошечкина находим такую документированную фразу об этом времени: «В газете “Архангельск”, где была опубликована далеко не благожелательная информация о докладе официального руководителя экспедиции Ю.В. Крамера на собрании членов Общества изучения Русского Севера, говорилось, что “поведал нам г. начальник экспедиции, что он открыл среди самоедов исследователя, картографа и художника, да какого! Способного заменить

¹ Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. О Русанове / Сост. А.А. Бурыкин, Е.Р. Акбальян. М., 2002. С. 62–63.

² Илья Константинович Вылка // Литературная карта Архангельской области [Электронный ресурс] URL: <https://writers.aonb.ru/vyilka-i.k.html> (дата обращения: 25.06.2021).

европейски известного г. Борисова...»¹. Речь в газете шла о начале работы экспедиции Главного управления земледелия, фактическим руководителем которой стал В.А. Русанов, а Ю.В. Крамер себя ничем себя не проявил и напрасно в отчёте присвоил себе «открытие» Тыко Вылки, художника и картографа. Сравнение же в газете «Архангельск» Ильи Константиновича Вылки с самим «европейски известным» А.А. Борисовым многое значило. Борисова уже тогда законно называли «художником вечных льдов», «русским Нансеном», «поэтом Севера», «Баяном льдов и полуночного солнца», человеком, открывшим в картинах Арктику для России и европейского мира².

С умением и душой выполняя обязанности проводника, Тыко Вылка рисовал при каждой высадке всё, что привлекало его внимание. Зимой 1910–1911 гг. Владимир Александрович Русанов вывез Илью в Москву. Там он жил на квартире художника Василия Васильевича Переплётчикова и учился живописи в его мастерской. Кстати, Василий Переплётчиков позже тоже побывал на Новой Земле и останавливался там в доме, выстроенном А.А. Борисовым. В.В. Переплётчиков показал Вылке, как работать карандашом и акварелью. Художник Абрам Ефимович Архипов обучал его рисовать масляными красками и углём. Илья с удовольствием изучал также и многие школьные предметы: литературу, русский язык, математику, географию, зоологию, биологию и даже геодезию. Но всё это довольно бессистемно и в рамках самых основ, так как Вылка пробыл в Первопрестольной совсем недолго – всего одну зиму. Уже весной 1911 г. он вернулся в Архангельск, так как очень скучал по родным заполярным местам. Ожидая транспорта на Новую Землю, Илья окончил курсы мотористов. Это умение ему пригодилось, когда в советское время в становище появилась первая моторная лодка. Вернувшись на родину, Илья Константинович женился на вдове своего погибшего двоюродного брата. Таковы были традиции рода, не позволявшие оставить без средств к существованию вдову с семейством. А семейство было большое – у покойного брата было шестеро детей. Так Илья Вылка в одночасье превратился в многодетного отца. Ему пришлось зарабатывать ради прокорма семьи, и он стал много рисовать на продажу, что давало неплохой прирост³.

В 1910 г. в Архангельске была организована выставка картин «Русский Север». Тыко Вылка впервые представил на ней свои лучшие работы.

¹ Кошечкин Б.И. Указ. соч. С. 25–27.

² Мацегора К. Указ. соч.

³ Илья Константинович Вылка. Литературная карта Архангельской области [Электронный ресурс] URL: <https://writers.aonb.ru/vyilka-i.k.html> (дата обращения: 25.06.2021).

В 1911 г. в Москве состоялась вторая подобная выставка с участием Ильи Константиновича. Его картины произвели впечатление – ненец-художник! Это считалось экзотикой. Несколько рисунков были отправлены в подарок императору Николаю II. За альбом рисунков император Николай II прислал Вылке в подарок пятизарядный винчестер и тысячу патронов к нему. Подарок императора был богат и тоже содействовал уверенности в себе Вылки как художника. Архангельский губернатор Иван Васильевич Сосновский прибавил от себя 600 руб., что по тем временам было значительной суммой.

Как убеждаемся, «претендентов» на открытие Вылки-художника много, и все они могли бы этим гордиться. Все названные люди ему помогли, поддержали, поощрили, но открыл Тыко Вылку сам Тыко Вылка. Он считал, что произошло это в 1904 г., когда у него в живописи стало кое-что получаться¹. В основе Илья Вылка – художник-самоучка. Об этом есть его собственноручное свидетельство, хранящееся в фондах Государственного архива Архангельской области (ГААО)².

«Президентом Новой Земли», «начальником», политическим человеком он сделался много позже того, как стал художником и освоил иные профессии, требовавшие творческого подхода. Возможно, поэтому Вылку высокие должности и не испортили, ибо как человек он уже сформировался основательно. В 1924 г., даже став председателем Новоземельского Островного Совета Депутатов трудящихся, Тыко Вылка первым делом создал школу в Белушьей Губе и стал сам преподавать там рисование. Это было его любимое занятие. Он учил детей переносить душу Арктики на бумагу.

В 1927 г. в становище Белушья Губа была создана промысловая артель. У неё появилась и первая техника – промысловый бот, а Вылка стал его мотористом. Руководящая деятельность не помешала ему продолжить создавать картины. В ноябре 1927 г. 10 пейзажей Вылки уже экспонировались на выставке искусств народов СССР. Его талант узнала широкая советская общественность.

В 1929 г. Тыко Вылка был вызван в Москву для выступления в Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК СССР (Комитете Севера). В эти дни он встретился и с «всесоюзным старостой» Михаилом Ивановичем Калининым. С лёгкой руки Калинина к Тыко Вылке и пришло неофициальное звание «Президент Новой Земли». Так его назвал сам «всесоюзный староста». На совещании в столице

¹ Воронова А. Президент Новой Земли Тыко Вылка. М., 1977. С. 21.

² Гемп К.П. Илья Константинович Вылка: к 100-летию со дня рождения // Памятные даты Архангельской области, 1986 г. Архангельск, 1985. С. 26–30.

Вылка рассказал о том, в чём крайне нуждались ненцы. Председатель этого совещания – Пётр Гермогенович Смидович, заместитель председателя ВЦИК, – обещал, что помощь населению Севера будет оказана. Он в то время был и председателем созданного в 1924 г. Комитета Севера. В том же году аналогичный орган появился при президиуме Архангельского губисполкома. Он назывался «Архангельский комитет Севера». Эти структуры ставили своей целью развитие материковых и островных территорий, населённых ненцами. В 1929 г. Пётр Смидович, например, принял активное участие в создании Ненецкого округа. Он выполнил и обещание помочь Новой Земле. В становищах при его содействии появилось электричество, заработало радио, был выстроен «красный чум» (клуб), появились десятки новых промысловых изб, открылись магазины, развивалась школа, была налажена редкая, но регулярная пароходная связь с Архангельском. К 1930-м гг. в самом большом поселении Белушья Губа было уже около 100 домов.

31 июля 1954 г. жизнь ненцев Новой Земли круто изменилась. Вышло закрытое постановление Совета министров СССР об оборудовании на Новой Земле «Объекта-700». А 17 сентября 1954 г. на архипелаге Новая Земля официально появился советский ядерный полигон. Место было выбрано исходя из соображений транспортной доступности (незамёрзающие порты в Баренцевом море) и минимального вреда для людей. К 1954 г. население архипелага выросло до 400 человек, но всем жителям пришлось переехать в Архангельск, Нарьян-Мар, Амдерму или Варнек. На Новой Земле стали обустриваться военные: солдаты, моряки, лётчики, инженеры – развернулось оборонное строительство. Пришлось переехать из родных мест и Илье Константиновичу. Он всю оставшуюся жизнь с болью в раненой душе вспоминал свой большой остров, но туда ему уже не суждено было вернуться.

В Архангельске Тыко Вылка занялся научной деятельностью. Ещё до переезда Вылки в Архангельск в городе было создано отделение Географического общества СССР. Илье Константинович заслуженно стал одним из его первых членов. В 1949 г. он опубликовал в «Правде Севера» статью «Ненцы – исследователи Арктики». В этнографической секции общества он прочёл доклад, посвящённый топонимике Арктики. Он много выступал с лекциями и докладами – занимался просветительской работой – и... продолжал рисовать.

Постепенно возраст брал своё. Настало время последних стихов и последней песни Тыко Вылки. Незадолго до смерти он успел перевести на ненецкий язык стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус»

и А.С. Пушкина «Памятник»¹. А ещё он мечтал написать цикл из пяти картин, посвящённых совместным походам с В.А. Русановым, но этого осуществить не успел. Скончался Илья Константинович 29 сентября 1960 г. Похоронен на Кузнечевском кладбище Архангельска. За его могилой ухаживают. Ныне его картины находятся в Русском музее и в Российском государственном музее Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург), в Музее художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова (музейное объединение «Художественная культура Русского Севера», Архангельск), в Ненецком краеведческом музее (Музейное объединение Ненецкого автономного округа, Нарьян-Мар), в Орловском музее изобразительных искусств, Историко-мемориальном музее М.В. Ломоносова (Холмогоры). Вылке не чужда была ненецкая народная песня. Он пел о том, что видел, о том, как жили и как трудились окружавшие его люди. Записи ненецких песен в исполнении Вылки хранятся в фондах ненецкого окружного радио². Тесная связь с разнообразными проявлениями культуры собственного народа сделала ещё более значимыми сюжеты его картин.

Чем же с самого начала характеризовалось его творчество, чем отличалось от изображений Арктики у других художников? Его ледяные миры никогда не выглядели безжизненной пустыней. Природа его Арктики жива и активна даже в самые суровые и долгие зимы. Тем более в его творчестве наполнено жизнью короткое полярное лето. На многих его этюдах и картинах важное место занимают не только льды и снега, но и животные, люди, чумы, лодки промышленников. На его картинах люди всегда деятельны. Он, видимо, был убеждён в том, что Арктика вообще не терпит лени.

Богатая впечатлениями жизнь и деятельность Вылки нашла отражение в литературе и кино. О нём как о человеке и художнике писал стихи Евгений Евтушенко. Тylko Вылке посвящены несколько книг. Наиболее известны очерки и повести Алексея Феликсовича Сухановского³, Бориса Ивановича Кошечкина⁴, Юрия Павловича Казакова⁵, Тимофея Петровича

¹ Илья Константинович Вылка. Литературная карта Архангельской области [Электронный ресурс] URL: <https://writers.aonb.ru/vyilka-i.k.html> (дата обращения: 19.09.2021).

² Песня Тylko Вылки // Нарьяна вындер. 1965. 15 августа.

³ Сухановский А.Ф. Тylko Вылка. Сын Полярной звезды. Архангельск, 2009. 255 с.

⁴ Кошечкин Б.И. Сын Новой Земли. М., 1980. 78 с.

⁵ Казаков Ю. Осень в дубовых лесах. М., 1983. 575 с. (книга Юрия Петровича включает в себя рассказы и небольшую повесть «И родился я на Новой Земле. Тylko Вылка»).

Синицына (Пэля Пунуха)¹. Был снят и художественный фильм «Великий самоед», который вошёл в золотой фонд кино о знаменитых людях Заполярья². Одна из последних по времени издания, статья Андрея Юрьевича Епатко, научного сотрудника Государственного Русского музея, опубликована в 2020 г.³

Именем Вылки названы улицы в Нарьян-Маре и Архангельске, бухта на Южном острове Новой Земли. Его художественный, научный и общественный вклад в познание и изображение Арктики достоин оценён потомками.

¹ Пеля Пунух. Под вой пурги. М., 1929. 88 с. (есть и переиздание в кн.: Пеля Пунух. Из-под пяты веков. Архангельск, 1979). Пэля Пунух – литературный псевдоним Тимофея Петровича Синицына.

² Великий самоед (реж. А. Кордон, 1981 г.) // Кинопоиск.ру [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/45708/> (дата обращения: 02.07.2021).

³ Епатко А.Ю. «Великий самоед»: ненецкий художник Тыко Вылка [Электронный ресурс] URL: <https://goarctic.ru/society/velikiy-samoed-nenetskiy-khudozhnik-tyko-vylka/> (дата обращения: 26.06.2021).

СВЕШНИКОВА Э.В.

Образы тундры и коренного населения
Русской Арктики в фотографическом
наследии живописца Д.К. Свешникова
на материалах личного архива художника

E. SVESHNIKOVA

Images of the tundra and the indigenous
population of the Russian Arctic in the
photographic artistic legacy of the painter
D.K. Sveshnikov basing on the artist's
personal archive

Сведения об авторе:

Свешникова Элеанора Вадимовна, фотограф, фотореставратор, член Союза художников РФ (Санкт-Петербург)
svesh47@yandex.ru

Author:

Eleanora Vadimovna Sveshnikova, photographer, photo restorer, member of the Union of Artists of the Russian Federation (St. Petersburg)
svesh47@yandex.ru

Аннотация

Советский художник и путешественник Дмитрий Константинович Свешников (1912–1997) известен в первую очередь своим живописным и графическим осмыслением темы Севера. Около 40 лет своей творческой жизни он посвятил поездкам в ненецкие тундры, в становища оленеводов, создавая изобразительные произведения о ненецком народе. Живописное и графическое наследие художника широко представлено в музеях России и зарубежья. Картины «Хозяин тундры» (1957) и «Северянка» (1958) были приобретены Государственной Третьяковской галереей, другие представлены в постоянной экспозиции Музея художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова (г. Архангельск) и в музеях иных стран. Другая, малоизвестная сторона его творчества – фотография. Художник никогда не выставлял и не публиковал свои фотографии,

после его смерти они хранились в семейном архиве в виде фотоотпечатков и негативов. В 2020 г. по фотоматериалам его творческих экспедиций была подготовлена художественная выставка в Музее художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова. Рассматриваемый период – 1960-е гг. Фотоматериалы были отреставрированы в цифровом формате по увеличенным сканам. Фотоматериалы имеют характер художественных произведений и одновременно документов эпохи, отражающих самобытность и полноту культуры ненцев. На фотографиях запечатлены быт оленеводов, портреты детей, стада, просторы тундры, городские пейзажи Нарьян-Мара. В ходе подготовки выставки была установлена часть лиц, изображённых на этих фотографиях, большая часть фотографий представляет исследовательский интерес для этнографов, искусствоведов, краеведов и фотографов.

Abstract

Soviet artist and traveler Dmitry Konstantinovich Sveshnikov (1912–1997) is known primarily for his pictorial and graphic interpretation of the theme of the Russian North. About forty years of his creative life, he devoted to trips to the Nenets tundra, to reindeer herders' encampments, creating pictorial artworks about the Nenets people. The painterly and graphic legacy of the artist is widely represented in museums in Russia and abroad. The paintings "Master of the Tundra" (1957) and "Severyanka" ("North girl") (1958) were acquired by the State Tretyakov Gallery. D.K. Sveshnikov's paintings are presented in the permanent exhibition of the Museum of Artistic Development of the Arctic named after A.A. Borisov (Arkhangelsk) and in the museums of Russian Federation. Another, little-known side of his work is photography. The artist never exhibited or published his photographs; after his death, it was kept in the family archive in the form of photo prints and negatives. In 2020, based on photographs of his creative expeditions, an art exhibition was compiled at the Museum of Artistic Development of the Arctic named after A.A. Borisov. The period under review is the 1960s. The photographic materials were enlarged and restored in digital using enlarged scans. The photographic materials have the character of art and, at the same time, documents of the era, reflecting the originality and completeness of the Nenets culture. The photographs reflect the life of reindeer herders, portraits of children, herds, the vastness of the tundra, city landscapes of Naryan-Mar. During the preparation and compilation of the exhibition, some of the persons depicted in these photographs were identified; most of the photographs are of research interest for ethnographers, art historians, local historians and photographers.

Ключевые слова:

ненцы, оленеводы, ненецкая тундра, Д.К. Свешников, Нарьян-Мар, фотография.

Keywords:

Nenets, reindeer herders, Nenets tundra, D.K. Sveshnikov, Naryan-Mar, photography.

В 2018 г. при разборе личного архива Д.К. Свешникова (его не стало в 1997 г., а его жены – в 2015 г.) его наследниками были собраны фотоплёнки (в основном чёрно-белые негативы «тип-135»), а также ручные фотоотпечатки на баритовой фотобумаге. Предварительно было определено, что это «подручный материал» художника, то есть фотоснимки, которые он использовал в своей живописной практике в мастерской. Было принято решение оцифровать фотоархив для сохранения информации – сами негативы и отпечатки хранились не в самых подходящих условиях. При изучении повреждений исходного материала было установлено, что местами от подложки отошла эмульсия, появились трещины от скручивания плёнки в тугие катушки, часть снимков на бумаге выцвела, кое-где появилась плесень.

После того как были осуществлены сканирование, изучение и сортировка цифровых копий, стало понятно, что фотоработы Д.К. Свешникова:

1. В основном являются не «подручным материалом», но самостоятельными произведениями, не получившими «продолжения» в живописи и графике художника.

2. Имеют художественную, этнографическую и историческую ценность.

Материал личного архива Д.К. Свешникова был продемонстрирован в полном объёме сотрудникам Музея художественного освоения Арктики им. А.А. Борисова в г. Архангельске, и было принято совместное решение о подготовке выставочного проекта с использованием этих фотоматериалов. Было решено произвести увеличение и цифровую фотореставрацию по сканам плёнок и отпечатков. Технологически сканирование производилось на сканере Canoscan 9000 Mark II, в основном в разрешении 9600 dpi для плёнки и 3600 dpi для фотоотпечатков. Вся дальнейшая работа по ретушированию старых снимков автором данной статьи производилась в программе Adobe Photoshop CC. Фотореставрация производилась послойно, с сохранением первоначального слоя с повреждениями и работой «поверх» него. Устранялись цветные пятна, пятна выцветания, механические повреждения (трещины, царапины), выравнивался цвет, тон, устранялось виньетирование. Попутно был произведён отбор произведений по принципу наибольшей художественной ценности. По некоторым особенностям оптического рисунка на изображении (например, скруглённые края кадра, мягкое размытие в зоне боке) и учитывая знание, какой фотокамерой пользовался художник в какой период, мы предположили, что большая часть фотографий была снята с использованием объектива «Юпитер-8». Таким образом, предварительно были определены временные рамки художественного материала – а именно 1960-е гг.

Рис. 1. «Приехали на медосмотр».
Фотография Д.К. Свешникова

Учитывая предстоящую печать для экспозиции в музейном пространстве, фотореставрация производилась в высоком разрешении и на больших размерах, пригодных для печати крупных листов. Таким образом, любая «пропущенная» пылинка повредила бы конечному результату. Поэтому процесс ретуши был кропотливым и, как следствие, долгим. Всего было представлено 70 фоторабот в состоянии, пригодном для печати и экспозиции. Выставка была внесена в план на 2020 г.

2020 г. «ознаменовался» пандемией коронавируса, которая повлияла на многие планы, в том числе и на работу музеев, выставочных залов и на проведение массовых мероприятий. Тем не менее к началу ноября была полностью подготовлена и собрана выставка, прошедшая под названием «Дмитрий Свешников. Путевые заметки. Фотографии, рисунки, эскизы. Из экспедиций по ненецкой тундре. 1950–1970-е». Все фотографии, представленные на этой выставке, экспонировались впервые (рис. 1, 2). В эту выставку также вошли ранее не публиковавшиеся и не выставывавшиеся эскизы и наброски художника из личного архива. В ходе подготовки информационных материалов к выставке, при большой помощи педагога и переводчика, методиста преподавания ненецкого языка Розы Ивановны Канюковой, была установлена личность троих людей, изображённых на фотографиях.

Рис. 2. «Дети стойбища в сборе». Фотография Д.К. Свешникова

Таким образом, изначальная гипотеза подтвердилась, и это действительно оказался период 1960-х гг.

Об исторических и художественных достоинствах материала можно сделать обширные выводы, сопоставив фотографическое наследие Д.К. Свешникова, представленное на этой выставке, с наиболее известным фотографическим отражением ненецкого народа середины XX в. – с серией работ В.С. Тарасевича «Край земли», посвященной жизни в тундре. В.С. Тарасевич, безусловно, классик советской фотографии, и ценность его наследия неоспорима. Тем не менее его взгляд на жизнь ненецкого народа – это взгляд пусть и профессиональный, но «человека извне», приехавшего в творческую командировку из Москвы. Тарасевич в своих работах невольно или осознанно, но отражает «экзотику» советского Заполярья. Д.К. Свешников на момент создания фотоматериалов уже около 10 лет в своих командировках кочевал с оленеводами, причём, согласно воспоминаниям, ему нередко доверяли выполнение некоторой работы в становище, он жил в чуме, так же, как и все, переходил на новые пастбища и в целом был интегрирован в бытовую жизнь (рис. 3). Люди, которых он рисовал, а также фотографировал, были его друзьями, и те, кто ещё жив и с кем автору данной статьи удалось пообщаться в своих поездках в г. Нарьян-Мар, до сих пор с большой теплотой

Рис. 3. «В ожидании праздника». Фотография Д.К. Свешникова

Рис. 4. «Мальчик в зимней малице». Фотография Д.К. Свешникова

Рис. 5. «С зимних каникул». Фотография Д.К. Свешникова¹

¹ В данный момент фотографии находятся в коллекции ГМО «Художественная культура Русского Севера».

вспоминают о нём. Д.К. Свешникова в тундре считали «своим», ненецким художником, недаром в 1968 г. ему первому было присвоено звание почётного гражданина г. Нарьян-Мар.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно говорить о том, что, в отличие от проекта В.С. Тарасевича, фотографии Д.К. Свешникова уникальны как раз взглядом «изнутри», они показывают быт ненцев глазами человека, который в этом быту жил, хотя бы некоторое время на протяжении своих довольно длительных командировок, человека, который понимает, «что здесь происходит», и сам может это объяснить стороннему зрителю. С художественной точки зрения фотоработы Д.К. Свешникова до сих пор смотрятся современно – он не являлся профессиональным фотографом, но умение построить композицию, берущее начало в профессии художника, а также понимание тональных отношений в кадре позволило ему создать изображения, которые не уступают по художественным достоинствам «золотой классике» этнофотографии. Можно говорить о наличии портретов в «низком» (преобладание тёмных областей) и «высоком» (преобладание светлых областей) ключе, что также считается одним из эталонов портретного фотографирования. Портреты ненцев наполнены психологизмом. Многие фотографии динамичны и ритмичны (рис. 4, 5). Также определённый интерес представляют пейзажные фотографии и изображения стад оленей с ритмично решённым пространством. По представленному материалу можно составить вполне объективное впечатление о тогдашнем быте ненецкого народа, о некоторых элементах культуры ненцев (например, традиционный ненецкий костюм), увидеть сценки из реальной жизни (ставят чум, отдыхают, варят суп, подкармливают оленя хлебом и т. п.), а также ближе познакомиться с внутренним миром самого художника, получив представление о том, какие моменты жизни в тундре для него лично оказались интересными и важными.

Полярные регионы:
архитектура и дизайн

Polar regions: architecture
and design

КОЛПАКОВ Ф.Н.

К образу города Воркуты в исторической урбанистике

F. KOLPAKOV

To the image of the city of Vorkuta in historical urbanism

Сведения об авторе:

Колпаков Фёдор Николаевич, старший научный сотрудник МБУК «Воркутинский музейно-выставочный центр» (Воркута, Республика Коми)
kolpakoff.fedor@mail.ru

Author:

Fyodor Nikolaevich Kolpakov, Senior Researcher at the Vorkuta Museum and Exhibition Center (Vorkuta, Komi Republic)
kolpakoff.fedor@mail.ru

Аннотация

В статье рассказывается об истории города Воркуты, который появился и развивается в Арктической зоне Российской Федерации. На основе обширного практического материала идёт осмысление хода развития города, городской застройки и некоторых урбанистических феноменов Воркуты за 90 лет. Непосредственным предметом исследования стал процесс формирования локус-центров города Воркуты за прошедшее время.

Abstract

The article talks about the history of the city of Vorkuta, which appeared and develops in the Arctic zone of the Russian Federation. On the basis of extensive practical material, there is an understanding of the course of development of the city, urban development and some urban phenomena of Vorkuta over the past 90 years. The immediate subject of the study was the process of formation of the locus centers of the city of Vorkuta over the past time.

Ключевые слова:

Воркута, локус-центр, площадь, архитектор, улица, здание.

Keywords:

Vorkuta, the locus of the centre square, architect, street, building.

Летом 1930 г. в Печорском угольном бассейне произошло открытие Воркутинского угольного месторождения. Его первооткрывателем стал молодой геолог Г.А. Чернов. Как центр угледобычи на северо-востоке европейской части России, Воркутинское угольное месторождение изучено достаточно хорошо. Однако изучение самого города Воркуты, выросшего из первых пришахтных посёлков, всё ещё отстаёт от индустриального освоения региона. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, ГУЛАГовское прошлое региона очень долго тормозило многие историко-социальные процессы и проекты. Во-вторых, проблематика изучения города как сложного социально-экономического, антропологического, географического и культурного объекта остаётся в нашей стране достаточно молодой и методологически недостаточно освоенной.

Остаются практически не изученными многие аспекты жизни Воркуты, её объекты, социально-политические и культурные события и явления. Одним из них является развитие и существование в Воркуте на протяжении её практически вековой истории нескольких городских локус-центров¹. Именно история Воркуты с 1930-х гг. и до настоящего времени, развитие локус-центров города станут объектом и предметом нашего исследования. В этой статье мы постараемся рассмотреть данную проблему, опираясь на методологию *хронотопии*², важнейшим инструментом которой является *хронотоп*. В социально-гуманитарные науки, как уже многократно отмечалось, понятие «хронотоп» вошло благодаря творчеству М.М. Бахтина. Он использовал этот термин для анализа реальности художественного произведения. Под хронотопом учёный понимал существенную «взаимосвязь временных и пространственных отношений»³. Кроме того, понятие «локус» очень интересно раскрывается в исторической урбанистике. Так, в биологии, генетике и молекулярно-генетической экологии этот термин означает местоположение определённого гена на генетической или цитологической карте хромосомы⁴. В результате нашего исследования мы можем получить, транспонируя генетический термин, упорядоченный перечень локус-центров города Воркуты разных времён, что может быть использовано для формирования *генетической карты* этого урбанистического объекта.

Понятие *генетическая карта города* (*genetic map city*) в этом качестве, безусловно, является новым термином в современной городской

¹ От латинского слова *lokus* – место.

² См.: Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знаний. М., 2008. 542 с.

³ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. 504 с.

⁴ Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. М., 1986. С. 330.

эпистемологии, который ещё потребует серьёзного научного осмысления. Сохраняя вектор междисциплинарности, можно предположить, что своеобразными *митохондриальными ДНК* на генетической карте Воркуты станут архитектурные объекты – творения архитекторов В.Н. Лунёва, Л.Е. Райкина, Г.В. Гонцкевича, В.А. Трошина, может быть, отчасти и В.К. Олтаржевского.

Изучение развития локус-центров остаётся привлекательным в силу иерархичности города. На эту особенность обратил внимание в своих работах А. Лефевр, её изучению посвятили несколько своих работ Н.В. Барабошина, Е.Я. Бурина, Я.А. Голубинов, Л.Г. Иливицкая, Е.Ю. Шиллинг и др. Проблематика центра города получила в настоящее время значительное осмысление в исторической урбанистике¹.

Ещё одним методом исследования станет локальный метод, предложенный, в частности, Н.П. Анциферовым в его работе «Краеведный путь в исторической науке». «Локальный метод в истории – это не только изучение местной (краевой) истории в её архивах, это – изучение и тех мест, которые были носителями историко-культурных явлений. Локальный метод есть изучение истории на местах», – писал Н.П. Анциферов².

Под центром города, в соответствии с методом хронотопии, мы будем понимать географическое, социально-административное и культурное место города, которое считали таковым жители города Воркуты разных времён. Чаще всего это будет городская площадь в том её понимании, о котором говорил в своей работе «Урбанистика» В.Л. Глазычев. «Лишь со временем выделилась специальная площадь для собраний, которую греки именовали агорой, а римляне – форумом, придавая ему особо торжественное обрамление», – писал Глазычев³. Стоит уточнить, что рассмотрение этой проблемы мы хронологически начнём с начала 1930-х гг., когда, собственно, города Воркуты как административной единицы ещё не существовало.

¹ Археология периферии. М., 2013. 529 с.; Глазков К. От Археологии периферии к Археологии смыслов. 2014 [Электронный ресурс] URL: [http://socofpower.ane.ru/uploads/2\(2014\)/SV14.pdf](http://socofpower.ane.ru/uploads/2(2014)/SV14.pdf) (дата обращения: 26.06.2021); Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Под ред. Э.В. Сайко. М., 2001. 394 с.; Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. 167 с.; Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. 576 с.; Лимонов Л.Э. Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии. СПб., 2001. 270 с.; Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М., 2008. 344 с.; Пилясов А.Н. Указ. соч.

² Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. № 6. С. 323.

³ Глазычев В.Л. Урбанистика. М., 2008. С. 187.

Первым и единственным на тот момент центром нарождающегося города Воркуты стало поселение Рудник, которое было заложено с началом строительства шахты № ½ в июле – октябре 1931 г. До начала 1940-х гг. здесь, на правом берегу реки Воркуты, были сконцентрированы администрация 1-го отделения Ухто-Печорского ИТЛ, первые индустриальные объекты, Дом культуры, жилые дома и бараки. В помещении Дома культуры, на площадке перед ним проходили значимые социально-политические события: партийные собрания, выборы депутатов в советские органы власти, демонстрации в честь государственных праздников, съезд оленеводов и т. п. В фондах МБУК «Воркутинский музейно-выставочный центр» сохранилась фотография одной из первых демонстраций вольных жителей Рудника 1 мая 1935 г. В окружении гигантских снежных сугробов группа из нескольких десятков полураздетых людей шествует со знаменем во главе. Проведение подобных мероприятий в глазах граждан Советского Союза делало центральным такое место любого поселения. Этот критерий станет одним из важнейших для признания того или иного городского места центром Воркуты.

После начала строительства на левом берегу реки Воркуты шахты № 1 «Капитальная» индустриальная активность, а затем и статус центра города зримо переходит в эту часть Большой Воркуты, как стали именовать это место с 1936 г.¹ Присвоение Воркуте статуса рабочего посёлка практически совпало с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Никто не знает, кто заводит пружину. Но когда она ломается, город сразу превращается в руины, и поглазеть на них приезжают люди, живущие совсем по другим часам», – размышляет над хронотопом города В. Пелевин². Общеизвестно, что такой пружинкой для Печорского угольного бассейна и Воркуты стала Великая Отечественная война.

К этому времени центром Воркуты становится связка площадь Комсомольская – улица Комсомольская в рабочем посёлке шахты № 1 «Капитальная», для застройки которого был разработан специальный проект. На этой площади строится первый деревянный железнодорожный вокзал. Отсюда берёт начало улица Комсомольская, на которой спустя пару лет появятся управление Воркутлага, первые социальные объекты города – гостиница, больница, техникум. Центр Воркуты военной поры неразрывно связан с массовыми митингами, которые были посвящены отправке железнодорожных составов сверхпланового угля, который по большей

¹ Воркутауголь: альбом. Сыктывкар, 2001. 168 с.

² Пелевин В.Т. Generation П. 2009 [Электронный ресурс] URL: <http://www.livelib.ru/author/2355/quotes/~23> (дата обращения: 26.01.2021).

части предназначался блокадному Ленинграду. Здесь же появляются первые гражданские объекты, старт строительству которых дал начальник комбината «Воркутауголь» М.М. Мальцев летом 1945 г., обозначив тем самым окончание военного «затишья» в процессе застройки города. Первенцами послевоенного строительства здесь стали бульвар Победы, новое здание Воркутинского музыкально-драматического театра, здание душевого павильона, скульптура С.М. Кирова (по модели М.Г. Манизера), подаренная Воркуте руководством Ленинграда, который взял шефство над молодым городом угольщиков. Темпорально-топосными маркерами этого центра города стали для всех воркутинцев сама площадь, бульвар, скульптура, театр и угольные составы, украшенные лозунгами и портретами руководителей страны той поры.

С начала 1950-х гг. центр города перемещается на несколько сотен метров на север. Начинает развиваться и застраиваться бывшая окраина города, превращаясь в связку площадь Московская – улица Московская. Незрелость урбанистических традиций не позволила руководству города вовремя обратить внимание на эту топонимическую тавтологию. Соседство двух одноимённых объектов, которое началось на площади Комсомольской, некоторое время продолжалось на площади Московской, а завершилось в Воркуте связкой площади / улицы Мира. С площади Московской Воркута начинает развиваться как каменный (кирпичный) город. Первое кирпичное здание детского сада было построено, правда, в 1941 г. Но война прервала данный процесс. Вернуться к этому месту застройки довелось лишь в конце 1940-х гг. Архитектурной доминантой площади была и всё ещё остаётся городская детская больница (арх. В.Н. Лунёв). Полноправным центром города новая площадь стала после установки здесь в 1949 г. памятника И.В. Сталину (по модели Н.В. Томского, арх. Г.В. Гонцкевич).

Безусловно, стоит признать, что конкретные геологические, гидрологические и многие другие условия места оказывают значительное влияние на его урбанистическое развитие. Эту мысль как нельзя лучше подтвердили обстоятельства и условия участка, выбранного для строительства площади. Большеземельская тундра с её грунтами показала свой строптивый и изменчивый характер. Тундра здесь скована вечной мерзлотой, которая имеет «очень неустойчивый характер» (по терминологии геологов – «вялая мерзлота»)¹. Застройка этой части города шла с большими трудностями. Так, чтобы быть уверенным в надёжности фундамента детской

¹ Воспоминания Л.Е. Райкина: Фонды МБУК «Воркутинский музейно-выставочный центр» («ВМВЦ»).

больницы, её автор архитектор В.Н. Лунёв спроектировал его глубиной 6,5 м. Для сравнения, фундамент Останкинской телебашни в Москве имеет глубину всего 4,6 м.

Принимая на себя функции локус-центра Воркуты 1950–60-х гг., площадь Московская (с начала 1960-х гг. – площадь Кирова) становилась центром народных торжеств 1 мая и 7 ноября. Темпорально-топосными символами этого центра города, кроме названных выше, стали: городской кинотеатр «Родина», новое здание управления комбината «Воркутауголь», первый трёхэтажный жилой дом в Заполярье, который предназначался для представителей партийной номенклатуры. Стоит отметить ещё несколько темпоральных символов этого времени. Во-первых, мощение улиц в данной части Воркуты деревянными шестигранниками-шашками в форме пчелиных сот, которым занимались пленные немецкие солдаты. Во-вторых, строй солдат внутренних войск, которые по периметру окружали эту площадь во время демонстраций трудящихся в дни государственных праздников.

Оригинальным свидетельством значения данной части города как центра Воркуты стала интересная коллекция фотографий. На нескольких снимках изображены члены одной семьи, которые в течение одного дня (это видно по одежде, погоде и шарикам в руках детей) сфотографировались у важнейших достопримечательностей этого локус-центра. Таким в их понимании были сама площадь Московская, памятник Сталину, первый фонтан, скульптура горняка перед зданием театра и окончание улицы Московской. Аналогия со значимостью снимка на Красной площади в Москве несомненна и подтверждает феноменальность этих фотографий.

Очередным центром на генетической карте Воркуты стала площадь Мира. Её появление было предусмотрено генеральным планом Воркуты 1951 г. На долгие годы именно ей предстояло стать центром города. Над архитектурным решением площади работали Г.В. Гонцкевич, В.Н. Лунёв, Г.П. Рубина. Доминантами этого локус-центра стали Дворец культуры шахтёров (арх. В.Н. Лунёв) и памятник В.И. Ленину (по модели С.О. Махтина). 1960–70-е гг. были своеобразным пиком развития Воркуты. Самосознание горожан и руководства города, создание яркого и гармоничного локус-центра резонировали с урбанистским потенциалом города в целом. Важным шагом стало создание сквера с фонтаном перед Дворцом культуры. «Мы строили так, чтобы было как в больших городах», – писал, вспоминая это время, Всеволод Лунёв¹. До конца 1990-х гг. площадь Мира становится местом проведения

¹ Воспоминания В.Н. Лунёва: Фонды МБУК «ВМВЦ».

всех значимых городских мероприятий, точно так же как Дворец культуры шахтёров становится важнейшим рекреационным центром и города, и Коми АССР в целом.

Последний раз общегородские официальные мероприятия, посвящённые государственному празднику – Дню Победы – прошли на площади Мира в 2002 г.

В квартиры с окнами, выходящими на площадь Мира, постепенно перебирается элита Воркуты: руководители комбината и шахт, аппаратчики горкома партии и горисполкома, руководители крупнейших предприятий жилищно-коммунального хозяйства. Глядя на этот уголок Воркуты, сложно отделаться от мысли, что смотришь на подлинную кальку Театральной площади в Москве или площади перед Мариинским театром в Санкт-Петербурге. В качестве пространственных знаков эпохи шестидесятых стоит отметить, что эта площадь благодаря своим пропорциям стала самой гармоничной и красивой в городе.

Крыши зданий на площади Мира со временем были украшены гербом Воркуты и знаком ордена Трудового Красного Знамени, которым был отмечен город в 1970 г. К середине 1970-х гг. уходит в прошлое оцепление из числа военнослужащих внутренних войск, остаются, до начала 1980-х, лишь пропуск на центральную трибуну. На смену этим атрибутам прошлого приходит изящный партика́бль – специальная площадка для установки на ней телекамеры городской студии телевидения.

Условия для создания здесь яркого заполярного великолепия подарила сама тундра. В конце 1940-х гг., во время изучения геологического строения района, в этом месте на глубине 5–6 м под тальми грунтами была обнаружена коренная скальная порода, способная выдержать любую нагрузку. Это позволило начать в 1960-е гг. в Воркуте высотное строительство – создание домов в 9–11 этажей, о котором и мечтать не могли воркутинские архитекторы конца 1940-х гг.

Формирование современного – пятого по счёту – центра Воркуты было начато разработкой и утверждением Генерального плана города 1956 г. В этом документе было обозначено развитие площади, на которую должны были выходить здание новой городской гостиницы, крупнейшего городского кинотеатра, центрального дома быта, два здания крупнейших в Заполярье объединений – комбината «Печоршахтострой» и производственного объединения по добыче угля «Воркутауголь». Со временем и сама площадь получила название Центральная, окончательно закрепив за собой первенство среди локус-центров прежних времён. Архитектурно-ландшафтное оформление данной части города было окончательно завершено лишь в последние годы XX в., после избрания на пост мэра Воркуты И.Л. Шпектора. После этого именно Центральная площадь

становится местом проведения официальных мероприятий, посвящённых государственным праздникам, массовых народных гуляний в дни светских и религиозных торжеств.

Перефразируя высказывание М. Элиаде, можно сказать: «Чтобы жить в городе, необходимо его сотворить»¹. Будто внутренне чувствуя это, жители Воркуты созидали свой город, закрепляя истинность данной мысли созданием всё новых и новых локус-центров, которые бы соответствовали их темпорально-топосным ощущениям, представлениям и пристрастиям.

Описанный выше генезис локус-центров Воркуты является, на наш взгляд, уникальным урбанистическим явлением. Сложно найти в исторической урбанистике примеры существования нескольких локус-центров в относительно короткой истории одного города.

¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 24.

НЕКЛЕССА Р.А.

«Полярник» имени О.Ю. Шмидта –
титульный дом Главного управления
Северного морского пути. Большой
сталинский стиль и покорение Севера.
Архивные открытия

R. NEKLESSA

Schmidt Polar House for the Chief Directorate
of the Northern Sea Route. The Stalin's
Imperial style and polar exploration. Archival
research

Сведения об авторе:

*Некlessа Рута Александровна, редактор онлайн-версии журнала «Интелрос – Интеллектуальная Россия» (Москва)
neklessa@gmail.com*

Author:

*Ruta Alexandrovna Neklessa, chief editor "Intelros – Intellectual Russia" (online)
(Moscow)
neklessa@gmail.com*

Аннотация

В статье с привлечением архивных источников (Музей архитектуры им. А.В. Щусева; Центральный государственный архив города Москвы; Российский государственный архив литературы и искусства) освещается история титульного дома Главного управления Северного морского пути «Полярник» имени Отто Юльевича Шмидта (Москва, ул. Садовая-Кудринская, 14-16) архитектора Ивана Кузьмича Запорожца. Архив архитектора был передан в Музей архитектуры им. А.В. Щусева в 1987 г. и впервые каталогизирован в 2020 г. Данные из архива публикуются впервые.

Ставится вопрос об исторической, культурной и мемориальной ценности здания, построенного в честь основания ГУСМП, в котором проживали руководители ведомства.

В статье поднимаются проблемы забвения исторических памятников и связанные с этим напрямую проблемы искажения истории, как научных открытий 1920–30-х гг., сделанных в СССР, так и победы в Великой Отечественной войне.

Abstract

The article describes the history of Schmidt Polar House for the Chief Directorate of the Northern Sea Route (Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya street, 14–16).

The article uses the wide range of archive sources (A.V. Shusev State Museum of Architecture; The Russian State Archive of Literature and Arts; Central State Archive of Moscow).

Archive materials of the A.V. Shusev's State Museum of Architecture are published for the first time.

The article shows the historical, cultural and memorial value of the building, built to commemorate the establishment of the Chief Directorate of the Northern Sea Route. The article also raises the issue of cultural oblivion of historical monuments. The issue is directly connected to the distortion of historical and scientific findings in the USSR in 1920-30's and the Soviet Union role in WW2.

Ключевые слова:

Дом «Полярник», Главное управление Северного морского пути, архитектура, большой сталинский стиль, О.Ю. Шмидт, И.К. Запорожец.

Keywords:

Polar House, Chief Directorate of the Northern Sea Route, polar exploration, architecture, Stalin's Imperial style, O.J. Schmidt, I.K. Zaporozhets.

Среди масштабных проектов советской эпохи, таких как план электрификации (ГОЭЛРО), мирный атом, освоение космоса, создание Главного управления Северного морского пути занимает особое место. И.В. Сталин сравнивал возможности освоения северных морских и прибрежных территорий с деятельностью британской Ост-Индской компании. Руководитель страны полагал, что масштабные задачи, разбросанные по различным наркоматам, не будут решены, – необходимо создание отдельного комплексного ведомства.

Главное управление Северного морского пути при Совете народных комиссаров СССР (Главсевморпуть, ГУСМП) было образовано 17 декабря 1932 г., его руководителем был назначен О.Ю. Шмидт.

В дальнейшем были организованы территориальные управления Главсевморпути в Мурманске, Архангельске, Владивостоке и других городах, созданы ледокольный и транспортный флот, в Мурманске

построен судоремонтный завод. Средства массовой информации широко освещали научные экспедиции и впечатляющие спасательные операции. После успешного спасения людей с затёртого льдами парохода «Челюскин» первыми, кто получил звание Героя Советского Союза, стали полярные лётчики – ведь именно они смогли эвакуировать людей. Большую известность получила работа первой советской дрейфующей полярной станции «Северный полюс» – экспедиция, в составе которой было всего четыре исследователя под руководством Ивана Дмитриевича Папанина, позднее получившего адмиральское звание и ставшего преемником О.Ю. Шмидта.

В Ленинграде и Минске парки культуры и отдыха стали называть парками Челюскинцев. Освоение Арктики пропагандировалось как героическое дело большого народно-хозяйственного значения. Действия по организации Северного морского пути воспринимались как подвиг, а возвращавшиеся из экспедиций полярники были окружены таким же ореолом восхищения, как и первые космонавты несколько десятилетий спустя.

Одним из важных социальных проектов ГУСМП стало возведение в 1930-е гг. для полярников монументального дома на центральной столичной магистрали того времени – Садовом кольце. Для этого было решено обратиться к архитектору И.К. Запорожцу, которому поручили в кратчайшие сроки разработать проект и приступить к строительству. Один из первых «сталинских» домов на Садовом кольце, согласно проекту, представлял собой масштабное здание с величественным фасадом, на котором располагались статуи, возможно, полярных лётчиков и даже лётчиц; с украшенными лепниной балконами, с богато декорированными интерьерами общественных помещений, украшенными мозаичным орнаментом полами, фресками и панно на стенах лестничных пролётов парадных. Но не все замыслы удалось воплотить.

Искусство 30-х гг. прошлого столетия, и архитектура в первую очередь, – время зрелого советского символизма, когда символ или метафора обозначает профессиональную принадлежность или пафосный смысл строения. Так появляется Театр Советской армии в виде пятиконечной звезды или «дом-самолёт» на Фрунзенской набережной столицы. И.К. Запорожец спланировал дом для пионеров Арктики в форме литеры «П», чтобы «инициал» своего дома полярные лётчики могли увидеть с высоты птичьего полёта. Сегодня монументальная буква «П» хорошо «читается» на снимках, сделанных со спутника (рис. 1). В этой архитектурной эмблеме зашифровано имя дома – «Полярник».

Дом покорителей Севера был построен на Садовой-Кудринской улице. С противоположной стороны за несколько лет до этого (1929)

Рис. 1. Дом «Полярник» им. О.Ю. Шмидта.
Вид со спутника¹

появился первый в СССР планетарий. Таким образом, символическими средствами как бы очерчивался замысел – освоение мира советскими людьми: от Севера до космоса в следующих десятилетиях. В Центральном государственном архиве города Москвы хранится футуристический проект дома 1935 г., согласно которому на крыше архитектор запланировал разместить 850-метровый солярий, чтобы полярники поправляли здоровье после работы в суровом климате Крайнего Севера. На первых этажах по проекту предусматривались магазины с большими стеклянными витринами, а на фасаде здания предполагалось разместить массивные колонны и скульптуры, о чём уже упоминалось. Дом возводился каскадным способом, в три очереди начиная с 1935 г. (рис. 2), а последний его блок был сдан уже после Великой Отечественной войны.

В процессе реализации проекта первоначальный замысел претерпел некоторые изменения в сторону упрощения и большей сдержанности архитектурных форм, однако здание не потеряло монументальности, а стилистическое решение дома «Полярник» приобрело чистоту и ясность (рис. 3, 4). Позже приём цитирования античных образцов – фигур на крышах, в нишах и на террасах – использовали другие архитекторы того времени, например, в украшении «высотки» на Кудринской площади и гостиницы «Пекин», находящихся по соседству с домом «Полярник» им. О.Ю. Шмидта на Садовой-Кудринской.

В 2020 г. началась (и по сей день продолжается) долгожданная каталогизация архива архитектора И.К. Запорожца, переданного в дар Музею архитектуры им. А.В. Щусева дочерью архитектора, Татьяной Ивановной Запорожец, в 1987 г.

Стали доступны архивные документы – такие, например, как переписка архитектора с руководством ГУСМП. Согласно этим материалам,

¹ Google maps [Электронный ресурс] URL: <https://goo.gl/maps/J9u25UXmxMwNmx2X6> (дата обращения: 28.06.2021).

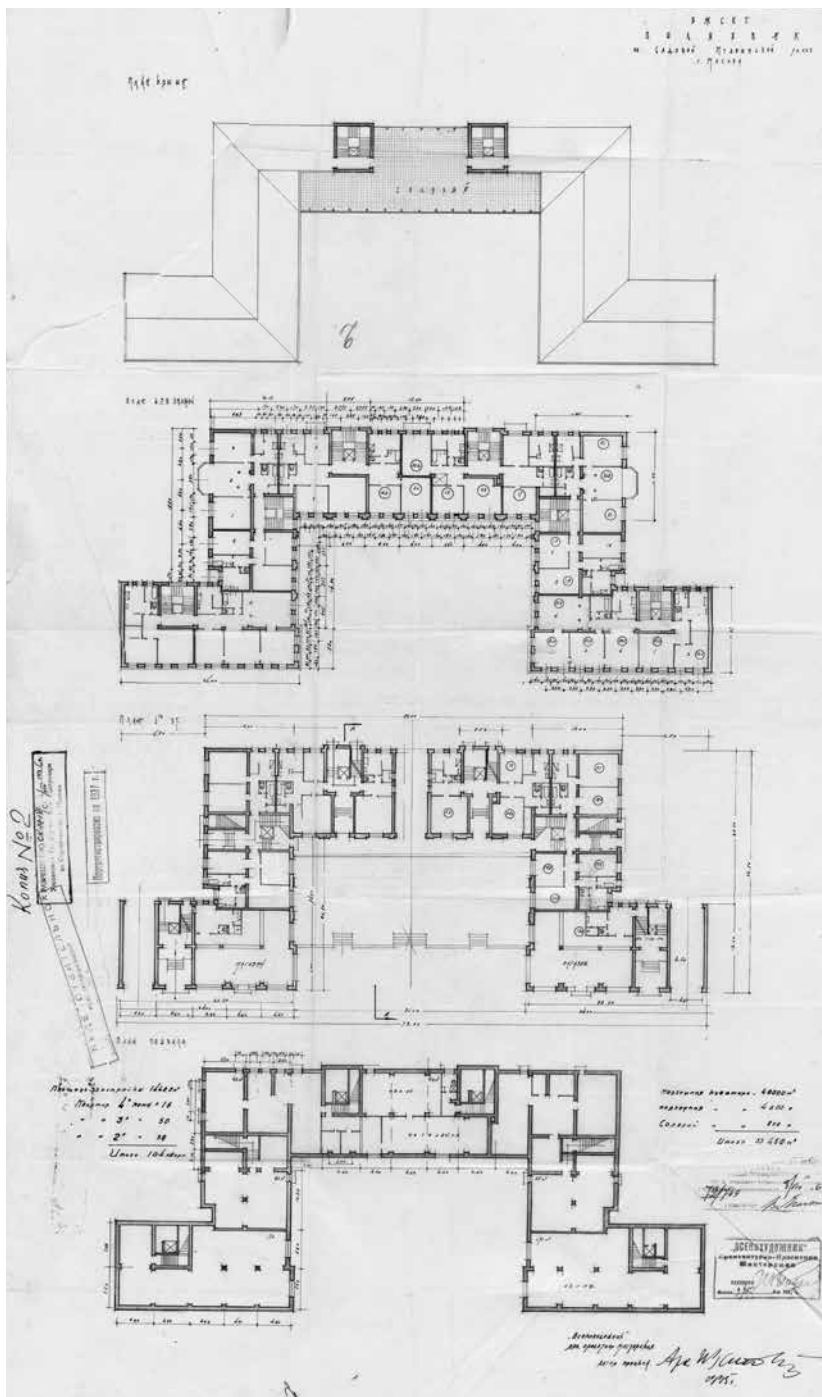
Рис. 2. Садовая-Кудринская улица. Возведение первой очереди дома «Полярник» им. О.Ю. Шмидта (на втором плане). Фотография середины 1930-х гг.

в 1937 г. Иван Кузьмич Запорожец уже проживал в спроектированном им доме «Полярник» имени О.Ю. Шмидта (на Садовой-Кудринской улице, 14-16) – именно туда ему адресованы письма и телеграммы от руководства Управления.

Мы увидели в числе прочего планы, кальки, различную проектную документацию поэтапно возводимых И.К. Запорожцем зданий и концепций застройки городских пространств Москвы середины 1930-х гг., в том числе набережных.

Отмечу, что более известный дом «Полярник» на Бульварном кольце (с включением в проект особняка в стиле модерн, построенного А.Ф. Мейснером – членом технического Совета Строительного отдела Моссовета, возглавляемого И.К. Запорожцем) возводился в 1936–1937 гг. Сегодня, когда открыты новые архивные материалы, есть все основания полагать, что И.К. Запорожец – автор концепции обоих домов «Полярник», выполненных в форме буквы «П» и находящихся на Садовом и Бульварном кольце.

В доме «Полярник» им. О.Ю. Шмидта на Садовой-Кудринской, 14-16 (рис. 5) проживали в основном руководители ГУСМП и авиаторы – элита ведомства.

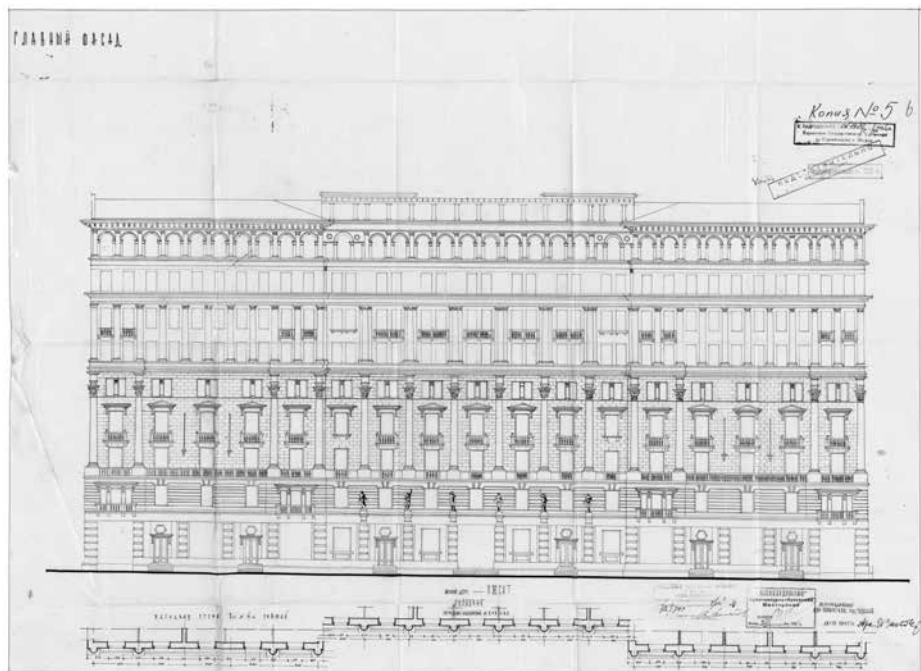

Рис. 3, 4. Проект дома «Полярник» им. О.Ю. Шмидта. На документах стоит подпись «Арх[итектор] И[ван] Запорожец»¹

Рис. 5. Садовая-Кудринская улица, 14-16, дом «Полярник» им. О.Ю. Шмидта. Современный фотоснимок

¹ Центральный государственный архив г. Москвы. ОХНТМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8254.

Жители дома «Полярник» имени Отто Юльевича Шмидта

До начала Великой Отечественной войны в доме жил *Иван Дмитриевич Папанин* (1894–1986), контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза, преемник *Отто Юльевича Шмидта* на посту руководителя ГУСМП¹ в 1939–1946 гг. 15 октября 1941 г. его назначили уполномоченным Государственного комитета обороны по перевозкам на Белом море.

Жил в доме и *Евгений Матвеевич Сузюмов* (1908–1998) – кавалер семи орденов. За день до начала войны он стал адъютантом, а позже – помощником И.Д. Папанина, временно занимал должности заместителя начальника штаба морских операций Западного и Восточного секторов Арктики, созданного для взаимодействия с караванами союзнических судов, доставлявших в СССР грузы по ленд-лизу.

После войны Евгений Матвеевич занимался в основном планированием и организационным обеспечением экспедиционных исследований Мирового океана, сам участвовал в ряде экспедиций Главсевморпути и Академии наук в Арктику, Антарктику, Атлантический и Тихий океаны. Он – автор полутора десятков научно-популярных книг и многочисленных статей, кандидат географических наук, почётный полярник, почётный иностранный член Географического общества США.

31 мая 1939 г. ГУСМП выделило квартиру из двух комнат площадью 38,35 кв. м *Владимиру Фёдоровичу Табелеву*, «референту тов. Папанина», как гласит запись в его трудовой книжке, которую вместе с «Правилами проживания в доме “Полярник”» тщательно сохранили его потомки.

Уникальные фотоматериалы из личного архива хранят проживающие в доме потомки Героя Социалистического Труда *Семёна Григорьевича Цесарского* (1894–1968), занимавшего пост начальника Управления «Севгидрострой» Колэнерго по строительству ГЭС Ковдинского каскада.

Другой житель дома «Полярник» им. О.Ю. Шмидта – *Владимир Петрович Рябчиков* – заместитель начальника ГУСМП, член Коллегии ГУСМП.

Максим Николаевич Чибисов (1906–1989) – начальник Управления полярной авиации Главсевморпути, член Коллегии ГУСМП, в его честь в г. Пущино, на его малой родине, проводятся Чибисовские чтения. Дочь выдающегося авиатора бережно хранит память об отце, она – автор книги «Через материки и океаны: жизненный и боевой путь генерал-майора авиации Максима Николаевича Чибисова»².

¹ Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. М., 1991. С. 426.; Шокарев С., Ястржембский Д. Дом полярников. Арктическое братство на Никитском бульваре // Московское наследие. 2017. № 5 (53). С. 110–120.

² Рубина Е.М. Через материки и океаны: жизненный и боевой путь генерал-майора морской авиации Максима Николаевича Чибисова. М., 2011. 367 с.

В доме также проживали: *Осип Абрамович Хомский* (1888–1970) – начальник Арктикснаба ГУСМП; *Яков Соломонович Либин* (1910–1947) – директор Арктического научно-исследовательского института (1940–1941), первый заместитель начальника Главного управления гидрометслужбы при Совнаркоме СССР (1941–1947); *Николай Александрович Еремеев* (1899–1966) – начальник отдела эксплуатации Управления морского транспорта ГУСМП (1940–1941) и руководитель Отдела морских арктических операций Главсевморпути в послевоенное время; *Борис Владимирович Вайнбаум* – заместитель начальника ГУСМП по перевозкам.

В доме проживали и полярные лётчики: *Олег Архипович Куксин* (1912–1984), Герой Социалистического Труда, награждён орденом Ленина и медалью «Серп и Молот», орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почёта», рядом медалей; *Леонард Густавович Крузе* (1899–1966) – пилот 1-го класса, участник авиамоста СССР – США; *Николай Лукьянович Сырокваша* (1910–1985) – пилот Московской авиагруппы, награждён орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени («За выполнение спецзадания правительства в Арктике»), Красной Звезды, медалью «За оборону Советского Заполярья»; *Иннокентий Григорьевич Бахтинов* (1910–1992) – полярный лётчик, награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Знаменитый полярный лётчик *Владимир Васильевич Мальков* (1914–2007) летал на всех типах воздушных судов, имевшихся в составе полярной авиации. В начале войны Мальков на самолёте Р-5 обеспечивал безопасность эвакуации Наркомата ВМФ из Москвы, а с 1942 г. обслуживал нужды Норильского комбината. Совершал рейсы и к зимовавшим во льдах судам, и к ледоколу «Северный полюс». В 1943 г. его отозвали в Красноярск и поручили провести государственные испытания нового гидросамолёта Бе-4. Далее было участие в кругосветном перелёте с целью перегона американских гидросамолётов «Каталина» из США в СССР через Южную Америку и Африку. Награждён орденами Ленина и «Знак Почёта», двумя орденами Трудового Красного Знамени, знаком «Почётный работник морского флота СССР», дважды – значком «Почётному полярнику», знаками «Отличник Аэрофлота», «За налёт 1 000 000 километров». Самой первой наградой Владимира Малькова стали именные часы от начальника ГУСМП О.Ю. Шмидта, которые он получил в 1937 г.¹

Жителями дома также были: *Юлия Владимировна Воеводина* – переводчик Межведомственной комиссии по исследованию Антарктики при Президиуме Академии наук СССР; *Владислав Иванович*

¹ Филиппов В. Судьба лётчика Малькова // Сегодняшняя газета. Красноярск. 2018. 3 мая.

Грачёв – радиотехник полярной станции Анадырь, награждён медалью «За трудовое отличие», и многие другие.

К сожалению, на сегодняшний день дому «Полярник» им. О.Ю. Шмидта не присвоен статус объекта культурного наследия ни регионально, ни федерального значения. Согласно Распоряжению Мосгорнаследия от 23 октября 2013 г. № 540 «О согласии с заключением (актом) государственной историко-культурной экспертизы» предлагается:

«1. Согласиться с заключением (актом) государственной историко-культурной экспертизы (прилагается к настоящему распоряжению – но фактически ознакомиться с актом экспертизы не представляется возможным ни простым гражданам, ни депутатам Московской городской думы¹), выполненным аттестованным экспертом по проведению государственной историко-культурной экспертизы А.Л. Баталовым (Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 24 февраля 2012 г. № 135), содержащим вывод о необоснованности включения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, “Ансамбль жилых домов кооператива полярников, 1950-е гг., арх. А.Б. Варшавер: – Жилой дом, 1950-е гг.; – Жилой дом, 1950-е гг.; – Сквер; – Фонтан; – Два вазона; – Художественная ограда” по адресу: ул. Садовая-Кудринская, д. 8-10-12, стр. 1, д. 14-16 в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения (памятника или ансамбля) и об отнесении объекта экспертизы к исторически ценным градоформирующим объектам с наименованием “Ансамбль жилых домов кооператива полярников, 1930–1940-е гг.: – Жилой дом, 1930–1940-е гг., архитектор А.Б. Варшавер; – Жилой дом, 1938–1939-е гг., архитектор И.К. Запорожец; – Сквер с фонтаном и двумя вазонами; – Ограда”»².

Тут впервые возникает путаница, лежащая в основании ошибочного решения данной экспертизы, а именно: дом «Полярник» им. О.Ю. Шмидта объединён с соседними зданиями разных стилей, эпох и архитекторов. Получившаяся конструкция объявлена «ансамблем», «кооперативом полярников»; собственно название дома в Распоряжении не фигурирует.

Познакомившись с истинной историей дома «Полярник» имени О.Ю. Шмидта, признав его безусловную культурную, историческую и мемориальную ценность, в 2020 г. Научно-методический совет

¹ См., например: Депутатский запрос Д.С. Бесединой в Департамент культурного наследия г. Москвы от 28 мая 2020 г.: Личный архив автора.

² Распоряжение Мосгорнаследия от 23.10.2013 № 540 «О согласии с заключением (актом) государственной историко-культурной экспертизы» // Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс] URL: <https://www.mos.ru/dkn/documents/normativnye-pravovye-akty/view/48906220/> (дата обращения: 28.06.2021).

при Департаменте культурного наследия г. Москвы частично путаницу устраняет и рекомендует изменить название объекта в Городском реестре недвижимого культурного наследия и Историко-культурном опорном плане Москвы. Символично, что к 130-летию О.Ю. Шмидта в 2021 г. дом – памятник подвигам полярников – наконец обретает первоначальное историческое название¹. Однако издано ли новое распоряжение в связи с рекомендацией уважаемого эксперта о возвращении первоначального названия – неизвестно; вопрос внесения здания в Реестр объектов культурного наследия регионального или федерального значения, согласно этому же Протоколу, отложен на неопределённую перспективу. Вопрос о размещении на здании мемориальной доски покорителям Севера Департаментом культурного наследия не поднимался.

Важно отметить, что память о героях, проживавших в доме, хранящаяся только самими старожилками, теряется. Постепенно полярники, авиаторы, соратники И.Д. Папанина уходят, остаются их внуки, собирающие истории прошлых побед своих предков. Вновь приехавшие жители ничего о доме не знают. Так постепенно и буднично происходит забвение истории. Забываются памятники, а следом и герои, в честь которых они воздвигнуты.

Очевидно, что во избежание забвения истории необходимо разместить на доме «Полярник» имени Отто Юльевича Шмидта мемориальные доски героям-полярникам и архитектору, возводившему здание, а главное – выделить дом в самостоятельную архитектурную единицу и присвоить ему, учитывая культурную, историческую, архитектурную и мемориальную ценность здания, статус объекта культурного наследия федерального значения.

¹ См.: Выписка из Протокола заседания секции № 2 «Государственный учёт объектов культурного наследия города Москвы» Научно-методического совета при Департаменте культурного наследия города Москвы, 16 сентября 2020 г. : Личный архив автора.

РЖЕВСКАЯ Е.А.

Создание современной среды обитания –
первостепенный фактор освоения Арктики
и её богатств (проектные предложения
академика В.Н. Ржевского)

E. RZHEVSKAYA

The creation of a modern habitat is a primary
factor in the development of the Arctic and
its riches (project proposals of academician
V.N. Rzhovsky)

Сведения об авторе:

Ржевская Елена Александровна, кандидат искусствоведения, учёный секретарь Научно-организационного управления по координации программ фундаментальных научных исследований и инновационных проектов Российской академии художеств, член-корреспондент Российской академии художеств (Москва)
Lrjevskaya@rah.ru; Lrjev@yandex.ru

Author:

Elena Aleksandrovna Rzhovskaya, Candidate of Art History, Scientific secretary of the Scientific-organizational coordination programs for fundamental research and innovation projects of the Russian Academy of Arts, member-correspondent of the Russian Academy of Arts (Moscow)
Lrjevskaya@rah.ru; Lrjev@yandex.ru

Аннотация

Сегодня, говоря об освоении Арктики, необходимо в корне поменять представление о строительстве в этом регионе. Обустройство данной территории потребует её заселения, строительства современных комфортных городов и посёлков, а также новых портов, промышленных предприятий и транспортных коммуникаций.

Академик Российской академии художеств В.Н. Ржевский уже многие годы занимается проектами быстровозводимых и мобильных жилых комплексов. Архитектор предлагает строительство вдоль берегов Ледовитого океана пяти «крупных» городов с населением от 5 до 10 тысяч человек, на расстоянии

600–800 км друг от друга, между которыми разместятся малые поселения, рассчитанные на 500–1000 жителей, и военные полярные базы: от 300 до 500 человек личного состава.

Другим большим проектом В.Н. Ржевского по освоению районов Крайнего Севера является проект крупнейшего на Севере морского порта Печенга в Мурманской области. Это должен быть первый современный международный порт в цепочке портов на Северном морском пути вдоль берегов Северного Ледовитого океана.

Abstract

Today, when talking about the development of the Arctic, it is necessary to radically change the idea of construction in this region. The development of this territory will require its settlement, the construction of modern comfortable cities and towns, the construction of new ports, industrial enterprises and transport communications.

Academician of the Russian Academy of Arts V.N. Rzhevsky has been engaged in projects of prefabricated and mobile residential complexes for many years. Architect proposes the construction of five “large” cities with a population of 5 to 10 thousand people along the shores of the Arctic Ocean, at a distance of 600–800 km. from each other, between which small settlements will be located, designed for 500–1000 inhabitants; and military polar bases: from 300 to 50 personnel.

Another major project of V.N. Rzhevsky for the development of the Far North is the project of the largest Seaport in the North of Pechenga in the Murmansk region. It should be the first modern international port in the chain of ports on the Northern Sea Route along the shores of the Arctic Ocean.

Ключевые слова:

плавучие города, строительство городов, комфорт, мобильное жильё, быстровозводимость, автоматизация, транспортные связи.

Keywords:

floating cities, city building, comfort, mobile housing, rapid erection, automation, transport links.

В последнее время вопрос об освоении арктического побережья стоит очень остро. Огромные природные богатства этого региона привлекают внимание многих стран, причём не только лежащих у берегов Северного Ледовитого океана. Здесь находятся 25 % всех мировых ресурсов сырья и топлива: углеводородов, ценных руд, алмазов и т. д. Кроме того, Северный морской путь из Европы в страны Юго-Восточной Азии в два раза короче, чем через Суэцкий канал и Индийский океан, тем более что ввиду

климатического потепления тяжёлые льды отступают, делая фарватер более доступным¹. Да и современный отечественный ледокольный флот позволяет проводить караваны круглый год.

В связи с этим возникает необходимость обеспечения безопасности, охраны наших границ и экономических зон добычи полезных ископаемых и морских ресурсов. Эксперты утверждают: «Не начать масштабное развитие Арктики как можно быстрее нельзя. В случае промедления защита российской части Арктики от посягательств других стран на её развитие обойдётся нам ещё дороже. Развитие Арктики становится вопросом безопасности страны и её суверенитета»². Несколько лет назад были созданы специальные арктические войска. Министерство обороны приступило к созданию дивизии береговой обороны на Чукотке, Новой Земле, острове Котельном. Зона действия новых частей будет простирается вдоль Северного морского пути вплоть до острова Врангеля. Для этого уже проведена реконструкция аэродрома «Угольные копи» в Анадыре. Также принято решение усилить Тихоокеанский флот новыми противолодочными кораблями на Камчатке.

Развитие Арктики становится вопросом безопасности страны и её суверенитета. Обустройство этой территории потребует её заселения, строительства современных комфортных городов и посёлков, а также новых портов, промышленных предприятий и транспортных коммуникаций.

Заслуженный архитектор РФ, академик Российской академии художеств, лауреат премии «Золотое сечение» Валерий Николаевич Ржевский (род. 1951) уже многие годы занимается проектами быстровозводимых и мобильных жилых комплексов.

Ещё в середине 1980-х гг., когда В.Н. Ржевский был военным архитектором 1-го Центрального Военпроекта, ему поручили обустройство посёлков ликвидаторов Чернобыльской трагедии. Тогда у страны не было такого жилья, к сожалению, и сейчас на примерах недавних наводнений и пожаров на Дальнем Востоке и в Сибири мы видим наличие этой проблемы.

Сегодня, говоря об освоении Арктики, необходимо в корне поменять представление о строительстве в этом регионе. Нужны новые, современные методы и материалы. По мнению академика В.Н. Ржевского, «мы решим эту проблему, как только данный вид строительства перейдёт в стадию автоматизированного, промышленного производства. Полностью

¹ Лукин Ю. России нужно делать ставку на перевозку собственных грузов // Арктический вектор. 2011. № 7. С. 7.

² См.: Тараканов В.Ю., Герасимов А.Ю., Герасимов Ю.Н., Лившиц И.Л. Пилотный инвестиционный проект развития Российской Арктики // Стратегия развития и национальная безопасность. М., 2014. С. 5.

Рис. 1. Мобильные военные базы, заставы и городки полной заводской готовности

заводское изготовление жилых и производственных блоков с помощью роботостроения (3D-принтеров) позволит перевести строительную индустрию на новый технологический уровень»¹.

Система построения новых заполярных поселений должна быть привязана к местам добычи и переработки полезных ископаемых и природных ресурсов, а также должна удовлетворить все потребности Северного морского пути. Важным фактором является и охрана наших границ и экономических зон.

Академик В.Н. Ржевский предлагает строительство вдоль берегов Ледовитого океана пяти «крупных» городов с населением от 5 до 10 тысяч человек, на расстоянии 600–800 км друг от друга, между которыми разместятся малые поселения, рассчитанные на 500–1000 жителей, и военные полярные базы: от 300 до 500 человек личного состава (рис. 1).

Все эти поселения должны быть связаны единой транспортной системой. Президент РФ В.В. Путин в своём послании Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. объявил о необходимости запуска проекта «Северный широтный ход» – магистрали, которая соединит полуостров Ямал с Уралом и северо-западом России². Одновременно необходимо развивать новые виды транспорта: пневмотранспорт, экранолёты, закрытые туннельные автомобильные и железные дороги.

¹ Записано со слов В.Н. Ржевского 12 декабря 2020 г. Личный архив автора.

² Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 1935 года».

Для обеспечения энергией необходимо строительство плавающих атомных электростанций, которые у нас есть и уже успешно работают.

Конечно, возможны и другие, «чистые» источники, типа ветряков, однако нужно будет разработать специальный арктический вариант.

Арктические города подразумеваются с искусственным климатом – это города «под куполом»¹.

Стоит учитывать, что новые «переселенцы» приедут в Арктику прежде всего работать. Поэтому создание комфортных условий и экономических выгод при работе в тяжёлом полярном климате – обязательное условие!

Необходимо строительство городов с полным циклом всех услуг и, прежде всего, комфортного жилья: детских учреждений, спортивных площадок, бассейнов, кафе, ресторанов, кинотеатров, специальных центров, КБО и т. д. Что касается жилья, то, очевидно, примером может служить система круизных лайнеров, где относительно небольшие каюты с тщательно продуманной планировкой, инженерным обеспечением и изысканным дизайном интерьеров создают их обитателям комфортные условия.

Так же будет решена и система питания. Энергия плавающих атомных электростанций позволит иметь собственное производство продуктов питания (включая зелень, овощи, мясо птицы и рыбы) – это снизит зависимость от «северного завоза»... Конечно, должна быть предусмотрена и система удаления и переработки мусора.

Ещё одна идея – это создание в Заполярье системы спутников с зондами – отражателями Солнца, которую придумал С.П. Королёв и которая должна была бы вступить в строй в 2000 г.² Рано или поздно эта программа будет осуществлена, и полярники даже в полярную ночь будут просыпаться по солнышку! А это очень важный психотерапевтический фактор на Севере.

¹ См.: Калеменева Е. Города под куполом: советские архитекторы и освоение Крайнего Севера в 1950–1960-е годы // Bulletin Nr. 7 Конструируя советское? Доклады научной конференции студентов и аспирантов. 20–21 апреля 2012. СПб., 2013. С. 93–109.

² Королёв С.П. Исследование космического пространства // Творческое наследие Сергея Павловича Королёва. Избранные труды и документы. М., 1980 [Электронный ресурс] URL: <http://www.korolev-s-p.ru/sp02.htm#b04> (дата обращения: 13.07.2021). См. также: Спутники-осветители для Заполярья // Журнал «Всё о космосе». 2018. 11 января [Электронный ресурс] URL: <https://aboutspacejournal.net/2018/01/11/%D1%81%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D1%8C%D1%8F/> (дата обращения: 13.07.2021); Учёные предложили освещать Заполярье спутниками-отражателями // РИА Новости. 2018. 11 января [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20180111/1512438016.html> (дата обращения: 13.07.2021).

Рис. 2. Академик Российской академии художеств В.Н. Ржевский (слева), Герой Российской Федерации и Герой Советского Союза А.Н. Чилингаров (2-й слева), российский космонавт, Герой Советского Союза А.Н. Баландин (2-й справа). 2011 г.

Данными проектами академик В.Н. Ржевский поделился со знаменитым полярником, Героем Советского Союза и РФ А.Н. Чилингаровым (рис. 2), который поддержал идеи В.Н. Ржевского и пригласил его участвовать со своим проектом на Международном арктическом форуме в Архангельске в 2011 г.

Так в 2011 г. проект криптоклиматического города «Умка» (город с искусственным климатом на 5 тысяч жителей, в котором всё предусмотрено для полноценной жизни и работы в комфортных условиях в Ледовитом океане на острове Котельном) был представлен форуму и Президенту Русского географического общества (рис. 3).

Конструктивно город «Умка» представляет собой каркасно-контейнерное сооружение с большепролётными пространственными фермами. Здесь всё, вплоть до мебели и оборудования, выполнено на заводах-изготовителях и может быть собрано на свайном поле в любой точке побережья. Доставка всех конструкций и модулей осуществляется по Северному морскому пути.

Также группа архитекторов под руководством В.Н. Ржевского (С. Курочка, Р. Кириллов, А. Ржевский, К. Якубова, М. Крайнюкова) разработала целую линейку полярных баз разной вместимости и назначения

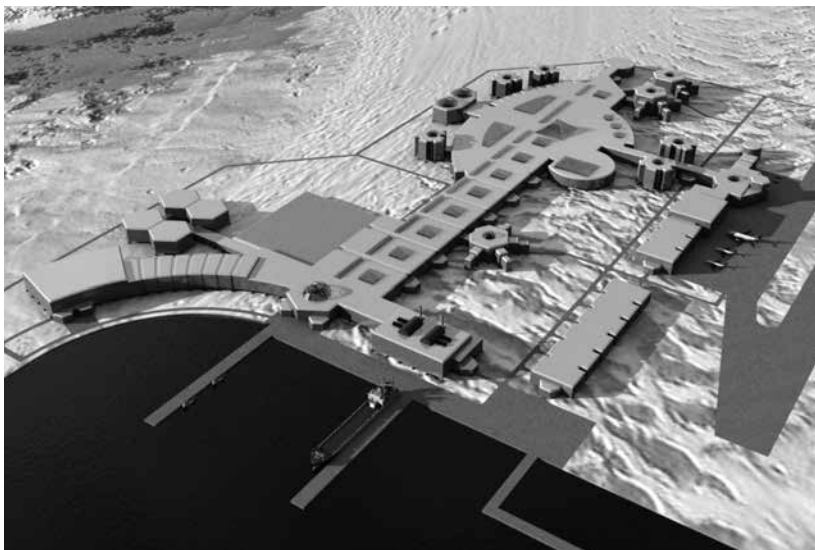

Рис. 3. Быстровозводимый город на 5000 жителей «Умка»

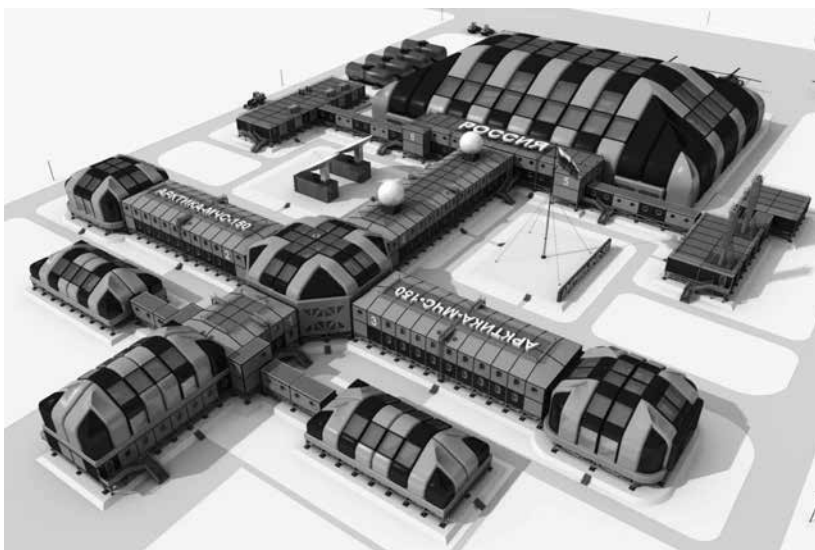

Рис. 4. База МЧС на 150 человек

Рис. 5. Проект международного морского порта Печенга

для Министерства обороны и МЧС, однако эти базы и посёлки могут использоваться и в гражданских целях – для полярников, нефтяников и т. д. (рис. 4).

Проект имел большой успех как в нашей стране, так и за рубежом (например, 1-я программа телевидения Китая посвятила этому проекту целых 40 минут!). И, по словам академика В.Н. Ржевского, «к нашей радости, через два года действительно на острове Котельном в Ледовитом океане началось строительство! Правда, это была не наша “Умка”, а пока небольшая полярная база МО. К сожалению, выполненная частной строительной компанией. В результате мы имеем безликие сооружения, построенные без продуманного генплана. Такие дорогостоящие и значимые проекты должны разрабатываться специальными проектными организациями»¹.

Другим большим проектом В.Н. Ржевского по освоению районов Крайнего Севера является проект крупнейшего на Севере морского порта Печенга в Мурманской области (рис. 5). Это должен быть первый современный международный порт в цепочке портов Северного морского

¹ Записано со слов В.Н. Ржевского 12 декабря 2020 г. Личный архив автора.

пути вдоль берегов Северного Ледовитого океана. Цель проекта – реализация «Комплексной Инвестиционной Программы Международный морской порт “Печенга”» – стратегически значимого для России проекта по строительству незамерзающего морского порта с прилегающей инфраструктурой и предприятиями по переработке сырья в формате государственно-частного партнёрства. Его разработка осуществлялась отечественной строительной фирмой «Фактор» под руководством Любви Гемба и Василия Тараканова.

Этот проект способствует в первую очередь социально-экономическому развитию всей Мурманской области и является плацдармом для освоения Арктики. Порт сможет принимать до 2 тысяч больших судов в год (дедвейтом до 50 тыс. т). В порту предусматривается создание семи основных морских терминалов – здесь будет осуществляться перевалка минеральных и строительных материалов, нефтепродуктов, контейнеров, металлических грузов, зерновых грузов и т. д.

Проектом также предусмотрено строительство нового города на 37 тысяч жителей. Архитектурный образ города – «яркий, разноцветный букет». Дома переменной этажности запроектированы с учётом рельефа сопки, что создаёт живописный характер застройки. Другим важным фактором является то, что многие центральные улицы перекрыты платформами и защищены от сурового климата Заполярья.

Новый город – это не только жильё, это, конечно, все жизненно важные общественные здания, полная шкала социальных объектов: от детских садов до спортзалов, бассейнов и ресторанов, поликлиник и больниц. В целом Печенга – это уникальный проект опережающего развития целого региона России¹.

Таким образом, все проекты академика Российской академии художеств В.Н. Ржевского для Арктики имеют комплексный системный и научный подход к строительству жилья в условиях климата Крайнего Севера.

¹ Ржевская Е.А. Арктика: край романтиков Севера, неземной красоты и неизведанных богатств // Вестник МАГ. 2021. № 2 (69). С. 90–93; Тараканов В.Ю., Герасимов А.Ю., Герасимов Ю.Н., Лившиц И.Л. Пилотный инвестиционный проект развития Российской Арктики // Стратегия развития и национальная безопасность. 2014. № 10. С. 5–25 (включая 3-ю страницу обложки).

САВИНОВА В.А.

Архитектура Арктики: эстетика и факторы формирования

V. SAVINOVA

Arctic Architecture: Aesthetics and Formation Factors

Сведения об авторе:

Савинова Валерия Анатольевна, аспирант заочного отделения Московского архитектурного института (государственная академия), член экспертного центра ПОРА «Проектный офис развития Арктики» (Москва)
araseilis7714@gmail.com

Author:

Valeria Anatolevna Savinova, postgraduate student of Moscow Institute of Architecture (state academy), member of expert center PORA "Project Office for the Development of the Arctic" (Moscow)
araseilis7714@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены понятия арктической архитектуры и её эстетики. Выведены три фактора, формирующих выражение и эстетику архитектуры: климат, развитие технологий и культура. Для арктической архитектуры главным фактором формирования определён климат, что связано с общей экстремальностью арктической среды и её сильным влиянием на все аспекты жизни в заполярных регионах. Определено, что именно по этой причине арктическая архитектура существенно отличается от прочих, а стандартные архитектурно-строительные решения непригодны для использования в арктических регионах.

Abstract

The article discusses the concepts of Arctic architecture and its aesthetics. Three factors are derived that shape the expression and aesthetics of architecture: climate, technological development and culture. For the Arctic architecture, the main factor of formation is the climate, which is associated with the general extremeness of the Arctic environment and its strong influence on all aspects of life in the polar regions. It has been

determined that it is precisely because of the influence of the climate that the Arctic architecture differs significantly from other architecture, and that standard architectural and construction solutions are unsuitable for use in the Arctic regions.

Ключевые слова:

архитектура, экстремальная среда, Арктика, факторы влияния, объёмно-пространственная композиция, архитектурно-планировочные решения, специальные архитектурные приёмы.

Keywords:

architecture, extreme environment, the Arctic, influencing factors, volumetric-spatial composition, architectural and planning solutions, special architectural techniques.

Философское осмысление Арктики, её художественных концепций невозможно без рассмотрения темы арктической архитектуры. В числе прочих важных вопросов такого обширного понятия, как арктическая архитектура, особое место занимает вопрос эстетики. Ричард Мейер, известный архитектор-модернист, говорил о взаимосвязи архитектуры и эстетики: «Я хочу создать эстетическую среду, в которой людям нравится находиться. <...> Это – единое целое. Это порядок»¹. Но возможно ли дать однозначное и достаточно полное определение эстетики и особенно архитектурной эстетики?

Архитектура является безусловно важной частью культуры, но при этом её отличает высокая утилитарность. Далеко не все объекты культуры служат практической цели, в то время как архитектура – прежде всего пространство для жизни. Это постройки, здания и сооружения, которые проектируются и возводятся с целью создания особенной искусственной среды, приспособляемой для всех аспектов жизни человека. И только во вторую очередь архитектура является частью культуры, художественной концепцией. Говоря об архитектуре в контексте Арктики, можно без преувеличения назвать её ключом к выживанию. Ведь для многих жителей Арктики, особенно для приезжающих и непривычных к её суровым условиям, прямое столкновение с климатом и средой имеет пагубные последствия². Рассматриваемая в подобном контексте

¹ Паперный В. Интервью с Ричардом Мейером // AD Magazine, 2004 [Электронный ресурс] URL: <https://www.admagazine.ru/architecture/intervyu-s-richardom-mejerom> (дата обращения: 28.06.2021).

² Благодетелева О.М. Перспективы использования вахтовой формы организации труда в северных регионах России // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2016: Материалы Пятого всероссийского научного семинара (21–23 сентября 2016 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2016. Ч. 1. С. 157–164.

архитектура имеет наиважнейшее значение для жизни, деятельности и работы в Арктике – как главное средство защиты от экстремальных факторов среды, влияющих как на физиологию, так и на психику¹.

Помимо прочих характеристик, архитектура обладает и эстетикой – тем, что характеризует её с точки зрения художественных концепций. Однако однозначно сформулировать определение архитектурной эстетики достаточно трудно. Наиболее подходящим определением в контексте этой статьи будет: совокупность качеств, форм и элементов, позволяющая судить о постройках и сооружениях с художественной стороны. А что же можно сказать об эстетике арктической архитектуры? Можно ли говорить, что это некая «другая эстетика, отличная от эстетики всемирной архитектуры? Однозначно можно утверждать только то, что на выражение этой эстетики, равно как и на саму архитектуру, существенное влияние оказывает арктическая среда. Общеизвестен факт, что стандартные архитектурные методы и концепции неприменимы в Арктике². Заполярный регион, ввиду особенностей своего расположения и суровых средовых факторов, требует специального подхода к проектированию. Но как это влияет на проявление и характер не только эстетики, но и арктической архитектуры в целом?

Стоит обозначить ряд вопросов, необходимых для понимания концепции эстетики арктической архитектуры. Чем выражена арктическая эстетика? Что на неё влияет? Какие она находит пути и способы формирования?

Для ответа на первый, наиболее сложный вопрос – о выражении эстетики арктической архитектуры – и связанные с ним вопросы о возможном отличии от общемировой архитектурной эстетики, о средствах её проявления и ходе формирования необходимо решить, что же на неё влияет. Из весьма широкого спектра факторов, оказывающих влияние на формирование архитектуры, стоит выделить три безусловно важных именно для Арктического региона: климат, технологии и культура. Наиболее важным фактором в Арктике является климат: он не просто определяет условия жизни, а может становиться и серьёзной угрозой для существования³. Вопрос технологий исключительно важен для процессов

¹ Савинова В.А. Особенности проектирования научно-исследовательских комплексов в условиях арктического климата // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых учёных и студентов, Москва, 08–12 апреля 2019 года. М., 2019. С. 576–577.

² Калеменева Е.А. Северный климат как «враг» и как ресурс в советских урбанистических проектах арктических городов 1940-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 89–95.

³ Галеев С.А. Виды адаптации архитектурных систем к экстремальным условиям среды // Системные технологии. 2020. № 4 (37). С. 77–83.

проектирования и строительства в Арктике, потому что он неразрывно связан с утверждением о непригодности обычных архитектурных методов в регионе¹. Развитие и изобретение новых технологий связаны с каждым уровнем проектирования: специальные фундаменты и системы опор, теплоёмкие материалы, организация освещения в условиях нерегулярных циркадных ритмов. Очевидно, что в условиях зависимости реализуемости проекта от технологий они будут влиять и на выражение эстетики. Фактор культуры сложен, она различна в исторической призме и пластична. Именно этот фактор можно назвать определяющим для возникновения и развития тех элементов архитектуры, что прочно связывают её с понятием эстетики. Факторы влияют и на форму, и на выражение всех частей архитектуры, создавая в целом особенный арктический образ.

Подробное рассмотрение примеров влияния трёх обозначенных выше факторов на арктическую архитектуру позволит понять, в чём же выражена эстетика арктической архитектуры, в чем её особенности и как она формируется. Говоря о формировании, стоит пояснить, что под ним здесь подразумеваются совокупность причин возникновения элемента, их влияние на его пространственные характеристики (форму) и его положение в общей архитектурной структуре.

Первый из факторов влияния – климат. Какое он оказывает влияние на архитектуру не только в Арктике, но и во всём мире? Обобщая проявления климата, в ответ на которые возникла архитектура, – это то, что мешает человеку жить под открытым небом: атмосферные осадки (дождь, град, снег, ветер), явления (метель, ураган, гроза), температуры (очень высокие, очень низкие, резкие перепады значений температур), основания (стабильные грунты, нестабильные, со значительным содержанием воды, сейсмоопасные), рельеф (плоский, горный), циклы сменяемости суток (полярные ночь и день), значения солнечной радиации (очень низкие или очень высокие). При этом большую часть данных явлений невозможно игнорировать – иначе постройка будет бесполезной и непригодной для жилья. То есть архитектура здесь является инструментом противостояния этим явлениям – путём не только полного или частично их нивелирования, но и создания комфортной среды жизнедеятельности человека. Для противостояния проявлениям климата в архитектуре

¹ Есаулов Г.В. Устойчивая архитектура – от принципов к стратегии развития // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2014. № 6 (47). С. 9–24.

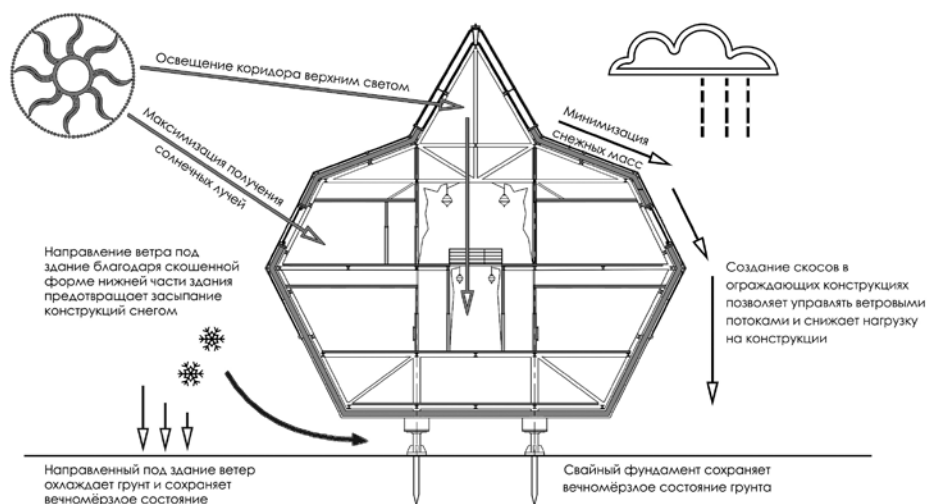

Рис. 1. Влияния арктического климата и архитектурный ответ на него

используются специальные архитектурные приёмы¹. Иначе говоря, именно климат определяет тот своеобразный «набор» приёмов, который будет использован для создания комфортных условий жизни, и именно эти приёмы будут отчасти определять образ архитектуры.

Говоря об Арктике, перечислим следующие показатели влияния климата: солнечная радиация (как её нехватка в периоды полярной ночи, так и её избыток в периоды полярного дня), температуры воздуха (отрицательные в среднегодовом значении, низкие в летний период и экстремально низкие в зимний), атмосферные осадки и явления (снег, дождь, метели), ветер, грунты (вечномерзлые, ледяные, скальные, карстующиеся), нерегулярные циклы смены суток (полярные ночь и день)². В ответ на эти проявления климата за всю историю развития архитектуры было разработано немало принципов защиты от них и специальных архитектурных приёмов³ (рис. 1). К ним стоит отнести: свайные фундаменты и систему опор под зданием, создание скосов в ограждающих

¹ Савинова В.А. Научно-производственные комплексы в Арктике: понятие, актуальность, особенности архитектуры // Наука, образование и экспериментальное проектирование – 2020. Труды МАРХИ. Материалы Научно-практической конференции преподавателей, молодых учёных и студентов МАРХИ – 2020. Сборник статей. М., 2020. С. 261–263.

² Там же. С. 262.

³ Там же.

конструкциях, устройство оконных проёмов в наклонных поверхностях, создание компактного объёма (для упрощения обогрева), применение инновационных утепляющих систем, устройство зелёных зон, зимних садов и расширенной рекреации внутри здания.

Таким образом, можно отметить, что для Арктики климат – это наиболее важный фактор. Не только потому, что он оказывает действительно серьёзное, вплоть до смертельно опасного, влияние на жизнь в регионе, но и потому, что большая часть элементов, формирующих внешний облик архитектуры, являются следствием климата и результатом борьбы с ним.

Следующий фактор – это развитие технологий. Говоря об этом факторе в контексте всемирной архитектуры, надо отметить, что технологии определяют то, из каких материалов и при помощи каких конструктивных систем будет возведено здание или сооружение. Примером здесь может служить преобладание различных систем в исторические периоды развития архитектуры (от примитивных каменных жилищ до сложной конструктивной схемы храмовых построек в период господства готического стиля (XII–XV вв.))¹. Появление новых строительных материалов (железобетона или стали) также способствовало возникновению новых возможностей в строительстве (высотное и большепролётное)².

Кроме того, стоит отметить и аспекты, находящиеся на стыке влияния технологий и климата. Так, именно развитие технологий определяет, как наилучшим образом противостоять климату. Это возможно даже с примитивными технологиями, что удачно доказывают примеры национальных жилищ коренных народов³. В современной же архитектуре такие аспекты связаны с возможностями и целесообразностью применения новых строительных материалов (железобетон, сталь).

Для Арктики вопрос развития технологий чрезвычайно важен, во многом из-за своей прямой связи с климатом. Чем совершеннее технологии – тем проще противостоять климату и возводить более комфортные и безопасные здания и сооружения. Можно привести для сравнения старые технологии по утеплению – мох, шкуры и устройство естественных систем по теплосбережению (воздушные прослойки, внутренняя естественная вентиляция), в то время как в настоящее время изобретены

¹ Михайленко Т.Г. Строительство. Развитие отрасли от античности до наших дней. Курск, 2014. 215 с.

² Баграмян М.С., Адоньева Д.А., Кокорина Е.В. Значение строительных материалов в архитектуре // Архитектурные исследования. 2020. № 2 (22). С. 66–81.

³ Смирнова С.Н. Реализация архитектурно-планировочных принципов проектирования энергоэффективного жилья в традиционном жилище Севера России // Интернет-вестник ВолгГАСУ. 2013. № 3 (28). С. 19 [Электронный ресурс] URL: [http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Smirnova-2013_3\(28\).pdf](http://vestnik.vgasu.ru/attachments/Smirnova-2013_3(28).pdf) (дата обращения: 28.06.2021).

Рис. 2. Эволюция строительных технологий на примере архитектуры научно-исследовательских станций

специальные утеплители. Служившая веками для устройства конструкций древесина сейчас всё чаще заменяется сталью, позволяющей создавать более сложноорганизованные здания (рис. 2).

Технологии определяют то, из чего и каким образом будут созданы специальные архитектурные приёмы, образующие облик построек, их художественную выразительность в том числе. И важно то, что на протяжении развития архитектуры эти технологии были различны. Можно предположить, что в будущем появятся новые материалы и конструкции – произойдёт дальнейшее развитие технологий.

Фактор культуры достаточно сложен. Он включает суммарный объём влияний человеческого общества: религию, культурные нормы, строение общества, традиции, политические воздействия. Всё это влияет на подход к проектированию, на стилизацию проектов зданий и сооружений, порой даже на идею, лежащую в основе каждого здания. Особенно заметно это на примере храмовых построек, где не только вся композиция здания, но и его отдельные элементы подчинялись религиозным догматам и нормам, являясь и воплощением идей, и метафорами. Влияние культуры можно проследить на протяжении всей истории архитектуры – свидетельством является многообразие стилей, сменявших один другой на протяжении веков.

Рис. 3. Пример современной арктической архитектуры. Концепция проекта научного центра овцебыководства. Автор проекта архитектор В.А. Савинова

Для Арктики вопрос влияния культуры не настолько очевиден. Мировые архитектурные стили не очень затрагивали Арктику, а примеры древней архитектуры есть только у коренных народов. Это обусловлено экстремальными условиями среды, не позволявшей проводить планомерное и многочисленное заселение и освоение региона на более ранних этапах развития общества. Говоря о примерах проявления культуры в арктической архитектуре, можно упомянуть традиции использования чума в культуре ненцев. Внутреннее пространство чётко разделено на женское (у входа) и мужское (напротив входа, запретное для женщин и детей)¹. Для современной архитектуры характерны отказ от следования религиозным нормам, значительное влияние экономических и научных веяний (рис. 3).

Подводя итог, стоит вернуться к вопросам, заданным в начале. Что же влияет на эстетику арктической архитектуры? Климат – как главная характеристика Арктики. Как очень суровая, экстремальная среда, которую невозможно игнорировать. И для формирования эстетики он является определяющим, ведь именно под влиянием климата возникают, формируют свой облик и развиваются элементы, составляющие архитектуру в целом.

Поскольку такой климат во многом уникален, встречается только в северных регионах, а его влияние не только на архитектуру, но и на всю жизнь в Заполярье настолько велико, можно с уверенностью подытожить, что арктическая архитектура действительно особенная, ярко отличная от любой другой. Во многом это выражается в специальных архитектурных приёмах, созданных для борьбы с климатом и формирующих отличный художественный образ арктической архитектуры.

¹ Уморина В.М. Типология традиционного жилья финно-угорских народов // XLVI Огарёвские чтения: Материалы научной конференции: в 3 частях, Саранск, 06–13 декабря 2017 года / Ответственный за выпуск П.В. Сенин. Саранск, 2018. С. 200–206.

Полярные регионы
в зеркале кинематографа

Polar regions in the mirror
of cinema

КОКОУЛИН В.Г.

СИБИРЬ И АРКТИКА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ

V. KOKOULIN

Siberia and Arctic in the mass consciousness
in Soviet times and in post-Soviet Russia

Сведения об авторе:

Кокouлин Владислав Геннадьевич, доктор исторических наук, главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский архив», профессор юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск) kwladislaw@yandex.ru

Author:

Vladislav Gennadjevich Kokoulin, Doctor of Historical Sciences, Editor-in-Chief of the scientific and historical journal "Siberian Archive", Professor of the Law Faculty of the Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk) kwladislaw@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается трансформация представлений в массовом сознании о Сибири и Арктике в советский период и в постсоветской России. В качестве источников для интерпретации были взяты художественная литература, посвящённая этой теме, и кинофильмы как массовый идеологический продукт в советское время, а в постсоветской России отражающий те или иные смыслы, которые создатели фильма хотят донести до зрителя, и смысловые подтексты, которые не всегда выступают в явном виде, но легко узнаются и домысливаются зрителями кинокартины. Автор отмечает, что в советские времена Сибирь и Арктика в массовом сознании были представлены в двух смыслах – суровый край, который воспитывает настоящего человека, и край ссылки. Над формированием первого смысла активно работала как художественная литература, так и кинематография. Второй смысл явно не артикулировался, тем не менее присутствовал в фильмах и легко прочитывался советским зрителем.

Автор показывает, что в постсоветской России на трансформацию представлений о Сибири и Арктике повлияло несколько факторов – переформатирование фундаментального мифа, который лежал в основе политики исторической

памяти в советский период («процветающий» советский народ превратился в «страдающий»), негативное отношение в официальной политике исторической памяти ко всему советскому, а также смена жизненных ценностей и приоритетов у россиян в условиях рыночной экономики. В итоге Сибирь и Арктика – это уже не суровая природа, которую нужно покорять, а место для путешествий, пусть и экстремальных. Тема Сибири как места сталинской ссылки также активно обсуждается в современной России. В постсоветской России активно формируется третий смысл представлений о Сибири и Арктике – как о Гиперборее, стране блаженства и счастья на земле, который в советское время существовал в фантастической литературе.

Abstract

The article examines the transformation of ideas in the mass consciousness about Siberia and the Arctic in the Soviet period and in post-Soviet Russia. As sources for interpretation, we took belletristic literature devoted to this topic and films, as a mass ideological product in Soviet times, and in post-Soviet Russia reflecting certain meanings that the creators of the film want to convey to the viewer, as well as semantic subtexts that do not always appear explicitly, but are easily recognized and imagined by the audience of the film. The author notes that in Soviet times, Siberia and the Arctic were represented in the mass consciousness in two senses – a harsh land that educates a “real man”, and the land of exile. Both fiction and cinematography actively worked on the formation of the first meaning. The second meaning was clearly not articulated, but nevertheless was present in the films and was easily read by the Soviet audience.

The author shows that in post-Soviet Russia, the transformation of ideas about Siberia and the Arctic was influenced by several factors – the reformatting of the fundamental myth that underlay the policy of historical memory in the Soviet period (“the prosperous” Soviet people turned into “the suffering”), the negative attitude in the official policy of historical memory to everything Soviet, as well as the change of life values and priorities among Russians in a market economy. As a result, Siberia and the Arctic are no longer a harsh nature that needs to be conquered, but a place for travel, even if extreme. The theme of Siberia as a place of Stalinist exile is also actively manifested in modern Russia. In post-Soviet Russia, the third sense of ideas about Siberia and the Arctic is actively being formed – as Hyperborea, the land of bliss and happiness on earth, which in Soviet times existed in fantastic literature.

Ключевые слова:

Сибирь, Арктика, массовое сознание, политика исторической памяти, советский период, постсоветская Россия, кинематография, художественная литература.

Keywords:

Siberia, the Arctic, mass consciousness, politics of historical memory, Soviet period, post-Soviet Russia, cinematography, belletristic literature.

Сибирь и Арктика в массовом сознании имеют не только географическое (конкретные территории на карте мира), но и символическое измерение (клише и мифы в массовом сознании). В разные периоды истории России это символическое измерение имеет разное содержание, отражающее (хотя чаще всего в искажённом виде) реалии времени их бытования.

В советские времена эти понятия имели два основных символических смысла: 1) суровая страна, где происходит становление «настоящего человека», героически преодолевающего трудности, формирующего такие черты характера, как выносливость, терпение, внимательность, взаимовыручка, умение выживать в противостоянии с негостеприимной природой и т. п.; 2) место каторги и ссылки, куда жестокий сталинский режим отправлял свои многочисленные жертвы. Этот смысл имел давнюю традицию, идущую ещё со времён Российского царства (достаточно вспомнить протопопа Аввакума, декабристов и других ссыльных).

Основными средствами формирования представлений о Сибири и Арктике были художественная литература и кинематограф. В многочисленных романах и повестях на тему изучения природных богатств этих территорий геологами, изыскателями и т. п. формировался образ суровой страны, которая выковывает характер человека, показывалось пространство, которое необходимо покорять и осваивать (в качестве примеров можно назвать романы и повести советского писателя, инженера-геодезиста Г.А. Федосеева «Мы идём по Восточному Саяну», «В тисках Джугдыра», «Смерть меня подождёт», «Злой дух Ямбуя» и др.; журналиста В.Д. Осипова «Тайна сибирской платформы» и т. д.).

Так, книги Г.А. Федосеева, который большую часть своей жизни провёл в геодезических исследованиях, были посвящены не только суровой сибирской тайге, но и героическому труду тех, чьи профессии в советское время считались романтическими. Но, помимо романтики, героизма и подвига, автор обращал внимание ещё на одну сторону тех, кто покорял Сибирь: на их нравственность и человечность. Без этих качеств сила, смелость и находчивость в борьбе с природой, с невероятными трудностями – будучи неполными.

В советском кинематографе пропагандировались те же советские ценности (коллективизм, взаимопомощь, взаимовыручка и т. д.), что и в художественной литературе. В 1984 г. режиссёром Михаилом Ершовым была снята кинокартина «Челюскинцы», в основу сюжета которой была положена судьба экипажа и участников экспедиции на судне «Челюскин», которое в 1933 г. отправилось по Северному морскому пути, было раздавлено льдами и затонуло в Чукотском море.

104 человека высадились на дрейфующую льдину, и полярные лётчики больше месяца занимались эвакуацией людей на Большую

землю. Создатели фильма показали, как советские люди жили среди льдов, как они построили из досок и брёвен добротные дома, в которых продолжали вести научную работу, начатую на затонувшем судне. Они проявили мужество, организованность. Одновременно было показано и другое – как советское правительство и весь советский народ дружно поддержали тех, кто продолжал борьбу за освоение Арктики, несмотря ни на какие препятствия. И те, кто жил на льдине, знали, что им обязательно помогут, не считаясь ни с какими затратами.

Сибирь и Заполярье как место сталинских лагерей оказались маргинальными темами для советской литературы и кинематографа, тем не менее, поскольку память об этих событиях хранилась во многих советских семьях, чьи отцы и деды были репрессированы в 1930-е гг., данные сюжеты легко прочитывались даже в тех фильмах, которые внешне были весьма далеки от этой темы.

Так, в кинокартине «Территория» режиссёра Александра Сурина, снятой в 1978 г. по мотивам одноимённого романа О. Куваева, показано, как управление треста «Северстрой» решило закрыть геологическое управление Территории, поскольку добываемое здесь олово стало ненужным. Однако главный геолог управления Чинков демонстративно не соглашается с этим решением и настаивает на том, что здесь имеются месторождения золота. А далее разворачивается основное действие кинокартины, показывающей нелёгкий труд геологов. Конечно, в фильме присутствует много штампов советской пропаганды и киношаблонов (например, суровый герой-рубаша и противостоящий ему самолюбивый «вредитель»), но в итоге фильм получился не столько о романтике геологических поисков и экспедиций (хотя эта тема также присутствует в фильме), сколько о конфликте чиновников, которые руководствуются принципом «как бы чего не вышло», и главного героя, для которого работа составляет смысл жизни, и ради этого он идёт на громадный риск, понимая, что в случае провала теряет всё.

Создатели фильма сделали всё, чтобы не раскрывать зрителю главное – что же такое эта Территория? А ведь это «Дальстрой» (в фильме – «Северстрой») – государственный трест по разведке и добыче стратегически важных полезных ископаемых в районе Верхней Колымы, занимавшийся также дорожным и промышленным строительством. Помимо вольнонаёмных работников, здесь трудились заключённые даже после передачи «Дальстроя» из ведения НКВД/МВД в ведение Министерства цветной металлургии СССР после смерти Сталина. Гражданская власть на Территории была заменена ведомственным руководством, и управление велось чрезвычайными, сталинскими методами. Вот этот-то сталинизм в чистом виде при экранизации романа постарались убрать. Однако советские

зрители – современники выхода фильма на экран – этот подтекст хорошо понимали, в отличие от современного зрителя, которому фильм, возможно, покажется немного скучным и даже бессмысленным.

Но даже при всём этом фильм оставался гимном мужеству настоящих мужчин, которые в суровых условиях Арктики не только делают свою работу, но и живут интересной и насыщенной жизнью.

Таким образом, в советское время на формирование символов и смыслов Сибири и Арктики влияли два фактора: 1) сохранившиеся в народной памяти представления о сталинских лагерях в Заполярье, Сибири и на Дальнем Востоке; и 2) советская литература и кинокартины, формировавшие соответствующие положительные и отрицательные символические образы данного пространства. В учебной литературе присутствовали оба этих смысла, правда, о ссылке говорилось только применительно к царской России, декабристам и т. п.

В годы перестройки происходит переформатирование фундаментального мифа, лежавшего в основе советской политики исторической памяти (в советское время этого термина не было, использовался близкий по смыслу термин «советская пропаганда», который, правда, относился не только к исторической памяти). «Процветающий» советский народ заменяется на «страдающий», а в постсоветские времена, в связи с возвращением страны на капиталистический путь, советские ценности заменяются на противоположные, либеральные. Так, взаимовыручка, коллективизм и т. д. замещаются на индивидуализм, эгоизм, жадность и т. п. Достаточно сравнить два фильма – «Челюскинцы» (1984) и «Ледокол» (2016).

В кинокартине режиссёра Николая Хомерики «Ледокол», вышедшей на экраны в 2016 г., экранизирована история дизель-электрохода «Михаил Сомов» (в фильме – «Михаил Громов»), который в 1985 г., забрав полярников с антарктической станции Русская, возвращается в СССР, но, застряв в ледовых полях, вынужден дрейфовать у побережья Антарктиды, брошенный советской властью на произвол судьбы.

Конечно, реальные события были далеко не однозначными – вероятно, имели место и просчёты, и идущая в СССР политическая борьба. Но научно-экспедиционное судно с экипажем и полярниками не было брошено на произвол судьбы – моряки продолжали выполнять свою работу, занимались обслуживанием дизель-электрохода, а в это время вертолётами полярники и женская часть команды «Михаила Сомова» были эвакуированы на другое судно.

А что нам показывают в фильме? Два капитана, один из которых – жертва «тоталитарной» советской системы: его жена живёт в коммуналке и постоянно просит у соседки то утюг, то ещё что-нибудь. Второй капитан, присланный на смену первому, – бездушный формалист, который

вместо того, чтобы поддерживать команду в хорошем расположении духа, делает всё, чтобы команда его возненавидела. «Бездушная» советская власть бросает моряков погибать на 50-градусном морозе. Есть и штампы постсоветской пропаганды – корыстный гэбист, соблазняющий чужую жену обещаниями помочь её законному мужу. Советская техника (в кинокартине – вертолёт) – это никуда не годная «консервная банка», которая приходит в действие только от хорошего пинка после истерики пилота. А для экипажа – всего одна киноплёнка (как плохо было в СССР – даже фильмов в достаточном количестве снимать не могли!). Это не фильм о героизме, мужестве, организованности экипажа, а картина хаоса и бездушия советской системы, для которой главное – борьба за власть, а не какие-то там полярники. Напомню, что в советском фильме «Челюскинцы» (1984) в аналогичной ситуации показана совсем другая картина – в спасении экипажа принимала участие вся страна, а в команде царил порядок и взаимовыручка.

Представление о Сибири и Арктике как суровой стране, где происходит становление настоящего мужчины, в постсоветское время видоизменяется таким образом, что этот смысл практически утрачивает свою значимость или же трансформируется в представление о Сибири и Арктике как месте путешествия, правда, по большей части экстремального. Другой советский смысл (место ссылки) также меняется – в Сибирь и Арктику уже никого не ссылают, но люди, оказавшиеся на долгие годы (порой с детства) в этих суровых и негостеприимных краях, либо спиваются, либо дичают и деградируют.

Интересно сопоставить изменение смыслов в двух кинокартинах, снятых по мотивам одного и того же романа, – «Территория» (1978) и «Территория» (2014). В первой кинокартине подспудно прочитываются смыслы Территории как пространства, где господствует сталинская система, сопоставляемая советскими зрителями с брежневским застоём и его административно-бюрократической системой. Во второй «Территории» эти смыслы полностью отсутствуют – представлена очень красивая страна, куда хочется отправиться в экстремальное путешествие. Вместо показа трудностей, с которыми сталкиваются геологи, занудные беседы о том, стоит ли исполнять распоряжение партии и власти. Показан геолог, который в одиночку, с каким-то фатализмом, граничащим с глупостью, бросается на маршруте в ледяную воду и в итоге простывает и лежит больной. Таким показан советский «строитель коммунизма» – бездумно выполняющим приказы. Наряду с ним показан другой геолог – пижон в современном пуховике, пьющий коньяк и катающийся на горных лыжах, – авантюрист и циник, больше характерный для современного общества, чем для тогдашнего СССР.

Обратим внимание на две другие современные кинокартины – «Фарт» (2005) режиссёра Романа Хруща и «Сибирь Монамур» (2011) режиссёра Вячеслава Росса.

Первая кинокартина – авантурные приключения одиночки-золотоискателя. В духе вестерна показаны поиски и добыча золота, бандиты, любовный треугольник, погоня по суровой сибирской тайге. Раненый, тяжёлая ноша, освобождение заложницы. И всё это представлено в таёжном антураже. Пикантности картине добавляет то обстоятельство, что этот золотоискатель-одиночка – типичный современный молодой человек, пижонистый, решительный и немного brutальный, но полный идиот, который вместо золота добывает пирит, что и выясняется в конце фильма.

«Сибирь Монамур» – характерная современная «страшилка» на тему жизни сибирской глубинки. Сибирская природа показана прекрасно, но для создателей фильма это лишь фон для того, чтобы продемонстрировать, насколько беспросветным и убогим является быт тех, кто вынужден жить в этих краях. Пьяные офицеры, садист-солдафон, воевавший на Кавказе, кавказская мафия, спившееся население, набожный дед-отшельник – главные персонажи этого фильма. Жизнь в Сибири показана как резервация для несчастных озлобленных неудачников, которые или уже спились, или спиваются. На фоне великолепной и одновременно суровой сибирской природы изображены разруха, убогий быт и убогая жизнь, в которой без бутылки, папиросы или сцены насилия не проходит и пяти минут. А в заключение фильма показаны монументальные красные серп и молот, которые сияют кровавым заревом на дальнем полустанке.

Сибирь – как место сталинских лагерей – становится одной из тем современного российского кинематографа. Так, в 2010 г. режиссёром Алексеем Учителем была снята кинокартина «Край». Она повествует о том, как в августе 1945 г. в далёкий посёлок под названием Край возвращается после войны танкист Игнат, который вдруг решил восстановить брошенный на одном из островов довоенный немецкий паровоз. На острове он встречает Эльзу – дочь немецкого инженера, который был арестован перед войной. Жители края показаны по современным антисоветским шаблонам – это население на каторжных работах, дикари, одетые в рваное тряпье, питающиеся какими-то отбросами и беспрестанно пьющие самогон. Фуфайки, бараки, суровая сибирская тайга и могучая сибирская река. Злобный энкавэдэшник и бедная-несчастливая немка, над которой с неоправданной жестокостью измываются жители Края.

В постсоветское время появляется и третий смысл – Сибирь и Арктика как сказочная Гиперборея, давняя прародина русского народа, который когда-то счастливо и безмятежно жил в этих краях, обладал не только богатством, но и «запредельной» мудростью, а потом начал

расселяться в менее суровые края, теряя знания, умения и навыки предков. Этот смысл был и в массовом сознании в советское время (достаточно вспомнить «Землю Санникова» Владимира Обручева, написанную ещё в 1924 г. и выдержавшую много переизданий в советское время, а также ставшую основой для кинокартины «Земля Санникова», снятой в 1973 г.). Однако в советские времена этот миф существовал на уровне фантастики, как, например, фантастические романы о космосе, и не имел символического измерения.

Гиперборейский миф был популярен в 1990-е гг., но в 2000-е гг. утратил актуальность. Однако он оставил символические представления о «Сибирском Беловодье» и «Алтайской Шамбале» – счастливых странах, некоей высшей цивилизации, оставившей своим потомкам «духовные» следы.

Таким образом, изменение символического наполнения Сибири, Арктики и Антарктики отражает меняющиеся ценности российского общества, а также расхождение между официальной политикой исторической памяти и массовым историческим сознанием.

ОРОБИНСКАЯ Д.С.

Создание художественных фильмов об Арктике как проявление культурной дипломатии холодной войны

D. OROBINSKAYA

Feature arctic films making as a demonstration
of Cold War Cultural Diplomacy

Сведения об авторе:

Оробинская Дарья Сергеевна, ассистент кафедры всеобщей истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)
d.buslovich@narfu.ru

Author:

Darya Sergeevna Orobinskaya, assistant of the General history department, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)
d.buslovich@narfu.ru

Аннотация

В данном исследовании проводится анализ художественного кинематографа арктической тематики периода холодной войны (1946–1990) с точки зрения теории культурной дипломатии. Для наиболее полного понимания вопроса в работе раскрыта область применения понятия «культурная дипломатия» к периоду холодной войны в целом и художественному кинематографу в частности. Также в статье дана общая характеристика холодной войны как специфического многофакторного процесса и исторического периода. Из-за междисциплинарности темы в литературный обзор вошли работы разных отраслей науки. В первую очередь – тексты, изучающие художественное кино как исторический источник. Методика исследования включает в себя количественные и качественные методы и основана на историческом подходе. Проводится общий статистический анализ партнёрского взаимодействия в сфере создания кино. Целью данного исследования является анализ проявлений культурной дипломатии в художественном арктическом кинематографе периода холодной

войны. Для наибольшей наглядности в статье приводятся конкретные примеры лент, созданных противостоящими политическими лагерями. Также были определены лидирующие жанры в арктической тематике. Аналитическая часть завершается оценкой совместного проекта СССР и США «Пленник земли» 1990 г. В выводах затронуты особенности проявления культурной дипломатии через сферу кино.

Abstract

In this study, we analyze arctic films of the Cold War period (1946–1990) from prospective of the cultural diplomacy theory. In this paper, expose the concept of “cultural diplomacy” for the most complete understanding of the issue. The article also provides a general description of the Cold War as a specific multifactorial process and historical period. The literature review includes works from different scientific fields because the topic is interdisciplinary. First of all, such studies include texts that study art cinema as a historical source. The research methodology includes quantitative and qualitative methods and it based on a historical approach. In addition, we have a general statistical analysis of partnership interaction in the film creation’s field. The aim of this study is to analyze the cultural diplomacy manifestations in the Arctic art cinema of the Cold War period. There are specific examples of films created by opposing political camps in the article. We identified the leading genres in the Arctic theme. The analytical part ends with an evaluation of the joint project of the USSR and the United States “Prisoner of the Earth” in 1990. The conclusions touch upon the special aspects of the cultural diplomacy manifestation through the sphere of cinema.

Ключевые слова:

культурная дипломатия, международные отношения, холодная война, художественный кинематограф, Арктика, геополитика.

Keywords:

cultural diplomacy, international affair, the Cold War, feature films, the Arctic, geopolitics.

Культурная дипломатия как отдельное научное понятие стало активно применяться в результате разносторонних политических процессов XX в., однако на практике подобный вариант взаимодействия существовал давно. Сегодня культурную дипломатию рассматривают в большей степени как способ налаживания позитивных контактов между странами. Тем не менее изначально Фредерик Баргхорн прорабатывал идеи о культурной дипломатии на основе материалов холодной войны¹. В своём исследовании «Советское культурное наступление: Роль культурной дипломатии в советской внешней политике» он определял подобный вид дипломатии как манипуляцию культурной составляющей в целях пропаганды. Если учитывать также идею Ежи Онуха о том, что культурная дипломатия – «это продажа имиджа страны средствами культуры»², то подобная модель ещё больше сочетается с реалиями холодной войны. Именно продвижение собственного образа мышления и действия было характерно для стран периода всестороннего противодействия. В период холодной войны такой метод влияния культурных явлений на международные отношения зачастую характеризуют как «мягкую силу» в противовес жёсткому противостоянию. Её обозначают как один из факторов, который уменьшает уровень политической и экономической напряжённости между странами³.

Вторая мировая война стимулировала формирование особой политической системы противостояния на мировом уровне. Разделение держав на два конфронтационных лагеря во главе с Советским Союзом и Соединёнными Штатами, балансирование на грани «горячей» войны обусловило возникновение особых способов взаимодействия и реализации внешней политики. В результате борьбы пропаганд сложился особый культурный пласт материала, изучение которого позволяет выявить особенности ключевых агитационных образов противостояния.

Культурная дипломатия проявляла себя в холодной войне по-разному. В первую очередь страны одного политического блока стремились к всестороннему взаимодействию в сферах науки, культуры и общества. Советский Союз активно организовывал дружественные визиты иностранных гостей для того, чтобы продемонстрировать высокий уровень жизни в социалистической стране. Страна

¹ Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare / Ed. Michael J. Waller. Washington, DC, 2009. P. 82–87.

² Арт-блог [Электронный ресурс] URL: <https://theater-light.ru/ezhi-onux-kulturnaya-diplomatiya-eto-prodazha-imidzha-strany-sredstvami-kulturny.html> (дата обращения: 27.05.2021).

³ Mc Daniel C.P. American-Soviet Cultural Diplomacy: the Bolshoi Ballet's American Premiere. Lanham, 2015. 256 с.

активно участвовала в международных научных и художественных выставках. Формирование образа себя и своей культуры происходило через активное противопоставление с культурой конфронтационного лагеря. «В буржуазной культуре, и особенно в Соединённых Штатах, глубоко пустила свои ядовитые корни человеконенавистническая идеология расизма, идеология превосходства “американской расы”», – отмечал секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов в 1948 г.¹

Период холодной войны с начала 1960-х гг. стал временем активной поддержки американским правительством национального искусства, а также общего роста интереса к нему. Тогда же в общественной среде начинаются активные рассуждения о роли искусства в формировании мировоззрения. А. Хекшер, американский меценат и спикер, рассуждал в своём докладе президенту Дж. Кеннеди «Искусство и национальное правительство»: «Мы стали осознавать себя народом не только потому, что сделали сильнее, но и потому, что благодаря развитию искусства почувствовали уровень развития национального благосостояния»². Американская культура активно проникает в другие страны и становится массовой. Национальные идеалы продвигались через музыку, литературу, прессу, спорт и даже танцевальное искусство. Не менее показательным объектом изучения является художественное кино, которое и станет предметом исследования. Его цель – анализ проявлений культурной дипломатии в художественном арктическом кинематографе периода холодной войны.

Теоретическую базу работы составляют междисциплинарные исследования на стыке истории, культурологии и политологии. А.И. Горячев, Л. Магуир, А.М. Филитов, Н.М. Сирота, У. Гэддис характеризуют холодную войну как исторический период и время для складывания особых образов и явлений³. М. Ферро, К.Э. Разлогов активно анализировали фильмы как исторические источники, рассматривали их в культурно-историческом

¹ Цит. по: Юдина А.М. «Джазовая дипломатия» США в 1950–1960-е гг.: из опыта использования американской «мягкой силы» в эпоху холодной войны // Вестник РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения». 2014. № 18 (140). С. 98.

² Heckscher A. The Arts and the National Government: Report to the President. Senate. Document No. 28. 88th Congress, 1st Session. Washington, DC, 1963. P. 1.

³ Давыдов М.Е. Эволюция взглядов Дж.Л. Гэддиса на причины холодной войны // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 90–94; Горячев А.И. Холодная война как глобальный идеологический конфликт // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 88–96; Сирота Н.М. «Холодная война» как форма международного конфликта: эволюция феномена // Гуманитарные науки. 2015. С. 61–64; Филитов А.М. Холодная война: историографические дискуссии на Западе. М., 1991. 198 с.; Maguire L. The cold war and entertainment television. Cambridge, 2016. 276 p.

контексте¹. Отдельно можно назвать исследователей, которые раскрывают понятие культурной дипломатии и его применимость к конкретным историческим периодам: К.М. Табаринцева-Романова, М. Леонард, Ф. Баргхорн², Е. Онух³.

В целом исследований по данной теме явно недостаточно, так как изучение произведений искусства именно в рамках культурной дипломатии началось относительно недавно.

Мы использовали ряд известных методов. Историко-хронологический метод позволил поместить изучаемые материалы в исторический контекст и проанализировать изменчивость образов с течением времени и со сменой политической обстановки. Важную роль играет и историко-сравнительный метод, который позволил сопоставить разные варианты проявления культурной дипломатии, а также особенности взаимодействия стран и смену образов. Историко-типологический метод позволил систематизировать фильмы об Арктике по различным критериям; выявить наиболее распространённые темы в кино; типичных для арктического кинематографа персонажей и т. п. В работе также задействован историко-диахронный метод (в интерпретации И.Д. Ковальченко) для характеристики «динамики исторических систем на фоне более сложной системы»⁴. А именно – кинематографической системы как более простой на фоне развивающейся холодной войны как более сложной системы. А.В. Фёдоров в своём исследовании замечает, что *there is no method can not be considered exhaustive to media text analysis*⁵ («ни один метод не может считаться исчерпывающим для анализа медиатекста». – *Перевод авт.*), так как каждый фильм представляет собой сложную, многослойную структуру, для изучения которой необходимо учитывать многочисленные взаимовлияния искусства, политики, науки и экономики. Следовательно, чем больше разнообразных методов будет применено

¹ Разлогов К.Э. Парадоксы коммерциализации // Экран и сцена. 1991. № 9. С. 10; Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

² Баргхорн Ф. Советский образ Соединённых Штатов: преднамеренное искажение / Пер. И.С. Поляковой // Политическая лингвистика. М., 2008. С. 149–156.

³ Арт-блог [Электронный ресурс] URL: <https://theater-light.ru/ezhi-onux-kulturnaya-diplomatiya-eto-prodazha-imidzha-strany-sredstvami-kultury.html> (дата обращения: 27.05.2021); Баргхорн Ф. Советское культурное наступление: Роль культурной дипломатии в советской внешней политике. М., 1961. Вып. 1. 180 с.; Табаринцева-Романова К.М. «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 26–37; Leonard M. Diplomacy by Other Means // Foreign Policy. 2002. № 132 (Sep. – Oct.). P. 48–56.

⁴ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 153–154.

⁵ Fedorov A. The Western World in the Soviet cinema during the Cold War // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2014. Vol. (2). Is. 2. P. 112.

при изучении/обработке конкретного фильма, тем более полную картину сможет получить исследователь.

Из всех картин, созданных под влиянием холодной войны, особенно выделяется арктический кинематограф, то есть ленты, так или иначе формирующие образ Арктики для противостоящих держав. Так, Арктика в целом играла значимую роль для противоборствующих блоков как малоосвоенная территория, где можно было продемонстрировать свои достижения. Активная милитаризация Севера в период холодной войны придала этим землям новые черты. Арктика стала восприниматься американским общественным мнением в первую очередь как кратчайший путь до территории противника, как незащищенная территория с возможностью проникновения в США советских шпионов. Также активно развиваются темы опасных научных и военных испытаний на арктических землях. В СССР в это же время активно продвигаются идеи покорения Арктики советскими гражданами. Последнее было возможно только при высоком уровне технического прогресса Советского государства. В художественном кино возникают сюжеты со строительством сети полярных станций, футуристические прогнозы относительно Севера, картины о прошлых покорителях Северного полюса.

При создании фильмов об Арктике деятели киноискусства из разных стран часто объединяли творческие усилия. Подобное сотрудничество не только укрепляло политические связи между государствами, но и демонстрировало общие тенденции восприятия Севера разными лагерями. Взаимодействие проходило на разных уровнях, создатели искали актуальные идеи в политических, исторических, фольклорных мотивах.

Если обратиться к общим тенденциям взаимодействия создателей арктического кино, то можно отметить следующие особенности. В первую очередь, активное сотрудничество на фоне создания фильмов происходило между странами одного политического блока. Например, США предпочитали создавать фильмы совместно с Канадой, Японией, Великобританией, Францией, Австрией. Советский Союз сотрудничал со странами социалистического лагеря и более дружелюбно настроенными европейскими державами, например с Италией. В то же время со скандинавскими государствами взаимодействовали как Советский Союз, так и Соединённые Штаты. К 1990-м гг. – началу периода снижения остроты противостояния государств – появились и совместные советско-американские работы. Яркий пример такого кино – картина «Пленник земли» (1990).

Для анализа проявлений культурной дипломатии в холодной войне важно проследить не только официальные линии сотрудничества

государств в кинематографической сфере, но и имагологическую основу политики государств. В художественных фильмах транслируется определённый образ самого себя, своего противника. Через кино можно составить определённую картину мира (настоящего и прошлого), которая в целом предпочтительнее для данного социума. В период холодной войны стираются границы войны и мира, образ конфликта максимально динамичен и театрализован. Север же становится особым пространством в войне, изолированным от социума пространством для противостояния. Это, безусловно, прослеживается в кинематографических сюжетах. Также важно определить, является ли для изучаемых стран Заполярье частью их собственной территории или же это для них абсолютно отчуждённое пространство. Однако, если какие-либо образы представляются в сознании нации как чуждые или противоположные, это не означает, что подобные моменты ею полностью отрицаются. Они так или иначе входят в общую картину мира. Следовательно, в процессы культурной дипломатии нужно включить и образную составляющую кино.

В американском кинематографе арктической тематики можно выявить преобладание фильмов следующих жанров: фантастика, «хоррор», приключенческое кино. Это можно объяснить как популярностью подобных жанров в целом, так и особенностями представления Арктики посредством киносюжетов. В сотрудничестве со скандинавскими странами – Данией, Швецией, Норвегией – было создано много работ в поджанре *monster movie*, то есть фильмов, сюжет которых строится вокруг огромного монстроподобного существа. Подобные ленты приходят в американский послевоенный кинематограф после сближения с культурой Японии. На фоне событий и страхов холодной войны фантастическая угроза начинает выступать метафорой реальной угрозы. На первый план выходит опасность ядерного вооружения и проводимых в Арктике научных, военных испытаний. Именно в результате тестирования подобного оружия происходит своеобразное пробуждение или же создание монстров. Для подобных сюжетов характерны также диалоги персонажей, раскрывающие место конфликта (холодной войны) в общеисторическом процессе и место современного человека во вселенной. Технологии, созданные человеком, принесут гибель нашей планете или спасут её от возможной угрозы? Это одна из ключевых дилемм таких работ. В некоторых картинах гигантские монстры и роботы напрямую используются враждующими сторонами для получения превосходства. Секретные советские военные базы в Арктике тоже стали частью общего образа. Подобные сюжеты можно увидеть в таких

картинах, как «Животное от 20 000 морских саженей»¹, «Рептиликус»², «Смертельный богомол»³.

К категории фантастического кино об Арктике можно отнести сюжеты о космическом присутствии на Северном полюсе. Общий посыл таких работ имеет схожие черты с monster movie. Инопланетные технологии воспринимаются как возможности для победы той или иной стороны в холодной войне. Фильмы избирают именно Арктику и Север территорией контакта с инопланетными существами из-за малонаселённости этих мест, больших расстояний, на которых может появиться летательный объект, а также условной «близости» полюса с космическим пространством. Инопланетные силы проявляют себя в следующих картинах: «Нечто»⁴, «Атомная подводная лодка»⁵, «Летающая тарелка»⁶.

В американском приключенческом кино периода холодной войны были распространены сюжеты, раскрывающие тему взаимного шпионажа и противодействия разведок конфликтующих лагерей. Кинокартина «Огненный лис» (1982), совместная работа США, Австрии и Гренландии, повествует о проникновении американского разведчика на территорию СССР для похищения секретной разработки – самолёта, управляемого силой мысли. Однако самолёт «понимает» только мысли на русском языке, поэтому для выполнения миссии выбирается подготовленный русскоговорящий военный. При подготовке операции разведка США сравнивает Комитет государственной безопасности (КГБ) Страны Советов с огромным чудовищем, мимо которого можно проскочить, если ты маленький. Советский Союз представлен в картине как монументальная держава, наводнённая полицией, военными и сотрудниками спецслужб. Советские учёные и техники, создавшие новейший самолёт, характеризуются как талантливые люди, но, как только они закончат свою работу, «их сошлют куда-нибудь далеко только из-за религиозных убеждений»⁷. Противник в этой работе является сильным, опасным и достойным соперником. Аляска и арктическое пространство выступают в фильме как рубеж, до которого герою нужно добраться, чтобы попасть на «свою»

¹ «Животное от 20 000 морских саженей» (The Beast from 20,000 Fathoms, реж. Эжен Лурье, 1953).

² «Рептиликус» (Reptilicus, реж. Сидни В. Пинк, США – Дания, 1961).

³ «Смертельный богомол» (The Deadly Mantis, реж. Нэйтан Юран, 1957).

⁴ «Нечто» (The Thing from Another World, реж. Кристиан Найби, Ховард Хоукс, 1951).

⁵ «Атомная подводная лодка» (The Atomic Submarine, реж. Спенсер Гордон Беннет, 1959).

⁶ «Летающая тарелка» (The Flying Saucer, реж. Микель Конрад, 1950).

⁷ «Огненный лис» (Firefox, реж. Клинт Иствуд, 1982) // Кинопоиск [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/9218/> (дата обращения: 29.06.2021). Сюжет демонстрируется на: 51:47.

территорию. Зрелищная воздушная гонка над Арктикой завершается победой американского пилота. Данный пример демонстрирует раскрытие в арктическом кино популярной темы создания противником супероружия. Примечательно также и то, как в ленте показаны государство-противник и советские люди.

Если говорить о советском арктическом кино периода холодной войны, то необходимо отметить преобладание в нём героико-ориентированных сюжетов. При сотрудничестве со скандинавскими странами были популярны фольклорные и этнические темы. Биографический художественный фильм о Фритьофе Нансене «Всего одна жизнь» был снят совместно СССР и Норвегией. Знаменитый исследователь раскрыт в сюжете как авторитетный учёный, значимый политик и достойный человек. Примечательно, что фильм был снят в 1968 г., то есть в достаточно острый период холодной войны. Однако эта работа через главного героя транслирует мысль о том, что человек важнее политики.

Также в арктическом кино активно поднималась тема истории северных районов, особенно в военный период. Советско-норвежская работа «Под каменным небом» (1974) с участием Евгения Леонова и Олега Янковского основана на реальном историческом событии – освобождении советского Заполярья и выходе к российско-норвежской границе, боях за киркенесские шахты. Согласно материалам производства, в написании сценария и съёмках участвовали очевидцы военных событий. Тем не менее тема являлась довольно острой для обеих сторон, поэтому съёмочный процесс выстраивался на стратегии компромисса. В целом фильм можно характеризовать скорее как демонстрацию совместной советско-норвежской позиции по вопросу освобождения Киркенеса. Сюжет построен на солидарности двух стран, однако сам фильм имеет слабый центральный конфликт и не очень выразительных персонажей. Главное место занимает именно идея сотрудничества СССР и Норвегии тогда, во время освобождения шахт, и сейчас. Примечательно также, что съёмки картины про Крайний Север по большей части проходили в тёплом климате – в Крыму.

Картина совместного советско-британско-итальянского производства «Красная палатка» (1969) основана на реальных событиях и рассказывает о крушении дирижабля «Италия», на котором к полюсу отправилась итальянская полярная экспедиция под руководством У. Нобиле. Отдельно повествуется об организации спасательных операций многими странами. Красную палатку на белом снегу искали лётчики Норвегии, Швеции, Италии, СССР. В фильме продемонстрирован подвиг советского ледокола «Красин», первым прибывшего на помощь экспедиции. Сюжет красочно демонстрирует отправление ледокола, поиски

потерявшей экспедиции и само освобождение изо льдов выживших людей. В фильме также поднимается вопрос о вине Нобиле за гибель части экипажа, своеобразный товарищеский суд проходит над ним в будущем. Путешественник отвечает, что перед ним был выбор 50 на 50: высадиться на полюс или улететь, но он выбрал риск. Без таких рискованных поступков не совершается великих открытий, поэтому сюжет полностью оправдывает Умберто Нобиле. Последние кадры демонстрируют красоту и опасность Арктики. Особую роль играет также образ арктического путешественника Амундсена в исполнении Шона Коннери. Полярный герой гибнет при поисках экспедиции Нобиле, восклицая, что «людям нечего делать в Арктике»¹. Тем самым этот персонаж усиливает поднятый в фильме вопрос о том, стоит ли исследование Севера таких человеческих жертв.

«Пленник земли» (1990) – особый фильм для данного исследования. Это – совместная американо-советская приключенческая драма, основанная на произведении Джеймса Олдриджа. По сюжету, американский военный самолёт замечает потерпевшего крушение во льдах лётчика. Недолго думая, один из американцев – Ройс – спрыгивает к пострадавшему на парашюте. Самолёт оказывается советским. Так раненый русский и американский военные остаются вдвоём против арктической стихии. Постепенно герои начинают общаться. Они рассказывают друг другу о своих семьях и о том, как проходит жизнь в их странах.

Кинокартина является знаковой для данного исследования, так как она характерна для периода разрядки. Неслучайно два персонажа противоборствующих недавно держав оказались вместе в изолированном от других пространстве. Их диалоги характеризуют всё течение холодной войны: сначала они ссорятся, периодически доходя до максимального обострения конфликта. При этом персонажи с каждой беседой всё лучше и лучше понимают друг друга: осознают, что для каждого значимо. Примечательно, что даже в периоды максимальной агрессии американец не бросает русского, а продолжает нести. По сути, фильм состоит из дискуссии, которая приводит героев к выводам о том, что нет смысла продолжать противостояние. После этого путешествия для них начинается новая жизнь.

Критика системы сменяется дискуссией о человеческих ценностях: «Ваша система не работает, это весь мир знает. Горстка людей наверху

¹ «Красная палатка» (реж. Михаил Калатозов, 1969) // Кинопоиск [Электронный ресурс] URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/13521/> (дата обращения: 29.06.2021). Сюжет демонстрируется на: 1:48:30.

учит вас, как жить и что думать»¹. «Это моя страна и моя Нина. Только я могу их ругать, не ты»², – отвечает русский. Он выдвигает свои аргументы: «Это всё глупости – свобода! Если ты так свободен, почему ты не уходишь? Ты застрял здесь, как и я. Ты – пленник этой земли»³. Последние слова можно воспринимать более глобально: все мы живём на этой земле, и мы в каком-то смысле её пленники.

Таким образом, процессы культурной дипломатии периода холодной войны проявляют себя в кинематографе по-разному. В первую очередь само сотрудничество держав в рамках киноиндустрии было достаточно политизированным. Страны предпочитали делать совместные проекты со своими дипломатическими союзниками и избегать культурных контактов с противниками. Ситуация начала меняться только к началу 1990-х гг., когда снизилась международная напряжённость. Наиболее гибкой страной для сотрудничества была Норвегия, с которой взаимодействовали оба лагеря.

Кроме того, частью культурной дипломатии является и сюжетная составляющая художественного кино, образы действительности, которые создавались авторами. В целом можно отметить, что Арктика по-разному воспринимается в советском и американском кинематографе холодной войны. В американских работах создаётся образ Северного полюса как особого пространства, через которое пролегает кратчайший путь между двумя враждующими державами. Это условная точка соприкосновения, наиболее опасный участок планеты. Так, Арктика не случайно занимает особое место в культурном пространстве США времён холодной войны. Хоррор-кинематограф и фантастические фильмы зачастую поднимают тему ядерной угрозы и опасности новых технологий. К дискуссии предлагаются вопросы о роли человека в мире.

Зачастую Арктика рассматривается как точка возможного начала глобального конфликта – Третьей мировой войны.

Следует также отметить, что данное исследование является частью более масштабной работы «Холодная война в Арктике: сравнительная характеристика образов в американском и советском художественном кинематографе (1945–1991 гг.)».

¹ «Пленник земли» (реж. Джон Берри, 1990) // Кинопоиск [Электронный ресурс] <https://www.kinopoisk.ru/film/21108/> (дата обращения: 29.06.2021). Сюжет демонстрируется на: 56:18.

² Там же. Сюжет демонстрируется на: 56:20.

³ Там же. Сюжет демонстрируется на: 57:30.

Список использованных источников – кинофильмов

1. «Атомная подводная лодка» (The Atomic Submarine, реж. Спенсер Гордон Беннет, США, 1959 г.).
2. «Всего одна жизнь» (реж. Сергей Микаэлян, СССР – Норвегия, 1968 г.).
3. «Дух ветра» (Spirit of the Wind, реж. Ральф Лиддл, США – Франция, 1979 г.).
4. «Животное от 20 000 морских саженей» (The Beast from 20,000 Fathoms, реж. Эжен Лурье, США, 1953 г.).
5. «Кинг-Конг против Годзиллы» (King Kongu tai Gojira, реж. Исиро Хонда, США – Япония, 1962 г.).
6. «Красная палатка» (реж. Михаил Калатозов, СССР – Италия, 1969 г.).
7. «Летающая тарелка» (The Flying Saucer, реж. Микель Конрад, США, 1950 г.).
8. «Нечто» (The Thing from Another World, реж. Кристиан Найби, Ховард Хоукс, США, 1951 г.).
9. «Огненный лис» (Firefox, реж. Клинт Иствуд, США – Австрия – Гренландия, 1982 г.).
10. «Пленник земли» (реж. Джон Берри, США – СССР, 1990 г.).
11. «Побег Кинг-Конга» (King Kongu no gyakushû, реж. Исиро Хонда, США – Япония, 1967 г.).
12. «Под каменным небом» (реж. Кнут Андерсен, Игорь Масленников, СССР – Норвегия, 1974 г.).
13. «Последний динозавр» (The Last Dinosaur, реж. Александр Грассхофф, Цугунобу Котани, США – Япония, 1977 г.).
14. «Рептиликус» (Reptilicus, реж. Сидни В. Пинк, США – Дания, 1961 г.).
15. «Случай с Бедфордом» (The Bedford Incident, реж. Джеймс Б. Харрис, США – Великобритания, 1965 г.).
16. «Смертельный богомол» (The Deadly Mantis, реж. Нэйтан Юран, США, 1957 г.).
17. «Смерть среди айсбергов» (Orca, the Killer Whale, реж. Майкл Андерсон, США – Нидерланды, 1977 г.).
18. «Ужас под полуночным солнцем» (Invasion of the Animal People, реж. Вирджил В. Фогель, США – Швеция, 1959 г.).

ПРОКОФЬЕВА В.Ю.

Полярный хронотоп в кино: смыслы, жанры, возможности

V. PROKOFIEVA

Polar chronotope in cinema: meanings,
genres, possibilities

Сведения об авторе:

Прокофьева Виктория Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург)
vicproc@rambler.ru

Author:

Viktoria Yurievna Prokofieva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Media Communication Technologies, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg)
vicproc@rambler.ru

Аннотация

В статье говорится о необходимости создания базы художественных игровых фильмов, местом действия в которых становятся Арктика и Антарктика. Вводится термин «полярный хронотоп», понимаемый как использование в качестве кинолокаций снежных пейзажей и возможность реализации смысловых стратегий в этих «интерьерах» в зависимости от заявленного жанра. В рамках исследования делается сравнительный анализ художественных игровых фильмов об Арктике и Антарктике в жанровом и сюжетно-тематическом аспектах. Автор обращает внимание на различия фильмов о полюсах в построении образов персонажей, в особенностях представления пейзажей на экране и приходит к выводу, что, если в фильмах о Севере возможно драматическое, романтическое и даже комедийное киноповествование, возможны не только сильные духом и телом персонажи, но и влюблённые, смешные, обычные люди обычных профессий, дети, сказочные и фэнтезийные герои, то на юге допустимы исключительно динамические события, персонажам приходится выживать в борьбе не только с природой, но и с другими персонажами, не всегда принадлежащими

к роду человеческому, что делает действие быстрым и жёстким, а характеры гиперболизированными.

Abstract

The article speaks about the need to create a database of fictional films, in which the Arctic and Antarctic become the scene of action, the concept of a polar chronotope is introduced, understood as the use of snow landscapes as cinematographic locations and the possibility of implementing semantic strategies in these “interiors” depending on the declared genre. Within the framework of the research, a comparative analysis of fiction films about Arctic and Antarctica in genre and subject-thematic aspects is made. The author draws attention to the differences between films about the poles in the construction of characters’ images, in the peculiarities of the presentation of landscapes on the screen and comes to the conclusion that if dramatic, romantic and even comedic film narration is possible in films about the north, not only characters strong in spirit and body are possible, but also lovers, funny, ordinary people of ordinary professions, children, fairy-tale and fantasy heroes, then on the southern edge only dynamic events are permissible, the characters have to survive in the struggle not only with nature, but also with other characters that do not always belong to the human race, which makes the action is fast and tough, and the characters are exaggerated.

Ключевые слова:

полярный хронотоп, кино, игровой художественный фильм/сериал, Арктика, Антарктика.

Keywords:

polar chronotope, cinema, fictional film / TV series, the Arctic, the Antarctic.

Обращение к суровым полярным районам в качестве объекта кинематографического исследования произошло в 1920–30-е гг.: именно эти десятилетия породили в экранной документалистике такие направления, как экспедиционное и этнографическое кино, а первые фильмы – «Два океана» (1933) В. Шнейдерова и «Нанук с Севера» (1922) Р. Флаэрти соответственно – и по сей день изучаются специалистами¹. В эти же десятилетия снежные пейзажи и суровые северные условия появляются

¹ См., напр.: Головнёв И.А. Арктика в объективе советского кино: «Два океана» Владимира Шнейдерова // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 144–153; Он же. Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино. «Нанук с Севера» Роберта Флаэрти // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 113–123.

в кино игровом: в 1925 г. в США вышла комедия Ч. Чаплина «Золотая лихорадка», а в 1936 г. в СССР – фильм С. Герасимова «Семеро смелых». Оба фильма, во многом различных, объединяет одно: они приключенческие, то есть остросюжетные, где персонажам надлежит выпутаться из сложных ситуаций и обстоятельств, которые заданы в первую очередь местом действия. С тех пор кинематограф подарил миру множество фильмов, действие которых происходит в самых трудных по части выживания географических зонах планеты – Арктике и Антарктике. Думается, что настало время для создания некоей энциклопедии или базы данных, в которых эти фильмы были бы представлены профессионально, в виде жанровой классификации. Пока же Интернет предлагает лишь разного объёма списки фильмов об Арктике и Антарктике¹, где кинотексты представлены в той последовательности и тех жанрах, как они мыслятся авторами подборок, не разделяющих документальные, анимационные и игровые ленты, не говоря уже об их жанровом репертуаре.

О том, что каждое произведение искусства формирует своё представление пространственно-временного континуума, впервые заговорил М.М. Бахтин, введший в литературоведение термин «художественный хронотоп» и определивший его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»². В киноведении этот термин нашел свою интерпретацию, хорошо показанную в статье В.Ф. Познина, высказавшего гипотезу о том, что «в конкретном хронотопе в зависимости от сюжетного и композиционного построения эпизода или фильма может доминировать либо экранное художественное время, либо экранное художественное пространство»³. Многочисленные подборки фильмов об Арктике и Антарктике говорят о том, что у зрителя сформировано представление о соответствующем экранном пространстве и пора найти ему термин. В англоязычной литературе такой термин предложен – *arctic discourse*, именно им пользуются авторы книги о документальном кино про Арктику⁴, предлагая свою типологию фильмов об этом географическом пространстве. Данный термин становится заглавным в сборнике статей

¹ См., напр.: Топ-15 лучших фильмов об Арктике и Антарктике // CADELTA.RU. 26.04.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://cadelta.ru/movies/id3877> (дата обращения: 15.05.2021).

² Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234.

³ Познин В.Ф. Художественное пространство и время в экранном хронотопе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2019. № 1. С. 93.

⁴ Arctic Cinemas and the Documentary Ethos. Lilya Kaganovsky, Scott MacKenzie, Anna Westerstaahl Stenport. Bloomington, Indiana University Press, 2019. 392 p.

«Арктические дискурсы: введение», исследующем образы Арктики в различных текстах начиная с середины XIX в. В «постромантическом мире», как указывается во введении, «образы Арктики фиксируются в повторяющихся темах и интертекстах. Обычно Арктика представляется либо ледяным адом, либо обитаемым раем, причём последнее, очень старое представление вновь появляется в футурологических видениях экологов об Арктике, полной жизни, которой угрожают не холод, лёд и зимняя тьма, а человеческое влияние»¹ (перевод наш. – В.П.).

В русскоязычной литературе термин *арктический дискурс* встречается в работах социолингвистической и лингвокультурологической направленности, связанных с представлением региона в информационном пространстве², поэтому для анализа фильмов с пространственной привязкой к Арктике и Антарктике позволим себе предложить другой термин – *полярный хронотоп*. Под полярным хронотопом мы подразумеваем сюжетную привязку в кино к полярным регионам, использование в качестве мест съёмок снежных пейзажей и возможность реализации смысловых стратегий в этих «интерьерах» в зависимости от заявленного жанра. Попробуем проследить, как та или иная территория влияет на художественный язык и формирует семиотику фильма. Речь будет идти об игровом художественном кино, многочисленные мультипликационные фильмы на полярную тему брать во внимание в пределах данной статьи не будем, ибо этот объект требует отдельного исследования.

В зависимости от выбора режиссёром и сценаристом места действия из двух крайних точек планеты, где очень холодно, много снега и льда, могут быть реализованы определённые сюжетные ходы. Важными в сюжетной и жанровой организации фильма оказываются следующие различия территорий: Арктика закреплена за несколькими государствами, имеет постоянное население, флору и фауну (белые медведи и волки наиболее кинематографичны), природные ресурсы, в том числе золотые месторождения; Антарктика – более суровый в климатическом отношении материк, население которого – временные станции различных государств.

Полярный хронотоп оказывается основным в исторических фильмах и байопиках, рассказывающих историю открытия северных земель и воссоздающих на экране реальные события и личности, связанные

¹ Arctic discourses: an introduction. Anka Ryall, Johan Schimanski and Henning Wærp. Newcastle, 2010. P. 10.

² См., напр.: Шарова Е.Н. Роль арктического дискурса в формировании идентичности жителей Северного региона // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 139–152.

с этими открытиями. Таковы «Баллада о Беринге и его друзьях» (СССР, 1970), «Челюскинцы» (СССР, 1984) – о гибели во льдах парохода «Челюскин», «Новая земля» (Нидерланды, 2011) – о В. Баренце, «Первые» (Россия, 2018) – о российских исследователях Севера, «Террор» (США, 2018, 2 сезона), сериал об экспедиции Д. Франклина к северному побережью Канады в 1845 г.

В фильмах об Арктике чаще реализуются драматические сюжеты встречи пришлого гостя и местного населения, завязывания отношений с девушкой. Таков эпический триллер о человеческих страстях в нечеловеческих условиях арктической тундры «Нереальный Север» (Великобритания – Франция, 2007), где действие разворачивается медленно, пейзажи плавно сменяют один другой, камера скользит и периодически замирает, предоставляя зрителю созерцать отрешённую красоту льдов и северного сияния. В условиях этой величественной природы тихо и незаметно живут мать и дочь, чей мир оказывается разрушен с появлением полузамёрзшего путника, который разбивает устоявшийся порядок жизни двух женщин, рождая в них чувства и чувственность к нему и ревность друг к другу. Отношения полярного лётчика и эскимосской женщины показаны в фильме «Потерянный в снегах» / «Идущий по снегу» (Канада, 2003), где реализуется ещё один частый сюжет полярного хронотопа – падение самолёта и необходимость выживать в новых условиях. В данной картине этот сюжет дополнен драмой: лётчик вёз больную местную девушку в больницу, теперь им нужно справиться с ситуацией вдвоём, она умеет ладить с тундрой, но у неё мало сил, для общего спасения надо объединить усилия, научиться понимать друг друга и взаимодействовать. Так в полярном хронотопе приключенческий экшен соединяется с лирикой отношений.

Безусловно, суровость полярного хронотопа реализуется на экране в теме становления характера в жёстких условиях. Об этом фильмы «Не кричи “Волки!”» (США, 1983), «В ледниковом плену» (США – Канада, 2003), в которых главной сюжетной линией становится выживание человека в суровых условиях Севера. В качестве персонажей выбираются представители профессий, связанных с работами в Арктике, то есть люди, достаточно подготовленные к суровой жизни, но жёсткие условия дополняются какими-либо происшествиями (внезапная болезнь, травма, нападение животных или утрата необходимого оборудования), заставляющими главного героя преодолевать не только природные трудности, но и самого себя.

Полярный хронотоп помогает показать на экране столкновение характеров в новых условиях («Как я провёл этим летом», Россия, 2009), а также реализовать тему поисков и разведки недр – по сути,

производственную драму. Таковы российские экранизации романа О. Куваева «Территория» 1978 и 2014 гг. – о страсти к своему делу, о долге, чести и достоинстве геологов, ищущих золото на Чукотке. Производственной драмой можно назвать и сериал «Арктический воздух» (Канада, 2012, 3 сезона), повествующий о пилотах, ежедневно летающих на Север на небольших спортивных и огромных военных самолётах.

Тема повседневных арктических авиаперелётов часто выводит на шпионский сюжет («Лисы Аляски», ГДР, 1964 и др.) или используется как отправная точка в фильмах о выживании в снегах. В последнем случае завязкой киноповествования служит авиакатастрофа с выжившими персонажами, не подготовленными к суровому Северу. Выживать им приходится ещё много раз в разных обстоятельствах, что делает сюжет очень напряжённым (см., напр.: «Схватка», США, 2011; «Затерянные во льдах», Исландия, 2018).

Встречи с арктической фауной в кино могут быть как основой сюжета (многочисленные экранизации повести Д. Лондона «Белый Клык», советский фильм «Под северным сиянием», 1990; романтическая драма «Влюблённые и медведь», Канада, 2016 и др.), так и в качестве эпизода встречи с агрессивными животными, источниками опасности, – волками или медведем, появляющимися в кульминационной части киноповествования, или же в качестве её отправной точки, как в первом эпизоде первого сезона сериала «Фортитюд» (Великобритания, 2015).

Пейзажи в фильмах об Арктике не исключительно снежные: операторы показывают зрителю и горы, и водную поверхность, и северную растительность, и, конечно, северное сияние.

Жанровый репертуар фильмов об Арктике весьма широк: драма с её вариантами (романтическая, производственная, криминальная), детектив, боевик, фантастика, фэнтези (многочисленные фильмы о поиске детьми Санта-Клауса, живущего на Северном полюсе, или о нём самом), так называемые фильмы для семейного просмотра, в которых главные герои – дети и подростки. Из последних необходимо отметить советский фильм «Включите северное сияние» (СССР, 1972), где на 25-й минуте школьники продолжительно любят северное сияние, и «Выжить в Арктике» (Норвегия, 2014), в котором трое детей оказываются во льдах недалеко от Шпицбергена – современная история о робинзонах Севера.

Полярный хронотоп может стать даже местом комедийного повествования. Такова норвежская комедия «Север» (2009) – о бездельнике и прожигателе жизни, узнающем, что где-то на Севере растёт его сын, и совершающем путь, в прямом и переносном смысле, к новой жизни;

преодоление препятствий делает его другим человеком. Так полярный хронотоп позволяет в лёгкой форме, через комедийность положений показать становление характера. А в российском комедийном сериале «Полярный» (2019) полярный хронотоп позволяет «заморозить» на Севере «лихие 1990-е», куда и перебирается главный герой, известный в тот период бандит, в поисках выхода из трудной ситуации, так сказать, в привычную среду обитания. Так метафорически реализуется тема сохраняющего всё и вся холода, которая часто эксплуатируется в фантастических фильмах и хоррорах о замороженном во льдах полюсов зле, которое на беду себе и планете извлекает человек (фильмы о внеземной жизни, таящейся в вечной мерзлоте, которую выпускают на волю учёные, – «Арктический хищник», США, 2010, 8-й эпизод 1-го сезона «Секретных материалов» и многие другие).

Фильмы об Антарктике в жанровом плане не такие разнообразные. Жёсткие условия выживания в самой южной точке планеты диктуют и жёсткие сюжетные линии фильмов, рассказывающих истории «за гранью реальности» в следующих жанрах:

- историческое кино / байопик: «Амундсен» (Норвегия, 2019), «Затерянные в Антарктиде» (Великобритания – Австралия, 2002, сериал об экспедиции Э. Шеклтона);
- фильмы, основанные на реальных событиях (драмы, катастрофы, приключения): «Закон Антарктиды» (СССР, 1962), «Антарктическая история» (Япония, 1983) и его ремейк «Белый плен» (США, 2005), «Ледокол» (Россия, 2016);
- героические фильмы СССР: «Семьдесят два градуса ниже нуля» (1976), «Антарктическая повесть» (1980);
- фантастика: «Нечто» (США, 1982, 2011), «Охотник за пришельцами» (США – Болгария, 2003), «Вирус» (Япония, 1980), «Новый Аляска» (США, 2002);
- фантастический хоррор: «Чужой против Хищника» (США и др., 2004); «Нацисты в центре Земли» (США, 2012), «Атлантида» (Испания – Франция, 2017);
- детектив: «Белая мгла» (США и др., 2008), «Голова» (Испания, сериал, 2020).

В фильмах об Антарктике пейзажи исключительно снежные, а персонажам приходится выживать в борьбе не только с природой, но и с другими персонажами, не всегда принадлежащими к роду человеческому, что делает действие быстрым, а характеры гиперболизированными. Если в фильмах об Арктике возможно драматическое, романтическое и даже комедийное киноповествование, то на южном крае

В рамках очередной международной научно-практической конференции «Полярные чтения – 2021» впервые состоялась не просто секция с докладами, а научный семинар, завершившийся дискуссией, посвящённой проблемам, которые обсуждались в ходе работы секции. Она называлась «Полярные регионы в зеркале кинематографа». На снимке – обсуждение докладов. 19 мая 2021 г.

допустимы исключительно динамические события. Если в первых фильмах в качестве персонажей могут быть выбраны не только полярники, лётчики и геологи, но и обычные люди и даже дети, а также сказочные и фэнтезийные герои, то в фильмах об Антарктике в качестве протагонистов выбираются подготовленные люди, обладающие хорошей физической формой, интеллектом, специальными знаниями, мотивированные на пребывание в этих условиях и имеющие опыт жизни в них, а антагонистами – артефакты, формы внеземной жизни или фантомы потусторонних миров, часто вселяющиеся в представителей рода человеческого, а также сама природа, становящаяся агрессивной стихией. И если в арсенале фильмов про Арктику можно обнаружить фильм-катастрофу «Буря в Арктике» (Австралия – Канада, 2010), в котором климатическая аномалия локализована, то в антарктических декорациях появляется уже постапокалиптический триллер «Послезавтра» (США, 2004) – о том, что «а вдруг везде на планете будет так, как в Антарктике».

Объединяющими фильмы о полюсах становятся снежные приключения, которые не перестают привлекать и создателей фильмов, и зрителей. Положенные в основу разных жанров, они создают особый нарратив, реализующий полярный хронотоп. И сам выбор этих особых географических условий в качестве кинодекораций диктует сюжетные ходы, темы, мотивы, персонажный и жанровый репертуар игрового кинематографа.

Итак, мы видим, что полярный хронотоп в художественном игровом кино представлен достаточно широко, его жанровый репертуар разнообразен, а снежные локации позволяют реализовать многие смысловые стратегии режиссёрской мысли и сделать ленты интересными для зрителей. Назрело обобщающее исследование по полярному хронотопу в кино – аналитическая работа по типологизации фильмов об Арктике и Антарктике в различных аспектах: сюжетном, жанровом, персонажном, тематическом и т. п., а также необходимо создание баз фильмов о полюсах нашей планеты, документальных, художественных, анимационных.

Музейное измерение
Арктики и Антарктики

Museum dimension of the
Arctic and Antarctic

ГОРБАЧЁВА В.В.

Косторезное искусство коренных
арктических народов Сибири
в коллекционном собрании Российского
этнографического музея

V. CORBACHEVA

Bone-cutting art of the indigenous arctic
peoples of Siberia in the collection of the
Russian Ethnographic Museum

Сведения об авторе:

Горбачёва Валентина Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея (Санкт-Петербург)

valentinagor@yandex.ru

Author:

Valentina Vladimirovna Gorbacheva, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia and the Far East of the Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg)

valentinagor@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена истории комплектования коллекций Российского этнографического музея по косторезному искусству арктических народов Сибири.

Abstract

The article is devoted to the history of completing the collections of the Russian Museum of Ethnography on the bone-cutting art of the Arctic peoples of Siberia.

Ключевые слова:

косторезное искусство, гравировка, клык моржа, резьба по кости, сюжетный рисунок, скульптурная композиция, мелкая пластика, бивень мамонта.

Keywords:

Bone-cutting art, engraving, walrus tusk, bone carving, plot drawing, sculptural composition, small plastic, mammoth tusk.

Косторезное искусство коренных арктических народов Сибири привлекало и привлекает внимание не только российских, но и зарубежных исследователей и специалистов различных направлений. Существующие в настоящее время основные школы – чукотская и якутская – прошли разный путь развития.

Художественная обработка клыков моржа и костей морских животных на Чукотке уходит в глубь веков. На рубеже I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. древние охотники, помимо орудий труда и предметов бытового назначения, вырезали из костей моржа фигурки промысловых животных, имеющих сакральное значение. Традиции создания анималистической скульптуры сохранялись и в начале XX в.

В 1930–50-х гг. в художественной обработке кости произошли значительные изменения. Важнейшую роль в объединении мастеров двух школ (дежнёвской и уэленской) и развитии косторезного искусства на Чукотке сыграло создание в 1931 г. в п. Уэлен косторезной мастерской. Наряду с сохранением древних традиций, чукотское косторезное искусство наполнилось новым содержанием и приобрело иные черты. Новые технологические приёмы обработки кости морских животных на токарном станке расширили возможности мастеров в создании менее статичной мелкой пластики и скульптурных сюжетных композиций.

С 1940-х гг. сюжетной гравировкой, получившей развитие с середины XIX в., когда появился спрос на самобытные произведения косторезного искусства, наряду с мужчинами стали заниматься женщины. В работах мастеров нашли отражение не только сюжеты из повседневной и праздничной жизни приморских жителей и оленеводов, но и сюжеты национального фольклора.

Косторезное искусство в Якутии зародилось в первой половине XVIII в., когда здесь началась активная добыча бивней мамонта. В изделиях утилитарного назначения (ларцы, гребни) этого периода, выполненных якутскими косторезами, прослеживается влияние мастеров холмогорской школы. С середины XIX – начала XX в. происходят изменения в художественной обработке бивней мамонта: мастерами создаются жанровые композиции и макеты с элементами этнической специфики. Новый этап в развитии якутского косторезного искусства начался после открытия в 1959 г. отделения «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» на базе созданного в 1945 г. в Якутске художественного училища.

Важным источником при исследовании косторезного искусства коренных арктических народов Сибири являются экспонаты музеев. Одно из крупнейших хранилищ предметов, созданных косторезами разных эпох, – Российский этнографический музей. Комплектование фонда

по этнографии народов Сибири, в том числе и по косторезному искусству арктических этносов, началось в 1902 г. и теснейшим образом связано с Дмитрием Александровичем Клеменцем – первым заведующим этнографическим отделом Русского музея императора Александра III. К сбору коллекций в обширном Сибирском регионе, который он курировал, были привлечены так называемые корреспонденты: представители администрации, служащие, учителя, участники различных экспедиций, политические ссыльные и т. д.

Первые коллекции резной кости поступили в этнографический отдел в 1904 г. от политического ссыльного, этнографа и лингвиста Э.К. Пекарского. Являясь участником Аяно-Нельканской дорожной экспедиции, организованной в 1903 г. по инициативе губернатора Якутской области В.Н. Скрипицына, Эдуард Карлович объехал обширную территорию, собрал информационный и вещевой этнографический материал у якутов, приаянских эвенков, приобрёл изделия косторезного промысла у оседлых коряков Охотского побережья.

Значительную часть предметов в двух коллекциях резной кости Э.К. Пекарского, приобретённых на средства этнографического отдела, составляют: изображения птиц, белого медведя, морских (моржей, сивуча, нерпы) и сухопутных (горного барана, домашней собаки) животных. Особый интерес представляют вырезанные из клыка моржа: трубки, сцены переезда верхом на олене и на упряжке ездовых собак, национальная борьба и камлание шамана. Уникальность этой коллекции очевидна, так как добыча моржей у коряков полуострова Тайгонос в конце XIX в. была большой редкостью. Отсутствие материала привело к постепенному исчезновению искусства резьбы по кости у коряков этой группы.

Самая ранняя коллекция костяных изделий коряков охотского побережья и Камчатки была собрана доктором Н.В. Слюниным во время Охотско-Камчатской экспедиции 1895–1896 гг., руководимой горным инженером К.И. Богдановичем. Наряду с обязанностями врача, Николай Васильевич с большим увлечением занимался во время этой сложной экспедиции изучением географии, климата, фауны, флоры, природопользования и этнографии коренного населения, живущего по обе стороны Охотского моря. Собранный им большой и очень интересный материал, в том числе некоторые костяные фигурки, был опубликован в двухтомном труде¹. Свыше 100 предметов мелкой пластики оседлых коряков (изображения животных, птиц, бытовые сцены), переданные Н.В. Слюниным в начале XX в. в этнографический отдел, очень редкие.

¹ См.: Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. 690 с.; Т. 2. 167 с.

Рис. 1. Скульптура «Чаяпитие». Коряки. Камчатская обл., конец XIX в. Собиратель Н.П. Сокольников

Серьёзный вклад в пополнение фонда музея по культуре коренных народов северо-востока Сибири, в том числе высокохудожественными косторезными изделиями коряков-олюторцев восточного побережья Камчатки, чукчей и эскимосов Чукотки, внёс в 1904–1907 гг. начальник Анадырского округа Приморской области статский советник Николай Павлович Сокольников. В своей работе при сборе предметов на средства этнографического отдела он учитывал пожелания и рекомендации Д.А. Клеменца, с которым находился в постоянной переписке. Коллекционное собрание Н.П. Сокольникова, состоящее из 2700 этнографических предметов по народам региона, убедило Д.А. Клеменца в удачном выборе этого корреспондента, которого доктор Н.В. Кириллов, работавший на Чукотке, рекомендовал как «уверенного, надёжного человека»¹, увлечённого своей собирательской деятельностью. Изделия косторезного искусства в этом собрании составляют свыше 400 предметов. Из них около 300 было приобретено Н.П. Сокольниковым у коряков-олюторцев северной части восточного побережья Камчатского полуострова. Данная коллекция отличается многообразием изображений и сюжетов. Помимо фигурок различных животных (медведя, горного барана, оленя, кита, моржа, сивуча, нерпы), рыб и птиц (ворона, гуся, утки), в ней представлены композиции с сюжетами охоты на медведя, горного барана, морских

¹ Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 602. Л. 13.

животных и т. д. Особенно выразительными являются изображения бытовых сцен из жизни коряков: «За трапезой», «Чаепитие» (рис. 1), «Игра в шахматы», «Борцы», «Камлание шамана» и т. п.

Чукотско-эскимосские коллекции насчитывают свыше 100 экспонатов мелкой пластики с аналогичными изображениями морских и сухопутных животных, сцен, характеризующих занятия и повседневную жизнь приморских жителей. Обе коллекции косторезного искусства, собранные Н.П. Сокольниковым, – ценные приобретения музея. Но уникальность корякской коллекции в том, что, в отличие от чукчей и эскимосов, которые продолжили традиции художественной обработки кости, коряки утратили их с прекращением добычи моржей.

В формировании коллекций чукчей и эскимосов активное участие в начале XX в. принимали ещё два корреспондента этнографического отдела – управляющий горными промыслами Северо-Восточного Сибирского общества на Чукотском полуострове Георгий Андреевич Борисов и доктор Беттак. Свыше 450 предметов, собранных Г.А. Борисовым в нескольких селениях Чукотки, входят в состав двух коллекций. Одна из них состоит из 135 изделий косторезного промысла, приобретённых в селениях: Провидения, ст. Владимир, Айвын, Паутын, Энмелен. Основу коллекции составляют небольшие (от 1 до 5 см) изображения животных (китов, моржей, тюленей, бобров, медведей, оленей, лисиц), водоплавающих птиц, а также антропоморфные фигурки и сюжетные композиции (ездовые собаки с нартой, переезд на упряжке ездовых собак). Весьма интересны пластины с геометрическим орнаментом и сюжетно гравированным рисунком охоты на тюленя.

Вторая коллекция – № 1909 из 325 археологических артефактов – важный источник не только для исследования этногенеза приморских чукчей и азиатских эскимосов, но и для поиска истоков косторезного искусства у этих народов. Значительная её часть изготовлена древним населением Чукотки из клыков моржа: наконечники гарпунов, наконечники стрел, пластина для защиты запястья при стрельбе из лука, ложки, антропоморфные и зооморфные изображения и т. д. Несмотря на то что они имели утилитарное назначение, их декоративное оформление показывает высокий уровень древних мастеров. Детальное исследование этой коллекции и анализ орнаментальных мотивов на костяных предметах, проведённые и опубликованные в 1941 г. археологом Д.А. Мачинским, позволили ему определить время их создания¹. Большую часть наконечников

¹ Мачинский Д.А. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 80–89.

гарпунов из клыка моржа, украшенных геометрическим орнаментом (концентрические кружки и эллипсы с точкой в центре или без неё, множество прямых двойных и одинарных линий) он относит к древнеберингоморскому периоду. Особый интерес, по мнению Д.А. Мачинского, представляют костяная копьёметалка, найденная у с. Чехлюк, и костяной каяк (13,3 см), украшенные орнаментом этого же периода. В центральной части каяка, покрытого по всей поверхности орнаментом, в овале, обозначающем отверстие люка, изображено лицо человека, сидящего в каяке. «Весьма вероятно, – отмечал археолог, – что это изображение каяка служит для магических целей... <...> ...весь орнамент, столь богато покрывающий орудия промысла и предметы домашнего обихода, очевидно, был магическим в своей основе»¹.

Помимо экспонатов древнеберингоморской культуры в коллекции Г.А. Борисова (№ 1909), Д.А. Мачинским отмечено наличие предметов следующего по времени – пунукского периода. Наиболее характерные из них: наконечники гарпуна с открытым и закрытым гнездом, наконечник копья для промысла рыбы, щиток, защищающий запястье руки при стрельбе из лука, скульптурное изображение животного и т. д. Аналогичное костяное изображение животного периода бирнирка и раннего пунука хранится в Государственном музее Востока. Оно было обнаружено археологами при раскопках памятника I тыс. н. э. Эквен и опубликовано М.М. Бронштейном в статье, посвящённой косторезному искусству².

Ещё одна коллекция (№ 2002), из 76 предметов, поступившая в музей в 1911 г., была собрана на Чукотском полуострове доктором Беттаком. С момента поступления в музей она, в отличие от коллекции Г.А. Борисова, записана за эскимосами и принадлежит предкам этого народа. То, что коллекция Г.А. Борисова (№ 1909) с предметами древнеберингоморского и пунукского периодов оформлена как чукотская, указывает на то, что в период её сбора на данной территории обитали приморские чукчи. Их предки – тундровые охотники на дикого оленя – переселяясь с начала I тыс. н. э. на побережье Берингова моря, заимствовали культуру морских зверобоев у эскимосов. Обе эти коллекции, рассмотренные Д.А. Мачинским, являются важным источником при исследовании косторезного искусства Чукотки.

После событий 1917 г. комплектование фонда музея по культуре коренного населения северо-восточной части Сибири, в том числе по косторезному искусству арктических народов, практически прекратилось.

¹ Мачинский Д.А. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 88.

² Бронштейн М.М. Косторезное искусство народов прибрежной Чукотки // Народы Северо-Востока Сибири. М., 2010. С. 693.

Новые экспонаты резной кости появились только в 1948 г., после передачи коллекций бывшего московского Музея народов СССР (Музея народоведения). С получением этого большого коллекционного собрания по культуре многих народов музей стал называться Государственным музеем народов СССР.

Особую ценность в этом собрании представляют костяные изделия алеутов и коряков, приобретённые известным учёным В.И. Иохельсоном во время Камчатской комплексной экспедиции 1908–1911 гг., организованной Императорским Русским географическим обществом. Эта экспедиция вошла в историю и как «экспедиция Рябушинского». Такое название она получила по имени Фёдора Павловича Рябушинского, который был не только её инициатором, но и меценатом.

Алеутская коллекция, собранная на Алеутских островах, содержит более 100 предметов. Среди резных изделий бытового назначения представлены: зажимы для шитья одежды, напёрстки, игольники, иглы, пуговицы, кольца для салфеток, шахматы и т. п. Поверхность большей части из них украшена гравированным геометрическим орнаментом (концентрические кружки, ромбы, точки), окрашенным в чёрный и красный цвет. На кольцах для салфеток имеются барельефные фигурки животных, сюжетные сцены с изображением тюленей, птиц и т. п. Имеется в коллекции группа мелких украшений Т-образного типа в виде резного стержня, декорированного геометрическим орнаментом (круги) и фигуркой птицы или животного наверху. Несколько амулетов в виде небольших изображений животного и рыб, украшенные концентрическими гравированными кружками, имеют отверстие в хвостовой части для подвешивания и ношения на шее. Интерес представляет и небольшой клык с гравированным зачернённым изображением животных.

Достаточно выразительны семь фигурок сидящих сивучей, лежащих на спине котиков и каланов. Туловище одной из них полностью, кроме головы, покрыто чёрной краской, а у других чёрным обозначены лапы, хвост, глаза и вибриссы.

Уникальны в этой коллекции четыре антропоморфные фигурки, вырезанные из кости моржа. Одна из них – в виде стоящего обнажённого мужчины без рук, с обозначенными чертами лица и половыми признаками. Другие три скульптурки изображают полусидящие и сидящие фигуры. Спина у полусидящей фигурки прямая, ноги слегка согнуты в коленях, рук нет. На лице углублениями обозначены глаза, выпуклой резьбой – брови и нос, рот – открытый. На голове вдоль теменной и височной части вырезано углубление, в которое вставлен шнурок с торчащими человеческими волосами. Фигурка имеет плотно облегающую одежду из кишки морского животного (при изготовлении фигурки кишку

Рис. 2. Скульптурная антропоморфная сидящая фигурка. Алеуты. Алеутские о-ва, середина XIX в. Собираатель В.И. Иохельсон

надевали сырой, теперь она сухая). В прорезях носа закреплены две низки бисера. Одна сидящая фигурка имеет детально проработанное туловище, бёдра, согнутые в коленях ноги и опирающиеся на колени руки. Брови и нос рельефно вырезаны, рот широко раскрыт. В прорези носовой перегородки и в ушах закреплены свисающие низки бисера и бус (рис. 2). Туловище, бёдра второй сидящей фигурки вырезаны без детальной проработки, сложенные на груди руки обозначены схематично. Брови и нос рельефно вырезаны, небольшой круглый рот открыт. По мнению известного этнографа С.В. Иванова, данная фигурка с обозначенными признаками пола и фигурка в «одежде» – изображение женское, а сидящая фигурка с детально проработанными руками, ногами, чертами лица – мужская. Изучая антропоморфные сидящие скульптурки и опубликованные источники, С.В. Иванов пришёл к выводу, что эти статуэтки являются временным вместилищем «души» умершего и их изготовление связано с представлениями алеутов о реинкарнации человека после смерти¹.

¹ Иванов С.В. Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 12. С. 195–212.

Рис. 3. Клык моржа с цветным гравированным рисунком. Чукчи. 1920-е – начало 1930-х гг. Чукотский п-ов, мыс Дежнёва

В этой же экспедиции во время работы Этнографического отряда на Камчатке В.И. Иохельсон собрал около 20 предметов мелкой пластики из рога горного барана: изображения морских и сухопутных животных.

Небольшое количество подобных корякских изделий из того же материала, поступивших из Музея народов СССР, – передача Главвыставкома (1923) и Н.Н. Билибина – заведующего Корякским краеведческим пунктом Пенжинского района.

Самую большую коллекцию музей получил по чукотскому косторезному искусству. Около 300 предметов в ней – ножи для разрезания бумаги, переданные Музею народов СССР в 1939 г. московской конторой Акционерного Камчатского общества. Основные функции этого общества, созданного в 1927 г. с центром в Хабаровске, – освоение природных богатств Дальневосточного региона, снабжение населения отдалённых территорий, решение экономических и социальных проблем.

Представленные в коллекции ножи для разрезания бумаги изготовлены в основном чукотскими мастерами с мыса Дежнёва. Клинки ножей украшены, в большей части случаев, гравированными изображениями птиц, морских и сухопутных животных и сюжетами охоты на морских животных. Ручки имеют форму рыбы с чешуёй или без неё либо изображения головы белого медведя, песка и других животных на конце.

Вторую группу по количеству экспонатов составляют свыше 100 клыков моржа с цветными или чёрными гравированными рисунками. Чаще всего на одной стороне клыка мастера изображали сюжеты из жизни приморских жителей, на другой – оленеводов. В гравированных рисунках нашли отражение традиционные обряды и праздники чукчей и эскимосов, социалистические изменения в жизни населения; на широкой части клыка изображали Ленина и Калинина. Особую ценность представляют гравированные клыки 1920–40-х гг. мастеров-косторезов дежнёвской (рис. 3) и уэленской школы.

Кроме ножей для разрезания бумаги и гравированных клыков, в чукотской коллекции имеются скульптурные изображения животных, кольца для салфеток с гравированными рисунками на внешней стороне, шахматы и т. п.

Ещё одна небольшая (41 предмет), но очень важная коллекция бывшего Музея народов СССР из бивня мамонта характеризует якутское косторезное искусство. Основная часть в ней – предметы бытового назначения: гребни, мундштуки, дорожный прибор с гребнем и ножичком для разрезания бумаги, модели саней и нарт, курительная трубка и т. д. Достаточно интересны пять шкатулок с ажурной резьбой (сюжетные изображения) на боковых стенках и крышке. Представлены в коллекции скульптурные композиции: «Переезд на собачьей упряжке», «Переезд мужчины верхом на быке, запряжённом в телегу с грузом», «Переезд мужчины верхом на быке, запряжённом в нарту».

Особую ценность представляют изготовленные из бивня мамонта два экспоната: «Макет якутского двора» и «Макет якутского двора (Свадьба)». В первом макете на деревянном планшете, покрытом пластинами из бивня мамонта, расположены два *балагана* – зимние жилища якутов и одно летнее берестяное жилище – *ураса*. Через отверстие в крыше и через открытую дверь видны внутренняя обстановка жилища и его обитатели. Рядом с летним жилищем установлен коновязный столб, к которому привязана лошадь, другой коновязный столб расположен при входе в усадьбу. Второй макет, также из бивня мамонта, размещён на деревянном планшете коричневого цвета. Напротив входа, у задней ограды усадьбы установлено зимнее жилище – балаган с загонами для лошадей по обе стороны от него. Справа от входа в усадьбу располагается летнее берестяное жилище – ураса, перед входом в которое стоят фигурки трёх женщин в праздничной одежде и фигурка мужчины (возможно, жениха) верхом на лошади. Слева от входа в усадьбу фигурка женщины в праздничной одежде и лошадь у коновязного столба. У входа в балаган расположены ожидающие невесту: фигурка отца жениха с иконой в руках и фигурки трёх мужчин в праздничной одежде; рядом стоит стол с кумысом в сосудах. При входе в усадьбу располагаются четыре фигурки верхом на лошадях: отца невесты с иконой в руках, невесты в свадебной одежде, двух сопровождающих. Перед прибывшими расположена фигурка встречающего мужчины в праздничной одежде (рис. 4). Оба макета были пожалованы Комитету Всероссийской этнографической выставки 1867 года цесаревичем Александром Александровичем (будущим императором Александром III). После окончания выставки макеты с другими экспонатами были переданы Дашковскому этнографическому музею (основная часть этнографического фонда бывшего московского Музея народов СССР).

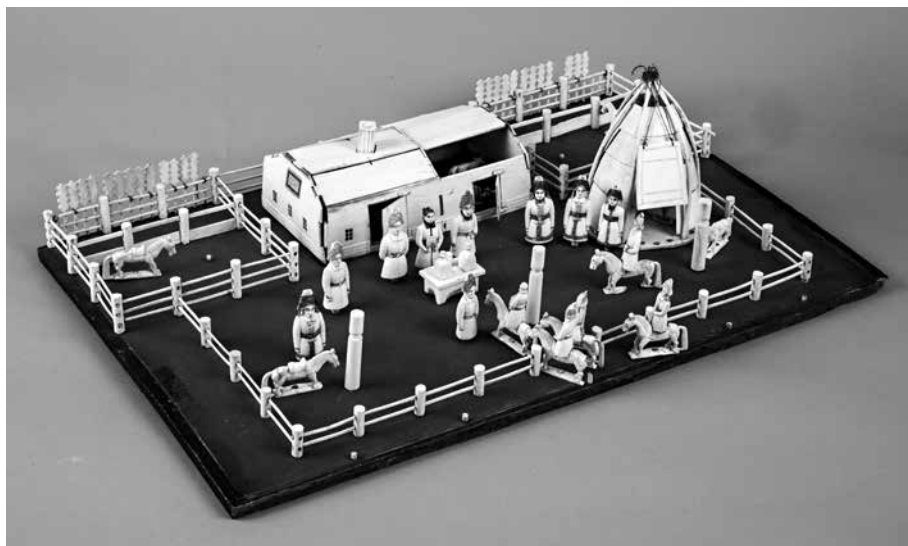

Рис. 4. Макет якутского двора (Свадьба). Якуты. Якутская область, середина XIX в. Передано из фондов Музея народов СССР

С 1950-х гг. комплектование чукотских и якутских коллекций косторезного искусства проводилось двумя способами: экспедиционные сборы и приобретение через Экспертно-фондовую закупочную комиссию музея (ЭФЗК).

Первая интересная в художественном и информативном плане коллекция (№ 7036) поступила в музей из Уэленской косторезной мастерской. 13 экспонатов – это высокохудожественные скульптурные композиции, характеризующие занятия коренного населения и окружающий животный мир, – «Охота зимой», «Приручение оленя», «Важенка и оленёнок», «Единоборство охотника с медведем» и т. д. Выполнили их известные, опытные косторезы – Туккай, Хухутан, Хуват, И. Сейгутегин, Н. Килилой и др. Боковые стороны подставок женщины-гравёры украсили рисунками, подчёркивающими тематику скульптурной композиции.

Другая часть этой коллекции – клыки моржа с цветными сюжетными рисунками, выполненными женщинами-гравёрами: Е. Янку, В. Эмкуль, Г. Тынатваль. Наряду с распространёнными сюжетами, отражающими занятия приморских жителей и оленеводов, в работах мастериц появились новые сюжеты: «Почта на Чукотке», «Строительство домов», «Детский сад на Чукотке», «Происхождение грома и молнии» и др.

Ещё одна коллекция резной кости (№ 8016) была приобретена директором музея Д.А. Сергеевым и сотрудником Б.З. Гамбургом во время

экспедиции 1970 г. на Чукотку. Основную часть коллекции составляют скульптурные композиции на подставке, выполненные мастерами Уэленской косторезной мастерской. Помимо изображения охоты на медведя и морских животных, в коллекции представлены сюжеты: «Женщина с ребёнком», «Выделка шкур», «Моржиха с моржонком», «Медведица с медвежонком» и т. п.

В течение 1970–80-х гг. через ЭФЗК в музей поступило свыше 20 гравированных клыков. Один из них, приобретённый в 1971 г. у В.В. Агаревского, представляет особый интерес, так как сюжетную гравировку на пяти его сторонах в 1930-х гг. выполнил охотник на морских животных, внук шамана Онно. Он родился в селении Яндагай, прекратившем своё существование в начале 1950-х гг. Два клыка – «Морская охота» и с сюжетом сказки «Девушка из могильника» (гравёр Г. Иргутегина) – были переданы НИИ художественной промышленности. В результате ещё одной передачи, но от дирекции фонда проектирования памятников коллекция клыков музея пополнилась работой известного гравёра Л. Теютиной. Остальные клыки музей приобрёл через ЭФЗК у частных лиц, в том числе у мастеров Чукотки. В составе коллекции, приобретённой в 1988 г. у косторезов п. Уэлен, имеется работа опытного гравёра Емрыкаина с изображением охоты на кита и жизни приморского населения. В этой же коллекции представлены гравированные клыки мастеров молодого и среднего возраст: Г. Иргутегиной, Н. Поздняковой и Т. Печетегиной. Особенностью работ Т. Печетегиной является изображение сюжетов сказок и легенд: «Потерявшаяся песенка», «Куркыль и девушка». До этого, в 1985 г., у той же мастерицы было приобретено два клыка с аналогичной тематикой: сказка «Рорат» и «Осенний благодарственный обряд». Помимо гравированных клыков, у мастеров Уэленской косторезной мастерской было приобретено пять резных скульптур: «Девочка с чукотскими санками» (резчик В. Тетин), «Нерпа» и «Морж» (С. Нутевентин, О. Каляч). Очень интересная в художественном отношении скульптурная композиция «Олень и волки» резчика Туккая и гравёра Г. Тынатваль была получена от НИИ художественной промышленности.

Последние две коллекции косторезного искусства чукчей и эскимосов поступили в музей в 2014 г. Одна из них была собрана автором статьи В.В. Горбачёвой во время экспедиции 2013 г. в Чукотский автономный округ. Основная часть предметов приобретена у мастеров Лоринской косторезной мастерской, которая является частью территориально-соседской общины коренных малочисленных народов Чукотки (ТСО КМНЧ) «Лорино». Вместе с комплектом инструментов костореза-гравёра в коллекции представлены: два гравированных клыка на подставке (одна в виде фигурки нерпы), скульптурная композиция «Езда

на упряжке собак» на плоской площадке из целого клыка моржа, два уха (ушные раковины) кита с рельефной сюжетной резьбой на внешней стороне. По верхнему краю одной ушной раковины вырезана фигурка чайки, а на другой – три кита. Дополнительным декоративным элементом большого клыка являются две фигурки (охотник в маскировочной одежде и нерпа), вырезанные на концах верхней, узкой его стороны (резчик – эскимос В. Унук, гравёр – чукчанка К. Аккай). Среди предметов этой коллекции имеются два сувенирных набора – стаканчики для карандашей на подставке. На крышке одного стаканчика – скульптурная фигурка нерпы, а на подставке из роговой части уса кита рядом с другим – фигурка белого медведя. В этой же коллекции представлены пластины из роговой части уса кита с сюжетными гравированными рисунками (новое в косторезном искусстве чукчей и эскимосов). Резчики и гравёры Лоринской косторезной мастерской – Н. Унук, К. Аккай, В. Тегрылькут, Н. Вуквункавра, Д. Чиной, К. Анкан – являясь потомственными мастерами, с успехом продолжают традиции своих предшественников.

Второе большое коллекционное собрание, из 108 предметов, было приобретено у известного этнолога, общественного деятеля, директора и научного руководителя Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (1985–2015), вице-президента Международного союза антропологических и этнологических наук академика Валерия Александровича Тишкова. Небольшую группу коллекции составляет мелкая пластика XIX – начала XX в. Около 20 скульптурных изображений морских и сухопутных животных (моржа, нерпы, лахтакка, песца, белого медведя) – работы неизвестных мастеров 1920–30-х гг. К предметам высокохудожественного типа относятся около 40 скульптурных композиций 1940–70-х гг.: «Моржиха с моржом», «Деление добычи», «Оленья упряжка», «Семья медведей», «Переколёвка» и т. д. Авторами многих скульптурных композиций были известные резчики и гравёры: Вуквутагин, Хухутан, Туккай, И. Сейгутегин, Аромке, Н. Киллой, В. Теютин, Е. Янку, Г. Тынатваль, Т. Печетегина. Среди скульптурных изображений достаточно интересны разнообразные фигурки «Пеликен» 1960–80-х гг., которые стали своеобразным символом Чукотки. Особое место в коллекции В.А. Тишкова занимают 37 гравированных клыков моржа с сюжетными рисунками. Два из них, неизвестных авторов с сюжетными изображениями жизни приморских жителей и оленеводов, относятся к концу XIX в. В изображениях на клыках, созданных неизвестными и известными гравёрами в 1920–30-х гг., отражены как традиционные, так и новые сюжеты из жизни Чукотки: «Фактория Дальгосторга» (Степан Еттуги), «Дежнёв – п. Уэлен» (П. Пенькок), «Челюскинцы» (рис. 5) мастера Эйгук и т. д. Представленные в коллекции

Рис. 5. Гравированный клык с сюжетным рисунком «Челюскинцы». Резчик Эйгук. Чукчи. Чукотский национальный округ, 1930-е гг. Собиратель В.А. Тишков

гравированные клыки 1940–50-х гг. свидетельствуют об участии женщин в художественной обработке клыков моржа (Вера Эмкуль, Надежда Краснова, Майя Гемауге). В работах мастериц появляется новый технический приём, при котором сюжетный рисунок напоминает акварели. Такой приём прослеживается в работах гравёров 1960–2000-х гг. (Е. Янку, Г. Иргутегиной, Г. Тынатваль, Л. Теютиной, Т. Печетегиной, С. Тегрылькута, В. Емрыкаина и т. д.).

Из 126 предметов коллекционного фонда якутского косторезного искусства 85 поступило в музей с 1955-го по 2012 г. от мастеров-косторезов через ЭФЗК. Первые изделия из мамонтовой кости (барельефный портрет А.С. Пушкина, скульптурная композиция «Всадники», трубка курительная с сюжетным гравированным рисунком) были приобретены у народного художника, заслуженного деятеля искусств РСФСР, впоследствии члена Союза художников СССР, лауреата Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина Т.В. Аммосова. Подлинными произведениями косторезного искусства в приобретённых у Т.В. Аммосова коллекциях являются шесть чоронов из бивня мамонта. Внешняя сторона сосудов украшена рельефными резными сюжетными изображениями: якутское сказание о культурном герое Ньургун Боотуре из богатырского эпоса Олонхо, рассказ о жизни национального якутского героя Василия Манчаары и др.

Большой интерес представляют скульптурные композиции из бивня мамонта, приобретённые у члена Союза художников СССР, лауреата Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина, первого руководителя отделения «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» Якутского художественного училища С.Н. Пестерева. Среди его работ стоит отметить: «Медведица с медвежонком», «За власть Советов», «Зимой снова в школу», «Журавли на отдыхе», «Бой быков» и т. д.

За 12 лет работы (1960–1972) С.Н. Пестерев подготовил мастеров нового поколения – Ф.И. Маркова, С.Н. Петрова, К.М. Мамонтова, Р.Х. Петрова и др. Многие из них, являясь заслуженными художниками РФ, народными художниками Якутии, членами Союза художников, активно занимаются творчеством, создают произведения, наполненные новым содержанием. Работы Ф.И. Маркова («Танец охотника», «Дух шамана», «Полёт шамана»), С.Н. Петрова («Сказитель», «Якутская музыка»), Р.Х. Петрова («Птичье молоко», «Рождение»), а также К.М. Мамонтова («Богатство Лены», «Против пурги», «Встреча на Ледовитом») постоянно экспонируются на выставках. В работах К.М. Мамонтова и его учеников при создании скульптурных композиций, помимо бивня мамонта, широко используются рога горного барана и лося. Частые экспонаты выставок – работы косторезов П.С. Григорьева, К.Ф. Герасимова и др., приобретенные сотрудницей отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, исследователем культуры якутов Л.Г. Лельчук.

В настоящее время коллекционный фонд косторезного искусства Российского этнографического музея насчитывает около 3000 экспонатов. Основную часть составляют изделия художественной обработки из клыков моржа, созданные чукчами, эскимосами, коряками и алеутами. В якутском коллекционном собрании имеется 126 предметов из бивня мамонта. Некоторые якутские косторезы используют сегодня, наряду с бивнем мамонта, рог горного барана и лося. Основным способом комплектования предметов косторезного искусства в Российском этнографическом музее является в последние десятилетия приобретение через ЭФЗК музея.

ЧУРАКОВА О.В.

«Произведения полярных стран» – экспонаты коллекций Михаила Константиновича Сидорова, предназначенные для демонстрации на художественно-промышленных выставках 1860–70-х гг.

O. CHURAKOVA

“Products of the Polar Countries” – exhibits from the collections of Mikhail Konstantinovich Sidorov, intended for demonstration at art and industrial exhibitions of the 1860s–1870s

Сведения об авторе:

Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)
ochurakova@yandex.ru

Author:

Olga Vladimirovna Churakova, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the department of history, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)
ochurakova@yandex.ru

Аннотация

Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) – предприниматель-золотопромышленник, организатор экспедиций в Арктику. В 1860–70-е гг. М.К. Сидоров принимал участие в российских и международных выставках и сам организовывал частные показы, где демонстрировал природные ресурсы Севера и Сибири, изделия из природных материалов, карты, рисунки и фотографии, привлекая тем самым внимание к богатствам и нуждам Севера России.

Abstract

Mikhail Konstantinovich Sidorov (1823–1887) – gold mining industrialist, patron of Arctic expeditions. In the 1860s and 1870s he participated in Russian and international exhibitions and organized private exhibitions – to showcase the natural resources of the North and Siberia, crafts from natural materials, maps, drawings and photos, and to draw attention to the riches and the needs of the Russian North.

Ключевые слова:

освоение Северного морского пути, Арктика, Сибирь, Михаил Константинович Сидоров, выставочная деятельность.

Keywords:

Mikhail Sidorov, development of the Northern Sea Route, the Arctic, Siberia, exhibition activities.

Купец и предприниматель-золотопромышленник Михаил Константинович Сидоров (1823–1887) вошёл в российскую историю прежде всего как меценат и энтузиаст освоения Северного морского пути. По его инициативе и при его активной финансовой поддержке были организованы арктические экспедиции в Карское море, получившее у мореплавателей название «ледяной мешок» или «ледяной погреб». Впервые в истории освоения Арктики в 1870-е гг. вначале иностранные, а затем и российские торговые суда проходили «северным ходом» из Европы к устьям Оби и Енисея. В 1874 г. данным маршрутом провёл пароход «Диана» английский капитан Иосиф Виггинс, получивший от М.К. Сидорова награду в 2000 фунтов стерлингов. В 1877 г. парусная шхуна «Утренняя зоря», принадлежавшая Михаилу Сидорову, под командованием капитана Д.И. Шваненберга за одну навигацию прошла путь от Енисейска до Санкт-Петербурга. На борту «Утренней зари» находились образцы «корабельного сибирского леса: лиственницы, кедра, пихты и сосны», полезных ископаемых, например «графита для тиглей, употребляемых при сплавлении стали на сталепушечных заводах», «400 пудов разного рода рыб» и даже «туруханские собаки, которые в Туруханском крае часто заменяют лошадей»¹. Следует отметить, что это был не первый раз, когда Сидоров доставлял «произведения полярных стран» в европейскую часть России. Будучи промышленником и купцом первой гильдии, М.К. Сидоров был заинтересован в продвижении сибирских товаров на рынки

¹ Зенов П.М. Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России, к столетию со дня его рождения. Пг., 1916. С. 7.

Европы и мира, однако для этого необходимо было прежде всего наладить их транспортировку. В середине XIX в. моря Арктики не были освоены российским флотом, да и сухопутные магистрали не были развиты. В 1860–70-е гг. М.К. Сидоров способствовал прокладке путей сообщения через Уральский хребет, разрабатывал проекты «рельсовых дорог» и соединения каналами сибирских рек¹. Его проект строительства дороги через Урал завершил спустя годы Александр Сибиряков, и этот путь получил название Сибиряковский тракт. Тем не менее деятельность Михаила Константиновича и потраченные им на это предприятие 50 тыс. руб. – достойный вклад в освоение пути через Каменный пояс России.

Одним из первых грузов, который Михаил Константинович Сидоров смог провезти через Уральские горы, были образцы графита. Часть из них предназначалась для выставок, российских и международных, где сибирскому предпринимателю были вручены медали, и не случайно: по признанию Горного департамента России, по содержанию углерода (94,28 %) «сидоровский» графит не уступал лучшим сортам английского (камберлендского) и цейлонского². Но самый большой образец графита (возможно, самый огромный в мире – глыба весом в 16 пудов) Михаил Константинович Сидоров подарил наследнику престола Российской империи Николаю Александровичу (1843–1865). Михаил Константинович рассчитывал этим подарком расположить к себе великого князя – он надеялся на его поддержку в строительстве дорог и добыче графита. Помощи Михаил Константинович Сидоров от императорской фамилии не получил, несмотря на то что члены семьи Романовых регулярно посещали выставки, где были представлены экспонаты, демонстрирующие природные богатства Сибири. Биографы Сидорова отмечают: «Информация о природных ресурсах края и возможностях их освоения была распространена среди потенциальных инвесторов в лице государства, российских и зарубежных компаний, но не получила необходимой поддержки по причине отрицательного отношения властей к промышленному освоению Севера страны»³. Стоит согласиться с подобной оценкой ситуации.

Поскольку рассчитывать на помощь властей российским предпринимателям не приходилось, Сидоров пытался сформировать общественную организацию (по образцу Вольного экономического общества), заинтересованную в развитии регионов Севера и Сибири, в особенности морских

¹ Сидоров М.К. О проектах каналов в Сибири: [Докл. М.К. Сидорова, чит. в заседании Правл. 6 дек.]. СПб., 1878. 11 с.

² Гольнская О.А., Минина Е.Л. Промышленник и меценат Сибири // Природа. 2008. № 6. С. 90.

³ Макеев А.В. М.К. Сидоров и опыт экономической выставочной деятельности в интересах регионального развития // Подольский научный вестник. 2020. № 1 (13). С. 46.

магистралей. Так, М.К. Сидоров стал инициатором создания Общества для содействия торговому мореходству (оно же – Общество содействия торговле и содействия мореходству)¹.

Однако прежде всего Михаилу Константиновичу и его соратникам (это были исследователи Печорского края купец и промышленник Василий Николаевич Латкин и Павел Иванович Крузенштерн – сын известного мореплавателя и отец Павла Павловича – исследователя Арктики) предстояло переломить предвзятое отношение к Северу. Способы были выбраны самые разные: они публиковали научную и популярную литературу о Севере, демонстрировали богатства Севера на всемирных и российских выставках; Михаил Сидоров выступал с докладами и лекциями в России и за рубежом. Современники знали М.К. Сидорова прежде всего как публициста, автора множества статей и брошюр. Он издавал их за свой счёт и рассылал не только в библиотеки, редакции газет, но и «властям предрержащим»².

Не менее значима была выставочная деятельность М.К. Сидорова. По его собственному заверению, с 1860-го по 1882 г. он не пропустил ни одной международной выставки. Мотивы занятия выставочной деятельностью у сибирских предпринимателей были и просветительские, и экономические. Как полагают исследователи, «русский промышленник, купец, общественный деятель М.К. Сидоров собирал выставочный материал и организовывал его экспонирование на различных мероприятиях с целью привлечения внимания к богатствам Северного края и реализации проектов по его развитию»³.

М.К. Сидоров был активным «экспонентом» на всероссийских и международных художественно-промышленных выставках: оплачивал участие, доставлял экспонаты, сам делал их расстановку в экспозициях. «Я старался сгруппировать их так, чтобы можно было составить понятие о богатстве страны: устраивал северные павильоны, где это было возможно, что требовало от меня особенно значительных расходов», – писал М.К. Сидоров⁴. Ресурсы Сибири и Севера, представленные на европейских и отечественных выставках, имели вполне заслуженный успех.

Кроме того, в 1860–70-е гг. для популяризации знаний о Севере и привлечения интереса общественности и правительственных кругов

¹ Памяти Михаила Константиновича Сидорова: с его портретом [Сборник]. М., 1889. 160 с. (Известия Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству; вып. 21).

² Терюков А.И. В.М. Флоринский и М.К. Сидоров // Вестник Томского государственного университета. Сер. «История». 2013. № 2 (22). С. 201.

³ Макеев А.В. Указ. соч. С. 41.

⁴ Сидоров М.К. Труды для ознакомления с Севером России. СПб., 1882. С. 5.

к нуждам и ресурсам Севера предприниматель Сидоров субсидировал проведение в Санкт-Петербурге так называемых «Северных вечеров» – устраивал частные «показы» в своей квартире. Сидоров пошёл на такую «пиар-акцию», чтобы в неформальной обстановке можно было познакомиться «заинтересованных лиц» друг с другом и с ресурсами Сибири и Севера. В описании этих легендарных вечеров писатель Валентин Пикуль дал волю фантазии: «Гости возлежали на медвежьих шкурах, а посреди комнаты самоед с медной трубкой в зубах поддерживал огонь в очаге, где готовились оленина и прочие сибирские яства...»¹ Думается, самоеда с очагом в столичной квартире могло и не быть, но закуски из оленины, солонины, северных ягод и даже мха, вполне возможно, подавались. Были представлены на петербургских «квартирниках» у Сидорова и предметы сибирских промыслов из лиственницы и кедра, оленьих шкур, костяные изделия и пр. Валентин Пикуль описывал, как в петербургской квартире Сидорова собирались гости, «с восторгом обозревая богатства Русского Севера», среди которых были «жемчуг и серебро, икра и абразивы, графит и меха, нефть и сланцы, асбест и хрусталь, лиственница и магнетиты, известняки и каменный уголь». Писатель приводил слова своего героя, ставшие пророческими: «Север сказочно богат... Россия развёрнута своим “фасадом” прямо в Арктику... Там её будущее!»²

Что же в действительности демонстрировалось на выставках и частных показах М.К. Сидоровым? Каталоги, составленные Михаилом Константиновичем, свидетельствуют, что наибольшее значение он придавал продвижению на рынке природных ресурсов Севера. Прежде всего это была древесина ценных пород. Как показатель успеха отметим тот факт, что на Международной выставке в Лондоне в 1862 г. сибирская лиственница была закуплена британскими властями для постройки броненосного фрегата «Каледония». Для строительства пароходофрегатом необходима была прочная древесина, способная выдержать металлическую обшивку корабля и долго не поддающаяся гниению, – этим требованиям вполне отвечала лиственница из Сибири.

Ещё одним «золотым дном» для российской торговли, по мысли купца Сидорова, могли стать полезные ископаемые: графит, доманик (горючий сланец), нефть и продукты их переработки (например, парафин), «колчедан для выделки серы и серной кислоты»³. Более всего интересова-

¹ Пикуль В. Михаил Константинович Сидоров [Электронный ресурс] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=124025&p=1> (дата обращения: 25.04.2021).

² Там же.

³ Музей товарных образцов таможенного ведомства: Отд. предметов вывозных с р.р. Онеги, Сев. Двины, Печоры, Оки и Енисея, а также с острова Новой Земли. 1878 г. (собр. М.К. Сидоровым). СПб., 1878. С. 41.

ла самого предпринимателя «горная смола» – нефть, которую доставляли на выставки «в банках» из буровой скважины в Ухте, где М.К. Сидоров разведывал месторождение. Эту «первую скважину в России» и сегодня именуют «сидоровской». С присущей ему прозорливостью он писал в 1882 г.: «Я уверен, что нефтяные месторождения на Севере будут иметь обширное значение... <...> ...северная нефть может оказать нам услугу... <...> ...она даст заработок краю и разольёт в нём довольствие»¹. Кроме того, как отмечают историки, Сидоров на 25 выставках экспонировал: «...каменную соль с Нордвика и соль выварочную из морской воды с Кандалакши; уголь, точильный камень... <...> ...с Печоры; <...> ...железную руду, в том числе магнетит с Нижней Тунгуски; уголь, сланец, хрусталь, асбест с Новой Земли, уникальные коллекции жемчуга с Варзуги и серебро с острова Медвежьего; золотые самородки с Енисея, уголь с Тунгуски» и многое другое².

Были в экспозициях Сидорова и предметы декоративно-прикладного искусства народов Сибири и Севера: шерстяные вязаные изделия, изделия из меха и замши, кости и пр. Значимость подобных экспонатов демонстрирует «Каталог проекта создания музея с образцами природных ресурсов и «произведениями полярных стран». Михаил Константинович планировал поместить в музей, названный «Музей товарных образцов таможенного ведомства», предметы народных промыслов, например «костяные изделия из деревни Куростровой, места, где родился Михаил В. Ломоносов». Этими изделиями могли быть: резцы для теста; «рогулька для делания шнурков», иглы и «прутки для вязания». Из кожаных изделий Сидоровым предполагалось показать публике изделия из замши (выделанная оленья шкура) и кожи, например «ремень из кожи дельфина (белухи), которых в особенности много около Новой Земли». Издатель каталога отмечал: «Иностранцы предпочитают эту кожу прочим, так как она не стораёт от мокроты и чрезвычайно долго служит для упряжи»³.

Много внимания уделяли Сидоров и его соратники показу различных сторон жизни народов Севера – «иностранцев», «самоедов» в терминологии того времени. На каждой выставке в качестве экзотической декорации выставлялись «манекены иностранцев в праздничных одеждах», бубны

¹ Сидоров М.К. О нефти на Севере России. СПб., 1882. 12 с.; Голынская О.А., Минаева Е.Л. Промышленник и меценат Сибири // Природа. 2008. № 6. С. 91.

² Терюков А.И. Указ. соч. С. 201.

³ Музей товарных образцов таможенного ведомства: Отд. предметов вывозных с р.р. Онеги, Сев. Двины, Печоры, Оки и Енисея, а также с острова Новой Земли. 1878 г. (собр. М.К. Сидоровым). СПб., 1878. С. 41.

и маски шаманов¹. Поскольку «материальных» артефактов для создания атмосферы «дикого Севера» хватало не всегда, их подкрепляли визуальным рядом: рисунками, иногда – фотографиями. На рисунках могли быть следующие сцены: «Шаман и его жена. В руках у них бубны, в которые шаман ударяет во время священной пляски. На земле лежит маска, которую они надевают», «Самоед, удручённый летами, предлагает себя в жертву при шаманстве, детям своим для счастливейшего их быта на земле», «Самоед поклоняется своим фетишам, прося помощи для промысла зверя», «Самоедские похороны», «Внутренний быт самоедов в чуме». Наиболее фантастическим рисунком была иллюстрация к рассказу самоеда Тарка «о сотворении мира, падении самоеда и наказании его дьяволом болезнью оспы»². Подобные этнографические коллекции и даже их описания – прекрасный источник для изучения прошлого народов Севера. Для исследования истории освоения Арктики бесценны упоминания о картах «сообщения по Северу и Северному океану», которые собирал и правил М.К. Сидоров.

Бесценными источниками по истории «полярных стран» были и описания плаваний по морям Арктики, где была запечатлена история полярных открытий, даны списки кораблей и офицеров, участвовавших в арктических экспедициях. Наиболее ценными экспонатами среди им подобных были: «Описания Новой Земли, составленные в разное время разными лицами», «Карта Новой Земли, составленная в 1824 году лейтенантом графом Ф.П. Литке, с обозначением на ней путей, начиная с первого, совершённого английским мореплавателем Стефаном Бурро в 1557 году, и другими до 1824 г.», «Восемь карт Новой Земли, составленные доктором Петерманом, с показаниями плаваний к Новой Земле, совершённых мореплавателями с 1824 года по настоящее время, при картах находится описание на немецком языке», «Описание Новой Земли, изданное на средства Сидорова Императорским Географическим обществом, с картами 1864 года». В коллекции Михаила Константиновича была ещё одна подобная карта на немецком языке, выполненная Шперером в 1867 г., «с картой полярных льдов». Другая карта, также с изображением полярных льдов, была составлена П.В. Козакевичем и издана Гидрографическим департаментом в 1874 г. Возможно, более известны исследователям описания Новой Земли, составленные графом Ф.П. Литке, а также «Карта путей Австрийской экспедиции Тететгофа Исбиорна к Шпицбергену, а затем к земле Франца-Иосифа, описание к этой земле плаваний

¹ Музей товарных образцов таможенного ведомства: Отд. предметов вывозных с р.р. Онеги, Сев. Двины, Печоры, Оки и Енисея, а также с острова Новой Земли. 1878 г. (собр. М.К. Сидоровым). СПб., 1878. С. 51.

² Там же. С. 54.

Тегетгофа и открытия его начальниками Пайером и Вейпрехтом новых земель на Севере под именем архипелага “императора Франца-Иосифа”».

Ещё одной категорией экспонатов были зарисовки буровых работ и добычи полезных ископаемых, например: «Вид колодца и кузницы при буровых работах М. Сидорова в 1868 году на р. Ухте, системы Печор, для добычи горной смолы (нефти)», «Доминиковые сланцы при устье р. Чуты, системы Ухты, отложения сланцев». Для тех, кто изучает историю промыслов, были бы, без сомнения, интересны «54 рисунка, изданных по распоряжению Министерства государственных имуществ под руководством инспектора рыболовства Н.Я. Данилевского», где были изображены орудия лова и «приготовления рыбы: посол, сушение и укупорка, рыболовные становища и виды Мурманского берега, Енисейского залива»¹ и пр. Деятельность самого М.К. Сидорова и других покорителей Арктики проиллюстрирована на «рисунках с подписями к ним»: «Выезд экспедиции М. Сидорова зимой на оленях в 1862 году из Обдорска в Туруханск через самоедские тундры для отыскания сухопутного сообщения между устьями рек Оби и Енисея», «Путешествие экспедиции из Туруханска в Енисейск весной по реке Енисею, против течения воды, на собаках», «Путешествие экспедиции в 1863 году по Тазовской губернии на шхуне “Таз” и пир на шхуне близ мыса Кочующий», «Переезд М. Сидорова через Вайкарскую долину на возвышенности Уральских гор, отделяющих системы рек Оби и Печоры» и др.

Интерес для полярной археологии представляют описания экспонатов из разряда «археологические находки». Это были «бивни мамонта», «горные породы, заключающие в себе раковину и окаменелые растения», найденные около буровой скважины, и предметы быта первых поселенцев Севера. Данными артефактами М.К. Сидоров «украшал» экспозиции, придавая ими в то же время вид более научного собрания.

Без сомнения, большая заслуга Михаила Константиновича Сидорова в том, что он принимал участие в международных и российских выставках, продвигая интересы северян, как промышленников, так и простых жителей окраин Российской империи. Однако не менее важно и то, что экспонаты, которые демонстрировались на частных и общественных выставках, меценат Сидоров передавал в дар музеям и научным учреждениям России. Например, М.К. Сидоров безвозмездно направлял коллекции научных экспонатов в Петербургский университет, Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, Медико-хирургическую

¹ Музей товарных образцов таможенного ведомства: Отд. предметов вывозных с р.р. Онеги, Сев. Двины, Печоры, Оки и Енисея, а также с острова Новой Земли. 1878 г. (собр. М.К. Сидоровым). СПб., 1878. С. 52–53.

академию и Российскую академию наук, Венское и Русское географические общества и пр. За содействие делу освоения Арктики (Сидоров предлагал на Новой Земле содержать экспедицию Императорского Русского географического общества (ИРГО) и оплатить создание уточнённого описания архипелага) ИРГО премировало М.К. Сидорова серебряной медалью. Вольное экономическое общество наградило его большой золотой медалью за «многолетние, полезные и увенчанные успехом для отечественной промышленности труды»¹.

Как отмечали некрологи после смерти поборника интересов Севера России, «люди, подобные Сидорову, должны возбуждать удивление, имена их должны с благодарностью сохраняться для потомства»². Память о «беспокойном гражданине России», как называли его современники, увековечена в мемориальной топонимике Арктики. В Карском море, с ледовым покровом которого так долго боролся Сидоров, его именем назван мыс на острове Рыкачёва. Остров находится в районе Берега Харитона Лаптева, а название мысу дано в 1900 г. Русской полярной экспедицией (руководитель Э.В. Толль). Кроме того, имя радетеля Севера значится в трёх арктических архипелагах. Именем Сидорова названы острова в проливе Костин Шар близ архипелага Новая Земля, гора на северо-востоке острова Эдж в архипелаге Шпицберген (имя дано немецким географом А. Петерманом) и пролив между островами Ли-Смита, Блисса и Брайса и островами Брейди и Алджер в архипелаге Земля Франца-Иосифа. Название проливу дано советскими картографами в 1950-е гг. В городах Севера России есть улицы, названные в честь М.К. Сидорова, в Ухте – обелиск на месте «сидоровского» нефтяного месторождения. Тем не менее труды М.К. Сидорова по истории освоения Севера и Арктики, китоловству и другим северным промыслам, его речи и статьи в большинстве своём с момента их выхода в свет в XIX столетии не переиздавались. Поэтому работа с научным и творческим наследием М.К. Сидорова – поле деятельности будущего поколения исследователей.

¹ Терюков А.И. Указ. соч. С. 201.

² Там же. С. 202.

ШАРОВА Е.В.

Создание искусства как партиципативная практика: из опыта Арктического института искусств

E. SHAROVA

Creating art as a participatory practice: from the experience of the Arctic Institute of Arts

Сведения об авторе:

Шарова Екатерина Вячеславовна, историк искусства, лектор, куратор, соучредитель Арктического института искусств (Архангельск)
sharova.ekaterina4@gmail.com

Author:

Ekaterina Vyacheslavovna Sharova, an art historian, lecturer, curator, co-founder of Arctic Art Institute (Arkhangelsk)
sharova.ekaterina4@gmail.com

Аннотация

Арктический институт искусств создан как экспериментальная инициатива художников, культурологов и искусствоведов, занимающихся современными исследовательскими художественными практиками на Севере России. В основе его деятельности – производство междисциплинарных проектов и нарративов новейшей истории искусства и культуры Севера и Арктики и установление межкультурного диалога. Институт провёл четыре международных арктических форума искусств, собирая художников и работников культуры разных поколений и их иностранных коллег на своих площадках. В 2020 г. вышла книга «Север 2.0. Современная культура и искусство». Статья посвящена отдельным направлениям деятельности института и их осмыслению.

Abstract

Arctic Art Institute was created as an experimental initiative of artists, culturologists and art historians engaged in contemporary art research practices in the North of Russia. The activity is based on the production of interdisciplinary projects and narratives of the contemporary history of art and culture of the North and the Arctic and the

establishment of intercultural dialogue. The institute has held four international Arctic art forums, bringing together artists and cultural workers of different generations and their international colleagues at its venues. In 2020, the book “North 2.0. Contemporary Culture and Art” was published. The article is devoted to a number of selected cases from the practice of the institute and curatorial reflection on these practices.

Ключевые слова:

современное искусство, материальность, реляционное искусство, искусство взаимодействия, межкультурный диалог, искусство Севера, практика как исследование.

Keywords:

contemporary art, materiality, relational art, interaction, intercultural dialogue, art of the North, practice as research.

В XXI в. художественные исследования и исследования, основанные на искусстве, получили широкое распространение и признание в академических кругах¹.

В 2014 г., когда, окончив Университет Осло, я начала работать на Севере, стали очевидны разрывы в эпистемологических нарративах, связанные с географией. Задача поиска общего языка между двумя культурными контекстами оказалась не из лёгких, но не было сомнения, что Север является местом с огромным нераскрытым потенциалом, со множеством нерассказанных историй, в том числе и общенациональной значимости.

Понятие «ценность» в отношении знания часто обусловлено распределением власти и ресурсов. Согласно Ж. Рансьеру, искусство становится политическим в том смысле, что оно осознанно может располагать временем и пространством. С этой точки зрения проект работы на Севере России – исследование действием, в ходе которого вырабатывается метод работы с местом, идентичностью, культурным воображаемым. В реляционных художественных проектах участники изучают собственную историю заново, пробуя понять, что произошло во время советского эксперимента, который повлиял на несколько поколений, как он мог привести к культурной амнезии и как это связано с темами устойчивого развития и экологии сегодня.

Искусствоведческие исследования о художниках прошлого и об искусстве сегодняшнего дня имеют ряд различий. Канон как таковой отсутствует, и художники и кураторы принимают участие в его формировании.

¹ См., например: Barone, T. and Eisner, E. Arts Based Research. 2018. 208 p.

Каждый участник процесса понимает собственную роль в создании инфраструктуры для искусства Севера. В статье мы опишем несколько ситуаций из многолетней кураторской и искусствоведческой работы на Севере России, обращая особое внимание на международные проекты и их роль в создании межкультурного диалога в 2015–2021 гг.

Память места

Север находится ближе к столицам, чем Сибирь и Владивосток, но условная близость не всегда определяется только географическими расстояниями, а ещё и ментальными воображаемыми. Несмотря на то что внимание к Арктике, где изменения климата становятся всё более заметными и где находятся природные ресурсы, растёт, представления о людях, живущих на этой территории, требуют пересмотра и нового прочтения. Задачи художественного объединения «Арктический институт искусств», основанного в 2014 г. в Мурманске и с 2015 г. работающего в основном в Архангельской области, – изучение собственной истории заново через создание междисциплинарных художественных проектов, в основе которых лежит опыт участия.

Территория Евро-Арктического региона России хранит древнее нематериальное наследие – эпос, а также археологию, деревянную архитектуру, вышивки и росписи, которые недостаточно исследованы и малоизвестны как для потребителей, так и для производителей искусства и материальной культуры. Архангельский Север пережил два крупных культурных и идеологических перелома в XX в., которые кардинально перестраивали культурную экосистему региона. Какова роль местных жителей, их культуры и их историй в многочисленных макронарративах об Арктике? Последние исследования подчёркивают необходимость пересмотреть ценность микроисторий и для того, чтобы сделать производителей культуры более видимыми.

Возникновение города Архангельска обусловлено теми же социально-политическими и культурными изменениями, которые являлись предпосылками колонизации Латинской Америки в XV–XVI вв. Город возник в результате экспедиций английских купцов в ту же самую эпоху и с той же целью, что и экспедиции Христофора Колумба и Васко да Гамы: поиск новых ресурсов на Востоке и новых каналов сбыта собственных товаров. В 1553 г. англичанин Ричард Ченслор отправился по Северо-Восточному пути для открытия новых рынков сбыта своих товаров. Летописец экспедиции Климент Адамс сообщал о мотивах этой поездки следующее: «Видя, как удивительно растёт богатство испанцев и португальцев вследствие открытий новых стран и поисков новых торговых рынков, они предположили, что могут добиться того же самого, и задумали

совершенно новое и необыкновенное морское путешествие»¹. Прибыв в устье Двины (на территорию Николо-Корельского монастыря), Р. Ченслор направился в Москву на встречу с Иваном Грозным.

По указу царя в 1584 г. основан город Новые Холмогоры, который со временем будет переименован в город Архангельск и станет важнейшим международным торговым портом, через который в течение многих лет до появления Санкт-Петербурга проходили европейские товары. Памятником этому времени сегодня служит историко-архитектурный комплекс «Гостиные дворы», где самые древние части здания являются немymi свидетелями истории, как и Старый английский двор в Москве – старейшее официальное представительство иностранной державы, сохранившееся в городе. В 1555 г. в Лондоне была создана торговая «Московская компания», которая в 1556 г. получила в дар от Ивана Грозного двор на улице Варварке.

Культурные и экономические отношения нередко взаимосвязаны. Так, начавшаяся позднее меновая торговля между рыбаками Северной Норвегии и жителями Севера России (поморская торговля) способствовала формированию смешанного русско-норвежского языка, разговорники которого сегодня оцифрованы и доступны на сайте Национальной библиотеки Норвегии. Рудименты культурно-экономических отношений между Севером России и странами-соседями возможно обнаружить и сегодня – в том числе и в языке. Этимология топонима Мурманск связана с древнерусским словом «мурман» – норвежец. Элементы визуального языка каргопольских вышивок возможно обнаружить в финских текстильных промыслах *kasraikka*. Руны, вошедшие в финский эпос «Калевала», были записаны Элиасом Леннротом со слов карельских крестьян, в том числе и Архипа Перттунена на территории бывшей Архангельской губернии.

Почему важны отсылки к историческим событиям? По двум причинам: во-первых, в школьной программе на Севере до последнего времени практически отсутствовал региональный компонент, в связи с этим было затруднено понимание роли своего региона в российской истории. Во-вторых, для успешного межкультурного диалога в Арктике может быть продуктивно вспомнить, что деловые и культурные связи, начавшиеся в Архангельске, могут быть продолжены и сегодня. Работа над созданием художественных проектов на Севере была сопряжена и происходила одновременно с изучением местной культуры.

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. Готье. М., 1937. С. 32.

Первые проекты художественного объединения

За 5 лет работы на Севере Арктический институт искусств как художественное объединение провёл более 70 выставок, семинаров, четыре международных форума, собравших представителей как независимой художественной сцены, так и руководителей институций в области культуры и образования Архангельской области, а также соседних регионов (Мурманская область и Республика Коми) и стран Арктического региона (включая Анкоридж-музей на Аляске, Северонорвежский музей в Тромсё, компанию кураторов и продюсеров «Девушки на мосту» и другие организации). Все эти события объединяет то, что они были инициированы низовой группой художников, продюсеров, кураторов и социологов. Многочисленные реализованные проекты доказывают, что независимые группы профессионалов в сфере искусства и культуры могут создавать новые площадки, места для встречи и междисциплинарного и межкультурного диалога.

В 2014 г. постсоветский Мурманск, как и остальные города на Севере, переживал наступление крупных компаний, связанное с экономической реструктуризацией России в 1990-е гг. Продукция федеральных торговых сетей, включая пластиковые окна, стала частью новой повседневности жителей северных городов, но риторики о циркулярной экономике и переработке в общественной повестке ещё не было, хотя в Европе тема экологии и переработки была центральной. Через несколько лет противоречия данной экономической модели и её неустойчивость привели к протестам в п. Шиес Архангельской области.

Художник Екатерина Голубина родилась в г. Кола и окончила университет Голдсмит (Великобритания). Используя метод переработки, знакомый многим европейским художникам, она создала проект «Волна», который можно интерпретировать как микросообщество, объединяющее бизнес в городе Кола, местную школу искусств, творческие молодёжные объединения города. На берегу залива в Коле была построена масштабная скульптура, форма которой повторяла архитектурные изгибы моста через р. Тулому, для которой были собраны рамы, выкинутые за ненадобностью мурманскими жителями. В 2018–2019 гг. на Севере тема экологии и переработки мусора включается в повестку дня, но в 2014 г. для Мурманска проект был слишком инновационным и малопонятным. Язык, выбранный Е. Голубиной, был интересен для прогрессивных молодёжных сообществ, но инфраструктуры для его существования тогда не было.

В 2015 г. Арктический институт искусств на семинаре «На Север» впервые собрал в одном месте независимых культурных работников региона – композиторов, танцоров, художников, музыкантов, продюсеров. Эта работа была продолжена в выставочных проектах и на Арктическом

форуме искусств в 2016–2020 гг. Но к началу 2020 г. как минимум треть участников семинара в Мурманске покинула город, как и все четверо его организаторов: Дарья Орлова, Людмила Мизгирёва, Екатерина Голубина переехали в Санкт-Петербург, Екатерина Шарова – в Архангельск. Несмотря на то что северная молодёжь делала всё возможное для того, чтобы остаться, достаточных условий для развития в 2015 г. не было. Экосистема для креативных индустрий и современного искусства отсутствовала в повестке и приоритетах. Перед региональным постсоветским менеджментом в культуре не было поставлено цели поддерживать молодых талантливых людей города, а разрыв ценностей разных поколений становился очевидным. Ситуация существенно изменилась после прихода нового министра культуры: появились центр современного искусства, система грантов для некоммерческих организаций и физических лиц (так как молодёжь не имеет достаточного юридического опыта в регистрации организаций) и множество мер поддержки.

В июле 2015 г. состоялся первый фестиваль «Териберка. Новая жизнь», где был реализован международный проект «Сеть», в основе которого также были эстетика взаимодействия и «редизайн невидимого». История поморского посёлка и её легенды были взяты за основу для создания новых образов места и северной культуры. Для участия в проекте пригласили партнёров из нескольких художественных институций Северной Норвегии, из Тромсё, Лофотенских островов, Вардё, Киркенеса. В 2021 г. Териберка является центром развития туризма в Мурманской области – ещё 6 лет назад, когда институт проводил подготовку к первому фестивалю, местные жители не могли поверить, что такие изменения возможны.

Гипотезой кураторской работы было то, что на Севере, который долгое время находился на периферии современных культурных процессов, возможно создать язык для диалога, который может быть понятным для художников и культурработников, имеющих отношение к разным направлениям культуры (постсоветская культурная реальность и современное искусство) и разным географиям. Одним из таких языков, на котором была возможна коммуникация в «контактной зоне» для художников, представляющих различные миры, разделённые не только лингвистической, но и художественной грамматикой, стала практика работы с текстилем, на которой более подробно остановимся далее.

Сотрудничество как кураторский метод

Проекты Арктического института искусств указанного временного периода имеют партиципативную структуру, где художники и участники проектов вырабатывают некий итог в ходе диалогического процесса, где

слушание и слышание друг друга является особенно важным. Куратор здесь выступает как модератор процессов, а также переводчик с разных языков (профессионального жаргона и бытового, русского и английского). Именно процесс взаимодействия является центральным в производстве искусства.

Проекты «Мягкие истории» были созданы с художницей Маргрете Колстад Брекке в 2015–2016 гг. «Мягкие» – как альтернатива «жесткому» материалу, камню или металлу, и как отсылка к текстилю, который, несмотря на своё маргинальное положение в истории искусства (как и искусство женщин вообще), сыграл важную роль.

В этой статье мы коснёмся проектов «Утопия 500» и «Прекрасное далёко», которые созданы в сотрудничестве художника и куратора с участием местных жителей города разного возраста. Маргрете Колстад Брекке окончила текстильное отделение художественной академии г. Берген (Норвегия). Текстильное искусство для России в 2015 г. было неортодоксальной практикой. Если в Норвегии поколения художниц, начиная с Ханны Рюгген и Элизабет Хаар, использовали этот «женский» материал для того, чтобы выразить свои идеи, касающиеся актуальных социальных процессов, то в России текстильное искусство как *contemporary art* находится в стадии становления. Оказалось, что именно этот вид искусства может создать семантическую основу для диалога между современным художником и местными жителями.

Проект «Утопия 500» состоялся в ноябре 2015 г. как часть фестиваля «Птица Баренц» в Архангельске. Художница работала с темой утопии в связи с 500-летним юбилеем известной книги Томаса Мора, который состоялся в 2016 г. Для выставки было использовано пространство второго этажа Архангельской областной научной библиотеки им. Н. Добролюбова, на котором в доцифровое время располагались ящики с каталогами. В это время библиотека проходила процесс трансформации – из «храма знаний» в динамичный центр коммуникации, открытую площадку для разных типов мероприятий. На выставке «Утопия 500» были представлены крупные текстильные полотна, специально окрашенные художницей, напоминающие флаги, отсылающие к визуальному языку советского и норвежского рабочего движения, а также к утопическому алфавиту и женским художественным практикам (рис. 1). В середине зала размещался стол, где во время выставки художница сидела и создавала из лоскутов шёлка буквы кириллического алфавита.

Помимо выставки, была организована программа лекций и семинаров, на которых художница делилась своими знаниями по истории международного текстильного искусства, а также возможность встретиться с мастерами из Школы ремёсел Владимира Бурчевского, музея

Рис. 1. Художница по текстилю Маргрете Брекке со студентками Колледжа культуры. Проект «Утопия 500». 2015 г. Фотография Е.В. Шаровой

деревянного зодчества «Малые Корелы» и изучить местные практики производства текстиля и коллекции одежды и текстиля, собранные в Архангельской области.

Выставку и программу семинаров посетило более 250 человек. Как для художницы, так и для местных мастеров – Натальи Кузьминой, Анны Беднарчик и др. – эти встречи и диалоги были важны для собственных практик. Как оказалось в ходе работы над проектом, языковые барьеры и медиакартина в Норвегии и в России не затрагивают искусства и культуры, в связи с чем художники в разных странах не знают о существовании альтернативных и менее видимых историй.

Текстиль, не ограниченный рамой, стал полотном, на котором норвежская художница Маргрете Колстад Брекке создавала свою версию современной утопии. На открытие выставки текстиля пришёл советский художник Иван Архипов, который занимался оформлением зданий социального и культурного назначения в советском Архангельске. Архипов родился в небольшой деревне Нижегородской области – региона, где крестьянская культура так же, как и на Севере, предлагает богатейший материал для исследования. Архипов остался работать на Севере после службы на Северном флоте и посвятил свою жизнь искусству. Художник создал графику, живопись, скульптуру и архитектуру, а также множество знаковых объектов в городском пространстве Архангельска, которые известны каждому жителю, – но не все знали, кто является их автором. В 2015–2016 гг. были исследованы архив художника, произведена оцифровка работ и создан

Рис. 2. Маргрете Брекке в гостях у советского художника Ивана Архипова. Подготовка к выставке «Прекрасное далёко». Фотография Е.В. Шаровой

сайт. Создание сайта и исследование были осуществлены с привлечением студентов, и эта работа также стала образовательным процессом *per se*.

Через несколько месяцев исследования состоялась выставка «Прекрасное далёко», на ней были показаны графика Архипова и текстиль норвежской художницы Маргрете Колстад Брекке, размещённые в пространстве таким образом, чтобы между произведениями мог прочитываться диалог. Ключевым мотивом выставки была птица сирин – славянский образ древнегреческих сирен, которая часто использовалась северными художниками для оформления помещений. В квартире Архипова в Соломбале были найдены графика, живопись, эскизы произведений, которыми были украшены здания с общественными функциями (Дворец пионеров, Дом культуры строителей, Дворец спорта и др.). Однако в 1990-е и 2000-е гг. многие его работы были сняты – происходила очередная эпоха иконоклазма (иконоборчество).

В экспозиции выставки, площадку для которой опять предоставила Архангельская областная библиотека, помимо произведений искусства Архипова и Брекке, были размещены архивные предметы, документирующие контекст, в котором произведения создавались. На выставке также, помимо графики, дневниковых записей и текстильных работ, были показаны предметы из квартиры в старинном районе Архангельска Соломбала, где жил художник, принадлежавший к поколению советских мечтателей, которые в конце жизни оказались свидетелями крушения коллективных иллюзий (рис. 2).

Рис. 3. Плакат Арктического форума искусств 2016 г.

Во время выставки важным моментом была программа дискуссий, где местные художники, актёры, режиссёры приняли участие в обсуждении роли публичного искусства в городском пространстве Архангельска и возможностей создания и улучшения инфраструктуры для его производства (рис. 3).

Arctic Art Forum как учебная площадка

За время работы Арктический форум искусств собирал на своих площадках как старших представителей крупных музеев в России и за рубежом, так и молодых художников, дизайнеров и архитекторов региона. Рассматривались такие темы, как устойчивое развитие, культурная дипломатия, обмен знаниями и мирное сосуществование на Севере. Темы Arctic Art Forum задали новые парадигмы: понятие *телесного знания* было раскрыто через примеры практической важности народного, глубинного знания, которое может быть альтернативой там, где академическое знание не является достаточным (2016); *медленная культура* – как альтернатива фаст-еде – отношениям – потреблению (2017); *карты смыслов* – о том, как нарративные пространства, в том числе и в искусстве, работают с идентичностью (2018).

Анализ исследовательской работы, итогом которой являлись форумы 2016, 2017 и 2018 гг., опубликован в издании «Север 2.0. Современная

культура и искусство», а также в каталоге резиденций 2015–2018 гг. В процессе работы над форумами и резиденцией кураторы Арктического института искусств впервые архивировали материалы по современной культуре и искусству Севера России для таких проектов, как «Открытые системы» Музея современного искусства «Гараж» в 2017 г. и Nemoskva Государственного центра современного искусства в 2018–2019 гг.

Первый Арктический форум искусств состоялся в сентябре 2016 г. и являлся проектом сотрудничества между Архангельским региональным отделением Союза художников России и Арктическим институтом искусств. В силу того что инфраструктура современного искусства в регионе находилась в стадии становления, форум стал площадкой для диалога и обмена знаниями между местными художниками, кураторами и продюсерами и их коллегами из других регионов России, а также дальнего и ближнего зарубежья.

Кураторский текст форума 2016 г. отражал процессы поиска новых смыслов и нового художественного языка через призму локально ориентированной эпистемологии. Он прозвучал следующим образом: мы «бросаем вызов пониманию того, что значит “столица”, что такое – “современное”, что такое – “профессиональное”» – и стал определяющим для всех остальных форумов.

«Мы открываем заново уникальный культурный потенциал столицы Русского Севера, который может быть основой для появления новых идей и источником гордости и силы местных жителей. На Севере не было художественных академий, но именно здесь сохранились самые древние свидетельства русской народной культуры, восходящие ко времени новгородской и ростово-суздальской колонизации Севера в XI–XIII вв., а также ненецкой, коми и других культур».

Работа над форумом продолжалась с апреля по сентябрь 2016 г. (включая резиденции художников, подготовку семинаров, предварительные мероприятия, логистику). Визуальная идентичность форума 2016 г. была создана на основе архивных фотографий из коллекции Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) (рис. 4). В 1906 г. художник Николай Шабунин, уроженец мезенской деревни Юрома, имея в своих руках редкость – фотоаппарат, приезжает задокументировать уходящую красоту Севера – его архитектуру, одежду, свадебный обряд, образ жизни поморов. С появлением Интернета, оцифровки архивов редкие фотоматериалы впервые стали доступны большому количеству людей. Несмотря на то что предоставленные Кунсткамерой фотографии – высокого качества и, без сомнения, играют важнейшую роль в самоопределении жителей Севера, они никогда не были использованы ранее при преподавании истории. Обращая внимание на локальную историю,

Рис. 4. Бабушка. I Арктический форум искусств, 2016 г. Фотография Артёма Келарева

кураторы заостряют внимание на смене ментальной парадигмы в производстве искусства и культуры, где ценность местного наследия становится определяющей.

Ключевым моментом в производстве стал диалогизм – художникам предлагалось работать не в одиночку, а в группах. Таким образом были созданы работы «Бабушка» (Ульяна Медведева, Фёдор Медведев, Артём Хазанов), поэтический open air вечер «О Север, Север, чародей», где поэту Роману Осьминкину предлагалось взаимодействие с местными поэтами Иваном Кулидой и Александром Цыгановым (рис. 5). Изначально поэт из Санкт-Петербурга предложил для своего выступления формат мокьюментари (псевдодокументальных фильмов. – Прим. ред.), но после опроса архангельских поэтов выяснилось, что этот формат незнаком и непонятен их сообществу. Поэту предложили придумать название, которое будет понятно местным жителям, чтобы затем провести поэтическое выступление у памятника на мысе Пур-Наволок, напротив входа в Гостинные дворы. «Открытые поэтические чтения» – этот формат был куда более понятен. На Чтения собрались поэты различных поколений, и сама возможность выступления на открытом воздухе, на набережной, была важна для художественного сообщества города, которое изголодалось по новым

Рис. 5. Открытые поэтические чтения. 2016 г. Фотография Александра Игнатенко

форматам и инновационным идеям. Как показал опыт, такой площадки для различных поколений ранее в городе не было.

Таким образом, организация групповых диалогических процессов была вкладом в создание инфраструктуры для развития искусства. Проведённые интервью и опросы показали, что участники форума встретили коллег с похожими интересами именно на форуме. Соответственно, форум является площадкой для встречи и межкультурной коммуникации, а также для выработки нового художественного языка, который может быть востребован и на всероссийском, и на международном уровне.

Заключение

С одной стороны, на Севере происходят процессы реконструкции собственной идентичности после унифицирующего советского культурного эксперимента. С другой стороны, несмотря на сложности, развивается инфраструктура для производства и распространения современного искусства. Восстановление северной культурной экосистемы важно для каждого, кто родился и вырос в данном регионе. При этом очевидно, что северная культура не развивалась в изоляции, но в диалоге – как исторически, так и сегодня. Опыт художественных проектов

на Севере подтверждает, что художники и кураторы заинтересованы во взаимодействии и находят его полезным для собственных практик. Очевидно, что именно культура может быть плодотворной почвой для успешного межрегионального и международного взаимодействия в Арктике.

Список литературы

- Barone, T. and Eisner, E. Arts Based Research. 2018. 208 p.
- McDermott J. Chancellor, Richard // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2004.
- Nelson R. Practice as Research in the Arts. Principles, Protocols, Pedagogies, Resistances. Palgrave Macmillan UK, 2013. XIV, 229 p.
- Лихачёв Д.С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–120.
- Шарова Е. (ред.). Север 2.0. Современная культура и искусство. Архангельск: Арктический институт искусств, 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://drive.google.com/file/d/13ocV5ux3lcj70vSeXN51tAWs3u65CDvm/view> (дата обращения: 30.05.2021).
- Шарова Е. (ред.) Каталог резиденции Арктического института искусств 2015–2018 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://drive.google.com/file/d/1NQXzx2RFM-ozTh9-7JXJZsjMV3iFsUk4/view> (дата обращения: 30.05.2021).
- Шарова Е. Региональное исследование Архангельска и Мурманска [Электронный ресурс] Проект Nemoskva Государственного центра современного искусства, 2018. URL: http://nemoskva.art/regional_research (дата обращения: 30.05.2021).
- Шарова Е. Русский Север: «Телесное знание» // Декоративное искусство 2017. С. 132–133.
- Филатов А. Анатомия Архангельска // Артгид, 5 июня 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <https://artguide.com/posts/1262>
- Ченслор Р. Новое плавание и открытие царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г., предпринятое рыцарем сэром Х. Уиллоуби и выполненное Ричардом Ченслором, старшим кормчим плавания / Пер. Ю.В Готье // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 47–66.

«Полярные чтения» – международная научно-практическая конференция, которая проходит каждый год в преддверии Дня полярника (21 мая). Первые «Полярные чтения» проходили на ледоколе «Красин» в последних числах апреля – накануне Фестиваля ледоколов, в зарождении и организации которого рабочая группа «Полярных чтений» сыграла важнейшую роль.

Тематика «Полярных чтений» каждый год меняется – она направлена на раскрытие наиболее актуальных проблем, связанных с изучением полярных регионов планеты, но всегда содержит значительный историко-культурный исследовательский компонент. Конференция имеет междисциплинарный характер и собирает представителей различных специальностей и заинтересованных слушателей, по итогам её работы выходит сборник докладов и материалов. В рамках работы конференции проходят тематические выставки.

Проведённые конференции:

- Полярные чтения – 2013: «Северная Земля: открытие, исследования, современность. (К 100-летию научного подвига экспедиции Б.А. Вилькицкого)»
- Полярные чтения – 2014: «Ледокольный флот России. История и перспективы развития»
- Полярные чтения – 2015: «Арктика в годы Великой Отечественной войны»
- Полярные чтения – 2016: «Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации»
- Полярные чтения – 2017: «Музеи в Арктике и Арктика в музеях»
- Полярные чтения – 2018: «Технологии и техника в истории освоения Арктики»
- Полярные чтения – 2019: «Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее»
- Полярные чтения – 2020: «История научных исследований в Арктике и Антарктике. К 100-летию Арктического и антарктического научно-исследовательского института и 200-летию открытия Антарктиды»
- Полярные чтения – 2021: «Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии»
- Полярные чтения – 2022: «Международное сотрудничество в Арктике и Антарктике. История и современность»

Полярные чтения – 2021

Художественное освоение Арктики: полярные регионы
в культуре, искусстве и философии

Ответственный редактор П.А. Филин, к. и. н.
Редактор выпуска М.А. Емелина, к. и. н.

Оригинал-макет и печать издательство «Паулсен»
Макет Н.Н. Гриц
Вёрстка Т.Е. Викторова
Корректор Е.Л. Шичкова
Обработка иллюстраций А.Н. Воронюк

Издательство «Паулсен». 107031, Москва, Звонарский пер., 7
Тел. +7 495 624-86-05, www.paulsen.ru

Подписано в печать 04.07.2022. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 250 экз.

ISBN 978-5-98797-332-5

9 785987 973325 >